Саймон Себаг Монтефиоре

Молодой Сталин

[history]

CORPUS

Начало кровавого пути

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семинарист, герой-любовник, террорист, поэт, метеоролог, пират, охотник – и это далеко не все обличья Сталина, еще не ставшего тираном. Всегда ли в нем дремал безжалостный диктатор, способный уничтожить миллионы людей? Почему именно на него пал выбор истории? Каким видели Сталина современники, которые его еще не боялись? Чтобы ответить на эти вопросы, британский историк Саймон Себаг Монтефиоре разыскал уникальные архивные документы и восстановил дооктябрьский период жизни советского вождя, тщательно фиксируя каждый шаг на пути к кремлевскому трону.

Книга “Молодой Сталин” Монтефиоре, увлекательная, взвешенная и во многом неожиданная, вызвала широкий читательский отклик и стала мировым бестеллером. Она добавляет важные черты к портрету, созданному автором в предыдущей биографии – “Сталин. Двор Красного монарха”.

- Саймон Монтефиоре
  -
  - От переводчика
  -
  - Введение
  - Действующие лица
  - Замечания
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть вторая
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15

- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

Часть третья
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32

Часть четвертая
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37

Часть пятая
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43

Эпилог
- Старый тиран вспоминает прошлое

Имена, псевдонимы, подписи и прозвища Сталина

Благодарности

Примечания
- Предуведомление
- Архивы и музеи
- Видео
- Введение
- Пролог. Ограбление банка
- Глава 1. Сосо, чудом спасенный ребенок Кеке
- Глава 2. Безумный Бесо
- Глава 3. Драчуны, борцы и певчие

- Глава 4. Казнь в Гори
- Глава 5. Поэт и духовенство
- Глава 6. “Юноша бледный со взором горящим”
- Глава 7. Битва в общежитии: Сосо против Черного Пятна
- Глава 8. Метеоролог. Партии и князья
- Глава 9. Сталин уходит в подполье. Конспирация
- Глава 10. “Я работаю на Ротшильдов!” Пожар, побоище и арест в Батуме
- Глава 11. Арестант
- Глава 12. Замерзший грузин: сибирская ссылка
- Глава 13. Большевичка-обольстительница
- Глава 14. 1905. Царь горы
- Глава 15. 1905. Бойцы, беспризорники, портнихи
- Глава 16. 1905. Горный орел. Сталин знакомится с Лениным
- Глава 17. “Некто в сером”. Женитьба, резня и поездка в Швецию
- Глава 18. Пират и отец
- Глава 19. Сталин в Лондоне
- Глава 20. Камо сходит с ума. Игра в казаки-разбойники
- Глава 21. Трагедия Като. Каменное сердце Сталина
- Глава 22. Хозяин Черного города. Богачи, рэкет и пиратство
- Глава 23. Тюремные развлечения: гонки вшей, убийства, доведение до безумия
- Глава 24. Береговой Петушок и дворянка
- Глава 25. Молочный: был ли Сталин агентом охранки?
- Глава 26. Две брошенных невесты и беременная крестьянка
- Глава 27. Центральный комитет и школьница Нарядная
- Глава 28. “Не забудьте это имя и будьте очень осторожны!”
- Глава 29. Беглец. Прыжок Камо и последнее ограбление
- Глава 30. Разъезды с загадочной Валентиной
- Глава 31. Вена, 1913. “Чудесный грузин”, австрийский художник и старый император
- Глава 32. Провокатор приглашает на бал
- Глава 33. “Милая, я в отчаянном положении”

        - Глава 34. 1914. Постельный скандал в Арктике
        - Глава 35. Охотник
        - Глава 36. Сибирский Робинзон Крузо
        - Глава 37. Сталин в оленьей упряжке. Сын в Сибири
        - Глава 38. Весна 1917-го: ошибки вождя
        - Глава 39. Лето 1917-го: матросы на улицах
        - Глава 40. Осень 1917-го: Сосо и Надя
        - Глава 41. обратный отсчет
        - Глава 42. Великий Октябрь: неумелое восстание
        - Глава 43. Власть. Сталин выходит из тени
        - Эпилог. Старый тиран вспоминает прошлое
    - Избранная библиография[228]
    - Вкладка
    - Источники иллюстраций
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228

Саймон Монтефиоре
Молодой Сталин

© 2007 by Simon Sebag Montefiore
© Л. Оборин, перевод на русский язык, 2014
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
© ООО “Издательство АСТ”, 2014
Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

От переводчика

Перед переводчиком иностранной книги о российской истории неизбежно встает проблема цитирования: необходимо разыскать оригиналы цитат, переведенных автором на свой язык. С самого начала работы над “Молодым Сталиным” я прилагал к этому усилия. Бóльшая часть цитат была найдена мною в книгах, на которые ссылается автор, и в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Последнее не получилось бы без содействия дирекции и сотрудников этого архива – Андрея Сорокина, Галины Горской, Ирины Селезневой и в особенности Михаила Страхова, замечательного знатока архивных фондов. Всем им я с удовольствием приношу благодарность. Через несколько месяцев после завершения перевода “сталинский фонд” РГАСПИ был целиком, за исключением засекреченных документов, выложен в свободный доступ в интернете[1], что позволило мне еще раз сверить цитаты и заполнить некоторые пропуски.

Несмотря на это, часть оригинальных цитат осталась для меня недоступна. Это, прежде всего, цитаты из текстов, находящихся в грузинских архивах: на работу с некоторыми из них автору было дано личное разрешение тогдашнего президента страны Михаила Саакашвили; получить такое разрешение для российского издания “Молодого Сталина” в условиях отсутствия дипломатических отношений между Россией и Грузией едва ли представлялось бы возможным. Значительная часть текстов из этих архивов, насколько могли судить я и редактор этой книги, написаны по-грузински, и, следовательно, можно переводить эти цитаты, полагаясь на автора. Однако есть тексты, написанные по-русски. Мы восстановили те их фрагменты, которые доступны в русскоязычных работах, но часть прямой речи пришлось перевести в косвенную. Точно так же мы поступали с теми недоступными нам цитатами, в оригинальном языке которых не были уверены. В самых крайних случаях приходилось все же прибегать к “переводу перевода”. Эти случаи немногочисленны, но я хотел бы попросить за них извинения. К сожалению, мне не удалось добраться и до текстов, хранящихся в архивах Парижа и Стэнфордского университета.

Один из ключевых документов, на который ссылается Монтефиоре, – воспоминания матери Сталина, записанные в 1930-х, – недавно, уже после завершения нашей работы, был опубликован в русском переводе Игоря Оболенского[2]. По зрелом размышлении было решено оставить в настоящем издании уже

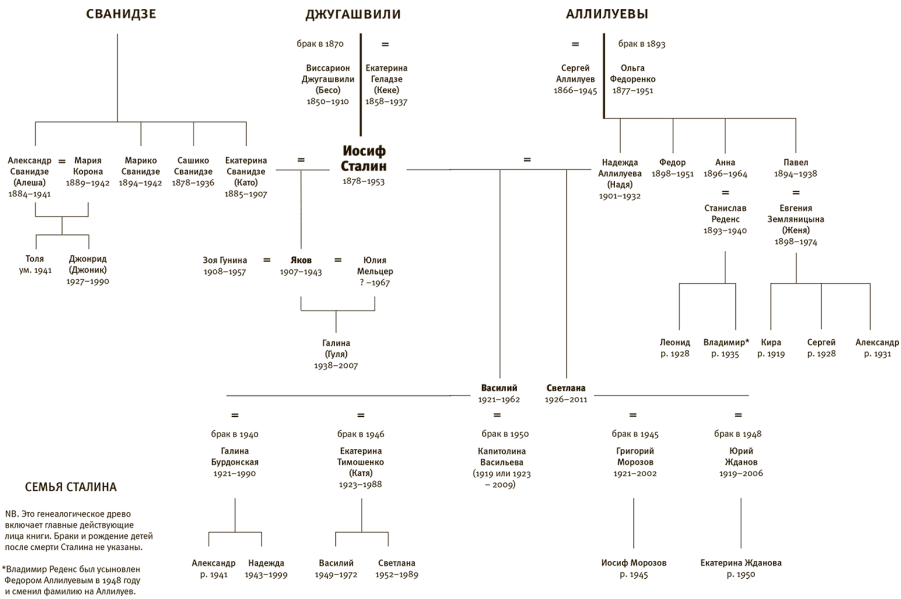
сделанный мной перевод текста Монтефиоре.

При переводе я исправлял мелкие фактологические ошибки автора (например, транскрипцию имен и неверную атрибуцию цитат) – сообщаю об этом на случай, если кто-то из читателей пожелает сличить перевод с оригиналом книги Монтефиоре. Надеюсь, что я сделал все возможное для того, чтобы перевод не потерял по сравнению с оригиналом в достоверности.

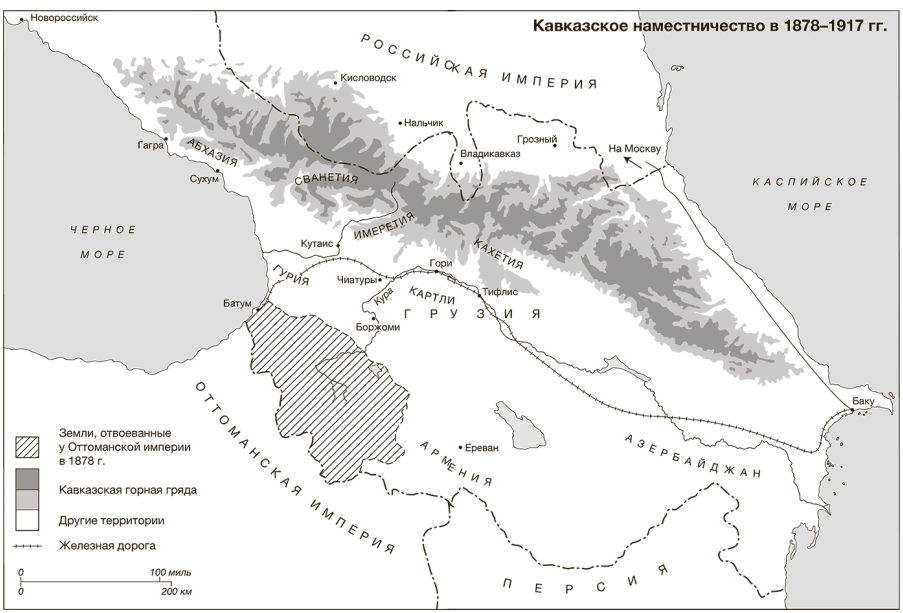
Мне приятно поблагодарить редактора моего перевода – Евгению Лавут. Ее замечания, уточнения, предложения неизменно были точны и доброжелательны. Благодарю также моих друзей и знакомых – историков: Владимира Максакова, снабдившего меня многими книгами, Михаила Мельниченко, который помог мне в непростой процедуре получения доступа к архивам, Игоря Петрова, который прислал мне цитаты из оригинальных воспоминаний Г. Уратадзе.

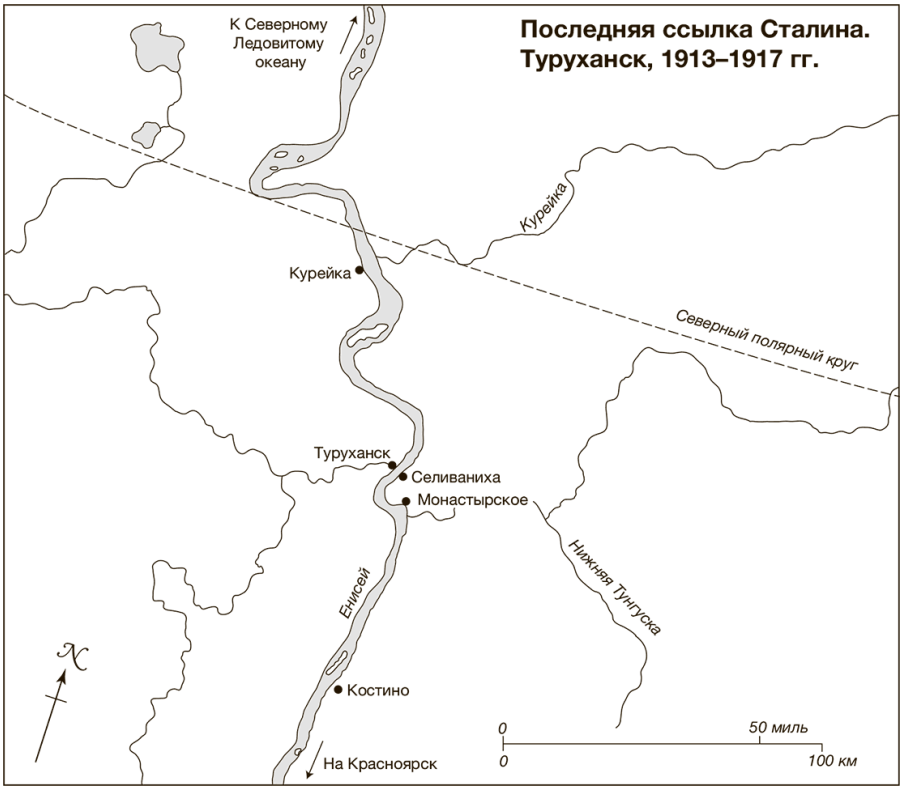
Лев Оборин

Моему дорогому сыну Саше



Российская империя в 1878–1917 гг.
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕГИЯ
(получила независимость в 1905 г.)
ШВЕЦИЯ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ
Лондон
Стокгольм
Таммерфорс
Гельсингфорс
ФРАНЦИЯ
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Берлин
Потсдам
Рига
Санкт-Петербург
(в 1914 — Петроград)
Варшава
Вильнюс
Минск
Вена
Краков
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Львов
ИТАЛИЯ
Вологда
Соль-Вычегодск
Москва
Киев
Курск
Харьков
Одесса
Пермь
Нарым
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Ачинск
Красноярск
Новосибирск
Омск
Новая Уда
Енисей
Курейка
Монастырское
Костино
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Ялта
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Сочи
Нальчик
Владикавказ
Батум
Гори
Тифлис
Баку
ОТТОМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЕГИПЕТ
АРАВИЯ
ПЕРСИЯ
Западная граница Российской Империи до 1914 г.
Железнодорожное путешествие Сталина в марте 1917 г.
0 1,000 миль
0 1,500 км
Гори Санкт-Петербург
Гори Москва


Кавказское наместничество в 1878–1917 гг.
Новороссийск
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Кисловодск
Нальчик
Грозный
Владикавказ
На Москву
Гагра
АБХАЗИЯ
Сухум
СВАНЕТИЯ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кутаис
ИМЕРЕТИЯ
КАХЕТИЯ
Гори
ГУРИЯ
Чиатуры
Тифлис
Батум
Кура
КАРТЛИ
Боржоми
ГРУЗИЯ
Баку
Ереван
АЗЕРБАЙДЖАН
АРМЕНИЯ
ОТТОМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПЕРСИЯ
Земли, отвоеванные у Оттоманской империи в 1878 г.
Кавказская горная гряда
Другие территории
Железная дорога
0 100 миль
0 200 км


Последняя ссылка Сталина.
Туруханск, 1913–1917 гг.
К Северному
Ледовитому
океану
Курейка
Курейка
Северный полярный круг
Туруханск
Селиваниха
Монастырское
Енисей
Нижняя Тунгуска
Костино
На Красноярск
0
50 миль
0
100 км

Введение

“Все молодые люди одинаковы, – говорил Сталин, – зачем писать… о молодом Сталине?” Но это не так: он всегда отличался от других. Его юность была полна драм и приключений, она была необычной. Когда в старости он размышлял о загадках своей молодости, то думал уже по-иному. “Нет и еще не было таких секретов, которые не стали бы впоследствии достоянием всех”, – рассуждал он. Для меня как для историка, который приоткрывает завесу над его подпольной жизнью вплоть до появления в новом советском правительстве в качестве одного из главных сподвижников Ленина, эти слова совершенно верны: многие его секреты теперь могут быть раскрыты.

О молодости Сталина написано не очень много работ (по сравнению с обширной литературой о молодости Гитлера). Дело в том, что раньше историкам было доступно не очень много материалов. Но теперь ситуация изменилась. Огромное количество новых и ценных документов, проливающих свет на детство Сталина, на его карьеру революционера, бандита, поэта, семинариста, мужа и любовника, который бросал своих многочисленных женщин и незаконнорожденных детей, лежит во вновь открытых архивах – особенно в архивах Грузии, которыми историки часто пренебрегают.

В истории сталинской юности много неясного, но она была не менее необычна, чем юность Ленина и Троцкого, и в ней было куда больше бурь и драматизма. Юность подготовила Сталина к триумфам, трагедиям и кровавым расправам, которые влечет за собой неограниченная власть, юность испортила его.

Дореволюционные деяния и злодеяния Сталина куда масштабнее, чем мы полагали до сих пор. Мы впервые можем проследить его участие в ограблениях банков, вымогательствах, шантаже, поджогах, пиратстве, убийствах – в политическом бандитизме, который произвел впечатление на Ленина и привил Сталину навыки, которые окажутся бесценными в советских политических джунглях. Но мы также можем доказать, что он был не просто “крестным отцом” среди бандитов: он был политическим организатором, исполнителем, мастером внедрения в ряды царской охранки. В отличие от Зиновьева, Каменева и Бухарина, чья репутация больших политиков, как ни странно, основана на их поражении и гибели в годы Большого террора, Сталин не боялся рисковать собой. Но Ленин также ценил Сталина как независимого и чуткого политика, энергичного редактора и журналиста, который никогда не боялся

возражать старшим. Своим успехом Сталин был по крайней мере отчасти обязан необычному сочетанию образования (учеба в семинарии) с уличным насилием: он был и “интеллектуалом”, и убийцей. Неудивительно, что в 1917-м Ленин понял: Сталин – идеальный помощник делу его жестокой и окруженной врагами революции.

Эта книга – результат почти десятилетних изысканий о Сталине, проводившихся в двадцати трех городах и девяти странах, в основном в недавно открытых архивах Москвы, Тбилиси и Батуми, но также и в Санкт-Петербурге, Баку, Вологде, Сибири, Берлине, Стокгольме, Лондоне, Париже, Тампере, Хельсинки, Кракове, Вене и Стэнфорде (Калифорния).

Книга “Молодой Сталин” написана так, чтобы ее можно было читать как отдельное целое. Это исследование жизни Сталина до прихода к власти, до его появления в правительстве в октябре 1917-го. Моя предыдущая книга, “Сталин. Двор Красного монарха”[3], описывает жизнь Сталина у власти вплоть до его смерти в марте 1953-го. Обе книги рассказывают не только о человеке и политике, но и о его окружении. Я надеюсь, что вместе они помогут читателю лучше понять самого загадочного и завораживающего титана xx века, показав становление и раннюю зрелость этого огромного политика. Какого опыта сострадания недоставало в воспитании Сталина, из-за чего он так легко убивал и в то же время что так хорошо подготовило его к политической жизни? Было ли на роду написано сыну сапожника в 1878-м, идеалисту-семинаристу в 1898-м, бандиту в 1907-м и всеми забытому сибирскому охотнику в 1914-м стать убийцей миллионов, марксистом-фанатиком в 1930-х и покорителем Берлина в 1945-м?

Две мои книги не претендуют на то, чтобы представить исчерпывающий рассказ обо всех политических, идеологических, экономических, военных, международных и личных аспектах жизни Сталина. Это уже было превосходно исполнено в разное время двумя историками: Робертом Конквестом, отцом-основателем истории сталинизма, в книге “Сталин. Покоритель народов” и – не так давно – Робертом Сервисом в книге “Сталин. Биография”. Не думаю, что я смогу что-то добавить к их обширным трудам.

Я не приношу извинений за то, что мои книги в основном посвящены интимной и тайной, политической и личной жизни Сталина и небольшого круга людей, которые в итоге создали Советский Союз и правили им до 1960-х. Главным предметом нашего исследования (как и основой деяний большевиков)

должна была бы стать идеология, но новые архивные данные показывают, что личные отношения и покровительство маленькому олигархическому кругу были самой сущностью политики при Ленине и Сталине – так же, как ранее при Романовых, и так же, как при сегодняшней "управляемой демократии" в России XXI века.

Долгая юность Сталина всегда и во многих смыслах оставалась загадкой. До 1917 года он любил нагонять таинственности, но, кроме того, как революционер-подпольщик он занимался "черной работой", по природе своей секретной, жестокой и неизбежной – и постыдной.

Когда Сталин пришел к власти, его борьба за место наследника Ленина потребовала наличия "правильной" героической карьеры, которой у него за плечами не было – ведь он был вовлечен, по собственному выражению, в "грязное дело" политики; об этом нельзя было рассказывать – либо слишком много преступлений для великого отца нации, либо слишком много грузинского для российского лидера. Решением стал уродливый, но всеохватный культ личности, в рамках которого одна правда выдумывалась, а другая искажалась и скрывалась. По иронии судьбы, это самовозвеличение было до того фантастическим, что порождало искры, иногда безобидные, из которых потом раздувались колоссальные антисталинские теории заговора. Политическим оппонентам Сталина, а позднее историкам было легко поверить, что выдумано *все* и что Сталин ничего выдающегося не совершал, – особенно потому, что мало кто из историков работал на Кавказе, где по большей части проходило начало сталинской карьеры. Вокруг этих теорий заговора вырос антикульт, столь же ошибочный, как и сам культ.

До сих пор сохраняется главный слух: был ли Сталин двойным агентом царской тайной полиции? Самые известные начальники тайной полиции Сталина, Николай Ежов и Лаврентий Берия, втайне искали подтверждений этому, чтобы обратить их против Сталина, если он станет преследовать их – что он и сделал. Примечательно, что ни один из них со всей следовательской мощью НКВД не сумел отыскать этот "скелет в шкафу".

Но есть тайна и посерьезнее: каждый историк цитировал слова Троцкого о том, что Сталин был провинциальной "посредственностью" и слова Суханова о том, что в 1917-м Сталин был лишь "серым пятном". Большинство историков соглашались с Троцким в том, что Сталин был такой серой посредственностью, что не совершил ничего особенного ни в

1905-м, ни в 1917-м и стал, по словам Роберта Слассера, “человеком, оставшимся вне революции”.

Но если это так, то каким же образом “посредственность” добилась власти, перехитрила таких талантливых политиков, как Ленин, Бухарин и сам Троцкий, руководила программой индустриализации, жестокой войной с крестьянством и чудовищным Большим террором? Как “пятно” превратилось в кровавого, но эффективнейшего мирового лидера, который способствовал созданию СССР и превращению его в индустриальную державу, обыграл Черчилля и Рузвельта, одержал верх в Сталинградской битве и победил Гитлера? Такое впечатление, что дореволюционная посредственность и колосс xx века – это разные люди. Так как же один превратился в другого?

На самом деле это один и тот же человек. И враждебные, и дружественные свидетели ясно дают понять, что Сталин всегда выделялся, даже будучи ребенком. Мы слишком долго доверяли предвзятому до неузнаваемости портрету, нарисованному Троцким. Правда была иной. Взгляд Троцкого больше говорит нам о его собственном тщеславии, снобизме и отсутствии политических навыков, чем о молодом Сталине. Так что первая задача этой книги – обнаружить подлинные свидетельства восхождения Сталина к власти, как можно более свободные как от сталинистского культа, так и от индустрии антисталинских теорий заговора.

Существует традиция биографий, посвященных ранней деятельности выдающихся лидеров. Уинстон Черчилль сам написал о своей юности, существует много работ о начале его карьеры. То же касается многих других исторических титанов, например обоих президентов Рузвельтов. Тема молодости Гитлера превратилась в целую индустрию, хотя ни одна работа не может сравниться с замечательным первым томом Иэна Кершоу “Гитлер. 1889–1936: гордыня”.

Среди тысяч книг о Сталине есть только две серьезные западные работы о его жизни до 1917 года: превосходная политико-психологическая книга Роберта Такера “Сталин. Путь к власти” (1974), написанная задолго до открытия новых архивов, и вышедшая во время холодной войны работа антисталинского, конспирологического толка Эдварда Эллиса Смита “Молодой Сталин” (1967), где утверждается, что Сталин был агентом охранки. Еще больше книг вышло в России – в основном это были журналистские сенсации. Однако есть одна выдающаяся работа – авторитетнейшая, неисчерпаемая “Кто стоял за спиной Сталина?” Александра Островского (2002). Я обязан всем трем книгам.

Очень многое из необъяснимого в советском опыте –

ненависть к крестьянству, секретность и паранойя, кровавая "охота на ведьм" в годы Большого террора, приоритет партии над семьей и самой жизнью, чистки в поисках шпионов, из-за которых внезапное нападение Гитлера в 1941-м оказалось успешным, – было следствием подпольной жизни, конспирации охранки и революционеров, а также кавказских ценностей и сталинского стиля. И не только сталинского.

К 1917-му Сталин уже знал многих людей, которые станут советской элитой и его приближенными в годы абсолютной власти. Жестокость и клановое сознание кавказцев, таких как Сталин, Орджоникидзе и Шаумян, сыграли особую роль в создании СССР – по крайней мере не меньшую, чем роль латышей, поляков, евреев и, возможно, даже русских. Этот круг был ядром "комитетчиков", сердца большевистской партии. Он поддерживал Сталина в борьбе против интеллигентов, евреев, эмигрантов и в частности – против блистательного, заносчивого Троцкого. Такие люди с удовольствием принимали участие в бойне Гражданской войны (а также в ликвидации крестьянства и Большом терроре), потому что они росли на тех же улицах, что Сталин, объединялись в банды, участвовали в борьбе кланов и этнических чистках, впитали одну и ту же культуру насилия. Я стараюсь не прибегать к "психологической истории", которая и затемняла, и упрощала наше понимание Гитлера и Сталина. В моей книге я надеюсь показать, что Сталина сформировало отнюдь не только несчастное детство, точно так же как СССР сформировала отнюдь не только марксистская идеология.

Но становление характера Сталина крайне важно, потому что его власть по своей природе была персональной. Более того, Ленин и Сталин создали идиосинкразическую советскую систему в миниатюре еще до революции – именно таким был их круг беспощадных конспираторов. Трагедию ленинизма-сталинизма в значительной степени можно осмыслить, только если понять, что большевики всегда вели себя как подпольщики – и когда формировали в Кремле правительство величайшей империи мира, и когда плели заговор в задней комнате тифлисского кабака.

Похоже, что сегодняшняя Россия – привыкшая к автократии и имперскому мышлению, не имеющая сильных гражданских институтов, особенно после того, как ее общество было разрушено большевистским террором, – обречена еще какое-то время жить под властью группировок, занимающихся самовозвеличением. Если взглянуть шире, мрачный мир терроризма сегодня становится актуальным как никогда: у террористических организаций, будь то большевики в начале xx

века или последователи джихада в начале xxi века, много общего.

К 1917 году Сталин был знаком с Лениным уже двенадцать лет, а со многими другими – больше двадцати. Перед читателем, таким образом, не просто биография, а хроника среды обитания, предыстория СССР, исследование подземной личинки и безмолвной куколки, из которой предстояло вылупиться бабочке со стальными крыльями1.

Действующие лица

Семья

Виссарион Джугашвили (Бесо) – *сапожник, отец*

Екатерина Джугашвили, ур. Геладзе (Кеке) – *мать*

СТАЛИН, Иосиф Виссарионович Джугашвили, Сосо, Коба

Гори

Яков Эгнаташвили (Коба) – *чемпион Гори по борьбе, купец, возможно, отец Сталина*

Иван Эгнаташвили (Васо) – *сын Якова, всю жизнь оставался другом Сталина*

Александр Эгнаташвили (Саша, Кролик) – *сын Якова, повар-дегустатор Сталина*

Дамиан Давришеви – *полицейский из Гори, возможно, отец Сталина*

Иосиф Давришеви – *сын Дамиана, друг детства Сталина, грабитель банков, позднее – пилот, шпион, мемуарист, живший во Франции*

Иосиф Иремашвили – *друг детства в Гори и однокашник по Тифлисской семинарии, меньшевик, мемуарист*

Отец Христофор Чарквиани – *священник из Гори, защитник и, возможно, отец Сталина*

Котэ Чарквиани – *сын отца Христофора*

Петр Капанадзе (Пета) – *друг детства в Гори, однокашник по Тифлисской семинарии, священник, всю жизнь оставался другом Сталина*

Георгий Елисабедашвили – *друг в Гори, большевик*

Дата Гаситашвили – *подмастерье Бесо*

Учителя

Семен Гогличидзе – *учитель пения, покровитель Сталина в воскресной школе Гори* Князь Давид Абашидзе, отец Дмитрий, Черное Пятно – *священник-педант в Тифлисской семинарии, издевавшийся над Сталиным*

Девушки

Наталья Киртава (Наташа) – *квартирная хозяйка и подруга Сталина в Батуме*

Алваси Талаквадзе – *подшефная и подруга Сталина в Баку*

Людмила Сталь – *большевичка-активистка, подруга Сталина в Баку и Санкт-Петербурге*

Стефания Петровская – *одесская дворянка, ссыльная,*

любовница и невеста Сталина в Сольвычегодске и Баку

Пелагея Онуфриева (Поля), “Нарядная” – *школьница, любовница Сталина в Вологде*

Серафима Хорошенина – *любовница и сожительница в Сольвычегодске*

Мария Кузакова – *квартирная хозяйка и любовница Сталина в Сольвычегодске, мать Константина*

Татьяна Словатинская (Таня) – *замужняя большевичка, любовница Сталина*

Валентина Лобова – *большевичка, возможно, любовница Сталина*

Лидия Перепрыгина – *тринадцатилетняя сирота, совращенная Сталиным в Туруханске, мать двоих детей от него, невеста*

Товарищи, враги и соперники – тифлис и баку

Ладо Кецховели – *сын священника из Гори, большевик, наставник Сталина, его кумир*

Князь Александр Цулукидзе – *богатый аристократ, большевик, наставник Сталина, его кумир*

Миха Цхакая – *основатель Грузинской социал-демократической партии, один из первых большевиков, покровитель Сталина*

Филипп Махарадзе – *большевик, в свое время – соратник Сталина*

Буду Мдивани (Бочка) – *актер, большевик-террорист, соратник Сталина*

Авель Енукидзе – *один из первых большевиков, друг Аллилуевых, Сванидзе и Сталина*

Сильвестр Джибладзе (Сильва) – *бывший семинарист, меньшевистский активист*

Лев Розенблюм (Каменев) – *сын богатого тифлисского инженера, умеренный большевик*

Михаил Калинин (Миша) – *крестьянин, лакей, один из первых большевиков в Тифлисе*

Сурен Спандарян – *сын известного публициста и издателя, большевик, соблазнитель, лучший друг Сталина*

Степан Шаумян – *богатый армянский большевик, союзник и соперник Сталина*

Григорий Орджоникидзе (Серго) – *бедный дворянин, фельдшер, большевик, известный крутым нравом, долгое время – соратник Сталина*

Серго Кавтарадзе – *молодой сподвижник Сталина в западной Грузии, Баку и Санкт-Петербурге*

Жены и их родня

Александр Сванидзе (Алеша) – *семинарист, друг Сталина, один из первых большевиков, впоследствии – шурин Сталина*

Александра Сванидзе (Сашико) – *сестра последнего, подруга Сталина*

Михаил Монаселидзе – *муж Сашико, большевик, соратник Сталина*

Мария Сванидзе (Марико) – *сестра Сашико и Алеши*

Екатерина Джугашвили (Като), ур. Сванидзе – *младшая сестра Сашико, Алеши и Марико, первая жена Сталина, мать Якова*

Яков Джугашвили – *сын Сталина*

Сергей Аллилуев – *слесарь-железнодорожник и электрик, один из первых большевиков, соратник Сталина в Тифлисе, Баку и Санкт-Петербурге*

Ольга Аллилуева – *жена Сергея, подруга молодости Сталина, возможно, его любовница, позже – теща*

Павел Аллилуев – *сын Сергея и Ольги*

Анна Аллилуева – *дочь Сергея и Ольги*

Федор Аллилуев (Федя) – *сын Сергея и Ольги*

Надежда Аллилуева (Надя) – *дочь Сергея и Ольги, вторая жена Сталина*

Бандиты, вдохновители заговоров, посредники

Камо, Симон Тер-Петросян (Сенько) – *друг Сталина, его протеже, впоследствии – грабитель банков и убийца*

Котэ Цинцадзе – *сталинский наемный убийца, бандит из западной Грузии, позднее – организатор ограблений банков*

Леонид Красин – *наставник Ленина по части изготовления бомб, отмывания денег, ограблений банков, контактов с элитой; позднее рассорился с Лениным*

Меер Валлах (Максим Литвинов) – *поставщик оружия большевикам, занимался отмыванием денег*

Андрей Вышинский – *сын богатого одесского фармацевта, вырос в Баку, наемник Сталина, впоследствии меньшевик*

Титан марксизма

Георгий Плеханов – *отец русской социал-демократии*

Большевики

Владимир Ильич Ульянов (Ленин, в ближнем кругу – Ильич) – *лидер российских социал-демократов, основатель большевистской партии*

Надежда Крупская – *его жена и помощница*

Григорий Радомысльский (Зиновьев) – *сын еврейского молочника, помощник Ленина в Кракове, позднее – союзник Каменева*

Роман Малиновский – *грабитель, насильник, агент охранки, лидер большевиков в Государственной думе*

Яков Свердлов – *лидер большевиков, еврей, сосед Сталина в ссылке*

Лев Бронштейн (Троцкий) – *лидер, оратор, писатель, независимый марксист, меньшевик-председатель Петербургского совета в 1905 году, стал большевиком в 1917– м*

Феликс Дзержинский – *польский дворянин, революционер-ветеран, стал большевиком в 1917– м*

Елена Стасова (Абсолют, Зельма) – *дворянка, большевистский деятель*

Климент Ворошилов – *токарь из Луганска, большевик, друг Сталина, его сосед в Стокгольме*

Вячеслав Скрябин (Молотов) – *молодой большевик, вместе со Сталиным основал газету "Правда"*

Меньшевики

Юлий Цедербаум (Лев Мартов) – *друг, а затем заклятый враг Ленина, основатель меньшевистской партии*

Ной Жордания – *основатель грузинской социал-демократии и лидер грузинских меньшевиков*

Николай Чхеидзе (Карло) – *умеренный меньшевик в Батуме и позднее в Санкт-Петербурге*

Исидор Рамишвили – *меньшевик, враг Сталина*

Сеид Девдориани – *семинарский друг Сталина, позднее политический противник и меньшевик*

Ной Рамишвили – *убежденный меньшевик, враг Сталина*

Минадора Торошелидзе – *меньшевичка, подруга Сталина, жена большевика-союзника Малакии Торошелидзе*

Давид Сагирашвили – *грузинский меньшевик, мемуарист*

Григорий Уратадзе – *грузинский меньшевик, мемуарист*

Ражден Арсенидзе – *грузинский меньшевик, мемуарист*

Харитон Шавишвили – *меньшевик, мемуарист*

Замечания

Сталин

Сталин начал пользоваться своим прославленным псевдонимом в 1912-м; он стал его фамилией только после октября 1917-го. Его настоящее имя было Иосиф Виссарионович Джугашвили. Его мать, друзья и товарищи называли его Сосо даже после 1917 года. Он публиковал стихи под псевдонимом Сосело. В дальнейшем он все чаще называл себя Коба, но за годы подполья он переменил много имен.

Для ясности в книге используются имена Сталин и Сосо.

Даты

Даты даны по старому стилю (юлианскому календарю), который на тринадцать дней отставал от нового стиля – григорианского календаря, принятого на Западе. При описании событий на Западе приводятся обе даты. Советское правительство перешло на новый стиль в полночь 31 января 1918 года: следующий день был объявлен 14-м февраля.

Деньги

По курсам начала xx века 10 рублей = £1. Самый простой способ конвертации в сегодняшнюю валюту – умножение на пять, чтобы получить фунты стерлингов, и умножение на десять, чтобы получить доллары США. Работая на заводе Ротшильда в Батуме, молодой Сталин получал 1 рубль 70 копеек в день, или 620 рублей в год ($6000 или £3000 в год в пересчете на сегодняшние деньги). Царь Николай II выплачивал себе ежегодное жалование в 250 000 рублей, а телохранитель царевича Алексея зарабатывал 120 рублей в год ($1200 или £600 в пересчете на сегодняшние деньги). Но эти цифры ничего не значат: они мало что сообщают нам о действительной покупательной способности и ценах. Николай II был, вероятно, богатейшим человеком в мире – и уж точно в России. Но все его личное состояние, включая землю, драгоценности, дворцы, произведения искусства и полезные ископаемые, в 1917 году было оценено в 14 млн рублей – в пересчете на сегодняшние деньги это всего лишь $140 млн или £70 млн, сумма абсурдно малая.

Меры

10 верст = 6,63 мили = 10,67 км
1 пуд = 36 фунтов = 16,38 кг

Пролог
Ограбление банка

Знойным утром в среду, 26 июня 1907 года, в 10:30, посреди толчеи центральной площади Тифлиса блистательный усатый кавалерийский капитан в сапогах и штанах для верховой езды, размахивая большой черкесской саблей, джигитовал на лошади и шутил с двумя хорошенькими, нарядными девушками-грузинками; те вертели пестрыми зонтиками – и каждая держала руку на запрятанном под платьем маузере.

Дерзкие молодые люди в ярких крестьянских блузах и широких моряцких брюках ждали на углах. У них тоже были припасены револьверы и гранаты. В духане “Тилипучури”, стоявшем на площади и пользовавшемся дурной славой, правила бал шайка вооруженных до зубов бандитов – они весело зазывали прохожих выпить вместе с ними. Все эти люди ждали своего часа, чтобы исполнить роль в первом свершении двадцатидевятилетнего Иосифа Джугашвили, который позже под именем Сталина станет известен всему миру1.

Мало кто помимо участников шайки был знаком с планом этого криминально-террористического “спектакля”, но Сталин разрабатывал его несколько месяцев. Единственным, кому был известен весь план целиком, был Владимир Ленин, глава партии большевиков[4]; он скрывался далеко на севере, в Финляндии, на даче в Куоккале. За несколько дней до этого в Берлине, а затем в Лондоне Ленин тайно встретился со Сталиным, чтобы отдать приказ о большом грабеже, хотя социал-демократическая партия только что строго запретила все “экспроприации” (так называли ограбления банков). Но операции Сталина, грабежи и убийства, исполнявшиеся всегда с тщательным вниманием к деталям и в обстановке строжайшей секретности, сделали его “главным финансистом Большевистского центра”2.

События этого дня попадут в заголовки газет всего мира, буквально потрясут Тифлис до основания и впоследствии разделят разобщенных социал-демократов на враждующие лагеря; этот день задаст направление карьере Сталина и едва не уничтожит ее. Этот день – переломный в его жизни.

Двадцать головорезов, составлявших костяк сталинской шайки, известной как дружина, заняли свои позиции на Эриванской площади, в то время как их дозорные прохаживались по нарядному Головинскому проспекту, главной улице Тифлиса, мимо роскошной постройки в итальянском стиле – дворца

наместника. Они ожидали проезда почтового фаэтона и конных казаков. Капитан с черкесской саблей гарцевал на лошади, затем спешился и принялся прогуливаться по фешенебельному бульвару.

На всех углах стояли казаки или городовые: власти подготовились к эксцессам. Еще с января ждали чего-то подобного. Осведомители и агенты царской тайной полиции (охранки) и политической полиции (жандармского корпуса) то и дело доставляли донесения о заговорах подпольщиков, о вражде между шайками революционеров и уголовников. В сырых сумерках подполья бандитизм и терроризм смешались, и отличить обман от правды было трудно. Но “разговоры” о “спектакле” (как выразились бы сегодняшние разведчики) шли уже несколько месяцев.

В это залитое солнцем, жаркое утро восточный колорит Тифлиса (ныне Тбилиси, столица Грузии), казалось, принадлежал совсем иному миру, чем находившаяся в тысяче миль царская столица – Санкт-Петербург. Старинные улицы без водопровода и электричества обвивали склоны Мтацминды, Святой горы, становясь в конце концов настолько крутыми, что по ним трудно было идти; по их сторонам лепились кривые живописные дома с балконами, увитые древним виноградом. Тифлис был большой деревней, где все друг друга знали.

Позади военного штаба, на изящной Фрейлинской улице, в нескольких шагах от площади, жила жена Сталина, красивая молодая грузинка, швея по имени Като Сванидзе, и их новорожденный сын Яков. Это был настоящий брак по любви: несмотря на частые вспышки гнева, Сталин был предан Като, а та восхищалась его революционным рвением и разделяла его. Она с малышом грелась на балконе под солнечными лучами, не догадываясь, какое потрясение готовит ее муж – ей и всему Тифлису.

Этот тесный город был столицей Кавказа, дикого горного царского наместничества между Черным и Каспийским морями, неспокойного места, где жили отчаянные люди, враждовавшие между собой. Головинский проспект по элегантности не уступал парижским улицам. На нем стояли белые неоклассические театры, здание Оперы в мавританском стиле, гостиницы и дворцы грузинских князей и армянских нефтяных баронов; но за военным штабом с Эриванской площади начиналось настоящее азиатское попурри.

Пестро одетые лоточники и лавочники предлагали острую грузинскую фасоль – лобио и горячие хачапури. Водоносы, уличные торговцы, карманники и носильщики занимались своим

ремеслом на армянских и персидских базарах; их узкие проходы больше напоминали левантинский рынок, чем европейский город. Караваны верблюдов и ослов, груженные шелками и пряностями из Персии и Туркестана, фруктами и бурдюками с вином из плодородных грузинских провинций, проходили сквозь ворота Караван-сарая. Молодые официанты и мальчики на посылках прислуживали гостям, зашедшим сюда отдохнуть или перекусить: они носили мешки, распрягали верблюдов – и наблюдали за площадью. Из недавно открытых грузинских архивов нам теперь известно, что Сталин, подобно Феджину из “Оливера Твиста”, привлекал мальчишек из Караван-сарая к делу революции в качестве уличных разведчиков и посыльных. Между тем в одной из похожих на пещеру задних комнат Караван-сарая заправилы шайки наставляли своих стрелков, в последний раз репетируя план. Здесь в это утро был и Сталин.

Хорошенькие девушки-подростки с зонтиками и заряженными револьверами, Пация Голдава и Аннета Сулаквелидзе, “стройные шатенки с черными глазами, светившимися юностью”, довольно развязной походкой прошли по площади и встали у штаба. Там они принялись заигрывать с русскими офицерами, жандармами в строгих голубых мундирах и кривоногими от верховой езды казаками.

Тифлис был – и остается до сих пор – праздным городом неторопливых гуляк, которые часто заходят выпить вина в харчевни на открытом воздухе; если экспрессивные, легковозбудимые грузины и напоминают какую-то другую европейскую нацию, то, это, конечно, итальянцы. Грузины и другие кавказцы в традиционных чохах – длинных бушлатах с карманами для пуль на груди – расхаживали по улицам, громко распевая. Грузинские женщины в черных платках и жены русских офицеров, одетые по европейской моде, гуляли у ворот Пушкинского сада, угощаясь мороженым и шербетом; тут же толпились персы и армяне, чеченцы, абхазы и горские евреи в разнообразнейших костюмах и головных уборах.

Стайки уличных мальчишек, кинто, украдкой высматривали в толпе, кого бы облапошить. Подростки-семинаристы в длинных белых подрясниках под предводительством бородатого учителя в священническом облачении шли из семинарии – белого здания с колоннами через дорогу; там Сталин девять лет назад чуть не стал священником. Этот неславянский, нерусский, лютый кавказский калейдоскоп, в котором смешались Восток и Запад, был тем миром, что вскормил Сталина.

Сверившись с графиком, Аннета и Пация разделились и заняли новые позиции по обе стороны площади. На Дворцовой

улице сомнительные посетители знаменитого духана “Тилипучури” – князья, сводники, наушники и карманники – уже пили грузинское вино и армянский коньяк; рядом возвышался роскошный дворец князя Сумбатова.

В это время Давид Сагирашвили, еще один революционер, знавший Сталина и кое-кого из бандитов, зашел в гости к другу, который владел лавочкой над духаном; у порога его встретил радушный и гостеприимный разбойник Бачуа Куприашвили, который “немедленно предложил мне стул и стакан красного вина, по грузинской традиции”. Давид выпил вино и собирался уходить, но разбойник “с исключительной вежливостью” предложил ему остаться и “отведать еще закусок и вина”. Давид понял, что “они впускали людей в ресторан, но назад не выпускали. У дверей стояли вооруженные люди”.

Заметив, что на бульваре показался конвой, Пация Голдава, стройная темноволосая дозорная, побежала за угол к Пушкинскому саду и замахала газетой ждавшему ее у ворот Степко Инцкирвели.

“Начинаем!” – негромко сказал тот.

Степко кивнул Аннете Сулаквелидзе, которая стояла снаружи у выхода из “Тилипучури”, и она подала знак, предназначенный для сидевших в духане. Вооруженные мужчины у входа подозвали их. “По условному сигналу” Сагирашвили проследил, чтобы заговорщики в духане отставили стаканы, взвели курки пистолетов и высыпали на площадь, распределившись по ней, – худые, чахоточные молодые люди, которые уже несколько недель толком не ели. Иные из них были бандитами, иные – отчаянными сорвиголовами, а иные – обычное в Грузии дело – обнищавшими князьями из провинциальных замков без стен и крыш. Они совершали преступления, но пеклись не о деньгах: они были преданы Ленину, партии и своему тифлисскому кукловоду – Сталину.

“Роли каждого из нас были расписаны заранее”, – вспоминала третья девушка из банды, Александра Дарахвелидзе, подруга Аннеты, всего девятнадцати лет от роду, но уже ветеран нескольких ограблений и перестрелок.

Бандиты взяли на себя полицейских – городовых, которые на уличном жаргоне именовались фараонами. Двое стрелков приметили казаков у здания Городского совета; остальные отправились на угол улицы Вельяминова и Армянского базара; это было уже недалеко от Госбанка. В своих неопубликованных мемуарах Александра Дарахвелидзе пишет, как охраняла один из углов вместе с двумя стрелками.

Тем временем Бачуа Куприашвили, делавший вид, что читает

газету, заметил вдалеке клубы пыли, летящие из-под лошадиных копыт. Они приближались! Бачуа свернул газету, приготовился к броску…

Кавалерийский капитан с блестящей саблей, прогуливавшийся по площади, велел прохожим отойти подальше, но, когда его никто не послушался, вскочил на свою породистую лошадь. Он был не офицером, а образцовым грузинским *beau sabreur*[5] вне закона – полурыцарем, полубандитом. Это был Камо, двадцатипятилетний руководитель дружины и, по словам Сталина, мастер перевоплощений, который мог выдать себя за кого угодно – хоть за князя, хоть за деревенскую прачку.

Он держался чопорно, полуослепший левый глаз косил и закатывался; за несколько недель до того у него в руках взорвалась одна из его собственных бомб, и он все еще не оправился от этой травмы.

Камо был “словно околдован” Сталиным, который приобщил его к марксизму. Они выросли вместе в диком городе Гори в семидесяти двух километрах от Тифлиса. Камо был изобретательным и дерзким грабителем, настоящим Гудини по части побегов из тюрем, легковерным простаком – и в то же время полубезумцем, подверженным психопатическим приступам жестокости. Неестественно спокойный, с пугающим “матовым лицом” и пустым взглядом, он хотел служить своему господину и часто умолял Сталина: “Давай я его зарежу!” С безрассудной отвагой он совершал самые чудовищные, леденящие душу поступки: однажды он засунул руку в рассеченную грудь своего противника и вырезал у него сердце.

Всю жизнь Сталина его особый магнетизм будет притягивать и покорять аморальных безудержных психопатов. Его подельник с детства Камо и эти бандиты были первыми в длинной цепи. За Сталиным шли “бескорыстные молодые люди”, которыми он “пользовался как орудием, как машиной”3. Камо часто приходил домой к Сталину. Там же он одолжил саблю отца Като, заявив, что собирается изобразить казачьего офицера4. Даже Ленин, щепетильный юрист, воспитанный как дворянин, был заворожен смельчаком Камо, которого называл “кавказским бандитом”. “Камо, – говорил Сталин в старости, – был по-настоящему удивительным человеком”5.

“Капитан” Камо повернул лошадь к бульвару и смело пустил ее в рысь мимо конвоя, приближавшегося к площади с другой стороны. Он хвастливо говорил, что, когда начнется стрельба, “все будет окончено в три минуты”.

Казаки галопом въехали на Эриванскую площадь: двое в начале процессии, двое в конце и еще один сбоку от двух

фаэтонов. Сквозь пыль бандиты видели, что в карете сидят двое мужчин в сюртуках – кассир Государственного банка Курдюмов и счетовод Головня – и двое солдат со взведенными ружьями, а второй фаэтон занимали полицейские и солдаты. Всего лишь за несколько секунд грохочущая процессия пересекла площадь и уже сворачивала на улицу Сололаки, где стояло новое здание Госбанка: статуи львов и античных богов на его фасаде символизировали процветание русского капитализма[6].

Бачуа опустил газету, подав тем самым знак, потом отбросил ее и потянулся за оружием. Бандиты вынули “яблочки” – так они называли мощные гранаты, которые Аннета и Александра провезли в Тифлис в большом диване.

Стрелки и девушки выступили вперед, выдернули чеки и метнули четыре гранаты, которые разорвались под фаэтонами с оглушительным грохотом; взрывная сила распотрошила лошадей и разорвала людей на куски, забрызгав булыжник внутренностями и кровью. Бандиты достали маузеры и браунинги и открыли огонь по казакам и охранявшим площадь полицейским; те, застигнутые врасплох, падали раненые или бежали, чтобы укрыться. Взорвалось больше десяти бомб. Свидетелям казалось, что бомбы падали отовсюду, даже с крыш; позднее говорили, что Сталин бросил первую бомбу с крыши особняка князя Сумбатова.

Банковские кареты остановились. Кричащие прохожие пытались спрятаться за ними. Некоторые подумали, что началось землетрясение; не падает ли на город Святая гора? Грузинская газета “Исари” писала: “Никто не мог понять, откуда эти страшные разрывы: палят пушки или взрываются бомбы? Эти звуки навели на всех панику, по всему городу люди бежали без оглядки. Кареты и повозки уносились в разные стороны…” С крыш падали трубы; стекла во всех зданиях вплоть до дворца наместника были разбиты.

Като Сванидзе стояла на балконе с сыном на руках, в окружении домочадцев, “когда вдруг мы услышали разрывы бомб, – вспоминала ее сестра Сашико. – Мы в ужасе бросились в дом”. А снаружи, среди желтого дыма, хаоса, лошадиных тел и человеческих конечностей, у бандитов что-то пошло не так.

Одна из лошадей, везших первый фаэтон, зашевелилась и ожила. Когда бандиты подбежали, чтобы выгрузить из фаэтона мешки с деньгами, лошадь вырвалась из неразберихи и помчалась к Солдатскому базару, увозя с собой деньги, которые Сталин пообещал Ленину для дела революции6.

Весь последующий век о роли Сталина в событиях того дня

догадывались, но доказательств этому не было. Теперь же из московских и тбилисских архивов известно, как он спланировал всю операцию и много месяцев готовил своих тайных агентов, работавших в банке. В неопубликованных воспоминаниях его свояченицы Сашико Сванидзе, хранящихся в грузинских архивах, говорится, что Сталин открыто признавался в своем руководстве операцией[7]. Спустя век после ограбления наконец стало возможным раскрыть правду.

Сталин находил удовольствие в “грязном деле политики”, конспирационной драме революции. Уже став диктатором Советской России, он порой загадочно, даже ностальгически вспоминал те игры в “казаков и разбойников”, но никогда не выдавал никаких подробностей, которые могли бы подорвать его авторитет властителя7.

Сталин в 1907 году был невысокий, крепкий и очень скрытный человек со множеством прозвищ. Он был одет обычно в красную атласную рубаху, серое пальто и “фирменную” черную шляпу. Иногда он надевал традиционную грузинскую чоху; еще он любил носить белый кавказский башлык, эффектно перекинутый через плечо. Он всегда был в движении, часто в бегах, иногда для маскировки облачался в какую-нибудь униформу или уходил от облавы, переодеваясь в женское платье.

Он нравился женщинам, нередко напевал грузинские мелодии и декламировал стихи, был обаятелен и наделен чувством юмора, но при этом удивительно угрюм: странный грузин, по-северному холодный. Его горящие глаза становились медовыми, когда он был настроен дружелюбно, и желтели, когда он злился. Он еще не остановился окончательно на усах и короткой стрижке, которые носил в годы славы; иногда он отпускал бороду и длинные волосы с остатком юношеской рыжины, постепенно темнеющие. Веснушчатый, осповатый, ходил быстро, но прихрамывал, левая рука у него частично отнялась – последствие детских травм и болезней.

Неутомимый в деле, он фонтанировал идеями и изобретениями. Вдохновляемый жаждой к учебе и стремлением учить других, он лихорадочно проглатывал романы и сочинения по истории, но его любовь к литературе всегда заслоняло другое чувство: стремление командовать и повелевать, уничтожать врагов и мстить за неуважение. Терпеливый, спокойный и скромный, он мог быть и тщеславным, нахальным, обидчивым; дурной нрав в нем всегда грозил вырваться наружу.

Он принадлежал грузинской культуре чести и верности, был суровым реалистом, саркастичным циником и безжалостным убийцей *par excellence*: именно он создал большевистскую

дружину грабежей и расправ, которую контролировал издали, как мафиозный дон. Он возвел в обычай крестьянскую грубость, которая отталкивала товарищей, но помогала скрывать его тонкие дарования от снобов-соперников.

Счастливо женатый на Като, он избрал бессердечное бродячее существование, которое, как он полагал, освобождало его от обычной морали или ответственности, от самой любви. Но, в то время как он писал о чужой мегаломании, он не догадывался, сколь велика его собственная жажда власти. Он наслаждался своей скрытностью. Когда он стучал в двери друзей и те спрашивали, кто там, он отвечал с показной важностью: “Некто в сером”.

Он был одним из первых профессиональных революционеров, и подполье было его естественной средой обитания, в которой он двигался с неуловимой кошачьей грацией – и коварством. Прирожденный экстремист и конспиратор, “некто в сером” был истинно верующим, “марксистом-фанатиком с юности”. Жестокие ритуалы сталинской тайной планеты кавказских заговорщиков позднее дадут о себе знать в идиосинкразической культуре управления Советского Союза[8].

“Сталин начал эпоху ограблений”, – писал один из его коллег – зачинщиков грабежей, друг и земляк Иосиф Давришеви[9]. Раньше мы считали, что Сталин организовывал операции, но никогда не участвовал в них лично. Возможно, в тот день в 1907 году так оно и было, но теперь мы знаем, что Сталин, обыкновенно вооруженный маузером, принимал непосредственное участие в других ограблениях[10].

Он всегда выискивал сто́ящую добычу и знал, что самые удачные ограбления банков подготавливаются изнутри. В тот раз у него было двое “инсайдеров”. Сначала он долго приручал полезного банковского служащего. Затем наткнулся на школьного друга, который, оказалось, работал в банковской почтовой службе. Сталин обрабатывал его несколько месяцев, и тот наконец обмолвился намеком, что 13 июля 1907 года в Тифлис прибудет огромная сумма денег – возможно, миллион рублей.

Этот главный “инсайдер” позже признавался, что помог осуществить это колоссальное ограбление только потому, что был поклонником романтической поэзии Сталина. Только в Грузии Сталин-поэт мог проложить дорогу Сталину-террористу[11].

Сбежавшая лошадь мчалась по площади, увозя с собой фаэтон и лежащую в нем добычу. Кое-кто из бандитов запаниковал, но трое стрелков с поразительной скоростью побежали вслед. Бачуа Куприашвили сохранил спокойствие и двинулся прямо на

лошадь. Он подбежал на небезопасное расстояние, но все-таки бросил лошади под живот еще одно “яблочко”. Взрывом у лошади выдрало кишки и оторвало ноги. Бачуа подбросило в воздух и швырнуло на мостовую.

Фаэтон опрокинулся. Бачуа выбыл из строя, но Датико Чибриашвили вскочил на карету и вытащил мешки с деньгами. Схватив мешки, он стал пробираться сквозь дым к улице Вельяминова. Но шайка рассеялась. Датико не убежал бы далеко с таким тяжелым грузом; деньги нужно было отдать – но кому?

Дым расступился – открывшаяся картина напоминала поле небольшого сражения. Все еще раздавались крики и выстрелы, а по мостовой, усеянной частями тел, текла кровь. Казаки и солдаты понемногу выглядывали из укрытий и тянулись к оружию. “Все товарищи, – писал Куприашвили, – действовали на совесть, за исключением троих: у этих сдали нервы, и они убежали”. Но Датико вдруг оказался совсем один. Он мешкал, не зная, что делать. Успех операции висел на волоске.

Действительно ли Сталин бросил первую бомбу с крыши особняка князя Сумбатова? Еще один источник, Петр Павленко, один из ручных писателей диктатора, утверждал, что Сталин сам принимал участие в налете на карету и был ранен осколком бомбы. Но это кажется маловероятным12. Сталин обычно держался в стороне от остальных – из соображений безопасности и потому, что он всегда полагал себя особенным13.

В 1920-х, согласно грузинским источникам, пьяный Камо уверял, что Сталин не принимал в ограблении активного участия, а был наблюдателем; это согласуется с другим, не слишком надежным источником, связанным с полицией, который указывал, что Сталин “смотрел на безжалостную бойню с сигаретой во рту, стоя во дворе усадьбы” на Головинском проспекте. Возможно, “усадьба” действительно была князя Сумбатова14. В молочных[8], духанах, сапожных мастерских, парикмахерских и галантерейных лавках было полно осведомителей охранки. Скорее всего, Сталин, мастер заговоров, блестяще умевший внезапно появиться и исчезнуть, уже был вдали от места событий, когда началась стрельба. Наиболее осведомленный источник сообщает, что он находился на железнодорожной станции15.

Здесь он легко мог поддерживать связь со своей сетью грузчиков и уличных мальчишек на Эриванской площади. Если бы эти ловкачи принесли ему дурные вести, он сел бы на поезд и исчез.

Когда казалось, что ограбление вот-вот сорвется, “капитан”

Камо выехал на площадь в собственном фаэтоне: одной рукой он держал вожжи, другой – палил из маузера. В бешенстве от того, что план провалился, ругаясь во весь голос, “как настоящий капитан”, он нарезал круги по площади, тем самым возвращая ее себе. Потом он галопом подъехал к Датико, нагнулся и с помощью одной из девушек сгрузил мешки с деньгами в свой фаэтон. Резко развернув карету, он поскакал назад по бульвару мимо дворца наместника, который гудел как улей: туда стекались войска, казаки седлали коней, раздавались просьбы о подкреплении.

Камо заметил, что в противоположную сторону несется полицейская карета. В ней сидел А. Г. Балабанский, заместитель начальника полиции. “Деньги в безопасности! Скорее на площадь!” – закричал Камо. Балабанский пустился на площадь. Только на другой день он понял свою ошибку. Тогда он покончил с собой.

Камо отправился прямиком на 2-ю Гончарную улицу и въехал во двор столярной мастерской позади дома пожилой женщины по имени Варвара Бочоридзе (Бабе). Здесь Сталин провел много вечеров в гостях у ее сына Михо. Здесь и планировалось ограбление. Этот адрес отлично знала местная полиция, но бандиты подкупили по крайней мере одного жандармского офицера, капитана Зубова, – впоследствии его обвинили во взяточничестве и даже в укрывательстве награбленного. Смертельно уставший Камо отнес в дом деньги, скинул военную форму и вылил на разгоряченную голову ведро воды.

Слух о сталинском “спектакле” разнесся по всему миру. В Лондоне заголовок “Дейли миррор” гласил: “Град бомб: революционеры сеют хаос и разрушение посреди толпы народа” – “Сегодня одна за другой были брошены около десяти бомб на заполненной людьми площади в центре города. Бомбы разорвались с ужасающей силой, многие убиты…” “Таймс” написала просто: “Тифлисская бомбардировка”; парижская “Тан” была еще лаконичнее: “Катастрофа!”

Тифлис был в смятении. Обычно добродушный наместник на Кавказе, граф Воронцов-Дашков, произносил тирады о “дерзости террористов”. “Городские власти и армия мобилизованы, – писала “Исари”. – Полиция и добровольцы прочесывают город. Многие арестованы”. Санкт-Петербург пришел в ярость. Службам безопасности было велено разыскать деньги и грабителей. Расследование возглавил специально отряженный сыщик с командой помощников. Дороги были перекрыты, Эриванская площадь оцеплена, казаки и жандармы отлавливали обычных

подозреваемых. Все осведомители, все двойные агенты были мобилизованы на розыск информации и аккуратно приносили самые разные версии, ни одна из которых не имела отношения к настоящим виновникам.

В фаэтоне осталось 20 000 рублей. Выживший возница, решивший, что ему повезло, прикарманил еще 9500 рублей, но потом его с ними арестовали; о банде Сталина и Камо он ничего не знал. Какая-то лепетавшая вздор женщина заявила, что была среди грабителей, но выяснилось, что она помешанная.

Никто не знал, сколько действовало преступников: свидетелям казалось, что бандитов, бросавших бомбы с крыш, если не со Святой горы, было до пятидесяти. Никто не видел, как Камо забрал банкноты. По всей России агенты охранки слышали рассказы о том, что ограбление устроило само государство, или польские социалисты, или ростовские анархисты, или армянские дашнаки, или эсеры.

Ни одного бандита не поймали. Даже Куприашвили пришел в себя как раз вовремя, чтобы удрать. Во время всеобщей паники преступники разбежались во все стороны и скрылись в толпе. Один из них, Элисо Ломинадзе, прикрывавший угол вместе с Александрой, пробрался на съезд учителей, украл учительскую униформу и затем как ни в чем ни бывало вернулся на площадь, чтобы полюбоваться своей работой. “Все мы остались живы”, – говорила Александра Дарахвелидзе, надиктовывая свои воспоминания в 1959 году; к тому времени она была последней здравствующей участницей злополучной банды.

На площади лежало пятьдесят раненых. Рядом с ними – растерзанные трупы троих казаков, сотрудников банка и случайных прохожих. Официальные газеты занижали число жертв, но из архивов охранки можно узнать, что погибло около сорока человек. В ближайших магазинах были устроены пункты первой помощи пострадавшим. Двадцать четыре тяжелораненых были отвезены в больницу. Через час прохожие наблюдали ужасающую похоронную процессию: по Головинскому проспекту ехала карета, нагруженная мертвыми и частями их тел, будто потрохами со скотобойни16.

Государственный банк сам не мог понять, лишился он 250 000, или 341 000 рублей, или какой-то суммы между этими двумя, но в любом случае сумма была впечатляющая – около 1 700 000 фунтов стерлингов, или 3 400 000 долларов, в пересчете на сегодняшние деньги, хотя покупательная способность у них была гораздо выше.

Бочоридзе и его жена Маро, еще одна грабительница, зашили

деньги в матрас. Стройная девушка с маузером Пация Голдава позвала носильщиков, возможно кого-то из уличных мальчишек Сталина, и следила за перевозкой денег в другой надежный дом за рекой Курой. Матрац положили на кушетку директора Тифлисской физической обсерватории, где Сталин жил и работал после семинарии. Это была последняя работа Сталина перед тем, как он с головой погрузился в подполье, последняя официальная должность до того, как он вошел в ленинское правительство в октябре 1917-го. Позже директор обсерватории признался, что не знал, на каком богатстве спит.

Сам Сталин, по утверждениям многих источников, помог перевезти деньги в обсерваторию. Звучит как легенда, но вполне правдоподобная: похоже, Сталин часто перевозил украденные деньги – верхом по горам, в полном вооружении, с трофеями налетов и ограблений в переметных сумах.

Как это ни удивительно, тем вечером Сталин отправился домой к Като и похвастался перед семьей своим подвигом: у ребят все получилось[17]. Хвастаться было чем. Деньги были спрятаны в матрасе метеоролога, вскоре их отправят Ленину. Никто не подозревал ни Сталина, ни даже Камо. Добыча будет переброшена через границу, кое-что удастся даже отмыть через “Лионский кредит”. Полиция нескольких стран будет в течение месяцев безуспешно преследовать деньги и преступников.

Рассказывали, что первые два дня после ограбления Сталин, которого не подозревали в причастности к преступлению, чувствовал себя в безопасности и беззаботно пил в харчевнях на набережной. Но это продолжалось недолго. Внезапно он сказал жене, что они должны немедленно уехать и начать новую жизнь в Баку, нефтяном городе на другом конце Кавказа.

“Только дьявол знает, как этот грабеж неслыханной дерзости был совершен”, – писала тифлисская газета “Новое время”. Сталин спланировал идеальное преступление.

И все же тифлисское ограбление оказалось далеким от идеального. Оно стало почти пирровой победой. После него Сталин никогда уже не жил в Тифлисе и вообще в Грузии. Судьба Камо обернулась безумно нелепой трагедией. Погоня за деньгами, часть которых, как выяснилось, была в меченых купюрах, далась нелегко, но это был далеко не конец. Успех ограбления для Сталина стал почти что катастрофой. Мировая известность, которую получило преступление, оказалась мощным оружием против Ленина – и против самого Сталина.

Бандиты переругались из-за добычи. Ленин и его соратники сражались за эти деньги, как крысы в клетке. Враги Ленина в

последующие три года инициировали три партийных расследования, надеясь погубить его. Сталин, персона нон грата в Грузии, запятнанный бесцеремонным небрежением партийными правилами и кровавой бойней в Тифлисе, был исключен из партии Тифлисским комитетом. Такое пятно на репутации могло бы уничтожить все шансы Сталина стать преемником Ленина, помешать ему стать главой России и первосвященником марксизма. Это так беспокоило Сталина, что в 1918-м он даже начал невероятное дело о клевете, чтобы помешать огласке этой истории[9]. Его карьера “крестного отца”, дерзкого грабителя банков, убийцы, пирата и поджигателя – хотя о ней шептались в России и с удовольствием говорили на Западе – оставалась тайной до начала xxi века.

С другой стороны, тифлисский “спектакль” стал той точкой, с которой начался Сталин. Он показал себя не только как одаренный политик, но и как безжалостный человек действия – показал покровителю, чье мнение действительно имело значение. Ленин решил, что Сталин – “именно тот человек, который мне нужен”.

Через два дня Сталин с женой и ребенком покинул Тифлис. Но это было далеко не последнее его ограбление. Сталину предстояло покорять новые миры: Баку, главный нефтяной город в мире; Санкт-Петербург; всю необъятную Россию. Сталин, сын Грузии, выросший на диких, контролируемых кланами улицах неспокойного города, европейской столицы ограблений, теперь впервые ступил на русскую сцену. Он ни разу не оглянулся назад.

Но впереди его ждала личная трагедия, которая превратила этого самовлюбленного убийцу в политика высшего класса; ни один трофей, ни одно испытание, никакая цена человеческих жизней не будут для него непомерными в борьбе за осуществление своих личных амбиций и воплощение утопических мечтаний18.

Часть первая

Утро

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.

Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:

“Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебою, друзья,
Прославьте Родину свою!”[10]

Сосело (Иосиф Сталин)

Глава 1
Сосо, чудом спасенный ребенок Кеке

17 мая 1874 года пригожий молодой сапожник, образчик грузинского рыцаря, Виссарион Джугашвили, Бесо, двадцати двух лет, обвенчался с семнадцатилетней Екатериной Геладзе, Кеке, красивой веснушчатой девушкой с каштановыми волосами. Венчание прошло в Успенском соборе маленького грузинского городка Гори1.

К Кеке в дом пришла сваха, чтобы рассказать о предложении сапожника Бесо: он был уважаемым ремесленником из мастерской Барамова, хорошая пара. “Бесо, – пишет Кеке в недавно найденных воспоминаниях[11], – считался среди моих подруг очень популярным молодым человеком, все они мечтали выйти за него замуж. Мои подруги чуть не лопнули от зависти. Бесо был завидным женихом, настоящим карачохели [грузинским рыцарем], с красивыми усами, прекрасно одетый – и с манерами горожанина”. Кеке не сомневалась в том, что и она была подходящей парой Бесо: “Я выделялась среди подруг, была желанной и красивой девушкой”. “Стройная, с каштановыми волосами, большеглазая” – о ней говорили, что она “очень красива”.

Свадьба, согласно обычаям, состоялась сразу после заката; грузинская общественная жизнь, как пишет один историк, “подчиняется ритуалу не менее строгому, чем ритуал китайского придворного”. Бракосочетание отмечалось со всем подобающим дикому городку Гори буйством. “Это было что-то великолепное”, – вспоминает Кеке. Гости-мужчины были настоящими карачохели, “веселыми, дерзкими и щедрыми”, в прекрасных черных чохах “с широкими плечами и узкими талиями”. Главным из двоих друзей жениха был Яков Эгнаташвили (Коба), дюжий борец, богатый купец и местный герой; по словам Кеке, он “всегда старался помогать нам в создании нашей семьи”.

Жених и его друзья собрались на пирушку в доме Бесо, а затем торжественно прошествовали по улицам, чтобы забрать Кеке и ее семью. Затем разряженная чета отправилась в церковь в разукрашенном свадебном фаэтоне. Звенели колокольчики, развевались ленты. На хорах церкви собрались певчие; внизу среди мерцающих свечей раздельно стояли мужчины и женщины. Раздались одухотворенные, гармоничные грузинские песнопения под аккомпанемент зурны – национального духового инструмента

наподобие берберской флейты.

Вошла невеста в сопровождении подружек, которые следили, чтобы не наступить на шлейф платья – это считалось дурной приметой. Протоиерей Хаханов, армянин, руководил венчанием, священник Касрадзе сделал запись о бракосочетании, а отец Христофор Чарквиани, друг семьи, так хорошо пел, что Яков Эгнаташвили "великодушно подарил ему десять рублей", сумму немалую. А затем друзья Бесо во главе праздничной процессии с песнями, танцами и игрой на дудуках двинулись на супру – грузинский пир, душа которого – тамада, одновременно балагур и мудрец.

Служба и пение шли на грузинском языке – не на русском, потому что Грузия только недавно стала частью империи Романовых. На протяжении тысячи лет царство Сакартвело, где правила династия Багратионов, было независимым христианским оплотом рыцарской доблести и противостояло Монгольской империи, империи Тимуридов, Оттоманской и Персидской империям. Своего расцвета царство достигло в xii веке при царице Тамаре, чье имя обессмертил национальный эпос "Витязь в тигровой шкуре" Руставели. Впоследствии царство распалось на враждующие княжества. В 1801 и 1810 годах русские цари Павел I и Александр I подчинили эти княжества Российской империи. Русские завершили завоевание Кавказа, победив имама Шамиля и его воинов-чеченцев, только в 1859 году после трицатилетней войны, а Аджария, последняя часть Грузии, была присоединена лишь в 1878-м. Даже грузины-аристократы, служившие при дворе в Петербурге или при наместнике в Тифлисе, мечтали о независимости. Оттого Кеке так и гордилась, что в их семье соблюдались грузинские традиции мужества и брака.

Бесо, писала Кеке, "*казался* хорошим семьянином… Он верил в Бога и всегда ходил в церковь". Родители и невесты, и жениха были крепостными местных князей, которым в 1860-х подарил волю царь – освободитель Александр II. Дед Бесо Заза был осетином[12] и происходил из деревни Гери к северу от Гори2. Заза, как и его правнук Сталин, был грузинским мятежником: в 1804-м он присоединился к восстанию князя Элизбара Эристави против России. Впоследствии он и другие "крещеные осетины" поселились в селении Диди-Лило в четырнадцати километрах от Тифлиса. Он был крепостным князя Бадура Мачабели. Сын Зазы Вано ухаживал за княжескими виноградниками и имел двоих сыновей: Георгия, которого убили бандиты, и Бесо, который поступил работать на тифлисскую обувную фабрику Г. Г. Адельханова, но оттуда его переманил армянин Иосиф Барамов, чье предприятие изготовляло обувь для гарнизона российской

армии в Гориз. Там молодой Бесо обратил внимание на Кеке, которая “одевалась чисто и была обаятельной девушкой. Волосы у нее были каштановые, глаза красивые”.

Кеке тоже жила в Гори недавно. Она была дочерью Глахи Геладзе, крепостного крестьянина местного вельможи, князя Амилахвари. Ее отец работал горшечником неподалеку, затем стал садовником у богатого армянина Захария Гамбарова, который владел прекрасными садами в Гамбареули, на окраине Гори. Отец Кеке умер молодым, и ее вырастила семья матери. Она помнит, как была рада переезду в неспокойный Гори: “Какое это было счастливое путешествие! Гори был украшен к празднику, людская толпа волновалась, как море. Нас ослепил военный парад. Трубила музыка. Играл сазандари [квартет из ударных и духовых инструментов] и сладостный дудук, все пели”4.

Ее молодой муж был худым и смуглым мужчиной с черными бровями и усами, всегда в черной, туго подпоясанной черкесской бурке, остроконечной шапке и мешковатых штанах, заправленных в голенища сапог. “Необычный, интересный, угрюмый”, но одновременно “умный и гордый”, Бесо говорил на четырех языках (грузинском, русском, турецком и армянском) и наизусть цитировал “Витязя в тигровой шкуре”5.

Семья Джугашвили процветала. Многие семьи в Гори могли позволить себе лишь дома из глины или землянки. Но жена труженика Бесо могла не бояться такой нищеты. “Наше семейное счастье, – рассказывала Кеке, – не знало границ”.

Бесо “ушел от Барамова и открыл собственную мастерскую” – здесь его поддержали друзья, особенно его покровитель Эгнаташвили, который купил для него станки. Кеке вскоре забеременела. “Многие семейные пары позавидовали бы нашему счастью”. Действительно, ее брак с видным женихом Бесо вызвал у некоторых зависть: “Злые языки не унимались даже после свадьбы”. Интересно, что Кеке делает особый акцент на этих слухах: возможно, за Бесо хотел выйти замуж кто-то еще. О том, увела ли его Кеке от другой невесты, злые языки, впоследствии ссылавшиеся на друга жениха Эгнаташвили, священника Чарквиани, полицейского из Гори Дамиана Давришеви и многих знаменитостей и аристократов, начали судачить сразу после торжества.

Через девять месяцев после свадьбы, 14 февраля 1875 года, “к нашему счастью добавилось рождение сына. Яков Эгнаташвили очень нам помогал”. Эгнаташвили был крестным отцом, а “Бесо устроил пышные крестины. Он был вне себя от счастья”. Но через два месяца мальчик, которого назвали Михаилом, умер. “Наше

счастье обернулось бедой. Бесо с горя начал пить". Кеке снова забеременела. Второй сын, Георгий, родился 24 декабря 1876 года. Эгнаташвили вновь стал крестным отцом – и вновь не на счастье. Ребенок умер от кори 19 июня 1877 года.

"Наше счастье рухнуло". Бесо не помнил себя от горя и винил "икону в Гери", святыню из его родной деревни. Супруги молились этой иконе о выздоровлении ребенка. Мать Кеке Мелания стала ходить к гадалкам. Бесо продолжал пить. Тогда в дом принесли икону святого Георгия. Кеке и Бесо взошли на гору Гориджвари, возвышающуюся над городом, чтобы помолиться в церкви, стоящей за средневековой крепостью. Кеке забеременела в третий раз и поклялась, что, если ребенок выживет, она отправится в паломничество в Гери, чтобы возблагодарить Господа за чудо святого Георгия. 6 декабря 1878 года она родила третьего сына[13]6.

"Мы торопились с крещением, чтобы он не умер некрещеным". Кеке ухаживала за младенцем в убогом одноэтажном домике, где было всего две комнаты, а из обстановки почти ничего, кроме самовара, кровати, дивана, стола и керосиновой лампы. Едва ли не все вещи семьи умещались в маленьком сундуке. Винтовая лестница вела в подвал с тремя нишами: одна для инструментов Бесо, другая для швейных принадлежностей Кеке и третья для очага. Там Кеке качала колыбель. Семья питалась обычной грузинской пищей: фасолью лобио, баклажанами бадриджани и толстым лавашом. Лишь изредка они ели мцвади – грузинский шашлык.

17 декабря мальчика, которого потом узнают под именем Сталина, окрестили Иосифом, уменьшительно – Сосо. Сосо был "слабым, хрупким, худеньким", вспоминала его мать. "Если где-то ходила зараза, он первым ее подцеплял". Второй и третий пальцы на левой ноге у него были сросшиеся.

Бесо решил не просить покровителя семьи Якова Эгнаташвили стать ребенку крестным отцом. "У Якова несчастливая рука", – сказал Бесо. Но, несмотря на то что купец не принимал участия в церковной церемонии, Сталин и его мать всегда называли его "крестный Яков".

Мать Кеке напомнила Бесо, что они поклялись совершить паломничество в герийскую церковь, если ребенок выживет. "Пусть он только выживет, – ответил Бесо, – и я поползу в Гери на коленях, а ребенка посажу на плечи!" Но он откладывал паломничество, пока ребенок не подхватил очередную простуду; после этого отец стал истово молиться. Они отправились в Гери, "в дороге перенесли много трудностей, пожертвовали овцу и заказали благодарственный молебен". Но герийские священники

совершали обряд изгнания бесов: они держали маленькую девочку над обрывом, чтобы из нее вышли злые духи. Ребенок Кеке “был перепуган и начал кричать”; они вернулись в Гори, где мальчик “трясся и кричал даже во сне”. Но он выжил и стал бесценным сокровищем для своей матери.

“У Кеке не хватало молока”, так что ее сына кормили еще и жены Цихитатришвили (формального крестного отца) и Эгнаташвили. “В первое время Сосо отказывался от груди моей матери, – рассказывает Александр Цихитатришвили. – Но после, в результате того что ему прикрывали глаза и так давали грудь, он привык”. Благодаря молоку Эгнаташвили ее дети стали “молочными братьями Сосо”, говорит Галина Джугашвили, внучка Сталина.

Сосо рано научился говорить. Он любил цветы и музыку, особенно ему нравилось слушать игру на дудуках братьев Кеке – Георгия и Сандала. Грузины любят петь, и Сталин никогда не уставал от привязчивых грузинских мелодий[14]. Позже он вспоминал, как “грузинские мужчины пели, идя на рынок”7.

Небольшое предприятие Бесо процветало – он нанял подмастерьев и десятерых наемных работников. Один из подмастерьев, Дато Гаситашвили, любивший Сосо и помогавший его воспитывать, вспоминал о богатстве Бесо: “Он жил лучше, чем любой из нашей профессии. У них в доме всегда было масло”. Позже о процветании семьи Сталина ходили слухи, которые, конечно, не подобали для реноме героя пролетариата. “Ходил слух, что отец его вовсе не рабочий, – писал Хрущев. – [Он] имел сапожную мастерскую, в которой работало десять или больше человек. По тому времени это считалось предприятием”. В это счастливое время Кеке подружилась с Марией и Аршаком Тер-Петросянами, богатым армейским поставщиком, чей сын Симон станет знаменитым грабителем банков Камо8.

Кеке обожала своего сына: “Сейчас, уже старухой, я вижу перед глазами его первые шаги, ярко, как огонь свечи”. Она и ее мать учили мальчика ходить, пользуясь тем, что он любил цветы: Кеке держала в руке ромашку, а Сосо бежал, чтобы схватить ее. Когда она взяла Сосо с собой на свадьбу, он заметил цветок в фате невесты и ухватился за него. Кеке отчитала сына, но его крестный Эгнаташвили нежно “поцеловал мальчика и приласкал его, сказав: “Если ты уже сейчас хочешь украсть невесту, Бог знает, что ты будешь творить, когда подрастешь”.

То, что Сосо остался жив, казалось благодарной матери чудом. “Как мы были счастливы, как мы смеялись!” – вспоминает Кеке. Ее благоговение перед сыном должно было вселить в мальчика чувство исключительности: суждение Фрейда о том, что

обожание матери воспитывает в ребенке победителя, без сомнения, справедливо. Сосело, как она ласково его называла, вырос чрезвычайно восприимчивым, но и с малых лет демонстрировал властную самоуверенность.

Дела Бесо шли в гору, но тут-то и притаилась опасность. Его клиенты часто расплачивались с ним вином, которого в Грузии было столько, что многие рабочие вместо денег получали зарплату спиртным. Кроме того, Бесо вел дела в углу духана своего приятеля и потому часто соблазнялся выпивкой. У Бесо появился друг-собутыльник, русский политический ссыльный по прозвищу Пока. Возможно, он был народником или же радикалом, связанным с “Народной волей” – организацией террористов, которые в то время постоянно совершали покушения на императора Александра II. Итак, в детстве Сталин водил компанию с русским революционером. “Мой сын с ним подружился, – рассказывает Кеке, – и Пока принес ему канарейку”. Но этот Пока был безнадежным алкоголиком, жившим в нищете. Однажды зимой его нашли в снегу мертвым.

Бесо понял, что “не может перестать пить. Хороший семьянин просто пропал”, пишет Кеке. Пьянство стало угрожать его работе: “У него стали трястись руки, и он уже не мог шить сапоги. Только подмастерья удерживали мастерскую на плаву”.

Смерть Поки ничему не научила Бесо, и он завел нового закадычного друга-собутыльника – священника Чарквиани. В провинциальной Грузии священники фактически были властью, но эти служители Бога не чуждались мирских радостей. Окончив службу, святые отцы отправлялись в горийские кабаки, где напивались вином до бесчувствия. После вечерней службы Чарквиани заходил за Бесо, и друзья шли в духан, вспоминал Сталин в старости.[15] Возвращались они совершенно пьяные, держась друг за друга, обнимаясь и нескладно распевая песни.

– Ты отличный парень, Бесо, хоть и сапожник! – затягивал священник.

– А ты священник, но какой священник! Я тебя люблю! – хрипел Бесо. Пьяницы обнимались. Кеке умоляла отца Чарквиани не водить Бесо в кабак. Вместе со своей матерью она просила Бесо остановиться. Просил и Эгнаташвили, но это не помогало – быть может, из-за слухов, которые уже ползли по городу9.

Возможно, это были те самые злые языки, о которых говорила Кеке, когда вспоминала свою свадьбу: Иосиф Давришеви, сын полицейского из Гори, в своих мемуарах утверждает, что “о том, кто отец ребенка, судачили в округе: говорили, что настоящим отцом был Коба Эгнаташвили… или мой отец Дамиан Давришеви”. Тем хуже было для Бесо, которого Давришеви

называет “невероятно ревнивым коротышкой”. Он уже становился алкоголиком[10].

В 1883 году Бесо стал “раздражителен и нерадив”. Он ввязывался в пьяные драки и заслужил прозвище Безумный Бесо.

Поиски “настоящего отца” обычно начинаются, когда сын становится могущественным и знаменитым. После того как Сталин стал советским диктатором, в отцы ему записывали прославленного исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского, который был похож на взрослого Сталина и однажды проезжал через Гори, и даже будущего самодержца Александра III, который посещал Тифлис и якобы жил там во дворце, где Кеке служила горничной. Но Пржевальский был гомосексуалистом и его не было в Грузии, когда был зачат Сталин, а Кеке не было в Тифлисе, когда там останавливался царевич.

Кто же был настоящим отцом Сталина, если не принимать во внимание абсурдные версии? Действительно, Эгнаташвили покровительствовал семье, утешал жену и помогал сыну. Он был женат, имел детей, жил на широкую ногу, владел несколькими прибыльными кабаками и был процветающим виноделом в стране, которая просто купалась в вине. К тому же этот рослый атлет с напомаженными усами был борцом-чемпионом – в городе, где борцов носили на руках. Как мы уже заметили, Кеке сама написала: Эгнаташвили “всегда старался помогать нам в создании нашей семьи”. Фраза неудачная, но, возможно, знаменательная. Вряд ли слова Кеке следует воспринимать буквально – или же она хотела что-то нам сообщить?

Другой кандидат в отцы – полицейский Давришеви, который помогал Кеке, когда та жаловалась на пьянство мужа. “Насколько мне известно, Сосо был родным сыном Давришеви, – свидетельствовал друг Давришеви – городской голова Журули. – Все в Гори знали о его связи с красивой матерью Сосо”.

Сам Сталин однажды обмолвился, что его отцом на самом деле был священник; таким образом, мы получаем третьего кандидата – отца Чарквиани. Все трое – Эгнаташвили, Давришеви и Чарквиани – были женаты, но в маскулинной грузинской культуре наличие любовниц было вполне естественным (как и у братьев-итальянцев). Священники в Гори славились распутством. Все трое были видными мужчинами и с удовольствием помогали в беде красивой соседке[11].

Образ благочестивой старухи в черном монашеском платке (какой Кеке стала в 1930-е) трудно связать с образом веселой молодой женщины (такой она была в 1880-х). Ее набожность не

подвергается сомнению, но религиозное послушание никогда не исключало плотского греха. Кеке явно гордилась тем, что была "желанной и красивой девушкой", и есть свидетельства, что она была куда искушеннее в любви, чем казалась. Уже в пожилом возрасте она будто бы советовала Нине Берии, жене сталинского наместника на Кавказе Лаврентия, заводить любовников и пускалась в весьма откровенные разговоры о сексе: "Я в молодости вела хозяйство в одном доме и, познакомившись с красивым парнем, не упустила своего". Берии – недоброжелательные свидетели, но намеки на любовь к шалостям есть и в мемуарах самой Кеке. Она вспоминает, как однажды в саду ее мать сумела приманить Сосо цветком – тогда Кеке мигом вынула груди и показала их малышу, который забыл о цветке и побежал к матери. Но оказалось, что пьяный русский ссыльный Пока следит за ними – он не смог сдержать смеха, и Кеке тут же "застегнула платье"12.

Сталин в своей обычной туманной и неправдивой манере поддерживал эти слухи. Когда в последние годы он беседовал со своим грузинским протеже Мгеладзе, у того "создалось впечатление, что… Сталин является незаконнорожденным сыном Якова Эгнаташвили"; Сталин якобы отрицал, что Бесо – его отец. На приеме в 1934-м он сказал: "Мой отец был священником". Но в отсутствие Бесо все три возможных отца помогали в воспитании Сосо: он жил у Чарквиани, его защищали Давришеви, а половину своего времени он проводил у Эгнаташвили. Разумеется, он чувствовал к ним сыновнюю любовь. В пользу кандидатуры священника говорит еще и то, что в духовное училище принимали только детей духовенства, так что, по словам его матери, Сталина выдали за сына священника13.

К Безумному Бесо Сталин относился двойственно: он презирал его, но порой испытывал гордость за отца и жалость к нему. У них случались и счастливые минуты. Бесо рассказывал Сосо истории о грузинских героях-грабителях, которые боролись против богатых, грабили князей и отдавали добычу бедным. На кремлевских попойках диктатор Сталин хвастался перед Хрущевым и другими приближенными, что унаследовал отцовскую тягу к спиртному. Когда маленький Сталин еще лежал в колыбели, Бесо обмакивал пальцы в вино и давал ему пососать; Сталин проделывал то же самое со своими детьми, что приводило в ярость его жену Надежду. Позднее он с чувством писал о некоем безымянном сапожнике, владельце маленькой мастерской, чье дело погубил жестокий капитализм. "Здесь-то впервые и подрезываются крылья… мечтам нашего сапожника", – писал Сталин. Однажды он хвалился: "Мой отец шил по две пары…

сапог в день”. Уже будучи диктатором, он любил называть и себя сапожником. Впоследствии он использовал в качестве псевдонима фамилию Бесошвили – “сын Бесо”, а ближайшие друзья в Гори называли его Бесо[14].

Скорее всего, Сталин действительно был сыном Бесо, пусть тот в пьяном виде и называл сына ублюдком. От замужней женщины всегда ожидали добропорядочности, но, если бы красивая и молодая Кеке, без пяти минут вдова, и вправду стала любовницей Эгнаташвили, когда ее брак распался, в этом едва ли было бы что-то возмутительное. В ее мемуарах Эгнаташвили появляется так же часто, как и муж, а вспоминает она его с куда большей теплотой. Кеке указывает, что он был до того добр и отзывчив, что это даже вызывало “неловкость”. Некоторые члены семьи Эгнаташвили заявляют о своей “генетической” связи со Сталиным. Впрочем, лучше всех об этом сказал внук Эгнаташвили Гурам Ратишвили: “Мы попросту не знаем, был ли он отцом Сталина, но мы точно знаем, что купец заменил мальчику отца”[15].

Слухи о незаконнорожденности, как и об осетинском происхождении, способствовали дискредитации тирана Сталина, которого ненавидели в Грузии, после того как он в 1920-х подчинил ее и подверг репрессиям. Выдающихся людей скромного происхождения часто считают сыновьями кого-то другого. Но на самом деле они порой оказываются детьми своих законных отцов.

“В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца”, – свидетельствовал школьный друг Сталина Давид Папиташвили. По словам Александра Цихитатришвили, “по мере того как он рос, Сосо все больше стал походить на своего отца… Однажды ему приделали усы из кукурузных волос, и Сосо стал так похож на Бесо, что все удивились”[16].

Ко времени, когда Сосо исполнилось пять лет, Безумный Бесо был алкоголиком, одержимым паранойей и склонным к насилию. “С каждым днем положение ухудшалось”, – рассказывает Кеке.

Глава 2
Безумный Бесо

Сосо настрадался от своего отца. Он боялся вечно пьяного Бесо. “Мой Сосо был очень чувствительным мальчиком, – пишет Кеке. – Только заслышав, как его отец на улице поет: “Балаам-балаам”, он бежал ко мне и просился посидеть у соседей, пока отец не заснет”.

Безумный Бесо теперь столько тратил на выпивку, что ему пришлось продать свой пояс, а, по словам Сталина, “для грузина пропить пояс – это самое последнее дело”1. Чем сильнее Кеке презирала Бесо, тем больше баловала Сосо: “Я всегда тепло укутывала его шерстяным шарфом. Он тоже очень любил меня. Когда он видел своего пьяного отца, его глаза наполнялись слезами, губы голубели, он жался ко мне и просил спрятать”.

Бесо вел себя жестоко по отношению и к Кеке, и к Сосо. Для грузина сын – это гордость, но, возможно, если злые языки все же говорили правду, Сосо стал для Бесо напоминанием о позорнейшем мужском унижении. Однажды Бесо с такой силой швырнул сына об пол, что ребенок несколько дней мочился кровью. “Незаслуженные избиения мальчишки сделали его таким же жестоким и бессердечным, как его отец”, – писал в своих мемуарах одноклассник Сталина Иосиф Иремашвили. Именно из-за отца в Сталине “выработалась глубокая неприязнь” к людям. Молодой Давришеви вспоминает, что Кеке “окружила его [Сосо] материнской любовью и от всех защищала”, а Бесо обращался с ним “как с собакой, избивая ни за что”.

Когда Сосо прятался, Бесо искал его по дому, крича: “Где маленький выродок Кеке? Прячется под кроватью?” Кеке давала мужу сдачи. Однажды Сосо прибежал в дом Давришеви, его лицо было залито кровью, он кричал: “Помогите! Идите быстрее, он убивает мою мать!” Полицейский помчался к Джугашвили и увидел, что Бесо душит Кеке.

Психике четырехлетнего ребенка это наносило тяжкий урон. Его мать вспоминала, что Сосо крепко обижался на отца. Он научился жестокости дома: однажды, чтобы защитить Кеке, он метнул в Бесо нож. Сосо вырос драчливым и свирепым – контролировать его было так тяжело, что самой Кеке, обожавшей свое сокровище, приходилось поднимать на него руку.

“Мать, ставшая главой семьи, кулаком смирявшая мужа, теперь воспитывает сына одна”, – говорила грузинская еврейка, подруга семьи. “Она поколачивала его”, – пишет дочь Сталина

Светлана. Когда Сталин в 1930-е в последний раз приехал к Кеке, он спросил, почему она его так сильно била. “Потому ты и вышел такой хороший”, – ответила она. Это сомнительное утверждение. Психиатры считают, что насилие всегда вредит детям и уж точно не учит их любви и состраданию. Многие дети, которых мучили отцы-алкоголики, впоследствии копировали их поведение и били собственных жен и детей, но далеко не все становились кровавыми тиранами[16]. Кроме того, эта культура жестокости была далеко не единственной в воспитании Сталина.

Сам он верил в искупительный эффект и практическое использование насилия. Когда царские казаки стегали демонстрантов нагайками, он писал: “…нагайка оказывает нам большую услугу”. Позднее он был убежден, что насилие – это и священная коса Истории, и полезный инструмент в управлении, и советовал своим подручным “бить, бить и еще раз бить” подозреваемых. В то же время он признавался, что в детстве много плакал.

Семья лишилась дома, в котором родился Сталин; Джугашвили стали скитальцами. За следующие десять лет они сменили по меньшей мере девять домов, убогих съемных комнат – не слишком счастливая обстановка для ребенка2. Кеке с сыном отправилась жить к одному из ее братьев, но Бесо пообещал исправиться и вернул жену. Однако он “так и не смог перестать пить”, поэтому Кеке переехала к священнику, отцу Чарквиани.

Кеке видела, как изменился маленький Сосо: “Он стал очень замкнут, часто сидел один и больше не бегал играть с другими детьми. Он сказал, что хочет научиться читать. Я хотела отправить его в школу, но Бесо был против”. Он хотел, чтобы Сталин научился сапожничать. В 1884 году Бесо начал учить его своему ремеслу, но тут Сосо тяжело заболел.

В тот год в Гори свирепствовала оспа. Кеке слышала, как “в каждом доме рыдали”. Ее главный помощник Яков Эгнаташвили “потерял троих из своих чудесных детей в один день. Несчастный отец едва не сошел с ума от горя”. Двое сыновей и дочь Эгнаташвили выжили. Смерть детей – еще одно событие, которое сближала Кеке с “крестным Яковом”. Она ухаживала за заболевшим Сосо. На третий день у него начался бред и лихорадка. Молодой Сталин унаследовал от матери веснушки и каштановые волосы; теперь он был на всю жизнь отмечен оспинами, испещрившими его лицо и руки. Одним из его псевдонимов – и прозвищем, под которым его знала охранка, – было имя Чопур (Рябой). Но он выжил. Мать ликовала, но ее подстерегало новое несчастье. От нее ушел Бесо.

“Смотри за ребенком”, – сказал он, не предложив никакой помощи, чтобы кормить семью. По словам Сталина, Бесо потребовал, чтобы Кеке брала на дом стирку и отсылала деньги *ему*. “Сколько ночей я провела в слезах! – вспоминает Кеке. – Я не смела плакать при ребенке, потому что это его очень расстраивало”. Сосо “обнимал меня, со страхом смотрел мне в лицо и говорил: “Мамочка, не плачь, а то я тоже буду плакать”. И я брала себя в руки, смеялась и целовала его. Тогда он снова просил дать ему книгу”.

Теперь, оставшись одна с ребенком, без мужниной поддержки, Кеке твердо решила отдать Сосо в школу – ни в семье Бесо, ни в семье Кеке раньше никто школу не посещал. “Я всегда мечтала, чтобы он стал епископом, потому что, когда из Тифлиса приезжал епископ, я в восхищении не могла оторвать от него глаз”. Когда Бесо вновь появился в ее жизни, он наложил на этот план запрет: “Сосо пойдет в школу только через мой труп!” Они подрались; “только плач моего ребенка заставил нас уняться”.

Превратившись в алкоголика, Бесо стал патологически ревнив, но слухи о неверности и коварстве его жены, которая ниспровергла его Богом данную власть, власть грузинского мужчины, и тем самым ополчила против него горожан, очевидно, ускорили его окончательное падение. О бедственном положении Кеке было хорошо известно: Эгнаташвили, отец Чарквиани и начальник полиции Давришеви помогали ей. Даже Дато, добрый подмастерье из мастерской Бесо, во время Второй мировой войны напомнил Сталину, что обнимал и защищал его. Од нажды на улице какой-то русский обозвал щуплого Сосо саранчой. Дато ударил его и был арестован. Но судья только посмеялся, а Эгнаташвили, покровитель семьи, “заплатил за ужин, который устроили для того русского”.

Жизнь Кеке рушилась. Предприятие прогорало, и даже Дато покинул их, чтобы открыть собственную сапожную мастерскую[17]. В 1938 году Сталин вспоминал, что, когда ему было десять лет, его отец лишился всего. Бесо проклинал свою злую судьбу, но в конце концов его крах пошел на пользу будущему вождю – ведь он стал пролетарием! Впрочем, десятилетний Сосо был этому вовсе не рад.

Давришеви нанял Кеке помогать по хозяйству. Она стала прачкой у Эгнаташвили и все время была у них дома, где Сосо часто обедал. Из воспоминаний Кеке понятно, что Эгнаташвили любил Сосо, как и его жена Мариам, которая дарила им корзины с едой. Если у Кеке раньше и не было романа с Эгнаташвили, теперь он точно начался. “Наша семья выжила только благодаря его помощи, – пишет Кеке. – Он всегда помогал нам, а у него

была своя семья… и, честно говоря, я чувствовала себя неловко”.

Священник поддержал ее план дать Сосо образование, и она попросила чету Чарквиани, чтобы их сыновья-подростки обучали Сосо русскому вместе с младшими детьми. Она чувствовала, что ее сын – одаренный мальчик. Старшие братья обучали свою сестру, и та не могла отвечать на их вопросы – а маленький Сталин мог. В пожилом возрасте он с гордостью рассказывал, что выучился читать и писать быстрее остальных детей: в конце концов уже он стал учить подростков. “Все это держалось в тайне, – говорит сын священника Чарквиани, Котэ, – потому что дядя Бесо с каждым днем становился все злее и угрожал нам: “Не сметь портить моего сына, не то я вам!” Он за ухо тащил Сосо в мастерскую, но, как только уходил, Сосо возвращался к нам, мы закрывали дверь и учились”. Давришеви тоже позволили Сталину учиться вместе с их сыном.

Кеке была так очаровательна, а Бесо настолько ужасен, что все хотели ей помочь. Теперь ей нужно было каким-то образом определить Сосо в отличное городское духовное училище, чтобы он стал епископом. Она сделала несколько попыток. Но училище принимало только детей духовенства. Чарквиани решил проблему, заявив, что отец Сталина был дьяконом, но ни в каких документах это не отражено. Не шепнул ли он кому-то из училищного начальства, что он сам или другой грешный священнослужитель был настоящим отцом мальчика? Не этот ли обман заставил Сталина впоследствии заявить, что его отец был священником?

Сосо сдал экзамены – знание чина богослужения, чтение, арифметику и русский язык – и так отличился, что его зачислили сразу во второй класс. “Я была бесконечно счастлива”, – пишет Кеке. Но Бесо, который уже не мог работать, пришел в ярость3.

Безумный Бесо разбил окна в духане Эгнаташвили. Когда Кеке пожаловалась Давришеви, Бесо напал на полицейского на улице, ударив его сапожным шилом. Занятно, что городской голова Журули счел это доказательством того, что полицейский был отцом Сосо. Но Давришеви не арестовал Безумного Бесо. По словам сына Давришеви, рану тот получил незначительную, и у него были некие личные отношения с “очень красивой” Кеке: “он всегда принимал особое участие в Сосо”. Давришеви всего лишь приказал Бесо убраться из Гори, и тот отправился в Тифлис и поступил на обувную фабрику Адельханова, где когда-то начинал работать. Иногда Бесо скучал по сыну и посылал Кеке деньги, прося позволения вернуться. Кеке несколько раз уступала, но из этого ничего не выходило.

Отец Сталина потерял уважение, на которое имел право как

мужчина, не говоря уже о чести карачохели. В грузинском обществе, строившемся на понятиях чести и позора, это было равносильно смерти. Теперь он, по словам Кеке, был “полумужчиной”, и это довело его до крайности. На какое-то время он исчез, но на самом деле всегда находился где-то неподалеку4.

Кеке нашла хорошую работу в ателье сестер Кулиджановых, которые открыли в Гори дамский магазин. Здесь Кеке проработала семнадцать лет. Теперь, когда у нее появились свои деньги, она постаралась “сделать так, чтобы сердце моего сына не знало горести, – я давала ему все необходимое”.

Она растила его грузинским рыцарем – к этому идеалу он стремился, чтобы быть рыцарем рабочего класса. “Мужественный человек должен остаться всегда мужественным”, – писал он своей уже старой матери. Он считал, что больше похож на Кеке, чем на Бесо. Он “любил… свою мать, – вспоминала его дочь Светлана. – Он рассказывал иногда, как она колотила его, когда он был маленьким”. “Я нежно любила отца – и он меня. Как он сам утверждал, я была очень похожа на его мать, и это его трогало”. Но Кеке постепенно теряла влияние на него.

“Сталин не любил свою мать”, – уверяет сын Берии. Другие, в основном грузины, божатся, что он называл ее шлюхой. Но враги Сталина часто рассказывали о нем истории, выставлявшие его чудовищем. По предположениям психиатров, его смущало то, что в Кеке были слиты образы девы и блудницы, – возможно, поэтому он будет впоследствии относиться к сексуальным женщинам с подозрением.

Приводили ли его в ужас плотские желания Кеке? Возможно, он не любил мужчин, которые встали на ее защиту? Впоследствии он стал склонен к пуританству, но с возрастом это происходит со многими. Мы достоверно знаем только то, что он был воспитан в строгой, лицемерной и маскулинной культуре, но его взгляды на половую мораль в бытность молодым революционером были довольно мягкими, почти либеральными.

Сосо был “предан только одному человеку – своей матери”, – утверждает Иремашвили, который хорошо знал обоих и вовсе не был доброжелателен к Сталину. Скорее всего, они начали отдаляться друг от друга из-за ее саркастической манеры говорить правду в лицо – по словам сына Берии, “она не стеснялась выражать свое собственное мнение по любому вопросу”, – и из-за ее тяги контролировать жизнь сына. Ее любовь, как и любовь самого Сталина к собственным детям и друзьям, могла подавлять, была тяжелой. Мать и сын были сильно схожи – здесь и лежал корень проблемы.

Но по-своему он ценил ее неотступную любовь. Во время Второй мировой войны он добродушно смеялся, вспоминая, как нянчилась с ним Кеке. Он рассказывал маршалу Жукову, что она его “почти до шестилетнего возраста не отпускала от себя”5.

В конце 1888 года, когда Сосо было десять лет, он с триумфом поступил в Горийское духовное училище[18], располагавшееся в красивом двухэтажном кирпичном здании возле нового вокзала. Как ни бедна была Кеке, она не могла потерпеть, чтобы ее сын выглядел нищим среди ухоженных детей священников. “Я… увидел, что среди учеников стоит незнакомый мне мальчик, одетый в длинный, доходящий до колен архалук [кавказский кафтан], в новых сапогах с высокими голенищами. Он был туго подпоясан широким кожаным поясом. На голове у него была черная суконная фуражка с лакированным козырьком, который блестел на солнце”, – вспоминал Вано Кецховели, вскоре ставший другом Сталина. “Маленького роста, худощавый, на нем узкие брюки в сапогах, рубашка, сзади в складках собранная, на шее шарф… сшитая из материи сумка” – так описывал Сталина другой однокашник. Вано был поражен: такой одежды не было ни у кого “ни в нашем, ни в каком-либо другом училище. <…> Учащиеся окружили его” в восхищении. Мальчик из беднейшей семьи был одет лучше всех – настоящий горийский лорд Фаунтлерой. Кто же заплатил за эти прекрасные вещи? Наверняка не обошлось без священников, духанщиков и полицейских.

Одежда одеждой, но страдания воспитали в Сталине крутой нрав. “Из страха мы его избегали, – пишет Иремашвили, – но в то же время нас к нему тянуло”, потому что в нем было что-то совершенно “недетское” и “очень страстное”. Он был странным ребенком: “У Сосо была своеобразная манера выражать свое удовольствие. Когда он чему-нибудь радовался, то щелкал средним и большим пальцем, кричал звонким голосом и прыгал на одной ноге”[19]. Во всех воспоминаниях о детстве Сталина – написанных и убежденными сторонниками культа личности, и его непримиримыми противниками – подчеркивается, что уже в десятилетнем возрасте Сталин обладал необычайной притягательностью6.

Примерно в то же время, вероятно вскоре после поступления в училище, он опять чудом избежал смерти. “Утром я отправила его в училище живым и здоровым, – вспоминает Кеке, – а днем мне его принесли без сознания”. На улице его сшиб фаэтон. Мальчики играли в “труса”, хватаясь за оси проезжающих мимо экипажей. Видимо, так Сталин и получил травму. Бедная мать вновь “сходила с ума от страха”, но врачи лечили Сосо бесплатно

– или, возможно, им втайне платил Эгнаташвили. Кроме того, как потом рассказывал Сталин, Кеке позвала деревенскую знахарку, которая по совместительству работала в цирюльне.

Из-за этого случая у Сосо появился еще один – в добавление к сросшимся пальцам на ноге, оспинам и слухам о незаконнорожденности – повод для настороженности и чувства неполноценности, еще один знак отличия. Он на всю жизнь повредил левую руку и, значит, уже не мог соответствовать идеалу грузинского воина – позже он утверждал, что из-за травмы не научился как следует танцевать, но драться мог[20]. С другой стороны, увечье спасло его от призыва в армию и, возможно, от смерти в окопах Первой мировой. Но Кеке волновалась, не помешает ли травма его будущему епископству. “Когда ты станешь священником, сынок, как же ты будешь держать чашу для причастия?” – спрашивала она.

“Не волнуйся, мама! – отвечал Сосо. – До того как я стану священником, рука заживет, и я смогу держать ею хоть всю церковь!”7

Помимо игры “в труса” на улицах Гори было множество опасностей. Город славился тем, что царские власти никогда не могли навести в нем порядок. Так и получилось, что Сосо, хоть и быстро стал первым учеником, вел двойную жизнь: мальчик из хора – и уличный драчун, наполовину нарядный маменькин сынок, наполовину беспризорник.

“Редко выдавался день, – говорит Котэ, сын священника Чарквиани, – когда бы его кто-нибудь не побил (и тогда он в слезах бежал домой) либо когда он сам кого-нибудь не побил”8. Таким уж городом был Гори.

Глава 3
Драчуны, борцы и певчие

Теперь маленький Сталин без присмотра Кеке проводил свободное время на улицах Гори – вольнолюбивого и дикого места, где бал правили пьянство, молитвы и драки.

Понятно, что Сосо хотел убежать из своего бедного дома, где всегда было темно. Кеке день-деньской сидела за утлой швейной машинкой, в доме были лишь "две тахты с постелью… две-три табуретки, простой стол, на котором были сложены учебники и… стояла керосиновая лампа", – рассказывает часто навещавший семью учитель пения Семен Гогличидзе. В крохотной комнате всегда было "убрано чисто и аккуратно", но кровать Сталина была сделана из досок: "по мере того как рос Сосо, его мать соответственно прибивала к тахте доски". Теперь Сосо чурался матери. Она ворчала, что сын стал надменным и гордым1.

Он был типичным горийцем, ведь жителей Гори во всей Грузии считали "матрабази" – хвастливыми и необузданными шалопаями. Гори оставался одним из немногих городов, где сохранялся "красочный и дикий обычай" – городские драки, в которых могли участвовать все; у этих драк были свои правила, но жестокость ничем не ограничивалась. Пьянство, набожность и побоища были связаны между собой: пьяные священники выступали в роли судей. Таверны Гори были неискоренимыми рассадниками насилия и преступности2.

Русские и грузинские власти пытались запретить этот сомнительный вид спорта, который происходил от военных учений, распространенных в те времена, когда средневековая Грузия постоянно с кем-то воевала. Несмотря на присутствие в городе русских войск, пристав Давришеви и подчиненные ему полицейские едва справлялись: никто не мог противостоять непобедимому беззаконию Гори. Неудивительно, что во время таких драк лошади пускались в галоп, а фаэтоны сшибали детей на улицах. Историки, исповедующие психологический подход, считают, что на развитие Сталина оказал влияние его пьющий отец, но и уличная культура насилия сыграла свою роль.

Побывавший в Гори Максим Горький написал: "На всем колорит какой-то дикой оригинальности: знойное небо над городом, буйные шумные воды Куры, неподалеку горы, в них пещерный город и еще дальше горы Главного хребта, осыпанные нетающим снегом…"

Желтые башни городской крепости были, вероятно,

построены по приказу царицы Тамары в xii веке. Когда ее империя распалась, Гори стал столицей одного из грузинских княжеств[21]. Здесь останавливались шедшие из Центральной Азии. Караваны с верблюдами еще заходили сюда по пути в Тифлис, но после открытия в 1871 году железной дороги к Черному морю этот когда-то гордый город превратился в глухую и дикую провинцию – впрочем, с обширными связями и буйными традициями. Здесь была только одна настоящая улица (тогда – Царская, ныне – улица Сталина) и одна площадь; рядом с играющими детьми разгуливали быки, сточные воды заливали извилистые переулки. В Гори жило всего 7000 человек, половина грузин (как Джугашвили), половина армян (как семья Камо): из армян выходили предприниматели. Евреев было только восемнадцать человек. Гораздо важнее было разделение Гори на две основные части, потому что они соответствовали командам в городских драках: Русский квартал и Крепостной квартал.

В Гори было три бойцовских традиции: городские драки, состязания по борьбе и войны подростковых уличных банд. В дни фестивалей, рож дественских праздников или Масленицы по обоим кварталам проходило шествие, которое возглавляли мужчины, переодетые женщинами, или лицедеи – “короли карнавала”, восседавшие на верблюдах и ослах. Их окружали нарядно одетые дудочники и певцы. Во время Кеенобы, карнавала в честь победы Грузии над Персией в 1634 году, один ряженый изображал грузинского царя, другой – персидского шаха, которого закидывали фруктами и окунали в воду.

Мужчины из каждой семьи от мала до велика тоже принимали участие в шествии, пили вино и пели до ночи – а ночью начиналось самое веселье. “Вольная борьба” под названием “криви” была “коллективной дуэлью с правилами”: сначала друг с другом боролись трехлетние мальчики, потом дрались все дети, затем подростки и, наконец, в бой бросались взрослые мужчины. К этому времени весь город словно сходил с ума, и это продолжалось весь следующий день – даже в школе класс шел на класс. Часто громили магазиныз.

Любимым спортом в Гори была борьба чемпионов, которая напоминала библейский сюжет о Голиафе. Но здесь поединок был равным. Состязания – чидаоба – проходили на специально возведенных помостах в сопровождении оркестра зурн. Богатые князья, например местный землевладелец Амилахвари, купцы и даже целые деревни выставляли своих чемпионов, которые пользовались таких почетом, что их называли “палавани”. Крестный отец Сталина Эгнаташвили и двое его братьев тоже были чемпионами. Даже в пожилом возрасте Сталин с

удовольствием вспоминал борцовские триумфы своего крестного:

> Борцы Эгнаташвили славились на всю Картли, но первым, сильнейшим из них, был Яков.
>
> У князя Амилахвари был телохранитель, великан-чеченец. Когда он бросал вызов горийским чемпионам, то побеждал всех. Тогда горийцы пошли к Якову Эгнаташвили, и тот сказал: “Пускай он поборется с моим братом Кикой; если он побьет Кику, пусть сразится с моим братом Симоном; если побьет и его, то с ним сражусь я”. Но Кика победил чеченского Голиафа.
>
> Однажды в город во время религиозного праздника ворвались бандиты в шапках из овечьей шерсти, вооруженные кинжалами.

Бандиты выпили в духане Эгнаташвили, но платить отказались. “Мы, дети”, вспоминал Сталин, изумленно смотрели, как Кика Эгнаташвили “набросился на одного из них, сбил с ног, выхватил у второго из ножен кинжал и ударил его тупым концом. Третий заплатил по счету”4.

Мальчишки из церковной школы тоже вступали в кулачные бои на Соборной улице в Гори. Под угрозой карцера и исключения из школы им запрещали принимать участие в этих жестоких схватках, “но Сосо все равно дрался”. Кроме того, его учитель математики и географии Илуридзе любил наблюдать, как дерутся его ученики, и кричал им: “Давай! Давай! Молодец!” – даже не замечая, если его самого задевали или забрызгивали кровью5.

“Маленький Сталин боксировал и дрался с определенным успехом”, – пишет Давришеви[22]. Его учитель пения видел, как он сам организует бои, но однажды Сосо повредил свою больную руку. Все началось как борцовское соревнование, но переросло в настоящую драку, и мальчики поколотили друг друга, вспоминал Семен Гогличидзе. Рука у Сосо распухла, и драться по правилам стало сложнее.

Друг Сталина Иремашвили дрался с ним на школьном дворе. Поединок окончился вничью, но, когда Иремашвили отвернулся, Сталин напал на него сзади и повалил на траву. Когда он бесстрашно бросился на бойцов посильнее, Сосо избили до полусмерти. Кеке пришлось спасать его: она побежала к начальнику полиции с криком: “Боже, моего сына убили!” При этом Сталин оставался главным франтом среди борцов: “Иногда мать даже надевала на него большой белый воротник, который он снимал и запрятывал в карман, стоило ей отвернуться”.

Но мальчики берегли силы для настоящего дела – уличных

войн. “В нашем городе дети организовывались в шайки – по улицам или кварталам, где они жили. Эти банды постоянно враждовали”. Эти шайки были еще и “плавильными котлами”. “Дети в Гори вместе получали образование на улице – без различения религии, национальности и благосостояния”. Оборвыш Сталин играл на улице с сыном прославленного генерала князя Амилахвари, и этот мальчик учил его плавать. Дети, вооруженные ножами, луками и стрелами или рогатками, вели блаженное, свободное, даже дикое существование: они купались в реке, распевали любимые песни, воровали яблоки из сада князя Амилахвари, проказничали по всей округе. Однажды Сталин поджег княжеский сад.

“В детстве Сосо был большим шалуном. <…> Бегать по улице… очень любил”, – вспоминал его младший друг Георгий Елисабедашвили. “Он любил стрелять из самочинно сделанного лука, любил бросать камни из рогатки… Помню, однажды вечером, когда стадо возвращалось из нагула, Сосо со своим самочинным луком накинулся из-под угла на стадо и мигом вонзил стрелу в мошку коровы. Корова взбесилась, стадо заметалось, пастух погнался за Сосо, Сосо исчез” – он уже умел быть неуловимым[23]. Другой школьный друг писал, что Сосо выскальзывал из рук, словно рыба, и ловить его было бесполезно. Однажды Сосо привел в ужас владельца магазина, взорвав какие-то петарды, которые разрушили все в магазине. “Матери за своего сына пришлось слушать немало плохих слов”.

Сосо любил водить свою шайку на крутой склон Гориджвари – горы, на которой стоял “замок с высокими желтыми стенами”. Здесь они пели, дрались, спорили о религии и любовались видами: “Он любил красоты природы”. В двенадцати километрах от Гори находился пещерный город Уплисцихе – добраться до него было так трудно, что сначала Сталин не смог туда залезть. По свидетельству Иремашвили, он без устали тренировался, пока у него это не получилось.

К другим детям он был безжалостен, но защищал своих приспешников. Научившись плавать (впрочем, из-за травмы руки это не удавалось ему как следует), он столкнул не умевшего плавать маленького мальчика в быстрые воды Куры. Потом мальчик сердито говорил ему, что чуть не утонул. “Да, но, когда ты попал в беду, тебе пришлось научиться плавать”, – отвечал Сосо. Впрочем, когда на его друзей напала другая шайка, Сталин закидывал их камнями, пока они не пустились наутек. В другой раз, увидев, как колотят его друга, Сосо стал кричать, чтобы тот не стоял как осел, а работал кулаками. Он дал врагу отпор.

Сталин то и дело бросал вызов противникам “старше и

сильнее него", говорит молодой Иосиф Давришеви. Он уже был раздражителен. Из-за своей неуклюжести он не смог научиться грузинскому танцу лекури (лезгинке) – и не задумываясь дал по ногам мальчику, который танцевал ловчее.

Он демонстрировал волю к власти, которая не покидала его до последних дней. "Сосо принадлежал к местной шайке, но часто переходил на сторону вражеской банды, потому что отказывался повиноваться собственному вожаку" – тот жаловался, что мальчик "подрывал его авторитет и пытался лишить его власти". Иремашвили полагал, что, по мнению Сталина, "человек, которому должны подчиняться другие люди из-за того, что он старше или сильнее, должен быть таким, как его отец, и поэтому в нем вскоре выработалась глубокая неприязнь ко всем, кто был выше его по положению". Вырвавшись из-под материнской опеки, он стремился быть лидером – уже в детстве.

Каким-то образом из-за унижений со стороны отца и последующего краха Бесо, из-за восторженной любви матери и благодаря собственным уму и высокомерию Сталин настолько уверился в том, что он всегда прав, что эта заразительная уверенность завоевала ему сторонников. Одним из них был сын армянской подруги его матери Симон Тер-Петросян (Сенько), впоследствии известный как Камо. Его богатый отец, сколотивший состояние на поставках оружия армии Александра II во время походов на Хиву и Бухарский эмират, со злостью спрашивал свою дочь: "Что нашли вы в этом голодранце Сосо? Разве в Гори нет достойных людей?" Похоже, достойных было немного.

Сосо "мог быть хорошим другом, если вы покорялись его диктаторской воле", считает Иремашвили. Когда какой-то мальчик наябедничал, что Котэ Чарквиани съел хлеб для причастия, Сталин, предвосхищая будущие свои чистки, "проклинал его, называл наушником, шпионом, настроил против него других мальчиков, а потом избил до синяков. Сосо был преданным другом".

Сталин, как положено поэту, любил горы и небеса, но редко выказывал симпатию к людям. Сын полицейского вспоминает, что в то время он был "копией своей матери". Он был спокоен и осторожен, но "когда ярость брала верх, становился грубым, ругался и доводил все до крайностей". Сталину было меньше терять, чем другим, он мало к кому был привязан – экстремизм был в его природе[6].

Уличные бои были в порядке вещей не только потому, что горийские родители сами участвовали в ежегодных драках и делали ставки на состязаниях, но и потому, что мальчики играли

в грузинских разбойников-героев, которые сражались с русскими в горах неподалеку. Но теперь дети видели, что Российская империя преследует их даже в школе.

Недалекий император Александр III стоял во главе консервативных контрреформ, сводивших на нет либеральную политику его убитого отца, и это настроило всех грузин против его империи. Царь издал указ о том, что грузины должны учиться на русском языке[24] (поэтому Сталин и занимался русским с детьми Чарквиани).

Придя в училище в сентябре 1890 года, Сталин разделил с друзьями ненависть к новым русским порядкам. Мальчикам не разрешали даже говорить по-грузински друг с другом. По-русски они разговаривали плохо; “наши рты были заперты в этой тюрьме для детей, – вспоминает Иремашвили. – Мы любили нашу родину и родной язык. А нас, грузин, считали некультурными, и в нас надлежало вбить блага российской цивилизации”. Тех, кто говорил в классе по-грузински, заставляли “стоять в углу или держать целое утро длинную палку или до вечера запирали в совершенно темном карцере без еды и воды”.

Русские учителя[25] были грубыми педантами в униформе – мундирах с золотыми пуговицами и остроконечными фуражками. Они презирали грузинский язык. Но одного преподавателя все любили – учителя пения Семена Гогличидзе, добродушного щеголя, который всегда был одет по последней моде: гетры, отложной воротник, цветок в петлице. Школьницы в него влюблялись и даже сочиняли о нем песни. Его любимцем в хоре был Сталин, которому он старался всячески помогать: “За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по нотам. Очень скоро он уже помогал дирижеру… <…> Было много сольных мест, исполнение которых поручалось Сосо”. Дело было не только в его “приятном, красивом высоком голосе”, пишет учитель-романтик, но и в “прекрасном исполнении”. Сталина часто нанимали петь на свадьбах: “Люди приходили, только чтобы послушать, как он поет, говорили: “Пойдем послушаем, как мальчик Джугашвили всех удивит своим голосом”. Когда Сталин в стихаре выходил на клирос и пел соло своим замечательным контральто, все были в изумлении.

В первые школьные годы Сталин был так набожен, что почти никогда не пропускал богослужений. “Он не только выполнял религиозные обряды, но всегда и нам напоминал об их соблюдении”, – вспоминает его однокашник Григорий Глурджидзе. Другой одноклассник, Сулиашвили, вспоминал, как Сталин и двое других мальчиков во время вечернего богослужения, “облаченные в стихари, стоя на коленях, распевают

молитву… Ангельские голоса трех детей… и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц”. Он “лучше всех читал псалмы” в церкви. Других допускали до чтения только после того, как их наставлял сам Сосо. Благодарная школа подарила ему Книгу псалмов Давидовых с надписью “Иосифу Джугашвили… за отличные успехи в учебе, примерное поведение и превосходное чтение и пение Псалтири”.

Кроме того, Сосо хорошо рисовал и проявлял вкус к актерской игре – он останется у него на всю жизнь. Он сыграл в сатирическом водевиле, пародии на Шекспира: “Выражение лица Сосо заставляло публику надрывать живот от смеха!” Тогда он уже начинал заниматься поэзией и писал друзьям рифмованные послания[26].

Он также был лучшим учеником в классе. “Он был очень умным ребенком, – вспоминал Гогличидзе. – Никто не помнил, чтоб он получал иные оценки, кроме пятерок”. “Отдых он проводил за чтением книг”. Он часто носил с собой книги, засунув их за пояс брюк, и любил помогать отстающим ученикам с заданиями. “Не было случая, чтобы он пропустил урок или опоздал. <…> При этом во всем стремился быть первым”, – рассказывает его одноклассник Петр Адамашвили. Сталин советовал ему: “Занимайся собой. Не ленись, а то в жизни проиграешь”.

Даже ненавидевшие грузин учителя были впечатлены познаниями Сталина. Школьный инспектор Бутырский обычно отговаривался от участия в каких-либо мероприятиях, заявляя, что ему нужно идти домой заниматься, ведь если он не подготовится к завтрашнему уроку, ученик по имени Джугашвили наверняка его подловит[27]. Сталин был таким пай-мальчиком, что, дежуря в классе, отмечал опоздавших и отсутствующих. Одноклассники даже прозвали его жандармом[28].

Но этот примерный мальчик ни перед кем не унижался. Когда однажды школьники пошли в поход и один ученик перевез инспектора Бутырского через ручей на спине, Сталин издевался: “Ты что, осел? Я бы самому Богу не позволил сесть мне на спину, не то что какому-то школьному инспектору”. Когда его любимый учитель Гогличидзе пытался заставить Сталина петь песню, которая тому не нравилась, мальчик просто не явился в училище.

Лавров, учитель, которого ненавидели больше других, преследовавший все “грузинские” проявления, назначил Сталина своим “заместителем” – об этом он вскоре пожалел. Когда Лавров попробовал заставить “заместителя” доносить ему обо всех, кто говорил по-грузински, Сталин взбунтовался. Заручившись поддержкой горячих восемнадцатилетних парней, он заманил

Лаврова в пустой класс и там угрожал убить его. После этого Лавров сделался куда покладистей.

Незадолго до окончания четвертого класса Сталин решил, что нужно сделать групповой портрет его хора. Учитель пения слышал, как он раздавал задания: один мальчик должен был собрать деньги, другой – привести фотографа, а когда все собрались, он явился с охапкой цветов, велел всем мальчикам вдеть их в петлицы и расставил всех по местам для общего снимка.

Но над Сосо всегда нависала тень. В училище приходил пьяный Бесо, забирал сына и заставлял его учиться сапожному делу. Кеке обращалась к своим заступникам: “Я поднимала на уши весь свет, своих братьев, крестного Эгнаташвили, учителя”, и тогда Бесо “возвращал мне сына”. Но все равно Бесо постоянно “в пьяном виде врывался в училище и силой забирал оттуда Сосо”. Мальчика приходилось проводить в училище буквально под полой брата Кеке – тем временем “все помогали и прятали ребенка, а разъяренного Бесо уверяли, что Сосо даже нет в училище”.

Сталин-школьник, как и Сталин-политик, был средоточием противоречий. “Сосо Джугашвили был лучшим, но и самым испорченным учеником”, – подытоживает Иремашвили. Детство Сталина само по себе уже было победой над невзгодами. Но в дни школьных успехов на него вновь обрушились ужасные удары, которые едва не погубили его.

Глава 4
Казнь в Гори

6 января 1890 года учитель Гогличидзе вывел хористов из церкви после крещенской службы, на которой молились за русский гарнизон, стоявший в Гори. По словам Гогличидзе, “никто не заметил несшийся фаэтон”, который врезался прямо в людей. Двенадцатилетний Сталин переходил дорогу, когда “на него налетел фаэтон, ударил его дышлом в щеку, повалил на землю и, на счастье, переехал лишь через ноги. Нас окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка… и доставили его домой”. Извозчик был арестован и позже приговорен к месяцу тюремного заключения, но вот бедной Кеке опять принесли домой окровавленного сына. Придя в себя, он увидел убитую горем мать. “Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо, – храбро сказал он. – Я не умру”1.

Сосо получил такие тяжелые увечья, что его отвезли в больницу в Тифлис. Он несколько месяцев не посещал занятия. Ноги были серьезно повреждены. Несколько лет спустя в семинарии он жаловался на “больные ноги” и, даже поправившись, ходил тяжело, “бочком”, из-за чего получил еще одно прозвище – к Рябому (Чопур) прибавился Прямоходящий (Геза). Наверное, он еще больше обычного хотел доказать, что силен, и гордился, что смело перенес такую напасть.

После несчастного случая вновь появился и решил взять свое Бесо – скорее всего, сапожник навестил сына в Тифлисе. Кеке, конечно, рассказала ему, что стряслось с ребенком. Но Бесо не мог упустить случая вернуть себе власть над непокорными домочадцами. Как только Сосо поправился, отец выкрал его и записал в подмастерья сапожника на обувную фабрику Адельханова, где работал сам.

“Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! – кричал он на Кеке. – Я – сапожник, и мой сын должен быть сапожником!”

Теперь Бесо и его сын трудились вместе с восемьюдесятью адельхановскими рабочими – многие часы, за низкий заработок, в залитом водой помещении, освещенном керосиновыми лампами, в испарениях от дубившейся кожи, которая пахла почти как экскременты. От этого смрада тошнило и взрослых мужчин. Даже царские власти волновало, что в мрачном прямоугольном здании фабрики работало много детей. Сосо жил в одной комнате с отцом в рабочем районе Авлабари, на работу ходил через мост

мимо Метехской тюрьмы-крепости. Ему приходилось носить башмаки с фабрики в магазин-склад на базаре возле Эриванской площади. Если не считать короткого времени в горийской мастерской отца, это было единственное приобщение Сталина к рабочему быту за всю его посвященную пролетариату жизнь. Если бы Бесо победил, Сталина бы не было, потому что он не получил бы образования. Своим политическим успехом Сталин был обязан необычному сочетанию уличной грубости и классического образования.

"В училище все были огорчены потерей Сосо, – вспоминал Гогличидзе, – но больше всех сокрушалась мать". Она вновь рьяно взялась за дело и подключила всех своих союзников. Эта грозная и красивая женщина приехала в Тифлис, заручившись поддержкой учителей, отца Чарквиани и Эгнаташвили – все они пытались перебороть Бесо. Даже экзарх Грузинской православной церкви прослышал об этой ситуации и предложил устроить Сосо хористом в Тифлисе, но Кеке была непреклонна. Бесо неистовствовал. Спросили, чего хочет мальчик. Мальчик хотел вернуться в духовное училище в Гори. Священники возвратили его Кеке. Бесо поклялся больше не давать ни копейки семье и вычеркнул ее из своей жизни.

"Время шло, – вспоминает Кеке. – От Бесо мы больше ничего не слышали. Никто не говорил мне, жив он или мертв. Я была даже счастлива без него, я в одиночку снова поставила семью на твердую ногу". Но Бесо еще раз появится в жизни Сталина, перед тем как пропасть навсегда2.

Сталин вернулся в училище, где опять сделался "лучшим учеником" (так гордо писала его мать). Без помощи Бесо Кеке не могла оплачивать обучение. Она работала еще больше, выполняя заказы своих благодетелей и находя новые. Так, она начала стирать и убирать в доме почтенного смотрителя училища Василия Беляева, который платил ей десять рублей в месяц. Помогали и Эгнаташвили с Давришеви. Училищное начальство – безусловно, по просьбе Беляева, заступников Кеке и преданного учителя пения – не только восстановило Сосо, но и положило ему стипендию – три рубля тридцать копеек.

Вероятно, полученные травмы, похищение отцом и тяжелое фабричное существование истощили Сосо. Как только Бесо отпустил его, мальчик слег с воспалением легких. Мать чуть не потеряла его, но Сосо опять спасся от смерти, вспоминал учитель пения. Теперь училище увеличило его стипендию вдвое – до семи рублей. Даже больной, трясясь от озноба, он, как вспоминала с гордостью Кеке, умолял: "Мамочка, отпусти меня в школу, а то учитель Илуридзе поставит мне плохую отметку".

Больше года Сосо кидало из огня в полымя. Теперь, вернувшись в училище, Сталин приступил к занятиям с новым энтузиазмом. Однако он еще сильнее бунтовал. “Его наказывали почти каждый день”, – пишет Иремашвили, который пел с ним в трио. Сосо организовал протест против ненавистного инспектора Бутырского, едва не вылившийся в восстание: “Это был первый бунт, который разжег Сосо”.

Его матери пришлось переехать в убогое жилище на Соборной улице, “старый, маленький, грязный дом”, где крыша пропускала дождь и ветер. “В комнате царили вечные сумерки, – вспоминает Иремашвили. – Затхлый воздух, в котором смешивались запахи дождя, сырой одежды и готовки, никак не мог выйти из комнаты”. Но Сталин выйти из комнаты мог. И конечно, ему куда больше нравилось околачиваться со своей шайкой на улицах и на склонах горы Гориджвари, чем сидеть дома.

Сталин оставался лучшим певчим в училище, но начинал проявлять сочувствие к положению бедняков и сомневаться в вере. Он подружился с тремя сыновьями священников – братьями Ладо и Вано Кецховели, которым будет суждено сыграть важнейшую роль в его жизни, и Михаилом Давиташвили[29], который, как и Сталин, хромал. Старший брат Кецховели, Ладо, вскоре поступил в тифлисскую семинарию и вернулся с рассказами о том, как он организовал там протест и забастовку, после чего его исключили. Сталина вдохновляли новые друзья и их книги, но он все еще считал, что его призвание – стать священником, и тогда он сможет помогать бедным. Однако именно теперь он впервые обратил внимание на политику. Находясь под сильным влиянием Ладо Кецховели, он объявил, что хочет стать волостным старшиной, чтобы навести порядок в волости.

Он постоянно говорил о книгах. Если он хотел получить какую-то книгу, то мог запросто стянуть ее у одноклассника и убежать с ней домой. Когда ему было около тринадцати лет, Ладо Кецховели повел его в небольшую книжную лавку в Гори. Там Сосо уплатил пять копеек членского взноса и взял книгу – судя по всему, “Происхождение видов” Дарвина. Сталин читал ее всю ночь, не ложась спать, – Кеке застала его за чтением.

– Сынок, почему ты до сих пор не ложишься спать? – спросила она. – Ложись, отдохни… Видишь – скоро светать начнет?

– Уж очень мне книга понравилась, мама! Никак не мог с ней расстаться…

Он читал все больше, и его набожность пропадала.

Однажды Сосо вместе с друзьями, среди которых был Гриша Глурджидзе, лежали на траве и разговаривали о том, как несправедливо, что есть богатые и бедные. Вдруг Сосо изумил всех, сказав: “Он [Бог] не несправедлив, его просто нет. Нас, Гриша, обманывают”.

– Что ты, Сосо, как можно говорить такие вещи! – воскликнул Гриша.

– А вот я тебе дам одну книгу, и ты из нее кое-что увидишь. – И он дал Глурджидзе Дарвина.

Мечты Сосо об устройстве справедливости мешались с рассказами о народных героях-бандитах и возрождавшимся грузинским национализмом. Он любил стихи грузинского националиста, князя Рафаэля Эристави и знал наизусть его шедевр “Родина хевсура”. “Прекрасное стихотворение!” – восторгался Сталин и в старости. Теперь школьник Сосо начал сам писать романтические стихи. Все мальчики собирались около его дома и оживленно обсуждали запретные идеи и трудыз.

В это время Сталин влюбился – еще один “человеческий” момент, который был изъят из официальных воспоминаний и никогда не публиковался. Он полюбил дочь священника Чарквиани: тогда они с матерью снимали комнаты у этой семьи. “Тов. Сосо в младшие годы питал симпатию к одной особе (Ч…), – вспоминает Георгий Елисабедашвили. – Эти времена он припоминал, делясь воспоминаниями со своими близкими друзьями, с некоторыми усмешками”. Когда она занималась русским языком, “я часто заходил и принимал участие в уроке, – вспоминал Сталин пятьдесят лет спустя. – Если у ученицы были затруднения, я помогал…” Мы не знаем, ответила ли дочь священника на любовь Сосо, но в детстве, как говорил ее брат Котэ, они всегда близко дружили: “Он играл в куклы с моей сестрой. Он доводил ее до слез, но они быстро мирились и снова сидели вместе, читали книжки, как настоящие друзья…”[4]

Одно событие – “самый заметный случай в Гори конца девятнадцатого века” – произвело на Сталина глубокое впечатление. 13 февраля 1892 года училищные преподаватели велели всем ученикам собраться ради мрачного зрелища, которое должно было “внушить молодежи чувство страха и покорность”, – казни через повешение.

Солнечным зимним утром на берегах Куры возвели три виселицы. Многие горийцы пришли поглазеть на казнь, и в толпе были заметны школьные формы детей из духовного училища. Но мальчики “были страшно подавлены сценой казни”.

Приговоренные к смерти украли корову, а когда за ними погнались, убили полицейского. Но мальчики видели, что преступники – всего лишь трое “крестьян, бежавших от социального гнета в леса и горы”, несчастные Робин Гуды, которые нападали только на местных помещиков и помогали другим крестьянам. Сталин и Петр Капанадзе не могли понять, как можно убивать бандитов, если священники учили их Моисеевой заповеди “не убий”. Школьников особенно поразил вид священника, стоявшего у виселиц с большим крестом в руках.

Мальчики были потрясены. “Сосо Джугашвили, я и четверо других школьников залезли на дерево и наблюдали ужасное зрелище оттуда”, – вспоминает Григорий Размадзе. (А начальник полиции Давришеви не пустил своего сына на казнь.) Еще одним зрителем, с которым впоследствии Сталин подружится и которому станет помогать, был Максим Горький – тогда журналист, а позднее – самый знаменитый русский писатель.

Горийцы жалели храбрых кавказских разбойников; двое из них были осетинами, третий – имеретинцем. При помощи казней русские демонстрировали свою силу; молодой Давришеви называл осужденных “святыми мучениками”. Толпа начала выкрикивать угрозы; площадь окружил двойной строй солдат. Забили в барабаны. Вокруг эшафота собрались “власти в мундирах, с сухими и строгими физиономиями”, – писал Горький в своем очерке. Их лица были “чем-то беспочвенным и чуждым всему, что окружало их”. Им было из-за чего волноваться.

Троих разбойников в кандалах вывели на эшафот. Один шел поодаль от остальных двоих – казнь ему отсрочили. Священник предложил двоим обреченным благословение; один согласился, другой отказался. Оба попросили покурить и выпить воды. Сандро Хубулури вел себя тихо, но статный и сильный “главарь” Тато Джиошвили улыбался и храбро шутил перед восхищенной толпой. Он оперся о перила эшафота и, как пишет Горький, “беседовал с людьми, пришедшими посмотреть, как он умрет”. Из толпы полетели камни в палача, который был в маске и одет во все красное. Он поставил приговоренных на табуреты и затянул петли у них на шеях. Сандро только покрутил ус и поправил петлю. Наступил миг казни.

Палач вышиб табуреты из-под ног разбойников. Царская машина репрессий, как это часто бывало, не сработала: веревка на шее у Сандро оборвалась. Толпа ахнула. Багровый палач опять поставил преступника на табурет, затянул у него на горле новую петлю и повесил его вторично. Тато тоже умер не сразу.

Горожане и школьники поспешно разошлись по домам. Сталин и его друзья обсуждали, что ждет души казненных:

уготован ли им адский огонь? Сталин разрешил сомнения. “Они уже понесли наказание, и будет несправедливо со стороны Бога наказывать их опять”, – сказал он. Мальчики решили, что это верно. Часто говорят, что казнь в Гори пробудила в Сталине убийцу, но мы точно знаем лишь то, что дети жалели грузинских разбойников и презирали русских угнетателей. Возможно, это зрелище направило Сталина на путь бунтаря, но не на путь убийцы5.

Ему было пора уезжать из Гори: близилось время выпуска из училища. Кеке часто сидела у его изголовья на рассвете, тихо любуясь своим замечательным сыном, пока он спал. “Мой Сосо вырос”, – пишет она, но они все еще много бывали вместе. “Мы почти никогда не разлучались. Он всегда был рядом”. Даже когда он болел, он “любил сидеть рядом со мной и читать. Единственным его развлечением кроме этого были прогулки вдоль реки или на склонах Гориджвари”.

Но ей становилось ясно: если она хочет, чтобы ее мечты сбылись, ей придется его отпустить – хоть он и “не мог прожить без меня, а я без него, тяга к учебе заставила его покинуть меня”. Эта тяга действительно никогда его не оставляла[30]. Конечно, после духовного училища он должен был поступить в лучшее религиозное учебное заведение на всем юге империи – Тифлисскую семинарию. В июле 1894 года пятнадцатилетний Сосо сдал экзамены на отлично. Все его учителя, в особенности Семен Гогличидзе, рекомендовали его в семинарию. Но была одна проблема.

Однажды Сосо пришел домой к матери “со слезами на глазах”.

“Что случилось, сынок?” – спросила Кеке.

Сосо объяснил, что забастовка и закрытие семинарии в Тифлисе (за этим отчасти стоял его друг-радикал Ладо Кецховели) означали, что “возможно, ему придется пропустить год: для поступавших, которые не были детьми священников, этим летом мест уже не оставалось”.

“Я успокоила сына, – вспоминает Кеке, – затем нарядилась”, вероятно, надела свой лучший головной убор и обратилась к учителям и покровителям Сосо, которые обещали помочь. Гогличидзе предложил отдать Сосо ему, чтобы устроить его в педагогическое училище. Но Кеке устраивал только наилучший вариант – путь священника, то есть семинария.

Кеке отправилась с сыном в Тифлис, они проехали семьдесят пять километров на поезде. Сосо был в восторге, но по дороге вдруг заплакал.

– Мама, – всхлипывал он, – вдруг, когда мы приедем, меня

отыщет отец и велит мне стать сапожником? Я хочу учиться. Я лучше покончу с собой, чем стану сапожником!

“Я поцеловала его и утерла ему слезы”, – вспоминает Кеке.

– Никто не помешает тебе учиться, – успокоила она его. – Никто тебя у меня не заберет.

Сосо очень нравился Тифлис, “суматоха большого города”, хотя мать и сын “боялись, что появится Бесо”, вспоминает Кеке. “Но Бесо мы не встретили”.

Упрямая Кеке сняла комнату и отыскала в столице своего родственника с большими связями. Он снимал жилье у священника, чьи связи были еще более обширными – кроме того, жена священника была женщиной деловой.

“Прошу, помоги этой женщине, – сказал родственник Кеке жене священника. – Это будет такое же благое дело, как построить целую церковь”[31]. Жена священника обратилась к другим духовным лицам, которые поговорили с начальством семинарии и добились для Сталина права сдать вступительный экзамен. Его матери только этого и было надо: “Я знала, что он меня прославит”. Он действительно “прославил” ее, но плата за обучение в семинарии для тех, кто не были детьми духовенства, составляла 140 рублей в год – сумма для Кеке неподъемная. Давришеви, безусловно по просьбе Кеке, уговорил помочь хорошо известную аристократку княгиню Баратову. Кеке сделала все что могла, Сосо подал документы в семинарию и был принят в качестве полупансионера: это означало, что он все равно был обязан выплачивать приличную сумму – сорок рублей в год – и покупать униформу за свой счет. Кеке не возражала: “счастливейшая мать на свете” вернулась в Гори и принялась за шитье, чтобы заработать. Часть расходов брали на себя Эгнаташвили и Давришеви.

Кеке рассказывает: “Месяц спустя я увидела Сосо в форме семинариста. Я так плакала от счастья. Но в то же время я очень горевала…” Зачисленный в семинарию около 15 августа 1894 года, Сосо стал учащимся закрытого заведения и вступил в большой мир столицы Кавказа.

Хромой мальчик в оспинах, со сросшимися пальцами; мальчик, которого оскорблял, избивал, а затем бросил отец, которого обожала, но и колотила одинокая мать; мальчик, которого преследовали слухи о незаконнорожденности, переживший несчастный случай и болезнь, – этот мальчик преодолел невзгоды.

Сложно переоценить значение этого момента. Без семинарии, без самоотверженной матери Сосо не получил бы классического, хоть и удушливого образования; сын сапожника не стал бы

преемником Ленина.

“Он писал мне, что скоро избавит меня от нищеты, – вспоминает его мать первые письма сына: эти письма, полные почтения, но отстраненные, она будет получать всю жизнь. – Когда он присылал письма, я прижимала их к сердцу, спала с ними, целовала их”.

Кеке добавляет: “Все в училище поздравляли меня, и только Семен Гогличидзе был немного расстроен. Он говорил: “Кажется, будто училище опустело. Кто же теперь будет петь в хоре?”[32]6

Глава 5
Поэт и духовенство

Шестнадцатилетний подросток из Гори, привыкший к свободе, дракам на улице и походам на Гориджвари, теперь практически все время сидел взаперти в заведении, которое больше напоминало самые строгие закрытые школы Англии XIX века, чем духовную академию. Общие спальни, обиды, сносимые от старших товарищей, нередкие случаи содомии, жестокие ханжи-учителя, долгие часы в карцере – все это превращало жизнь в семинарии в кавказское подобие “Школьных лет Тома Брауна”[33].

Вместе со Сталиным в семинарию поступило несколько горийских друзей – среди них Иосиф Иремашвили и Петр Капанадзе. Эти провинциальные мальчики, некоторые не богаче Сосо, оказались в окружении “высокомерных сыновей богатых родителей”[34]. “Мы чувствовали себя избранными”, – писал Иремашвили, потому что семинария была “истоком интеллектуальной жизни Грузии; ее исторические корни лежали, казалось, в идеальной культуре”.

Сосо и 600 других будущих священников жили в четырехэтажном неоклассическом здании семинарии с величественными белыми колоннами. Сталин ночевал в спальне на верхнем этаже, в ней стояло двадцать-тридцать кроватей. На других этажах располагалась домовая церковь, классы и трапезная. Колокола звоном отсчитывали время; Сосо просыпался в семь утра, облачался в стихарь, затем шел на молитву в церковь; далее пил чай и приступал к занятиям. Дежурный ученик читал молитву. Занятия длились до двух. В три был обед, затем полтора часа свободного времени перед перекличкой, после которой выходить на улицу запрещалось. В восемь вечера после вечерней молитвы следовал ужин, дальше семинаристы готовили уроки и в десять ложились спать. По выходным – бесконечные богослужения: три или четыре часа на одном месте, переминаясь с ноги на ногу, под неусыпными пронизывающими взглядами монахов. Правда, между тремя и пятью часами дня мальчиков выпускали на улицу.

Семинарии в Российской империи, как пишет Троцкий, “славились ужасающей дикостью нравов, средневековой педагогикой и кулачным правом… <…> Все пороки, осуждаемые Священным писанием, процветали в этих рассадниках благочестия”. Тифлисская семинария, которую

прозвали “каменным мешком”, была хуже многих. “Жизнь в школе была печальна и монотонна”, как писал один ее выпускник. “Мы чувствовали себя арестантами”.

К моменту поступления Сталина над двадцатью тремя семинарскими учителями начальствовала мрачная троица: ректор – архимандрит Серафим, его помощник инспектор Гермоген и самый ненавистный – отец Димитрий, единственный грузин среди названных, по рождению – князь Давид Абашидзе. Этот Абашидзе, вкоре повышенный до инспектора, был толстым смуглолицым педантом; сам себя он называл “смиренным и недостойным рабом Божиим и слугой царя”.

Монахи были полны решимости выбить из гордых грузинских юношей все грузинское. Грузинская литература была строжайше запрещена – впрочем, как и все русские авторы, публиковавшиеся после Пушкина, в том числе Толстой, Достоевский и Тургенев. В обязанности двух инспекторов входило неусыпное наблюдение за учениками. Все наказания и плохие отметки записывались в школьный журнал. Вскоре исключение из семинарии – “волчий билет” – превратилось в своеобразный знак почета.

Отец Абашидзе завел среди учеников шпионов; очень часто можно было видеть, как он крадется на цыпочках по семинарским коридором или совершает мелодраматические набеги на спальни, надеясь застать учеников за чтением запрещенных книг, онанизмом или руганью. Сталин, умевший придумывать хлесткие прозвища, вскоре окрестил этого гротескного персонажа Черным Пятном. Поначалу наводивший ужас, этот человек в конце концов оказался смешон, как бывают смешны только самые безумные из педагогов-зануд.

Сталин знал все о знаменитых семинарских восстаниях от своего старшего товарища Ладо. Несколькими годами ранее, в 1885-м, семинарист побил ректора за то, что тот сказал: “Грузинский – собачий язык”. На следующий год ректора закололи кинжалом – такой судьбы удавалось избежать даже самым жестоким английским школьным директорам.

Семинарии стоит приписать одну заслугу: она выпестовала для русской революции самых непримиримых радикалов. “В особенности Тифлисская духовная семинария стала гнездом всех недовольств, имевших место среди грузинской учащейся молодежи”, – писал еще один семинарист, товарищ Сталина Филипп Махарадзе. “Каменный мешок” стал буквально интернатом для революционеров.

Поначалу Сталин был “спокойным, внимательным, скромным и застенчивым”, как вспоминает один его однокашник. Другой

заметил, что недавний задавака и глава шайки “стал задумчивым и, казалось, замкнутым”, у него “прошла любовь к играм и забавам детства”. Переменчивый Сосо проводил переоценку ценностей, превращался в застенчивого романтического поэта – но кроме того, всерьез учился: экзамены первого года он сдал на отлично и показал восьмой результат в классе. В 1894–1895 годах он получал одни пятерки по грузинскому пению и русскому языку, четверки и пятерки за знание Священного писания. Он был образцовым учеником и отличником по поведению.

Будучи стеснен “бедственными” обстоятельствами, он регулярно должен был “припадать к стопам” ректора, умоляя о предоставлении финансовых льгот[35]. Он зарабатывал карманные деньги (пять рублей, как вспоминал позднее) тем, что пел в хоре. Он был “первым тенором в правом полухории” – то есть ключевым солистом – и часто выступал в Театре оперы.

Кеке приехала с ним в Тифлис и на несколько недель осталась в городе, чтобы помочь сыну обосноваться. Она шила и подавала еду в семинарии – конечно, Сталин этого стеснялся и, возможно, поэтому сначала был замкнут. Сочтя свой долг исполненным, она вернулась в Гори. С этого времени и до ее смерти через сорок лет Сталин писал матери, в том числе из ссылки, с исправным постоянством (особенно когда ему нужны были деньги или одежда), но все больше от нее отдаляясь. Он никогда по-настоящему не вернулся к матери; от нее он унаследовал огромную энергию и острый язык, но саму ее выносить не мог1.

Бесо, живший где-то в Тифлисе, каким-то образом напал на след Сосо и решил, что тот обеспечит ему деньги на выпивку. Он явился к ректору семинарии и потребовал отдать ему сына: “Исключите его, он должен заботиться обо мне!” Сталина это “не тронуло”: он хотел облегчить “страдания Бесо и подобных ему”, но отец внушал ему отвращение.

Сталин вспоминал, что однажды к нему пришел сторож и рассказал, что у входа его ждет отец. Сосо спустился вниз и увидел Бесо. Тот даже не спросил сына, как он поживает, и стал упрекать его, что он совсем забыл отца. Бесо сообщил, что уезжает работать в другой город.

– Откуда я возьму деньги, чтобы тебе помочь? – ответил Сталин.

– Замолчи! – крикнул Бесо. – Дай мне хотя бы три рубля, не будь таким же подлым, как твоя мать!

Сосо попросил его не кричать и пригрозил позвать сторожа, если отец немедленно не уйдет. Угроза подействовала – отец ретировался на улицу, что-то сердито бормоча2.

На каникулы Сосо отправлялся в Гори, чтобы навестить не чаявшую в нем души Кеке. Даже “хотя у него уже начинала расти борода, он жался ко мне, как пятилетний”. Но гораздо больше времени он проводил со своим богатым другом, хромым Михой Давиташвили в деревне Цроми. Вернувшись в семинарию, Сталин начал успевать еще лучше и показал пятый результат в классе. И еще он начал всерьез писать стихи.

В конце учебного года Сосо отнес свои стихотворения в редакцию знаменитой газеты “Иверия”, где его принял величайший поэт Грузии – князь Илья Чавчавадзе. Это был националист-романтик, убежденный, что Грузия должна быть аграрной страной, а управлять ею должна просвещенная аристократия.

Стихи произвели на князя впечатление: он показал рукопись подростка редакторам. Он отобрал для публикации пять стихотворений – неплохое достижение. Чавчавадзе называл Сталина “юношей со взором горящим”[36]. В Грузии Сталиным восхищались как поэтом, прежде чем он стал знаменит как революционерз.

Глава 6
“Юноша бледный со взором горящим”

Грузины считали свою страну угнетенным царством рыцарей и поэтов. Стихотворения Сталина в “Иверии”, напечатанные под псевдонимом Сосело, получили известность и стали пусть не первостепенной, но классикой: они публиковались в антологиях грузинской поэзии до того, как кто-либо узнал имя Сталин. В 1916 году первое стихотворение Сталина “Утро” было включено в “Дэда эна”, сборник-букварь для детей, выходивший с 1912 по 1960 год. Оно сохранялось и в последующих изданиях, иногда приписываемое Сталину, иногда нет, вплоть до времен Брежнева.

Теперь у Сталина был подростковый тенор, и говорили, что с его голосом он мог профессионально заниматься пением. Поэзия – еще один талант, который мог бы направить его на другой путь и увести от политики и кровопролития. “Можно лишь пожалеть – и не только по политическим соображениям – о том, что Сталин предпочел революционную деятельность поэзии”, – считает профессор Дональд Рейфилд, переведший стихи Сталина на английский. Их романтическая образность вторична, но прелесть этих стихов – в утонченности и чистоте ритма и языка.

Размер и рифмовка стихотворения “Утро” прекрасно выдержаны, но похвалы Сталину снискала изысканная и не по годам зрелая работа с персидскими, византийскими и грузинскими мотивами. “Неудивительно, что патриарх грузинской литературы и общественной мысли Илья Чавчавадзе охотно согласился напечатать “Утро” и по меньшей мере еще четыре стихотворения”, – пишет Рейфилд.

Следующее стихотворение Сосело, восторженная ода “Луне”, говорит о поэте еще больше. В мире горных ледников, где правит божественное провидение, неистовый и угнетенный изгой стремится к священному лунному свету. В третьем стихотворении Сталин разрабатывает “контраст между буйством природы и человека с одной стороны и гармоничностью птиц, музыки, певцов-поэтов – с другой”.

Четвертое стихотворение наиболее красноречиво. Сталин создает образ пророка, гонимого в своем отечестве, странствующего поэта, которому подносит чашу с ядом его собственный народ. Семнадцатилетний Сталин уже рисует себе “маниакальный” мир, где “великих пророков ожидает лишь травля и убийство”. Если в каком-то стихотворении Сталина “есть *avis au lecteur*” (“предупреждение читателю”), полагает Рейфилд,

то уж точно в этом.

Пятое стихотворение Сталина, посвященное любимому поэту грузин, князю Рафаэлю Эристави[37], принесло ему наряду с “Утром” наибольшую поэтическую славу. Именно оно заставило сталинского “инсайдера” в Госбанке подсказать Сталину, когда устроить ограбление на Эриванской площади. Это стихотворение удостоилось включения в сборник к юбилею Эристави в 1899 году. Здесь упоминаются и струны лиры, и жатва крестьянским серпом.

Последнее стихотворение, “Старец Ниника”, появившееся в социалистическом еженедельнике “Квали” (“Плуг”), сочувственно описывает старого героя, который “внукам сказки говорит”. Это идеализированный образ грузина вроде самого Сталина в старости, который сидел на веранде у Черного моря и потчевал молодежь рассказами о своих приключениях.

Ранние стихи Сталина объясняют его навязчивый, разрушительный интерес к литературе в бытность диктатором, а также почтение – и ревность – к блестящим поэтам, таким как Осип Мандельштам и Борис Пастернак. Суждения этого “кремлевского горца” о литературе и влияние на нее, были, по словам Мандельштама из его знаменитого скабрезного антисталинского стихотворения, “как пудовые гири”; “его толстые пальцы, как черви, жирны”. Но, как ни странно, за обликом хвастливого грубияна и тупоумного филистера скрывался классически образованный литератор с неожиданными познаниями. Мандельштам был прав, когда говорил: “Поэзию уважают только у нас – за нее убивают”.

Бывший романтический поэт презирал и искоренял модернизм, но благоволил собственному, исковерканному варианту романтизма – социалистическому реализму. Он знал наизусть Некрасова и Пушкина, читал в переводе Гете и Шекспира, цитировал Уолта Уитмена. Он без конца говорил о грузинских поэтах, которых читал в детстве, и сам помогал редактировать русский перевод “Витязя в тигровой шкуре” Руставели: он перевел несколько строф и скромно спросил, подойдет ли его перевод.

Сталин уважал художественный талант и предпочитал убивать скорее партийных писак, чем великих поэтов. Поэтому после ареста Мандельштама Сталин приказал: “Изолировать, но сохранить”. Он “сохранил” большинство своих гениев, например Шостаковича, Булгакова и Эйзенштейна; он то звонил им и подбадривал их, то обличал и доводил до нищеты. Однажды такая телефонная молния с Олимпа застала врасплох Пастернака. Сталин спрашивал о Мандельштаме: “Но ведь он же мастер,

мастер?” Трагедия Мандельштама была предопределена не только его самоубийственным решением высмеять Сталина в стихах – то есть теми средствами, которыми сам диктатор передавал свои детские мечтания, – но и тем, что Пастернак не сумел подтвердить, что его коллега – мастер. Мандельштам не был приговорен к смерти, но не был и “сохранен”, погибнув на пути в ад ГУЛАГа. А вот Пастернака Сталин “сохранил”: “Оставьте этого небожителя в покое”.

Семнадцатилетний поэт-семинарист никогда не признавался, что именно он – автор своих стихов. Но позже он сказал другу: “Я потерял интерес к сочинению стихов, потому что это требует всего внимания человека, дьявольского терпения. А я в те дни был как ртуть”. Ртуть революции и конспирации, которая теперь просочилась в души тифлисской молодежи – и в семинарию1.

С белых ступеней “каменного мешка” Сосо видел оживленные, но опасные персидские и армянские базары вокруг Эриванской площади, “сеть узких улочек и аллей” с “открытыми мастерскими ювелиров и оружейников; прилавки кондитеров и пекарей, у которых в больших глиняных печах лежат плоские караваи… сапожники выставляют цветастые туфли… магазины виноторговцев, где вино хранится в бурдюках из бараньей или бычьей кожи шерстью внутрь”[38]. Головинский бульвар почти не уступал парижским улицам; остальная часть города больше напоминала “Лиму или Бомбей”.

“Улицы, – сообщает путеводитель Бедекера, – в основном наклонные и столь узкие, что на них не могут разойтись два экипажа; дома, по большей части украшенные балконами, стоят один над другим на горном склоне, как ступени лестницы. От рассвета до заката улицы запружены самыми разнообразными людьми и животными… Здесь можно встретить грузинских зеленщиков с большими деревянными подносами на головах; персов в длинных кафтанах и высоких черных меховых шапках (часто у них выкрашены хной волосы и ногти); татарского сеида и муллу в развевающихся одеяниях, зеленых и белых тюрбанах; представителей горских племен в красивых черкесках и мохнатых меховых шапках… магометанок в чадрах… и лошадей, везущих бурдюки с водой, а ведут их ярко одетые погонщики”.

Город горячих серных источников (и знаменитых серных бань) был построен на склонах Святой горы и на берегах Куры, под грузинской церковью с остроконечным куполом и мрачными башнями Метехской крепости-тюрьмы, которую Иремашвили называл тифлисской Бастилией. Над мощеными тропинками Святой горы возвышалась величественная церковь – теперь там,

среди поэтов и князей, похоронена Кеке.

В Тифлисе жило 160 000 человек: тридцать процентов русских, тридцать процентов армян и двадцать шесть процентов грузин; остаток составляли евреи, персы и татары. В городе выходило шесть армянских газет, пять русских и четыре грузинских. Тифлисские рабочие по большей части трудились в железнодорожном депо и небольших мастерских; богатство и власть здесь были у армянских магнатов, грузинских князей и русских чиновников и генералов, приближенных ко двору императорского наместника. Водоносы Тифлиса были рачинцами, из области западнее, каменщики – греками, портные – евреями, банщики – персами. Это была “каша из людей и животных, бараньих шапок и бритых голов, фесок и остроконечных колпаков… лошадей и мулов, верблюдов и собак… Крики, грохот, смех, ругань, толкотня, песни… <раздаются> в раскаленном воздухе”.

В этом многонациональном городе с театрами, гостиницами, караван-сараем, базарами и притонами уже кипели грузинский национализм и интернациональный марксизм. Они начинали проникать и в закрытые галереи семинарии2.

Сосо и еще одного ученика, Сеида Девдориани, переместили из общей спальни в комнату поменьше – из-за слабого здоровья. Девдориани был постарше и уже состоял в тайном кружке, где юноши читали запрещенную социалистическую литературу. “Я предложил ему присоединиться к нам – он с большой радостью согласился”, – рассказывает Девдориани. Там Сталин встретил и своих друзей из Гори – Иремашвили и Давиташвили.

Сначала они читали не подстрекательские марксистские работы, а безобидные книги, запрещенные в семинарии. Мальчики нелегально стали членами книжного клуба “Дешевая библиотека” и брали книги из магазина, владельцем которого был бывший народник Имедашвили. “Помните маленький книжный магазин? – писал он позднее всесильному Сталину. – Как мы думали и шептались в нем о великих неразрешимых вопросах!” Сталин открыл для себя романы Виктора Гюго, особенно “Девяносто третий год”. Герой этого романа, Симурден, революционер-священник, станет для Сталина одним из образцов для подражания[39]. Но Гюго монахи строго запрещали.

По ночам Черное Пятно ходил по коридорам, проверяя, погашены ли огни и не читает ли кто (и не предается ли другим порокам). Как только он уходил, ученики зажигали свечи и возвращались к чтению. Сосо обычно “слишком усердствовал и почти не спал, выглядел сонным и больным. Когда он начинал

кашлять", Иремашвили "брал у него из рук книгу и задувал свечу".

Инспектор Гермоген поймал Сталина за чтением "Девяносто третьего года" и приказал наказать его "продолжительным карцером". Затем еще один священник-шпик обнаружил у него другую книгу Гюго: "Джугашвили… оказывается, имеет абонементный лист из "Дешевой библиотеки", книгами из которой он и пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго "Труженики моря", где и нашел названный лист. Помощник инспектора С. Мураховский". Гермоген отметил: "Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги "Девяносто третий год" В. Гюго".

На молодого Сталина еще большее влияние оказывали русские писатели, будоражившие радикальную молодежь: стихотворения Николая Некрасова и роман Чернышевского "Что делать?". Его герой Рахметов был для Сталина образцом несгибаемого аскета-революционера. Как и Рахметов, Сталин считал себя "особенным человеком".

Вскоре Сталина поймали за еще одной запрещенной книгой "на церковной лестнице" – за это он получил "по распоряжению ректора продолжительный карцер и строгое предупреждение". Он "обожал Золя" – его любимым "парижским" романом был "Жерминаль". Он читал Шиллера, Мопассана, Бальзака и "Ярмарку тщеславия" Теккерея в переводе, Платона – в оригинале, по-гречески, историю России и Франции; этими книгами он делился с другими учениками. Он очень любил Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова, чьи произведения запоминал и "мог на память цитировать". Он восхищался Толстым, но ему "наскучивало его христианство" – позже на полях толстовских рассуждений об искуплении грехов и спасении он написал: "Ха-ха!" Он испещрил заметками шедевр Достоевского о революционном заговоре и предательстве – "Бесы". Эти тома проносились контрабандой, прятались под стихарями семинаристов. Сталин потом шутил, что некоторые книги он "экспроприировал" – украл – ради дела революциız.

Гюго был не единственным писателем, изменившим жизнь Сталина. Еще один романист изменил его имя. Он прочел запрещенный роман Александра Казбеги "Отцеубийца", где был выведен классический кавказский разбойник-герой по прозвищу Коба. "На меня и Сосо производили впечатление грузинские произведения, которые прославляли борьбу грузин за свободу", – пишет Иремашвили. В романе Коба сражался с русскими, жертвуя всем ради своей жены и своей родины, а затем обрушивая на врагов страшную месть.

“Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни, – рассказывает Иремашвили. Он хотел бы стать вторым Кобой. <… > Сосо начал именовать себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кобой”. Это имя многое значило для Сталина: отмщение кавказских горцев, жестокость разбойников, одержимость верностью и предательством, готовность пожертвовать личностью и семьей ради великой цели. Он и до этого любил имя Коба: так, сокращенно от Якова, звали его “приемного отца” Эгнаташвили. Имя Коба стало его излюбленным революционным псевдонимом и прозвищем. Но близкие по-прежнему называли его Сосо4.

Его стихи уже появлялись в газетах, но в семнадцать лет, осенью 1896-го, Сталин начал терять интерес к духовному образованию и даже к поэзии. По успеваемости он переместился с пятого на шестнадцатое место.

После отбоя ученики, высматривая, не идет ли страшный инспектор, полушепотом, но жарко спорили о великих вопросах бытия. Семидесятилетний диктатор Сталин со смехом вспоминал эти споры. “Я стал атеистом в первом классе семинарии”, – говорил он. У него случались споры с однокашниками, например с набожным другом Симоном Натрошвили. Но, какое-то время поразмыслив, Натрошвили “пришел ко мне и признал, что ошибался”. Сталин слушал это с удовольствием, пока Симон не сказал: “Если Бог есть, то есть и ад. А там всегда горит адский огонь. Кто же найдет довольно дров, чтобы адский огонь горел? Они должны быть бесконечными, а разве бывают бесконечные дрова?” Сталин вспоминал: “Я захохотал! Я думал, что Симон пришел к своим выводам с помощью логики, а на самом деле он стал атеистом, потому что боялся, что в аду не хватит дров!”

От простого сочувствия революционным идеям Сосо двигался к открытому бунту. Приблизительно в это время его дядю Сандала, брата Кеке, убили полицейские. Сталин никогда об этом не говорил, но наверняка это сыграло свою роль.

Сталин быстро – “как ртуть” – от французских прозаиков перешел к самому Марксу: за пять копеек семинаристы одолжили “Капитал” на две недели5. Он пытался изучать немецкий, чтобы читать Маркса и Энгельса в оригинале, и английский – у него был экземпляр “Борьбы английских рабочих за свободу”[40]. Так начинались его попытки выучить иностранные языки, особенно немецкий и английский, – они продлятся всю его жизнь[41].

Вскоре Сталин и Иремашвили начали потихоньку выбираться

из семинарии под покровом ночи. В маленьких лачугах на склонах Святой горы проходили их первые встречи с настоящими рабочими – железнодорожниками. Из этой первой искры конспирации разгорелся огонь, которому не суждено было погаснуть.

Сталину наскучили благопристойные просветительские дискуссии в семинарском клубе Девдориани: он хотел, чтобы кружок перешел к активным действиям. Девдориани сопротивлялся, поэтому Сталин начал бороться с ним и основывать собственный кружок6.

Впрочем, они оставались друзьями: рождественские каникулы 1896 года Сосо провел в деревне Девдориани. Возможно, Сталин – он всегда умел дозировать дружелюбие и вскоре научился ловко злоупотреблять гостеприимством – откладывал окончательный разрыв, чтобы ему было где остановиться на каникулах. По дороге товарищи заехали к Кеке, которая жила в “маленькой хижине”. Девдориани заметил, что в ней было множество клопов.

– Это я виновата, сынок, что у нас на столе нет вина, – сказала Кеке за ужином.

– И я виноват, – ответил Сталин.

– Надеюсь, клопы вам ночью не мешали? – спросила она у Девдориани.

– Я ничего такого не заметил, – из вежливости солгал тот.

– Отлично он их заметил, – сообщил Сталин своей бедной матери. – Всю ночь вертелся и сучил ногами.

От Кеке не укрылось, что Сосо сторонился ее и старался говорить как можно меньше.

Вернувшись в семинарию в 1897 году, Сталин порвал с Девдориани. “Серьезную и не всегда безобидную вражду… обычно сеял Коба, – вспоминает Иремашвили, оставшийся на стороне Девдориани. – Коба считал, что рожден быть лидером, и не терпел никакой критики. Образовалось две партии – одна за Кобу, вторая против”. Такая ситуация повторялась всю его жизнь. Он нашел наставника поавторитетнее: вновь сблизился с вдохновлявшим его Ладо Кецховели из Гори – того успели выгнать и из Тифлисской, и из Киевской семинарии, арестовали и теперь отпустили. Сосо никого так не уважал, как Ладо.

Его наставник познакомил своего младшего друга с пламенным черноглазым Сильвестром Джибладзе, Сильвой, тем самым легендарным семинаристом, что избил ректора. В 1892 году Джибладзе вместе с элегантным аристократом Ноем Жорданией и другими основали грузинскую социалистическую партию “Третья группа” (“Месаме-даси”). Теперь эти марксисты вновь собрались в Тифлисе, получили в свои руки газету “Квали”

и принялись сеять семена революции среди рабочих. Джибладзе пригласил подростка на квартиру к Вано Стуруа, который вспоминает, что “Джибладзе привел неизвестного юношу”.

Желая принять участие в работе, Сталин обратился к влиятельному лидеру группы, Ною Жордании. Он пришел в редакцию “Квали”, где были напечатаны его последние стихи. Жордания, высокий, с “изящным, красивым лицом, черной бородой… и аристократическими манерами”, покровительственно порекомендовал Сосо еще поучиться. “Подумаю”, – ответил дерзкий юноша. Теперь у него появился враг. Сталин написал письмо с критикой Жордании и “Квали”. Газета отказалась напечатать его, после чего Сталин говорил, что редакция “целыми днями сидит и не может выразить ни одного достойного мнения!”.

Ладо также претила мягкость Жордании. Вероятно, именно Ладо ввел Сталина в кружки русских рабочих, которые как грибы вырастали вокруг тифлисских мастерских. Они тайно встречались на немецком кладбище, в домике за мельницей и около арсенала. Сталин предложил снять комнату на Святой горе. “Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю в послеобеденные часы – до переклички”. Аренда стоила пять рублей в месяц – участники кружка получали от родителей “деньги на мелкие расходы” и “из этих средств… платили за комнату”. Сталин начал вести “рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке”: этот журнал в семинарии передавался из рук в руки[7].

Из школьника-бунтаря он уже превращался в революционера и впервые попал в поле зрения тайной полиции. Когда другой марксистский активист Сергей Аллилуев, квалифицированный железнодорожник и будущий тесть Сталина, был арестован, его допрашивал жандармский капитан Лавров. Он спросил: “Грузин-семинаристов знаете?”[8]

Романтический поэт становился “убежденным фанатиком” с “почти мистической верой”, которой он посвятил свою жизнь и в которой никогда не колебался. Но во что он на самом деле верил?

Предоставим ему слово. Сталинский марксизм означал, что “только революционный пролетариат призван историей освободить человечество и дать миру счастье”, но человечество претерпит “много мытарств, мучений и изменений”, прежде чем достигнуть “научно разработанного и обоснованного социализма”. Стержень этого благотворного прогресса – “классовая борьба”: “краеугольным… камнем марксизма является

масса, освобождение которой… является главным условием освобождения личности”.

Это учение, по словам Сталина, – “не только теория социализма, это цельное мировоззрение, философская система”, подобная научно обоснованной религии, адептами которой были юные революционеры. “У меня было такое чувство, что я включаюсь маленьким звеном в большую цепь”, – писал об этом Троцкий. Он, как и Сталин, был убежден, что “прочно только то, что завоевано в бою”. “Много бурь, много кровавых потоков”, как писал Сталин, должны были пронестись, “чтобы уничтожить угнетение”.

Между Сталиным и Троцким одна большая разница: Сталин был грузином. Он никогда не переставал гордиться грузинской нацией и культурой. Небольшим народам Кавказа было сложно принять настоящий интернациональный марксизм, потому что угнетение заставляло их мечтать и о независимости. Молодой Сталин верил в силу смеси марксизма с грузинским национализмом, что было почти противоположно интернациональному марксизму.

Сосо, вчитывавшийся в марксистские тексты, грубил в лицо священникам, но еще не сделался открытым мятежником, как другие семинаристы до и после него. Сталинская пропаганда позднее преувеличивала его раннюю революционную зрелость: в своем поколении он оказался далеко не первым революционером. Пока что он был лишь молодым радикалом, только-только заходившим в воды революции9.

Глава 7
Битва в общежитии: Сосо против Черного Пятна

К началу 1897 года Сталин открыто враждовал с Черным Пятном. В семинарском кондуите записано, что он тринадцать раз был пойман с запрещенными книгами и получил девять предупреждений.

“Внезапно инквизитор Абашидзе”, вспоминает Иремашвили, начал обыскивать их вещевые ящики и даже корзины с грязным бельем. Неуемный Абашидзе – Черное Пятно, – казалось, думал только о том, чтобы изловить Сталина с запрещенными книгами. На молитве ученики держали Библию открытой на столе, а на коленях у них лежала книга Маркса или Плеханова, провозвестника русского марксизма. Во дворе стояла большая поленница, в которой Сталин и Иремашвили прятали запрещенную литературу; там же они ее и читали. Как-то Абашидзе их подкараулил и выскочил, чтобы поймать, но они успели бросить книги в дрова. “Нас тут же заперли в карцер, где мы сидели до позднего вечера без ужина, но голод побудил нас к мятежу, поэтому мы стучали в двери, пока монах не принес нам поесть”1.

На каникулы Сталин отправился погостить в деревне у младшего товарища – Георгия Елисабедашвили, сына священника (все лучше, чем возвращаться к матери). Священник попросил Сталина подготовить Георгия к вступительным экзаменам в семинарию. У Сталина всегда был развит педагогический инстинкт, но еще больше он хотел обратить своего подопечного в марксистскую веру. В деревню они приехали на телеге, сидя верхом на стопке нелегальных книг. Они устраивали разные проделки, смеялись над крестьянами, с которыми Сталин прекрасно говорил “на крестьянском языке”. Когда они зашли в старую церковь, Сталин подбил своего ученика на то, чтобы снять со стены икону, бросить ее об пол и помочиться на нее.

– Не боишься Бога? – спросил Сталин. – Ты прав!

Ученик Сталина провалил экзамены. Разгневанный отец Елисабедашвили обвинял в этом репетитора. Но мальчик поступил со второй попытки – а впоследствии стал сталинским большевиком2.

По возвращении в семинарию Сталин то и дело нарывался на

неприятности: в кондуите записано, что он грубил, “не кланялся” учителю и был заключен в карцер на пять часов. Сосо отказывался стричься и носил вызывающе длинные волосы; он не расстался с ними даже по приказу Черного Пятна. Он смеялся и разговаривал во время молитв, рано уходил со всенощной, опаздывал к акафисту Богородице и убегал с литургии. Вероятно, в карцере он проводил много времени. В декабре 1898 года ему исполнилось двадцать лет – многовато для интерната; он был на год старше остальных (много пропустил, восстанавливаясь после несчастных случаев). Неудивительно, что он был обозлен.

Он явно вырос из семинарского послушания. Семинаристы должны были по-братски трижды целовать друг друга при каждой встрече, но Сталин, увязший в борьбе с Девдориани и преданный марксизму, не доверял такому куртуазному вздору. “Не хочу быть фарисеем, целовать тех, кто мне не люб”, – говорил он, отказываясь следовать этому обычаю. Он всю жизнь опасался предателей под масками.

Начальство копалось в вещах семинаристов – искали атеистическое сочинение Ренана “Жизнь Иисуса” (Сталин гордился тем, что эта книга у него была). Князь-монах-инквизитор несколько раз обыскивал его прикроватный столик, но ничего не находил. Один из товарищей догадался спрятать книгу под подушку самому ректору. Сталин вспоминал, как учащихся сзывали на перекличку, а когда они возвращались, то обнаруживали, что их ящики перевернуты вверх дном.

Сосо терял интерес к учебе. К началу пятого класса он был двадцатым из двадцати трех и получал тройки по тем предметам, которые раньше знал на отлично. В письме ректору Серафиму он объяснил снижение успеваемости болезнью, но некоторые экзамены ему все равно пришлось пересдавать.

Тем временем Черное Пятно “следил за нами еще строже”; ученикам предлагали доносить на бунтовщиков. Но Сталин с каждой неделей вел себя все более дерзко. Когда он с друзьями начал читать вслух смешные стихи из тетради, шпионы тут же донесли об этом Абашидзе, который подкрался к двери и стал слушать. Он ворвался в комнату и схватил тетрадь. Сталин попытался отнять ее. Священник и подросток подрались, но победа осталась за Черным Пятном – он потащил Сталина в свои комнаты, “сам принес сюда керосин и заставил “нечестивцев” самих сжечь “крамольную” тетрадь”.

В конце концов Абашидзе еще усилил надзор за Сталиным. “В девять часов вечера в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг Джугашвили, что-то читавшего им. При приближении к ним Джугашвили старался

скрыть записку и только при настойчивом требовании решился обнаружить свою рукопись. Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги… Д. Абашидзе”.

До матери Сталина дошли “злые слухи”, что ее сын “стал бунтовщиком”. Разумеется, Кеке нарядилась и отправилась в Тифлис, чтобы спасти положение, – но здесь впервые “он на меня рассердился. Он кричал, что это не мое дело. Я сказала: “Сынок, ты мой единственный ребенок, не убивай меня: как же ты победишь императора Николая? Оставь это тем, у кого есть братья и сестры”. Сосо успокоил ее и обнял, сказав, что он не бунтовщик. “Так он впервые солгал мне”, – с горечью вспоминает Кеке.

О сыне заботилась не только она. Сталин до сих пор иногда встречался со своим непутевым отцом – вероятно, Кеке об этом не знала[42]. Вдвоем с двоюродной сестрой своей матери Анной Геладзе Сталин навещал Бесо; тот дарил сыну с любовью сшитые сапоги. Анна вспоминала, что Сосо с детства любил носить сапоги. Диктатор в сапогах – это был не только милитаристский жест, но и негласная дань уважения отцу и красивой кожаной обуви, которую тот шил собственными руками.

Возможно, с возрастом Сталин перестал бояться Бесо, а марксизм сделал его терпимее к отцу. Бесо, который теперь тихо работал в ателье, “вдвойне полюбил своего сына, все время говорил о нем”, пишет Котэ Чарквиани. “Мы с Сосо навещали его. Он не повышал голоса на Сосо”, но бормотал: “Слыхал я, что он теперь бунтует против Николая Второго. Как будто ему под силу его скинуть!”

Война Черного Пятна со Сталиным разгоралась все сильней. Кондуитный журнал сообщает, что Сталин провозгласил себя атеистом, ушел с молитвы, разговаривал в классе, опоздал к чаю и отказался снять шапку перед монахами. Он получил еще одиннадцать предупреждений.

Их конфронтация быстро превращалась в фарс, потому что ученики потеряли всякое уважение к своему инквизитору. Однажды друзья Сосо беседовали в Пушкинском сквере у Эриванской площади. К ним подбежал один из учеников и сообщил, что Абашидзе – опять! – проводит обыск у Джугашвили. Они помчались в семинарию и увидели, что инспектор взломал ящик Сталина и нашел там нелегальные книги. Он схватил их и гордо понес свои трофеи по лестнице на второй этаж. Тогда один из учеников, Васо Келбакиани, подбежал к Абашидзе и толкнул его – тот едва удержал книги. Но Черное Пятно дал храбрый

отпор. Семинаристы набросились на него и вышибли книги у него из рук. Тут подбежал Сталин, подхватил книги и бросился наутек. За это ему запретили выходить из семинарии, а Келбакиани исключили. Но, как ни странно, успеваемость Сосо улучшилась: по большинству предметов он получил “очень хорошо” (четверки) и пятерку по логике. Он по-прежнему с удовольствием ходил на уроки истории. Учителем истории был Николай Махатадзе; из всех семинарских преподавателей Сталин восхищался только им. Он так любил Махатадзе, что впоследствии спас ему жизнь[43].

Тем временем Черное Пятно потерял контроль над Сталиным, но не мог перестать преследовать мятежника. Дело близилось к развязке. Однажды монах подкрался к Сталину и застал его за чтением очередной запрещенной книги. Он накинулся на Сосо и отнял у него книгу, но Сталин попросту вырвал ее у него из рук, к немалому удивлению других учеников. После этого он продолжил чтение. Абашидзе был изумлен. “Как, ты меня не видишь?” – вскричал он.

Сталин протер глаза и ответил: “Как же, вижу какое-то черное пятно”. На этот раз он хватил через край.

Черное Пятно, должно быть, мечтал, чтобы кто-нибудь помог ему отделаться от этого буйного семинариста. Был почти конец учебного года. Сталин получил последний выговор 7 апреля – за то, что не поздоровался с учителем. Через два дня семинарию распустили на каникулы. Сталин в нее больше не вернулся. В мае 1899 года в журнале появилась лаконичная запись: “Увольняется… за неявку на экзамены”. Как всегда со Сталиным, все было не так простоз.

Сталин позднее бахвалился, что был “вышиблен… за пропаганду марксизма”. Но, возможно, Черное Пятно докопался до кое-чего более пикантного, чем грубые выходки в церкви или марксистский кружок в городе.

Ученики, у которых карманных денег водилось больше, чем у Сталина, снимали комнаты на Святой горе, для того чтобы проводить заседания кружка вольнодумного чтения. Но не будем забывать, что это были грузинские юноши, для которых любовные похождения были предметом особой гордости; вполне вероятно, что в этих же комнатах устраивались вечеринки с вином и девушками. Священники, особенно инспектор Черное Пятно, подобно английским школьным директорам, прочесывали и город, чтобы вылавливать своих подопечных в театрах, кабаках и притонах.

Когда Сталин не учился, он, вероятно, пил и распутничал. Возможно, он навлек на себя более крупные неприятности, когда

был в Гори на каникулах. Было ли это связано с влюбленностью в девочку Чарквиани? Он никогда не забывал ее, вспоминал и в старости. Много лет спустя он помнил и другую горийскую девушку – Лизу Акопову. В 1926 году он пробовал узнать о ее судьбе – это наводит на мысль, что они были близки. Она написала ему письмо: “Клянусь клятвой родной сестры, что я очень рада за то внимание, которое Вы оказали и справились о нас. <…> Я та, которая… была сестрой, неразделимым другом твоей матери. Если помните, когда Вы были сосланы в Сибирь, я посылала Вам разные посылки… эта самая Лиза из города Гори есть я”. Это письмо было довольно рискованным для 1920-х годов – но далеко не таким рискованным, как другое, которое Сталин получил в 1938-м.

Некая женщина писала Сталину о своей племяннице Прасковье Михайловской, Паше, якобы дочери Сталина, родившейся в 1899-м. “Если вы помните Вашу юность и раннюю молодость (а это никогда не забывается), то Вы, конечно, помните маленькую черноглазую девочку, которую звали Пашей”. В письме говорится, что мать Сталина была неравнодушна к ребенку – сама девочка помнила Кеке. Мать Паши рассказала ей, что ее отец “посвятил себя служению народу”. Паша выросла красавицей, стала машинисткой, вышла замуж, но ее мать и муж умерли, оставив ее в нужде. В 1938 году она пропала в Москве.

Можно было бы счесть это за образец безумной корреспонденции, какую часто получают политики, если бы не тот факт, что Сталин, не многое хранивший в личном архиве, не выбросил этого письма. Упоминание его матери звучит вполне правдоподобно: Кеке, конечно, помогла бы своему любимому Сосо в ситуации, которая едва ли была незнакома молодым грузинским Казановам. Кроме того, в разгар Большого террора написать такое письмо Сталину осмелился бы либо человек, говорящий правду, либо сумасшедший, желающий умереть. Если бы мы не знали, что Сталину случалось оставлять любовниц и детей, это письмо можно было бы проигнорировать. Но в дальнейшем у Сталина редко когда не бывало подруги, и он без зазрения совести бросал невест, жен и детей. Истины мы никогда не узнаем, но, если учесть характер Сталина и время описываемых событий, все, возможно, так и было[4].

Если эта история стала известна Абашидзе или же Кеке боялась, что в семинарии об этом узнают, становится понятно, почему она приложила руку к отчислению сына. Пасхальные каникулы 1899 года Сосо провел дома в Гори; якобы он перенес затяжное воспаление легких. Возможно, он и вправду болел. “Я забрала его из семинарии, – утверждала Кеке. – Он не хотел ее

покидать”. Но наверняка она была горько разочарована.

Сталин, конечно, преувеличивал, рассказывая о своем достославном изгнании. Его исключили не за революционные деяния, и после исключения он сохранил с семинарией дипломатические отношения. В некоторых биографиях говорится, что он был отчислен за неявку на экзамены, но болезнь – уважительная причина. Церковь делала все, чтобы его облагодетельствовать: она позволила ему не возвращать стипендию за пять лет (480 рублей); Сталину даже предложили пересдать выпускные экзамены и занять место учителя.

Правда заключается в том, что отец Абашидзе нашел удобный способ избавиться от своего мучителя. На допросе в 1910 году Сталин рассказывал жандарму, что не окончил семинарию, поскольку в 1899-м с него совершенно неожиданно потребовали двадцать пять рублей за продолжение обучения. Он не заплатил этих денег, и его отчислили. Хитрец Черное Пятно поднял плату за обучение. Сталин и не пытался уплатить требуемое. Он просто ушел. Его друг Авель Енукидзе – еще один бывший семинарист, с которым Сталин познакомился около этого времени, – выразился наилучшим образом: “Он вылетел из семинарии”. Но все было не так однозначно.

Своему горийскому другу Давришеви Сталин открыл, что был исключен, после того как его разоблачили, – для него это был “удар”. Вскоре еще двадцать семинаристов были отчислены за революционную деятельность. Позднее враги Сталина утверждали, что это он выдал ректору своих товарищей-марксистов. Говорили, будто в тюрьме он в этом признался и оправдывал предательство тем, что таким образом делал друзей революционерами: действительно, они составили костяк его последователей. Сталин был способен на такую софистику и предательство, но разве его приняли бы в марксистском подполье, если бы эта история была широко известна? Даже Троцкий считает ее абсурдом. Скорее всего, это был язвительный ответ Сталина на обвинения в свой адрес – но это укрепило подозрения в том, что позднее он служил агентом охранки. Достоверно лишь то, что в тот год из семинарии были исключены многие.

Самоучка и библиофил Сосо “экспроприировал” книги, которые были взяты в семинарской библиотеке и оставались у него. С него попытались взыскать восемнадцать рублей, а осенью 1900-го – еще пятнадцать, но тогда он уже был в подполье, вне досягаемости семинарского начальства. Церковь так и не получила денег, а Черное Пятно – своих книг[44]. Из Сталина не вышло священника, но семинария дала ему классическое

образование и оказала на него громадное влияние. Черное Пятно добился того, что Сталин превратился в марксиста-атеиста, и обучил его приемам репрессий – “слежке, шпионажу, залезанию в душу, издевательству” (как говорил сам Сталин). Эти приемы он воссоздаст в советском полицейском государстве.

Сталина всю жизнь занимали священники, и, когда он встречался с другими семинаристами или с детьми духовенства, он часто подробно их расспрашивал. “Главное, чему попы научить могут, – это понимать людей”, – говорил он. Сталин всегда прибегал к катехистическому, “вопросо-ответному” языку религии. Его большевизм подражал христианству, здесь были свои культы, святые и иконы. Когда в 1929 году Сталина славили как вождя, он, кощунствуя, написал: “Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию”.

Еще одним забавным следствием семинарского прошлого было впечатление, которое оно производило на иностранцев. Например, Франклин Рузвельт, очарованный Сталиным на Тегеранской конференции в 1943 году, был, как записал его секретарь, “заинтригован тем, что Сталин готовился к пути священника”.

Прежний Бог по-прежнему обитал в его атеистическом сознании. На одной из встреч во время Второй мировой войны он простил Уинстону Черчиллю его антибольшевизм: “Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу”. Американскому послу Авереллу Гарриману он говорил: “Прощать может только Бог”. Некоторые его друзья, например Капанадзе, стали священниками, но Сталин поддерживал с ними теплые отношения. Вместе со своими приближенными он пел на пьяных большевистских застольях церковные гимны. Он смешивал православие и марксизм в полушутке: “Не ошибаются только святые. Господа Бога можно обвинить в том, что… много нищих, обиженных…”[45] Впрочем, действия Сталина всегда красноречивее слов: диктатор безжалостно преследовал церковь, убивал и ссылал священников – до 1943 года, когда он восстановил патриаршество, но только в качестве военной необходимости, чтобы поставить себе на службу старый русский патриотизм[46].

Может быть, свой подлинный взгляд на Бога он обнаружил, посылая после Второй мировой войны в подарок рыбу своему протеже Алексею Косыгину (при Брежневе он станет председателем Совета министров): “Товарищ Косыгин! Посылаются вам дары от Господа Бога, я исполнитель его воли. <…> Сталин”. Будучи в каком-то смысле верховным жрецом

истории, тифлисский семинарист действительно думал о себе как об исполнителе воли Бога[5].

“Изменило ли это что-то в характере Сталина? – не раз размышлял Франклин Рузвельт. – Не объясняет ли это его способность к состраданию, которую мы все ощущаем?” Возможно, именно “священство” научило Сталина, “как должен вести себя джентльмен-христианин”.

Между тем этот христианский джентльмен ушел далеко от христианства. Даже умеренные благородные социалисты, такие как Жордания, теперь раздражали его и Ладо. “Они ведут среди рабочих культурно-просветительскую работу и не воспитывают их революционерами”, – говорил Сосо. Он обличал Жорданию перед друзьями и рассказывал, что набрел на труды замечательного радикала по фамилии Тулин. Это был один из псевдонимов Владимира Ульянова, в будущем Ленина.

“Если бы не Ленин, то я пел бы в церкви, и довольно неплохо, не зря же я семинарист”, – смеялся Сталин в старости. Он рассказывал друзьям об этом далеком революционере. “Я во что бы то ни стало должен увидеть его!” – заявлял он, окончательно решившись посвятить себя марксистской революции. Но у него были и насущные заботы. Кеке “очень рассердилась на него” за то, что он оставил семинарию:

Сосо приходилось несколько дней прятаться в садах в селении Гамбареули, недалеко от Гори, друзья приносили ему туда пищу. Он вернулся в Тифлис, но вскоре поругался с соседями по комнате, которые поддерживали Жорданию. Пришлось съехать. Он сражался с товарищами-семинаристами, затем с соседями, а теперь вступил в конфликт со старшими тифлисскими радикалами. Везде, куда приходил этот грубый, самоуверенный юноша, стоило ждать неприятностей[6].

Глава 8
Метеоролог. Партии и князья

Сосо были нужны работа и дом. Он стал метеорологом. Как ни странно, образ жизни метеоролога в Тифлисской физической обсерватории был удобнейшим прикрытием для молодого революционера. Здесь уже работал его горийский друг Вано Кецховели, младший брат Ладо. В октябре 1899-го Сталин разделил с ним маленькую комнатку под обсерваторской башней[47]. Заняв должность вычислителя-наблюдателя, он работал три раза в неделю с 6:30 до 22:00. Каждый час он проверял показания термометров и барометров и получал за это двадцать рублей в месяц. В ночную смену он трудился с 20:30 до 8:30, а после у него оставался целый день для революционной работы. В конце 1899 года Ладо, которому охотно помогал Сосо, начал готовить забастовку, одно из первых полномасштабных радикальных выступлений рабочих в Грузии.

В первый день нового года Ладо удалось остановить движение в городе: возницы тифлисской конки отказались работать. Тайная полиция наблюдала за Ладо и синоптиками-революционерами. В первые недели 1900 года полиция нагрянула в обсерваторию, арестовала Сталина и водворила его в Метехскую крепость. Официальной причиной первого ареста Сталина было то, что Бесо не уплатил налоги в своей родной деревне Диди-Лило1. Но, скорее всего, это было предупреждение от жандармов.

Денег у Сталина не было, но его более обеспеченные друзья во главе с Давиташвили собрали деньги и уплатили налог. Едва ли это упрочило сыновнюю любовь Сосо – хотя Бесо несколько раз приходил к нему в обсерваторию.

Узнав, что Бесо вновь появился в жизни ее сына, доблестная Кеке отправилась в Тифлис на выручку. Она настояла на том, чтобы поселиться в комнате Сосо2.

Когда Сталина выпустили, а назойливая мать уехала домой, он опять начал воодушевлять рабочих устраивать забастовки по всему городу; главной мишенью агитации были железнодорожные цеха. Он много времени проводил в депо, длинном каменном строении с большими решетчатыми окнам, где все оглушительно лязгало и стучало, где пыхтели паровозы. Для начала товарищи поручили ему две подпольных группы железнодорожников, так называемые кружки. “Я был совершенно неопытен, абсолютный новичок”3.

Сталин жил и одевался соответственно положению; его облик был, как писал Троцкий, “общим признаком революционеров, особенно в провинции”: борода; длинные, почти как у хиппи, волосы; черная атласная русская блуза с красным галстуком. Неухоженность ему нравилась. “Его нельзя было видеть иначе как в этой грязной блузе и нечищеных ботинках”, – сообщает Иремашвили4.

Сосо с энтузиазмом читал в своих кружках лекции и проводил агитацию. “Почему мы бедны?” – спрашивал он свою небольшую аудиторию. “Почему мы бесправны?” “Как изменить жизнь?” Его ответ был один: марксизм и Российская социал-демократическая рабочая партия (эсдеки)5.

Рабочие с почтением слушали молодого проповедника. Отнюдь не совпадение, что в прошлом многие революционеры были семинаристами, а многие рабочие – набожными крестьянами. Некоторые потом называли Сталина Пастырем. “Это священная борьба”, – говорил тифлисский агитатор Михаил Калинин. Троцкий, который агитировал в другом городе, вспоминал, что многие рабочие сравнивали эти собрания “с эпохой первых христиан” и им приходилось разъяснять, что они должны стать атеистами.

“Самые слова “комитет”, “партия”… звучали в молодых ушах… заманчивой мелодией”, – писал Троцкий. “Это было время людей от 18 до 30 лет. <…> Вступавший в организацию знал, что… его ждут тюрьма, затем ссылка. Честолюбие состояло в том, чтоб продержаться как можно дольше на работе до ареста”.

Сосо, тоже веривший в святость своего дела, вскоре добился первого успеха6.

1 мая 1900 года Сосо со свойственной ему предельной осторожностью организовал судьбоносную секретную сходку. Первое мая – маевка – было для социалистов как Рождество. Тайная полиция попыталась арестовать Ладо, который улизнул в Баку, нефтяной город на берегу Каспийского моря. Сталин занял его место.

Накануне вечером были розданы инструкции и пароли. Ночью 500 рабочих и активистов отправились в гористую местность под Тифлисом. Их встретили организаторы с фонарями, сообщившие новые пароли и маршруты. На сходке пели “Марсельезу”. Сталин и другие выступающие забрались на скалы. Сосо произнес свою первую большую речь, в которой призывал к забастовкам; Жордания и “Месаме-даси” выступали против.

Победил Сосо и его радикалы. Железнодорожные депо

забастовали; их примеру последовала обувная фабрика Адельханова, где до сих пор работал Бесо.

– Зачем ты здесь? – спросил он Сосо. Он был недоволен приходом сына.

– Чтобы поговорить с этими людьми, – ответил Сосо.

– Почему ты не обучишься какому-нибудь ремеслу?

Это последняя их встреча, о которой нам известно. Бесо не сумел удержаться на работе и был выброшен за борт подобно многим безрассудным бродягам, которых уносили волны пьянства, нищеты и отчаяния.

Тайная полиция впервые упомянула в своих отчетах Сосо Джугашвили как лидера – наряду с гораздо более старшим Виктором Курнатовским, который знал самого Ленина, и легендарным Сильвой Джибладзе, избившим ректора. Сталин заявил о себе7.

Тайная полиция сжимала кольцо вокруг заговорщиков, но тифлисская жизнь по-прежнему протекала сонно, упоительно, безмятежно; ночи были благоуханны, уличные кафе полны народу. Революционеры жили почти по-студенчески. “Вечера, когда шумные споры, чтения и долгие беседы чередовались с игрой на гитаре и пением, живут в моей памяти”, – вспоминает Анна Аллилуева, дочь Сергея, опытного электрика и агитатора-марксиста, который вместе со Сталиным действовал в тифлисском депо. Тифлис – домашний город, здесь новости передавались с одной увитой виноградом веранды на другую по “балконному телеграфу”.

Сталин был еще в самом начале пути, но уже делил своих товарищей на кумиров, последователей и врагов. Сначала он нашел себе нового ментора – князя Александра Цулукидзе (Сашу), высокого, красивого молодого человека, носившего хорошие заграничные костюмы. Он был другом еще одного кумира Сталина – Ладо. Оба были более высокого происхождения, чем Сосо. Отец Ладо был священником, а отец Красного Князя – одним из богатейших аристократов Грузии; семья его матери, княгини Олимпиады Шервашидзе, когда-то правила Абхазией[48]. Сталин восхвалял “поразительные, выдающиеся таланты” Ладо и Саши – им обоим не грозила его ревность, к тому моменту они уже умерли. У Сталина был лишь один настоящий кумир – он сам. За всю его откровенно эгоистическую и независимую жизнь близко к такому статусу подошли лишь Ладо, Саша и Ленин. Сталин, по его словам, был их “учеником”8.

У Сталина уже был небольшой круг приближенных – молодые радикалы, изгнанные из семинарии: в 1901 году оттуда

исключили еще сорок человек, в том числе бывшего сталинского подопечного Елисабедашвили, того, что мочился на икону, и его друга Александра Сванидзе (Алешу). Алеша снимал квартиру на улице в Сололаки, над Эриванской площадью. Здесь Сталин давал уроки и готовил список для чтения из 300 книг, который собирался дать своему кружку. “Сосо не читал, а буквально поглощал книги”, – вспоминал Елисабедашвили. Алеша Сванидзе, жизнерадостный человек со связями с высшем обществе, брат трех красивых сестер, станет шурином Сталина и близким другом – до эпохи Террора. Но с его сестрами Сталин пока не был знаком.

Другим его учеником был только что приехавший из Гори девятнадцатилетний полупсихопат Симон Тер-Петросян. Вскоре он станет известен под именем Камо. Он также все детство дрался, воровал фрукты и “предавался своему любимому занятию – кулачному бою”. Он часто бывал у Сванидзе в надежде чему-нибудь научиться, но вообще-то хотел стать офицером. Его отец-тиран выговаривал ему за дружбу с “голодранцем” Сталиным. Но в 1901 году, когда семейство Тер-Петросянов обнищало благодаря мотовству отца, тот утратил власть над сыном. Камо считал Сталина своим учителем – тот учил его литературе, давал ему книги. “Мне очень понравился “Жерминаль” Золя!” – вспоминал Камо. Сталин притягивал его “как магнит”.

Впрочем, Сталин был не самым терпеливым учителем. Видя, что Тер-Петросян с трудом усваивает русский язык и марксизм, Сталин попросил другого своего приверженца, Вардояна, поучить его. “Сосо лежал и читал книгу, а я учил Камо русской грамматике, – вспоминает Вардоян. – Но Камо был умственно ограничен и все время говорил “камо” вместо “кому”. Сталин “потерял терпение и вскочил, но затем рассмеялся: “Кому”, а не “камо!” Запомни же это, бичо[49]!” После этого Сосо, всегда с удовольствием дававший своим приближенным прозвища, стал называть Тер-Петросяна Камо – так это имя и приклеилось на всю жизнь”. У Камо были трудности с языком, но он был заражен марксизмом и “околдован” Сталиным. “ Ты больше читай! – наставлял его Сталин. – Самое большое из тебя получится офицер. Оставь это! Лучше займемся другим делом!” Сталин, как доктор Франкенштейн, сделал из Камо своего телохранителя и головореза.

“Сосо был философом-конспиратором с самого начала. Мы учились у него конспирации, – говорит Вардоян. – Меня привлекало то, как он разговаривает и смеется, его манеры. Я сам не замечал, как начал копировать его, за это друзья прозвали меня Граммофон Сосо”9.

Но Сосо никогда не был беззаботным грузином. Даже тогда “он был очень необычным и загадочным человеком”, рассказывает Давид Сагирашвили, молодой социалист, который познакомился со Сталиным примерно в это время: он заметил, как тот “идет по улицам Тифлиса, худой, лицо в оспинах, одет кое-как, в руках большая стопка книг”.

Однажды Сталин пришел на веселую вечеринку, которую устроил Алеша Сванидзе. Пили коктейль – дынный сок с коньяком, страшно напились. Но Сосо лежал на диване на веранде и тихо читал, делая пометки. Его стали искать: “Где он?”

– Сосо читает, – ответил Алеша Сванидзе.

– Что ты читаешь? – с издевкой спросили его друзья.

– Мемуары Наполеона Бонапарта, – отвечал Сосо. – Поразительно, какие он допускал ошибки. Я их все отмечаю!

Пьяные дворянчики до слез хохотали над этим самоучкой, сыном сапожника, которого они звали Кункула (Виляющий) за странную, торопливую походку10. Но серьезные революционеры, такие как Сталин, Ладо и Саша, не тратили времени на коктейли.

В Грузии шло революционное “брожение идей”. Эти страстные юные идеалисты “поздно возвращаются из мастерских”, вспоминает Анна Аллилуева. “С отцом приходят друзья. Усевшись за прибранный стол, кто-нибудь раскрывает книгу и читает вслух”. Все они читали одно издание – новую ленинскую газету “Искра”, где пропагандировалась идея партии во главе с небольшой боевой элитой.

Эта новая революционная модель будоражила молодые горячие умы – например, Сталина, который больше не хотел быть революционером-любителем из благородных, зовущим за собой широкие рабочие массы: он выбрал путь жестокого профессионала, предводителя безжалостной секты. Сосо всегда получал наивысшее наслаждение от рьяной борьбы с внутренними и внешними врагами. Ему было всего двадцать два года, но он собирался разделаться с Жорданией и Джибладзе, а затем подчинить тифлисскую партию своей воле. “Говорил он грубо”, – писал Ражден Арсенидзе, умеренный марксист, признававший, что в сталинской грубости “чувствовалась энергия, в этих словах ощущалась сила, настойчивость. Говорил он часто с сарказмом, с иронией, дубил как молотком грубыми остротами”. Когда его “возмущенные” слушатели протестовали, он “извинялся, заявляя, что говорит языком пролетариата”, который произносит “прямые, грубые истины”.

Тайная полиция и рабочие смотрели на этого экс-семинариста как на “интеллигента”. Но для потрясенных умеренных марксистов он был юношей с “причудами”, который

повел “враждебную и дезорганизационную агитацию против тифлисской организации и ее работников”. Как вспоминает Давришеви, они открыто смеялись над Сосо, называя его “невеждой”, “негодяем”. Джибладзе с гневом говорил, что Сосо поручили рабочий кружок, чтобы “вести пропаганду против правительства и капиталистов, а он ведет, оказывается, пропаганду и против нас”11.

Сталин, его наставники и последователи все еще собирались на берегу Куры, сидели под пахучими акациями и пили дешевое вино, которое подавал владелец киоска. Но успех сталинских забастовок обеспокоил полицию. Тайная полиция решила разгромить движение, не дав ему устроить забастовку 1 мая 1901 года. Жандармы, изучив донесения о революционном “зачинщике” Сталине, тут же заметили его дар конспиратора: “Самый большой из рабочих кружков именно железнодорожный… и интеллигент, руководящий этим кружком, обнаружен”; “Наблюдение показало, что он держит себя весьма осторожно, на ходу постоянно оглядывается”. Поймать его всегда было нелегко12.

В ночь с 21 на 22 марта 1901 года тайная полиция – охранка – вышла на охоту за лидерами – Курнатовским и Махарадзе[50]. Агенты окружили обсерваторию, чтобы взять Сталина, который возвращался туда на конке. Вдруг через трамвайное окно он заметил якобы прогуливающихся агентов в штатском, опознать которых было так же просто, как фэбээровцев в американском кино. Они заняли позицию вокруг обсерватории. Сталин остался в вагоне. Позже он вернулся туда на разведку, но жить там больше уже не мог.

Этот налет изменил его судьбу: любые надежды на нормальную жизнь пришлось оставить. Прежде он подумывал, не стать ли учителем, и подрабатывал репетиторством (хотя обычно старался завербовать учеников в марксисты) – за час брал десять копеек. Теперь с этим было покончено. Отныне он жил за счет других, ожидая, что друзья, сочувствующие или партия будет финансировать его филантропическую революционную деятельность. Он внезапно попал в то, что Троцкий называл “очень серьезной игрой, которая называлась революционной конспирацией” – сумрачный террористический “тот свет” со своими особыми обычаями, изощренным этикетом и жесткими правилами.

Войдя в этот тайный мир, Сосо решил во что бы то ни стало провести агрессивную первомайскую демонстрацию.

Генерал-губернатор Кавказа князь Голицын ввел в Тифлис казаков, драгунов, артиллерию и пехоту. Войска расположились на площадях. Утром в воскресенье 22 апреля 1901 года около трех тысяч рабочих и революционеров собрались у Солдатского базара. У казаков был свой план, но Сосо подготовился. Сергей Аллилуев заметил, что активисты были одеты “не по сезону: в теплые пальто и кавказские овчинные шапки”. На вопрос, почему, его товарищ ответил:

– Сосо велел.

– Зачем?!

– Первые удары казачьих нагаек примем мы.

Казаки действительно ждали своего часа в каждом дворе по Головинскому бульвару. В полдень выстрелила гарнизонна я пушка; демонстранты начали марш по Головинскому бульвару к Эриванской площади, где к ним должны были присоединиться семинаристы. Пели “Марсельезу” и “Варшавянку”. На них наскочили казаки – они размахивали шашками и наносили удары тяжелыми нагайками – удары, которые могли убить человека. “Фараоны” – полицейские – шли на демонстрантов с оголенными саблями. На бульваре завязалась отчаянная сорокапятиминутная схватка – казаки нападали на любые группы, где было больше трех человек. Красные знамена с надписями “Долой тиранию” передавались из рук в руки. Четырнадцать рабочих были серьезно ранены, пятьдесят арестованы. В Тифлисе объявили военное положение13.

То был первый успех Сталина. Благовоспитанного Жорданию арестовали и посадили в тюрьму на год, его “Квали” закрыли, а Сталин попросту убежал в Гори и несколько дней отсиживался там. Неудивительно, что Жордания ненавидел этого молодого бузотера – но это было только начало. Он и его товарищи вскоре занялись усилением “открытой борьбы”, даже если ценой тому были “кровавые потоки”.

Молодые радикалы планировали убийство ротмистра Лаврова, начальника Тифлисского розыскного отделения, но в итоге главные события развернулись в железнодорожных депо: управляющий Закавказской железной дороги Веденеев активно противостоял сталинским забастовкам.

Сталин познакомился с еще одним подельником – Степаном Шаумяном, богатым и прекрасно образованным сыном армянского предпринимателя. Шаумян, тесно связанный с кавказской плутократией, обучал детей богатейшего нефтепромышленника в городе, Манташева, и вскоре женился на дочери крупного нефтяника.

Шаумян был “немного выше среднего роста, стройный и красивый”, с бледным лицом и голубыми глазами. Он помог решить проблему с Веденеевым: когда железнодорожный начальник сидел у себя в кабинете, его убили выстрелом в сердце через окно.

Убийцу не нашли14. Но этот выстрел обозначил начало новой эпохи, в которую, как писал нигилист Нечаев в популярнейшем “Катехизисе революционера”, “все нежные… чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены… единою холодною страстью революционного дела”. Эти внеэтические правила – или, вернее, их отсутствие – обе стороны описывали как *конспирацию*, “другой мир”, прекрасно описанный в романе Достоевского “Бесы”. Не понимая *конспирацию*, нельзя понять Советский Союз: Сталин никогда не отказывался от этого слова. *Конспирация* стала душой управления в Советском государстве – и в его собственной голове.

С этого времени Сталин обычно носил за поясом пистолет. Полицейские агенты и революционеры-террористы теперь превратились в профессиональных бойцов в тайной битве за Российскую империю[51].

Глава 9
Сталин уходит в подполье. Конспирация

Однажды в эти самые дни сын горийского священника Котэ Чарквиани спорил о чем-то в тифлисской подворотне с дворником и вдруг услышал знакомый голос: “Дай ему как следует, Котэ. Не бойся, он дрессированный жандармский пес!” Это говорил Сосо, у которого был нюх на предателей и шпионов. Задержаться и поболтать с Котэ он не мог – за ним по пятам шла тайная полиция.

Он “скрылся на узкой изогнутой улочке”. Конспираторский инстинкт был важнейшим навыком в этой игре теней и отражений. Противники безнадежно слились в тесном, отчаянном, безнравственном объятии: агенты, двойные агенты и тройные агенты давали обещания, предавали, переходили на другую сторону и предавали вновь.

В 1870-х бунтарями были разночинцы, народники, которые считали, что надежда на свободное будущее – в крестьянстве. От народников откололись террористические организации – “Земля и воля” и позже “Народная воля”. Они полагали, что убийство императора Александра II сделает возможной революцию.

“Народная воля” впитала идеи второстепенного философа Нечаева: его аморальный “Катехизис революционера” породил Ленина и Сталина. Нечаев предлагал сплотить “разбойничий мир” “в одну непобедимую, всесокрушающую силу” и предавать “насильственной смерти” стражей порядка. Анархист Бакунин тоже мечтал привлечь “лихой разбойничий мир” к революции. Ленин позаимствовал у “Народной воли” строгую организацию, полную преданность делу, бандитскую жестокость – все эти качества олицетворял Сталин.

Александр II, с которым террористы играли в кошки-мышки, начал создавать современную службу безопасности, столь же сложно устроенную, как террористические организации. Он преобразовал Третье отделение своего отца в тайную полицию – Отделение по охранению порядка и спокойствия (в народе это название сократили до “охранки”). Но все время реформ у народовольцев в отделении был свой агент. Полиция охотилась за террористами, но было слишком поздно. В 1881 году они добились своего: Александр II был убит на петербургской набережной.

Его наследник Александр III создал двойную систему, известную Сталину. И у охранки, и у престижного полувоенного

корпуса жандармов (“глаз и ушей императора”), одетых в голубую с белым униформу и сапоги, носивших сабли, – была собственная разведка.

В изящном петербургском особняке на набережной Фонтанки, 16, у слияния Фонтанки и Мойки, в особом отделе охранки скрупулезно сличали головоломные схемы и помеченные разными цветами досье террористических организаций. “Черный кабинет” занимался перлюстрацией: к 1882 году ежегодно вскрывалось 380 000 писем[52]. В Европе у охранки была репутация зловещего органа самодержавия, но по части профессиональной жестокости ей было еще далеко до ленинской ЧК, не говоря уж о сталинском НКВД. В арсенале охранки было три вида наказаний. К веревке прибегали редко, ее держали для убийц царей и министров, но у этого наказания был один судьбоносный эффект: казнь Александра Ульянова, молодого человека, участвовавшего в заговоре против царя, превратила в радикала его младшего брата – Ленина. Далее шла каторга, тоже применявшаяся нечасто. Самым распространенным наказанием была административная ссылка (до пяти лет).

Корифей конспирации, шеф московской охранки Зубатов, разработал новую систему слежки. У него были детективы, но их подлинным инструментом являлась агентура, “внешние агенты”, на сленге революционеров – шпики, которые ходили за такими людьми, как Сталин. Самой эффективной тактикой охранки была провокация со стороны “внутренних агентов”. Зубатов объяснял работникам охранки: “Вы… должны смотреть на секретного сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. <…> Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму”. Ставки были высоки: кто для одной стороны был провокатором, для другой был предателем, а предателей ждала смерть.

Иногда за огромное вознаграждение эти двойные агенты не только внедрялись во “внутреннюю жизнь революционных организаций”, но и возглавляли их. Охранка даже учреждала собственные революционные группы и профсоюзы. Само их существование должно было ввести революционеров в братоубийственное безумие, сделать их подозрительными параноиками. Маниакальность сталинского террора в СССР показывает, как успешна была эта линия. Но для властей конспирация могла быть так же опасна, как для террористов[53].

Во время этой войны с террором в России пышным цветом

расцветали разнообразные заговоры. Охранке приходилось противостоять не только социал-демократам, армянским националистам-дашнакам и грузинским социал-федералистам, но и самым опасным террористам в России – социалистам-революционерам (эсерам). Лучший пример того, как опасны двойные агенты, связан именно с эсерами. Охранка завербовала главу боевой организации эсеров Евно Азефа, который использовал террористов-самоубийц. В 1902–1905 годах Азеф получал от охранки большие деньги – и он же организовал убийства двоих министров внутренних дел и великого князя.

Но в целом, несмотря на вражду охранки с жандармским корпусом и бюрократическую возню, подавление революционеров и внедрение в их круги тайная полиция осуществляла на удивление тонко и успешно: она была лучшей секретной службой своего времени[54]. Ленин подражал охранке, желая получить нескольких профессионалов, настолько же опытных, как тайная полиция, с конспиративной техникой высочайшего уровня.

Сталин был именно таким человеком: “другой мир” был его средой обитания. На Кавказе разобраться в конспиративной игре было еще труднее. Грузинское воспитание было идеальным для террориста-бандита: в его основе лежали священная верность семье и друзьям, боевые умения, личная щедрость, искусство мести. Все это было вколочено в Сталина на улицах Гори. Кавказская тайная полиция была более жестокой, чем русская, но и более продажной. Сталин обладал устрашающим умением подкупать агентов и угадывать шпионов1.

За Сталиным постоянно следили шпики охранки, которых он без труда обманывал. “Сволочь, и такие дураки мешают нам в работе!” – смеялся он, прокладывая новый извилистый путь отступления через тифлисские подворотни2. Он избежал ареста после первомайского бедлама, но несколько раз чуть не попался. Однажды, когда он распевал грузинские песни в нелегальной книжной лавке, полиция окружила это место. Он нагло прошел “мимо оторопевших городовых”. В другой раз во время сходки революционеров полиция совершила налет на дом, но Сталин и его друзья выпрыгнули из окна – под дождь, без галош, весело хохоча3.

Он менял имена – в то время он пользовался псевдонимом Давид – и жил как минимум на шести квартирах. Когда он квартировал у своего друга Михи Бочоридзе (впоследствии именно в этом доме Камо спрячет деньги после тифлисского экса), нагрянула полиция. Сталин сымпровизировал роль больного жильца: он лежал в кровати под простынями,

замотанный бинтом. Жандармы обыскали дом, но насчет больного у них не было никаких приказаний, и они ушли за советом к начальству.

Их отправили назад, чтобы арестовать “пациента”, но тот успел выздороветь и исчезнуть[55]4.

Между побегами и сходками Сталин писал свои первые статьи – в катехистическом, романтическом, апокалипсическом стиле. Ладо вместе с Авелем Енукидзе – добродушным рыжеволосым экс-семинаристом и ловеласом – создал радикальную газету “Брдзола” (“Борьба”), которая печаталась в подпольной типографии в Баку5.

Полицейские шпики продолжали охоту и иногда выходили на след: 27 и 28 октября 1901 года они наблюдали сходку в духане “Мелани”: “руководил сходкой интеллигент Иосиф Джугашвили”.

11 ноября он был в числе руководителей общегородской конференции, на которой присутствовало двадцать четыре марксиста. Умеренные марксисты обвиняли Сталина в клевете. Все они наверняка знали, что Джибладзе называл Сталина “нахалом”, но они же признавали его энергичность, способности и жестокосердие. Сталин, придерживаясь ленинских идей о боевой секте профессиональных революционеров, выступал против избрания в комитет обычных рабочих, поскольку среди них могли оказаться полицейские агенты. Вместо этого конференция избрала в комитет четверых рабочих и четверых интеллигентов.

Многие противники, бесспорно, требовали исключения Сталина и позже утверждали, что он был изгнан из Тифлиса. Этот самообман с тех пор повторяли историки. По счастью, более осведомленные жандармы, написавшие отчеты в тот же день, подтверждают, что Сосо был избран как четвертый интеллигент. Но, возможно, это был компромисс, убивавший одним выстрелом двух зайцев. Его выбрали в комитет и впервые в жизни допустили к лидерству, но, так как за ним охотилась тайная полиция, его “спасли” (а его товарищей спасли от его злонамеренных махинаций) и отправили на “пропагандистское задание” подальше от Тифлиса.

Жандармы заметили, что свежеизбранный и вездесущий Сталин не явился на заседание комитета 25 ноября 1901 года: он, как неуловимый элиотовский кот Макавити, растворился в воздухе.

Он ехал на поезде в Батум, оживленный нефтяной порт Российской империи. Там он прольет кровь и устроит поджог6.

Глава 10
“Я работаю на Ротшильдов!” Пожар, побоище и арест в Батуме

Товарищ Сосо привез в Батум отмщение. Учинял он его в собственном безжалостном стиле. Через три месяца после его появления в быстро растущем приморском городе непонятным образом загорелся нефтепромышленный завод Ротшильда. Вооруженная забастовка привела к штурму тюрьмы и бойне с участием казаков. Город был наводнен марксистскими воззваниями; расправлялись с доносчиками, пристреливали лошадей, убивали заводских управляющих. Сосо враждовал с грузинскими революционерами старой школы и соблазнял замужнюю женщину, а в это время за ним охотилась тайная полиция.

В Батуме он сразу взялся за дело. В духане на турецком базаре он встретился с Константином Канделаки, рабочим и социал-демократом, – тот сделался его батумским подручным. Сталин приказал Канделаки устроить несколько встреч. “Раздался условленный стук, я открыл дверь”, – писал один из местных рабочих Порфирий Куридзе. В дверях он встретил “молодого человека лет двадцати двух, черноволосого, худощавого, с энергичным… лицом”; волосы у него были очень длинны.

Доментий Вадачкория, на чьей квартире проходила одно такое собрание, писал: “Фамилии его никто не знал, это был молодой человек, одетый в черную рубаху, в летнем длинном пальто, в мягкой черной шляпе”. Сталин, уже практически ветеран конспирации, доверял своей интуиции, определявшей предателей. Он попросил Вадачкорию “пригласить на это собрание семерых рабочих”, но предварительно “показать ему приглашенных товарищей. Он… стоял у окна, а я прогуливался с приглашенными по очереди по переулочку. Одного из приглашенных Сталин просил не приглашать. Он исключительно знал людей. Стоило ему посмотреть на человека, и он видел его насквозь. <…> Как-то раз я говорю, что какой-то человек хочет много помочь нам, сочувствует нашему делу”. Этого человека звали Карцхия.

“Шпик”, – коротко определил Сталин. Вскоре, по рассказу Вадачкории, “на одной сходке, когда показались казаки, мы встретили нашего благодетеля в форме городового. <…> Решено было убрать шпика, он был убит”. Вот первый пример, когда Сталин почуял предателя и велел убить его; вероятно, это

было его первое убийство[56]. Как бы то ни было, с этого времени он жестко играл в “серьезную игру конспирации”. Такие Карцхии не должны были появляться. Но и тогда он оставлял то, что называл “черной работой”, – убийства – своим подручным.

На собраниях Сталин объявлял, что приехал, чтобы привить революционному движению в Батуме новый воинственный дух. Он предложил каждому: соберите “по семи человек у себя на предприятии и передайте им нашу беседу”1. Свою штаб-квартиру он устроил в духане “Перс Али” на базаре. Товарищ Сосо перемещался по всему городу, часто нанося ночные визиты, читая лекции. Сначала он жил у Симховича, часовщика-еврея, затем у бывшего разбойника, а теперь рабочего нефтяного завода Сильвестра Ломджарии; он и его брат Порфирий стали телохранителями Сосо.

Однажды Сталин рано проснулся и ушел, не сказав никому не слова. Вскоре явился Канделаки. Он в тревоге дождался прихода Сталина.

– Угадай, почему я так рано встал? – в восторге спросил Сталин. – Сегодня я получил работу у Ротшильдов на их нефтехранилище. Буду получать шесть абазов в день [1 рубль 20 копеек].

Вряд ли франко-еврейскую династию, олицетворявшую могущество, роскошь и космополитизм интернационального капитализма, так же позабавило бы это трудоустройство, но они так и не узнали, что у них работал будущий верховный жрец интернационального марксизма. Сталин смеялся, едва ли не пел: “Я работаю на Ротшильдов!”

– Надеюсь, – пошутил Канделаки, – что Ротшильды отныне будут процветать!

Сталин ничего не ответил, но они поняли друг друга. Он, конечно, сделает все ради процветания Ротшильдов2.

В канун Нового года Сосо созвал тридцать самых верных своих бунтовщиков на вечеринку-собрание в доме Ломджарии: он поставил на стол сыр, колбасу и вино – но много пить запретил. Его леденящая кровь мелодраматическая речь заканчивалась так: “Мы не должны бояться смерти. Так пожертвуем же нашей жизнью за дело освобождения рабочих!”

“Не дай, Господи, умереть на своей постели!” – воскликнул тамада. Рабочие одобрительно загудели, их вдохновила сталинская агрессия, а вот умеренные батумские марксисты во главе с инспектором больницы Карло Чхеидзе и учителем Исидором Рамишвили были совсем не рады. У них была воскресная школа для рабочих – Сталин относился к этому с презрением. “Легальные” марксисты поначалу давали деньги на

деятельность Сталина, но дружба долго не продлилась. Сталин собирался “перевернуть Батум вверх дном”.

Батум (ныне – Батуми) – субтропический портовый город на Черном море. Здесь заправляли две главных финансовых и нефтяных династии империи – Нобели и Ротшильды. Даже через двадцать лет поэт Осип Мандельштам назвал Батум “русской спекулятивной Калифорнией”, “раем золотоискателей”.

Царь получил это морское пиратское гнездо от османского падишаха только в 1878 году, но нефтяной бум в Баку, по другую сторону Кавказского перешейка, породил проблему транспортировки черного золота на Запад. Ротшильды и Нобели построили нефтепровод до Батума: здесь они могли очищать нефть, а потом грузить ее на танкеры, стоявшие в бухте. Батум, откуда также отправляли на экспорт марганец, лакрицу и чай, внезапно стал “дверью в Европу”, “единственным современным городом” в Грузии.

Теперь в Батуме было 16 000 персидских, турецких, греческих, армянских и русских рабочих, и почти 1000 из них трудились на нефтяном заводе под контролем Каспийско-Черноморского нефтяного общества барона Эдуарда де Ротшильда. Рабочие, часто несовершеннолетние, ютились на смрадных улицах нефтяного города; позади сочившихся нефтью хранилищ были переполненные выгребные ямы. Многих убивал тиф. Но батумские миллионеры и иностранные директора превратили это болото в город удовольствий; здесь был приморский бульвар, белые особняки в кубинском стиле, роскошные бордели, казино, поле для крикета и Английский яхт-клубз.

4 января 1902 года Канделаки возвращался домой и “увидел огонь”. Затем вернулся Сталин. “Знаешь что, твои слова сбылись!” – весело сказал он. Ротшильды действительно “процветали” с таким работником, как Сталин. “Мое хранилище загорелось!”[57]

Толпа смотрела, как над портом вздымается черный дымовой гриб. Рабочие помогали тушить огонь, рассчитывая на надбавку. Сталин был в составе делегации, которая встретилась с управляющим Ротшильдов – французом Франсуа Жёном. Это была первая встреча Сталина с европейским предпринимателем. Но есть свидетельства, что с этих пор Сталин тайно поддерживал связь с управляющими Ротшильдов – это было начало его мутных и очень прибыльных отношений с нефтяными магнатами. Ротшильды, конечно, знали, что произошел именно поджог, и

Жён отказался выплачивать надбавку. Провокация удалась Сталину: он призвал к забастовке.

Власти попытались остановить его. Охранка охотилась за новым батумским агитатором. “Фараоны” запугивали бастующих. Полицейские шпики следили за марксистами. Ротшильды беспокоились о поставках нефти. Но Сталин отправился в Тифлис – одиннадцать часов на поезде, – чтобы добыть печатный станок и с его помощью распространить известие о забастовке. Листовки предполагалось напечатать на грузинском и армянском языках, так что комитет свел Сталина с Суреном Спандаряном, богатым, но готовым на все армянином, который, невзирая на жену и детей, был неисправимым волокитой. Сталин напечатал армянские воззвания на станках отца Спандаряна, издателя газеты. Спандарян стал лучшим другом Сталина4.

Вдвоем с Камо, везя с собой станок, Сталин вернулся в Батум и обнаружил, что город бурлит. Камо и Канделаки быстро наладили станок, который вскоре размножил слова Сталина для всех рабочих нефтяного города.

17 февраля Ротшильды и Нобели капитулировали и согласились на условия рабочих, в том числе на тридцатипроцентное увеличение зарплаты. Для молодого революционера это был триумф. В Тифлисе жандармы Лаврова устраивали марксистам облавы и аресты, а в некогда спокойном Батуме жандармский ротмистр Георгий Джакели признавал, что обеспокоен внезапно участившимися беспорядками. Он усилил наблюдение за загадочным “товарищем Сосо”.

Сталину пришлось съехать от Ломджарии. Сменив несколько квартир, он остановился в рабочем поселке Барсхана в маленьком доме Наташи Киртавы – двадцатидвухлетней красавицы, симпатизировавшей эсдекам. Ее муж исчез. Если верить батумским легендам, воспоминаниям самой Киртавы и позднейшим высказываниям Сталина, он вступил с молодой женщиной в любовную связь; Наташа стала первой, но не последней его любовницей-хозяйкой и “конспиративной” подругой. В своих воспоминаниях она рассказывает о его нежном внимании и заботе, даже о моменте близости посреди марксистского спора: он повернулся к ней, убрал волосы у нее со лба и поцеловал[58]5.

Ротшильды стремились через своих управляющих Жёна и фон Штейна отомстить за сталинский успех. 26 февраля они уволили 389 недовольных рабочих. Они начали забастовку и послали человека, чтобы найти товарища Сосо, но тот был в Тифлисе, где часто навещал своих протеже Сванидзе и Камо.

На другой день Сосо поспешил в Батум и пригласил своих

сторонников домой к Ломджарии, где “составил требования” и предложил еще более дерзкую забастовку, которая парализовала бы всю нефтегавань. Один из его помощников, Порфирий Куридзе, не узнал его: Сталин сбрил бороду и усы. Когда он не сидел в “Персе Али”, то использовал как мрачную штаб-квартиру кладбище Соук-Су. Здесь, среди могил, он проводил полночные собрания, на которых избирались делегаты. Однажды, когда на кладбище нагрянула полиция, он спрятался под широкими юбками рабочей девушки. На другом собрании, окруженный казаками, Сталин надел на себя женское платье и убежал в нем.

Рабочие были под впечатлением от “интеллигента”, которого они окрестили Пастырем. Он дал им список для чтения. “Однажды товарищ Сталин дал нам… книгу, – пишет Куридзе. – “Это Гегель”, – ответил [на вопрос Куридзе] товарищ Сосо и объяснил, когда жил Гегель и чем он примечателен”.

У товарища Сосо, обычно одетого в щегольской черкесский бушлат, свою фирменную черную широкополую шляпу и белый кавказский башлык, переброшенный через плечо, быстро появились агрессивные последователи – “сосоисты”, ранний вариант сталинистов. Чхеидзе и “легальные марксисты” с воскресной школой пригласили Сталина, чтобы сделать ему внушение, но он не пошел. “Они кабинетные люди и избегают настоящей политической борьбы”, – смеялся Сосо: ему-то был нужен полный контроль. Как писал тифлисский ротмистр Лавров, “деспотизм Джугашвили многих наконец возмутил” и породил “раскол” между “старыми” и “молодыми” социалистами. Забастовка набирала обороты. Штрейкбрехеров запугивали, убивали их лошадей. Но тайной полиции был нужен Сосо-Пастырь. В город стекались казаки[6].

Для подавления забастовки в город вошел генерал Смагин, губернатор Кутаисской губернии, к которой принадлежал и Батум. К рабочим он обратился с суровым предложением: “Работа или Сибирь!” В ночь на 7 марта Смагин арестовал сталинского телохранителя Порфирия Ломджарию и организаторов забастовки.

На следующий день Сталин устроил демонстрацию у полицейского участка, где держали арестованных. Это сработало: нервничающие жандармы перевели арестантов в пересыльные казармы. Губернатор пообещал встретиться с демонстрантами. Сосо это не устраивало. На вечернем собрании он предложил взять тюрьму штурмом. Вадачкория пробовал возражать. “ Ты никогда не будешь революционером!” – сказал ему Сосо-Пастырь. Сосоисты его поддержали. Наутро Сталин встал во главе

агрессивной демонстрации. Через день многие горожане отправились с ним штурмовать тюрьму. Но нашелся предатель, выдавший план. Казаки заняли позиции. Войска под командованием жестокого капитана Антадзе преградили путь к пересыльной тюрьме. К винтовкам приладили штыки. Толпа в растерянности застыла перед заслоном.

– Не бегите, а то будут стрелять, – предупредил Сталин.

Затем он "предложил петь песни. Тогда мы еще не знали революционных песен и запели песню "Али-паша", – вспоминал Порфирий Куридзе.

– Солдаты в нас стрелять не будут, – обратился Сталин к толпе, – а их командиров не бойтесь. Бейте их прямо по головам, и мы добьемся освобождения наших товарищей!

Толпа двинулась к тюрьме.

Сталина окружали телохранители-сосоисты, в основном гурийские крестьяне, во главе с Канделаки. "Это были… хорошие конспираторы, – вспоминал позднее Сталин. – Они создали вокруг меня семь кругов, и, когда царские жандармы стреляли по демонстрантам, на место раненого становился другой: кольцо невозможно было прорвать".

Пока толпа у стен тюрьмы начинала нападать на солдат, заключенные в самой тюрьме взяли верх над охранниками. Один из арестантов, Порфирий Ломджария, услышал демонстрантов: "Мы стремимся наружу… Выламываем ворота… и вот многие из заключенных на улице". Казаки пустили коней в галоп на бесчинствующую толпу; демонстранты пытались отнимать у них винтовки. Бунтовщики стреляли в казаков и кидались камнями. Солдаты отбивались прикладами, но были принуждены отступить. В капитана Антадзе попали камнями, пуля пробила ему обшлаг. Солдаты оборонялись, стреляли в воздух – и вновь отступили. "Но среди демонстрантов раздался громкий голос, призывавший нас не расходиться и еще решительнее требовать освободить арестованных. С этим призывом обратился к демонстрантам товарищ Сталин", – вспоминал рабочий Инджоробян. Толпа еще наддала.

"Страшный шум". Капитан Антадзе скомандовал: "Пли!" Раздались залпы. Люди попадали на землю. Все бежали и кричали. "Сущий ад. Площадь опустела. На земле лежат убитые и раненые рабочие. Слышатся стоны". "Кто кричит "помогите", кто – "воды"…" "Я вспомнил про Сосо, – пишет Канделаки. – Мы разделились. Мне было страшно, я искал его среди убитых". Но Вера Ломджария, сестра Порфирия, заметила Сталина: он ходил здесь же, глядя на бойню, которую спровоцировал. Ища своего брата среди погибших, она напала на солдата, но тот ответил:

“Не я убивал, это был Антадзе”.

Сосо поднял “одного из раненых” и погрузил его в фаэтон. Он “доставил [его] на нашу квартиру”, – вспоминает Илларион Дарахвелидзе. “Сосо перевязал раненого бинтом”, – вторит ему Канделаки. Наташа Киртава и другие женщины усаживали раненых в коляски, увозившие их в больницу. Тринадцать человек погибло, сорок пять были ранены. В ту ночь в доме Дарахвелидзе “мы все были страшно взволнованы”. Но Сосо держался весело.

“За сегодняшний день мы ушли вперед на несколько лет”, – заявил Сталин Хачику Казаряну. Больше ничего не имело значения. “Мы теряли товарищей, но побеждали”. Как и во многих других кровавых предприятиях, цена человеческих жизней была неважна, главное – политическая значимость. “Нагайка… оказывает нам большую услугу, ускоряя революционизирование “любопытствующего”. Молодой Троцкий был под впечатлением от батумской расправы: “Событие потрясло всю страну”.

Жордания и Чхеидзе разъяренно говорили о “юноше, который с первых же шагов хотел быть лидером”, но “необходимых познаний у него не было”: “чтобы привлечь внимание слушателей”, он “часто употреблял крепкие слова”. Они считали, что бойня сыграла на руку властям: не был ли Сталин провокатором?

Сталин бросился к печатному станку, укрытому в доме Деспины Шапатавы, молодой марксистки. “Хвала грудям матерей, вскормившим вас!” – гремел он в листовке – печатном ответе на бойню, распространенном на следующее утро по всему городу. Но нашелся предатель, и в дом, где находился станок, явилась полиция. Деспина загородила дорогу: “Дети спят!” Пристав засмеялся. Ни типография, ни Сталин не пострадали. Но в арсенале у Сталина были не только слова: судя по всему, он приказал убить ротшильдовского управляющего фон Штейна. “Мы поручили товарищу убить его”, – вспоминает один из подручных Сталина. Когда экипаж фон Штейна приблизился, убийца вынул револьвер, но промахнулся. Фон Штейн развернул экипаж, скрылся и той же ночью на корабле покинул город.

За Сталиным шла охота, и ему пришлось переместить свой бесценный станок в более надежное укрытие. Порфирий Куридзе вспоминал, что Сталин придавал конспирации большое значение – часто он приезжал в экипаже, переодевался и так же быстро уезжал. Он менял внешность, внезапно менялся одеждой с товарищами, часто закрывал лицо башлыком[7].

Той ночью Сталин погрузил станок в коляску, спрятал его на кладбище, а затем перевез в хижину старого разбойника-абхаза

Хашима Смырбы в селении Махмудия, в семи верстах от Батума и прямо под боком у гарнизонной крепости (то есть вне подозрений). Отошедший от дел бандит охотно спрятал станок у себя: его друг Ломджария сообщил, что на нем будут печататься фальшивые рубли. Смырба собирался получить свою долю. Сын Смырбы Хемды, чьи мемуары не печатались при культе, вспоминает, как среди ночи Сталин явился с четырьмя тяжелыми ящиками и сразу же начал распаковывать их и устанавливать станок на чердаке. Наборщики и, вероятно, сам Сталин приехали, переодетые мусульманскими женщинами в чадрах. Он работал день и ночь, нанял строителей, чтобы они построили Смырбе другой дом, с потайной комнатой для шумного станка.

– Что это за шум? – спросил один строитель.

– У коровы червь в роге завелся, – отвечал Смырба.

Сосо практически переселился в деревянную хижину Смырбы. Старый мусульманин стал выпрашивать у молодого грузинского бунтовщика свою долю фальшивых купюр.

– Ты вот целые ночи работаешь, печатаешь, – сказал Смырба. – Когда же ты наконец пустишь в ход свои деньги?

Сосо протянул Смырбе одну из листовок.

– Что это?! – воскликнул изумленный разбойник.

– Мы свергнем царя, Ротшильдов и Нобелей, – ответил Сталин, оставив Смырбу в недоумении.

Каждое утро он прятал листовки во фруктовых корзинах, которые Смырба грузил на свою телегу. В городе они встречались с Ломджарией и шли по заводам, распространяя листовки. Если кто-то хотел купить фрукты, Смырба заламывал непомерную цену или говорил, что несет уже оплаченный заказ. Когда станок сломался, Сталин сказал Канделаки: “Пойдем на охоту”. Заприметив в местной типографии нужные запчасти, он произнес: “Медведь убит, теперь надо его освежевать” – и послал туда своих помощников, которые выкрали запчасти и доставили в его штаб-квартиру, в духан “Перс Али”. Однажды, как раз когда маленький Хемды нес одну из частей, по улице пронеслись казаки. Он закинул мешок в ближайший дом, а сам прыгнул в канаву. Сталин сам помогал мальчику сушиться и хвалил его за смелость.

Уже вся деревня Смырбы знала: что-то происходит в новой хижине, куда то и дело наведываются крепкого телосложения женщины в чадрах. Сосо собрал двенадцать крестьян, которым можно было доверять, и объяснил, чем он занят. Хемды вспоминал, что после этого их дом зауважали.

– Хороший ты человек, Сосо, – говорил Смырба, покуривая трубку. – Только жаль, что ты не мусульманин. Если ты примешь мусульманство, я выдам за тебя семь таких красавиц, каких ты,

наверное еще никогда не видел. Хочешь быть мусульманином?

– Хорошо! – смеялся Сосо[59]8.

Погибших рабочих похоронили 12 марта – это был повод для еще одной демонстрации, собравшей 7000 человек. Ее вдохновила грозная прокламация, написанная и отпечатанная Сталиным. Со всех сторон процессию окружали конные казаки. Пение запретили. Товарищ Сосо тихо наблюдал за похоронами. Жандармы не давали говорить речи. Когда толпа расходилась, казаки потешались над ней, распевая похоронный марш.

Теперь тайная полиция знала, что Сталин был одним из зачинщиков батумских беспорядков. “Развитие социал-марксистских организаций… сделало большие успехи, когда осенью 1901 года “Тифлисский комитет Рос. соц. – дем. раб. партии” командировал в г. Батум… Иосифа Виссарионова Джугашвили, – докладывал ротмистр Джакели начальнику Кутаисской жандармерии. – Я дознал, что Иосифа Джугашвили видели в толпе во время беспорядков 9 марта…” “Все изложенное свидетельствует, что Иосиф Джугашвили играл видную роль в рабочих беспорядках в Батуме”. Полиция задалась целью схватить его.

5 апреля Деспина Шапатава предупредила Сталина, что он разоблачен. Он дважды переносил собрание, намеченное на ночь; наконец оно началось в доме Дарахвелидзе. Вдруг вбежала Деспина: снаружи стояли жандармы. Как написал их начальник, “вчера в 12 часов ночи мною был оцеплен дом… где, по агентурным сведениям, была сходка рабочих”.

Сосо-Пастырь рванулся к окну, но было поздно. Дом окружили голубые мундиры. На этот раз спасения не было[60]9.

Часть вторая

Луне

Плыви, как прежде, неустанно,
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.

К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.

Но твердо знай: кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.

Сияй на темном небосводе,
Лугами бледными играй
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.

Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.

Сосело (Иосиф Сталин)

Глава 11
Арестант

Сталина заключили в Батумскую тюрьму, где он сразу отличился грубым поведением и высокомерной дерзостью. Тюрьма оказала на него серьезное влияние, этот опыт навсегда остался с ним. “Я привык к одиночеству… в тюрьме”, – говорил он много позже, хотя на самом деле редко оставался там один.

Его сокамерники, будь то враги, позже обличавшие его в эмиграции, или сталинисты, восхвалявшие его в официальной печати, соглашаются, что Сталин в тюрьме был как застывший сфинкс: “…оспой изрытое лицо делало его вид не особенно опрятным. <…> В тюрьме он носил бороду, длинные волосы, причесанные назад”1. Товарищи по несчастью были поражены его “совершенным спокойствием”. Он “никогда не смеялся полным открытым ртом, а улыбался только”, держался особняком и был всегда невозмутим. Но сначала он допустил глупейшую оплошность.

6 апреля 1902 года его впервые допросил ротмистр Джакели. Сталин отрицал, что был в Батуме в день бойни, и утверждал, что был у своей матери в Гори. Два дня спустя он попросил другого заключенного кинуть две записки из окна в тюремный двор, где собирались друзья и родственники заключенных, чтобы передавать им еду и сообщения. Но охрана перехватила записки, написанные Сталиным. В первой содержалась просьба сказать учителю Иосифу Иремашвили, “что Сосо Джугашвили арестован и просит сейчас же известить его мать, для того чтобы, когда жандармы спросят: “Когда твой сын выехал из Гори?”, сказала: “Целое лето и зиму до 15 марта был здесь, в Гори”.

Второй запиской Сталин вызывал в Батум своего бывшего ученика Елисабедашвили, чтобы тот продолжил его дело. Ротмистр Джакели уже связывался с тифлисской тайной полицией, и ему подтвердили, что Сталин стоял во главе Тифлисского комитета. Но теперь он отправил запрос в Гори, откуда пришел ответ, что из Батума приезжали двое и разговаривали с Кеке, ее братом Георгием Геладзе (дядей Сталина) и Иремашвили. Все трое были арестованы и допрошены. Для Кеке это был нелегкий день2.

Двое из Батума приезжали за матерью Сталина, но в злополучной записке был упомянут еще и Елисабедашвили, живший в Тифлисе с Камо и Сванидзе. Жандармы арестовали Камо, который против своей воли привел их в баню в Сололаки –

там они схватили раздетого Елисабедашвили. Его отправили к “знаменитому ротмистру Лаврову”, который передал его Джакели. Когда Елисабедашвили ввели в батумский тюремный двор, мимо него прошел Сталин и шепнул: “Не знаком”.

– Знаю, – ответил Елисабедашвили. – Привет от всех!

На другой день Джакели допросил Елисабедашвили.

– Ты знаешь Иосифа Джугашвили?

– Не знаю.

– Как нет?! Он говорит, что хорошо тебя знает!

– Наверно, он какой-либо сумасшедший.

– Сумасшедший! – рассмеялся ротмистр. – Разве сумасшедших будут слушать. Этот Джугашвили перевернул весь Батум… В Батуме тоже есть марксисты, но они люди скромные.

Когда Елисабедашвили провели мимо камеры Сталина, он увидел через решетку, как “Сосо злился, волновался, ругал и бил сидевшего в камере человека. На другой день я узнал, что в камере Сосо сидел засланный туда переодетый в костюм рабочего шпион”. Елисабедашвили отпустили, но вскоре по указанию Сталина он вернулся в Батум, чтобы руководить сосоистамиз.

Что до Кеке, она повиновалась призывам Сосо. Около 18 мая она выехала из Гори и вернулась только 16 июня. Она дважды навещала сына в батумской тюрьме. Возвращаясь через Тифлис, она умудрилась наткнуться на Безумного Бесо.

“Стой, или я тебя прикончу! – взревел он, проклиная своего сына-бунтовщика. – Он хочет весь мир перевернуть! Если бы ты его не отдала в училище, он бы был ремесленником, а теперь он в тюрьме! Я убью такого сына собственными руками: он опозорил меня!” Собралась толпа, и Кеке удалось убежать – это была ее последняя встреча с мужем.

Бунт Сосо стал крахом надежд Кеке. Должно быть, она – по-своему – была опечалена не меньше Бесо. Она просила о его освобождении и, вероятно, передавала сообщения от товарищей. Несмотря на свой эгоцентризм, Сталин в пожилом возрасте говорил о ее страданиях. Услышав, что мать Георгия Димитрова встретилась с Кеке и это была встреча двух счастливых матерей, он воскликнул: “Счастливых? Что вы! Какое это счастье для Кеке, если сын шесть раз был арестован… <…> Такая уж досталась доля нашим матерям! Мы почти не встречались с ними…”[61]

Вскоре Сталин стал верховодом в Батумской тюрьме: он помыкал друзьями, терроризировал интеллигентов, подкупал охранников и дружил с уголовниками4.

Тюрьмы империи были потайной цивилизацией со своими обрядами и тонкостями, но Сталин, как всегда, игнорировал

этикет, который ему не подходил. “Режим в тюрьме, как и в стране, сочетал варварство с патриархальностью”, – писал Троцкий. Никакой последовательности: иногда политических заключенных помещали в одну большую камеру, именуемую “церковью”, и там они выбирали “старейшин”.

Революционеры жили по рыцарским правилам. Когда прибывал или убывал товарищ, вся тюрьма по традиции пела “Марсельезу” и махала красным флагом. Революционеры, святые интеллигенты и самозваные крестоносцы, были слишком возвышенны, чтобы якшаться с обычными уголовниками, но Сталин предпочитал общаться с ними, потому что среди политических “было много сволочей”. Он ненавидел лживую болтовню интеллигентов. “Сволочей” убивали.

Находясь в одиночных камерах, политические общались с помощью не слишком удобного, но простого шифра – перестукивались на “тюремной азбуке”. Сергей Аллилуев сидел в Метехской крепости в Тифлисе, но по печной трубе ему передали: “Грустные вести… Среди арестованных Сосо”. Была и убогая система сообщения, называемая “тюремным телеграфом”: по ней заключенные передавали друг другу посылки на нитях, свешенных из окна; их подцепляли другой нитью с камешком на конце.

Во время прогулок во дворе за арестантами особо никто не следил: сохранить что-либо в тайне было трудно. Сосо всегда знал о вновь прибывших, знал, как ведут себя заключенные. Подобно американским мафиози, управлявшим “Коза ностра” из тюрьмы, Сосо вскорости наладил связь с внешним миром. “Он продолжал руководить всем из тюрьмы”[62].

Власти сделали серьезную ошибку, разрешив революционерам учиться в тюрьме. Эти одержимые самоучки усиленно занимались, а яростнее всех – Сталин. Его сокамерники рассказывали: “Он целый день читал и писал”. “В тюремной жизни он установил распорядок: вставал рано утром, занимался гимнастикой, затем приступал к изучению немецкого языка и экономической литературы… Любил он делиться с товарищами своими впечатлениями от прочитанных книг…” Другой заключенный сказал, что Сталин превратил тюрьму в университет. Сам он называл тюрьму “второй школой”.

Тюремщики были покладисты – либо потому, что революционеры были “из благородных”, либо потому, что их подкупали, либо потому, что они сочувствовали революционерам. Один из друзей Сталина был посажен в соседнюю камеру и попросил познакомить его с “Коммунистическим манифестом”. “Встречаться мы не могли, – вспоминал Сталин. – Но… я читал

“Манифест”, находясь в своей камере, и в соседней камере могли слушать. Как-то во время одной из моих “лекций” в коридоре послышались шаги. Я прервал лекцию. Вдруг слышу:

– Почему молчишь? Продолжай, товарищ.

<…> Оказалось, что продолжать лекцию меня просил солдат-часовой”[5].

Один текст наверняка циркулировал по “тюремному телеграфу”: в марте 1902 года марксист, теперь выступавший под псевдонимом Ленин, издал брошюру “Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения”. Автор требовал создать новый “авангард” безжалостных конспираторов; эта идея моментально расколола партию. “Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!” – обещал Ленин[63][6].

Ротмистр Джакели поймал батумских сосоистов, в том числе молодую хозяйку и подругу Сталина Наташу Киртаву. Когда Наташа вошла на тюремный двор, к ней подошел незнакомый арестант: “Товарищ Сосо просит вас взглянуть наверх, в окно”.

Наташа приняла меры предосторожности на случай, если это шпик. “Я не знаю никакого Сосо”, – ответила она.

Но, когда ее заперли в ее камере, у ее окна появился Сталин. “Скучаете, товарищи?” – осведомился он. Наташа поняла, что Сталин по-прежнему руководил борьбой – и в тюрьме, и за ее стенами. “За заботливость… все политические заключенные его очень любили”. О Наташе он действительно заботился хорошо. Однажды, когда она пошла повидаться с ним, один из часовых поймал ее и оттащил от камеры рукоятью сабли. Сталин потребовал, чтобы часового уволили. Его смелость завоевала ему не только популярность у заключенных, но и уважение тюремного начальства: он настоял на своем[7]. Им восхищались не только сосоисты: другой его сосед по камере признавал, что, хотя впоследствии Сосо стал чудовищем, “он был любезным и обходительным сокамерником”[8].

Тифлисский прокурор решил: чтобы обвинить Сталина в руководстве батумским восстанием, улик недостаточно. Возможно, свидетели боялись и поэтому не показывали на Сталина. Это обвинение с него сняли, но он остался в тюрьме, потому что ротмистр Лавров расследовал другие обстоятельства: роль Сталина в Тифлисском комитете. 29 августа жандармы предъявили Сталину и его соратникам обвинение. Но бюрократические процедуры тянулись еще долго[9].

Сталин заболел давно мучившей его грудной болезнью (иногда он говорил, что это проблемы с сердцем, иногда – что с легким). В октябре Сосо добился того, чтобы его вместе с

подельником Канделаки переправили в больницу[10]. Вопреки революционной этике он трижды обращался к самому генерал-губернатору – князю Голицыну:

> Все усиливающийся удушливый кашель и беспомощное положение состарившейся матери моей, оставленной мужем вот уже 12 лет и видящей во мне единственную опору в жизни, заставляет меня второй раз обратиться к Канцелярии главноначальствующего с нижайшей просьбой освободить меня из-под ареста под надзор полиции. Умоляю… не оставить меня без внимания и ответить на мое прошение. Проситель Иосиф Джугашвили. 1902 г., 23 ноября[11].

Болезнь не мешала ему творить бесчинства. Когда 17 апреля 1903 года экзарх Грузинской церкви явился, чтобы отслужить обедню для своих заблудших сыновей, бывший семинарист организовал против него демонстрацию, после чего был заточен в одиночку. За этот бунт, не первый в карьере, Сталина перевели в более строгую Кутаисскую тюрьму на западе Грузии.

Через два дня, когда заключенных собрали для переезда, Сталин увидел, что Наташу переводят вместе с ним. Тюремщики стали надевать на него кандалы.

“Мы не воры, чтобы нам сковывать руки!” – отрезал Сталин. Надсмотрщик убрал кандалы. Эта история говорит об авторитете Сталина у заключенных и властей – царскую полицию можно было “прогнуть”, что было немыслимо в отношении советской тайной полиции[64]. Затем арестантов согнали в строй, чтобы провести через Батум. Сталин потребовал телегу для их вещей и “для меня, женщины, фаэтон”, с гордостью пишет Киртава. Невероятно, но Сталин, повелитель тюремной системы, и тут добился своего. Для девушки Сталина – только лучшее: Наташа доехала до вокзала в фаэтоне.

Когда поезд подъехал к Кутаису, Сталин задержал своих товарищей у выхода: “Пропустите Наташу вперед, пусть видят все, что и женщины борются против этих собак!”[12]

В Кутаисе власти попытались заставить заключенных слушаться. Политических расселили по разным камерам, но Сталин вскоре нашел способ сообщения и запланировал контратаку. Когда Наташу Киртаву увели из общей камеры в одиночку, ее “одолела тоска, неизвестность, и я стала плакать”. Сталин узнал об этом по тюремному телеграфу и передал ей записку: “Что означают, орлица, твои слезы? Неужели тюрьма надломила тебя?”

В тюремном дворе Сталин встретился с “умеренным” товарищем Григорием Уратадзе. Тот ненавидел Сталина, но почти что восхищался его “ледяным характером”: за полгода он “ни разу не видел его, чтобы он возмущался, выходил из себя, сердился, кричал, ругался, словом, проявлял себя в ином аспекте, чем в совершенном спокойствии”. У Сосо “размер улыбки зависел от размера эмоции, вызванной в нем…” Они познакомились на прогулке во дворе. Сталин ходил “походкой вкрадчивой, с маленькими шагами”, “своей нелюдимостью обращал на себя всеобщее внимание”, но в то же время он был “абсолютно невозмутим”.

Сталин враждебно относился к надменным интеллигентам, но перед более приземленными рабочими-революционерами разыгрывал учителя – Пастыря. Сосо “устроил чтение газет, книг и журналов, читал заключенным лекции”. Попутно он боролся со строгостью кутаисского тюремного режима. Местный губернатор отказывался выполнять его требования. 28 июля по знаку Сосо арестанты начали шумную забастовку – колотили в железные ворота так громко, что переполошили весь город. Губернатор приказал солдатам окружить тюрьму, но затем сдался, согласившись перевести всех “политических” в одну камеру. Сталин победил, но губернатор отомстил: камера оказалась худшей в тюрьме, на нижнем этаже.

Когда нескольких заключенных отправляли в сибирскую ссылку, Сталин предложил сделать групповой снимок. Так же, как в годы нахождения у власти, он с удовольствием расставлял всех по местам и сам встал в любимое место – в середину верхнего ряда. “Я так же, как один из солдат революции, стану посредине”. Вот он: длинноволосый и бородатый самопровозглашенный вождь.

Когда его товарищей уводили в долгий путь, “товарищ Сосо во дворе тюрьмы поднял красный флаг… <…> Вышедшие во двор товарищи… запели “Марсельезу”[13].

Тем временем тайная полиция потеряла Сталина… в собственной тюрьме. Жандармы и охранка в Тифлисе полагали, что “Чопур, то есть Рябой” давно на свободе. Ротмистр Лавров считал, что он вновь руководит рабочими в Батуме “под особым надзором”. Очевидно, шпики следили за кем-то другим. В Батуме тоже не знали, где Сталин, пока подполковник Шабельский не разрешил загадку пропавшего Рябого, сообщив всем, что “Джугашвили уже год как содержится в тюрьме (ныне в Кутаисской)”[14].

Скрежещущие шестерни царистского правосудия (случаи,

подобные сталинскому, местные власти перепоручали петербургским министерствам юстиции и внутренних дел) наконец породили предложение о наказании: три года ссылки в Восточной Сибири[65]. 7 июля 1903 года министр юстиции отправил свой доклад императору, который скрепил приговор Сталину императорской печатью. Николай II был очень педантичен, хотя и лишен воображения, – он исправно читал все, в том числе самые тривиальные документы, попадавшие в его кабинет. Таким образом, несколько раз судьба будущего красного монарха ложилась на стол к последнему императору.

После этого полиция исхитрилась опять потерять Сталина. Губернатор Тифлиса думал, что он в Метехской крепости, но оттуда ответили, что там Сталин никогда не содержался. Глава тифлисской полиции констатировал: “Местонахождение Иосифа Джугашвили… еще не обнаружено”. Полиция обратилась к жандармам, которые установили, что Сталин все еще в Батумской тюрьме, – все бы замечательно, только на самом деле он до сих пор сидел в Кутаисе. Искали его полтора месяца. Эта путаница и сейчас будоражит умы сторонников теории заговора. Не прятали ли Сталина жандармы или охранка, потому что он был двойным агентом? Подтверждений этому нет. Проволочка могла бы вызвать подозрения, случись она с одним Сталиным, но такое происходило повсеместно. Между двумя мирами – кровавых заговоров и неторопливого крючкотворства – было столько же неразберихи, сколько конспирации.

В ожидании этапа Сталин узнал ужасную новость. 17 августа 1903 года кумир Сосо Ладо Кецховели, арестованный в Баку и заключенный в Метехскую крепость, встал у окна своей камеры и начал дразнить часовых криками: “Долой самодержавие!” Один из часовых выстрелил Ладо прямо в сердце. Такая судьба могла бы постигнуть и самого Сталина. Он никогда не забывал Ладо.

8 октября Сталин наконец узнал, что отправляется в очень дальнюю дорогу. Первой остановкой на пути будет Батум. Он вновь устроил групповой снимок. Когда он покидал тюрьму, товарищи махали ему флагом и пели “Марсельезу”.

“Меня отправляют, встречайте у тюрьмы”, – написал Сталин только что освобожденной Наташе Киртаве. Она собрала для него десять рублей и немного еды; Сталина ожидала русская зима, но он уходил по этапу лишь в легкой грузинской чохе и сапогах, перчаток у него не было. Когда он садился на арестантский пароход, который должен был увезти его из Батумской бухты (этап шел через Новороссийск и Ростов), Наташа стояла на пристани: “Я его проводила”.

Грузина, который в своей плодородной стране привык к вину

и застольным песням, эта дорога приведет к другой жизни в далеком морозном краю – Сибири15.

Глава 12
Замерзший грузин: сибирская ссылка

Путь в Сибирь часто оказывался гораздо опаснее самой ссылки. Сталин в полной мере ощутил все ужасы этапа – медленного поступательного продвижения на восток, когда по дороге прибавлялись все новые заключенные. Сталин рассказывал, что иногда к его ногам приковывали железное ядро, и однажды воскликнул: “Нет лучше чувства, чем разогнуть спину после кандалов”.

Уже в Ростове-на-Дону он остался без денег и телеграфировал в Батум, чтобы ему их выслали. Эту просьбу выполнил Канделаки. Недалеко от Ростова Сталин стал мучиться ужасной зубной болью и обратился к фельдшеру. Тот пообещал: “Я дам вам лекарство, которое навсегда излечит ваш зуб”. “Он сам вложил лекарство в мой сгнивший зуб, – вспоминал Сталин. – Это был мышьяк, но он не сказал мне, что его нужно было вынуть. Боль действительно унялась, но после этого два зуба выпали. Так что он был прав: эти зубы никогда не болели!” Зубная боль была одной из многих хворей, которые преследовали Сталина всю жизнь.

Чем дальше этап уходил от цивилизации, тем больше арестанты подвергались опасностям суровой Сибири, болезням и насилию. Уже когда Сталину было за семьдесят, он вспоминал, как где-то в Сибири арестант “почти что умирал от гангрены”. “Ближайшая больница находилась по меньшей мере в тысяче километров. Нашли фельдшера, и он принял решение ампутировать ногу. Он облил ногу спиртом, попросил нескольких человек держать больного и приступил к операции. Я не мог смотреть на операцию и спрятался в бараке, но кость пилили без анестезии, так что от криков было не укрыться. Этот крик до сих пор стоит у меня в ушах!” По дороге он также встретил гурийских крестьян, арестованных во время батумской демонстрации. Глядя на этих сбитых с толку грузин, отправленных в Сибирь и трясущихся от холода, Сосо почувствовал вину – что для него было непривычно. Но они уверяли, что благодарны ему.

Серьезнейшей угрозой были уголовники. Обычно они, по воспоминаниям сталинского приспешника Вячеслава Молотова, проделавшего такой же путь в Иркутск, “политиков признавали как людей, которые борются за что-то”. Но они также и терроризировали политических. “Во время этого этапа, – рассказывал Сталин одному из своих приемных сыновей, – я

встретился с психопатом-медвежатником, детиной почти двухметрового роста. Я отпустил какое-то безобидное замечание насчет моего кисета… Разговор закончился дракой. Этот идиот прижал меня к земле и сломал несколько ребер. Никто мне не помог". Сталин потерял сознание, но, как обычно, извлек из этой истории политический урок: "Пока я приходил в себя, мне стало ясно: политики всегда должны завоевывать союзников". В дальнейшем психопаты будут на его стороне1.

По прибытии в Иркутск, главный город Восточной Сибири, Сталин был отправлен в уездный город Балаганск – ближайшая железнодорожная станция находилась в семидесяти пяти верстах. Теперь арестанты шли пешком и ехали в телегах. Сталин был одет крайне легкомысленно для сибирской зимы: в белую грузинскую чоху с карманами для патронов. В Балаганске он нашел семерых ссыльных и держался одного из них, еврея Абрама Гусинского, надеясь, что его не отошлют еще дальше2. Но его отправили в Новую Уду. Местная полиция зафиксировала, что "высланный по высочайшему повелению, последовавшему 9 июля 1903 года, под гласный надзор полиции Иосиф Виссарионов Джугашвили 26 ноября прибыл и водворен в названном селении, гласный надзор полиции за ним учрежден".

Новая Уда, в семидесяти верстах от Балаганска и в ста двадцати от ближайшей станции, в тысячах верст от Москвы и Тифлиса, была самой дальней ссылкой Сталина; это был маленький городок, разделенный на две части: бедняки ютились в хижинах на мысе, окруженном болотами, а те, кто был хоть немного побогаче, – в окрестностях двух купеческих лавок, церкви и деревянного острога, построенного для устрашения и подчинения бурят. В Новой Уде было нечего делать, кроме как читать, спорить, пьянствовать, распутничать и снова пьянствовать – этим занимались и местные, и ссыльные. В городке стояло целых пять кабаков.

Сосо не чуждался такого времяпрепровождения, но на дух не переносил своих собратьев по ссылке. В Новой Уде их было трое – евреи-интеллигенты, которые, как правило, были либо бундовцами (членами еврейской социалистической партии), либо эсдеками. На Кавказе Сталин редко встречал евреев, но с тех пор успел познакомиться со многими евреями, которые увидели в марксизме возможность положить конец репрессиям и несправедливостям царизма.

Сталин сделал выбор в пользу бедняков и поселился в "убогом, покосившемся домике" крестянки Марфы Литвинцевой, где было две комнаты. Одна – кладовая, в которой хранилась пища; во второй, разделенной деревянной перегородкой, вокруг

печи жила и спала вся семья. Сталин спал возле стола в кладовой по другую сторону перегородки: “Долгими зимними ночами, когда семья Литвинцевых засыпала, Сталин тихо зажигал маленький светильник и подолгу просиживал за книгами…”з

Сибирская ссылка числилась среди самых ужасных зверств царской тирании. Да, бесспорно, она наводила тоску, но обычно, когда интеллигенты, часто потомственные дворяне, приезжали в какую-нибудь богом забытую деревню, с ними там хорошо обращались. Существование в таких патриархальных условиях больше напоминала скучные каникулы за книгами, чем ад кровавого сталинского ГУЛАГа. Ссыльные даже получали от царя карманные деньги: дворяне (такие как Ленин) – двенадцать рублей в месяц, имеющие среднее образование (такие как Молотов) – одиннадцать, а простолюдины (такие как Сталин) – восемь; на эти деньги они покупали одежду, еду и оплачивали жилье. Если им присылали слишком много денег из дома, государственное пособие у них отнимали.

Состоятельные революционеры могли путешествовать первым классом. Ленин, имевший частный доход, сам оплатил свою дорогу в ссылку и в продолжение всего ее срока вел себя как дворянин, устроивший себе эксцентрический “отпуск натуралиста”. Троцкого обеспечивал его отец, богатый землевладелец; в письме к будущей жене Троцкий с пафосом говорил, что Сибирь должна была умерить “нашу гражданскую чувствительность”, что ссыльные могут жить там “как олимпийские боги”. Но между обеспеченными ссыльными, такими как Ленин, и неимущими, такими как Сталин, лежала пропасть[66].

Поведение ссыльных регулировалось сводом правил. В каждом поселении избирался комитет, который мог привлечь к ответственности любого, кто нарушал партийный устав. Книгами полагалось делиться. Если ссыльный умирал, его библиотека разделялась между теми, кто остался в живых. Никакой дружбы с уголовниками. По отбытии срока ссыльный мог получить подарок на выбор от всех своих товарищей и должен был подарить что-то на память семье, в которой жил. У ссыльных были общие обязанности: они заботились о домашнем хозяйстве, забирали пришедшую почту. Прибытие писем было моментом наибольшей радости. “Знаешь, это так приятно, как в ссылке, помнишь, бывало, получишь письмо от друга!” – вспоминал Енукидзе, находясь у власти.

Но на Диком Востоке соблюдать правила было сложно. Сексуальные эскапады у ссыльных были обычным делом. “Как пальмы на пейзажах Диего Риверы, любовь из-под тяжелых

камней прокладывала себе дорогу к солнцу… Пары соединялись… в ссылке", – высокопарно писал Троцкий. Когда Голда Горбман, впоследствии жена сталинского заместителя Климентия Ворошилова, находилась в ссылке, она забеременела от Енукидзе, который позже стал одним из сталинских бонз. Много лет спустя в Политбюро любили вспоминать эти скандалы. Сам Сталин никогда не забывал дерзости ссыльного Лежнева, который спал с женой местного прокурора и поплатился за это переселением за полярный круг. Молотов рассказывал историю о двух ссыльных, которые из-за любовницы дрались на дуэли: один погиб, а другому досталась девушка.

Ссыльные должны были нанимать комнаты у местных крестьян. Приходилось жить в тесноте и шуме, терпеть детские крики, не имея возможности уединиться. Одной из худших вещей в ссылке Яков Свердлов называл "то, что нет изоляции от хозяев" (Свердлов дважды находился в одной ссылке со Сталиным). Необходимость делить комнаты с хозяевами порождала соблазн. Местные традиции запрещали вступать в интимную связь со ссыльными, но соблюдать этот запрет было невозможно: девушки смотрели на революционеров как на экзотических, хорошо образованных, состоятельных и неотразимых мужчин – особенно когда им приходилось ночевать с ними в одной комнате.

Революционеры вообще были людьми раздражительными, но их ссоры в ссылке отличались особой злобой. "В условиях ссылки… человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. <…> Нет места для проявления крупных черт". Ссыльные вели себя ужасно, но Сталин – беспардонный соблазнитель, производитель незаконнорожденных детей, неисправимый смутьян и спорщик – был хуже многих. Он начал нарушать правила, едва только появился в Новой Уде[4].

Ссыльных евреев он игнорировал, но зато пристрастился к здешнему развлечению – походам по кабакам с уголовниками. "Артельные ребята были эти уголовные. А вот "политики" – среди них было много сволочей", – рассказывал Сталин Хрущеву и другим членам Политбюро за обедами в 1940-х. "Я сошелся тогда с уголовными… Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль… Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра другой". Якшание с уголовниками считалось ниже достоинства сноба-революционера из среднего класса. "Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными", – вспоминал Сталин. Для некомпанейского Сосо это был не первый и не последний товарищеский суд[5].

Он не потерял связи с внешним миром и не собирался задерживаться в ссылке надолго. В декабре 1903 года пришло письмо от Ленина. “Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году, – вспоминал Сталин. – Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки… Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии”. Он преувеличивал. Это было не личное письмо, а циркулярный инструктаж – “Письмо к товарищу о наших организационных задачах”. Но на Сталина оно произвело большое впечатление: “Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии”.

Сталин сжег это письмо, но вскоре узнал, что на Втором съезде РСДРП, который проходил в Брюсселе и Лондоне, Ленин и Мартов разгромили своих оппонентов – евреев-бундовцев: те хотели, оставаясь социалистами, учредить автономии для национальных меньшинств. Но затем и между победителями произошел раскол: Ленин желал иметь свою фракцию революционеров, а Мартов рассчитывал на широкий контингент и участие рабочих масс. Ленин, который любил конфронтации, переходящие в раскол, разделил партию; он заявил, что его группа будет называться большевиками, а группа Мартова – меньшевиками[67].

Сталин говорил, что немедленно написал в Лейпциг своему хромому другу из Гори, Давиташвили, – тот общался с Лениным. Однако это была типичная для Сталина ложь. На самом деле он написал ему почти через год – но в любом случае он уже стал ленинцем. Троцкий считал, что большевика можно было узнать с первого взгляда. Сталин был, по словам Иремашвили, “большевиком с первой минуты”. В 1904 году в воздухе витало ощущение, что вот-вот произойдет нечто потрясающее. Революционное движение расцвело. Николай II, желавший укрепить империю на Дальнем Востоке, затеял “маленькую победоносную войну” с Японией, и внезапно стало ясно, что революция близка как никогда. В Новой Уде в такое время делать было нечего6.

Сосо начал планировать побег, как только прибыл по месту ссылки, – для революционера это был не менее важный опыт, чем арест и сама ссылка.

“Бежать было в большинстве случаев нетрудно”, – писал Троцкий. “Каждый стремился бежать поскорее… К началу 1904 года ссылка успела окончательно превратиться в решето”.

Задумавшему побег были нужны деньги на “сапоги” –

фальшивые документы. Обычно полный набор беглеца – “сапоги”, пропитание, одежда, билеты на поезд, взятки – обходился примерно в сто рублей. Любители теорий заговоров задают наивный вопрос: откуда Сталин взял деньги? Может быть, он был агентом охранки? Вероятно, деньги передали через Кеке Эгнаташвили и партия. Но в самом факте нет ничего примечательного: между 1906 и 1909 годами более 18 000 безвестных ссыльных (из 32 000) каким-то образом нашли деньги на побег.

Подозрения связаны и с тем, что Сталин в разное время называл в подвластной ему печати разное число побегов и арестов. Но, оказывается, побегов и арестов было *больше*, чем он официально заявлял. В 1930-х, лично редактируя свою биографию для “Краткого курса истории ВКП(б)”, Сталин указал восемь арестов, семь ссылок и шесть побегов, но, когда в 1947 году он вновь редактировал книгу синим карандашом, арестов оказалось уже семь, ссылок – шесть, а побегов – пять. В личных беседах он говорил: “У меня было пять побегов”. Как это ни удивительно, Сталин либо поскромничал, либо забыл, как было на самом деле: его арестовывали по меньшей мере девять раз, четыре раза задерживали на небольшой срок, а бежал он восемь раз.

Подытожить можно словами Александра Островского, который исследовал вопрос о связях Сталина с тайной полицией: “Сам факт частых побегов И. В. Сталина может вызвать удивление только у человека, совершенно незнакомого с состоянием дореволюционной ссылки”.

Первый дилетантский побег Сосо предпринял, прочитав послание Ленина в 1903 году. Его хозяйка и местные дети дали ему хлеба на дорогу. “Сначала не удалось – стражник не спускал с меня глаз, – рассказывал он Анне Аллилуевой. – Потом начались морозы. Выждал немного, достал кое-что из теплых вещей и ушел пешком. Едва не отморозил лицо”. Чем старше становился Сталин, тем длиннее были его рассказы. “Я упал в ледяную реку, – говорил он одному из главных своих подручных Лаврентию Берии. – Я промерз до костей. Я постучался в чью-то дверь, меня не впустили. Я уже выбился из сил, но наконец мне посчастливилось попасть к каким-то бедным людям, которые жили в убогой лачуге. Меня накормили, отогрели у печи и дали одежду, чтобы я смог добраться до следующей деревни”.

Он сумел добраться до дома Абрама Гусинского в Балаганске – в семидесяти верстах от Новой Уды.

> Ночью зимой 1903 г. в трескучий мороз, больше 30 градусов по Реомюру… стук в дверь. “Кто?” <…> “Отопри, Абрам, это я, Сосо”. Вошел озябший, обледенелый Сосо. Для сибирской зимы он был одет весьма легкомысленно: бурка, легкая папаха и щеголеватый кавказский башлык… этот самый башлык, понравившийся моей жене и маленькой дочке, т. Сталин по кавказскому обычаю подарил им.

У него уже были “необходимые документы”. Но на этом побег окончился. По словам Сергея Аллилуева, Сталин “прибыл из Новой Уды в Балаганск с отмороженными ушами и носом… поэтому дальше бежать он не смог и вернулся обратно в Новую Уду”. Без сомнения, пока он планировал второй побег, его друзья-уголовники как следует отогревали его в пивных городка.

Сосо написал Кеке, та сшила нужную одежду и отправила ее как только смогла. Сосо бежал в ней. Он переселился в дом Митрофана Кунгурова, который 4 января 1904 года вывез Сталина из Новой Уды. Сталин, вооруженный саблей, обманул Кунгурова, сказав ему, что всего лишь хочет доехать до близлежащего села Жарково, чтобы пожаловаться на полицейского исправника. Очевидно, Кунгуров был тем самым пьяным возчиком, который требовал, чтобы на каждой остановке с ним расплачивались водкой. “Морозы стояли сорокаградусные, – вспоминал Сталин. – Я был закутан в шубу. Возчик подгонял лошадей, распахнув свою шубенку и открывая чуть ли не голый живот жестокому морозному ветру. Тело его, видно, было хорошо проспиртовано. Здоровый народ!” Но когда крестьянин понял, что Сталин собирается бежать, он отказался помогать ему и остановил сани. “Тогда, – рассказывал Сталин, – я распахнул шубу, показал ему саблю и велел ехать дальше. Возчик вздохнул и пустил лошадей в галоп!”[68]

Итак, Сосо был на свободе. Он надеялся, что полицию отвлечет празднование православного Крещения. “Административный Иосиф Джугашвили бежал. Розыску приняты меры”, – телеграфировала местная полиция. Он добрался до станции Тыреть и, возможно, оправился в Иркутск, прежде чем пуститься в обратный путь по Транссибирской магистрали.

Сибирские станции даже в дни праздников патрулировали жандармы в форменной одежде и агенты охранки, иногда профессионалы, а иногда вольнонаемники – они выискивали беглецов. Но Сталин приобрел не простые “сапоги”, а удостоверение полицейского. В далекой Сибири, как и на Кавказе, можно было купить любые документы, но подобное было все-таки

редкостью. Сталин с гордостью рассказывал, что на одной станции к нему на хвост сел настоящий шпик – он следил за Сталиным, а тот подошел к жандарму, предъявил фальшивое удостоверение и указал на шпиона, сообщив, что это беглый ссыльный. Полицейские арестовали протестующего шпика, а Сталин спокойно сел на поезд, идущий на Кавказ. Эта история показывает, какая повсюду царила неразбериха – и сколь благоприятной средой была она для Сталина. Если бы Сосо действительно был агентом полиции, вряд ли он рассказал бы об этом эпизоде; в любом случае он мог его просто выдумать. Эта история определенно добавляла мистицизма (и сомнительности) образу мастера конспирации7.

Через десять дней Сталин уже был в Тифлисе. Когда он ворвался в квартиру друга, его товарищи едва узнали его – так он исхудал в Сибири.

“Не узнаете, трусы!” – засмеялся он. Его поприветствовали и нашли для него комнату.

Сталин выбрал время с отменной точностью. В январе 1904 года Россия вступила в войну. Японцы напали на российский флот у Порт-Артура. Император и его министры были уверены, что примитивным японским “макакам” не победить цивилизованных русских. Но армия Николая была устарелой, солдаты-крестьяне – плохо вооружены, командиры – царские друзья без военных способностей.

По воспоминаниям соседа по комнате, Сталин в это время читал “Историю Французской революции”. Он знал, что война и революция, эти кони апокалипсиса, часто скачут бок о бок.

Грузия была охвачена волнениями. “Грузины – такой политизированный народ, – говорил позже Сталин. – Едва ли есть хоть один грузин – не член какой-нибудь политической партии”. Молодые армяне вступали в “Дашнакцутюн”, грузины примыкали к социал-федералистам, многие присоединялись к меньшевикам, большевикам, анархистам и эсерам – последние вели безжалостную террористическую кампанию против царя и его министров. Война испытывала империю на прочность, и охранка, пытаясь подавить недовольство, арестовывала революционеров пачками.

Не все товарищи были рады возвращению грубого и агрессивного Сосо. Его враги придумали, как от него избавиться. Сталин имел неосторожность отступить от марксистского канона. Ленин победил бундовцев, потому что считал необходимым создание интернациональной партии для всех народов империи. Даже Жордания проповедовал марксизм всему кавказскому

региону. Но молодой Сталин, оставаясь верным романтическим идеалам своей поэзии, настаивал на создании отдельной грузинской социал-демократической партии. Поэтому его враги обвинили его в бундистских тенденциях и заявили, что Сталин никакой не марксист-интернационалист. Сталин в то время приспосабливал Маркса к своим инстинктам. Давид Сагирашвили говорил, что он цитировал Маркса, “но всегда на собственный странный манер”. Когда на одной встрече его уличили в этом, Сосо “ни в малейшей степени не смутился” и просто ответил: “Маркс – осел. То, что он написал, должно быть написано так, как я говорю!” С этими словами он покинул заседание.

К счастью для Сталина, его ревностно защищал первый большевик Грузии – Миха Цхакая, один из основателей “Месаме-даси” и теперь сторонник радикального ленинского курса. Сталин уважал энергичного Цхакаю, человека старше его, с эспаньолкой, с серьезным идеологическим весом. Позже Сталин смеялся над Цхакаей – но это была благодарность человека, который считал благодарность “собачьей болезнью”.

Цхакая просил за Сталина и тем самым спас его от выдворения из партии, но и заставил его вновь повторить азы марксизма. “Многого я не могу тебе доверить, – говорил он Сосо. – Ты еще молод, и тебе нужна база твердых убеждений, иначе у тебя будут трудности”.

Цхакая представил его молодому армянскому интеллигенту по имени Данеш Шевардян, который должен был познакомить Сталина с “новой литературой”. Впоследствии Сталин со смехом вспоминал: “Цхакая начал обучение с возникновения планет, жизни на земле, белка и протоплазмы – через три часа мы наконец добрались до рабовладельческого общества. У нас не получалось слушать его внимательно, мы начали засыпать…”

Но эти анекдоты скрывали унизительную правду: Цхакая заставил Сталина написать свое “Кредо” и отречься от еретических взглядов. Шевардян прочел его и был удовлетворен. Отпечатали и распространили семьдесят экземпляров[69]. Сталин был прощен, но Цхакая объявил: перед тем как Сосо сможет выполнить партийное задание и загладить свою вину, он должен “отдохнуть”8.

Сосо беззастенчиво использовал своих друзей. Придя в гости к какому-нибудь приятелю, он вел себя как член семьи, вспоминал бывший семинарист Михаил Монаселидзе, друг Камо и Сванидзе. Если в доме обнаруживались вино, фрукты или сладости, которые он любил, он без зазрения совести говорил: “Кто-то обещал угостить меня вином и фруктами”, после чего

открывал буфет и принимался за угощение. Он был уверен, что его обязаны кормить из благодарности за его священную деятельность.

Он проводил время со своим состоятельным другом Спандаряном, и тот ввел его в круг, где лидером был Лев Розенфельд – будущий Каменев, после смерти Ленина соправитель Сталина, а позднее его жертва. Отец Каменева, богатый инженер, построивший железную дорогу от Батуми до Баку, обеспечивал своего сына-марксиста. Каменев был моложе Сталина, но выглядел на много лет старше. Он носил рыжую бороду, у него были водянисто-голубые близорукие глаза; он походил на школьного учителя. Он подружился со Сталиным, но всегда относился к нему свысока – пока не стало слишком поздно. Каменев был большевиком, но весьма умеренным, и сталинские "горячие головы" уже вызывали у него протест. Камо вспоминал, что у него часто происходили стычки с интеллигенцией. Однажды он поругался с Каменевым, который не хотел идти на демонстрацию. У Каменева Сосо встретил еще одного старого друга – Иосифа Давришеви, который окончил самую элитарную школу Тифлиса – гимназию на Головинском проспекте; там он учился с Каменевым и Спандаряном.

Давришеви, заигрывавший с социал-федерализмом, был "рад впервые после Гори встретить Сосо". Он был похож на Сталина (и думал, что они единокровные братья). "Мы говорили без остановки", – говорил Давришеви и самоуверенно добавлял, что Сталин "никого не знал в Тифлисе"9.

Это было не совсем правдой: Сталин уже знал многих из тех молодых революционеров, которые потом вместе с ним будут управлять страной – или по крайней мере займут место в его жизни. Однажды Сергей Аллилуев возвратился из Баку со шрифтом для печатного станка[70] и привез его в дом Бабе Бочоридзе, помогавшей революционерам.

> Я оглянулся. Из соседней комнаты к нам вышел молодой человек лет двадцати трех-четырех.
>
> – Это наш, – указывая на меня, заметила Бабе.
>
> – Наш? – повторил молодой человек, жестом приглашая меня пройти во вторую комнату.
>
> Усадив меня за стол, молодой человек – это был Сосо Джугашвили – спросил:
>
> – Ну, что хорошего? Рассказывай…
>
> Даже будучи на десять лет моложе Аллилуева, заносчивый Сосо тут же принялся командовать, отдавать распоряжения о транспортировке печатного станка. Они

уже встречались как конспираторы, но теперь Аллилуев пригласил Сталина к себе в гости и познакомил со своей красивой женой, известной вольным нравом. Сталин позже жаловался, что женщины из семьи Аллилуевых “не давали ему покоя” и всегда “хотели с ним переспать”.

Глава 13
Большевичка-обольстительница

Аллилуевы станут членами семьи Сталина, пройдут с ним путь от мира тюрем, смерти и заговоров до вершин власти – и вновь до мира тюрем, смерти и заговоров, по милости самого Сталина.

Сергей был очень интересным человеком – от цыганских предков он унаследовал любовь к приключениям. Он встревал в драки: если кто-то плохо обращался с рабочими, он заступался за них с кулаками. Его жена Ольга, урожденная Федоренко, "светловолосая… изящная ловкая женщина", была "невероятно соблазнительной" марксисткой. "Ей было свойственно увлекаться", – писала ее внучка Светлана.

Ее родители, по происхождению немцы, много работали и ко многому стремились, возлагая большие надежды на Ольгу. Но на пути встал Сергей Аллилуев, двадцати семи лет, слесарь – его предками были крепостные и цыгане. Он снимал у родителей Ольги жилье. Тринадцатилетнюю Ольгу собирались отдать замуж за соседского колбасника, но она влюбилась в жильца. Они сбежали вместе. Ее отец погнался за Сергеем с плетью, но было уже поздно. Сергей и Ольга с головой окунулись в дело революции и в то же время воспитывали детей – двух дочерей и двоих сыновей.

Младшая из детей Аллилуевых, Надежда, была еще совсем маленькой, но старшим детям приходилось видеть, как их мать, неуравновешенная нимфоманка, напропалую флиртует с молодыми конспираторами, которые дневали и ночевали в ее доме. Особенно ей нравились загадочные брюнеты; ее типом были грузины. "Она бросалась в авантюры то с каким-то поляком, то с венгром, то с болгарином, то даже с турком – она любила южан и утверждала иногда в сердцах, что "русские мужчины – хамы", – писала Светлана.

Любимцами Ольги Аллилуевой были угрюмый эмиссар Ленина Виктор Курнатовский, сосланный в Сибирь, и Сталин. Ее сын Павел якобы жаловался, что мать "то на него [Сталина], то на Курнатовского вешалась". Утверждают, что Надя говорила: ее мать призналась ей в том, что спала с обоими. Ее внучка Светлана пишет, что Ольга всегда питала слабость к Сталину, но "дети… относились к этому [ее увлечениям] как-то очень терпеливо; обычно все кончалось, и водворялась опять нормальная семейная жизнь".

Роман со Сталиным – звучит правдоподобно, вполне в духе того времени[71].

Революционеры в подполье носили маску благонравия, но на самом деле вели себя весьма раскрепощенно. В пылу революционной работы постоянно возникали романы между товарищами, состоявшими в браке с другими людьми1.

Когда Сталин не проводил время у Аллилуевых, он вновь командовал Камо и своими молодыми сторонниками-сосоистами. Если он хотел, чтобы его приказ выполнили быстро, он говорил: “Вот я сейчас плюну, и чтоб ты вернулся, пока не высохло!”

Камо быстро становился одним из ценнейших головорезов партии. Он был мастером принуждения, профессионально устраивал типографии и распространял листовки. Он не написал ни одой статьи и не произнес ни одной речи, но учил своему ремеслу других юных бандитов. В своих бестактных (и неопубликованных) воспоминаниях он рассказал многое о том, как в то время жили он и Сталин. Он понял, что листовки лучше всего прятать в борделе, потому что там нет шпиков. Денег у него было так мало, что для выживания ему фактически пришлось сделаться жиголо. Сначала была жена врача, позволившая ему жить у себя. Камо удивлялся, почему хозяйка так на него смотрит. Затем он переспал с ней. По его словам, ему было очень противно, но другой конспиративной квартиры не было, и он мало того что покорился, но еще и занял у нее денег.

Приставала к нему и другая женщина – медсестра-еврейка. Камо уступил и ей, после чего ушел и старался больше с ней не встречаться. Не он один опускался до того, чтобы жить за счет женщин. Один биограф, не дающий ссылок, но иногда неплохо осведомленный, утверждает, что Сталин закрутил в Тифлисе роман с некоей Марией Аренсберг, женой немецкого предпринимателя, которая подсказывала ему, у каких торговцев стоит вымогать деньги.

Закадычным другом Камо был молодой и нищий дворянин по имени Григорий Орджоникидзе, известный под прозвищем Серго. По образованию фельдшер, Серго был драчлив, вспыльчив, хорош собой и полон сил – карикатурный грузин: большие карие глаза, орлиный профиль и выдающиеся усы.

– Иди ко мне в помощники! – приглашал его Камо.

– Кому помогать – князю или прачке? – пошутил Серго. Он имел в виду маскировку Камо: то он уличный торговец с корзинкой на голове, то князь в черкеске, то бедный студент, а то – коронный номер – прачка с тюком белья. Серго близко подружился со Сталиным: эта дружба приведет его в Кремль, но

затем погубит.

Школярские проделки Сталина, Камо и Серго привлекли внимание города. Двоюродная сестра Серго Минадора Торошелидзе[72] вспоминала, как эта троица однажды уселась на галерке театра “Артистическое общество”, когда там давали “Гамлета”. Едва появился призрак отца Гамлета, они бросили вниз сотни листовок – те упали на колени аристократам и буржуазии, а хулиганов и след простыл. В Государственном театре они сбросили листовки на голову заместителю губернатора2.

Ожидая, когда партия простит его, Сосо перебрался в Батум. Меньшевики Джибладзе и Исидор Рамишвили встретили его холодно.

“Я услышала стук в дверь”, – пишет Наташа Киртава.

– Кто там? – спросила она.

– Я! Сосо!

– Сосо, дорогой! Я отправила тебе письмо в Иркутск – каким образом ты вернулся в Батум?

– Бежал!

Она приветила своего любовника, одетого для маскировки в военную форму. Иерархия империи Романовых, выстроенная на прусский манер и отраженная в разнообразии мундиров, обеспечивала революционерам отличный выбор маскарадных костюмов. Когда Наташа рассказала товарищам о возвращении Сосо, некоторые обрадовались, а некоторые нет. Меньшевик Рамишвили обругал Сталина при Киртаве.

“Должна прогнать из дома, – кричал он, – в противном случае исключим тебя из наших рядов!”

Сталин благородно оставил дом Наташи, но Рамишвили распространял слух, что с его побегом что-то нечисто: наверняка Сталин провокатор. Сменив восемь квартир, он все в той же военной форме был вынужден вернуться к Наташе, которая собрала денег для его возвращения в Тифлис.

“Куда ты поедешь, Сосо, что мы будем делать, если тебе опять не повезет?” – спрашивала она. Потом она вспоминала, что он погладил ее по голове и поцеловал, сказав: “Не бойся!”

Один железнодорожник одолжил ему свою форму – фуражку, мундир и фонарь контролера, вспоминает кондуктор, все время возивший Сосо из Тифлиса в Батум и обратно. Но Сталин не забыл Наташу. Оказавшись в Тифлисе, он написал ей письмо, в котором пригласил к себе; письмо было якобы о проблемах со здоровьем: “Сестра Наташа, ваши врачи никуда не годятся; если ваша болезнь осложнилась, приезжайте сюда, здесь врачи хорошие”.

“Я не поехала по семейным обстоятельствам”, – написала она. Быть может, вернулся муж? Сталин был разъяренз.

Вместе с большевиком Филиппом Махарадзе, который был старше Сталина и стоял у истоков “Третьей группы”, они редактировали нелегальную грузинскую газету партии “Пролетариатис брдзола” (“Борьба пролетариата”) и писали для нее статьи. Печаталась газета на подпольной типографии в Авлабаре, рабочем районе Тифлиса. Но затем в апреле Сталин на месяц вернулся в Батум, и эта поездка тоже оказалась неудачной.

Во время празднования Первомая на морском берегу Сталин, судя по всему, повздорил с местными – вероятно, меньшевиками. У марксистов разгорелась подогретая вином драка, в которой Сталина побили. Он встретил Наташу Киртаву, которая отклонила его предложение жить вместе. “Я подошла поздороваться, но, увидя меня, он крикнул с озлоблением: “Уйди от меня”[73]4.

Избитый и отвергнутый в Батуме, выслеживаемый жандармами в Тифлисе, Сосо ретировался в Гори, где прятался у своего дяди Георгия Геладзе и, скорее всего, виделся с Кеке. Давришеви рассказывает, что он выправил в Гори новые документы на имя Петрова – это был его очередной пседоним5.

В конце июля Цхакая отправил Сталина на запад Грузии, в исторические области Имеретию и Мингрелию. Там он должен был организовать Имеретино-Мингрельский комитет. Сталин поехал в Кутаис – грузинский провинциальный город, где жило 30 000 “кучеров, полицейских, духанщиков, блеклых чиновников и праздных мелких помещиков”. Это было важнейшее задание, потому что крестьяне на западе, особенно в Гурии, были политизированы, как нигде больше в империи. Это глухое место – “горы, болотистые долины и невысокие холмы, покрытые кукурузными полями, виноградниками и чайными плантациями” – кипело в возмущении. Вместе с Красным Князем Сашей Цулукидзе и новым другом – велеречивым молодым актером Буду по прозванию Бочка – Сталин появился в прекрасное время для революционера: война с Японией высасывала из империи соки. В июле 1904 года террористы из боевой организации эсеров взорвали неуступчивого министра внутренних дел Плеве. Его преемником стал неопытный аристократ князь Святополк-Мирский. Он попробовал было начать политическую оттепель, но в ответ получил только новые забастовки и беспорядки.

В деревнях западной Грузии уже полыхал бунт. Шла крестьянская война, крестьяне нападали на знать, захватывали землю и выгоняли царскую полицию. Сталин переезжал с места на место – от Кутаиса до Владикавказа и Новороссийска; он более

десяти раз уезжал из Тифлиса, чтобы помочь начать революцию или найти на нее деньги. Охранка заметила его в Тифлисе и в октябре рапортовала: “Джугашвили бежал из ссылки и в настоящее время является главарем партии грузин, рабочих”. Жандармы попытались накрыть его в Тифлисе, но Сталина предупредили, и он скрылся. Когда его и Буду Мдивани арестовали и заключили в Ортачальскую тюрьму, друзьям удалось бежать. Полиция стреляла, но Буду закрыл Сосо своим телом.

В западной Грузии он путешествовал с удочками и рыболовными снастями; когда его арестовала местная полиция, он убедил стражей порядка, что просто рыбачил. В сентябре и декабре он впервые наведался в Баку – нефтяной город, где большевистские типографии мобилизовали рабочих на декабрьскую стачку. Рабочие победили[6].

В то время как эсдекам надлежало бы сплотиться, партию раздирало изнутри. Большевики сосредоточились на создании революционного авангарда, а Жордания и меньшевики действовали практичнее: они предлагали бунтующим крестьянам то, что им было нужно, – землю. Сталин поддерживал распрю в Кутаисе: он исключительно ловко прибегал к клевете, лжи и интригам. Местный меньшевик Ной Хомерики написал удивительное письмо в комитет – в нем характер и стиль Сталина описаны блестяще:

> “Товарищ Коба передал вам, что якобы мы… были против вас и добивались удалить из ем-ка [местного комитета]. Я заявляю, что ничего подобного не было и переданное вам от Кобы – гнусная ложь. Да, именно гнусная ложь с целью дискредитировать в глазах товарищей меня и другого человека… Я удивляюсь, однако ж, как может человек дойти до такого нахальства. Я знаю вообще цену таких людей, как этот господин, но, признаться, такой “смелости” от них не ожидал. Но оказывается, они на всякие средства падки, если только эти средства оправдывают цель. А цель, или, вернее сказать, честолюбивые замыслы… та, чтобы показаться народу великим человеком. <…> Бог их не одарил нужным для этого талантом, им приходится… прибегать к интриге, лжи и тому подобным прелестям. <…> … такие “грязные” личности… хотят внести в это великое и святое дело грязь и нечистоты”.

Сталин заявлял, что имеет право выгнать из комитета кого пожелает, хотя и сам знал, что это неправда. Хомерики называл

его “донкихотом Кобой”, но, как это часто бывало, бесстыдное “нахальство” Сталина одержало верх[74].

Радуясь тому, что он упрочил влияние Ленина в Грузии, в сентябре 1904 года Сталин написал два письма своему горийскому приятелю Давиташвили в Лейпциг. Сталин называл Ленина “горным орлом”, нападал на меньшевиков и хвалился, что комитет колебался, но “мне удалось убедить их”. Плеханов, по его мнению, “или совершенно рехнулся, или в нем говорят ненависть и вражда”, а Жордания удостоился определения “ишак”. Неученый грузин с удовольствием развенчивал корифеев марксизма. Письмо подействовало: Ленин впервые услышал о Сталине. “Горный орел” назвал Сталина “пламенным колхидцем”.

В канун Нового, 1905 года Сосо велел небольшой группе железнодорожников встретить его у Дворянского собрания на Головинском проспекте. Благородные либералы проводили тогда так называемую Банкетную кампанию, чтобы склонить царя к дарованию конституции. Но большевикам претил подобный незрелый буржуазный либерализм. Как только председатель открыл банкет, Сталин в сопровождении рабочих ворвался в зал и потребовал слова. Когда пирующие отказали ему, он сорвал вечер криками “Долой самодержавие!” и вывел своих рабочих на улицу – они пели “Марсельезу” и “Варшавянку”. 2 января главный порт империи на Дальнем Востоке, Порт-Артур, сдался японцам. Так начался 1905 год7.

В воскресенье 9 января, когда Сталин снова был в Баку, революционер и одновременно агент полиции священник Гапон встал во главе 150 000 рабочих, которые пришли к Зимнему дворцу в Петербурге, чтобы подать царю петицию. Дорогу им преградили казаки. Они дали два предупредительных залпа, но рабочие не остановились. Войска открыли по толпе огонь, затем бросились на демонстрантов. Погибло 200 рабочих, несколько сотен было ранено. “Нет больше Бога! – прохрипел отец Гапон. – Нет больше царя!”

Кровавое воскресенье потрясло всю империю – последовали бурные демонстрации, этнические чистки, убийства и открытые революционные выступления. По стране одна за другой проходили забастовки. Крестьяне жгли усадьбы и библиотеки своих хозяев – было уничтожено 3000 поместий. Начались волнения в армии. “Редеют царские батальоны, гибнет царский флот, сдался, наконец, позорно Порт-Артур – и тем еще раз обнаруживается старческая дряблость царского самодержавия”, – писал Сталин в прокламации. Но царь все еще надеялся на чудо. Он предпринял одну из самых удивительных морских кампаний в

истории, отправив дырявый Балтийский флот почти через весь земной шар, в обход Африки, Индии и Сингапура, на битву с японцами. Если бы эта авантюра удалась, победа Николая II гремела бы в веках.

Царь уволил злосчастного министра внутренних дел и назначил нового – тот предположил, что определенные политические уступки необходимы. “Можно подумать, что вы боитесь революции”, – отвечал император. “Государь, революция уже началась”.

Это была Революция 1905 года, которую Троцкий потом назвал “генеральной репетицией”. В то время казалось, что это уже сам спектакль – жестокая и упоительная битва, идущая по всей империи, но особенно на Кавказе, где Сталин овладел умениями, которые будет применять всю жизнь[8]. Он очутился в своей стихии и находил наслаждение в кошмарной трагедии.

“Рабочие Кавказа, пора отомстить! – писал он. – Самодержавие… просит нас предать забвению свист нагаек и жужжание пуль, сотни убитых героев-товарищей, их славные тени, витающие вокруг нас и шепчущие нам: “Отомстите”!”[9]

Глава 14
1905. Царь горы

1905 год начался и кончился бойней. Это был год революции, в которой молодой Сталин впервые командовал вооруженными людьми, попробовал вкус власти и обратился к террору и бандитизму. 6 февраля, когда он был в Баку, несколько армян застрелили в центре города татарина. Азербайджанские турки, которых часто называли татарами, ответили огнем. Все это стало широко известно. Власти, давно ненавидевшие армян за их богатство и преуспеяние, не препятствовали тому, что в город хлынули толпы азербайджанцев-мусульман.

Пять долгих дней группы азербайджанцев убивали всех армян, каких могли найти, – убивали с ожесточенной ненавистью, причинами которой были религиозное напряжение, зависть к экономическим успехам и близкое соседство. По всей империи вспыхивали антисемитские погромы, а в Баку свирепствовал хаос этнической резни, поджогов, изнасилований; в людей всаживали пули и перерезали им глотки. Губернатор князь Накашидзе и его начальник полиции не вмешивались. Казаки выдавали православных армян азербайджанцам, которых вооружала полиция. Одного армянского нефтяного магната осадили в собственном дворце – он отстреливался от азербайджанцев из винтовки “винчестер”, пока не кончились патроны; тогда его растерзали в клочья. В конце концов армяне, которые были богаче и лучше вооружены, дали отпор и начали убивать азербайджанцев.

“Они даже не знают, за что убивают друг друга”, – говорил губернатор. “Тысячи погибших лежат на улице, заполонили христианские и мусульманские кладбища, – писал очевидец бакинской резни. – Мы задыхались от трупного смрада. Повсюду женщины с безумными глазами искали своих детей, а мужчины ворочали горы разлагающейся плоти”. Погибло по меньшей мере 2000 человек.

Сталин был там и видел эти адские, апокалипсические картины. Он организовал в Баку небольшую большевистскую боевую дружину. Он собрал своих бойцов, в основном мусульман, и приказал им по возможности растаскивать армян и азербайджанцев. В то же время дружине поручалось при любой возможности воровать типографское оборудование и добывать деньги для партии путем рэкета. Сталин, по словам его первого биографа Эссад-бея[75], выросшего в Баку, “представился главе

[армянской] семьи и мрачно доложил, что вскоре его семья погибнет от кинжалов мусульман", но "после взноса в пользу большевиков Сталин переправил армянских коммерсантов за город"[1].

После этого Сосо поспешил вернуться в Тифлис, где вот-вот могла начаться этническая резня между православными (грузинами и армянами) и мусульманами. Город был парализован забастовками; полиция арестовывала революционеров, а казаки нападали на демонстрантов на Головинском проспекте.

Сталин помог организовать демонстрацию примирения, чтобы предотвратить бойню, и написал прочувствованное воззвание, которое отпечатал и распространил Камо. В нем говорилось, что царское правительство устраивает "погромы евреев, армян", чтобы "кровью и трупами… укрепить свой презренный трон" – "невинной кровью честных… граждан", "стонами умирающих… армян и татар".

Сталин стал во главе демонстрации 13 февраля – чтобы побороться с "дьяволом, сеющим рознь между нами". Он с гордостью сообщает, что в толпе было распространено 3000 его прокламаций и что "знаменосец, поднятый на руки демонстрантами, произносит ярко-политическую речь" – это, без сомнения, он сам[2]. Но неприязнь между большевиками и меньшевиками теперь стала смертельно опасной.

Аристократ Жордания, лидер меньшевиков, вернулся из ссылки. Его большой авторитет и тонкая прокрестьянская политика завоевали доверие грузин, которые поголовно приняли меньшевизм. Исидор Рамишвили, в Батуме нашептывавший о подозрительном побеге Сталина, здесь, в Тифлисском комитете, открыто объявил его агентом правительства, хотя, судя по всему, не имел никаких доказательств. С одобрения Жордании меньшевики, а затем большевики избрали собственные комитеты[3].

В апреле Сталин отправился на запад, где вооруженные банды и избранные комитеты контролировали правительство и правосудие, несмотря на то что некоторые крестьяне думали, что Комитет – имя нового царя. В "отдельной республике, куда не могла войти полиция" поджоги и убийства стали обычным делом. Сталин лихорадочно писал статьи и на митингах в Батуме и Кутаисе выступал против меньшевиков. Однажды во время таких дебатов выступление Кобы было особенно запоминающимся – заседание началось в десять вечера и закончилось к рассвету. После чего его, одетого в черное и серое (усы и бороду он сбрил для маскировки), увели в лес, где он прятался до темноты.

Главным врагом Сталина среди меньшевиков был харизматический смутьян Ной Рамишвили, “25 лет, высокий, худой, с улыбкой во взоре и энергическим голосом”. Харитон Шавишвили, меньшевик[76], видел схватку противников, подобную поединку мифических атлетов. Сначала прибыл Рамишвили, за ним “знаменитый Сосо, товарищ Коба, ниже, чем Рамишвили, но такой же худой. Взгляд у него был спокойнее, глубже, а лицо грубее – возможно, из-за оспин. Его поведение, манеры были чисто грузинскими, но в нем было и нечто глубоко оригинальное, что сложно уловить, – одновременно львиное и кошачье. Не таилось ли нечто необыкновенное под его заурядной внешностью?” На Шавишвили произвело впечатление и красноречие – вернее, его отсутствие: “Он не был оратором”, скорее, “мастером притворства”. Он говорил “с легкой улыбкой, неподвижным взглядом… кратко, ясно и очень убедительно”. Даже когда “знаменитый Сосо” уступал меньшевикам в споре (а такое случалось часто), “рабочие целовали его со слезами на глазах”4.

Но евреям-меньшевикам, которые злились на этого выскочку и завидовали ему, удавалось пробить ледяное спокойствие Сосо. После одних дебатов он набросился на меньшевиков: “Ленин возмущен, что Бог послал ему таких товарищей, как меньшевики. В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод – жиды обрезанные. <…> Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься”5.

Когда Сталин был в Кутаисе, к нему обратились горняки из Чиатур[77]. Этот город шахтеров был единственным настоящим оплотом большевизма в Грузии. Сталин стремился удержать его и стал часто бывать там. Чиатуры, стоящие под низкими облаками на горах со снежными вершинами и обрывистыми утесами, быстро развивались: крупнейшая марганцевая шахта в России поставляла около 60 % мирового марганца. 3700 шахтеров жили посреди груд руды – пейзаж напоминал лунный; задыхаясь от пыли, они горбатились в забое по восемнадцать часов в день за жалкие гроши. У них не было бань, не было даже домов – они спали в шахтах. “Животные жили лучше, чем чиатурские горняки”, – писал Котэ Цинцадзе, наемный убийца, впоследствии незаменимый в сталинских ограблениях банков6.

Жарким летним днем 2000 шахтеров, черные от пыли, как негры из менестрель-шоу[78], слушали сначала меньшевиков, потом Сталина. Шавишвили рассказывал, как Сосо, “прирожденный тактик”, позволил меньшевикам говорить первыми – слушатели быстро заскучали. Когда настала его очередь, он сказал, что не хочет утомлять собравшихся и

выступать отказывается. “Тогда рабочие упросили его говорить”, и он выступал всего пятнадцать минут “с ошеломляющей простотой”. Сталин “сохранял поразительное хладнокровие… говорил, словно вел живую, спокойную беседу… казалось, ничего не видел, но все замечал”. Он победил в дебатах. Его простая речь потеснила цветистую риторику других ораторов, которым рабочие не доверяли. Сталин сам понимал, в чем его сила, – он сказал Шавишвили, что выступавший меньшевик был “прекрасным оратором, но большая пушка не нужна, когда нужно стрелять на малое расстояние”.

Сталин стал хозяином Чиатур – по словам Шавишвили, город превратился в “бастион большевизма”. Сосо “имел там большое влияние: вокруг него толпились люди вдвое старше, вдвое образованнее, но он окружил себя таким восхищением и любовью, что это позволило ему ввести в своем войске железную дисциплину”. Его называли “знаменитый Сосо” и “старшина Коба”. Он устроил в городе типографию с помощью хорошенькой студентки Пации Голдавы – той, что в 1907 году при ограблении Тифлисского банка будет вооружена револьвером[7].

Знаменитый Сосо лучше всех в Грузии организовывал вооруженное сопротивление, основывал красные дружины, вооружал их и командовал ими – это были полупартизаны, полутеррористы. “Необходимо обратить… серьезное внимание на создание всевозможных боевых дружин”, – писал Сталин. Он был прекрасным организатором бойцов и террористов – но этот опыт не только привил ему вкус к военному командованию, но и создал у него ошибочное впечталение, будто у него к этому талант.

Вооружались даже меньшевики: они поручили сопернику Сталина Рамишвили организовать свою Военно-техническую комиссию и заводы по производству бомб. К середине 1905 года эти отряды хозяйничали на улицах городов и сел Грузии – между казачьими набегами. Иногда Сталин и большевики сотрудничали с меньшевиками, иногда нет.

В Чиатурах Сталин вооружил шахтеров и местных бандитов, а командиром поставил Вано Киасашвили. “Приезжал товарищ Сосо, давал нам указания – мы основали красную дружину”, – писал Киасашвили; он тренировал партизан, крал винтовки и прятал на холмах оружие. На чиатурском вокзале Шавишвили видел, как Сталин отдает приказы другому начальнику дружины – Цинцадзе. Этот лихой рыжеволосый головорез увел в разбойницы нескольких студенток, почти все они были в него влюблены. Бандиты Цинцадзе и Сталина разоружали русских солдат, устраивали засады ненавистным казакам, грабили банки

и убивали шпиков и жандармов – “пока почти вся область не перешла в наши руки”. Цинцадзе с гордостью писал, что Чиатуры “превратились в нечто вроде тренировочного военного лагеря”8.

Сосо постоянно наезжал в Чиатуры, чтобы следить за своей партизанской войной. Как ни странно, когда он был в городе, его укрывали и защищали аристократы, марганцевые короли. Сначала он жил в поместье Бартоломе Кекелидзе, затем его приютил еще более знатный князь Иван Абашидзе, товарищ председателя[79] Совета съезда марганцепромышленников, родственник князей Шеваршидзе, Амилахвари и князя Давида – Черного Пятна, инспектора семинарии. (Кроме того, князь Абашидзе – прадед нынешнего президента Грузии Михаила Саакашвили.) Почему же так происходило?

Всех революционеров хотя бы отчасти финансировали крупные предприниматели и средний класс – многих царский режим отчуждал и уж во всяком случае не допускал к влиянию. В самой России плутократы, например текстильный магнат Савва Морозов, были крупнейшими спонсорами большевиков, а среди адвокатов, управляющих и счетоводов “считалось признаком хорошего тона… давать деньги на революционные партии”. Для Грузии это было особенно верно.

Но дело не только в гостеприимстве и филантропии. Сталин наверняка обучился у своих знакомых преступников, а также на опыте Баку и Батума доходному ремеслу рэкета, вымогательства под предлогом защиты. Теперь он предлагал безопасность в обмен на деньги. Если магнаты не платили, то их шахты могли взлететь на воздух, управляющим грозило убийство; если же платили, Сталин защищал их.

В неопубликованных воспоминаниях двое его бойцов пишут, что Сталин соблюдал условия договора – то есть он и впрямь был готов идти на сделку с дьяволом. Когда магнатов грабили, по сообщению Г. Вашадзе, “розыск “злоумышленников” был организован не местным населением, а И. В. Сталиным”. “На управляющего немецкой фирмой… напали какие-то грабители и отняли у него 11 тысяч рублей, – рассказывает Н. Рухадзе. – Товарищ Сталин поручил нам… найти и деньги, и грабителей. Так и случилось”.

Неудивительно, что магнаты предпочитали, чтобы Сталин был на их стороне: в Чиатурах то и дело совершались убийства. “Капиталисты так боялись, – писал Цинцадзе, – что не составляло труда уговорить их раскошелиться”. Что касается полицейских и шпиков, “чиатурская организация решила покончить с ними”. Их истребляли по одному. Бандиты Сталина ходили по холмам с ружьями, его газеты печатали его статьи, на митингах он

произносил на удивление действенные речи – Сталин сделался царем горы. “Тов. Коба… и Саша [Цулукидзе] были нашей тяжелой артиллерией”, – писал молодой большевик-адвокат, богач Барон Бибинейшвили. Но на остальном Кавказе верх одерживали меньшевики[9].

“Пришлось все время разъезжать по Кавказу, выступать в дискуссиях, ободрять товарищей… – писал Сосо Ленину за границу. – Поход был повсеместный со стороны меньшевиков, и надо было дать отпор. Людей у нас почти не было (и теперь очень мало, в 2–3 раза меньше, чем у меньшевиков)… Тифлис почти целиком в руках меньшевиков. Половина Баку и Батума тоже… Другая половина Баку, часть Тифлиса… весь Кутаисский район с Чиатурами (марганцепромышленный район, 9000–10 000 рабочих… у большинства. Гурия в руках примиренцев, которые решили перейти к меньшевикам”[10].

Сталин, писал один из его врагов-меньшевиков, “вел очень энергичную работу, ездил по Гурии, Имеретии, Чиатурам, Баку, Тбилиси, перебрасывался с одного конца в другой. Но вся его работа была почти исключительно фракционной… Он всюду бешено нападал на меньшевиков, старался втоптать их в грязь”. Сталин с ожесточением боролся с меньшевиками. “Против них все средства хороши”, – говорил он[80][11].

5 мая 1905 года новый – либеральный – наместник вышел из поезда на перрон тифлисского вокзала. Его встречали “маршевые оркестры, шляпы с плюмажем, золотые эполеты и высокопарные речи”. 68-летний граф Илларион Воронцов-Дашков был “коннозаводчиком, вкладывал средства в нефть, был потомком великих аристократических фамилий”; он был женат на графине Шуваловой, внучке князя Воронцова; среди ее предков – одна из знаменитых племянниц любовника Екатерины Великой, князя Потемкина. Друг императорской семьи, бывший министр императорского двора, он был человеком широких взглядов, честным; одним из его первых решений было доверить руководство Гурией либералу. Но граф Воронцов-Дашков опоздал и вел себя непоследовательно.

В кошмарном Мукденском сражении в Маньчжурии царская армия потеряла десятки тысяч солдат, но не смогла разбить японцев. 27 мая российский Балтийский флот после донкихотского кругосветного плавания (за это время удалось потопить только английское рыболовецкое судно в Северном море) был бесславно разгромлен Японией в Цусимском сражении. Сам вице-адмирал попал в плен. Эти катастрофы потрясли империю. Евреев убивали в погромах. 14 июня взбунтовалась

команда броненосца “Князь Потемкин-Таврический”, образцового корабля Черноморского флота.

Спустя несколько дней после прибытия граф Воронцов-Дашков ощутил, что лишен всякой власти: в Тифлисе орудовали вооруженные банды, в железнодорожном депо произошел теракт, в Баку началась новая резня. Графу было нелегко согласовать свои либеральные побуждения с жестокой реальностью. Его генералы и казаки проводили кровавые облавы на тифлисских радикалов. Вскоре графу пришлось иметь дело с настоящими военными действиями, необузданным террором и непрерывными стачками. Как пишет один историк, “в 1905-м бастовали все, от гадалок до проституток”12.

9 июня Саша Цулукидзе, любимый Сталиным Красный Князь, скончался от туберкулеза. На похороны в Кутаисе пришло 50 000 человек – они шли за открытым гробом до города Хони и пели “Марсельезу”. Сталин был в розыске, но все равно появился на похоронах и произнес страстную речь – один из слушателей помнил ее и через тридцать лет[81].

Знаменитый Сосо в то время жил в сумасшедшем темпе: то ездил на восток в Тифлис, то на запад в Батум, а оттуда в Кутаис, где командовал боевыми дружинами. “Террористическая деятельность… приняла гигантские размеры”, – писал Бибинейшвили, сам террорист-большевик. Казалось, что каждый молодой революционер возился со взрывчаткой, воровал оружие и грабил банки. “Почти ежедневно происходили нападения и убийства на политической почве представителей старого режима”. Землевладельцев, жандармов, чиновников, казаков, шпионов и предателей убивали при свете дня. В Тифлисе бывший генерал-губернатор Голицын выжил во время покушения армянских дашнаков только благодаря кольчуге. Как докладывал наместник императору, с февраля 1905-го по май 1906-го было убито 136 чиновников и ранено семьдесят два. По всей империи были убиты или ранены 3600 чиновников – официальная статистика, возможно, сильно занижена. Губернатора Баку князя Накашидзе убили дашнаки, его начальника полиции – большевистский наемник.

“Партии соревновались между собой, мерились террористическими выходками”, – объяснял горийский друг Сталина Давришеви. В Кутаисе Сосо приказал своей дружине раздобыть оружие в кутаисском арсенале. Бойцы арендовали дом рядом с арсеналом и сделали подкоп, но тоннель обвалился.

После Кровавого воскресенья и нескольких побоищ в Тифлисе казаков особенно ненавидели. Сталин велел Камо и его

террористам нападать на них. С 22 по 25 июня в царских всадников пять раз бросали бомбы.

Пожилой наместник сидел в белом дворце в Тифлисе и видел, что его благородные мечты обращены в прах. Он был на грани нервного припадка. А внизу, в гуще революционного хаоса, Сталин переживал истинный расцвет – неустанная борьба придавала ему сил. Во времена беззакония всегда выпадает раздолье неграмотным разбойникам и головорезам вроде Камо. Но Сталин был не похож на них: он спорил, писал статьи и занимался организацией с таким же умением, с каким планировал убийства и грабежи. У него был дар к командованию, принуждению и устроению беспорядков. Наместник ввел военное положение и передал власть генералам13.

В те дни один молодой священник пошел на базар в деревне Цева – между Чиатурами и железнодорожной станцией в Джируале. Там с ним поздоровался незнакомец. “Я Коба из Гори, – произнес он. – Я пришел не за покупками. У меня к вам дело”. Отведя отца Касьяна Гачечиладзе в сторону, Сталин сказал, что ему известно: священник держит нескольких ослов. Он спросил, как перебраться через холмы в Чиатуры: “Никто не знает местность лучше вас”[82].

Священник понял, что зловещий незнакомец много знает о нем и его молодой семье. Он также заметил, что на выходе с базара стоит боевик из местной красной дружины; на его счету была смерть полицейских. “Полиции в Цеве не было – всем заправляла красная дружина”. “Коба из Гори”, конечно, был ее командиром. Он любезно спросил у священника разрешения взять на время ослов и предложил ему неплохие деньги – пятьдесят рублей – за то, что тот устроит переправу через холмы. Услышав о деньгах, священник немного успокоился.

Сталин настоял на том, чтобы угостить священника в духане.

“Вас заранее известят, когда я появлюсь, – пообещал он перед уходом. – Отче, не опаздывайте: я хочу успеть туда и обратно за день. Мы оба молодые люди”.

Вскоре священник получил сообщение. Сталин вернулся с двумя подручными, которые помогли ему нагрузить ослов мешками, в которых лежали деньги, типографские шрифты и, возможно, оружие. Сталин знал, что поезда, идущие в Чиатуры, могут обыскивать, и решил, что так будет надежнее добраться до “бастиона большевизма”.

По дороге священник и бывший семинарист, оказавшиеся ровесниками, завели разговор. Иногда они останавливались под деревом, и Сталин дремал, положив голову священнику на

колени. Когда он стал диктатором, отец Гачечиладзе жалел, что не убил своего попутчика. Но в то время “он произвел на всех впечатление. Мне он даже понравился: вел себя сдержанно, серьезно, пристойно. Он даже читал мне стихи” – стихи были собственного сочинения. Сталин все еще с гордостью считал себя поэтом.

“Некоторые мои стихи даже напечатали в газетах”, – похвалился Сталин. О политике он говорил мало, уверял, что “полиция преследует меня, потому что один мой друг в Чиатурах подрался из-за девушки и я, защищая его, перестарался”. В доказательство он показал священнику травмированную руку (еще одна версия). Перед едой Сталин читал молитву. “Видите, еще не забыл!” – смеялся он. По дороге он пел: “Музыка так облегчает душу!”

Какой-то крестьянин пригласил священника и революционера отобедать. Захмелевший Сталин пел “таким мягким, бархатным голосом”, что крестьяне захотели “выдать за него свою дочь”.

Гачечиладзе сказал ему:

– Из вас вышел бы прекрасный священник.

– Я, сын сапожника, состязался с детьми благородных и был лучше их всех! – ответил Сталин.

Добравшись до Чиатур, Сталин скрылся с мешками на базаре; когда он вернулся, мешки были пустыми. “Теперь я могу подложить их под голову в поезде”, – произнес он.

Так проходила тайная жизнь Сталина революционным летом 1905 года. Вооруженный главарь дружины водил через солнечные холмы в Чиатуру вьючный скот, груженный мешками с контрабандным оружием и награбленными деньгами14.

В Тифлисе казаки и террористы сражались за улицы. Каждый день в Городском совете на Эриванской площади собирались тысячи человек. Они предлагали все более радикальные меры. 29 августа здесь собрались студенты – они хотели обсудить компромиссное предложение Николая II о созыве Государственной думы, которую называли “булыгинской” – по имени министра внутренних дел Булыгина. Это собрание разогнали казаки – они ворвались в зал и открыли стрельбу. Было убито шестьдесят студентов, 200 – ранено.

Сталин бросился в Тифлис. Он встретился со своим подельником Шаумяном и стал готовиться к ответу – как словом, так и динамитом. Он написал текст листовки, помчался в Чиатуры и вернулся оттуда вовремя, чтобы руководить грандиозным возмездием, намеченным на 25 сентября. “Когда Сталин вернулся, – вспоминает Давришеви, – был подан сигнал:

на вершине Святой горы зажегся красный фонарь. Около восьми вечера бандиты открыли огонь у казарм… Казаки галопом выехали наружу, и тут в убийц детей полетели гранаты". Девять террористов Сталина одновременно атаковали казаков.

Боевики и агитаторы большевиков и меньшевиков уже работали на улицах вместе. 13 октября Сталин и большевики встретились с меньшевиками и договорились об общих политических и террористических действиях, чтобы удвоить нажим на самодержавие – казалось, оно на краю гибели. По всей империи рабочие и солдаты избирали советы – самый известный появился в Петербурге. Крестьяне бушевали в деревнях, а 6 октября забастовка на железнодорожной ветке Москва – Казань вылилась в остановку железных дорог по всей стране. Казалось, царизму конец.

"[Буря] не сегодня завтра разразится над Россией и могучим очистительным потоком снесет все обветшалое, прогнившее", – писал Сосо.

В Санкт-Петербурге даже Николай II, обладавший не бóльшим политическим чутьем, чем камень, вынужден был понять, что вот-вот потеряет свое царство. Он был готов заключить мир с японцами, но политические уступки противоречили его глубочайшему убеждению в священности самодержавия. Он завидовал своим самым способным министрам и ненавидел их, но его мать и дядья заставили его посоветоваться с умнейшим экс-министром финансов – Сергеем Витте. Тот отправлялся заключать мир с Японией в Портсмут, штат Нью-Гемпшир, под эгидой президента США Тедди Рузвельта. Перед этим Витте настоятельно советовал царю (которого презирал) даровать народу конституцию. Николай II поколебался, затем предложил своему дяде, высокому, статному военному, – великому князю Николаю Николаевичу – стать диктатором.

Пока романовское самодержавие трещало по швам, Сталин во главе банды сеял смерть в тифлисских подворотнях. У нас есть возможность увидеть, как это происходило15.

Глава 15
1905. Бойцы, беспризорники, портнихи

Однажды ночью в конце 1905 года в Тифлисе Иосиф Давришеви, горийский друг Сталина, теперь возглавлявший вооруженный отряд грузинских социал-федералистов, услышал, что в подворотне у подножья Святой горы кто-то дерется. Он увидел, что Камо, сталинский боевик, угрожает пистолетом какому-то армянину.

– Если не вернешь деньги в сейф, который ты должен был охранять, ты покойник! – говорил Камо. – Подумай! Я считаю до трех. Один… два… осторожней, мой друг… три!

Давришеви подбежал и схватил Камо за руки.

– Не здесь, идиот! Не в этом районе! Ты же знаешь, здесь все под нами! – Эти улицы контролировал отряд Давришеви. Но “перевозбужденный” Камо вырвался и трижды выстрелил в свою жертву.

“После третьего выстрела мы оба бросились бежать”, – вспоминает Давришеви. Окровавленного армянина бросили умирать на мостовой.

– Скажи на милость, зачем ты суешь нос в наши дела? – спросил Камо, когда они оказались в безопасности. – Коба будет злиться. Сам знаешь, он не всегда согласует со всеми свои планы.

Давришеви и сам злился: “его” район теперь наводнили полицейские. Но на этом история не закончилась.

Сталин попросил Камо передать Давришеви приглашение встретиться. При встрече Давришеви “выговорил ему за убийство армянина в районе, где мы обеспечивали порядок”.

– Послушай, – спокойно ответил Сталин. – Не волнуйся о нас. Камо сделал то, что был должен, и тебе стоит поступать так же. А у меня для тебя предложение: вступай к нам. Брось своих федералистов. Мы оба из Гори, я с радостью вспоминаю наши детские игры. Переходи к нам, пока не поздно. А не то…

– Не то что? – спросил Давришеви.

Сталин “не ответил, но сощурил глаза, а лицо его сделалось каменным”1.

В это время, когда происходили события, потрясавшие мир, Сталин сблизился с еще одной семьей, кроме Аллилуевых; судьба этой семьи также переплетется с его судьбой. Он попросил своего протеже Сванидзе подыскать ему жилье[83]. Умница Сванидзе, голубоглазый и светловолосый, нашел идеальное место. Квартира

в доме 3 по Фрейлинской улице находилась прямо за военным штабом, в центре Тифлиса, возле Эриванской площади. Место это имело много преимуществ. Главное – здесь жили чудесные девушки. Три сестры Сванидзе, Александра (Сашико), Мария (Марико) и Екатерина (Като) управляли швейной мастерской "Эрвье", доходным ателье, названным в честь французского модельера мадам Эрвье. Здесь шили военную форму и дамские платья.

Девушки были родом из Рачи в западной Грузии; это место славилось кроткими и любвеобильными красавицами. Сашико недавно вышла замуж за Михаила Монаселидзе, большевика, которого Сталин знал с семинарии, но две другие сестры были не замужем. Самой младшей была Като, изящная темноволосая девушка "восхитительной красоты". Ателье, где работали молодые швеи, было настоящим средоточием женственности.

Монаселидзе вспоминает, что однажды Сванидзе отвел его в сторону и "сообщил, что желает привести к нам на ночевку товарища Сосо Джугашвили, он просил ничего не говорить пока об этом его сестрам. Я был согласен".

По воспоминаниям жены Монаселидзе, Сашико, в 1905 году Алеша пригласил к ним жить друга, которого все считали лидером фракции большевиков. Он был бедно одет, худ, с желтоватым лицом, слегка рябой и ростом ниже среднего; его звали Сосо Джугашвили.

Дом был вне подозрений полиции, вспоминал Монаселидзе. Пока его товарищи в одной комнате вели нелегальную деятельность, его жена за стеной подгоняла платья генеральским женам. В приемной обычно сидели графы, генералы, офицеры полиции – идеальный дом и штаб-квартира для главы подполья. Сталин действительно часто проводил встречи с бандитами и террористами у мадам Эрвье. Свои тайные бумаги он прятал внутри манекенов.

"Сосо сидел и целыми днями писал статьи для "Брдзолы" и газеты "Ахали цховреба" ["Новая жизнь"], которую редактировал Монаселидзе", – вспоминает Сашико. – По вечерам, закончив работу, он уходил и возвращался только в два или три часа ночи". Штаб-квартира Сталина находилась в Михайловской больнице на берегу Куры; в подвале стоял типографский станок. В это опасное время Сталин, по словам Давришеви, "всегда был готов выхватить револьвер". Но у него оставалось время и для флирта, и для жестоких розыгрышей.

Однажды в доме гостил большевик Пимен Двали, двоюродный брат Сванидзе. Он проспал целый день.

– Ну что ты будешь с ним делать! – проворчал Сосо и стал

трясти гостя. Двали проснулся. – Тебя что-то тревожит? – с издевкой спросил Сталин.

– Нет, Сосо, нет, дорогой, – ответил соня и вновь задремал. Сталин "подошел к нему, свернул несколько полосок сигаретной бумаги, засунул их Пимену между пальцами ног и поджег. Пимен обжег пальцы, и он вскочил. Мы все смеялись!"[84]

Как рассказывает Сашико, Сталин сидел и читал сестрам и швеям социалистические статьи и романы или "рассказывал анекдоты, дурачился и вновь подшучивал над сонным Пименом". Однажды, когда из Кутаиса приехали родители девушек, "Сталин спел романтичную песню – с таким сильным чувством, что все были околдованы, пусть даже и было видно, что он был человеком грубым, преданным только революции", рассказывает одна из двоюродных сестер Като. Сталин не был бы Сталиным, если бы не устраивал и здесь политических игр. Однажды швеи внезапно попросили прибавки к жалованью. "Моя жена и Като были поражены, – вспоминает Монаселидзе, – ведь женщины и так работали в хороших условиях. Но затем все стало ясно: их подговорил Сосо. Нас это очень потешило, и Сосо тоже…"

Като, самая младшая и красивая из сестер, была очарована больше других2.

Далеко от тифлисской швейной мастерской, в царском дворце, великий князь Николай Николаевич объявил императору, что скорее застрелится, чем станет военным диктатором. У Николая II не оставалось вариантов. 17 октября он скрепя сердце согласился даровать народу России первую конституцию, избираемый парламент – Думу – и свободу печати. Николай вскоре пожалел о своей щедрости: его манифест послужил толчком к серьезнейшим беспорядкам и всплеску насилия по всей империи.

На следующий день на Каспии рванула пропитанная керосином пороховая бочка – Баку. Рванула в прямом и переносном смысле. Армяне под предводительством хорошо вооруженных дашнаков решили отомстить за февральские погромы и устремились за город, где вырезали азербайджанцев целыми деревнями. Вскоре загорелись нефтяные скважины. В России началась череда диких погромов, в которой погибло 3000 евреев – страшнее всего было в Одессе.

Сталин работал на тифлисских бульварах. "На улицах собирались толпы демонстрантов. Они размахивали флагами революции и свободной Грузии. Перед зданием Оперы собралась огромная толпа – под светящимся изумрудно-зеленым небом люди пели песни свободы", – вспоминает Иосиф Иремашвили.

“Возбуждение было так велико, что одна богато одетая дама сняла с себя красную юбку, и получился импровизированный красный флаг”, – рассказывает другой участник событий. Иремашвили заметил своего знакомца Сталина. “Я увидел, что он забрался на крышу конки и жестикулировал, обращаясь к толпе”. Но Сталин был не столь восторжен – он испытывал недоверие к царским уступкам. Стоит шатнуть прогнивший трон чуть сильнее, и он наверняка рухнет окончательно.

Дума была “отрицанием народной революции”, – писал Сталин. “Разбить эту ловушку… беспощадная борьба с либеральными врагами народа – вот что нам нужно теперь”. Император потерял страну – чтобы вернуть ее себе, он должен был “вторично завоевать необъятную Россию”3.

Сталин и его друзья Сванидзе и Аллилуевы жили в особое время. Наместник контролировал только центр Тифлиса и свои гарнизоны. О том, что происходило в остальном городе, пишет Анна Аллилуева: “С винтовками проходят рабочие по улицам. Это дружинники… В их рядах шагают новые друзья. На низких поджарых лошадках появлялись они на окраинах Тифлиса. Мы всегда останавливались, любуясь ловкостью всадников. <…> У них повязанные башлыками головы, они в бурках и высоких мягких сапогах. Это пастухи и крестьяне пришли с гор…”4 Сосо торжествовал. “Революция гремит! – писал он. – Вновь раздался клич храбрых, вновь зазвучала затихшая жизнь”5.

Джибладзе был предводителем меньшевистских дружин. Сталин, Цхакая и Буду Мдивани руководили большевиками. Фракции союзничали, каждая контролировала свои рабочие районы6. Тифлисские пригороды “оказались в руках вооруженных рабочих”, – писал Троцкий. В Дидубе и Надзаладеви царила такая свобода, что эти районы прозвали Швейцарией. Но даже теперь, через год после “Кредо”, Сталин склонялся к грузинскому варианту марксизма, за что его критиковали в Объединенном комитете. Один из кутаисских подручных Сталина, яростный Серго Кавтарадзе, вышел из себя и назвал Сталина предателем.

“Я не хочу с тобой ссориться. Поступай как знаешь!” – спокойно ответил Сталин. Затем он зажег сигарету и не мигая посмотрел Кавтарадзе в глаза. Вероятно, именно тогда, после этого заседания, они подрались. Кавтарадзе запустил в Сталина лампой[85]7.

Сестры Сванидзе организовали театральное представление; сборы шли на нужды радикалов. Они с гордостью представили Сталина Минадоре Торошелидзе – та была под впечатлением от его речи. “Товарищи, – произнес Сталин. – Вы думаете, мы

победим царя голыми руками? Никогда! Нам нужно три вещи: первая – оружие, вторая – оружие и третье – оружие!" Он начал добывать оружие. "Одной из его первых акций – и самой дерзкой – было ограбление среди бела дня трех тифлисских арсеналов, – пишет Давришеви. – В то время вооружались все, неважно какой ценой!"8

Резня в Баку и погромы в Одессе накалили обстановку в Грузии. Сталин носился между Баку и Тифлисом – в обоих городах люди пытались штурмовать тюрьмы. Казалось, что революция вот-вот победит. В Петербурге совет во главе с Троцким бросил вызов царю и объявил себя параллельным правительством[86]. В Москве большевики устроили крепость из большой фабрики на Пресне. Но царь готовился к мести: он поддерживал националистов-черносотенцев – антисемитов, которые организовали собственные боевые бригады и по всей России убивали евреев и социалистов. В фаворе были жестокие генералы, войска пришли в боеготовность. Император приказал генерал-майору Алиханову-Аварскому разбить в Грузии гурийских крестьян и чиатурских горняков: за дело взялись казаки.

22 октября черносотенцы убили семерых грузинских школьников из Первой мужской гимназии. Разгорелся бой, погиб сорок один человек, шестьдесят пять были ранены. Террористы Сталина постоянно нападали на казаков и черносотенцев9.

22 ноября на Армянском базаре в Тифлисе завязалась перестрелка между армянами и азербайджанцами. Погибло двадцать пять мусульман. Сталин и социал-демократы приказали своим подручным разнять врагов – они думали, что бойню спровоцировала охранка. Тифлис, как писал Троцкий, "кипел котлом" и был на грани гражданской войны. Отчаявшийся наместник признал, что потерял всякую власть над городом, и выдал меньшевику Джибладзе 500 винтовок для усмирения враждующих. Боевые дружины прекратили бойню, но вернуть оружие отказались.

Давришеви заметил, что большевики не принимали в этом участия: без Сталина Камо не мог решить, что делать. Во время этого столкновения Сталина в Тифлисе не было. Где же он был?10

Пока Николай готовился отвоевать свою мятежную империю, а революция приближалась к своему пику, Сталин отправился в Финляндию, чтобы лично познакомиться с "горным орлом" – Лениным.

Глава 16
1905. Горный орел. Сталин знакомится с Лениным

“Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, – вспоминал Сталин, – ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного”. 26 ноября 1905 года на партийном собрании Сталина и еще двоих избрали представителями от Кавказа на конференцию большевиков в Санкт-Петербурге. Около 3 декабря Сталин под псевдонимом Иванович отправился в столицу империи на встречу с Лениным. Пока Сосо и его товарищи поездом добирались на север, царская реакция усилилась: арестовали Троцкого и Петербургский совет. Сталин согласно инструкциям пришел в петербургскую редакцию эсдековской газеты “Новая жизнь”, но обнаружил, что она подверглась налету полиции. Грузинские делегаты ходили по улицам, пока не встретили друга на Невском проспекте. Это примечательная особенность эпохи: в то время такой человек, как Сталин, мог идти по главной улице столицы и наткнуться на знакомого. Такое случалось регулярно. Но в этот раз любоваться видами времени не было. Друг приютил их на два дня, пока они не встретились с женой Ленина – Крупской. Та передала им новые псевдонимы, деньги и билеты до нового места конференции – Таммерфорса, города в Финляндии. В полуавтономном великом княжестве Финляндском свободы 1905-го сохранились еще на год.

Сталин и еще сорок делегатов-большевиков, кое-как замаскировавшись под учителей, совершающих дневную прогулку, отбыли из Петербурга на поезде и приехали в Таммерфорс (ныне Тампере) в 9:09 24 декабря. Они остановились в пристанционной гостинице “Бауэр”; многие жили в двухместных номерах. Крупская писала о конференции: “С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом”.

На следующее утро, в Рождество, Ленин открыл конференцию в Доме рабочих, где размещалась финская красная гвардия – большевистская милиция[87]. Сталин предвкушал встречу со своим героем и предполагал, что Ленин специально опоздает, чтобы сторонники с восторгом ожидали его. Он был поражен тем, что Ленин явился “раньше делегатов” и “по-простецки” беседовал “с самыми обыкновенными делегатами конференции”. А был ли

он великаном? “Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных…”

Человек невыразительной наружности, но исключительная личность, Владимир Ильич Ульянов, известный как Ленин, был худ и приземист. Он облысел раньше времени, у него был мощный выпирающий лоб и пронзительные глаза с прищуром. Он был человеком сердечным, заразительно смеялся, но его жизнь была подчинена фанатичной преданности марксистской революции: ей он отдавал свой ум, безжалостный прагматизм и пробивную политическую волю. Вернувшись в Тифлис, Сталин сказал Давришеви, что Ленина выделяло “среди всех этих болтунов” именно сочетание силы ума с абсолютным практицизмом.

И по отцу, и по матери Ленин происходил из дворян и вырос в заботливой помещичьей семье. Его отец был смотрителем училищ в Симбирске, мать – дочерью врача-помещика, дослужившегося до надворного советника. Среди предков Ленина были евреи, шведы и калмыки (от них и был унаследован прищур)[88]. Ленин чувствовал себя настоящим дворянином – в молодости он даже судился с крестьянами за потраву в его поместье. Становится понятна ненависть Ленина к старорежимной России: его излюбленным ругательством было “русские идиоты”. Когда его корили за происхождение, он отвечал: “Я тоже помещичье дитя. <…> Я все еще не забыл приятных сторон жизни в этом имении… Казните меня. Не должен ли я… понять, что недостоин носить звание революционера?” То, что он жил на доходы с имения, его никогда не смущало.

Деревенская помещичья идиллия оборвалась, когда в 1887-м был казнен его брат Александр. Это изменило все. Ленин поступил в Казанский университет, был исключен, но в конце концов сдал экзамены на юридическом факультете; он читал Чернышевского и Нечаева и напитывался русской революционной идеей еще до того, как взял в руки Маркса. После ареста и сибирской ссылки он перебрался в Западную Европу, где написал “Что делать?”.

“Говно”, “ублюдки”, “сволочь”, “проститутки”, “полезные идиоты”, “кретины”, “старые девы” – вот лишь некоторые оскорбления, которыми Ленин награждал своих врагов. Он обожал борьбу, существовал в маниакальном безумии политического бурления, им руководили ярость и желание

возвышаться над своими союзниками, а оппозицию раздавить.

Его почти не интересовало искусство или любовные отношения. Суровая пучеглазая Крупская была скорее управляющей, секретаршей, чем женой. Впрочем, он пережил страстный роман с богатой, раскрепощенной и замужней красавицей Инессой Арманд. Придя к власти, Ленин иногда затевал интрижки с секретаршами – об этом известно от Сталина, который рассказывал, что Крупская жаловалась на них в Политбюро. Но смыслом жизни для него была политика.

Ленин не был блестящим оратором. Голос у него был негромкий, он не выговаривал “р”. Но, как писал Горький о своем первом впечатлении от Ленина, “уже через минуту я, как и все, был “поглощен” его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто”. Сталин вспоминал: “Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен… без остатка”.

Но Сталин не был влюблен в Ленина до такой степени, чтобы бояться ему возразить. Политиком он был еще незрелым, но уже отличался заносчивостью и дерзостью. Посмотрев на “горного орла”, он теперь хотел, чтобы и его заметили. Ленин предложил ему сделать доклад о ситуации на Кавказе, но, когда речь зашла о выборах в Государственную думу, у них начался спор. Ленин высказывался за участие в выборах, но молодой Сталин поднялся и резко возразил. Зал затих, и тогда Ленин неожиданно уступил, предложив Сталину набросать резолюцию.

“В перерывах учились стрелять”, – вспоминает Крупская о конференции. Стреляли из маузеров, браунингов и винчестеров. У Сталина был пистолет. По некоторым сведениям, после одного спора он выбежал из зала на улицу и в ярости выстрелил в воздух. Горячий грузин на финском морозе. Но конференция уже оказалась несвоевременной: в Москве большевистские дружины начали – и тоже слишком поздно – открытое восстание. Делегаты узнали, что гвардейцы царского Семеновского полка атаковали редут большевиков – Пресню. По улицам Москвы лилась кровь.

Тем временем в Тифлисе начальник штаба военного округа, решительный генерал Федор Грязнов, и генерал-майор Алиханов-Аварский готовились отвоевать Кавказ и уничтожить боевые дружины. “Реакция вступила в свои права”, – писал Троцкий. Конференция была сорвана.

Сталин считал себя важнее всех остальных делегатов[89] – за исключением Ленина. “Среди всех этих болтунов только я уже

организовывал людей и водил их в бой”, – хвастался он.

Сосо поспешил в Тифлис и попал в гущу схватки1.

Генералы собрали казаков, окружили рабочие районы, запретили митинги, приказали расстреливать бунтовщиков на месте и запретили носить кавказские башлыки и плащи, под которыми можно спрятать оружие. 18 января 1906 года генерал Грязнов начал атаку. Жордания и Рамишвили приказали партизанам, среди которых были Камо и большевики, защищать рабочие районы Тифлиса.

Когда через четыре дня Сталин добрался до квартиры Сванидзе, на улицах еще шли бои. Анна Аллилуева видела бои из окна: “Выстрелы не смолкают и ночью. <…> Утром в Дидубе врываются войска. Казачьи лошади проносятся мимо окон”. В Тифлисе все громыхало: “…по дороге тяжело прошла конница. За ней прогрохотала артиллерия. <…> Выстрелы не смолкали”. Было убито шестьдесят бунтовщиков, 250 ранено, 280 арестовано. Аллилуева вспоминает, что на склонах гор в кустах лежали трупы. Она увидела “двух арестованных” – у одного было окровавлено лицо – и закричала, узнав “одного из храбрейших товарищей, одного из любимых юных учеников Сталина”:

– Камо![90]

Пока Грязнов громил Тифлис, Алиханов-Аварский свирепствовал в западной Грузии. Боевые дружины попытались заблокировать железнодорожный тоннель, ведущий к Кутаису, но казаков это не остановило: приближаясь к городу, они расстреливали, мародерствовали, поджигали и вешали. Они взяли Кутаис. “Их войско убивало всех, кого вздумывалось, подожгло город, разоряло духаны и магазины”, – вспоминает Цинцадзе. Запад был обращен в “пепел и уголь”. Когда стало ясно, что все потеряно, Сталин отправился на запад, чтобы убедить крестьян сложить оружие и не погибать, но они его не слушали: “Я был бессилен”. Затем Алиханов-Аварский двинул на восток, чтобы покорить не признававшие закона выжженные окраины Баку и пылающие нефтяные месторождения.

Цинцадзе и его хорошенькая подельница Пация Голдава организовали отстрел всех, кто подозревался в предательстве, – этих людей убили, не дав им улизнуть в Тифлис. Исполнители приговора, которых казаки искали по провинциям, укрылись в столице. Но время сталинских боевых отрядов закончилось. Бойцы вернулись в подполье, где Сталин сделал из них тайную банду убийц. У него уже было для них задание2.

В Тифлисе, по которому ходили казачьи нагайки, Сталин и меньшевики собрались для вынесения смертного приговора.

Генерал Федор Грязнов, прозванный генералом Говновым, враг грузинской революции, был самым ненавистным человеком на Кавказе. Сталин вызвал своего главного наемника – Цинцадзе. Сосо и меньшевики “совместно” приказали еще одному боевику, Арсену Джорджиашвили, “который был из бандитов Сталина”, вдвоем с Камо ликвидировать генерала. Но Сталин поручил это и Цинцадзе: “Найди надежных товарищей, и, если Джорджиашвили не справится за неделю, мы доверим дело тебе”. Цинцадзе и двое из лучших боевиков Сосо начали выслеживать генерала; в это время другая группа стремилась выполнить задание первой[91].

В течение последующих дней два покушения сорвались: Грязнов выезжал вместе с женой. Тем временем генерал устроил новую бойню на улицах Тифлиса.

16 февраля генерал в сопровождении устрашающего телохранителя-казака выехал из военного штаба, не обратив внимание на грузинских рабочих, красивших ограду Александровского сада напротив дворца наместника. Когда карета проезжала мимо, рабочие побросали ведерки с краской и швырнули в карету самодельные гранаты – Тифлисского Мясника разорвало в клочья. Казаки погнались за убийцами. Наемники ускользнули, но раненого Джорджиашвили быстро поймали и вскоре казнили – в Тифлисе он тут же стал героем.

Кто еще был в бригаде? Историки писали, что убийство совершили меньшевики, но на самом деле покушение планировалось при участии большевиков. Цинцадзе объясняет, что Сталин и меньшевики в то время работали вместе, “одной организацией”. Армянский террорист говорил, что приказ об устранении отдал Сталин. Давришеви указывает, что вторым убийцей был Камо. В 1920-х двое террористов-большевиков требовали назначить им пособие за убийство Грязнова – их записки недавно обнаружились в грузинских архивах. Похоже, Сталин привлек к покушению и меньшевиков, и большевиков.

Позже один рабочий утверждал, что видел Сталина неподалеку от места убийства – это похоже на правду, потому что он получил ранение – то ли осколком бомбы, то ли спасаясь бегством от казаков.

Сашико вспоминает, что той ночью Сталин не пришел домой. Девушки забеспокоились: не арестовали ли его? Впоследствии он рассказывал, что бежал к вагону конки, преследуемый полицией, но поскользнулся и так разбил лицо, что Цхакае пришлось везти его в Михайловскую больницу, а после прятать на квартире Бабе Бочоридзе и затем в другом надежном доме, пользуясь при этом паспортом старого друга. Но после убийства в городе ввели комендантский час, везде были заставы. Солдаты ворвались в дом

и нашли “Георгия Бердзеношвили” (Сталина) лежащим в постели; голова его была обвязана бинтом, еще одна повязка – на правом глазу, на лице – шрамы и синяки.

Русские солдаты растерялись: у них не было инструкций о том, что делать с забинтованным человеком в кровати. На вид он был так болен, что не мог двигаться. Солдаты ушли посоветоваться с начальством – вскоре к дому подъехала карета, чтобы свезти подозрительного пациента в тюрьму. Но больного уже и след простыл. Это был не первый и не последний раз, когда Сталин обманывал полицию с помощью такого фокуса.

Под покровом ночи один товарищ перевез на фаэтоне “укрытого башлыком и широким плащом” Сталина, у которого были “поранены голова и лицо”, в другое безопасное место.

Когда Сталин объявился дома и рассказал, как за ним гнались “фараоны” и он свалился с подножки конки, сестры Сванидзе с облегчением вздохнули – особенно Като. Сашико и ее муж поняли, что между Сталиным и Като что-то есть.

Глава 17
“Некто в сером”. Женитьба, резня и поездка в Швецию

Как рассказывал один из главных сталинских головорезов Бачуа Куприашвили[92], по инициативе и указанию Сталина была организована постоянная бригада бандитов. “Мы добывали оружие, устраивали побеги из тюрем, грабили банки и арсеналы и убивали предателей”. Сталин приказал Цинцадзе основать “техническую группу, или клуб большевиков-экспроприаторов”, который вскоре стал известен как “дружина”.

“Главарем экспроприаторов”, как позднее рассказывал Сталин, “был Котэ Цинцадзе – вместе с Камо”. Друг детства Сталина, арестованный при налете на Дидубе, подвергся ужасным пыткам казаков – они едва не отрезали ему нос. Но Камо ни в чем не признался, и его отпустили. “Он мог вытерпеть любую боль, – восхищался Сталин. – Поразительный человек”.

Сосо применял всю свою изобретательность, чтобы найти деньги для Ленина, – он ездил по Кавказу, был в Новороссийске и Владикавказе. В Тифлисе он велел раскошелиться учителям школ и семинарии. Тем временем он тайно готовил дружину к бандитскому вымогательству.

Согласно некоторым источникам, Сталин посылал предпринимателям письма, в которых были выразительные рисунки – “бомбы, искалеченный труп, два скрещенных кинжала”, – а затем приходил к ним с маузером за поясом и получал деньги. Но первый биограф Сталина Эссад-бей (ненадежный, но иногда хорошо осведомленный источник) утверждал, что “Сосо получал сведения” о подходящих для запугивания богачах “от своей любовницы Марии Аренсберг, жены немецкого предпринимателя в Тифлисе”. Самым же быстрым способом получить много денег было ограбление банка.

“Именно Сталин начал эпоху ограблений банков в Грузии”, – писал Давришеви, еще один знатный горийский грабитель. В 1906 году его дружина сумела провести несколько дерзких налетов, несмотря на то что в Тифлисе шла настоящая война. По словам меньшевички Татьяны Вулих, днем и ночью работал дозор, перекрывали целые кварталы.

Для начала Цинцадзе наведался в городской ломбард – вломился со стрельбой и забрал несколько тысяч. “Однажды сталинские бандиты, стреляя из пистолетов, среди бела дня ограбили Грузинский земельный банк, стоявший напротив дворца

наместника, – пишет Давришеви. – С криками “Руки вверх!” они схватили пачки банкнот и скрылись, стреляя в воздух. Операцией руководил Камо, а план разработал Сталин, превосходный организатор”.

Соревнование между грабителями усиливалось, но тем не менее они дружили между собой. “Все главные грабители банков были из Гори!” – хвалился Давришеви. Именно он провернул крупнейшее на тот момент ограбление в Душети – касса социал-федералистов пополнилась на 100 000 рублей. Сталин, Цинцадзе и Камо ответили на это еще более дерзкими налетами. Они захватили поезд в Карсе, но все пошло не по плану, и в завязавшейся перестрелке погибло несколько грабителей. В ноябре 1906 года Котэ напал в Боржоми на почтовую карету. Сопровождавшие карету казаки дали отпор, но лошадь, испугавшаяся стрельбы, ускакала вместе с деньгами.

Далее был поезд, который вез заработную плату чиатурским горнякам. Поезд остановили, последовала двухчасовая перестрелка между бандитами и казаками – убили солдата и жандарма, а дружина получила 21 000 рублей. “Из них 15 000 мы отправили фракции большевиков [то есть Ленину в Финляндию], а остальное оставили себе на подготовку к будущим экспроприациям”, – вспоминает Цинцадзе.

Вскоре сталинские разбойники ограбили карету на Коджорском шоссе и похитили еще 20 000 рублей. Что-то оставили себе на выпуск сталинской газеты “Брдзола”, но большую часть отослали Ленину – в винных бутылках.

Все они были большими друзьями, и их все любили, вспоминала Татьяна Вулих, хорошо знавшая бандитов. “Всегда веселые и беспечные, но и очень сдержанные, они всегда были к услугам всякого”. В дружину входило около десяти человек, в том числе девушки – Пация, Аннета и Александра. Бандиты жили в двух квартирах – мужчины в одной комнате, женщины в другой. Почти никто не увлекался чтением, за исключением двух девушек. Почти все болели чахоткой и были очень бедны. По словам Вулих, однажды она застала нескольких из них в постели, так как “брюки их пришли в такое состояние, что без основательной починки надеть их [было] нельзя”.

Сталин был близок с Камо и Цинцадзе, но обычно отдавал приказы дружине через телохранителя, которого называл своим техническим ассистентом[93], хотя товарищи в шутку именовали его адъютантом Сосо. Таким образом, этот великий конспиратор предпочитал держаться от обычных разбойников на расстоянии как минимум одной ступени. Помимо штата стрелков у Сталина была собственная разведка и курьерская служба: мальчишки из

Тамамшевского караван-сарая и нескольких типографий служили у него на посылках, распространяли листовки и собирали разведданные.

Бандиты похищали деньги не для себя. В других шайках деньги тратились на одежду, женщин, вино, но Сталин никогда не интересовался деньгами и всегда делился с товарищами тем, что имел. “Сталин был одет бедно, – вспоминал Жордания, – вечно нуждался и этим отличался от других большевиков – интеллигентов, любивших хорошо пожить (Шаумян, Махарадзе, Мдивани, Кавтарадзе и др”. Подручные Сосо разделяли его веру в марксизм и его аскетизм. Как пишет Вулих, их евангелием было “Что делать?” Ленина, а бесхитростной целью – достать 200 000–300 000 рублей и отдать их Ленину со словами “Делайте с ними что хотите”.

За разбойничьей романтикой скрывалась маниакальная жестокость в духе мафии. Присвоение награбленного каралось смертью. Давришеви был свидетелем того, как Сталин приказал Камо расправиться с уличенным товарищем. Чем ощутимей был успех, тем опасней соблазн. Когда Давришеви взял в Духети 100 000, бандиты-федералисты перессорились и принялись убивать друг друга. Один из главарей украл часть денег и попытался замести следы, свалив вину на крестьян, в саду которых была сначала закопана добыча. Играя на братских чувствах между грабителями, федералист-расхититель попросил сталинского боевика Элисо Ломинадзе покрыть недостачу. Ломинадзе всю ночь пытал крестьян, пока не убедился, что они не крали денег. По словам Вулих, потом он клял себя за жестокость по отношению к невиновным. Затем он убил настоящего похитителя. Если бы он отыскал деньги, то, вероятно, украл бы их и передал большевикам. В любом случае деньги эти для социал-федералистов были потеряны: охранка наблюдала, как главари просаживали остаток добычи в казино на Лазурном Берегу.

Тайная полиция пыталась вычислить грабителей. Узнав об участии Иосифа Давришеви, они обвинили его в большинстве налетов. Но до того они перепутали его со Сталиным: ведь оба были бандитами из Гори и обоих уменьшительно звали Сосо. Далее обоих спутали с Камо и Цинцадзе. “Камо – Цинцадзе, – значилось в одном рапорте. – Бежал из Батумской тюрьмы и… прибыл в Тифлис, где работал вместе с Иосифом Джугашвили (он же, должно быть, Сосо)”.

В этом мире лихой удали и ужасных убийств Сталин и выработал стоические представления о цене человеческой жизни. “Узнав, что товарищ погиб во время экспроприации, Сосо говорил: “Что делать? Нельзя сорвать розу, не уколовшись

шипами. Осенью листья опадают с деревьев, весной вырастают новые”1.

Но ограбления были лишь средством для достижения цели – взятия власти. Юноша, который даже во время шумных попоек штудировал Наполеона, теперь тешил себя мечтой “о взятии Тифлиса… он раздобыл где-то карту Тифлиса и лелеял мысль взять его вооруженными силами”. Он любил раскладывать эту карту на полу в своих укрытиях и расставлять воображаемые полки – их обозначали оловянные солдатики. Однажды сын хозяина, приютившего Сталина, побежал к отцу сообщить, что “дядя Сосо играет в солдатики”. Отец, не поверив, пришел в комнату Сталина и увидел, что тот лежит на полу и передвигает солдатиков по карте Тифлиса. Сталин поднял голову и заявил: “Я назначен начальником штаба”. Он добавил, что “разрабатывает план” вооруженного восстания. Вероятно, ограбления банков он планировал с таким же усердием2.

Эти рассказы о воображаемых, но смелых военных операциях говорят о многом: Сталин, хваставшийся, что уже водил людей в бой, всегда считал себя “человеком военным”, настоящим верховным главнокомандующим – об этом писала его дочь Светлана. Однажды дядя Сосо будет играть уже по-настоящему, командуя десятимиллионными советскими армиями, которые возьмут Берлин. Но его военное образование ограничивалось этими оловянными солдатиками.

Из похищенных денег финансировались сталинские газеты. Их печатали в тайной большевистской типографии в Авлабаре, и это обходилось недешево. Сталин редактировал их и писал статьи под псевдонимами Бесошвили (сын Бесо) и Коба.

Монаселидзе пишет: “Я хорошо помню, как Сосо поручил Махарадзе [своему соредактору] написать две статьи и принести их в типографию назавтра к девяти утра, но тот появился только в полдень и сказал, что еще не дописал. Сосо пришел, спросил, почему задерживается выпуск газеты, я объяснил. Он стиснул зубы, сунул в рот сигарету и набросился на Махарадзе с проклятиями… Затем Сосо вынул статьи из собственного кармана, и мы их напечатали”. Он на всякий случай написал статьи сам.

Сталин “был прекрасным организатором”, уверен Монаселидзе, “и очень серьезно относился к делу, но выходил из себя очень редко. У Сосо часто даже не было денег на сигареты. Однажды ночью его впустила Като. Он показал мне, что принес свежие овощи, огурцы, вареные баранью и свиную головы и две бутылки красного вина”.

– Давай-ка попируем! – воскликнул Сталин. – Партия выдала мне жалованье – десять рублей!

Революция коснулась и доброй Като, жившей в штаб-квартире модниц и террористов: в день, когда казаки убили на Эриванской площади студентов и рабочих, она тоже там была. Ее сестры боялись, что она убита, но нашли ее живой: она помогала раненым – площадь была похожа на настоящее поле боя.

У Сталина и Като начался роман. Даже находясь в бегах, он приходил к мадам Эрвье на свидания с возлюбленной. Во время одного такого свидания к дому подошел жандармский лейтенант Строев с двумя немецкими овчарками. Мадам Эрвье вбежала в комнату и предупредила влюбленных. Сосо выпрыгнул из окна – хотя, скорее всего, жандарм просто хотел заказать новую форму. Сталин обожал такой риск. Он так часто приходил в гости к своей подруге-меньшевичке Минадоре Торошелидзе после наступления темноты, что ее свекровь забеспокоилась о репутации невестки.

– Что же поделать? Если меня увидят днем, то схватят, – смеялся Сталин. Именно в разговорах с Минадорой он называл себя “некто в сером”з.

15 апреля полиция накрыла авлабарскую типографию, самое драгоценное сокровище партии: кто-то оказался предателем. Враги Сталина, меньшевики, обвиняли его в том, что двойным агентом был он; в большинстве биографий эта версия считается истинной. Но действительно ли он выдал типографию?

В марте 1906 года Сталин был на партийной конференции в Тифлисе и Баку. На нем было “огромное пальто, лицо с резкими чертами заросло бородой – он был сама резкость – и разноцветный клетчатый шарф, напоминавший еврейский талис[94]; еще – котелок”. После конференции меньшевик Ражден Арсенидзе утверждал, что Сталина арестовали, но затем по непонятной причине отпустили. “Я могу категорически заверить, что Сосо был отпущен из жандармского управления и в Метехском замке не появлялся, – писал Арсенидзе. – Торжественная встреча в тюрьме с аплодисментами… это приятная фантазия самовлюбленного рассказчика. <…> Ходили бесконечные слухи… [о его] предательстве”.

Сталина после конференции действительно арестовали, возможно, поместили в другую тифлисскую тюрьму, например Ортачальскую, а затем выпустили. Скорее всего, он подкупил жандармов похищенными деньгами: жандармы и так не знали точно, кто он такой. Но подобные обвинения с легкостью липли к нему, потому что он был груб, самолюбив и профессионально ходил по самому краю. Нет ни одного доказательства его

предательства – и есть большой пробел в его биографии.

Говорили, что его арестовали во время рейда в Авлабаре, но на самом деле 15 апреля Сталин был далеко: он находился в долгом и хорошо задокументированном путешествии, за тысячи миль от Грузии – в Швеции4. Приблизительно 4 апреля 1906 года Сталин уехал в Стокгольм, чтобы снова повидаться с Лениным. Он прибыл в Швецию после довольно комичного путешествия, пережив кораблекрушение и приняв участие в политической драке на борту.

Сначала он отправился на поезде в Петербург, оттуда – в финский город Ханко. В компании примерно сотни человек он сел на пароход “Ойхонна”, шедший в Стокгольм. Среди пассажиров был также Красин, а еще – цирк: клоуны и дрессированные лошади. Чванливые меньшевики хотели на свои деньги купить билеты в первый класс, а неотесанных большевиков отправить в третий. Делегаты перепились и кинулись друг на друга с кулаками; участвовали ли в потасовке клоуны, неизвестно. Морской воздух придал революционерам воинственности.

В довершение всей этой комедии уже в гавани “Ойхонна” потерпела крушение. Подоспело спасательное судно “Солид”, но ничего не смогло сделать. Сталин в спасательном жилете провел ночь на тонущем корабле.

Наконец помощь пришла, пассажиров погрузили на другой пароход, “Велламо”, который и доставил их в Швецию.

По прибытии в Стокгольм Сталину пришлось зарегистрироваться в полицейском участке. Здесь с ним побеседовал пышноусый офицер шведской криминальной полиции Бертил Могрен, часто охранявший короля Оскара II. Могрен записал, что Сталин “низкого роста, худощав, волосы и борода черные, рябой, с большим носом, одет в серое пальто-ольстер и кожаное кепи”. Сталин сказал, что он – “журналист Иван Иванович Виссарионович, разыскивается [российской] полицией”, переделав таким образом свое отчество в фамилию. Также он назвал Могрену новую дату рождения: 21 декабря 1879 года. При себе у него было 100 рублей. Он сообщил, что пробудет в Стокгольме две недели и будет жить в скверной гостинице “Бристоль” возле вокзала (сейчас она снесена), а затем отправится в Берлин.

Четвертый съезд РСДРП, открывшийся 10 апреля, был гораздо важнее финской конференции: 156 делегатов представляли большевиков, меньшевиков, польских социалистов и еврейских бундовцев. Большинство меньшевиков были грузинами; они превзошли большевиков числом. Среди шестнадцати грузин

оказались Жордания, Исидор Рамишвили и Уратадзе, сидевший со Сталиным в Кутаисской тюрьме; Сталин же был из них единственным большевиком.

В Стокгольме он познакомился с многими[95], кто потом сыграет роль в его продвижении к власти. В гостиничном номере он жил с металлургом, конным почтальоном и франтом из рабочего класса, любившим рубашки с отложным воротником и бальные танцы, – Климентием Ворошиловым. Впоследствии он станет наркомом обороны, маршалом и соучастником расправы с советской военной элитой в 1937 году. Светловолосый, розовощекий и голубоглазый Ворошилов был очарован “веселым и жизнерадостным” Сталиным, “сгустком энергии”. Сталин любил, сидя на кровати, читать наизусть стихи.

На съезде Сталин слушал титанов марксизма – Плеханова, Мартова и Ленина, но гордо сохранил собственную позицию по двум ключевым вопросам. Обсуждали крестьянский вопрос: Ленин выступал за национализацию земли, меньшевики предлагали муниципализацию. Сталин был против обоих предложений: человек, чья коллективизация погубит десять миллионов крестьян, в то время предлагал раздать крестьянам землю. Ленин был побежден при участии Сталина.

Когда съезд спорил, идти ли на выборы в Думу, почти все большевики высказывались против, но Ленин поддержал эту идею и проголосовал за вместе с меньшевиками – решено было участвовать. Сталин воздержался. Съезд был оптимистически назван Объединительным, но голосов у большевиков было меньше. Ленин и Красин, утонченный маэстро отмывания денег и терроризма, остались в явном меньшинстве, когда съезд принял резолюцию о запрете на ограбления банков. “Поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников”, – писал Сталин. Но Ленин не собирался отказываться от ограблений – ему нужны были деньги.

Судя по всему, Ленин и Красин обсудили со Сталиным новые ограбления, потому что он устроил Камо поездку на север, чтобы забрать с финской дачи оружие и бомбы. Если это так, то здесь Ленин впервые увидел, что Сталин – бескомпромиссный деятель подполья и волевой независимый политик5.

Возвращаясь домой, в Берлине Сосо встретился с Алешей Сванидзе, который учился в Лейпцигском университете. Но к июню Сталин уже был в Тифлисе6.

“Когда Сосо вернулся, – вспоминает Сашико, – его нельзя было узнать. В Стокгольме товарищи заставили его купить костюм, фетровую шляпу и трубку, он был похож на настоящего европейца. Мы впервые видели Сосо так хорошо одетым”. На

младшую сестру Сашико новый вид Сосо тоже произвел впечатление.

Сосо и Като объявили о своих чувствах, и семья невесты занялась приготовлениями.

15 июля, когда Сосо произносил речь на секретной сходке в Народном театре в Авлабаре, в зал вдруг вбежали часовые: здание окружала полиция. Большевики сожгли бумаги, но сами сбежать уже не успели. Минадора Торошелидзе вспоминает: “Когда полиция потребовала объяснения, все уверяли, что “репетировали пьесу”.

“Знаем мы, что вы за актеры!” – отвечала полиция, но позволила большевикам разойтись.

На улице Сталин поздоровался с Торошелидзе, затем отвел ее и своего покровителя Цхакаю в сторону. “Сегодня мы с Като Сванидзе женимся, – сказал он им. – Приглашаю вас обоих на свадьбу дома у Сванидзе”.

Като была “очаровательна и красива, она растопила мое сердце”, – рассказывал потом Сталин дочери Светлане. Впоследствии он признавался своей подруге, “как ее любил”: “Вы не представляете, какие красивые платья она умела шить!”

Из письма, которое Сталин отправил из Берлина, явствует, что он уважал ее. “Здешние новости не обещают ничего хорошего, но не стоит об этом говорить, – писал он. – Может быть, я найду Алешу и поведу его по “неправильной дорожке”. Если только это не огорчит Екатерину Семеновну [Като]. Твой друг Сосо”.

Като преклонялась перед Сосо “как перед полубогом”, но понимала его. Она была “заворожена Сталиным и околдована его идеями. Он был обворожителен, и она его обожала”. Но она знала, что он предан делу революции и что у него непростой характер. “Она ведь была рачвелка”, – говорил Сталин в старости; другими словами, она была добросердечной, красивой и преданной. Но это не все: Като была образованна и по грузинским меркам раскрепощена; по происхождению она стояла выше Сталина. Она помогала устраивать благотворительные спектакли для эсдеков и могла спасать раненых после казачьего побоища. Из воспоминаний ее сестры ясно: Като прекрасно знала, что Сталин был организатором ограблений, в том числе кошмара на Эриванской площади.

Она хотела венчаться в церкви, и Сосо согласился, хотя был неверующим. Но священники отказывались венчать их, потому что у Сталина были только поддельные документы – в то время он жил под псевдонимом Галиашвили. Наконец Монаселидзе нашел отца Киту Тхинвалели из ближней церкви, семинарского

однокурсника Сталина. Он согласился обвенчать молодых только в два часа ночи.

В ночь с 15 на 16 июля семья и друзья присутствовали при венчании Като и Сосо в небольшой церкви. Романтично трепетали свечи. Свидетелем со стороны жениха был Цхакая[96]. Сталин оделся неряшливо, “совсем не как жених”, вспоминает Елисабедашвили. “Пока шла церемония, мы все смеялись, особенно сам товарищ Сосо”.

После этого Сашико устроила свадебный ужин, на который пришли Камо и Цинцадзе; Сталин уже начинал обсуждать с ними ограбление на Эриванской площади. Цхакая был тамадой и шутил, Сталин “пел песни своим сладкозвучным голосом”, а Камо смеялся: “И где же эта идиотская полиция? Все, кто у них в розыске, сидят здесь, они могли бы явиться и поймать нас всех, как коз!”

Молодые были влюблены друг в друга. Михаил Монаселидзе вспоминал, как удивительно было видеть Сосо, обычно сурового в работе и с товарищами, столь нежным и внимательным к жене. Но за несколько недель Като поняла, как тяжело быть женой человека, чья настоящая жена и любовница – революция[97].

Скоро Като забеременела. “Когда у него было на нее время, он все время думал, как сделать ей приятное, – вспоминал Монаселидзе. – Но за работой он забывал обо всем”. Кеке, всегда смотревшая на жизнь реалистично, была счастлива за сына, но своей племяннице Анне Геладзе сказала: “Сосо женился. Она хорошая девчушка, но хотела бы я знать: какая у нее может быть семейная жизнь?”7

Медового месяца у них не было. Сталин мог жить по-настоящему только ночью – это был постоянный риск, ходьба по краю, образ жизни, который остался с ним навсегда. Царские солдаты реакции часто расправлялись с подозреваемыми, не задавая лишних вопросов. “Главное – оставаться живым, а остальное устроится”, – писал Сталин Сванидзе.

Однажды в пять утра они с Монаселидзе запирали секретную типографию. Проходивший мимо полицейский принял их за грабителей и потянулся за револьвером. Но Сталин его опередил – он достал берданку и закричал: “Буду стрелять!”8

Глава 18
Пират и отец

Сталин был готов выстрелить, но его шурин выхватил у него винтовку. Он узнал перепуганного полицейского, который до этого получил взятку за то, что не будет мешать работать типографии. Нервное состояние Сосо можно было понять: казаки убивали революционеров, за ним охотилась охранка. К тому времени он вместе с дружиной организовал еще несколько грабежей в разных частях Кавказа: требовалось закупить оружие в Европе. Сталин уже несколько недель не виделся с молодой женой, забыв, что своим образом жизни подвергает ее опасности.

Приблизительно 9 сентября 1906 года Сталин побывал на конференции эсдеков, которую Жордания провел в Тифлисе, а затем в гостинице в Баку. Царские репрессии и меньшевистские успехи привели к расколу среди грузинских большевиков. Кроме того, меньшевики заявили об отречении от терроризма и теперь смотрели на Сталина и его дружину как на бандитов. Из сорока двух делегатов (всего-то!) только шестеро, в том числе Сталин, Шаумян и Цхакая, были большевиками.

Сталин отыгрывался тем, что нагло издевался над меньшевиками. Он сыграл с ними злую шутку. “Всю конференцию он иронически улыбался, – рассказывает Девдориани, его однокашник-меньшевик. – Это значило: “Принимайте какие угодно резолюции, к революции они отношения не имеют”. Сталин держался “крайне вызывающе, грубо” – настолько, что председатель-меньшевик Арсенидзе сказал, что он ведет себя “непристойно”, как “шляющийся без подштанников” – выражение, означавшее “уличную девку”. Сталин “развязно ответил, что он не сбросил же с себя штаны”. Затем, “ехидно улыбнувшись левым углом рта”, он покинул собрание. “Вскоре после его выхода послышались условные свистки, дающие знать, что идет полиция. Мы принуждены были разойтись, – вспоминает Арсенидзе. – Но на улице нигде полиции не было видно… это была проделка Кобы”.

Но Сталин, как писал меньшевик Уратадзе, сделался “главным “финансистом” российского большевистского центра” и в последующие три года оставался одним из главных спонсоров Ленина. Судя по всему, после конференции Сталин отправился на запад, в приморский Сухум, чтобы испробовать новый способ грабежа: пиратство в открытом море.

20 сентября 2200-тонный и 87-метровый пароход “Цесаревич Георгий” плыл из Одессы в Батум. На борту были пассажиры и довольно крупная сумма денег. Во время остановок в Новороссийске, Сухуме и Новом Афоне, куда пароход привез деньги для выдачи заработной платы, на борт без ведома капитана проникли группы большевистских бандитов с ружьями и гранатами под фетровыми плащами.

В 1:15 ночи, когда спящий корабль проходил мимо мыса Кодор, двадцать пять пиратов, среди которых были “рабочие и интеллигенты”, достали маузеры, берданки и бомбы и объявили о захвате судна. Главарь пиратов, которого жандармы потом описали как “низкорослого грузина лет двадцати с небольшим, волосы рыжеватые, веснушки”, занял капитанский мостик, нацелив маузер на капитана Сенкевича. Дежурного офицера, рулевого и команду тоже держали на мушке; впрочем, вероятно, пиратам помогали четверо матросов-“инсайдеров”.

Как потом рассказывала команда, главарь пиратов в течение всей операции был невозмутим и любезен. “Мы насквозь революционеры, а не преступники, – сообщил он. – Нам нужны средства для революции, и мы заберем только деньги из казны. Повинуйтесь моим требованиям, и кровь не прольется. Но, если вы вздумаете сопротивляться, мы убьем вас всех и взорвем корабль”.

“Я подчинился”, – признал капитан Сенкевич в разговоре с корреспондентом “Тифлисского листка”. Команду и пассажиров собрали в одном месте и запретили смотреть на происходящее. Капитан показал главарю шайки, где лежат деньги. Полиция официально заявила о похищении 16 000 рублей, но, скорее всего, пираты взяли намного больше.

Главарь приказал Сенкевичу спустить шлюпки. Перегружая добычу, пираты удерживали в заложниках нескольких офицеров. Затем они велели матросам доставить их на берег. Их так быстро перевезли, что главарь пиратов, тронутый крайне добросовестным исполнением его приказов, велел выдать каждому матросу по десять рублей. “Цесаревич Георгий” мог плыть дальше в Батум.

Тревогу подняли через семь часов. Казаки и жандармы искали пиратов-большевиков на берегу, но не нашли ни следа – ни шайки, ни добычи. Сталин и двое русских большевиков укрылись в доме члена шайки Степана Капбы (об этом много лет спустя вспоминала его сестра). Затем, по рассказам сестры, они переместились в другой надежный дом, принадлежавший семье Атум, и, наконец, в дом Гварамии. В старости Камшиш Гварамия вспоминал, как Сталин появился в его доме. Его отец с радостью

“спрятал рябого главаря банды, которая захватила почтовый корабль у мыса Кодори; впоследствии он стал вождем нашей великой страны”.

Сталин и бандиты продвигались на запад через Абхазию, перешли реку Ингури и углубились в Гурию. Старожилы рассказывали писателю и историку Абхазии Фазилю Искандеру, как Сталин приказал убить семерых ненадежных бандитов (в том числе четверых матросов), а затем с карабином за плечом повел по холмам караван лошадей, навьюченных деньгами. Искандер описал это в романе “Сандро из Чегема”. Доставив добычу своим подельникам в Кутаис, Сталин сел на поезд до Тифлиса, а убитых оставил на съедение шакалам.

Действительно ли Сталин руководил ограблением парохода? Полицейское описание главаря напоминает Сталина, его манеры, облик и речь: он очень часто говорил, что он “революционер, а не преступник”. Но все же описание главаря очень неопределенно. В большинстве воспоминаний говорится, что Сталин организовывал грабежи, но сам не участвовал[98].

Однако из воспоминаний Сванидзе и Давришеви мы знаем, что у Сталина была винтовка и он не стеснялся из нее стрелять. Хорошо осведомленный меньшевик Арсенидзе писал, что Сталин не участвовал в знаменитом тифлисском ограблении, но добавлял, что этих эксов было очень много – он слышал, что и сам Сталин принимал участие в одном из них. У Сталина были знакомые в портах Новороссийска, Нового Афона и Сухума, где пираты садились на пароход: он посещал эти места в 1905-м. То, что Сталин мог вести караван с денежным грузом, подтверждают воспоминания священника Гачечиладзе, цитируемые выше.

Это был не единственный раз, когда Сталин занимался пиратством. Позже он устроил ограбление еще одного почтового судна и планировал несколько таких акций в Баку[99]. Абхазский историк Станислав Лакоба, весьма щепетильный исследователь, смог проследить возникновение легенды и побеседовать независимо друг от друга с двумя престарелыми свидетелями. Оба подтвердили, что Сталин был главарем нападения и забрал деньги.

Даты идеально совпадают. Сталина в это время дома не было. Конференция в Баку завершилась. Несколько дней будто выпадают из календаря. Пароход был ограблен 20 сентября; Сталину нужно было несколько дней, чтобы добраться до Тифлиса. По стокгольмской договоренности с Лениным и Красиным Камо и еще двое товарищей Сталина ждали его в Тифлисе, чтобы отправиться закупать оружие для партии.

Документальных подтверждений участия Сталина нет, но оно

по меньшей мере весьма правдоподобно. Очевидно, что время для ограбления было подобрано не просто так – и что Камо получил деньги.

Через пять дней после ограбления, 25 сентября, Камо уехал из Тифлиса; у него было достаточно денег, чтобы объехать всю Европу и закупить оружие1.

Сначала Камо в компании велеречивого актера-революционера Мдивани и Кавтарадзе, который кидал в Сталина лампой, сели на поезд до Петербурга. Там их встретил и проинструктировал Красин, вместе с Лениным, а также философом и организатором Александром Богдановым руководивший Большевистским центром – подпольной штаб-квартирой большевиков в Финляндии. Их называли “малой Троицей”.

Красин знал Сталина по Баку и Стокгольму. Он, всегда носивший накрахмаленные белые воротнички и ухоженную бороду, как у Карла I, вел двойную жизнь. С одной стороны, светский человек, дамский угодник, друг миллионеров; с другой – производитель бомб для большевиков и других террористических группировок[100]. По словам Троцкого, он “мечтал о бомбах размером в орех”. Такую бомбу он так и не изготовил.

Красин был первым в ряду просвещенных сторонников насилия, кто “почти влюбился в Камо”. Он свел его с Меером Валлахом, любившим хорошо пожить евреем-большевиком. У Валлаха были волнистые светлые волосы, он носил очки[101].

Камо и двое грузин встретились с Валлахом в Париже. Еврей-посредник и армянин-психопат хорошо сработались. Вместе они побывали в Льеже, Берлине и затем в Софии. Везде они покупали оружие – в основном маузеры, винтовки Манлихера и боеприпасы. В приморской Варне они купили худую яхту “Зара”, погрузили на нее оружие, капитаном назначили революционного матроса с броненосца “Потемкин” и набрали команду из четырех человек. Камо вызвался быть коком и охранять яхту. Он заминировал корабль, чтобы взорвать его, если на борт проникнут агенты охранки. В Черном море “Зара” попала в шторм, дала течь и села на мель. Камо зажег фитиль смертоносного динамита, но он не взорвался. Капитан попытался покончить с собой, но это ему не удалось. Замерзших мореплавателей и кока спасло проходившее мимо судно. “Зара” пошла ко дну вместе с трофеями сталинского пиратства.

Камо вернулся в Тифлис, где у Сталина созрел новый план колоссального ограбления. За несколько месяцев до этого в

Тифлисе он столкнулся с неким Вознесенским, учившимся с ним в Горийском духовном училище и в семинарии. Вознесенский рассказал школьному другу, что теперь он работает в тифлисской банковской почтовой службе и имеет доступ к засекреченному расписанию денежных поставок. Сталин пригласил его на кружку молока в молочное кафе “Адамия” и уговорил его помочь большевикам в экспроприации. Вознесенский, допрошенный в ходе секретного партийного расследования в 1908-м, признался, что согласился помочь исключительно ради Кобы, потому что “по поводу смерти к. Эристави Коба написал стихотворение революционного содержания, и это стихотворение произвело на меня сильное впечатление”. Только в Грузии террорист мог получить ценные сведения благодаря тому, что был хорошим поэтом!

Сталин познакомил Вознесенского с дружиной. Он поддерживал с ним связь, встречался со своим “кротом” раз в несколько месяцев. В последний раз он встретился с Вознесенским в конце 1906 года, так что, похоже, охранка была права в том, что ограбление изначально планировалось на январь или февраль 1907-го. Но тогда оно не случилось. Суровые и немногословные ответы Сталина на вопросы меньшевиков, которые вели партийное расследование, подтверждают, что он стоял за самым известным ограблением в истории и имел дело с двумя “инсайдерами”, в том числе с человеком, который был знаком с Кобой “еще со школьной скамьи” и которого он представил дружине.

Вторым “инсайдером” Сталина был Григорий Касрадзе (Гиго), тоже гориец, родственник Кеке и отца Чарквиани. С ним беседовал другой комитет, созданный при партийном расследовании. Касрадзе тоже готовил Сталин – за месяцы до ограбления. Оба осведомителя входили в личную разведку Сталина.

После крушения “Зары” у Камо не было необходимого вооружения для новых операций, поэтому Сталин отослал его обратно к Красину. Князь Коки Дадиани, сочувствовавший большевикам, одолжил Камо свой паспорт, так что террорист ехал в столицу со всеми удобствами. В финском укрытии Камо встретился с Лениным и Крупской. “Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик, – пишет Крупская, – был в то же время… немного наивным и нежным товарищем”. Ленин называл его своим “кавказским бандитом”. Тот факт, что у Камо всегда при себе было два пистолета, вызывал у Ленина настоящий восторг – он то и дело предлагал поносить их матери Крупской, аристократке. Ленин и Крупская,

воспитанные в культурных и богатых семьях, привечали Камо. Их всегда тянуло к романтике (и практичности), которую олицетворяли брутальные головорезы, – здесь их предтечей был анархист Бакунин.

Очарованные простотой и сердечностью Камо, Ленин и Крупская все же чувствовали, что его странное спокойствие может в любой момент обернуться какой-нибудь невероятной жестокостью. Однажды он пришел к ним на обед и объявил, что принес подарок – этот подарок, завернутый в салфетку, он положил на стол. “Бомбу принес”, – мелькала, вероятно, у большинства мысль, – вспоминает Крупская. – Но это оказалась не бомба, а арбуз”. Камо вернулся в Тифлис с грузом гранат2.

По словам сталинского бандита Куприашвили, Ленин приказал Сталину раздобыть много денег для проведения намечавшегося съезда в Лондоне. Сталин держал связь с Камо и своими “инсайдерами” в банке. Но, кроме этого, он успел съездить в Баку, где вместе с Шаумяном и Спандаряном основал и редактировал русскоязычную газету “Бакинский пролетарий”. Казалось, что Сосо, замешанному в самых разных темных делах, ничего не грозит. Но, пока он был в отъезде, беда пришла к его жене.

Во время налета на квартиру одного московского большевика охранка нашла записку: “Фрейлинская, 3, швейка Сванидзе, спросить Сосо”. Через некоторое время Камо попросил Сванидзе приютить на две недели одного “московского товарища, еврея”. Сестры ухаживали за гостем, но вскоре после его отъезда, 13 ноября 1906 года, в дом ворвались жандармы, искавшие Сосо и Като. Сестры поняли, что “московский товарищ” оказался предателем. На счастье Сосо, жандармы не нашли ни его, ни его документы, спрятанные в манекенах. Но Като арестовали, а вместе с ней и ее двоюродного брата, изготовителя бомб Спиридона Двали – его приговорили к смерти. Для молодой женщины на четвертом месяце беременности это были не шутки.

Сашико Сванидзе принялась действовать, чтобы помочь сестре. Она обратилась за помощью к своим клиентам, среди которых было большинство жандармских офицеров города: “Я отправилась к жене жандармского полковника Речицкого (которой шила платье) с просьбой, чтобы казнь через повешение, присужденная Двали, была заменена каторгой, а Като освободили как невинно арестованную”. Жена полковника добилась смягчения наказания Двали, а беременной Като помогла еще и тем, что ей позволили ожидать освобождения не в тюрьме, а в полицейском участке. Сестры также шили платья для жены

начальника полицейской части, которая тут же забрала Като к себе домой и ухаживала за ней.

Вернувшись из очередной безумной поездки по Кавказу, Сталин “был сильно удручен случившимся”, – вспоминает Монаселидзе. Он “настаивал на том, что должен повидать Като”, поэтому Сашико отправилась к жене пристава и “заявила ей, что из деревни приехал наш двоюродный брат, который желает повидать Като… Пристав дал это разрешение… Мы взяли Сосо на квартиру пристава ночью и устроили ему свидание с Като. На наше счастье, ни пристав, ни его жена не знали Сосо в лицо. Затем… жена пристава добилась для Като ежедневного отпуска на два часа по вечерам на нашу квартиру, где Сосо и Като виделись друг с другом”. Через два месяца Като отпустили.

Вскоре после освобождения, 18 марта 1907 года, Като родила сына Якова[102]. По словам родственницы Като Кетеван Геловани, Сосо и его мать присутствовали при родах. Кеке и “девчушка” Като отлично ладили. Сталин был вне себя от радости. Монаселидзе пишет, что после рождения сына Сосо стал в десять раз сильнее любить жену и ребенка. Он называл мальчика “пацаном”. Впрочем, “если ребенок начинал плакать в то время, когда он работал”, Сталин, день и ночь писавший, “нервничал и жаловался, что ребенок мешает ему работать; но, когда накормят, бывало, ребенка и он успокоится, Сосо целовал его, играл с ним и щелкал его по носику”.

У Сосо было много планов. В марте 1907 года дружина спланировала ограбление почтовой кареты в Кутаисе, но накануне намеченного дня ответственный за налет Цинцадзе был арестован. Сталин назначил вместо него Камо. Ручной психопат Сталина, безусловно, годился на роль главаря бандитской шайки – он всегда был преисполнен энтузиазма и готов убивать. Однажды, услышав, как большевик – вероятно, Сталин – вел теоретический спор с меньшевиком, Камо воскликнул: “Что ты с ним ругаешься? Давай я его зарежу!” Вместе с бандитками Аннетой, Пацией и Александрой Камо остановил карету, но казаки начали стрелять. Завязалась ожесточенная перестрелка, в самый разгар которой девушки сумели подкрасться к карете и схватить мешки с деньгами. Добычу они провезли в Тифлис в нижнем белье. “Мы с Аннетой были обложены деньгами”, – вспоминала Александра Дарахвелидзе. Камо спрятал деньги в винных бурдюках и отправил Ленину в Финляндию.

Между тем сталинские “кроты” в банке известили дружину, что в Тифлис едет очень крупная сумма денег – возможно, до миллиона рублей; Ленину этого хватило бы на много лет. Сталин и Камо начали готовиться к грандиозному ограблению.

Примерно через месяц Сталин, избранный делегатом без права голоса на V съезд РСДРП, оставил Като и Якова в Тифлисе и под псевдонимом Иванович отправился в долгое путешествие через Баку, Санкт-Петербург, Стокгольм и Копенгаген. Конечной остановкой был Лондон3.

Около 24 апреля Сталин сел в Дании на поезд, чтобы отправиться в Берлин на встречу с Лениным. Мы точно знаем, что они тайно виделись и что Сталин был в Берлине. Тема для разговора у них была одна: грядущая тифлисская экспроприация. Если Ленин приезжал в Берлин, то, как пишет Троцкий, “уж во всяком случае не ради теоретических “бесед”. Свидание… почти несомненно посвящено было предстоящей экспроприации, способам доставки денег и пр.”. Все это сохранялось в тайне не только от охранки, но и от собственных товарищей: партия, в которой теперь задавали тон меньшевики, запретила разбой.

После этого Ленин и Сталин по отдельности прибыли в Лондон4.

Глава 19
Сталин в Лондоне

10 мая 1907 года (27 апреля по старому стилю) после утомительного путешествия Сталин и его спутники Цхакая и Шаумян высадились в английском порту Харвич. Здесь они сели на поезд до лондонской станции Ливерпуль-стрит[103]. Англия встретила их сенсационными заголовками в газетах. Англичанам нравилось, что по их столице разгуливают экзотические "анархисты" – как и сегодня, Лондон был известным прибежищем кровавых экстремистов[104].

Делегатов встретила крайне пестрая толпа: английские репортеры и фотографы, двенадцать детективов Особой службы и двое агентов охранки, а также сочувствующие – английские социалисты или русские эмигранты.

"История делается в Лондоне!" – провозглашала "Дейли миррор"; кажется, больше всего автора статьи поразило то, что среди революционеров были "женщины, с пылом служащие своему делу", – и то, что в век больших путешествий у них не было с собой багажа. "Среди них нет никого старше сорока, а многим лишь недавно исполнилось двадцать" – Сталину было двадцать девять, Ленину – тридцать семь (но впоследствии Сталин говорил, что революционеры всегда называли Ленина Стариком). "Сборище самое колоритное!" – заключала "Дейли миррор".

Подобно республикам Советского Союза, делегаты в теории были равны – но некоторые оказывались равнее других. Как передавала "Миррор", Максим Горький, "знаменитый романист", "находится в Лондоне, но где он остановился, знают только его ближайшие друзья". Горький вместе с любовницей-актрисой проживал в комфортабельном отеле "Империал" на Рассел-сквер. Вскоре ему составили компанию Ленин и Крупская. На улице было сыро и холодно. Ленин по обыкновению взял на себя роль хозяина положения, проверил, не сыры ли простыни у Горького, и велел зажечь огонь, чтобы просушить мокрое белье.

"Здесь будет большая драчка", – пообещал Ленин Горькому, пока сохли ленинские носки. Делегаты с частным доходом останавливались в небольших гостиницах в Блумсбери, но Ленин и Крупская сняли комнаты на Кенсингтон-сквер. Оттуда Ленин каждое утро ходил за излюбленным лакомством – рыбой с жареной картошкой; ее продавали у вокзала Кингс-Кросс. Но бедным делегатам, таким как Сталин, денег не хватало

категорически.

Считается, что первые ночи Сталин делил кров с Литвиновым, которого здесь впервые встретил, в дешевой гостинице “Тауэр-хаус” на Филдгейт-стрит в районе Степни. Джек Лондон назвал это место “чудовищной ночлежкой”: две недели пребывания здесь обходились в шесть пенсов. Условия были настолько ужасными, что Сталин, как сообщают, поднял бунт и добился того, чтобы всех переселили. Он устроился в тесной комнатушке на втором этаже в доме 77 по Джубили-стрит все в том же Степни. Комнату он снял у сапожника, русского еврея, на троих с Цхакаей и Шаумяном.

Туманный и сырой Лондон пугал путешественника-грузина. “На первых порах Лондон оглушил и подавил меня… – писал другой русский коммунист, Иван Майский, позднее сталинский посол в Лондоне. – Я чувствовал себя потерянным и одиноким в этом исполинском каменном океане”. Лондон – город “со скучными рядами однообразных маленьких домов, вечно окутанный черным туманом”.

Если Лондон был чужом миром, то район Уайтчепел, где многие говорили по-русски, казался приветливей. Здесь, в Ист-Энде, жило 120 000 еврейских беженцев, спасшихся от погромов; среди них были и бандиты, и социалисты. Ленин побывал в Клубе анархистов Рудольфа Рокера (недалеко от квартиры Сталина в Степни) и ел там гефилте фиш по-еврейски. Вероятно, угощался этим блюдом и Сталин. Едва ли Сосо прошел мимо дикой войны славяно-иудейских преступных группировок. Банды Ист-Энда, где все были выходцами из Российской империи, контролировали притоны, “бачкистов” (воров, специализировавшихся по золотым часам) и “щипачей” (карманников). Эти банды сражались за господство: “Бессарабские тигры” воевали с “Одесситами”, а те – с “Олдгейтской братвой” под предводительством Дарки-Енота (смуглого бандита-еврея по имени Богард).

По прибытии Сталин и остальные зарегистрировались в Польском клубе социалистов на Фелборн-стрит, возле Уайтчепел-роуд, напротив Лондонского госпиталя[105]. Под наблюдением Особой службы и разбушевавшихся репортеров делегаты получили скудные суточные – два шиллинга на день, разъяснения, как найти место съезда, и тайные пароли, чтобы избежать проникновения на съезд охранки.

Встретившись на верхнем этаже “в скромной обстановке социалистического клуба, где было мало мебели (столы и стулья), а на стенах висели автографы зарубежных гостей”, большевики начали с того, что провели заседание собственной фракции и избрали секретный комитет – а также как уважающие себя

делегаты “изучили карту города”. Но “Дейли миррор” было не до таких прозаических деталей. “Женщин-революционеров легко распознать: они бесстрашны, у них железные нервы, – восхищался репортер. – Каждый день они упражняются в стрельбе из револьвера. Они ежедневно стоят у зеркала, перед ним учатся целиться и нажимать на курок… Большинство из них – молодые девушки, одной только восемнадцать лет. Ее длинные светлые волосы собраны в косу”.

Зоркий глаз репортера, однако, заметил “крепко сложенного мужчину с решительным взглядом… Он стоял на углу Фелборн-стрит; было ясно, что это иностранец и человек высокого положения. Это был мсье Севьефф, сотрудник российской тайной полиции; он должен следить за русскими социалистами” – у которых, многозначительно добавляла газета, “почти не было багажа”.

Затем делегаты отправились на Пятый съезд социал-демократов. Они ехали на омнибусе или шли пешком до Излингтона. Там, к своему изумлению, они обнаружили, что съезд проходит в церкви – церкви Братства на Саутгейт-роуд, в рабочем квартале; здание “похоже на десятки других таких же зданий британской столицы: потемневшие от копоти стены, узкие стрельчатые окна, почерневшая крыша с башенкой”. Делегаты вошли в “простое голое помещение, где могло расположиться 300–400 человек”. Горького разочаровало то, что здесь не было никакого убранства: он назвал церковь “смешной своим убожеством”. Приходской священник, преподобный Ф. Р. Суон (среди его паствы был будущий премьер-министр от лейбористов Рамсей Макдональд), был пацифистом, последователем Уильяма Морриса.

13 мая 1907 года (30 апреля по старому стилю) делегаты спели погребальный гимн по падшим товарищам, и после этого отец русского марксизма Плеханов открыл съезд. Сталин видел, что Ленин часто садится рядом с высоким, беспокойным, худым как привидение Горьким – мировой знаменитостью, писателем, собиравшим деньги для большевиков и однажды видевшим казнь в Гори[106]. Большевики сидели с одной стороны, меньшевики с другой; все голосования проходили “с нервной разгоряченностью”.

На съезде присутствовало 302 делегата с правом голоса, представлявших 150 000 рабочих. Но славные дни 1905 года остались позади, партия была в плачевном состоянии, царские репрессии сломили ее. Большевиков было девяносто два; почти все они намеревались продолжать вооруженную борьбу, как в 1905-м, и бойкотировать выборы в Думу. Но их превзошли числом

восемьдесят пять меньшевиков, пятьдесят четыре бундовца, сорок пять поляков и литовцев и двадцать шесть латышей – все они поддержали участие в выборах. Ленин был готов сочетать борьбу с оружием в руках и участие в выборах (в наше время приверженцы такой стратегии – террористы ИРА, “Хамаса” и “Хезболлы”). Он принял помощь меньшевиков, чтобы победить в этом споре, а затем снова стал их противником.

Все фракции теряли сторонников, но большевиков в Грузии задавили до такой степени, что Сталин, Цхакая и Шаумян могли лишь принимать участие в совещаниях, но не имели права голоса.

– Кто это? – спросил Сталин у Шаумяна, увидев, что на трибуну взошел новый оратор.

– Ты не знаешь? – ответил Шаумян. – Это товарищ Троцкий.

Троцкий (настоящее имя – Лев Бронштейн) пользовался в Лондоне популярностью. Он только что бежал из сибирской ссылки, проделав путь в 400 миль через тундру на оленьей упряжке. Здесь Сталин познакомился (и, вероятно, обменялся рукопожатиями) с Троцким – впрочем, тот утверждал, что впервые встретился со своим заклятым врагом только в 1913 году.

Пока Сталин командовал боевыми отрядами в Чиатурах, Троцкий возглавлял Петербургский совет. Виртуозно владевший пером, выдающийся оратор, обладатель сильного еврейского акцента, беззастенчиво самовлюбленный, щегольски одетый, с ухоженной шевелюрой, Троцкий был знаменит на весь мир, и Сталину до него было далеко. Хотя сам Троцкий был сыном богатого землевладельца-еврея из Херсонской губернии, он отличался невероятным высокомерием и называл грузин неотесанными “провинциалами”.

Ленин, давший блестящему журналисту Троцкому прозвище Перо, теперь жаловался, что Троцкий задается. Таланты Сталина оставались в тени, в то время как Троцкий блистал вовсю – и Сталин возненавидел его с первого взгляда. Вернувшись домой, Сталин написал, что Троцкий оказался “красивой ненужностью”. Тот в ответ ехидно заметил, что Сталин “ни разу не воспользовался предоставленным ему совещательным голосом”.

Сталин действительно не высказался ни разу за съезд. Он знал: меньшевики, которые ненавидели его за грубость и бандитизм, хотели выставить его в дурном свете, чтобы запретить ограбления и подпортить репутацию Ленина. Когда Ленин предложил проголосовать за предоставление делегатам совещательного голоса, лидер меньшевиков Мартов по подсказке Жордании выступил против троих делегатов – Сталина, Цхакаи и Шаумяна.

– Я просил бы выяснить, кому дается совещательный голос, кто эти лица, откуда? – спросил Мартов.

– Действительно, это неизвестно, – беззаботно ответил Ленин, хотя только что он встречался со Сталиным в Берлине. Возражение Мартова было отклонено.

– Мы протестуем! – закричал Жордания, но все без толку. Отныне Сталин ненавидел и Мартова (настоящая фамилия – Цедербаум: как и Троцкий, он был евреем).

Присутствие евреев раздражало Сталина. Он решил, что большевики – "истинно русская" фракция, а меньшевики – "еврейская". Вероятно, после заседаний об этом велись недовольные речи в пабах. Большевик Алексинский "шутя" заметил Сталину, что "не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром". В то время тысячи евреев были убиты в погромах, так что шутка вышла скверная[107]. Неприязнь к интеллигентам-евреям обнажила острый комплекс неполноценности у Сталина. Но здесь и возник Сталин-Русский (в Грузии, где вавилонские евреи жили два тысячелетия без единого погрома, антисемитизма не было). Он устал от ничтожных склок и превосходства меньшевиков в Грузии. Теперь он был готов сосредоточиться на работе в Баку – и в самой России. Отныне он писал не по-грузински, а по-русски.

На съезде Ленин одержал верх. В Центральный комитет прошло больше большевиков, чем меньшевиков; кроме того, Ленин сохранил тайный Большевистский центр. "Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя", – вспоминал Сталин.

Однако меньшевики провели одну резолюцию, касавшуюся Сталина: они сурово осудили ограбления банков и объявили о том, что нарушители правил будут изгнаны из партии. Ответственным за расследование всех экспроприаций со времени стокгольмского съезда назначили меньшевика Георгия Чичерина, гомосексуалиста и аристократа (впоследствии он будет вторым наркомом иностранных дел РСФСР). По свидетельству друга Сталина, меньшевика Девдориани, на этом заседании он был очень замкнут, по большей части молчал и держался в тени. Позже Троцкий понял, что у Сталина на уме были ограбления: "Зачем же вообще Коба приезжал… в Лондон?.. У него были, очевидно, другие задачи".

Снаружи "любопытные англичане собирались и смотрели на нас, как будто мы были заморские звери!" Пресса осаждала здание; пращуры современных папарацци постоянно фотографировали застенчивых революционеров, которые умоляли отстать от них. "Дейли экспресс" вышла с заголовком "Русские революционеры боятся фотосъемки!". "Понимаете ли вы,

что опубликование этих портретов может быть для нас смертельно опасно?" – вопрошал газетчика один русский. Он не знал, что предосторожности принимать поздно.

Шпики уже проникли в церковь. Российскую тайную полицию тогда, как и в наши дни, раздражала английская привычка предоставлять убежище русским диссидентам. "Из-за лондонского либерализма невозможно рассчитывать на сотрудничество с местной полицией", – жаловался А. М. Гартинг, заведующий заграничной агентурой, работавший в Париже. Двое агентов следовали за революционерами до самой Англии. Детективы Особой службы и агенты охранки на радость прессе шныряли по улицам, но охранке не нужна была помощь снаружи: двойной агент Яков Житомирский, получавший 2000 франков в месяц, был одним из предателей, проникших на съезд. В архивах охранки лежат речи делегатов, записанные так же скрупулезно, как в официальном протоколе.

В Лондоне Ленин оказался на высоте. Делегаты обедали во время заседаний в церкви, но деньги заканчивались. Ленин переживал, что его большевики мало едят, поэтому попросил любовницу Горького разносить пиво и бутерброды.

После заседаний Ленин разговаривал с делегатами, сидя на залитой солнцем лужайке в Гайд-парке, обучал их английскому произношению, непритворно смеялся, давал советы о том, как подешевле устроиться в Лондоне, и водил их в свой любимый паб *The Crown and Woolpack* в Финсбери. Говорили, что в чулане паба сидел детектив Особой службы – он подслушивал, хотя не понимал по-русски. 13 мая Сталин посетил единственный в жизни званый вечер в Челси. Художник Феликс Мошелес, решив блеснуть радикализмом (в моду это вошло позже), пригласил марксистов на прием в своем доме – Черч-стрит, 123; здесь было множество гостей в вечерних костюмах. Рамсей Макдональд провозгласил в честь русских тост, Плеханов и Ленин ответили ему. Хозяева удивлялись, почему марксисты не пришли во фраках.

Большинство вечеров Сталин проводил не в Челси, а в менее приятных районах города. Он видел то же, что и Майский: "Я шел длинными скучными улицами, слабо освещенными подслеповатыми газовыми фонарями… Я переходил безлюдные мосты, под которыми смутно поблескивали черные затененные воды. Я видел "чрево Лондона"… Я слышал крики проституток и наглый смех их пьяных спутников. Я натыкался на тела бездомных нищих, спящих на ступенях закрытых церквей". Однажды в пабе Сталина чуть не побили ист-эндские докеры. Его выручил Литвинов. По словам его дочери, Литвинов шутил, что

только из-за этого Сталин его пощадил – вождь говорил: “Я не забыл того случая в Лондоне”.

В Степни мистер Иванович (он же Сталин), одетый в жакет, мешковатые штаны и сапоги, много читал, сидя в своей комнате. Кроме того, он нашел молодого человека по имени Артур Бэкон, который был у него на посылках. “Сталин написал письмо человеку, жившему где-то на соседней улице, – вспоминал Бэкон в интервью после Второй мировой войны. – Он хотел, чтобы это письмо передали лично в руки. По-английски он не писал, так что конверт надписала жена сапожника”. Обычно за доставку письма Бэкон получал полпенни, но Сталин дал ему два шиллинга. “Тогда это были хорошие деньги”, – замечал Бэкон. Сталин, либо из щедрости, либо по невежеству, заплатил посыльному на 4800 % больше, чем требовалось. “Больше всего он любил ириски, – добавлял Бэкон. – Я каждый день покупал их ему”.

Живя в ист-эндской нищете, Сталин, скорее всего, почти не видел Лондона. Большевики были настолько поглощены политикой и культурно ограниченны, что почти не замечали природных и культурных достопримечательностей. Чтобы любоваться городом, как писал Троцкий, “нужно слишком много расходовать себя. А у меня была своя область… не допускавшая соперничества: революция”. Сосо был таким же. У него почти не было денег, но во время Второй мировой войны он рассказал молодому дипломату Андрею Громыко (позже – министру иностранных дел и председателю президиума СССР), что часто заходил в церкви и слушал проповеди – отличный “метод для совершенствования знаний иностранного языка”. Отправляя Громыко послом в Вашингтон, он советовал ему поступать так же.

Тем временем у съезда кончились деньги: он не мог обеспечить каждому делегату шестьдесят пять рублей для возвращения домой. Нужно было что-то предпринять. Социалист Федор Ротштейн, русский еврей, помогавший организовывать съезд, обратился к левому журналисту из “Дейли ньюс” Генри Брейлсфорду и депутату парламента лейбористу Джорджу Лэнсбери. Они связались с американским магнатом Джозефом Фелсом, владельцем компании *Fels-Naphta*, производившей мыло.

“Чтобы принять решение, я должен увидеть этих людей”, – изрек мыльный барон. Брейсфолд и Лэнсбери пригласили Фелса в церковь Братства на заседание съезда. “Как они молоды, как увлечены своим делом!” – воскликнул филадельфиец и ссудил партии 1700 фунтов. По условию ссуды “мы, нижеподписавшиеся делегаты” обязаны были вернуть деньги к 1 января 1908 года. Фелс настаивал, чтобы договор подписал каждый делегат. Ленин согласился, но велел революционерам подписываться только

псевдонимами. Они подписывали этот удивительный документ по-английски, по-русски и по-грузински. Ленин, скорее всего, написал просто “Владимир”. Считается, что Сталин выбрал излюбленный псевдоним Василий из Баку. Фелс умер до прихода Ленина к власти, но в 1917 году долг вернули его наследникам.

Когда в 1942-м Черчилль[108] познакомился со Сталиным, они поначалу держались друг с другом холодно, но затем устроили в Кремле ночное соревнование по выпивке. Премьер-министр спросил у Сталина о его поездке в Лондон.

– Там были Ленин, Плеханов, Горький и другие, – отвечал Сталин.

– А Троцкий? – спросил Черчилль о враге, которого Сталин убил два года назад.

– Да, он там был, – ответил Сталин, – но уехал разочарованным: ему не дали представлять никакую организацию, например боевую дружину, а Троцкий на это надеялся…” Даже через тридцать лет, уже убив своего главного врага, Сталин гордился тем, что он командовал боевыми отрядами, а прославленный военный нарком Троцкий – нет.

“Лондонский съезд окончился, – сообщал Коба Иванович (новый псевдоним Сталина) в “Бакинском пролетарии”, – окончился победой “большевизма”.

Сталин и Шаумян остались в Лондоне, чтобы ухаживать за заболевшим Цхакаей. “Я слег в постель с температурой, – вспоминал Цхакая. – За мной ухаживали т. Степан и Коба, ибо в одной комнате жили во время съезда”.

Среди валлийских коммунистов распространена легенда о том, что после съезда Сталин не ухаживал за Цхакаей, а отправился в долины Южного Уэльса поговорить с шахтерами. Ведь его бастион 1905 года, Чиатуры, был городом горняков. Но, хотя в годы Второй мировой войны коммунисты Рондды много рассказывали, как видели Сталина в Уэльсе, никаких серьезных свидетельств этого путешествия нет[109]. Кроме того, тогда еще не возник псевдоним Сталин. Рассказывали также о том, что он побывал у ливерпульских докеров. Но, увы, “Сталин в Ливерпуле”, так же как и “Сталин в Уэльсе”, – городская легенда, местное предание, след левацкого культа личности1.

Проведя в Лондоне три недели, Сосо на неделю заехал в Париж. Раздобыв там паспорт недавно умершего грузина Симона Дзвелаи, он вернулся домой как раз накануне грандиозного ограбления2.

Глава 20
Камо сходит с ума. Игра в казаки-разбойники

10 мая 1907 года Камо прилаживал фитиль к красинской бомбе. Она взорвалась прямо ему в лицо. Он чуть не лишился глаза, но сумел тайно пройти лечение и более-менее поправиться к тому дню, на который дружина наметила большое дело. Другие бандиты скучали по своему арестованному главарю Цинцадзе и считали Камо хвастуном, искавшим внимания. “Камо был о себе высокого мнения, – вспоминал Куприашвили. – Он постоянно хвалился тем, что важные товарищи его ценят”.

4 июня Сталин уже был дома. Только что энергичный премьер-министр Столыпин провел реакционный переворот, изменив правила выборов в Думу таким образом, что они гарантировали большинство консерваторам. Он усилил и нажим на революционеров. Многих арестовали, многих сослали в Сибирь в “столыпинских вагонах”, а повешенных было столько, что петлю прозвали “столыпинским галстуком”. В 1905-м политических заключенных было 86 000, а в 1909-м – 170 000. Камо собрал команду из отъявленных грузинских громил и грабителей – среди них было ядро дружины и пять женщин-стрелков. В ожидании дела все они ютились в маленькой квартирке, а Камо снял шикарные апартаменты “и жил под прикрытием как князь”. Охранка считала, что в ограблении было задействовано около шестидесяти боевиков, так что, вероятно, большевики воспользовались помощью эсеров и других специалистов: террористы часто сотрудничали – например, незадолго до этого Красин предоставил эсерам взрывчатку для минирования дома Столыпина. Если же эсеры надеялись, что с ними поделятся добычей, их ждало разочарование.

Сталин известил Тифлисский большевистский комитет об указаниях, полученных от Ленина в Берлине. Комитет согласовал операцию. Очевидно, Сталин предвидел возмущение в городе и международный скандал: Камо и боевики по предложению Ленина на время вышли из партии и таким образом технически не были связаны лондонской резолюцией. Сталин и Шаумян собирались сразу после ограбления перебраться в Баку. С большевизмом в Грузии было покончено: большевиков оставалось человек 500. Сосо сознательно сжигал мосты в Грузии и начинал все заново в обстановке, лучше отвечавшей его устремлениям[110].

В первой половине дня 13 июня Камо подтвердил Сталину и Шаумяну, что ограбление произойдет сегодня. Бандиты ждали в духане “Тилипучури”, где Сталин предположительно появился ранним утром[111]. Не позже десяти утра Камо, одетый офицером и вооруженный черкесской саблей, выехал на Эриванскую площадь, а юноши и девушки из банды заняли позиции. Стоял жаркий летний день.

Когда взрывы сотрясли город, Като нянчила трехмесячного сына Сталина Яшу на балконе; рядом стояла ее сестра Сашико. “Мы в ужасе бросились в дом”, – вспоминает Сашико Сванидзе. Весь день раненых привозили в кое-как устроенные операционные. По городу носились казаки и жандармы – они врывались в дома, огораживали целые районы и кварталы, надеясь отыскать деньги до того, как их вывезут из Тифлиса.

Той ночью Сосо вернулся домой и рассказал, что все это устроил Камо и его шайка – они похитили 250 000 рублей для партии, вспоминала Сашико. Он наверняка рассказал сестрам и о маскировке Камо, потому что они поняли, зачем тот взял у них саблю их отца. Из воспоминаний Сванидзе ясно, что Като не просто догадывалась о двойной жизни Сталина, а прекрасно знала, что ее муж – крестный отец кавказских ограблений. Сталин внезапно объявил семье, что его жена и ребенок немедленно уезжают в Баку. Сванидзе возражали. Видимо, они сильно обиделись на Сталина, потому что даже в 1930-х винили его в том, что он тринадцать часов тащил Като в поезде “таким жарким летом”. Но их возражения ни к чему не привели: Сосо уехал в Баку и забрал Като, прихватив с собой на будущее 15 000 рублей.

Камо затаился. Перед отъездом он благородно предложил сталинскому “инсайдеру” 10 000 рублей за помощь. Вознесенский благородно взял 5000.

Дело принимало дурной оборот. Полиция объявила, что похищенные пятисотенные купюры (всего 100 000 рублей) были помечены. Кое-кто из бандитов предложил сжечь банкноты. Камо отказался. Остальные деньги были в купюрах меньшего номинала.

Все разбойники мечтали встретиться с Лениным, но Камо требовалось лечение за границей, поэтому именно он, взяв большую часть денег, поехал к Ленину в Финляндию через Баку. Князь Коки Дадиани, род которого когда-то правил Мингрелией, опять одолжил Камо свой паспорт. Камо вновь прибегнул к любимому приему – маскировке; теперь он сделался князем, который ехал с молодой женой (эту роль сыграла одна из девушек банды – забавно, что она, к вящему удобству, была

дочерью полицейского) в свадебное путешествие. Девушки из дружины уже имели опыт перевозки на себе денег и динамита. Динамит, особенно при соприкосновении с потным телом, издавал резкий кислый запах, так что девушкам приходилось с ног до головы обливаться духами. С деньгами было проще: добыча проехала за границу в белье и под одеждой новобрачной. Полицейским, вероятно, дали взятку.

Камо передал Ленину приблизительно 1,7 миллиона фунтов (3,4 миллиона долларов) в пересчете на сегодняшние деньги. На какое-то время фракции должно было хватить этих денег. Камо провел лето со своим кумиром, разрабатывая план грандиозного "спектакля". Но тут на след Ленина напали власти, и он бежал в Женеву, где, по словам Крупской, "швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах". Слово "Грузия" стало синонимом слова "бандитизм": когда Ленина навестил одетый в чоху Цхакая, квартирная хозяйка чуть не упала в обморок и "с криком ужаса закрыла перед ним дверь".

История на этом далеко не закончилась: тифлисское ограбление сделало из Камо легенду[112], но его отголоски поспособствовали распаду партии, а Сталину они угрожали вплоть до 1918 года1.

Как после любого удавшегося преступления, подельники вскоре начали драться за добычу. Полиция опубликовала номера пятисотрублевых купюр. Расплатиться ими было бы очень сложно, но фальшивомонетчица из технической группы Красина по прозвищу Толстая Фанни изменила номера на части купюр. Ленин и Красин решили действовать дальше, тем более что остальные деньги были чистыми. Их немедленно перевезли за границу. Часть отмыли через банк "Лионский кредит". Литвинов роздал деньги своим людям, чтобы они обменяли их в разных городах.

Тем временем тайная полиция прилагала все усилия, чтобы поймать преступников, но ничего определенного не обнаружила. Их тифлисский информатор под кличкой Полная Дама сообщил только, что в ограблении участвовали стрелки-эсеры, у которых отняли их часть добычи.

Первым подозреваемым стал *другой* горийский грабитель банков, Давришеви, – охранка считала, что он укрывается в Лозанне под именем Камо.

Охранка знала, что Камо отослал все деньги Красину и Ленину, но революционеры к тому времени уже поссорились. Ленин успел пустить в ход примерно 140 000 рублей. Но в 1908

году он затеял жестокую и малопонятную ссору, которая вновь расколола партию. Он порвал с Богдановым и Красиным[113], которые присвоили около 40 000 рублей тифлисских денег. Литвинов послал к ним “двух грузин-террористов” передать, что, если они не вернут деньги, грузины “уберут” кого-нибудь из Центрального комитета.

Вскоре у Ленина опять кончились деньги. Средства поступали к нему не только от грабежей. Он нанял двоих плутов-большевиков, которым велел соблазнить двух некрасивых сестер, унаследовавших состояние своего недавно скончавшегося дяди – промышленника Шмита. Двойное обольщение увенчалось успехом, хотя Ленин признавался, что сам бы не справился с такой задачей. Один из соблазнителей, Виктор Таратута, присвоил значительную часть наследства, чтобы не отказывать себе в красивой жизни; остальное он передал Ленину.

Камо, живший теперь в Берлине, решил помочь Ленину и провернуть самое крупное ограбление в истории – на кону стояло пятнадцать миллионов. Это обеспечило бы партию на шесть лет, но было бы “убито… по меньшей мере человек 200”. Он накопил целые залежи динамита; в августе по паспорту страхового агента Мирского он отправился в Берлин, чтобы закупить взрывчатку. Но человеком Ленина в Берлине был доктор Житомирский – двойной агент, который извещал охранку о ходе лондонского съезда. Житомирский и выдал Камо.

27 октября (9 ноября по новому стилю) 1907 года немецкая полиция ворвалась в гостиничный номер Камо и обнаружила тифлисские банкноты, 200 динамитных капсюлей, двенадцать емкостей с гремучей ртутью и двадцать электрических батарей. Охранка ликовала, но кто такой Мирский, так и не знала. 31 октября (13 ноября) заведующий заграничной агентурой Гартинг победоносно объявил, что Мирский замышлял “огромную экспроприацию” и что у него найдена часть тифлисских банкнот. Но доказательств его участия в самом ограблении не было. Охранка все еще считала, что Камо – это Давришеви. Кто же такой был Мирский?

Наконец охранке повезло. 1 марта 1908 года бывший бандит-большевик, сидевший в Кутаисской тюрьме, Арсен Карсидзе, сообщил, что главным грабителем был Симон Тер-Петросян, известный как Камо, ныне под именем Мирского содержащийся в берлинской тюрьме “Альт-Моабит”. Другое сообщение подтвердило, что Давришеви находился в швейцарской эмиграции и никаким Камо не был.

Царское правительство запросило экстрадиции Камо; на родине его ждала смертная казнь. Красин бросился в Берлин

подготавливать защиту и нанял немецкого адвоката-социалиста Оскара Кона. Красин посоветовал Камо симулировать сумасшествие – эта роль ему подходила лучше, чем многим.

Камо принялся разыгрывать помешательство – так, как мог только настоящий психопат. Он умудрился оставаться "сумасшедшим" два года. Сначала он начал кричать, плакать, рвать на себе одежду, избивать надзирателей. Его бросили в холодный карцер и продержали там нагишом девять дней. По-видимому, Камо все это время не спал; четыре месяца он проводил ночи на ногах. Затем он перестал есть; его кормили насильно через зонд. Он вырывал у себя усы; пытался повеситься, но его вынули из петли; вскрыл вены, но его откачали. В мае 1908 года его переместили в психиатрическую лечебницу "Берлин-Бух" для постановки диагноза. Он перенимал поведение пациентов и использовал знаменитое клише безумцев – объявил себя Наполеоном. Врачи все еще сомневались и решили подвергнуть его пыткам, которые сломали бы кого угодно. Его прижигали раскаленным железом, загоняли под ногти булавки – но он все перенес. В конце концов немцы постановили, что он безумен, и, умыв руки, передали беспокойного пациента русским, которые, несмотря ни на что, предали Камо суду за тифлисский разбой, погубивший пятьдесят человек. В суде расхристанный и бредящий Камо неожиданно извлек из рукава птицу – воробья Ваську – и разговаривал не с адвокатами, а с пернатым другом.

Премьер Столыпин и наместник Воронцов-Дашков мечтали повесить Камо. Но его адвокат Кон поднял такой шум, что вся Европа протестовала против казни умалишенного, и Столыпин нехотя признал: смертный приговор окажет "неблагоприятное для русских интересов влияние".

Российские врачи опытным путем установили, что кожа Камо нечувствительна к боли. Они тоже загоняли ему под ногти иглы, били его электрическим током. "Боль была невыносимая, – вспоминал Камо, – тошнило от запаха паленого мяса". Этих врачей он также убедил.

В сентябре 1910 Камо был признан невменяемым и пожизненно заточен в больницу Метехской крепости. Большевики восхищались героизмом Камо, но один врач объяснил, что вести себя так может лишь тяжелобольной безумец. Как пишет историк Анна Гейфман, Камо страдал от "не находящих выхода страстей, тревог", он "не мог действовать в нормальной обстановке" и "был действительно серьезно болен".

Тем временем полиция отслеживала помеченные банкноты, которые начали всплывать по всей Европе. В Париже Литвинов, придя к себе в номер, обнаружил под кроватью сыщика.

Литвинова арестовали, найдя у него двенадцать банкнот, но депортировали в Лондон. Красина накрыли в Финляндии. Других большевиков, пытавшихся обменять деньги, арестовали в Мюнхене, Цюрихе, Париже, Берлине и Стокгольме.

“Меньшевики, не получившие ни копейки из этих [тифлисских] денег, – радостно докладывала охранка, – требуют на основании резолюции последнего съезда социал-демократов в Лондоне исключения этих тифлисских экспроприаторов из партии”.

У Сталина начались крупные неприятности2.

Разгневанные меньшевики учредили три комитета, которые больше двух лет дознавались, кто организовал тифлисское ограбление. Один комитет работал в Тифлисе под руководством Жордании, второй – в Баку под руководством Джибладзе и третий – за границей под руководством Чичерина. Кровавые грабежи вредили их репутации – но они также хотели раздавить Ленина, добравшись до него через Сталина и Камо.

Меньшевикам удалось поговорить практически со всеми ключевыми участниками, в том числе самим Сталиным – “товарищем Кобой”, который был допрошен в Баку. Поразительно, что эти материалы сохранились в архивах – они являются первым прямым доказательством его участия. “Инсайдеры” Касрадзе и Вознесенский во всем признались и обвинили Сталина. Ленин доказал Чичерину свою невиновность – ведь ограбления совершали “не члены партии”. По сообщениям Арсенидзе и Уратадзе, комитеты в Тифлисе и Баку проголосовали за исключение Сталина. Но партия уже раскололась, и потому было неясно, могли ли меньшевики исключить большевика.

Несмотря на это, они собрали факты, изобличавшие Сталина, и с ними отправились к Ленину. В августе 1908-го они встретились в Женеве, где Мартов набросился на Ленина. Ной Рамишвили назвал имена – в том числе всегда подозреваемых Камо и Цинцадзе, – а затем объявил, что все они действовали под руководством товарища Кобы.

Тут Ленин вставил слово:

– Не называйте фамилию этого последнего!

– Не буду, – улыбнулся Рамишвили, – ведь мы все знаем, что он известен под именем Кавказский Ленин.

Сталин гордился бы таким признанием.

– Вы ручаетесь за то, что эти имена не будут переданы полиции? – настаивал Ленин. Помогло то, что Сталин встречался с Лениным втайне: меньшевики могли навредить Сталину, но Ленин оставался неуязвим. Но доказательство их тесных деловых

отношений в 1907–1908 годах налицо: Ленин защищал Сталина.

Судя по всему, Сталина исключили из партии, но не на уровне ЦК, а на местном уровне – в Тифлисе и Баку. Если бы это удалось доказать, одно это нанесло бы удар по его репутации революционера.

Когда большевики пришли к власти, Сталин был одним из ближайших соратников Ленина. Меньшевики попытались лишить большевиков легитимности и извлекли на свет божий всю эту историю. В 1918-м Мартов опубликовал статью, где назвал три примера сталинских злодеяний: тифлисское ограбление, покушение на бакинского рабочего и пиратский захват в Баку еще одного судна – парохода “Николай I”. Хуже того, Мартов написал, что Сталина в 1907-м исключили из партии. В 1918-м Сталину нужна была репутация старого большевика, и эта история представляла для него опасность. Поэтому он истерично заклеймил “недостойный поступок неуравновешенного, побежденного человека” и привлек Мартова к революционному трибуналу за “гнусную клевету” – это был один из самых странных судов в советской истории.

Своей роли в экспроприациях Сталин не признавал и не отрицал, но настаивал: “Никогда в жизни я не судился в партийной организации и не исключался”. Скорее всего, формально он говорил правду, поскольку комитеты в Тифлисе и Баку были меньшевистскими, а не большевистскими и исключение было неофициальным. В Москву собирались вызвать свидетелей, но шла Гражданская война, и сделать это было трудно. Суд был отменен, Мартову объявили выговор, однако Сталину удалось высказаться без обиняков.

“Конченый человек!” – бросил он Мартову; вскоре Мартов эмигрировал[114]. Когда в 1921 году Сталин вернулся в Тифлис большевиком-покорителем, на митинге его освистали и в лицо называли бандитом. Он в гневе покинул митинг. Бандитизм и исключение из партии больше никогда в годы его власти не упоминались.

Что самое важное, Ленин не воспринял всерьез исключение Сталина на местном уровне. Он говорил, что такие исключения обычно происходят из-за ошибок, недостоверных сведений или недопонимания. Конечно, он знал больше, чем говорил. Он все больше понимал, что Сталин – террорист, бандит и подпольный организатор – был “то, что нужно”з.

Тифлисское дело получило невероятный резонанс, но грабежи на этом не закончились. Игра в казаки-разбойники стала еще опасней в Баку – ставки здесь были куда выше, чем в Тифлисе. И для Като они оказались слишком высоки.

Глава 21
Трагедия Като. Каменное сердце Сталина

Сталин привез Като и маленького Якова в квартиру рабочего с нефтяного завода – и вновь окунулся в жизнь, полную бандитизма, шпионажа, вымогательства и агитации. Это были самые темные годы в его жизни. Скорее всего, он опять работал у Ротшильдов. Вскоре он перевез семью за город и поселил "в низеньком глиняном татарском домике на Баилове мысе, где у хозяина-тюрка… снимал комнату". Дом находился над пещерой, смотрел на море.

Като, прирожденная хранительница очага, сделала эту хижину уютной – здесь была деревянная кровать, шторы, в углу притулилась швейная машинка. Посетители замечали контраст между неприглядностью дома снаружи и опрятностью внутри. Но Сосо бывал здесь нечасто. Като свела мало знакомств, но к ней заходил Сергей Аллилуев. Теперь он работал на бакинской электростанции и жил с Ольгой и детьми на приморской даче. Именно здесь, в Баку, их младшая дочь Надежда в красивом белом платьице, гуляя во дворе, неожиданно упала в море. Сталин прыгнул в воду и спас девочку – эту романтическую историю ей часто рассказывали, когда она выросла.

Сталин всегда носил "фирменную" черную шляпу. 17 июня 1907 года, в самый день приезда, он произнес речь и тут же занялся редактированием двух большевистских газет – "Бакинского пролетария" и "Гудка". Он немедленно дал понять, что собирается стать хозяином партии при помощи своих излюбленных методов – политической агрессии, террористических угроз и сбора средств преступным путем.

По всей России "реакция торжествовала, все свободы были попраны, революционные партии разгромлены", – вспоминает Татьяна Вулих. Но Баку, где властью были не только царские чиновники, но и нефтяные компании и продажные полицейские, жил по своим правилам. Тифлис, презрительно говорил Сталин, был провинциальным "болотом", а Баку – "одним из революционных центров России"; бакинская нефть была необходима царю и западу, бакинские рабочие были настоящими пролетариями, на улицах процветали насилие и беззаконие. В Баку, писал Сталин, "я получил… второе свое боевое революционное крещение"1.

Баку был городом "распущенности, деспотизма и

невоздержанности", "дымным и мрачным", неясно кем управляемым. Губернатор Баку называл его "самым опасным местом в России". Сталин называл его "нефтяным царством".

Баку создала одна династия – Нобели. Шведы по происхождению, русские по выпавшему случаю, космополиты по деловому чутью, Нобели разбогатели на продаже мин Николаю I. В 1879 году, когда в Баку впервые забил фонтан нефти, братья Людвиг и Роберт Нобели основали "Товарищество нефтяного производства братьев Нобель". До этого город был известен старинным зороастрийским храмом, в котором жрецы-маги поддерживали питаемый нефтью священный огонь. Бурение уже началось, нефть лилась из скважин фонтанами.

Нобели начали скупать землю – больше всего в районе, который потом стал называться Черным городом. Еще один брат, Альфред Нобель, изобрел динамит, но придуманный Людвигом нефтеналивной танкер был не менее важным нововведением. За Нобелями в Баку последовали представители французской ветви Ротшильдов. В 1880-х Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество барона Альфонса де Ротшильда стало вторым по величине производителем; ротшильдовские рабочие жили в индустриальном районе под названием Белый город[115]. К 1901 году в Баку добывалась половина мировой нефти – и впервые вручавшиеся в этом году Нобелевские премии финансировались из нефтяной прибыли.

Нефтяной бум, подобно бриллиантовой лихорадке в Кимберли и золотой лихорадке в Калифорнии, в одночасье превращал крестьян в миллионеров. Запыленный, обдуваемый всеми ветрами, некогда персидский город на берегу Каспийского моря, построенный вокруг стен средневековой крепости с извилистыми улочками, превратился в один из известнейших городов мира.

О его "варварской роскоши" писали европейские газеты. Здесь мгновенно сколачивались состояния, процветала благотворительность и била в глаза невообразимая вульгарность. Каждый нефтяной магнат должен был построить себе дворец – иногда они были площадью с квартал. Такой дворец был даже у Ротшильдов. Дворец Нобелей назывался вилла "Петролеа"; его окружал пышный парк. Один нефтяной барон собирался строить дворец из золота, но в конце концов согласился на позолоту: золото – слишком мягкий материал. Другой выстроил свою резиденцию в форме огромного дракона (вход был в драконьей пасти). У третьего дворец был в форме громадной колоды карт, на которой золотыми буквами значилось: "Здесь живу я, Иса-бей из Гянджи". Один популярный певец разбогател, когда за

выступление ему пожаловали нефтеносный участок. Теперь в его дворце в неоклассическом стиле расположена штаб-квартира азербайджанской государственной нефтяной компании.

Баку был плавильным котлом, где смешались ужасающая нищета и невероятное богатство. Как вспоминала Анна Аллилуева, по улицам ходили “краснобородые тюрки”, “амбалы, которые согнувшись переносят тяжести”… “Продавцы-татары поджаривают сласти на углях…” “Шуршащие шелками непонятные фигуры… в прорезях сверкают живые черные глаза…” “Уличные цирюльники…” “Здесь все происходит на улице”. Здесь были горцы в складчатых одеждах, с кинжалами, изукрашенными самоцветами; персы в жилетах и фетровых шляпах; горские евреи в меховых шапках; западные миллионеры в легких пиджаках, с женами, одетыми по парижской моде. Сталин называл бакинский рабочий люд, который составляли турецкие азербайджанцы, персы, русские, чеченцы и армяне, “калейдоскопом национальных групп”. Богачи прогуливались по Приморскому бульвару, а за ними ехали в экипажах вооруженные до зубов телохранители.

Но нефтяные вышки и заводы, приносившие огромные прибыли, отравляли город и здоровье жителей. Анна Аллилуева писала, что Баку был пропитан “нефтяной гарью”, “деревья не выживали в отравленном воздухе”. Иногда нефть выливалась в море и воспламенялась – получались удивительные огненные волны.

Черный город и Белый город, как и другие нефтяные районы, были грязными трущобами. 48 000 рабочих трудились в невыносимых условиях. Они жили и дрались на закопченных улицах, “заваленных гниющими отбросами, выпотрошенными трупами собак, тухлым мясом, фекалиями”. Дома их походили на “доисторические жилища”. Средняя продолжительность жизни – всего тридцать лет. На нефтяных промыслах бушевали “беззаконие, организованная преступность и ксенофобия. Членовредительство, изнасилования, кровавые драки – вот что составляло повседневную жизнь рабочих”.

Баку, по словам Сталина, “не унимался”. Неприкаянный бакинский пролетариат идеально подходил большевикам. Здешние пролетарии забыли о нравственности, были морально неустойчивы и двуличны – Сталина, конспиратора-циника, это вполне устраивало. Говорили, что во всем городе только десять честных людей: швед – разумеется, господин Нобель, – армянин и восемь татар.

“Равно похожий на Додж-сити, средневековый Багдад, промышленный Питтсбург и Париж xix века”, Баку был городом “слишком персидским, чтобы быть европейским, но слишком

европейским, чтобы быть персидским”. Продажность здешнего полицейского начальства была всем известна; армяне и азербайджанцы были всегда при оружии и начеку; многочисленные преступники – кочи – либо промышляли убийствами (по три рубля за жертву), либо охраняли миллионеров, либо становились “маузеристами” – бандитами, чуть что выхватывавшими маузеры. “Наш город, как Дикий Запад, кишел бандитами и грабителями”, – писал Эссад-бей.

В Баку Сталин тут же вступил в противоборство с нефтяными баронам, меньшевиками и “правыми” большевиками – и в конце концов стал главой бакинских революционеров и преступников. Именно в Баку[116] он с опозданием, но нашел для себя роль российского национального масштаба и превратился “из подмастерья мастером революции”. Здесь он стал “вторым Лениным”2.

В августе 1907-го, когда бедная Като задыхалась от невыносимой жары и грязи Баку, Сталин вновь поехал в Германию на съезд Второго интернационала в Штутгарте. Он встретился с Алешей Сванидзе, который до сих пор учился в Лейпциге. Вместе с шурином Сосо, как пишет Монаселидзе, любовался видами и ходил на встречи немецких рабочих в ресторанах и кафе.

Много позже Сталин говорил югославскому лидеру Миловану Джиласу о немцах: “Они странный народ, как овцы”. (Черчиллю он говорил то же самое.) “Куда баран, туда за ним и остальные”. По дороге на съезд несколько немецких коммунистов не смогли выйти со станции, потому что не нашли контролера. Делегация не могла нарушить правила и “хотя и прибыла своевременно… но на демонстрацию не попала”. Он шутил, что их товарищ из России подсказал “немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов”3.

Когда Сосо вернулся в Баку, там как раз началась новая этническая резня. 19 сентября азербайджанского рабочего по имени Ханлар убили русские националисты. В знак протеста рабочие объявили забастовку. Сталин держал речь на похоронах.

Вскоре состоялся митинг, на котором Сталин и большевики изгнали меньшевиков из правления местной организации. Баку стал большевистским городом. Сосо был сосредоточен на работе. По словам Монаселидзе, работая, он забывал обо всем – в том числе и о Като.

Елисабедашвили пишет, что Сосо очень любил жену. Но жена, ребенок, друг были хороши до тех пор, пока не мешали его работе и разделяли его взгляды. “Нужно было знать Сосо, чтобы понять,

что такое его любовь”.

Для Като “в Баку было слишком жарко”. “Сосо уходил рано утром и возвращался поздно ночью, а Като сидела дома с младенцем и боялась, что мужа арестуют, – вспоминал Монаселидзе. – Плохое питание, жара, нервы – ее здоровье ослабло, и она заболела. Вокруг только чужие люди, никого из друзей. Сосо был так занят, что забыл о семье!”

Сталин знал, что он плохой муж и отец, но, подобно многим, кто вырос в неполной семье, не мог измениться. Скорее всего, он обсуждал это с Елисабедашвили: тот пишет, что Сосо жалел о своем поведении и злился на себя за то, что женился, находясь в таких обстоятельствах.

Като “молилась о том, чтобы Коба отвернулся от своих богопротивных идей ради мирной семейной жизни”. Но он выбрал путь, который не позволял ему исполнять обычные обязанности семейного человека. Это было знакомо женам большевиков. “Ну какая я великомученица”, – рассуждала жена Спандаряна (которой супруг часто изменял). Она говорила о своем браке, но это можно было отнести и к жизни Сталина. “Я делаю не больше, чем всякая другая. А что моя жизнь розами не усеяна, так я сама себе такую избрала… Он не создан для семейной жизни, но от этого он не теряет своей цены как личность… Он исполняет свое предназначение… Можно любить человека и все прощать ему во имя того хорошего, что в нем есть”. Като знала, что Сталин, как и Спандарян, поклялся в том, что “вечно останется верным рыцарем Грааля” марксизма[117].

В Тифлисе Сванидзе узнали сначала, что Като исхудала. Сашико пригласила ее вернуться в родную деревню.

– Как же я могу оставить Сосо? – отвечала Като.

Скоро Сванидзе узнали от Елисабедашвили, что Като заболела, и тогда они написали Сосо с просьбой вернуть ее. Като умоляла его об этом. Она была серьезно больна, но он откладывал поездку, пока она совсем не ослабла, – только тогда он понял, что действовать надо безотлагательно. В октябре Сталин уже обеспокоился и повез жену в Тифлис. Но само путешествие – тринадцать с лишним часов – было изнурительным: стояла страшная жара, на вокзале Като пришлось пить плохую воду. Оставив Като семье, Сталин поспешил вернуться в Баку.

Дома Като угасала. Она уже была слаба и истощена, но вдобавок заразилась сыпным тифом, который обычно сопровождается жаром и поносом. Пятна сыпи, сначала красные, затем угрожающе потемнели. Чаще всего историки пишут, что у

Като был туберкулез; если так, то он поразил и ее кишечник. Родственники и друзья, чьи воспоминания ранее были недоступны для историков, считают, что у Като был тиф и геморрагический колит. От ужасных приступов дизентерии Като теряла кровь и жидкость.

Сталин бросился в Тифлис и застал мать своего Яши при смерти. Он “в отчаянии нежно ухаживал за ней”, но было поздно. Говорят, что она попросила позвать к ней священника, а Сталин пообещал похоронить ее по православному обычаю. Через две недели после возвращения из Баку, 22 ноября 1907 года, 22-летняя Като “скончалась у него на руках”[118]. Сталин был убит горем4.

Глава 22
Хозяин Черного города. Богачи, рэкет и пиратство

Сосо сам закрыл Като глаза. В оцепенении он стоял у гроба жены; его сфотографировали, и после этого он упал в обморок. “Сосо горячо оплакал свою любимую жену”, – писал Елисабедашвили. Он сетовал, что “не сумел в жизни обрадовать ее”.

Он был в таком отчаянии, что друзья боялись оставлять его с маузером. “От меня все оружие отбирали, вот как мне было тяжело, – рассказывал он позже девушке. – Я понял теперь, как мы иногда многого не ценим. Бывало, уйду на работу, не прихожу целую ночь. Уйду, скажу ей: не беспокойся обо мне. А прихожу – она на стуле спит. Ждала меня всю ночь”[119].

О смерти Като было объявлено в газете “Цкаро”[120]. Похороны состоялись в 9 утра 25 ноября 1907 года. Отпевание прошло в Колоубанской церкви рядом с домом Сванидзе, в той самой церкви, где они венчались. После этого процессия прошла через город. Като похоронили на Кукийском кладбище святой Нины по православному обычаю. Погребение закончилось фарсом. Сталин, бледный, в слезах, “был очень опечален и встретил меня, как некогда, по-дружески”, вспоминает Иремашвили. Сосо отвел его в сторону. “Это существо смягчало мое каменное сердце, – произнес он, показав на гроб. – Она умерла, и вместе с ней – последние теплые чувства к людям”. Он положил руку на грудь: “Здесь, внутри, все так опустошено, так непередаваемо пусто”.

Во время погребения Сосо потерял обычное самообладание. Он бросился в могилу на гроб. Мужчинам пришлось вытаскивать его. Гроб закопали – но тут семейное горе прервала конспирация. Сосо заметил, что на похороны пришли агенты охранки. Он убежал задворками кладбища и перепрыгнул через забор. Побег с похорон жены – еще один штрих к теме его супружеского небрежения.

Два месяца о Сталине не было слышно ничего. “Сосо впал в глубокую скорбь, – пишет Монаселидзе. – Он почти ничего не произносил, и никто не отваживался с ним заговорить. Все время он винил себя за то, что не послушался нашего совета и повез ее в Баку по жаре”. Возможно, почувствовав, что Сванидзе злы на него, он отправился тосковать к матери в Гори. Встретив там друга по училищу, “он разрыдался как ребенок – хотя был крепким

человеком”.

“Моя личная жизнь разрушена, – всхлипывал Сталин. – Ничто не связывает меня с жизнью, кроме социализма. Я посвящу ему свое существование”. Такой рационализм впоследствии не раз ему пригодится для объяснения тех невероятных трагедий, которые он сам обрушит на свою семью и друзей. В старости он вспоминал Като с тоской и нежностью. Он отдал ей своеобразную дань памяти: если свои первые статьи он подписывал “Бесошвили” (память об отце), то теперь у него появился новый псевдоним К. Като (Коба Като).

Его сын остался в Тифлисе, но Сталин и не думал возвращаться в это провинциальное “болото”, где он уже был политическим изгоем. Так что он покинул сына больше чем на десять лет.

“Като умерла и оставила нам восьмимесячного “пацана”, – вспоминает Монаселидзе. Мальчика вырастили мать Като Сефора и супруги Монаселидзе; Сталин его почти не навещал. Возможно, Яша напоминал ему о его трагедии.

Это было не по-грузински. Семья Като, хоть и отдавала должное конспираторскому мастерству Сталина, была в ужасе. В своих воспоминаниях, написанных почти через тридцать лет, хотя и до Большого террора, Сванидзе и Елисабедашвили смело рассказывают о том, что совсем не одобряли такого поведения, и ясно дают понять, что винят в смерти Като ее невнимательного мужа.

Воспоминания Монаселидзе завершаются примечательной деталью. После смерти Като Сосо уехал в Баку и до 1912 года не появлялся, но однажды от него пришло письмо из ссылки: он просил прислать вина и варенья1.

К концу 1907 года Сталин оправился от горя. Вместе с декадентом Спандаряном он отмечал канун Нового года в бакинском ресторане. Он был со старыми друзьями в революционной столице империи. Здесь собрались большевики, которые в разное время работали со Сталиным, – люди, которых он встречал на протяжении всей своей революционной карьеры. В самой России большевизм переживал упадок, поэтому русские и кавказские революционеры устремились в Баку и часто мешали работе Сталина[121]. Вероятно, вечеринка удалась на славу: Спандарян, “близкий по характеру к Сталину”, был, кроме этого, “невероятно ленивым сибаритом, дамским угодником и стяжателем”. Его распутство не беспокоило его жену Ольгу, которая писала: “Сурен клялся мне не в верности до гроба, а в том, что вечно останется верным… рыцарем духа”. Но своих

товарищей этот большевик-повеса шокировал. “Все дети в Баку младше трех лет похожи на Спандаряна!” – вспоминала Татьяна Вулих.

Сосо вновь занялся работой и заново созвал дружину. Вдвоем со Спандаряном они тут же начали требовать более радикальных действий – забастовок и агитации – и призывали азербайджанских и персидских рабочих, зачастую неграмотных, их поддерживать. Большинство интеллигентов гнушались этими неграмотными, но Сосо проводил с мусульманами встречу за встречей – они массово “голосовали” за него. Он сделал важный шаг: начал работать с радикальной мусульманско-большевистской организацией “Химмат” (“Усилие”) и пропагандировать ее деятельность. Когда Сталин спасался от погони, мусульмане часто прятали его в мечетях. Когда он поссорился с меньшевиками, один его друг-мусульманин метнул в Девдориани кинжал.

Через своих знакомых мусульман Сталин помогал с вооружением Персидской революции. С помощью Серго он отправлял в Персию оружие и борцов, чтобы свергнуть персидского шаха Мохаммеда Али, которого пытались убить его большевики. Сталин даже сам приезжал в Персию, чтобы наладить работу своих партизан. Он побывал в Реште: таким образом, Сталин посещал Иран еще до Тегеранской конференции 1943 года.

Шаумян был напуган успехом царской репрессивной кампании. Вместе с вернувшимся из ссылки Енукидзе они стояли за более умеренный подход, чем Сталин. Но Шаумян не мог лишить Сталина превосходства. Он ратовал за сдержанность. Сталин смеялся над его привилегированным положением и плел против него интриги на пару со Спандаряном, “его ближайшим другом, правой рукой”. После смерти Сталина говорили, что он враждовал с Шаумяном, но это преувеличение. Они нормально работали вместе, хотя и относились друг к другу с недоверием2.

Вскоре после возвращения в Баку Сталин втайне предпринял новое путешествие: он отправился к Ленину, который жил в Женеве. Мы знаем, что они встречались в 1908 году и что Сталин был в Швейцарии. Сталин сам вспоминал об этой встрече. Также он виделся с Плехановым, который “доводил его до белого каления”. Сталин “считал, что Плеханов – прирожденный аристократ”. Больше всего Сталина злила дочь патриарха марксизма – у нее были “аристократические манеры, она одевалась по последней моде и носила туфли на высоких каблуках!”. В Сталине уже просыпался ханжеский аскетизм3.

Скорее всего, Сталин и Ленин говорили о деньгах. Ленин

сражался с меньшевиками и вел изнурительную распрю с Богдановым и Красиным, которые присвоили большую часть тифлисской добычи – а за добычей, в свою очередь, рьяно охотилась полиция Европы. Поэтому организации, которую изнутри убивал спровоцированный Лениным раскол, а снаружи – жестокие столыпинские репрессии, были, по словам Вулих, крайне нужны деньги.

Разумеется, как пишет Кавтарадзе, бакинский подручный Сталина, "было решено еще раз добыть деньги для партии". Когда "главный финансист большевистского центра" слышал слово "деньги", он хватался за маузер.

"В Баку, – вспоминал бывший здесь же Сагирашвили, – Коба подыскивал уголовников, "сорвиголов", как он их называл, головорезов. В Америке таких людей называли бы гангстерами", но Сталин создал им "ореол славы борцов за революцию". Сталин "внес предложение организовать большевистскую боевую дружину". В сталинскую дружину вошли Цинцадзе, Куприашвили и другие, в том числе так называемые маузеристы.

Кавтарадзе помогал Сосо разрабатывать план под эгидой тут же созданного Штаба самообороны. Еще одним подельником Сталина был 23-летний рыжеволосый юрист Андрей Вышинский, выросший в богатой одесской семье потомок польских шляхтичей. Вышинский стал меньшевиком, оставил юриспруденцию, занялся организацией террористических группировок и в 1905-м стал наемным убийцей. Сталин, вероятно, решил, что этот безжалостный молодой негодяй может быть ему полезен, и закрыл глаза на меньшевизм Вышинского. Он приспособил его к приобретению оружия и бомб.

"Политика – грязное дело, – говорил впоследствии Сталин. – Мы все выполняли грязную работу во имя революции". Он стал успешным "крестным отцом" в небольшой, но полезной операции по сбору средств. Все это напоминало деятельность мафиозной семьи средней руки, где занимаются шантажом, подделкой валюты, вымогательством, ограблениями банков, пиратством и рэкетом – а также политической агитацией и журналистикой.

Целью Сталина, как вспоминает маузерист Иван Боков[122], было "запугивание нефтяных магнатов и черносотенцев". По воспоминаниям Бокова, Сталин приказал маузеристам убить многих черносотенцев. Кроме этого, дружина собиралась ограбить Государственный банк Баку. Кавтарадзе пишет: "Мы узнали, что из центра в Баку по Каспийскому морю везут четыре миллиона рублей для Туркестанского края. Поэтому мы стали собираться в Баку… в начале 1908 года". Они взяли в заложники

капитана, как на “Цесаревиче Георгии”.

Пираты захватили в бакинском порту судно “Николай I”. Меньшевики проверяли причастность Сталина к этому преступлению, которое опять-таки нарушало партийные правила. Во время суда о клевете 1918 года у Мартова было достаточно доказательств участия Сталина в захвате “Николая I”, чтобы вызвать свидетелей. Позже троцкист Виктор Серж писал, что Вышинский еще до прихода большевиков к власти опрометчиво признался: “Коба был напрямую замешан в экспроприации парохода “Николай I” в бакинской гавани”.

Далее “Сталин внес предложение” ограбить бакинский флотский арсенал. Он “взял инициативу” и “связал нас с моряками”, вспоминал Боков. “Мы организовались с группой товарищей… сделали налет на арсенал”, убив нескольких охранников. Но, кроме этого, Сосо каждый день добывал средства, получая “пожертвования промышленников”.

Многие магнаты и представители среднего класса охотно жертвовали деньги большевикам. Им сочувствовала Берта Нусенбаум, мать Эссадбея. “Бриллианты моей матери финансировали сталинскую нелегальную коммунистическую печать”, – писал Эссад-бей. Поразительно, что Ротшильды и другие нефтяные бароны из числа богатейших магнатов Европы спонсировали большевиков, которые в конце концов отобрали у них предприятия. Об этих пожертвованиях от Ротшильдов вспоминает Аллилуев.

Главный инженер Ротшильдов Давид Ландау[123], согласно материалам охранки, регулярно жертвовал деньги большевикам. Агенты охранки установили, что, пока Сталин возглавлял партию в Баку, большевик-управляющий в одной из нефтяных компаний не участвовал в операциях, но собирал средства и передавал деньги от Ландау. Скорее всего, Ландау лично встречался со Сталиным. Еще один высокопоставленный сотрудник, доктор Феликс Сомари, банкир австрийской ветви Ротшильдов и позднее – известный ученый, рассказывает, что его отправляли в Баку, чтобы остановить забастовку. Он заплатил Сталину, и забастовка прекратилась.

Сталин постоянно встречался с другим промышленником – Александром Манчо, управляющим компании “Шибаев Петролеум Ко” и Биби-Эйбатского нефтяного общества. “Мы часто брали у Манчо деньги для организации, – вспоминал помощник Сталина Иван Вацек. – В таких случаях ко мне приходил тов. Сталин… Его [Манчо] и товарищ Сталин хорошо знал”. Или Манчо по-настоящему сочувствовал большевикам, или Сталин его шантажировал: управляющий выкладывал деньги по

первой же просьбе.

Кроме того, Сталин занимался рэкетом и похищениями людей. Многие магнаты платили, если не хотели, чтобы их нефтепромыслы загорелись или с их домашними произошел “несчастный случай”. Пожертвования от рэкета отличить трудно: среди преступлений, которыми теперь занимался Сталин, были “грабежи, нападения, вымогательство у богатых семей, похищение их детей на улицах Баку среди бела дня – далее некий “революционный комитет” требовал выкуп”, – рассказывает Сагирашвили, знавший Сталина в Баку. “Похищение детей в то время было обычным делом”, – сообщает Эссад-бей: он в детстве никогда не выходил на улицу без свиты из троих охранников-кочи и “четвертого – слуги, который вооруженный ехал на коне позади меня”.

Согласно бакинской легенде, самым выгодным для Сталина было похищение Мусы Нагиева, десятого по богатству нефтяного барона, бывшего крестьянина, который славился скупостью. В Венеции этот Нагиев был так поражен дворцом дожей, что построил в Баку его копию (увеличенную): великолепный дворец Исмаилия в стиле венецианской готики (теперь здесь Академия наук). Нагиева похищали дважды, но его собственные воспоминания об этих неприятных событиях довольно туманны. Ни одно похищение не было раскрыто. Много лет спустя внучка Нагиева Диляр-ханым сообщила, что Сталин прислал нефтяному барону шуточную благодарность за щедрые пожертвования большевикам[124].

Рассказывали, что миллионеры вроде Нагиева были готовы раскошелиться после “десятиминутного разговора” со Сталиным – очевидно, благодаря придуманным им специальным бланкам, в которых значилось:

> большевистский комитет предлагает вашей фирме заплатить ___ рублей.

Этот бланк рассылали по нефтяным компаниям, а деньги собирал технический ассистент Coco – “очень высокий человек, известный как “телохранитель Сталина”; было видно, что у него пистолет. Платить никто не отказывался”.

Глава большевиков подружился с бакинской организованной преступностью. Их операции и операции маузеристов часто совпадали по времени. Одна банда контролировала некий пустырь в Черном городе. Сталин заключил с бандитами соглашение, чтобы они пропускали только большевиков, а меньшевиков – нет. У большевиков были особые пароли. В самом диком городе России к насилию прибегали обе стороны.

Нефтяные магнаты привлекали к охране нефтепромыслов чеченских головорезов. Один из богатейших баронов Муртуза Мухтаров, живший в самом большом дворце Баку, построенном “под французскую готику”, велел своим кочи убить Сталина. Сосо сильно избили чеченцы – возможно, по приказанию Мухтарова[125].

Сталин соблюдал строжайшую секретность. Маузерист Боков вспоминает: “Иногда он так конспирировался, что мы по полгода не знали, где он! У него не было постоянного адреса, и мы знали его только под именем Кобы. Если он назначал встречу, то никогда не приходил вовремя: появлялся либо на день раньше, или на день позже. Он никогда не переодевался, так что похож был на безработного”. Товарищи Сосо замечали, что он не похож на типичного страстного кавказца. “Сантименты были ему чужды, – вспоминает один из них. – Неважно, насколько он любил кого-то – малейший огрех против партии он не прощал, заживо кожу сдирал”.

Итак, Сталину вновь удалось раздобыть деньги и оружие. Но, как всегда, ценой человеческих жизней. Большевики-традиционалисты, например Алексинский и Землячка, “очень возмущались этими экспроприациями” и убийствами. Одного рабочего Сталин обвинил в провокации. Несмотря на отсутствие безусловных доказательств, этого человека изгнали из города, «судили», приговорили к смерти и расстреляли.

Сталин гордился тем, что он практик, специалист по “черной работе”, а не пустослов-интеллигент. Но на самом деле он был и тем и другим. Вскоре до Ленина дошло множество жалоб на сталинский бандитизм, но к тому моменту, как пишет Вулих, Сталин был “настоящим хозяином Кавказа”, у него было много преданных сторонников, которые считали его вторым человеком в партии после Ленина. Интеллигенция любила его меньше, но все признавали, что он был крайне энергичен и незаменим.

Сосо оказывал “электризующее воздействие” на своих сторонников, о которых заботился. Он обладал талантом политической дружбы, который помог ему прийти к власти. Его сосед по комнате в Стокгольме, металлург Ворошилов, энергичный светловолосый щеголь[126], тоже приехал к нему в Баку, но там заболел. “Он навещал меня каждый вечер, – вспоминал Ворошилов. – Мы много шутили. Он спросил меня, люблю ли я поэзию, и прочитал наизусть целое стихотворение Некрасова. Потом мы вместе спели. У него был очень хороший голос и слух”. “Поэзия и музыка возвышают дух!” – говорил Ворошилову Сталин. Когда был вновь арестован Аллилуев, он беспокоился о его семье. Освободившись, Аллилуев пришел

посоветоваться к Сталину, который уговаривал его уехать и давал деньги на переезд в Москву: “Бери, у тебя большая семья, дети. Ты должен им помочь!”

Смерть Като была тяжелым ударом, но уже в начале 1908 года вдовец, подписывавший статьи “Коба Като”, находил время для веселья и не имел недостатка в женском обществе.

Глава 23
Тюремные развлечения: гонки вшей, убийства, доведение до безумия

Когда дружине удавалась экспроприация, Сталин и Спандарян тратили часть добычи на большую попойку. Намекая на постоянные внутрипартийные склоки, Сосо в шутку называл эти вечеринки “уклонениями”.

“Когда у Сталина появлялись лишние деньги, – рассказывает А. Д. Сакварелидзе, ведавший сталинскими фальшивомонетными операциями, – мы проводили встречу “уклонистов” в окраинной закусочной или же в отдельном зале роскошного ресторана – часто в ресторане “Свет” на Торговой улице. Там мы пировали – особенно если хотели отметить какую-нибудь удачу. Спандарян больше других любил “уклонения”: там мы говорили без обиняков, вкусно ели и громко пели – особенно Сталин”. А где был Спандарян, появлялись и девушки.

Батумский товарищ познакомил Сталина со своей красивой сестрой Алваси Талаквадзе. Ей было всего восемнадцать лет, о себе она говорила: “Избалованный ребенок”. Она была полна революционного огня. “Коба – глава бакинского пролетариата – обустроил свою штаб-квартиру на Биби-Эйлатском промысле в подсобном помещении цветочной лавки, которую держал мой брат”, – вспоминала она. Сталин взял ее под свою опеку и дал ей за ее рвение прозвище Товарищ Плюс. Ее воспоминания, пусть и весьма высокопарные, дают понять, что между ними завязались тесные отношения: “Коба просвещал меня идеологически, вел со мной дискуссии на общественно-политические темы, развивал мою классовую сознательность, прививал мне веру в победу”. Возникает соблазн прочитать “развивал классовую сознательность” и “прививал веру в победу” как иносказания: ведь далее Алваси Талаквадзе сообщает, что в 1908-м была подругой Сталина.

Он был выдающимся конспиратором, хотя его выдумки были порой жутковатыми. Его новая пассия стала “специалисткой по одурачиванию шпиков, но Коба изобретал все новые способы”. Однажды он велел ей передать какие-то секретные документы на Балаханский промысел – документы лежали в гробу. “ Ты должна изобразить убитую горем сестру, которая собственными руками хоронит своего маленького брата, – объяснил Сталин, отправляя Алваси на кладбище; ее выступление он расписал как драматург. – Волосы распусти, держи гроб, плачь, говори, что

осталась одна, вини себя в его смерти. Слишком глубоко не закапывай". Он вручил ей лопату. Потом "режиссер" похвалил "артистку" – он тайно следил за ней. "Даже сейчас я не понимаю, как он смог так внимательно за мной проследить", – вспоминала она.

Судя по всему, Алваси Талаквадзе была не единственной его революционной подругой. Он сблизился и с Людмилой Сталь (Лазарь Каганович говорил о ней: "Известная работница… среди женщин работала… Дебелая такая, но, видимо, интересная женщина"). Родом с юга Украины, дочь владельца сталелитейного завода, она была на шесть лет старше Сосо и уже не раз сидела в тюрьмах. Вскоре после этого она эмигрировала в Париж. Роман был краткий, но серьезно повлиял на молодого Сталина. Возможно, они виделись и позже, когда Сталин приезжал за границу к Ленину, с которым Людмила тесно работала. Известно, что они встречались в 1917 году. Но от их дружбы Сталин ничего не сохранил, кроме одного неожиданного сувенира, оставшегося на всю жизнь, – своего прославленного имени.

Тайная полиция потеряла след Сталина, когда он после тифлисского "спектакля" сменил место жительства. Теперь она снова разыскивала его. Арестовали его наемника Бокова: "Тот жандарм, который меня допрашивал, сказал: что из себя представляет Сталин, какую, собственно, роль он играл в нападении на [флотский] арсенал?"

15 марта 1908 года жандармы совершили налет на Народный дом, где проходила партийная конференция. Сталин, Шаумян и Спандарян сумели ускользнуть, но жандармы сели маузеристам на хвост. Едва Цинцадзе и дружина назначили дату ограбления Госбанка и корабля с золотом, казаки и жандармы "ворвались в наше укрытие". В перестрелке погибло несколько казаков, но дружина потеряла главного своего убийцу-маузериста – Инцкирвели, ветерана тифлисского экса. Планы были свернуты, Кавтарадзе оставил секретную работу и отправился в Петербургский университет – но остался другом Сталина до конца его дней.

В ночь на 25 марта начальник бакинской полиции обошел "несколько разных притонов, посещаемых… преступными лицами, причем задержано несколько подозреваемых лиц, в числе задержанных оказался… Кайос Бесович Нижерадзе, при котором найдена нелегальная переписка, и потому Нижерадзе передан мною в распоряжение господина начальника Бакинского жандармского управления". У задержанного был паспорт дворянина Нижерадзе, но отчество Бесович указывало на то, что в

руках полиции оказался главный большевик на Кавказе, “второй Ленин”. Через четыре года поисков охранка поймала Сталина1.

Когда в бакинскую Баиловскую тюрьму поступил новый узник, одетый в синюю сатиновую косоворотку и щегольской башлык, другие политические говорили: нужно быть осторожными. Друг другу таинственно сообщали: “Это Коба!” Они боялись Сталина “больше, чем полицию”.

Монстр не разочаровал. У него была “способность втихомолку подстрекнуть других, а самому остаться в стороне”, он оказался “хитрым комбинатором, не брезгующим никакими средствами и уклоняющимся от публичных отчетов и ответственности”. За семь месяцев в знаменитой Баиловке, расположенной среди нефтепромыслов, Сталин стал хозяином тюрьмы. Он читал, изучал эсперанто, который считал языком будущего[127], устраивал охоту на предателей – несколько изобличенных получили смертные приговоры. Его власть над Баиловкой была миниатюрной моделью его власти над Россией.

Сосо поместили в третью камеру, где политические были в основном большевики (почти все меньшевики содержались в седьмой камере). Политзаключенные в Баиловке были так организованны, что даже учредили мандатную комиссию. В камере Сталин встретил друзей – большевика-“практика” Серго и меньшевика-помощника Вышинского. Последний был выбран старостой по кухне – разумное назначение, потому что богатые жена и родители регулярно передавали Вышинскому корзины с деликатесами. Он делился этими вкусными вещами со Сталиным – возможно, это помогло ему выжить в годы Террора.

Старосты выделили в сутках часы для отдыха, уборки и дискуссий. Они указывали, кому с кем делить койку (соседом Сталина был гориец Илья Надирадзе) и кому выполнять какую работу – в том числе мытье посуды и вынос параши, но, как вспоминает Сакварелидзе, Сталина часто освобождали от этих заданий.

Один из сокамерников – Семен Верещак – оставил проницательное описание сталинского пребывания в Баиловке. Он ненавидел его за грубость и хитрость, но не мог не восхищаться сталинской безграничной уверенностью к себе, бдительным умом, “механизированной” памятью и хладнокровием: “Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения”. Сталин был единственным заключенным, который мог спокойно спать, даже когда в камере было слышно, как во дворе вешают приговоренных.

Смертную казнь для предателей учредил не Сосо.

“Обыкновенно провокаторов… в Баиловской тюрьме убивали”, – пишет Верещак; но перед этим проводились расследование и суд. Сталин убивал чужими руками и тайком. Некий Митька Грек “убил ножом молодого рабочего… <…> Сам Митька… не знал, кого он убил. По его словам, он убил “шпика”. <…> Наводка же исходила от Кобы”. В другой раз “в коридоре политического корпуса избивали какого-то молодого грузина. Били все кто мог и чем попало. По корпусу проносилось – “провокатор”… <…> Снесли на носилках в тюремную больницу окровавленное тело. <…> Стены коридора были в крови. <…> И лишь спустя много времени выяснилось, что слух исходил от Кобы”.

Политические вели дебаты, которые часто оканчивались ссорой. Больше всего Сталин невзлюбил социалистов-христиан, последователей Льва Толстого. Серго, который всегда сначала бил, потом думал, подрался с какими-то эсерами. Позднее, когда трое товарищей уже правили СССР, Сталин писал Ворошилову, что Серго дрался насмерть и никто из эсеров не смог дать ему достойный отпор. На самом деле эсеры побили Серго.

Сталин легко разрешал политические дилеммы, слелавшись экспертом в марксизме. “Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим… Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу”. Но его выступления были “грубыми”, “неприятными”, “лишены остроумия и носили форму сухого изложения”[128].

Сталин по-прежнему предпочитал уголовников революционерам. “Его можно было всегда видеть в обществе головорезов, политических шантажистов, среди грабителей-маузеристов”. Иногда уголовные нападали на политических, но грузинские уголовники, вероятно под руководством Сталина, политических охраняли. Придя к власти, Сталин приводил в ужас своих товарищей, назначая уголовников в НКВД, – но вообще-то он всю жизнь прибегал к их помощи.

Уголовники и политические часто сходились в тюремных азартных играх, например борцовских состязаниях и гонках вшей. Сталин не любил шахмат, но “ночь напролет играл с Серго Орджоникидзе в нарды”. Самой жестокой игрой было действие, называвшееся “загнать в пузырь”: молодого заключенного помещали в камеру к уголовникам, которые старались довести его до безумия. Делались ставки, скоро ли новичок сломается. Иногда жертва действительно сходила с ума.

Камеры были переполнены жертвами столыпинских репрессий. В тюрьме, рассчитанной на 400 человек, сидело 15 000. У Сталина было затемнение в легком, и в духоте ему было трудно дышать. Крепкий Мдивани-Бочка, иногда сидевший со

Сталиным в одной камере, сажал Сосо себе на плечи, чтобы он мог подышать в высокое окно; остальные сокамерники смеялись и кричали: “Но-о, Бочка, но-о!” Навещая Сталина в Кремле, Бочка всегда приветствовал его: “Но-о, Сосо!”

Сталин протестовал против тюремных условий и провоцировал начальство – в камеру к политическим послали солдат, которые их избили. Сталина заставили пройти через строй. “Коба шел, не сгибая головы, под ударами прикладов, с книжкой в руках”. В отместку он “парашей высаживал двери своей камеры, несмотря на угрозы штыками”.

Заключенные не могли пошевелиться, чтобы не отдавить кому-нибудь ногу, но благодаря тесноте можно было пускаться на разные уловки. Сосед Сталина по койке, гориец Надирадзе, устроил так, чтобы его жена сопровождала Кеке в дороге в Баку. Женщины навестили арестантов – одна мужа, вторая сына. Сталин “очень тепло приветствовал ее. Его мать разрыдалась, увидев своего единственного сына”, но он “успокоил ее, объяснив, что революционеру без тюрьмы не обойтись… Мы весело разговаривали целых два часа”, рассказывает Надирадзе. Сталин попросил мать доставить бакинским революционерам секретные послания, с которыми ее чуть не арестовали.

Дружина планировала устроить Сосо побег. По ночам он ножовкой, переданной через надзирателя, перепиливал решетку в камере. В назначенный день у стен тюрьмы его ожидали маузеристы, подогнавшие для побега фаэтон. Но, очевидно, этот план кто-то выдал, потому что в последнюю минуту неподкупные казаки встали на часах. Побег пришлось отменить.

Медлительная бюрократическая система, как всегда, работала со скрипом – снова путаница и мягкость решений. На сей раз установление личности Сталина и предъявление обвинения заняли еще больше времени. Наконец ему вынесли неожиданно снисходительный приговор: всего два года ссылки в Вологодской губернии – в Европейской части России, а не в Сибири.

Перед самым отбытием этапа благодаря неразберихе в переполненной Баиловке Сталину удалось поменяться местами с другим заключенным. Все вроде бы пошло по плану: его место занял другой[129]. Сосо расцеловал на прощание сокамерников и отбыл из Баиловки под чужим именем2.

Глава 24
Береговой Петушок и дворянка

Но подмену обнаружили. Вероятно, это произошло еще до того, как Сталин покинул Баиловку (его выдал либо тот же провокатор, который доложил о попытке побега, либо охранник, которому слишком мало заплатили). И Сталин все-таки отправился в свою ссылку. Вологда была гораздо ближе Сибири, но этап растянулся на три месяца – арестанты успели посидеть в московской Бутырской тюрьме, где в годы сталинского Террора сгинет множество людей.

У Сосо опять не было зимней одежды, и он написал Шаумяну в Баку. Шаумян вспоминал, что ему не смогли раздобыть даже подержанного костюма, но послали пять рублей. Столыпин основательно затянул в Баку гайки. Полиция успешно боролась с тамошними большевиками, ряды партии редели, вождей арестовывали или убивали. “Денег нет, – сообщал Шаумян. – Революционеры голодны и ослабли”.

В вологодской тюрьме[130] Сталин бунтовал и ссорился с начальством. Его сокамерник вспоминал, что он никому не подчинялся и шел на попятный, только когда применяли силу. По пути из Вологды к месту ссылки он то ли заболел сыпным тифом, то ли как-то уговорил врача оставить его в теплой вятской больнице. В конце морозного февраля 1909 года Сталин все-таки добрался до Сольвычегодска на санях.

Среди первых, с кем Сталин познакомился в Сольвычегодске (здесь жило около 450 ссыльных), была молодая учительница Татьяна Сухова. С ней у Сталина, судя по всему, случился роман.

За недолгое время, проведенное в Сольвычегодске, он нашел среди политических ссыльных двух любовниц. Даже в годы безденежья и безвестности у него всегда была хотя бы одна подруга, а чаще – не одна. В ссылке же он сделался почти что распутником.

Сталин “красивый был”, вспоминал Молотов. Несмотря на его оспины и веснушки, “женщины должны были увлекаться им. Он имел успех”. Глаза у него были “красивые, карие”. Женя Аллилуева, будущая свояченица и, возможно, любовница Сталина, рассказывала своей дочери, что Сосо был “довольно красив”. “Он был худым, сильным, энергичным, с невероятной копной волос, с блестящими глазами”. Все и всегда вспоминали “горящие глаза” Сталина.

Даже несимпатичные его черты имели свой шарм. Загадочная

мина, высокомерие, жестокосердие, кошачья осторожность, упорство в самообучении, острый ум – возможно, все это делало его еще привлекательнее в глазах женщин. Возможно, помогало и то, что он не выказывал к ним интереса. Казалось, что он не способен о себе позаботиться – одинокий, худой, небрежно одетый, – поэтому женщины всю его жизнь хотели ухаживать за ним. И еще один козырь – национальность.

У грузин была репутация романтичных и страстных любовников. Когда Сталин не был сварливым угрюмцем, он изображал из себя рыцарственного грузинского поклонника: пел песни, восхищался красивыми нарядами девушек, дарил им шелковые платки и цветы. В нем был силен дух сексуального соперничества: если ему было это удобно, он наставлял рога своим товарищам, особенно в ссылке. Сталин ухаживающий, Сталин-любовник, Сталин-муж мог быть нежным и веселым. Но если женщины хотели от него поведения типичного грузинского Казановы, то при близком знакомстве их ожидало жестокое разочарование.

Сталин был нелюдим, эксцентричен, мало способен к сопереживанию. Его обуревали комплексы, связанные с его личностью, семьей, здоровьем. Он так страдал из-за того, что у него были сросшиеся пальцы, что, когда кремлевские врачи обследовали его ноги, он закрывал все остальное тело и лицо одеялом. Телохранители запудривали ему оспины, на официальных фотографиях их скрывали ретушью. Даже в русской бане он стеснялся своей наготы. Он переживал из-за травмированной руки – она мешала ему танцевать с женщинами: он признавался, что не может взять женщину за талию. За время их брака Като убедилась, что он далек от нее и узнать его как следует трудно. Кипучая энергия его эгоцентризма будто лишала воздуха любое помещение; слабых духом она опустошала, не давая никакого эмоционального насыщения. Моменты нежности не могли заслонить его ледяную отчужденность и угрюмую обидчивость. Наташа Киртава обнаружила, что он мог вести себя отвратительно, если ему перечили.

Женщины в его системе ценностей стояли невысоко – гораздо ниже революции, самолюбия, интеллектуальных занятий и попоек с друзьями-мужчинами. Он сочетал грубую мужественность с викторианским ханжеством и не был, конечно, ни сластолюбцем, ни эпикурейцем. Он редко говорил о своей сексуальной жизни, хотя бывал распутен – вероятно, поэтому он всю жизнь терпел то, что его товарищи оказывались попросту беспардонными бабниками. В Баку гремела слава о похождениях Спандаряна. Позже, уже в ранге правителей Советской России,

Енукидзе и Берия доходили в своем разврате до стадии полного разложения. Но это не волновало Сталина: главное, чтобы они справлялись со своим делом, много работали и были ему преданы. Для него самого секс был в меньшей степени вопросом морали, чем угрозой безопасности.

С одной стороны, он не доверял сильным умным женщинам (такой была его мать), презирал претенциозных дам “с идеями” и не любил надушенных модниц, которые, как дочь Плеханова, носили “туфли на высоких каблуках”. Ему нравились совсем молоденькие, уступчивые девушки или крепкие крестьянки, готовые ему подчиняться. С другой стороны, даже в 1930-х у него бывали любовницы из образованных и раскрепощенных революционерок, равные ему по развитию, а иногда и из дворянок, то есть из высшего сословия. Но его марксистское предназначение и чувство исключительности были превыше всего.

Женщины (и дети, если уж случалось так, что они появлялись) должны были с пониманием относиться к тому, что крестоносец марксизма может внезапно и бесследно исчезнуть.

Татьяна Сухова сидела у себя дома с другими ссыльными, и тут кто-то рассказал ей, что “прибыл новый этап ссыльных, и среди них приехал товарищ из Баку Осип Коба – профессионал, большой работник”. Чуть позже, одетый уже как следует благодаря товарищам по этапу, “Осип” появился у них в доме. “Он был в высоких сапогах, в черном… пальто, в черной сатиновой рубашке и высокой мерлушковой шапке. Белый башлык, по-кавказски прикрепленный на плечах… опускался на спину”.

В Сольвычегодск пришла весна. Это был маленький средневековый городок с 700-летней историей; здесь торговали пушниной. В городке, стоявшем на реке Вычегде, была запыленная площадь, деревянное поместье богатого купца, почта и красивый собор xvi века. Десять ссыльных жили в коммунальном доме. “В этом было спасенье для многих, – вспоминает Сухова. – Эти коммуны были университетами для ссыльных. С утра до вечера в какой-нибудь комнате подальше от входа шли занятия кружков. Те же, кто жил на квартире в одиночку, чувствовали себя хуже… многие начинали пить”.

Уездный полицейский исправник Цивилев по прозвищу Береговой Петушок был человеком жалким, раздражительным и занудным, но комичным. Говорил он фальцетом. Его еще называли “бог и царь Сольвычегодска”. Он запрещал ссыльным собираться больше пяти, ставить спектакли и даже кататься на

коньках, грести на лодке и собирать грибы. Заметив нарушение, он гонялся за ссыльными по берегу реки, как разъяренный петух, – отсюда и его кличка.

Сталин, по словам здешних полицейских, вел себя “жестоко, откровенно, без уважения к властям”. Однажды Береговой Петушок поместил его в заточение за чтение вслух революционной литературы, а в другой раз оштрафовал на двадцать пять копеек за посещение театра[131]. Несмотря на это, ссыльные часто устраивали тайные и веселые вечеринки, на которых обязательно был флирт. “Пели все с увлечением… я пустилась в пляс, – вспоминает Шура Добронравова. – Коба искренне хлопал… Вдруг я слышу голос Кобы: “…Шура – радость жизни!” – и вижу: Коба смотрит на меня со своей непередаваемой улыбкой”.

Однажды ссыльные вместе поехали кататься на лодках. Они размахивали красными флагами и пели. По берегу бежал Береговой Петушок и кричал: “Перестать петь!” Но наказать всех он не мог, так что это сошло им с рук.

Сталин часто устраивал тайные сходки ссыльных, “строго следил за работой каждого члена этой группы и требовал отчета”, вспоминает Александр Дубровин. Из воспоминаний Дубровина можно понять, что Сталин выслеживал предателей и приказывал их убить. “Был ссыльный по имени Мустафа… он-то и оказался изменником”. По словам одного “товарища”, Мустафа “был утоплен под большим угором реки Вычегды”.

“Я часто забегала в комнату, где жил товарищ Сталин. Обстановка комнаты была небогатая. У окна стояли козлы. На козлах были положены доски, на которых лежал соломенный матрац, покрытый серым байковым одеялом. Сверху подушка с розовой ситцевой наволочкой. <…> Частенько и днем я заставала его на койке в полулежачем положении, одетого от холода в пальто и обложенного кругом книгами”. Они все больше времени проводили вместе, смеялись над другими ссыльными и даже катались вдвоем в лодке. Судя по всему, дружба переросла в любовные отношения: Сталин тепло относился к Суховой и в 1930-е годы[132]. Позднее он написал ей, прося прощения за то, что не писал раньше: “Вопреки обещаниям… до сих пор не посылал Вам ни одной открыточки. Это, конечно, свинство, но это факт. И я, если хотите, при-но-шу изви-не-ния. <…> Пишите”. В следующий раз они встретились в 1912 году.

В июне местная полиция отметила, что Сосо побывал на сходке всех ссыльных, где была и девушка по имени Стефания Петровская. С ней у Сталина случился настолько серьезный

роман, что он решил жениться на ней.

Двадцатитрехлетняя учительница Стефания стояла выше Сталина на социальной лестнице: она была дворянкой из Одессы, ее отец-католик владел домом в центре города. Перед тем как получить высшее образование, она посещала элитную гимназию. “Дворянку Петровскую” (так она значилась в полицейских рапортах) арестовали в Москве и сослали в Вологодскую губернию на два года; с “Осипом Кобой” она познакомилась, уже отбыв свой срок. Сталин пробыл там недолго, но, вероятно, чувство между ними было очень сильным, потому что Петровская осталась в богом забытом Сольвычегодске, а затем поехала за Сталиным на Кавказ.

Ссыльные не знали ничего о текущих делах партии, но узнавали о последних спорах из потрепанных старых журналов, которые передавали родственники и друзья. Сталину не понравилось, что Ленин рассорился с Богдановым. “Как тебе понравилась новая книга Богданова? – писал Сосо в Женеву своему другу Малакии Торошелидзе. – По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича… отличается от такового Плеханова, что… Ильич старается затушевать”.

Сталин уважал Ленина, но умел отнестись к нему и критически. Обожествление началось только после смерти Ленина – и у этого была ясная политическая цель. Пока же от относил ленинские склоки к капризам испорченных эмигрантов. В России, где большевизм находился в упадке, “практики” не могли позволить себе такой ерунды. Зиновьев признавал: “Партия как единое целое перестала существовать”. Дела обстояло так плохо, что появились “ликвидаторы”, предлагавшие распустить партию. Сталин же был на стороне так называемых примиренцев, которые считали, что большевики должны работать вместе с меньшевиками – или уж вместе сойти с арены.

Он был уверен, что нужен партии, и не собирался торчать в Солвычегодске: чем больше революционеров ссылал Столыпин, тем слабее была система. Побег следовал за побегом. В 1906–1909 годах власти могли одновременно отвечать лишь за 18 000 ссыльных из 32 000. Сосо написал Аллилуеву в Санкт-Петербург, спросил его адрес и место работы; очевидно, он планировал отправиться в столицу. Он начал собирать деньги: часть их он получил по почте. Заключенные инсценировали азартную игру, в которой Сталин “покрыл кон 70 рублей”.

В конце июня после утреннего обхода Берегового Петушка Сухова помогла Сталину облачиться в сарафан. Неизвестно,

сбрил ли он бороду. Переодевшись, в компании Суховой он пароходом доехал до ближайшего крупного города – Котласа. Расставаясь с Татьяной, которая дала ему в дорогу несколько носовых платков, он произнес романтичную фразу, не смущаясь своего женского наряда: “Ну ладно, я когда-нибудь возвращу шелковыми”.

После этого он сел на поезд и отправился в Северную Венецию1.

“Как-то вечером, – вспоминает Сергей Аллилуев, муж любвеобильной Ольги, – я шел по одной из улиц Литейной части и вдруг увидел, что навстречу мне идет товарищ Сталин”. Друзья обнялись.

Сталин уже заходил к Аллилуеву домой и на работу, но никого там не застал. Центр Петербурга был не так уж велик. Аллилуев попросил дворника приютить Сосо. Дворники часто бывали осведомителями охранки, и, если они сочувствовали большевикам, их каморки были идеальным укрытием: искать здесь никто бы не стал.

Дворник укрыл Сталина в комнате своего брата, дворника при казармах Кавалергардского полка, на Потемкинской улице – рядом с Таврическим дворцом, где когда-то жил соправитель Екатерины Великой князь Потемкин, а теперь заседала Дума. К казармам “то и дело подкатывали пролетки с дежурными офицерами, – вспоминает Анна Аллилуева. – Сталин… часто бывал в городе, виделся с товарищами. Под взглядами казарменных часовых он спокойно проходил, прижимая локтем домовую книгу кавалергардских казарм”.

Сталин, который собирался “издавать газету”, наладил нужные связи и быстро отбыл на Кавказ.

В начале июля 1909 года он вернулся в Баку под новой маской – Оганез Тотомянц, торговец-армянин. Но охранка узнала о его приезде: в документах отражено, что прибыл “скрывшийся из Сибири… социал-демократ, известный в организации под кличкой “Коба” или “Сосо”. Двое агентов охранки, проникшие в ряды большевиков, – Фикус и Михаил – теперь регулярно доносили на Сталина, который проходил под кличкой Молочный[133] (в Баку сталинским прикрытием было кафе-молочная). За ним то и дело наблюдали, но тайной полиции понадобилось несколько месяцев, чтобы понять, кто такой Сосо, и поймать его. Почему?

Это одна из неразрешенных загадок жизни молодого Сталина. Был ли советский диктатор в молодости агентом царской тайной полиции?2

Глава 25
Молочный: был ли Сталин агентом охранки?

В “нефтяном царстве” Баку Молочный попробовал вдохнуть новую жизнь в разрушенную большевистскую организацию. Он вновь работал со Спандаряном, Серго и Буду Мдивани. Собрав остатки дружины, он, по словам маузериста Куприашвили, “начал обдумывать нападение на почтовый корабль”; добычу он планировал пустить на финансирование “Бакинского пролетария”.

Но времена наступили скверные. “Партия больна”, – писал Сталин. “Хороших новостей нет. Мы не рабочие”, – жаловался он Цхакае и добавлял, что теперь считает правильным воссоединение с меньшевиками. Ленин ненавидел примиренчество, но тяжелые обстоятельства вынудили Сталина сделаться примиренцем. Закаленные комитетчики – члены комитетов в России – все сильнее разочаровывались в Ленине и эмигрантах. “Почему эти чертовы “течения” должны нас раскалывать… что за бессмысленные склоки – обе стороны заслуживают порки!” Сталин требовал учреждения Русского бюро, которое руководило бы партией в самой империи, и создания национальной газеты, печатаемой в России, а не за рубежом. Центральный комитет он в печати называл “фиктивным центром”.

Идеи Сосо о будущем партии дошли до Центрального комитета в Париже. В январе 1910-го ЦК сделал его членом только что образованного Русского бюро. Это был знак высокой оценки его энергичности и организаторских способностей. Из кавказского активиста он стал российским большевистским вождем, тем не менее в Баку он вел собственную игру против Шаумяна.

“Сталин и Спандарян сосредоточили всю власть в своих руках”, – сетовала жена Шаумяна Екатерина, дочь нефтяника. Зажатый между давлением Сталина и царскими репрессиями, Шаумян, как и многие другие, устроился на постоянную работу, причем у симпатизировавшего марксистам нефтяника Шибаева. Он пытался выбраться из подполья. “Все “взялись за ум” и устроились на работу, – писал Сосо Цхакае. – Все, кроме меня. Да, я не “взялся за ум”. За мной охотится полиция!” Неподкупный Сталин никогда не “взялся за ум” и ненавидел тех, кто “взялся”, таких как Шаумян, “который уже три месяца как оставил нашу

работу!” Он пробовал вернуть Шаумяна на путь истинный. Оставшись один после смерти Като, Сталин ненавидел семейное счастье Шаумяна[134] и осуждал его жену Екатерину: “Эта женщина, как самка, думает только о своих птенцах, она часто враждебно смотрела на меня, потому что я втягивал ее Степана в такие конспиративные дела, которые пахли тюрьмой”. А Екатерина Шаумян жаловалась на то, что Сталин строил козни Шаумяну и вел себя как вздорная баба.

Сталин поехал в Тифлис “по финансовым делам” – эвфемизм для обозначения экспроприаций и рэкета. Он не знал, что умер его отец – возможно, это случилось в то же время. Бесо, бездомный пьяница, попал в Михайловскую больницу. Из медицинских документов ясно, что он умирал от туберкулеза, колита и хронической пневмонии. Он умер 12 августа, ему было пятьдесят пять лет. Он не пытался связаться с Сосо. У него не было ни родственников, ни денег, и его похоронили в нищей могиле1. Для большевика, подписывавшегося “Сын Бесо”, его отец умер много лет назад[135].

Когда Сталин вернулся на Каспий, к нему приехала его подруга по ссылке – Стефания Петровская. Охранка вскоре охарактеризовала ее как “сожительницу” руководителя “Бакинского комитета РСДРП”. Очевидно, она была по-настоящему ему предана, потому что не вернулась в Москву или Одессу, но последовала за ним в Баку.

Он сделал ей высший комплимент: сменил псевдоним К. Като на К. Стефин – от имени Стефания; это уже ближе к “Сталину”. Для такого шовиниста брать в качестве псевдонима имена возлюбленных довольно необычно. Очевидно, Стефания была ему дорога. Они стали жить вместе – вернее, как писала тайная полиция, Молочный проживал “у своей сожительницы”.

Тем временем началась череда странных скандалов, в ходе которых выяснилось, что сталинская партия кишит царскими шпионами. Из-за этого Сталин начал истерическую кровавую охоту на предателей – и в итоге только убил невиновных и навлек подозрение на себя. Все началось в сентябре 1909 года, когда собственные источники Сталина в тайной полиции предупредили его, что двойной агент донес о его драгоценной подпольной типографии. На типографию планировался налет. Станок нужно было срочно переместить в другое место.

“Т. Сталин прибежал ко мне на завод, – вспоминал его помощник Вацек, – и поручил срочно достать деньги, каковые в сумме 600 руб. мною были получены от либерального управляющего [Манчо]”. Но этих денег не хватило. Сталин

вернулся на завод с Буду Мдивани. Манчо выдал Сталину еще 300 рублей.

Сталин расположил типографию в новом секретном месте в Старом городе Баку – в темных подвалах и проходах персидской крепости. Затем он узнал, что супруги, обслуживавшие типографию, похитили деньги. Он отправил к ним маузеристов. Муж успел скрыться. Жену допросили сталинские наемники – каким-то образом ей удалось убежать и спастись от гибели.

В октябре 1909-го полиция нагрянула на конспиративную квартиру бакинского большевика Прокофия Джапаридзе (Алеши). Полицейские с удивлением обнаружили в квартире, кроме Джапаридзе, Серго и Сталина. Помощник пристава, как обычно, не проявил самостоятельности мышления и, оставив у дверей городовых, пошел советоваться с начальством. Сталин и Серго дали городовым взятку – десять рублей. Джапаридзе пришлось остаться, и его арестовали, но Сталин и Серго сумели улизнуть.

По наводке еще одного источника в бакинской охранке Сталин обвинил в предательстве секретаря Союза нефтепромышленных рабочих Леонтьева. Сталин решил, что в партию внедрились пятеро агентов охранки. Он решил убить Леонтьева, но тот пошел на провокацию и потребовал партийного трибунала. Сталин отказался проводить трибунал: на нем могли всплыть имена его "кротов" в охранке. Леонтьева отпустили, и теперь Сталина заподозрили в связях с тайной полицией. "Предательство того, с кем ты делил все, – говорил позднее Сталин, – это ужасно, ни один актер или писатель этого не передаст – это хуже самого укуса смерти!" В Баку Сталин учредил людоедскую инквизицию для поимки предателей, настоящих и вымышленных, – то же самое он в 1930-е проделает во всем СССР. Разница в том, что в Баку в партию действительно внедрились шпионы.

Сталин опубликовал имена пятерых "предателей", но из архивов тайной полиции следует, что лишь один действительно был шпионом – остальные были невиновны. Охота на ведьм шла полным ходом. Когда в Баку явился важный московский большевик Черномазов, "товарищ Коба с презрением посмотрел на него. "Ты провокатор!" – закричал он". На этот раз Сталин оказался прав.

Об этом раздрае с удовольствием рапортовали бакинской охранке настоящие шпионы под псевдонимами Фикус и Михаил – предатели, действительно проникшие в ряды большевиков, но так и не раскрытые Сталиным. Нет сомнений в том, что в Баку он отдавал приказы об убийстве невиновных, так же как в годы Террора.

Воцарился хаос. Сосо любил разрешать такие ситуации с помощью незаметных убийств, но на сей раз это не помогало. Он обвинил одного товарища в предательстве – тот обвинил его. Меньшевики и некоторые большевики подозревали, что сам Сталин, имеющий связи в тайной полиции, и есть главный провокатор. Так доносил ли он полиции на товарищей? Вот свидетельства против Сталина.

Безусловно, у Сталина были сомнительные связи со слугами царского режима: он постоянно получал загадочные намеки от своих источников в тайной полиции. Однажды, когда Сталин гулял по улицам Баку с товарищем, к нему подошел сотрудник охранки. “Я знаю, что вы революционер, – сказал он. – Вот, возьмите этот список, сюда включены товарищи, которые в ближайшее время должны быть арестованы”. В другой раз один товарищ пришел к Сталину на партийную конспиративную квартиру и столкнулся с пожилым жандармским офицером, выходившим из дверей. На вопрос гостя Сталин ответил, что этот жандарм сотрудничает с большевиками.

В Тифлисе во время облавы на революционеров Сталин с удивлением обнаружил в своем тайном укрытии меньшевика Артема Гио. “Вот не ожидал! – воскликнул Сталин. – Ты не арестован?” Тут вошел незнакомец. “Можешь говорить свободно, – успокоил Сталин вошедшего. – Это мой товарищ”. Гость оказался полицейским переводчиком. Он зачитал список арестованных в этот день партийцев, включавший и Сергея Аллилуева, и предупредил Сталина, что полиция арестует его сегодня ночью[136].

Агент охранки Фикус сообщил, что некий жандарм предупредил Сталина и Мдивани о налете на типографию. Как мы видели, она была спасена.

Так какие же отношения были у Сталина с тайной полицией?

По словам Арсенидзе, его знакомые большевики были уверены: “Сталин выдает жандармерии… адреса неугодных ему товарищей, от которых он хотел отделаться”. Арсенидзе продолжает: “Товарищи по фракции решили его допросить и судить. <…> На одно заседание суда… явилась охранка и арестовала всех судей. Коба тоже был арестован”. Уратадзе пишет, что в 1909 году “бакинская большевистская группа обвинила его открыто в “доносе” на Шаумяна”. Жордания даже уверял, что Шаумян сказал ему: “Я уверен, что Сталин донес полиции… У меня была конспиративная квартира… Адрес знал только Коба, больше никто”. Все трое обвинителей – меньшевики-

эмигранты, и их свидетельства многие приняли на веру.

В документах тайной полиции со Сталиным всегда связана странная путаница. Начальник бакинской охранки Мартынов “обнаружил”, что Молочный – это Сосо Джугашвили, только в декабре 1909-го – почти через шесть месяцев после его побега. Не защищали ли Сталина органы?

Если добавить в этот ядовитый котел обвинения в предательстве, звучавшие еще в 1902-м, связи с тайной полицией и побеги из ссылок и тюрем, версия о том, что Сталин был агентом охранки, выглядит правдоподобно2. Был ли будущий верховный жрец интернационального марксизма беспринципным предателем с манией величия? Если Сталин был обманщиком, значит, и весь советский эксперимент – афера? Может быть, все дальнейшие свершения, в особенности Большой террор, он предпринял, чтобы замести следы? Это была заманчивая теория – особенно в годы холодной войны.

Но на самом деле свидетельства не очень-то надежны. Рассказы меньшевиков о том, что Сталин предал Шаумяна, не выдерживают критики. Отношения у них были напряженные, но не откровенно враждебные: двое крупнейших кавказских большевиков “считались друзьями, но такой [неприязненный] оттенок отношений между ними был”. С 1907-го по 1910-й Шаумяна арестовывали лишь однажды – 30 апреля 1909 года; Сталин в то время еще находился в Сольвычегодске. В следующий раз Шаумяна арестовали 30 сентября 1911 года – тогда Сталин сидел в петербургской тюрьме. Непохоже, чтобы он организовал какой-то из этих арестов.

Сталин умел приспосабливаться и был беспринципен. Мессианский комплекс привел его к мысли, что любой его оппонент – враг дела революции; против такого все средства хороши, даже сделка с дьяволом. Но нет никаких доказательств, что Сталин предавал товарищей или представал перед партийным судом.

Его связи с тайной полицией не так уж подозрительны, как кажутся. В ноябре 1909 Фикус, внедренный агент охранки – занятно, что именно от него мы это знаем, – сообщил, что “на Тифлисской общегородской конференции присутствовал приехавший в Тифлис из Баку Коба (Сосо) – Иосиф Джугашвили, благодаря стараниям которого конференция решила принять меры к тому, чтобы партийные члены находились на службе в разных правительственных учреждениях и собирали бы нужные для партии сведения”. Таким образом, Сталин занимался партийной разведкой / контрразведкой – внедрением в тайную

полицию.

Он должен был “пасти” офицеров жандармерии или охранки, делать намеки о предателях и налетах, помогать арестованным товарищам вскорости освобождаться. Если внимательно прочитать все истории о встречах Сталина с тайной полицией, даже написанные самыми злыми сталинскими врагами, становится ясно, что он не выдавал информацию, а *получал*. Некоторые его знакомцы, например полицейский переводчик, сочувствовали большевикам; другие по большей части сотрудничали ради денег.

Мир разведки – это всегда рынок. Кавказские полицейские отличались продажностью, и цены за освобождение товарищей были хорошо известны. Начальник Баиловской тюрьмы брал за заключенного 150 рублей и подыскивал замену[137]. В Баку мздоимством славился глава жандармского управления ротмистр Федор Зайцев. “Вскоре все наши товарищи были освобождены… за небольшую сумму, выплаченную нами ротмистру Зайцеву, который весьма охотно брал взятки”, – вспоминал Серго. Бакинский нефтяной магнат Шибаев заплатил Зайцеву 700 рублей за освобождение Шаумяна. Почти наверняка ротмистр Зайцев и был тем самым пожилым жандармом, приходившим к Сталину. В апреле 1910 года Зайцев был уволен за взяточничество.

Денежный поток шел и туда и обратно. Практически всем агентам охранки платили, но у Сталина такого таинственного дохода не было. Даже после удачных ограблений, заваленный пачками банкнот, он тратил на себя мало, жил почти без гроша, в отличие от настоящих агентов охранки – бонвиванов, получавших богатое вознаграждение.

Кроме того, тайная полиция следила за тем, чтобы ее агенты оставались на свободе: за деньги она хотела получать полезные сведения. Но Сталин начиная с ареста в 1908-м и до 1917-го провел на свободе лишь полтора года. После 1910-го он в общей сложности был свободен только десять месяцев.

Путаница в полицейских бумагах – важнейший пункт обвинений против Сталина и в то же время наименее убедительный. Подобные ошибки повсеместны и касаются не одного Сталина. Двойные агенты активно работали среди большевиков, но никакая организация до появления компьютеров не могла переварить миллионы отчетов и картотек. Охранка еще на удивление хорошо справлялась по сравнению, скажем, с сегодняшними щедро финансируемыми спецслужбами США эпохи компьютеров и электронного наблюдения. “Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел… по личным

соображениям”, – говорил один сотрудник тайной полиции. Мастерство подпольщика, кошачья изворотливость, использование посредников – все это очень затрудняло поимку Сталина. Его жестокость пугала свидетелей.

Наконец, в сохранившихся архивах охранки огромное количество доказательств того, что Сталин не был ее агентом. Опровергнуть их может только какой-нибудь бесспорный документ[138] – оставшийся незамеченным в провинциальных архивах охранки, неизвестный самому Сталину, его собственной тайной полиции, его многочисленным врагам и целой армии историков, которые почти целый век искали такую улику.

Сталин был отменно приспособлен для существования на этой “ничейной земле”. Тайная полиция вполне могла пытаться сделать Сталина *своим* двойным агентом в любой из его арестов (их было не меньше девяти). В то же время Сталин, зная моральную неустойчивость людей, наверняка старательно зондировал почву, выискивал слабых или продажных полицейских, чтобы сделать их *своими* агентами.

Когда он вербовал осведомителя в тайной полиции – кто кого обманывал? Очень может быть, что некоторые сотрудники охранки дурачили Сталина по законам конспирации и оговаривали как предателей невиновных большевиков, чтобы посеять среди партийцев разрушительную паранойю и защитить своих агентов. В таком случае ясно, почему большинство бакинских “предателей” на самом деле были невиновны, а настоящих провокаторов Фикуса и Михаила так никто и не заподозрил.

Однако прежде всего Сталин был ярым марксистом, доходившим до “полуисламского фанатизма”. Ни друзья, ни семья не могли встать между ним и его предназначением. Он считал себя неявным, но исключительным вождем рабочего класса – “рыцарем Грааля”, по выражению Спандаряна. Насколько нам известно, он никогда не отступал от своей миссии даже в самые худшие времена – почти уникальный случай.

Надо сказать, что взгляд на этот безобразный мир двуличности и шпионажа позволяет приблизиться к пониманию безумия советской истории. Он объясняет параноидальность советской ментальности, объясняет, почему Сталин безрассудно не верил предупреждениям о нападении Гитлера в 1941 году, объясняет кровавое неистовство Большого террора.

Охранке не удалось предотвратить русскую революцию, но удалось отравить сознание революционеров: и через тридцать лет после падения царизма большевики продолжали убивать друг

друга, охотясь на несуществующих предателейз.

Весной 1910 года Молочный так мастерски ускользал от наблюдения, что тайной полиции надоело это терпеть. Начальник бакинской охранки Мартынов писал: “К необходимости задержания Молочного побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь… немедленно проваливались, причем Молочный, успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу”. Он добавлял, что Молочный проживает “часто у своей сожительницы Стефании Леондровой Петровской”.

23 марта 1910 года Мартынов арестовал Молочного, который на сей раз имел документы на имя Захара Меликянца, и “дворянку Херсонской губернии Стефанию Петровскую”. Их по отдельности допросили в Баиловской тюрьме. Молочный поначалу отрицал свою связь со Стефанией. Но затем он попросил разрешения на брак с ней. Вскоре Сталин называл ее “моя жена”.

Часть третья

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,

Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,

Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,

Когда беглец, врагом гонимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —

Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.

Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

Сосело (Иосиф

Сталин)

Глава 26
Две бывших невесты и беременная крестьянка

Сначала Сталин говорил, что никогда не имел документов на имя Тотомянца, и уверял, что в дни революции 1905 года не мог совершать никаких преступлений, потому что целый год жил в Лондоне; впрочем, он признался в том, что бежал из ссылки. Когда поручик Подольский спросил его о Стефании, 30-летний Сосо сообщил, что познакомился с ней в Сольвычегодске. Однако он уверял: “С Петровской я вообще никогда не жил”. Почему он лгал – по подпольной привычке, из вероломства или из рыцарственной заботы о репутации дамы? Все три версии вполне правдоподобны. Но она от него не отрекалась. За четыре дня до этого допроса 24-летняя Стефания сказала Подольскому, что “с Джугашвили она знакома и состоит с ним в сожительстве”.

Три месяца спустя жандармы решили освободить ее. “Что же касается Джугашвили, то ввиду упорного его участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двухкратного его побега из мест административной высылки… я полагал бы принять высшую меру взыскания – высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет”. Это было максимальное наказание. К несчастью для Сталина, продажного Зайцева уволили, а новый ротмистр оказался несговорчив.

Пока Сосо сидел в тюрьме, его товарищи раздобыли мокроту заключенного, больного туберкулезом, и подкупили врача, чтобы тот перевел Сталина в тюремную больницу. Оттуда Сосо обратился к градоначальнику Баку с романтической просьбой:

> Ввиду имеющегося у меня туберкулеза легких… честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство назначить комиссию врачей для освидетельствования самочувствия… [и] применить ко мне возможно меньшую меру пресечения и… ускорить ход дела. Одновременно с этим прошу Ваше превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с проживающей в Баку Стефанией Леандровой Петровской.
>
> *1910. 29 июня. Проситель Джугашвили.*

Вышедшая на свободу Стефания, вероятно, навестила его в тюрьме и приняла предложение руки и сердца, потому что на другой день Сосо опять написал градоначальнику, на сей раз назвав Стефанию своей женой: “От моей жены, бывшей на днях в жандармском управлении, я узнал, что г-н начальник жандармского управления… считает от себя необходимым высылку меня в Якутскую область”. Сталин прибавлял, что не понимает “такой суровой меры” и полагает, “что недостаточная осведомленность в истории моего дела могла породить нежелательные недоразумения”.

Такие просьбы шли вразрез с честью революционера. Подобострастная ложь Сталина не тронула Мартынова – он по-прежнему настаивал на пяти годах ссылки. Но либеральный наместник в Тифлисе смягчил наказание. 13 сентября Сталин был приговорен к отбытию полного срока ссылки в Сольвычегодске; ему также на пять лет запретили жить на Кавказе. Хотя Сталин еще вернется в Баку, царские власти, как это ни парадоксально, побудили его покинуть периферию и сосредоточиться на работе в самой России.

31 августа заместитель прокурора написал бакинскому градоначальнику: “Арестант Иосиф Виссарионович Джугашвили возбудил ходатайство о разрешении… вступить в законный брак с проживающей в г. Баку Стефанией Леонардовной Петровской… Прошу Ваше высокоблагородие уведомить меня, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий на удовлетворение помянутого ходатайства Джугашвили”. То ли из-за бумажных проволочек, то ли из-за бюрократической ошибки, то ли вследствие злого умысла начальник Баиловской тюрьмы получил ответ только 23 сентября: “Г-н градоночальник разрешил содержащемуся под стражей Иосифу Виссарионовичу Джугашвили обвенчаться с проживающей в г. Баку Стефанией Леонардовной Перовской… Об этом канцелярия уведомляет… для сведения и объявления Джугашвили”. Венчание должно было состояться в тюремной церкви в присутствии градоначальника.

Когда тюремщики принесли это радостное известие в камеру Сталина, его там уже не было: в тот самый день, 23 сентября 1910 года, Иосиф Джугашвили был отправлен в Вологодскую губернию. В конце октября он вновь оказался в Сольвычегодске. Он не женился на своей невесте и гражданской супруге – более того, он никогда больше ее не видел1.

За время отсутствия Сталина Сольвычегодск[139] не изменился к лучшему. Ссыльных здесь стало меньше, а режим, соблюдаемый злосчастным Береговым Петушком, ужесточился.

Делать здесь стало совсем нечего. Мы не знаем, думал ли Сталин о своей бакинской невесте, но уныние ссылки он решил скрасить новыми похождениями. Результатом стал еще один позабытый полуофициальный брак и рождение незаконнорожденного сына.

“Плохо живут в нашем Сольвычегодске, – писала 22-летняя ссыльная Серафима Хорошенина, образованная дочь учителя из Пермской губернии. – Полицейские условия довольно сносные, но ссыльные не живут, они умерли. Живет каждый по себе… Сойдясь, не находят разговоров. <…> Даже совместных развлечений нет, и ссыльные топят тоску в вине”. Она могла бы добавить, что наряду со склоками и пьянством ссыльным оставалось только предаваться разврату. После Второй мировой войны, обсуждая с британским послом сексуальный скандал в дипломатических кругах, Сталин смеялся и говорил со знанием дела: “Такими вещами занимаются от скуки”.

Сначала он поселился в доме Григоровых. Там у него начался роман с Серафимой Хорошениной. Они стали жить вместе в доме молодой вдовы Марии Кузаковой.

Сталин не единственный находил утешение в любовных подвигах. Он много общался с колоритным меньшевиком, всегда одетым в белый костюм, неким Лежневым, “переведенным к нам из Вологды” за то, что им “увлеклась жена прокурора”, вспоминал товарищ Сталина по ссылке Иван Голубев. “Он начнет рассказывать о своих похождениях в Вологде, удержаться от смеха нельзя. Тов. Сталин… хохотал до упаду”.

Но, хотя Сосо и кутил в доме у Кузаковой, на уме у него было другое. В нем жила садоводческая жилка, и в Сольвычегодске он сажал сосны. Кроме того, он запоем читал – книги по истории и романы, в том числе Льва Толстого – он не переносил его политических взглядов, но обожал его художественную прозу. Впрочем, вскоре он уже не чаял поскорее бежать, смертельно скучал и мечтал узнать о том, как идут дела у Ленина.

10 декабря Сталин получил письмо от Большевистского центра. В ответном письме он передавал “горячий привет Ленину”, чью линию считал “единственно правильной” в борьбе с “мусором ликвидаторства”. Блок Троцкого Сталин называл “тухлой беспринципностью”, а о Ленине писал, что “он мужик умный и знает, где раки зимуют”. Но “очередной задачей, не терпящей отлагательства” Сталин считал “организацию центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу… Назовите ее как хотите… это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. <… > С этого, по-моему, и пойдет дело возрождения партийности”. О себе он писал: “Мне остается шесть месяцев. По окончании срока

я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно". Он был готов к побегу, но для этого нужны были деньги.

Ленин, видя, что эсдеки в России терпят крах, попробовал в последний раз помириться с меньшевиками. Сталин – наполовину примиренец, наполовину ленинец – согласился с этим. Когда из обхаживания меньшевиков ничего не вышло, Ленин вернулся к привычному состоянию яростной вражды.

Сосо "в бобровой шапке" председательствовал на тайных собраниях семерых ссыльных. Собрания проходили на голубятне. Он "заразительно смеялся своим изумительным горным голосом, – вспоминает Иван Голубев. – <…> Но не выносил подхалимов". Однажды он признался: "Мы до самой революции будем нелегальными, чтобы стать легальным, надо спуститься до обывателя". А Сталин не хотел быть "обывателем". Среди обывателей никто не пожелал бы терпеть его странности, но в революционном подполье (и позже в окружении советского лидера, где царили идиосинкразия, паранойя, скрытность) эти странности превращались в добродетели "рыцаря Грааля".

"У нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь", – писал Сталин 21 января 1911 года московскому товарищу, которого приветствовал так: "Пишет Вам кавказец Сосо – помните, в четвертом году в Тифлисе и Баку". Скука сводила его с ума. Он бредил побегом. Негодуя на эмигрантов, тративших время на ссоры, он неприязненно отозвался об обеих сторонах: "О заграничной "буре в стакане", конечно, слышали: блоки Ленина – Плеханова с одной стороны и Троцкого – Мартова – Богданова с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно…"

Об этой вспышке скоро узнал Ленин. Он был недоволен. В то время он руководил партийной школой в Лонжюмо, под Парижем. В эту школу он пригласил Орджоникидзе, и Серго там расхваливал своего друга Сталина. Однажды Ленин и Серго гуляли по бульвару.

– Вам, Серго, знакомо выражение "заграничная буря в стакане воды"?

– Владимир Ильич, – ответил Серго, понявший, что Ленин каким-то образом проведал о письме Сталина, – Коба наш товарищ! Меня с ним многое связывает.

– Как же, знаю, – сказал Ленин. – У меня самого хорошие воспоминания о нем… Только революция еще не победила и не дала нам права ставить над интересами дела личные симпатии… Говорите, "Коба наш товарищ", дескать, большевик, не

перемахнет. А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки о “буре в стакане” выдают незрелость Кобы как марксиста.

Ленин послал Сталину предупредительный сигнал – но вскоре простил “кавказца Сосо”. Через некоторое время меньшевик Уратадзе рассказал Ленину о том, как Сталина исключили из партии в Баку. Ленин только посмеялся: “Не стоит придавать большое значение таким вещам”. Тогда Уратадзе рассказал о сталинской жестокости, участии в разбое. “Именно такой человек мне и нужен”, – ответил Ленин.

В Сольвычегодск прислали деньги на побег – семьдесят рублей. Но эти деньги у Сталина почти сразу украли. Их послали переводом в Вологду ссыльному студенту по фамилии Иванян. Передавать деньги через третье лицо – вполне обычная практика тех лет: в противном случае получатель потерял бы казенное содержание. Но всегда был риск, что деньги украдут.

Где-то в январе-феврале Сталин сообщил, что ему необходимо посетить врача. Это был повод попасть в главный город губернии. Он собирался зайти к Иваняну, забрать деньги и уехать поездом в Петербург. Но у студента были другие планы. Когда Сталин добрался до Вологды, Иванян отправил его к другому ссыльному – графу Алексею Дорреру. Как писал Сталин, “денег этих мне не передал т. Иванян, а показал лишь телеграмму о присылке для меня указанной суммы (в телеграмме было вытравлено несколько слов), причем т. Иванян не мог объяснить ни “пропажу” денег, ни факт вытравления из телеграммы нескольких слов”.

По некоторым сведениям, пропажа денег не остановила Сосо, и он все равно сел на поезд до Петербурга. Промотавшись весь день по городу, он набрел на аптеку, над которой висела фамилия хозяина-грузина – Лордкипанидзе. Он зашел и признался, что бежал из ссылки. Аптекарь пожалел земляка, укрыл его у себя и накормил. Сталина всегда поражало, что ему помогают совершенно незнакомые люди.

Но тем не менее, вне себя от ярости, он был вынужден вернуться в Сольвычегодск. Он не забыл Иваняна и со смехом вспоминал, как один “бандит украл эти деньги, и у этого негодяя, которого я встретил после революции, хватило наглости попросить меня о помощи”. Если Иванян действительно украл деньги у Сталина, это был фантастически смелый поступок – и крайне безрассудный. В 1937 году он был расстрелян. До самой гибели он отрицал факт кражи[140].

“Я тоже иногда выпиваю”, – лаконично признавалась

Серафима Хорошенина. Возможно, именно после запоя, последовавшего за неудачным побегом, Сталин решил узаконить отношения с ней. В феврале они с Серафимой Хорошениной прописались вместе в доме Кузаковой – это был своего рода гражданский брак (в православной империи законным был только брак, освященный церковью). Этот союз совершенно забыт сталинскими биографами.

Медовый месяц длился недолго: “Согласно предписания г-на вологодского губернатора… Серафима Васильевна Хорошенина 23 сего февраля отправлена… в г. Никольск для отбывания дальнейшего срока”. Таковы были капризы самодержавия: ей даже не дали попрощаться с сожителем. Она оставила Сталину прощальную открытку. Перефразируя Уайльда, потерять невесту почти в день свадьбы – несчастье, но потерять молодую “жену” через неделю – скорее уже беспечность. Об этом неожиданном союзе судачили многие, на него смотрели как на “полубрак”: большевик А. П. Смирнов не стесняясь написал Сталину: “О тебе слышал, что еще раз поженился”.

Едва Серафима освободила сталинскую постель, ее место заняла его хозяйка – Мария Кузакова.

“Иосиф Виссарионович произвел на меня хорошее впечатление, – вспоминает она. – Говорил он тихо, ласково. Одет он был не по-зимнему: в осеннем пальто и фетровой шляпе”. “Я… видела, что Иосиф Виссарионович, задумчивый, сосредоточенный, ходит по комнате, часто пишет”. Однажды она спросила, сколько ему лет.

– А сколько вы дадите? – отвечал он.

– Лет сорок, пожалуй, будет.

– Нет, только двадцать девять лет, – засмеялся Сталин.

Муж Кузаковой погиб на русско-японской войне, оставив ей троих детей-сорванцов. Иногда они поднимали такой галдеж, что он с улыбкой открывал дверь и пел вместе с ними, вспоминала Кузакова. Трудно поверить, что Сосо мог вести себя так кротко, но Мария полюбила его, с удовольствием слушала рассказы о семинарии.

Береговой Петушок, возможно прослышав о том, что Сталин готовится к побегу, стал часто обыскивать его комнату. Кузакову это выводило из себя. Полицейские стучали в окна среди ночи и будили детей – они хныкали, а Сталин смотрел на обыск в полном спокойствии. У него конфисковали письма Серафимы, в том числе прощальную открытку. Он все равно приходил на пикники и вечеринки, где обсуждал с товарищами по ссылке политику. Это раздражало Цивилева, но Сталин ему отомстил. “Т. Сталин тут же при всех гуляющих… так отругал его, что

исправник боялся показываться ему на глаза, при встрече убегал, а т. Сталин пускал какую-нибудь острую сатиру", – рассказывает Голубев. Кузакова подтверждает: "Я никогда не видела, чтобы полиция так боялась одного человека".

Сталин уже почти отбыл свой двухлетний срок, и смысла бежать не было, несмотря на всю "духоту". Он до того скучал, что пошел в местный театр, за что его оштрафовали на двадцать пять копеек. Другим утешением, видимо, была Мария Кузакова. Когда он уезжал, она, судя по всему, была беременна от него. По словам родных Кузаковой, она сообщила ему, что ждет ребенка. Он сказал, что не может на ней жениться, но пообещал присылать деньги – разумеется, обещания не исполнил.

25 мая Береговой Петушок арестовал Сталина за посещение собрания революционеров и приговорил к трем днем заключения в местной тюрьме. Но срок ссылки Сосо наконец вышел. Когда 26 июня его отпустили из тюрьмы, он даже не попрощался со своей беременной хозяйкой. "Когда я пришла домой, на столе нашла деньги за квартиру, а тов. Сталина и его вещей не было". Поэтому-то местные девушки так неохотно заводили романы со ссыльными: любовники имели обыкновение внезапно исчезать[141].

6 июля 1911 года Сосо пароходом добрался до Котласа, оттуда – до Вологды, где ему было предписано оставаться два месяца. Здесь он жил по разным адресам и все время находился под наблюдением охранки. Шпики дали ему новую кличку – Кавказец.

Гоняться за юбками он не прекратил. На глазах у шпиков Кавказец соблазнял разбитную школьницу – подружку одного его товарища. Когда Сталину понадобилось, он одолжил у друга и девушку, и паспорт2.

Глава 27
Центральный комитет и школьница Нарядная

“Я готов – остальное ваше дело”, – написал Сталин Ленину, обосновавшись в Вологде. Впрочем, он хотел убедиться, что его отправят в центр. “Я хочу работать. Но работать буду лишь только в Питере или в Москве. <…> Я уже свободен…” К собственной вражде с кем-либо Сталин относился со смертельной серьезностью, но над эмигрантскими ссорами Ленина все еще подшучивал. “Коба писал, что не может позволить себе лаяться с ликвидаторами или впередовцами [группами Красина и Горького, оппозиционными Ленину], у него получится только смеяться над теми, кто лается”, – писал один большевик товарищам в Париж – именно там Ленин, видимо, узнал о “незрелости” Сталина. Несмотря на это, в конце мая в Париже Центральный комитет (ЦК) решил образовать Русское бюро, членом которого стал Серго, а особым посланником – Сталин; охранке скоро стало известно об этом назначении.

Серго направился в Россию, чтобы известить еле живую большевистскую организацию о новых назначениях. Охранка следила за Кавказцем еще пристальнее, но он мастерски уворачивался от шпиков. В начале августа он сумел выбраться из Вологды и доехал до Петербурга, чтобы повидать Серго. “Серго передал ему директиву от Ленина… сообщил, что Сталина вызывает Ленин приехать за границу для обсуждения внутрипартийных дел”. Итак, Сталин совершил еще один небольшой побег и вернулся в Вологду; шпики даже не заметили его отсутствия.

По сравнению с Сольвычегодском Вологда была крупным городом. Здесь жило 38 000 человек, были библиотеки, театры, собор, построенный в 1560-х, дом, принадлежавший Петру Великому, и роскошное поместье губернатора. В течение месяца Сталин собирал деньги на дальнейший путь. Он запоем читал – библиотеку посетил семнадцать раз. “Я был уверен, что ты гуляешь где-нибудь по другим городским улицам, – писал Сталину товарищ по сольвычегодской ссылке Иван Голубев. – [Но] узнаю, что ты не сдвинулся с места, так же по-старому коптишь в полуссыльном положении. Печально дела обстоят, когда так. <…> Так что же ты намерен предпринимать теперь? Неужели ждать? Ведь с ума можно сойти от безделья”.

Но, похоже, аскет Сталин единственный раз в жизни

позволил себе посибаритствовать. Скоро охранка поняла, что причиной этого была беглянка-школьница, сожительница приятеля Сталина – ссыльного Петра Чижикова. Пелагее Онуфриевой было всего шестнадцать лет. Она училась в Тотемской гимназии, была дочерью зажиточного сольвычегодского крестьянина. Роман с Чижиковым у нее начался, когда тот отбывал ссылку в Тотьме, затем она сбежала с ним в Вологду – и здесь встретила Кавказца. Чижиков, познакомившийся с Сосо несколькими годами ранее в тюрьме, вскоре подпал под его обаяние, начал выполнять его поручения и собирать для него деньги. Кажется, он не возражал, когда его дружба с Сосо превратилась в *ménage à trois*.

Пелагея была всего лишь легкомысленной и своевольной школьницей, но ей удалось произвести впечатление на агентов охранки своим умением одеваться. Ей дали кличку Нарядная. Неудивительно, что даже амбициозный до крайности и целеустремленный Сталин с удовольствием провел в ее обществе месяц. “Я всегда знала его под именем Иосиф”, – вспоминала она. Змей буквально предложил Еве запретный плод – яблоко. “На улице есть было не принято в то время… Недалеко от магазина была аллейка, тенистая, густая. <…> Так вот, он, бывало, поведет меня туда. Сядем на скамеечку, он и говорит: “Ешьте, здесь никто не видит”.

Днем Чижиков работал в магазине колониальных товаров. Шпики видели: как только в девять утра он уходил на работу, к нему домой приходил Сталин. “Иосиф Виссарионович знал, что я люблю литературу, – вспоминает Нарядная. – Часто приходил заставал меня за книгой. Мы тогда вели с ним о литературе беседы. <…> Обедать… вместе ходили, потом по городу часто прогуливались. В библиотеку ходили… много шутили”. “Я была в то время ведь молодой… глупой, может быть”. Вечный учитель Сосо рассказывал ей о Шекспире (в том числе анализировал “Бурю”) и картинах в Лувре (которые он, вероятно, видел, когда провел неделю в Париже). Трогательнее всего были его рассказы о Като: как он любил ее, как хотел застрелиться после ее смерти, как друзья отняли у него револьвер и какие она шила красивые платья. Вспоминал он и сына Якова. У Сталина “было много друзей”. “Как мужчина он понимал, что красивое. А ведь не всякий мужчина в этом разбирается, – шутливо вспоминает Нарядная. – Много мне рассказывал об юге, как хорошо там, какие там сады, здания. Мне частенько говорил: “Вы мечтаете поехать на юг, поезжайте к нам… вас примут как родную”. Нарядная была дерзкой и умной. Сталина влекло к сильным женщинам, но в конце концов он предпочитал покорных

домохозяек и девушек-подростков. Ему, безусловно, нравились совсем молоденькие девушки; позднее из-за этого у него были серьезные неприятности с полицией. Хотя соответствующие законы в царской России были куда мягче, чем сегодня, особенно вдали от столицы, такие увлечения по меньшей мере говорят о стремлении Сталина главенствовать и контролировать других. Впрочем, они не были навязчивыми: он имел дело и с женщинами старше себя.

Похоже, Пелагея понимала Кавказца лучше многих. Наверное, за всю его жизнь лишь она одна могла смеяться над его странностями; он открывался ей. Даже самым ранимым мужчинам нравилось озорство Нарядной. Он называл ее Полей, она его – “чудаком Иосифом”.

“Это было долгое, жаркое лето”, – вспоминает Пелагея. Но, когда оно подошло к концу, она поняла, что больше его никогда не увидит. Такое впечатление, что у Сталина в то время были женщины во всех городах. Он рассказал Нарядной, что помолвлен с другой девушкой, петербурженкой. Позже он писал Пелагее: “Вы знаете, что я приехал жениться, а попал в тюрьму”.

Если у “чудака Иосифа” и была другая женщина, Нарядной Поле, душе любовного треугольника, было не на что жаловаться. Но кто была эта петербурженка?

Нарядная “хорошо знала, что он уезжает. Я даже хотела его проводить до вокзала, но он не разрешил”: “За мной следят”. Но “в последний день утром он пришел”: последовало нежное прощание.

– Вот я вам книгу на память хочу подарить, – сказал Сталин и вручил Пелагее книгу. – Она вам покажется интересной.

– Конечно, интересная, – ответила Нарядная.

– Подарите и вы что-либо мне на память, – попросил “чудак Иосиф”. Она дала ему свой нательный крестик. Крестик он не принял, а цепочку взял и “вместо брелока к часам повесил”. Она попросила его фотографию, но Сталин, уже готовившийся вернуться в мир конспирации, отказал: “Я никогда не фотографируюсь. Только разве в тюрьме, когда меня насильно фотографируют. В будущем вам хватит моих фотографий. А сейчас их дарить нет смысла. Это только наводит людей на неприятности”.

Книга, которую получила Пелагея, – “Очерки западноевропейской литературы” Когана, интересный подарок от библиофила-самоучки. Сталин сделал на ней надпись:

“Умной, скверной Поле от чудака Иосифа”[142].

Они больше не встречались, но он продолжал писать ей. По

словам Пелагеи, его письма “были интересные”: “Он умел быть в любое время веселым, даже в трудную минуту жизни”. Но, когда в 1913-м Сталин опять попал в ссылку, она “потеряла с ним связь”.

Нарядная была хорошей девушкой, но “чудак Иосиф” больше не мог оставаться в Вологде. По сообщению агентов охранки, в 3:45 пополудни 6 сентября 1911 года в сопровождении Чижикова “пришел на вокзальную площадь Кавказец, имея при себе два места багажа: небольшой чемодан и узел, по-видимому постель, и сел в вагон… поезда № 3 в г. Петербург”. Шпики заметили, что Сталин в пути два раза обходил все вагоны, как будто в поисках “хвостов”.

“Поездом третьим выехал Джугашвили под наблюдением филера Ильчукова. Прошу принять. <…> Ротмистр Попель”, – телеграфировала вологодская охранка в Петербург. Но Сосо перехитрил встречавших его агентов. Он прибыл в Петербург в 8:40 и оторвался от слежки.

“Провинциал вступает наконец на территорию столицы”, – иронизировал сноб Троцкий. Сначала Сталин пошел к Сергею Аллилуеву, но не застал того дома. Поэтому он просто ходил взад и вперед по Невскому проспекту, пока не наткнулся на Сильву Тодрию, наборщика, работавшего с ним в Грузии.

Накануне приезда Сталина российский премьер Столыпин был убит в киевском театре прямо перед императорской ложей. Убийцей оказался предатель – тайный осведомитель охранки. Еще один пример того, как опасна была конспирация. Убитый был последним великим государственным мужем Российской империи.

– Время опасное, – предупредил Тодрия Сосо. – После убийства Столыпина полиция повсюду. Дворники проверяют документы.

– Давай найдем поблизости гостиницу, – предложил Сосо. Его поселили в гостиницу “Россия” по паспорту Чижикова.

Дома у Аллилуевых раздался звонок в дверь. “Я шумно обрадовалась нашему… другу Силе Тодрии, – пишет Анна, – но смолкла, увидев за невысоким Силой кого-то, мне незнакомого. В черном пальто, в мягкой шляпе, незнакомец был очень худощав”. Гости спросили Сергея Аллилуева, но его не было дома. Они сели ждать его. Сосо читал газеты. Когда вернулся Аллилуев, они выглянули в окно: шпики снова напали на след Сталина, когда он забирал багаж. Теперь они стояли на улице.

На ночь Сталин вернулся в гостиницу “Россия”. В 7:50 утра 9 сентября в дверь постучали.

– Дайте поспать! – прокричал Сосо: обычно он не ложился до

раннего утра. Полиция ворвалась в номер и арестовала его. У него были обнаружены карты, фотографии, письма, немецкий разговорник (вероятно, он намеревался поехать в Прагу на конференцию, которую устраивал Ленин) и паспорт Чижикова: друг одолжил Сталину не только девушку, но и имя1.

В ожидании решения о судьбе Сталина охранка заточила его в Петербургский дом предварительного заключения. Там Кавказца продержали три недели – не ставя в известность полицию и не пытаясь передать заключенного жандармам. Вероятно, Сталина, как обычно, пробовали завербовать в двойные агенты. 2 октября об аресте сообщили петербургской жандармерии. Полковник Соболев предложил выслать Сталина “в пределы Восточной Сибири… на пять лет”.

Министр внутренних дел А. А. Макаров снизил срок до трех лет. Сталину позволили избрать местом жительства Вологду и отправиться туда своим ходом, а не этапом с преступниками. Описание примет в его деле настолько не совпадает с его действительным обликом, что, возможно, речь шла о другом человеке. Что это – очередная неразбериха? Кто-то получил взятку на Фонтанке, 16 или в Министерстве внутренних дел? Пошел ли Сталин на какую-нибудь сомнительную сделку или же охранка надеялась, что он приведет ее к своим товарищам? Мы не знаем. Но, когда его выпустили с билетом до Вологды, он опять ускользнул от наблюдения и на десять дней исчез в Петербурге – в сущности, снова сбежал.

Он встретился с друзьями – Серго и Спандаряном. “В декабре 1911 года… нам стало известно, что Сталин скрывается от полиции на Петербургской стороне в квартире Цимаковых, – рассказывает Вера Швейцер, любовница Спандаряна. – Мы… пошли к Сталину. Во дворе был деревянный домик с застекленной мансардой. В этой полухолодной комнате и находился Сталин”. Встреча получилась веселой: Сталин “взял нас за руки и с радостью втащил в комнату… Смеялись от души и мы”.

– Оказывается, вы умеете хорошо веселиться! – сказал Сталин.

– Мы можем даже и сплясать в честь твоего освобождения! – ответил Спандарян.

Серго и Спандарян собирались в Прагу на конференцию, где фактически родилась партия большевиков и состоялся развод с меньшевиками. Сталин тоже был приглашен, но не мог поехать из-за новой ссылки. Он передал с Серго и Спандаряном послание Ленину. “У меня на квартире было узкое совещание”, – вспоминает Швейцер. На совещании присутствовали трое

кавказцев. Серго дал Сталину пятьдесят рублей. “Сталин ежедневно менял свою квартиру для ночевки”.

В день Рождества он вернулся в Вологду. Он ходил по улицам в черном пальто и шляпе и искал себе квартиру. Его новым хозяином оказался жандарм в отставке, который “очень не любил Иосифа Виссарионовича” – по политическим соображениям и по некоторым другим: у престарелого жандарма и его жены жила разведенная дочь по имени Мария Богословская. У Марии было трое маленьких детей и 16-летняя горничная Софья Крюкова. Сосо спал на узкой кровати за занавесью рядом с кухонной печью. Но, судя по всему, он завязал новый роман – с разведенной Марией. Горничная Софья записала свои воспоминания в 1936-м, когда ни о каких неурядицах в личной жизни вождя нельзя было говорить. Несмотря на это, Софья дает понять, что у ссыльного были любовные отношения с ее хозяйкой. “С Марией Мефодьевной часто спорили и кричали, из себя оба выходят, кричат, часто в спорах упоминали о женщинах”.

Отбиваясь от ревнивой жандармской дочки, Сталин заигрывал с горничной. “Пришла я раз из деревни с праздника… смотрю, Иосиф Виссарионович из занавески наблюдает за мной, – вспоминает она. – У меня были длинные косы черные и был на мне костюм – японка зеленая с цветами и юбка длинная”.

– Хорошо костюм этот идет к вам, – сказал Сталин. – У нас так девочки в Грузии одеваются.

В 1936-м Софье хватило ума не написать о том, насколько близко она знала Сталина, но ясно, что они проводили много времени, потому что она познакомила его со своим отцом-алкоголиком, которого стыдилась.

– Ничего, у меня отец тоже пьяница, – утешал ее Сталин. – Меня тоже мать больше воспитывала.

Он любил похвалиться своим образованием и знанием иностранных языков. Читая большевистскую “Звезду” и зарубежные газеты, он, к изумлению Софьи, переводил на русский целые абзацы. Он читал ей и по-грузински. “Я засмеялась”, – вспоминает она.

Обычно Сосо приходил домой поздно ночью; в гостях у него бывал только один высокий темноволосый человек, возможно Шаумян или Яков Свердлов, молодой большевик, набиравший влияние. Он встречался и со своим приятелем Чижиковым, которому наставил рога. Любовный треугольник распался – Нарядная вернулась в гимназию. Но Сталин ее не забыл. Вернувшись в Вологду, он отправил своей юной Венере эротическую открытку с Афродитой: “Ну-с, “скверная” Поля, я в Вологде и целуюсь с “дорогим”, “хорошим” “Петенькой”

[Чижиковым]. <…> Выпейте же и вы за здоровье известного Вам “чудака Иосифа”[143].

Убивая время за интрижками с жандармской дочерью и ее горничной, Сталин ждал, чем закончится конференция в Праге. Туда приехало лишь восемнадцать делегатов (признак упадка партии). В Праге был избран первый настоящий большевистский Центральный комитет. В него выбрали Серго и Спандаряна, но восходящей звездой стал кипучий оратор из рабочего класса Роман Малиновский. Ленин был в восторге от этого пролетарского самородка. “Впечатление превосходное, – ликовал он. – Почва богатая…” Малиновский имел примечательный вид: “высокий, крепко сложенный, одетый почти по моде”, “с густыми рыжеватыми волосами и желтыми глазами”. Из-за оспин у него было “свирепое выражение лица, как будто он побывал в огне”. Но у него был один серьезный недостаток: незадолго до конференции он был арестован по обвинению в изнасиловании и ограблении и завербован охранкой. Он получил кличку Портной и получал самую большую плату из всех агентов.

На первом заседании Центрального комитета Ленин и Зиновьев предложили кооптировать в него Сталина[144]. Ленин теперь ценил его как эксперта по национальному вопросу. Он понял, что Сталин был одним из немногих большевиков, которые, как и сам Ленин, предлагали политику, способную завоевать последователей среди различных народов империи, не обещая им при этом независимости. Портной исправно докладывал своим нанимателям в охранке, что в Русское бюро избраны Сталин, Спандарян и Серго и им “назначено жалованье по 50 руб. в месяц”. В отличие от охранки Сталин не сразу узнал о том, что происходило в Праге, и написал Крупской, чтобы разобраться. “Получила письмо от Ивановича [партийный псевдоним Сталина], – сообщала Крупская Серго. – Видно, страшно оторван от всего, точно с неба свалился. <…> Жаль, очень жаль, что он не попал на конференцию”. В зашифрованном послании Сталин умолял Швейцер рассказать о пражских новостях.

Но изоляция подходила к концу. Серго уже ехал в Вологду.

18 февраля 1912 года вологодские шпики зафиксировали, что Кавказец встретился с “неизвестном мужчиной” – без сомнения, Серго. Он сообщил Сталину, что его кооптировали в Центральный комитет, высший орган партии, – этот статус Сталин сохранит на всю жизнь. Кроме того, Орджоникидзе снабдил Сталина деньгами, явками и паролями. Вероятно, тогда Сталин и Крупская (не просто жена Ленина, но и главная партийная шифровальщица) договорились использовать в качестве шифра стихотворение Горького “Валашская сказка” (“Легенда о Марко”).

Сохранился лист, на который Сталин переписал это стихотворение.

Тем временем Ленин, вернувшийся в Париж, забил тревогу: “От Ивановича ничего. Что он? Где он? Как он?” Наконец Серго написал Ленину, что встретился с Сосо: “Окончательно с ним столковались; он остался доволен исходом дела”. Пора было снова исчезнуть. Когда Сталину нужно было уехать из Вологды, он давал полицейским пять золотых рублей. По словам Веры Швейцер, так он убегал пять раз.

Его хозяйка Гаврилова увидела, что он собирает вещи.

– Вы совсем уезжаете?

Подумав, он ответил:

– Да.

Она сказала, что должна известить полицию. Он попросил сделать это завтра. Она согласилась.

Наблюдение установило, что в два часа пополудни 29 февраля он самовольно сел на поезд, идущий в Москву. Но до этого он получил последнее письмо от своей школьницы. Он купил еще одну фривольную открытку, на которой была изображена скульптура – целующиеся влюбленные, – и написал ответ Нарядной:

> Уваж-мая П. Г.!
>
> Ваше письмо передали мне сегодня… <…> По старому адресу больше не пишите, так как там никого нет больше из нас… <…> За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горррррячо (просто целовать не стоит).
>
> *Иосиф.*

Итак, в последний день февраля 1912 года Сталин без разрешения сел в поезд, идущий в столицу через Москву. Новый член ленинского ЦК отправился в путь[2].

Глава 28
“Не забудьте это имя и будьте очень осторожны!”

“В один из зимних холодных и мрачных петербургских дней… я сидел над каким-то курсом, – рассказывает Кавтарадзе, студент Петербургского университета, преподававший сестрам Аллилуевым математику. – Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Сталин… <…> Я знал, что он находился в ссылке. С обычным веселым и приветливым выражением лица, несмотря на трескучий мороз, в демисезонном пальто, он… не раздеваясь, сказал: “Я у тебя некоторое время побуду”. <…> “Я немного отдохну… Я сейчас из Москвы. <…>. В Москве на вокзале я заметил слежку, и… когда я вышел здесь из вагона, увидел того же самого шпика… Сейчас он торчит на улице”.

“Дело было ясно и серьезно”, – пишет Кавтарадзе. Они ждали до темноты. Кавтарадзе решил, что выход только один: Сталину придется одеться в женское платье. Он достал несколько платьев, а Сталин примерил их – но маскировка была заметна. “Я имел возможность тут же достать женскую одежду, – вспоминал Кавтарадзе, – но преображение Сталина в женщину было совершенно безнадежно”.

Сталин заметил: шпик “сразу не взял, видимо, хочет проследить”. “Я пока прилягу”.

– Да, поспи. Может быть, он не выдержит мороза. Как армия Наполеона, – пошутил Кавтарадзе.

– Выдержит, – заверил Сосо, лег спать и проспал весь день. Но, когда они вышли на улицу, агент был тут как тут.

– Походим пока, – предложил Сосо.

Он проголодался, поэтому друзья зашли в ресторан Федорова, но филер поспел и туда.

– Черт возьми! – выругался Сталин. – Как из-под земли появляется!

Мимо проезжал “лихач”. Сталин остановил его, вскочил в сани и “понесся стрелой”, но шпик сел в следующие. Началась погоня – сани друг за другом мчались по Литейному проспекту. Когда явочная квартира была уже недалеко, Сталин выпрыгнул в сугроб, и снег облепил его с ног до головы. Перед самым его носом “промчались охранники, догоняя пустые сани”[145].

“Через три дня Сталин, переодетый в форму студента военно-медицинской академии, вышел из своего убежища…” В тот год это была основная его петербургская маскировка. Он остался в

городе где-то на неделю. Сталин получил новое задание – превратить еженедельную большевистскую газету “Звезда” в ежедневную “Правду”.

Сталина привели на квартиру к Татьяне Словатинской – образованной, красивой 33-летней большевичке. Она была сиротой, занималась самообразованием, училась в консерватории и была поклонницей Шаляпина. Подпольный агент Ленина Елена Стасова научила ее составлять шифры. Татьяна была замужем за революционером-евреем по фамилии Лурье, у них было двое детей. Она часто укрывала у себя беглых большевиков – один из них привел “кавказца с партийной кличкой Василий”; “примерно с неделю он жил с нами”.

“Василий” (новый псевдоним Сталина) ей поначалу не понравился. “Он показался мне сперва слишком серьезным, замкнутым и стеснительным. <…> С трудом я настояла, чтоб он спал с большой комнате и с бóльшими удобствами. Уходя на работу, я каждый раз просила его обедать с детьми, оставляла соответствующие указания работнице[146]. Примерно с неделю он жил с нами. Я как связист ПК выполняла и его поручения…” Сталин сделал ее своей секретаршей перед выборами в Думу. Словатинская была женщиной вполне раскрепощенной, в духе ранних феминисток. Он завел роман с “милой, дорогой Татьяной” – об этом было “известно” советским вождям.

Иногда Сталин приходил к Аллилуевым. Анне Аллилуевой та зима в Северной Венеции запомнилась “снежными сугробами, морозами, ледяной санной дорожкой”. “Выехали на улицы украшенные лентами, звенящие колокольчиками и бубенцами низкие финские саночки. <…> Коренастые лошадки… несли по укатанной дорожке смеющихся седоков”. Анна и ее младшая сестра Надя прилипли к окнам – они мечтали покататься на санях. И тут появился Сосо: “А ну, кто хочет прокатиться на вейке? Живо одевайтесь, поедем сейчас же!” Девочки пришли в восторг. “Мы все вскочили с радостными восклицаниями, – рассказывает Анна. – <…> Нам предлагают прокатиться… И кто приглашает – Коба, Сосо!” – тот, чьи статьи они с интересом читали. Теперь девочки узнали его получше: “Обычно молчаливый и сдержанный, он часто по-молодому смеется и шутит, рассказывает забавные истории. Он любит подмечать смешные черточки у людей и передает их так, что, слушая, люди хохочут”. Но в этот раз он спешил.

“Все, все одевайтесь!.. Все поедем”, – Сосо торопил Надю, Федю и работницу Феню надевать шубы.

На улице Сосо подозвал кучера: “Прокатишь!”

Сталин был в хорошем настроении. “Каждое слово вызывает

смех. Сосо хохочет с нами… <…> Санки скользят по Сампсониевскому проспекту, проезжают мимо станции, откуда паровичок везет пассажиров…” Вдруг Сосо спрыгнул с саней, вспомнив о конспирации: “Стоп! Я здесь сойду. А вы езжайте обратно”. И большевик-Макавити скрылся на платформе. В самом ли деле он хотел порадовать детей – или устроил все это, чтобы отвязаться от шпика?

Сосо вновь исчез. Полиция потеряла его след, но угадала, что вскоре он должен появиться на Кавказе1.

16 марта 1912 года двойной агент Фикус доложил, что Сталин вернулся в Тифлис, где остановился у учительницы пения, преподававшей в школе Общества учительниц. Заведовала школой строгая Елена Стасова[147]. Хозяйке было велено “не спрашивать имени гостя”, но Сталин, который, вероятно, скучал по дому, пел с ней грузинские песни.

Сосо встретился со своим другом – ловеласом и членом ЦК Спандаряном – и со Стасовой. Он навестил сына Якова, которого Сванидзе растили как своего вместе с другими детьми. Чета Монаселидзе была поражена бесчувственностью Сталина. Как писала Сашико, ее племянник, которого мать оставила сиротой, фактически рос и без отца. Сосо не задержался в Тифлисе надолго – он отправился в Батум, а затем в Баку2.

Там опять шла охота на предателей: меньшевики расследовали деятельность Спандаряна, пытаясь доказать, что он либо подделал партийную печать, либо был завербован охранкой. Сталин защищал своего друга. Меньшевики не разрешили Сталину посетить допрос, но согласились послать к нему своего представителя. Представителем оказался меньшевик Борис Николаевский. Много лет спустя в солнечной Калифорнии он будет писать хроники подполья. Николаевский решил спросить совета – в бакинском кафе он встретился с большевиком Авелем Енукидзе, любящим крестным отцом Нади Аллилуевой, другом Сванидзе и знакомым Сталина, скептически настроенным по отношению к нему. Пройдет время, и Сталин его уничтожит.

– Вам знакомо имя Коба? – спросил Енукидзе Николаевского.

– Нет, – ответил Николаевский.

– Коба, – объяснил Енукидзе, – это опасный человек, способный на все!

Енукидзе сказал, что грузины отличаются от русских:

– Мы – люди мстительные.

Николаевский засмеялся и произнес, изображая кавказский акцент:

– Что же, он мэня нэмножко порэжет кынжалом?

– Не смейтесь, – серьезно ответил Енукидзе. – Если ему будет нужно, он перережет вам горло. Здесь вам не Великороссия, здесь старая Азия. Не забудьте это имя и будьте очень осторожны.

За такие откровения о своем “опасном” товарище Енукидзе дорого заплатит…

“Когда я пришел, он ждал меня, сидя в тени, чтобы ему было меня хорошо видно”, – вспоминает встречу со Сталиным осторожный Николаевский. Вероятно, вопрос со Спандаряном они прояснили, но, находясь в Баку, Сталин приказал своим маузеристам убить бывшего матроса с броненосца “Потемкин”. Он обвинил матроса в сотрудничестве с охранкой. “Его застрелили и бросили умирать, – пишет Николаевский. – Но он пришел в себя и потребовал реабилитации”.

Меньшевики поручили Николаевскому, который “очень заинтересовался старыми делами Кобы”, провести расследование. Но Николаевского арестовали, а Сталин опять скрылсяз.

“Необходимо немедленно отправить в Питер Ивановича [Сталина]”, – написала Крупская Серго в Киев. Сталину и Серго, двоим амбициозным грузинам, которые впоследствии будут властителями СССР, нравился новый высокий статус членов ЦК. Стасова с недовольством отмечала, что Серго и Иванович раздают указания, но ничего не говорят о том, что происходит вокруг. Через несколько дней был арестован Спандарян.

Сталин поспешил на север. На вокзале Ростова-на-Дону, в буфете, он коротко переговорил с гражданской женой Спандаряна Верой Швейцер, после чего прибыл в Москву к Серго[148]. Там они встретились с Малиновским. Малиновский их и выдал. Уезжая из Москвы, грузины заметили за собой “хвост”. Агенты охранки видели, как они садятся в поезд, но, уже когда состав тронулся, Сталин выпрыгнул из вагона. Петербургская охранка только через шесть дней поняла, что Сосо в столице нет.

Тайная полиция, пользуясь наводками Малиновского и других двойных агентов, решила разделаться с ЦК. 14 апреля арестовали Серго, но мастер конспирации Сосо сумел еще какое-то время водить за нос шпиков и тайком приехал в столицу.

Тем временем революция вдруг получила кровавый стимул. 4 апреля войска расстреляли рабочих с золотых приисков на берегах реки Лены. Погибло 150 человек. Сталин торжествовал на страницах “Звезды”: “Ленские выстрелы разбили лед молчания, и – тронулась река народного движения. Тронулась!..” По всей империи прокатились забастовки. На вопросы депутатов Думы министр внутренних дел Макаров не смущаясь ответил: “Так было, так будет!”

Сталин был просто вне себя от восторга. “Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!” – писал он в другой статье[149]. Ленин объявил о “революционном подъеме”.

В Петербурге Сталин жил у Н. Г. Полетаева, представителя социал-демократов в Думе, – полетаевская квартира охранялась депутатской неприкосновенностью. Здесь Сталин виделся и с помощницей Полетаева Татьяной Словатинской. “В бесте у “неприкосновенного” Полетаева” Сталин начал руководство еженедельной “Звездой” и написал несколько страстных статей. Троцкий полагал, что Сталин изъяснялся “словами тифлисской гомилетики”. Но статьи эти могли волновать, в отличие от будущей свинцовой пропагандистской ахинеи. Сестры Аллилуевы читали их друг другу вслух. Их любимая статья начиналась так: “Закованная в цепях, лежала страна у ног ее поработителей”. Сосо, у которого “кипела алая кровь”, написал восхитивший многих памфлет к Первому мая, куда включил неожиданный гимн Природе, последнее обращение к романтической поэзии: “… природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость обновления, а природа предается пляске и ликованию…”[150]

Сталин вспоминал: “В середине апреля 1912 года… [мы] договорились о платформе “Правды” и составили первый номер”. Первая большевистская ежедневная газета, родившаяся в трех комнатках, была легальной, но ее главный редактор – нелегал Сталин – должен был работать в тени. Финансировал “Правду” Виктор Тихомирнов – сын богатого казанского купца, оставившего ему 300 000 рублей наследства. Другом детства Тихомирнова был Вячеслав Скрябин – Молотов. Тихомирнов передал на организацию газеты тысячи рублей – через Молотова, основателя “Правды”.

Сталин решил, что пора встретиться с этим молодым человеком. Молотову было сказано ждать во дворе за кабинетом зубного врача; рядом находилась большевистская типография. Сталин появился из ниоткуда – вышел из-за поленницы. Сосо любил подобную таинственность. Его кошачье обаяние произвело большое впечатление на Молотова, человека скучного, но еще молодого, никогда раньше не встречавшего членов ЦК.

“Я не видел, откуда появился он (в форме студента-психоневролога). Кратким опросом мы информировали друг друга”. Молотов обратил внимание на оспины и грузинский акцент. “Он задал самые существенные вопросы, не тратил ни секунды на ненужные… <…> Он передал кое-что для “Правды”. Ни одного лишнего жеста… И исчез так же внезапно, как и

появился. Он перемахнул через забор… Все это было сделано с классической простотой и законченностью”.

На другой день почти влюбленный Молотов рассказывал другу: “Удивительный. В нем внутренняя революционная красота. Большевик до кончика волос… Умный, ловкий, конспиративный”. Так началась их совместная работа, которая продлится сорок один год.

Осторожность Сосо была понятна: он остался чуть ли не единственным членом ЦК на свободе. Серго и Спандарян попали за решетку. 22 апреля вышел первый номер “Правды”. Когда Сталин выходил из парламентского убежища Полетаева, охранка арестовала его. К июню благодаря предательству Малиновского на свободе оставался лишь один малоэффективный член ЦК. Организация опять была разрушена. Стасова спешно приехала из Тифлиса, но ее тоже арестовали.

2 июля Сталина, приговоренного к трем годам ссылки, отправили в Сибирь4. Впоследствии приближенные льстили Сталину, называя его “доктором беглых наук”. Эта ссылка оказалась самой короткой.

Глава 29
Беглец. Прыжок Камо и последнее ограбление

По дороге в Томск, где-то под Вологдой, Сталин встретился с Борисом Николаевским, меньшевиком из Баку. Сосо ни о чем ему не рассказал, но позаимствовал у Николаевского любимую синюю чайную кружку – и не вернул.

18 июля 1912 года он прибыл в Томск. Его посадили на пароход, который доплыл по Оби до Колпашева. Здесь Сталин провел неделю и повидался с меньшевиком Семеном Верещаком, с которым сидел когда-то в Баиловской тюрьме. Он пообедал с Верещаком и Семеном Суриным – меньшевиком и агентом охранки. Следующим пароходом, шедшим вверх по реке, он отправился в непосредственное место ссылки – Нарым, где его встретил Яков Свердлов, еще один молодой член ЦК.

В Нарыме вполне можно было жить. В 150 домах здесь ютилась 1000 обитателей. Земля была плодородной, леса полны дичи, но шел разгар лета, и над болотистой местностью летали тучи комаров. Ссыльных здесь было тоже много. Они даже открыли свои кафе, мясную лавку и магазин колониальных товаров. Но Сталина больше заинтересовало то, что здесь было два “бюро”, устраивавших побеги.

Его нарымская хозяйка Ефросинья Алексеева вспоминала, что он пришел к ним домой в русской расшитой рубашке с открытым воротом, из-под которого виднелась голая грудь. Она не хотела его пускать, потому что у нее уже жили двое ссыльных, но он зашел в комнату, огляделся, поговорил с товарищами и въехал, оказавшись соседом Свердлова.

Сын богатого еврея-печатника из Нижнего Новгорода, 27-летний Яков Свердлов носил круглые очки, у него были “пышные темные волосы”. Но самая примечательная его особенность – то, что у этого внешне кроткого человека “удивительной мягкости” был “громовой голос, прямо черт знает как из такого маленького человека такой чудовищный голос идет, – смеялся Молотов. – Иерихонская труба!” Он походил на тот тип еврея-интеллигента, который Сталин ненавидел, но на самом деле был безжалостным и непритязательным организатором. Двое наиболее выдающихся большевиков в России оказались под одной крышей, и они друг друга раздражали.

Ленивый эгоист Сталин отлынивал от работы по дому. Педантичному Свердлову приходилось делать все самому.

“Любил я ускользнуть лишний раз на почту”, – со смехом говорил потом Сталин Свердлову и сестрам Аллилуевым. “Свердлову поневоле приходилось хозяйничать – топить печку, заниматься уборкой”.

– Сколько раз старался провести тебя, увильнуть от хозяйства. Проснусь, бывало, в свое дежурство и лежу, будто заспался…

– А ты думаешь, что я этого не замечал? – отвечал Свердлов. – Прекрасно замечал.

Местные грузины под предводительством ссыльного по прозвищу Князь, узнали, что к ним приехал “большой человек” Сосо, и устроили для него грузинский пир. Гости пели по-русски и по-грузински, плясали лезгинку. Во время танцев 25-летняя нарымская домохозяйка Лукерья Тихомирова наткнулась на “грузина в двубортном черном пальто”, который представился Джугашвили. Но на сей раз Сталин не собирался флиртовать: он держал на коленях двухлетнюю племянницу Лукерьи и даже не пил.

“Такой молодой, а уже трубку курите”, – кокетливо сказала Лукерья. Но Сосо не поддался искушению. У члена ЦК было много чего на уме: “Правда”, выборы в Думу – и большое ограбление банка. Он не планировал оставаться в ссылке надолго.

Ленин и Крупская, переехавшие из Парижа в Краков, советовали Сосо и Свердлову бежать. Свердлов бежал первым, но был пойман. Настала очередь Сосо.

Алексеева вспоминала, что ее сыновья отвезли Сталина на лодке на пристань.

– Книги я оставляю моим товарищам, – сказал Сосо, доставая из недавно полученного свертка яблоки, сахар и две бутылки хорошей водки. Затем он сел в лодку к Якову и Агафону Алексеевым. “Ночь была темная, без луны, морок был – пасмурно”, – вспоминает Яков Алексеев. Братья подвезли его к пристани и спросили, когда он вернется.

“Может, вернусь, может, нет”, – ответил он. 1 сентября он сел на пароход, идущий в Томск. Свердлов последовал за ним, они плыли вместе. Сталин повел себя как обычно – эгоистично и по-командирски: в поезде он выдавал себя за коммивояжера. Он купил себе билет в первый класс, а миниатюрного Свердлова заставил залезть в корзину со своим грязным бельем. В купе зашел жандарм. Корзина ему не понравилась, и он собирался уже проткнуть ее штыком; Свердлов закричал: “Здесь человек!” Сталин с улыбкой вовремя дал жандарму взятку. Так они доехали до Петербурга[151]. Мастер побегов провел в Нарыме всего тридцать восемь дней1.

Около 12 сентября весьма неопрятно выглядящий Сталин (“он оброс бородой, на голове измятое кепи, одет в поношенный пиджак сверх черной блузы… ботинки стоптаны”) вновь появился на Невском проспекте. В сравнении с бульварными франтами и модными дамами он выглядел подозрительно – беглый каторжник, да и только. Здесь он увидел Кавтарадзе.

“Я из Нарыма, – сказал Сталин. – Добрался до Питера довольно благополучно… Но вот беда: явки есть, ходил, никого не застал… Хорошо хоть, тебя встретил”. Вид растрепанного Сталина “на фоне респектабельного Невского проспекта” встревожил Кавтарадзе. Он немедленно отвел Сосо на новую конспиративную квартиру к “некоей контр-адмиральской вдове” – возможно, баронессе Марии Штакельберг[152], которая сдавала комнаты студентам-грузинам. Затем Сосо и Свердлов переселились к Аллилуевым.

Сталин посетил квартиру Стасовой и забрал оттуда кассу ЦК, которую Елена перед арестом оставила своему брату. Кроме того, он нечаянно встретился с бывшей подругой.

“Я бежала, торопясь на урок, по Староневскому проспекту, – рассказывает Татьяна Сухова, – и вдруг чувствую, что сзади чья-то мужская рука опускается мне на плечо. Я вздрогнула и вдруг слышу знакомый голос: “Не пугайтесь, товарищ Таня, это я!” Передо мной тов. Осип Коба…” Они договорились о встрече “на собрании рабочих”. Потом они вдвоем гуляли, и “проходя мимо буфета, он купил красную гвоздику и подарил ее мне”.

Через несколько дней он прибыл в Тифлис, куда уже съезжались его большевистские бандиты. Камо был на свободе2.

Сталин издали следил за судьбой своего помешанного разбойника. В Тифлисе Буду Мдивани и Цинцадзе готовились выкрасть заключенного из больницы Метехской крепости. Тамошний врач отмечал безумное поведение Камо: “Жалуется, что его беспокоят мыши, хотя мышей в здании нет. Пациент страдает галлюцинациями. Слышит странные голоса, говорит с кем-то, ему отвечают”. Надзиратель отмечал, что “Тер-Петросян ночью встает, кого-то ловит в воздухе, залезает под стол, пытается что-то отыскать… жалуется, что кто-то бросает в его камеру камни; на вопрос, кто, отвечает: “Брат дьявола”. На самом деле Камо обдумывал побег.

Надзирателем при Камо был простофиля по фамилии Брагин; Камо постепенно обаял его и сделал своим посыльным. Мдивани и сестры Камо встретились с Брагиным и передали ему инструменты для побега, пилы и веревки, которые тот принес

пациенту. Камо перепилил решетку и заклеил места распила хлебом. На то, чтобы перепилить кандалы, у него ушло пять дней; до поры он скреплял их проволокой.

15 августа 1912 года маузеристы Мдивани и Цинцадзе трижды помахали платком с улицы. Камо разбил кандалы, вышиб прутья и стал спускаться по веревке. Веревка оборвалась. Камо, почти не чувствовавший боли, упал в Куру. Выбравшись на берег, он зашвырнул кандалы в реку и прошел до ближайшей улицы, там сел в трамвай (чтобы сбить со следа поисковых собак), а затем уже встретился с маузеристами.

Сашико Сванидзе вспоминает, что однажды ночью (полиция прочесывала город, пресса делала из побега сенсацию) “пришел товарищ Буду Мдивани и рассказал Мише [Монаселидзе], что накануне вечером они помогли Камо бежать из сумасшедшего дома… Они привели Камо, который жил у нас месяц”. Сашико с сыном Сталина и собственными детьми была в деревне, но Камо в течение месяца ухаживал за Монаселидзе, готовил ему вкусные блюда. Замаскировавшись, он бежал за границу через Батум и Стамбул.

“К нам в Париж приехал… Камо, – вспоминает Крупская. – Он страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичом с одной стороны и Богдановым и Красиным[153] с другой”. Он был поражен ссорой троих героев, ради которых он совершал самые дерзкие свои ограбления. Камо пребывал в нерешительности, а Ленин “слушал, и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем”. Как и Сталин, Ленин знал, что забота о своих протеже – повод их контролировать. Он предложил заплатить за операцию на глазу Камо. После операции, проведенной в Брюсселе, Камо начал вновь возить в Россию оружие. Его арестовывали в Болгарии и Стамбуле – всякий раз он умудрялся выбраться на свободу. Вернувшись в Тифлис, Камо созвал дружину. Ожидалось, что по главной улице Тифлиса проедет почтовая карета с огромной суммой денег. Около 22 сентября Сталин, отвечавший за финансы партии внутри России, тоже приехал в Тифлис.

Очевидно, именно тогда Цинцадзе (Сталин вспоминал об этом после Второй мировой войны) произнес воодушевляющую речь перед бандитами в комнате Тамамшевского караван-сарая на Эриванской площади. Затем они поскакали к Коджорскому шоссе.

24 сентября в пяти километрах от Тифлиса Камо, Цинцадзе, Куприашвили и еще восемнадцать стрелков напали на карету. Бандиты метали в полицейских и казаков бомбы: были убиты трое полицейских и форейтор. Четвертый полицейский, раненый, открыл по грабителям огонь. Началась ожесточенная перестрелка.

Разбойникам не удалось взять деньги. Казаки дали отпор. Когда дружина отступила, казаки погнались за ней, но Цинцадзе и Куприашвили, оба меткие стрелки, прикрыли отступление и в безумной погоне по Коджорскому шоссе подстрелили семерых казаков.

Это был последний привет от дружины. Камо и восемнадцать его бандитов были найдены в укрытии и арестованы. Камо получил четыре смертных приговора.

“Со смертью я примирился, – писал Камо Цинцадзе. – Совершенно спокоен. На моей могиле давно бы могла вырасти трава вышиною в три сажени. Нельзя же все время увиливать от смерти. Когда-нибудь да нужно умереть. Но все-таки попытка не пытка. Постарайся что-нибудь придумать. Может, еще раз посмеемся над врагами”з. Шансов на это было немного[154].

Сосо в Тифлисе не задержался.

Глава 30
Разъезды с загадочной Валентиной

Сталин вернулся в Петербург через несколько дней после неудачного ограбления. Он редактировал “Правду” и жил в одной квартире с Молотовым и Татьяной Словатинской. Сталин выдавал статью за статьей[155], набрасывал Манифест и руководил выдвижением кандидатов на выборы в Думу. В середине октября он наблюдал за отбором большевистских кандидатов в Петербурге, а затем за выдвижением Малиновского в Москве.

Жизнь беглеца Сосо превратилась в череду “бессонных ночей… Ему… приходилось сбивать со следов полицию… Путая охранников, они пересекали улицу за улицей, проходили переулками, – вспоминает Анна Аллилуева. – Если попадался трактир, входили туда. За стаканом чая можно было сидеть до двух часов ночи. Если… натыкались на городового, изображали подгулявших ночных прохожих. Потом можно было снова набрести на извозчичью чайную и среди кучеров в махорочном чаду дождаться утра и спокойно добраться до чьей-нибудь квартиры”. Часто это оказывалась квартира Аллилуевых, где жила любвеобильная Ольга и ее веселые дочки. Сталин “заходил” к ним и, “усталый, садился на диван в столовой”.

Девочки всегда были рады его видеть. Их мать Ольга заботилась о нем. “Если хотите немного отдохнуть, Сосо, – говорила она, – прилягте на кровать… Здесь, в этом гаме, разве дадут задремать”. Воспоминания Анны позволяют предположить, что Сосо с Ольгой по-прежнему связывали особые отношения – по крайней мере, они оба были преданы одному делу. Уходя от Аллилуевых, он мог сказать Ольге: “Выйдемте со мной”. Ольга “ни о чем не расспрашивала. Оделась, вместе со Сталиным вышла на улицу. Они наняли извозчика и поехали, обо всем условившись заранее. По знаку Сталина мама сошла. Он, видимо, сбивал шпионов со своих следов. Дальше он поехал один”.

Однажды Сталин пригласил Ольгу в Мариинский театр: “Пожалуйста, Ольга, пойдите сейчас же в Мариинский театр, успеете к началу”. Но перед самым спектаклем он сказал: “Хотелось хоть раз побывать там… Видите, не удается”. Ольге пришлось идти в театр одной и передавать сообщение товарищам Сталина, ждавшим в ложе.

25 октября 1912 года шесть большевиков и шесть меньшевиков прошли в Думу – неплохой результат. Карло Чхеидзе, которого Сталин разозлил в 1901 году в Батуме,

возглавил фракцию социал-демократов, а Малиновский стал его заместителем. Среди шестерки депутатов-большевиков оказалось двое агентов охранки – выдающееся конспиративное достижение. Охранка проникла в ближний круг Ленина.

В “Правде” Сталин писал о необходимости соглашения с меньшевиками. Когда большевики планировали устроить устроить демонстрацию у Думы, меньшевики их отговорили. Это встревожило Ленина – он забрасывал Сталина статьями, в которых критиковал его примиренческую политику. Примечательно, что Сталин не принял сорок семь статей Ленина. Ленин, живший теперь в Кракове, вызвал к себе Сталина и шестерых депутатов. Один из большевистской шестерки вспоминал: “Сталин заявил: надо депутатам-большевикам во что бы то ни стало поехать за границу к Ленину”.

28 октября шпики сообщали, что Сталин отправился к своему другу Кавтарадзе. Шпики следовали за ними до их любимого ресторана Федорова, но затем потеряли след. Сосо искали, но он исчез1.

Ленин поручил Валентине Лобовой, еще одной раскрепощенной девушке поколения большевиков, ехать со Сталиным. Она уполномочила Александра Шотмана, ленинского “министра иностранных дел” и тайного посредника, доставить Сталина в Краков “с максимальной быстротой и с абсолютной безопасностью… Это директива Ленина”. Сталин “прибыл в Петербург с Валентиной Лобовой” – как тактично писал Шотман, “остановился он в гостинице в качестве персидского гражданина, имея в кармане хороший персидский паспорт”. Шотман рассказал о двух маршрутах в Краков: более рискованном южном, через Або, и более долгом, но и безопасном – пешком через шведскую границу в районе Хаапаранта. Сталин выбрал путь через Або. Затем они с Валентиной Лобовой в крытом экипаже выбрались из Петербурга. По российским паспортам со станции Левашово они уехали на поезде в Финляндию. В Финляндии Эйно Рахья, впоследствии охранявший Ленина, предоставил Сталину финский паспорт и препроводил путешественников на паром в Або. “Два полицейских… проверяют документы… Тов. Сталину вручили финский заграничный паспорт, хотя сам он был мало похож на финна. <…> К счастью, все прошло благополучно”. Сталин и Валентина отправились на пароме в Германию.

Это еще одна неясная связь Сосо. Валентина (партийный псевдоним – товарищ Вера) была красавицей, замужем за большевиком, оказавшимся “кротом” из охранки: никогда еще в партии не действовало столько предателей. Неизвестно, знала ли она о том, что ее муж – двойной агент, но Ленин ей полностью

доверял. Из воспоминаний Шотмана ясно, что Сосо по паспорту безвестного перса какое-то время путешествовал с Валентиной. Сначала они прибыли в Гельсингфорс и вместе жили в одной комнате гостевого дома: это было “в конце лета”, возможно, в сентябре, вскоре после бегства из Нарыма. Шотман дает понять, что здесь они были вместе. Вероятно, в дни долгих путешествий уже после сентября 1912-го они стали любовниками – типичный незначительный роман, случающийся при выполнении опасных заданий… Впоследствии муж Валентины был изобличен и казнен, и, вероятно, это повлияло на отношение Сталина к вероломным женам[156].

Вдвоем они сели на поезд до Кракова, столицы Галиции, провинции двуединой монархии государя императора Франца-Иосифа2.

Ленин обожал Краков. Галицкая столица – древний польский город. Здесь в королевском замке стояли гробницы польских королей. Здесь в 1634 году был основан Ягеллонский университет.

Квартиру в доме 49 по улице Любомирского Ленин, Крупская и ее мать делили с членом ЦК Зиновьевым, его женой и сыном Степаном. Ленин и Зиновьев составляли Заграничное бюро партии, Крупская была его секретарем. В Кракове пышным цветом цвели политические интриги – это напоминало Ленину о родине. “Краковская эмиграция не походила на парижскую или швейцарскую, – писала Крупская. – Связи с Россией установились… самые тесные”: 4000 из 150 000 жителей были эмигрантами из России (по национальности в основном поляками). “Краков Ильичу очень нравился, он напоминал Россию”.

Сам Ленин с удовольствием катался на коньках, а Крупская ходила за покупками в старинный еврейский квартал, где было дешевле. “Ильич… похваливал “квасне млеко” [кислое молоко с картофелем] и польскую “моцну старку” (крепкую водку)”. Он играл в прятки с сыном Зиновьева, прятался под столом и говорил: “Не мешайте, мы играем”. И конечно, он с нетерпением ждал Сталина и шестерку депутатов.

Сталин приехал в Краков на первой неделе ноября. Он встретился с Лениным и Крупской, спал у них в кухне на диване. Ленин околдовал Сталина, Малиновского и еще одного депутата – Муранова; при этом он ругал их, категорически возражая против любого объединения или примирения с меньшевиками. Ленинские большевики должны были остаться отдельной партией.

Хоть Ленин и был высокообразованным дворянином, грубоватое чувство юмора и железная воля помогали ему держать в узде “людей дела”. Он радушно принял Сталина, и тот чувствовал себя как дома. Они сблизились на почве голода. Крупская готовила неаппетитные немецкие блюда. Сталин терпел два дня, но потом не выдержал и признался Ленину: “Я есть хочу. Сейчас бы шашлыка…” Ленин ответил: “Вы знаете, я тоже ужасно есть хочу, но только боюсь сказать Наде, а то она обидится. Скажите, есть у вас деньги? Давайте где-нибудь поедим”. Но вот взгляды на тактику у них расходились. Это был один из множества случаев, когда Ленин стоял за более жесткое решение, чем Сталин. Тот жаловался: “Ильич рекомендует “твердую политику” шестерки внутри фракции, политику угроз большинству фракции [меньшевиков]… но Ильич уступит”.

Через десять дней Сталин вернулся в Петербург – скорее всего, по паспорту-“полупаску”: такие документы позволяли тем, у кого были родственники за границей, ездить к ним и обратно. Он полагал, что Ленин оторвался от реальности, и оставался упрямым примиренцем. Ленин подумывал о том, чтобы отстранить Сталина от “Правды”з. Когда собралась новая дума, Малиновский зачитал манифест, возможно, написанный Сталиным; манифест был выдержан в дружественном тоне по отношению к братьям-меньшевикам. Вопреки воле Ленина Сталин даже тайно встретился с Жорданией и Джибладзе, своими давними врагами из числа меньшевиков[157].

Ленин забрасывал Сталина требованиями вновь приехать в Краков, чтобы обсудить национальный вопрос – и проблему “Правды”. Сначала Крупская заманивала Сталина в Краков под видом спасения от ареста: “Васильева [Сталина] как можно скорее гоните вон, иначе не спасем, а он нужен и самое главное уже сделал”. Сталин открестился от поездки, сказавшись больным.

“Для К. Ст. Дорогой друг, – написала Крупская Сталину 9 (22) декабря, впервые называя его новым именем – Коба Сталин, – кажется, вы собираетесь… сами не приехать… Если это так, то мы самым категорическим образом против этого протестуем. <…> Независимо даже от условий вашего здоровья ваше присутствие, безусловно, обязательно. И мы категорически требуем его. Вы не имеете права поступить иначе”. Сталин начал готовиться к поездке – снова в компании Лобовой. Ленин и Крупская обрадовались: “Надеемся, что скоро приедут к нам Вася [Сталин] и Вера [Валентина] с детьми [шестеркой депутатов]”.

15 декабря Дума была распущена на каникулы4. Сталин и Валентина отправились в Краков[158] – вероятно, по ближнему, но

рискованному маршруту. В поезде двое пассажиров читали вслух националистическую газету. “Как вы можете читать такую чепуху!” – возмутился Сталин. Они с Валентиной сошли в польском городке у русско-австрийской границы и пересекли ее пешком, как контрабандисты.

Это будет самое долгое путешествие Сталина за границу. Накануне Первой мировой войны он окажется в Вене, на перекрестке цивилизаций.

Глава 31
Вена, 1913. “Чудесный грузин”, австрийский художник и старый император

В маленьком приграничном городке Сталин никого не знал. Но он прекрасно умел импровизировать. Он ходил по улицам, пока сапожник-поляк не спросил его:

– Вы нездешний?

– Мой отец тоже был сапожником, там, на моей родине, в Грузии, – ответил Сталин, знавший, что и грузины, и поляки были узниками “тюрьмы народов”. – Мне надо сегодня же перейти границу.

Поляк предложил ему помощь и не взял денег. Рассказав эту историю после революции, Сталин задумался, “точно вглядывался в прошлое”. “Хотел бы я знать, где сейчас этот человек, что с ним сталось? Как жаль, что я забыл его имя и не могу его разыскать”. Как многие, кому случилось помочь Сталину в его молодости, сапожник, возможно, потом пожалел, что не закопал грузинского гостя где-нибудь в лесу между двумя империями. Сталин никогда не упоминал, что путешествовал в компании Валентины Лобовой.

Перейдя границу и оказавшись в Галиции, Сталин хотел поскорее добраться до Ленина, но был “страшно голоден”. Он зашел в буфет на вокзале в Тшебине, где тут же оскандалился. Он подозвал официанта по-русски. “Официант то и дело провозил на тележке еду”, но на Сталина не обращал никакого внимания, пока тот не потерял терпение: “Это возмутительно! Всех обслуживают, кроме меня!” Поляк не подал ему суп, Сталину пришлось принести его самому. “В бешенстве я хватил тарелку об пол, швырнул официанту рубль и вышел вон”. Когда он добрался до Ленина, то уже сходил с ума от голода.

> Мы едва поздоровались, и я выпалил:
>
> – Ленин, дайте мне сейчас же что-нибудь поесть. Я полутруп. Я ничего не ел со вчерашнего вечера.
>
> – Что же вы не поели в Тшебине? Там хороший ресторан.
>
> – Поляки мне ничего не дали.
>
> – И болван же вы, Сталин! – засмеялся Ленин. – Разве вы не знаете, что поляки считают русский язык языком угнетателей?[159]1

Должно быть, Ленин подивился такой слепоте – или “великодержавному шовинизму” – своего предполагаемого “эксперта” по национальному вопросу. Но у Сталина постепенно развилась типично русская вражда к польской независимости.

Ленин и Сталин сдружились как никогда прежде. “Меня так гостеприимно встречали! – вспоминал пожилой Сталин. – Он [Ленин] никуда меня не отпускал, уговаривал оставаться с ними; я у них завтракал, обедал и ужинал. Я только дважды нарушил установленное правило: предупредил Крупскую, что к обеду не явлюсь, и ходил в старые районы Кракова, где было множество кафе”. Любимым рестораном Сталина был “Гавелка” – он и сейчас работает на площади Главного рынка. Ленин беспокоился, если Сталин обедал в городе.

– Послушайте, старина, вы уже второй раз обедаете не с нами – мы вас что, плохо кормим?

– Нет, товарищ, мне все очень нравится, просто неловко, что вы меня всем обеспечиваете.

– Но вы же наш гость, – настаивал Ленин. – И что, хорошо вы поужинали в ресторане?

– Еда была неплохая, а вот пиво – превосходное.

– А, теперь понимаю, – сказал Ленин. – Вы скучаете по пиву. Что же, будет теперь вам пиво и дома, – и он “попросил свою тещу каждый день ставить гостю две-три бутылки пива”. Сталин был вновь тронут заботой Ленина.

“Ильич нервничал тогда по поводу “Правды”, – вспоминает Крупская. На самом деле Ленина выводили из себя сталинские примиренческие передовицы. “Нервничал и Сталин. Столковывались, как наладить дело”. Перед Лениным стояло несколько задач: он хотел утвердить контроль над “Правдой”, разработать национальную политику и продвинуть ценного соратника. Ему нужен был большевистский эксперт по национальному вопросу – не русский и, конечно, не еврей. Тремя годами ранее Ленин утверждал, что Сталин лучше разбирался в национальном вопросе, чем Жордания. В итоге он пришел к решению, которое позволило убить всех зайцев одним выстрелом: вместо возвращения в Петербург Сталину было поручено остаться в Европе и изложить в статье новую национальную политику большевиков. Сталин согласился.

Около 28 декабря 1912 года к Ленину, Сталину и Зиновьеву приехали Малиновский, двое других думских депутатов, подруга Сталина Валентина Лобова и обеспеченная пара из Вены – большевики Александр и Елена Трояновские, а также нянька их детей, латышка. Коба “говорил негромко”, но “размеренно… с неумолимой логикой… – вспоминала 19-летняя нянька Ольга

Вейланд. – Иногда он выходил в первую комнату и, прохаживаясь по ней, внимательно слушал выступления товарищей”.

Сталин все еще противоречил Ленину, а Ленина громогласно защищал Малиновский – по весьма сомнительной причине. Ни Ленин, ни охранка не хотели объединения социал-демократов. Поэтому охранка велела Малиновскому держаться идей “твердой политики”; тем временем Сталин настаивал, что может перековать нескольких меньшевиков. Он надеялся, что Ленин поймет: “нужно работать и немножечко подождать с твердой политикой”. Кроме того, думской шестерке был нужен настоящий руководитель – конечно, он сам.

В письме в Петербург Сталин жаловался, что атмосфера невыносимая. По его словам, все были невероятно, чертовски заняты, но его положение было не так уж и плохо. Затем он написал почти любовное письмо старому другу Каменеву: “Целую тебя в нос, по-эскимосски. Черт меня дери. Скучаю без тебя чертовски. Скучаю – клянусь собакой! Не с кем мне, не с кем по душам поболтать, черт тебя задави. Неужели так-таки не переберешься в Краков?”

Впрочем, одного друга Сталин в Кракове нашел – Малиновского. Осужденный насильник и провокатор из охранки в это время получал баснословное жалованье – 8000 рублей в год (начальник императорской полиции получал только 7000).

“Живой такой человек, оборотистый… красивый, – вспоминал Молотов. – Внешне немножко на Тито похож”. Сталин написал ему теплое письмо, передал привет “Стефании с ребятами”. Хитрый Малиновский выставлял предателями других большевиков, отводя от себя внимание. Но груз двойной жизни давил на него; у него случались срывы.

Во время последнего собрания, в канун Нового, 1913 года, Сталин наконец согласился с Лениным. “*Все* резолюции принимаются *единогласно*, – радостно писал Ленин Каменеву. – Гигантский успех!” Но Сталина не расстраивало поражение. На собрании, как докладывал Малиновский охранке, было восстановлено устройство большевистской машины: Заграничное бюро (Ленин и Зиновьев, секретарь – Крупская) и Русское бюро (главными здесь были Сталин и Свердлов, теперь главный редактор “Правды”; секретарь – Валентина Лобова)[160]. Сталина убрали из “Правды”, но теперь он стал главным большевиком в России (оклад – шестьдесят рублей в месяц). Ему была поручена престижная роль теоретика. Сталин трудился над статьей о национальном вопросе, Ленин вносил свои предложения. Первый вариант статьи Сталин отослал в Петербург.

После собрания Ленин и большевики пошли в театр отмечать

Новый год, но, как пишет Ольга Вейланд, пьеса оказалась плохой. “Владимир Ильич, посидев немного, решительно встал и ушел вместе с Надеждой Константиновной”. Ленин, Сталин и другие встретили Новый, 1913 год в отдельном кабинете в ресторане. Уже в старости Вейланд признавалась, что Сталин начал с ней флиртовать. “Владимир Ильич был очень весел. Он шутил, смеялся, подпевал и даже принимал участие в играх”2.

Вскоре Сталин приехал к Трояновским в морозную и заснеженную Вену. Ленин говорил о них: “Хорошие люди… у них есть деньги!” Александр Трояновский был красивым молодым дворянином, армейским офицером: после Русско-японской войны он стал марксистом. Теперь он редактировал и выпускал журнал “Просвещение”, где должна была выйти статья Сосо. Трояновский прекрасно говорил по-немецки и по-английски, жил со своей красавицей женой – дворянкой Еленой Розмирович – в большой и уютной квартире на Шёнбруннершлоссштрассе, 30[161]. По этой улице ежедневно проезжал престарелый император Франц-Иосиф – из Шёнбруннского дворца в свою рабочую резиденцию, Хофбург.

Старомодный усатый кайзер, правивший с 1848 года, ездил в золоченой карете, запряженной восьмеркой белых лошадей; на передних лошадях сидели верховые, одетые в черно-белую униформу и белые парики. Карету сопровождали всадники-венгры; с их плеч свисали леопардовые шкуры. Сталин, конечно, видел эту демонстрацию дряхлого величия. Кроме него, ее наблюдал еще один будущий диктатор. В январе 1913 года в Вене жило столько титанов xx века, что их состав подошел бы для пьесы Тома Стоппарда[162]. В мужском общежитии на Мельдеманнштрассе, в районе Бригиттенау (совсем другой мир, нежели довольно фешенебельный район Сталина), жил молодой австриец, художник-неудачник – 23-летний Адольф Гитлер.

И Сосо, и Адольф были свидетелями одного венского зрелища. Лучший друг Гитлера Кубичек вспоминает: “Мы часто видели старого императора… когда он ехал в своей карете из Шёнбрунна… в Хофбург”. Но обоих будущих диктаторов это зрелище не волновало, они относились к нему с пренебрежением: Сталин никогда о нем не вспоминал, а “Адольф не придавал этому большого значения… так как его не интересовал император как человек; он интересовал его лишь в государстве, которое представлял”.

В Вене и Гитлер и Сталин были – по-разному – поглощены расовыми вопросами. Вена была городом отживавших свое придворных, еврейских интеллектуалов, расистов-смутьянов; городом пивных и дворцов. Евреи здесь составляли только 8,6 %

населения, но их культурное влияние, которое олицетворяли Фрейд, Малер, Витгенштейн, Бубер и Шницлер, было весьма значительным. Гитлер разрабатывал “народные” антисемитские теории расового превосходства – став фюрером, он будет поверять ими свою европейскую империю. Сталин же, работавший над статьей о национальном вопросе, искал новую концепцию интернациональной империи, где центральная власть будет спрятана за фасадом автономии; он придумывал прототип Советского Союза. Чуть меньше, чем через тридцать лет их государства и идеологии схлестнутся в самой страшной войне в истории человечества.

Евреи в их картины мира не укладывались. У Гитлера они вызывали смесь отвращения и возбуждения, у Сталина – раздражение и замешательство (Сталин не любил их “мистическую” натуру). Для Гитлера они были “слишком расой”, для Сталина – “недонацией”.

Но оба будущих диктатора ценили типичное венское времяпрепровождение – любили гулять в парке при Шёнбруннском дворце Франца-Иосифа, недалеко от которого жил Сталин. В 1939 году после подписания пакта Молотова – Риббентропа Гитлер и Сталин сделались союзниками, но никогда не встречались. Вероятно, они никогда не оказывались ближе друг к другу, чем в дни шёнбруннских прогулок.

“Те несколько недель, которые товарищ Сталин провел у нас, полностью прошли под знаком изучения национального вопроса, – рассказывает нянька Трояновских Ольга Вейланд. – <…> Товарищ Коба втянул в изучение национального вопроса всех окружающих. Кто читал Отто Бауэра, кто Каутского”. Хотя Сталин время от времени принимался учить немецкий, читать на нем он не мог, так что Вейланд ему помогала. Другим помощником был еще один молодой большевик, которого Сталин здесь встретил впервые: Николай Бухарин – интеллигент с бородкой, с горящими глазами. Ольга Вейланд вспоминала, что Бухарин приходил к ним каждый день. У них же жил и Сталин. Сталин оказывал няньке знаки внимания, но она предпочитала остроумного и озорного Бухарина. Кроме того, ей приходилось стирать сталинские рубашки и белье – после его смерти она жаловалась, что это была задача не из легких.

Сталин и Бухарин хорошо поладили. Сталин будет писать ему из ссылки – так началась дружба, которая в 1920-х превратится в политический союз. Отношение Сосо к Бухарину оказалось для того роковым – Сталин любил его и завидовал ему. Дружба, начавшаяся в Вене, закончилась в 1930-х: Бухарин

получил пулю в затылок.

“В Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром, – вспоминал Троцкий. – <…> Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. <…> …во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие”. Это был Сталин. Он “подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. <…> Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу?”

Сталин уже презирал Троцкого, которого называл “шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами”. Своего мнения он никогда не менял. Троцкого в свою очередь испугали “желтоватые глаза” Сталина: в них он увидел “искры враждебности”.

Время, проведенное с Трояновским, было для Сталина временем открытий: в первый и последний раз он, по собственному признанию, почувствовал, что такое жизнь цивилизованного европейца. Он жил в комнате, выходившей окнами на улицу и “целыми днями работал”. Когда спускались сумерки, он гулял с Трояновскими в Шёнбруннском парке. За обедом иногда рассказывал о своем прошлом, вспоминал Ладо Кецховели, то, как его убили в тюрьме. Но вообще он был довольно замкнут. “Здравствуй, дружище, – писал он вернувшемуся в Петербург Малиновскому. – Пока сижу в Вене и… пишу всякую ерунду. Увидимся”. Но затем его поведение изменилось. Поначалу застенчивый и замкнутый, он научился отдыхать, веселиться, вспоминает Ольга Вейланд. Аристократический стиль жизни хозяина дома Сталину не досаждал – напротив, он до конца жизни хорошо относился к Трояновскому.

Маленькая Галина Трояновская была бойкой девочкой, которая хорошо поладила со Сталиным. Она “любила пошалить со взрослыми”, и Сталин обещал привезти ей с Кавказа “зеленый шоколад”. Она ему не верила, и он “очень громко хохотал”. Но и она поддразнивала его: “Опять про нации!” Сталин покупал девочке сладости в Шёнбруннском парке. Однажды он поспорил с ее матерью, что, если они одновременно позовут Галину, она подбежит к Сталину – за угощением. Решили проверить. Галя побежала к Сосо, тем самым подтвердив его циничные воззрения на человеческую природу[163].

Сталин попросил Малиновского вернуть ему первый вариант статьи, чтобы он мог ее отредактировать. Он писал: “Прошу ответить на следующие вопросы: 1) как дела с “Правдой”; 2) как у

вас во фракции дела; 3) как поживает группа. <…> Твой Василий”. Перед отъездом из Вены Сталин переработал статью[164].

В Кракове его ждал Ленин. В Петербурге зрело предательствоз.

Глава 32
Провокатор приглашает на бал

“Я вернулся в Краков и показал статью Ленину, – вспоминал Сталин. – Спустя два дня Ленин пригласил меня к себе. Я заметил, что у него на столе лежит моя рукопись. Он предложил мне сесть рядом с ним”.

На Ленина статья произвела впечатление.

– Это вы сами написали? – немного свысока спросил он Сталина.

– Да, товарищ Ленин, сам. Здесь что-то неправильно?

– Наоборот, великолепная статья!

Ленин намеревался опубликовать статью как программную. “Статья очень хороша, – сообщал он Каменеву. – Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи”. В письме к Горькому он назвал Сталина “чудесным грузином”.

Сосо напечатал статью в марте 1913 года под новой подписью – “К. Сталин”. Он использовал ее уже во второй раз. Он шел к ней постепенно с 1910 года – сначала подписывался “К. Ст.”, потом “К. Сафин” и “К. Солин”.

Конспиратор должен был иметь целый набор псевдонимов – часто они брались с потолка. Возможно, Ульянов и назвался Лениным в честь сибирской реки Лены, но всего у него было 160 псевдонимов. Имя Ленин закрепилось, потому что им он подписал прославившую его работу “Что делать?”. Точно так же Сосо подписал статью, составившую ему репутацию, фамилией “Сталин”, и это одна из причин, почему он сделал ее основной. Не будь он так самовлюблен и сентиментален, мог бы остаться в истории под фамилией Васильев или Иванович.

Другой привлекательной стороной псевдонима была его отдаленная схожесть с фамилией Ленин. Кроме того, Сталин брал псевдонимы в честь своих женщин: может быть, здесь сыграла роль Людмила Сталь. Он, конечно, никогда не признался бы в этом. В одном интервью он заявил, что это имя ему дали товарищи. “Они считали, что имя это ко мне подходит”. Но эта жесткая “индустриальная фамилия”, означающая “стальной человек”, действительно подходила к его характеру и была символом того, что должно составлять сущность настоящего большевика[165].

Фамилия была русская, но ее носитель всегда оставался кавказцем: грузинское “Коба” он сочетал со славянским “Сталин”

(хотя друзья продолжали называть его Сосо). С этого времени он принял, по выражению Роберта Сервиса, “бинациональный образ”. После 1917 года национальностей стало уже четыре: грузин по рождению, русский по склонности, интернационалист по идеологии – и, наконец, советский человек по гражданству.

То, что родилось как подпись, превратилось в империю и религию. Сталин-диктатор кричал на безалаберного сына Василия, пользовавшегося преимуществами своей фамилии: “ Ты не Сталин и я не Сталин! Сталин – это советская власть!”

К середине февраля “Коба Сталин” вернулся в Петербург. Большевики, которых на каждом шагу предавал Малиновский, были в бегах1. “Вакханалия арестов, обысков, облав”, – писал Сталин Трояновским в письме, перехваченном охранкой. Он прибавлял, что не забыл о своем обещании шестилетней Галине: “Галочке пришлю шоколадку”.

Сталина, наделенного от Ленина властью, со всех сторон обложила энергичная охранка, а он даже не пытался прятаться. Он жил в центре города, на Шпалерной улице, в квартире думских депутатов Бадаева и Самойлова, посещал сходки в доме еще одного депутата – Петровского. В другом письме Сталин жалуется: “Сведущих лиц нет. Я один не смогу угнаться за всем”.

Он сразу столкнулся с первым вызовом. Нужно было защитить парламентария Малиновского от ужасного обвинения. В одной статье Малиновского назвали провокатором. Статья была подписана “Ц.”, и большевики решили, что клевещет меньшевик Мартов (настоящая фамилия – Цедербаум) или муж его сестры Лидии Федор Дан. Лидия Дан вспоминала, что к ней “на квартиру пришел, добиваясь прекращения порочащих Малиновского слухов, большевик Васильев (среди меньшевиков его называли Иоська Корявый)”. Иоська Корявый предупредил Лидию, что она пожалеет, если меньшевики не перестанут очернять Малиновского.

Но благодаря Малиновскому каждое движение Сталина теперь отслеживал лично директор Департамента полиции. 10 февраля арестовали преданного Малиновским Свердлова. Сталин решил назначить редактором “Правды” своего бакинского товарища Шаумяна, но Малиновский убедил Ленина, что Шаумян займет примиренческую позицию, как и сам Сталин. Ленин поддержал кандидата Малиновского – Черномазова, которого Сталин еще в Баку справедливо подозревал в работе на охранку.

К февралю 1913 года Малиновский сдал весь российский состав ЦК, кроме Сталина и малозначительного Петровского. Охранка твердо вознамерилась предотвратить объединение

социал-демократов. Примиренец Сталин был следующим.

В субботу 23 февраля сторонники большевиков организовали благотворительный концерт и бал-маскарад в здании Калашниковской биржи. Это было не слишком подходящее место для Сталина. Но сестры Аллилуевы пришли в восторг. Сталин и их репетитор по математике Кавтарадзе обсуждали, не пойти ли туда.

Днем Сталин навестил Малиновского. Двойной агент настаивал, чтобы Сталин шел на бал. Сталин потом рассказывал Татьяне Словатинской, что отказывался – "отговаривался тем, что у него нет настроения и вообще он совсем неподходяще одет, но Малиновский пристал" и даже гарантировал Сталину безопасность. Франт-провокатор распахнул перед Сталиным свой внушительного объема гардероб и выдал воротничок, рубашку и шелковый галстук, который сам повязал Сталину на шею.

Почти сразу после этой встречи Малиновский отправился к директору полиции Белецкому и, вероятно, пообещал ему доставить Сталина.

Любовница Сталина Татьяна Словатинская вспоминала, что часто ездила с "Василием" на "студенческие вечера". В тот раз Сталин в модном галстуке подсел за столик к депутатам-большевикам. Пролетарский поэт Демьян Бедный, который в 1920-х станет одним из ближайших к Сталину придворных, писал Ленину, что был "ошарашен", увидев "нашего милого "дюшу-грузинчика" "в месте людне". "Черти его принесли или какой дурак привел на свой "вечер". Это было прямо нахальство идти туда. <…> "Не уйдешь", – говорю". Бедный намекал, что среди большевиков завелся предатель.

Около полуночи агенты охранки в штатском и жандармское подкрепление заняли позиции в глубине концертного зала, где гости сидели за столиками. "Сталин… беседовал с депутатом Малиновским, когда заметил, что за ним следят", – вспоминала Словатинская.

Агенты подошли к столику Сталина и попросили его назваться. Он не подтверждал, что он Джугашвили. Товарищи обступили его и сумели провести за сцену. "Он вышел… в артистическую комнату и попросил… вызвать меня", – рассказывает Словатинская. Сталин решил снова переодеться в женское платье. Он успел сказать Татьяне, что "был у Малиновского и думает теперь, что оттуда и следили". Сталина загримировали и одели в длинное платье. Когда его выводили через артистическую, один из агентов охранки заметил его большие башмаки (и, вероятно, усы). Полицейский с криком схватил его.

– Джугашвили, наконец-то ты попался!

– Я не Джугашвили. Моя фамилия Иванов, – ответил Сталин.

– Расскажи это своей бабушке!

Все было кончено.

“Двое в штатском… попросили его выйти. Сделали они это тихо… вечер продолжался”. “Вслед за тов. Сталиным пошел Малиновский, “протестуя” против ареста и делая вид, что он принимает все меры к его освобождению”. Ленин и Крупская наивно писали Малиновскому, тревожась, надежно ли защищен “Василий”. “Отчего нет вестей от Василия? Что с ним? Беспокоимся”. Но было поздно.

Директор полиции Белецкий счел поимку Сталина таким серьезным успехом, что доложил о ней самому министру внутренних дел Маклакову. Тот 7 июня 1913 года утвердил рекомендацию особого совещания: И. В. Джугашвили приговорили к четырем годам ссылки в Туруханск – в сумрачный и морозный сибирский край вдали от цивилизации2.

Часть четвертая

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: “Проклятый,
Пей, осуши до дна…
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!”

Сосело (Иосиф Сталин)

Глава 33
“Милая, я в отчаянном положении”

С борта парохода, который в середине июня медленно вез Сталина из Красноярска по Енисею, открывался вид на дикие просторы далекой Сибири. Туруханский край, куда его везли, был больше, чем Британия, Франция и Германия вместе взятые, но жило там всего 12 000 человек.

Енисей тек сквозь узкие долины с высокими террасами, а затем разливался так широко, что можно было смотреть на его блестящую гладь и не видеть берега. Сибирская тайга – холмы, поросшие густым лиственным лесом. Она простирается до плоскогорья тундры. Лето здесь зеленое и изобильное, но зима – суровая, ледяная и снежная. Она длится девять месяцев в году, температура опускается до –60 ˚С. Между деревнями, где жили крестьяне и ссыльные, лежали необозримые пустые пространства: лишь изредка здесь встречались чумы и оленьи стада кочевников-шаманистов – тунгусов и остяков.

Игра в кошки-мышки закончилась. Здесь был, как пишет Роберт Сервис, “Чертов остров на суше”[166]. На сей раз, хоть Сталин пока этого и не понимал, самодержавие решило наказать его всерьез. Он всего неделю добирался из Петербурга до сибирской столицы – Красноярска. Оттуда его отправили на север, в Туруханск. Сталин проживет здесь четыре года, и эти места никогда не изгладятся из его памяти.

После 26-дневного путешествия 10 августа он высадился в селе Монастырское[167], “столице” Туруханского края. “Я, как видите, в Туруханске, – писал он Зиновьеву (и Ленину) в Краков. – Получили ли письмо с дороги? Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег”. Он уже думал о побеге: “Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедля”.

Ленину его помощь была нужна. 27 июля он провел совещание ЦК, на котором распорядился вытащить из ссылки Сталина и Свердлова. Им послали по шестьдесят рублей, но Малиновский выдал охранке и этот план. Туруханскому полицейскому приставу Ивану Кибирову дали телеграмму о том, что Сталин – мастер побегов. В такие места и самих полицейских отправляли все равно что в ссылку. Осетина Кибирова перевели сюда из бакинской полиции за какие-то неизвестные прегрешения. Кибиров, возможно из-за общих осетинских корней, благоволил Сталину.

Сосо привезли в деревеньку Мироедиху на юге края. Здесь о

нем скоро пошла слава. Тем летом в реке утонул ссыльный Иннокентий Дубровинский. После него осталась довольно большая библиотека. Этикет ссыльных предписывал делить книги покойных между живыми, но Сталин, конечно, “экспроприировал” все книги, отказывался давать их другим и жадно на них набросился. Главным событием в жизни ссыльных становились как раз такие мелочные склоки, а Сталин умел их провоцировать. Ссыльные были возмущены: они пожаловались на Сталина и решили его изгнать. С похитителем книг пошел объясняться большевик Филипп Захаров, но Сталин принял дерзкого гостя “так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями”. Еще задолго до того, как стать диктатором, Сталин вел себя как хозяин. По сути, он вел себя так с самого детства.

Всего лишь через две недели он был вынужден переехать в Костино (библиотека, разумеется, переехала с ним). Здесь он нашел еще четверых ссыльных. В Сталине явно пропадал педагог: он начал учить читать двоих уголовников-грузин. Скоро он узнал, что рядом, в деревне Селиваниха, живет его старый знакомый по другой ссылке – Свердлов1.

Около 20 сентября Сталин навестил Свердлова, который жил в крестьянской бане. В этой бане они вдвоем строили план побега. “Только простился с Васькой [Сталиным], он гостил у меня неделю, – писал Свердлов Малиновскому, последнему большевику в России, остававшемуся на свободе. – Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай… <…> Прошлой почтой мы писали тебе, просили о высылке газет и журналов. Сделай что можешь”. Малиновский, конечно, делал что мог, чтобы двоим ссыльным не удалось бежать.

1 октября Ленин и ЦК отреагировали на предложение Сталина Зиновьеву и вновь предложили вызволить Сталина и Свердлова. На это было выделено 100 рублей. 20 октября Сталин писал, что “получил от одного товарища из Питера предложение переехать – переселиться в Питер”. Сталин и Свердлов приготовились к побегу. Они истратили все свои деньги и исчерпали все возможности брать товары в кредит. Управляющий канадской пушной компанией “Ревельон” обеспечил их мукой, сахаром, чаем и табаком, местный доктор пожертвовал лекарства, другие доброхоты помогли подделать паспорта.

“Доктор беглых наук” был готов пуститься в путь, но тут в тайгу пришла зима. Она была суровее, чем все, что пришлось пережить Сталину; помощи ждать было неоткуда. Вскоре в его

жизни наступил самый тяжелый период. Жизнь в Туруханске превратилась в борьбу за существование. Часто ссылка в царской России больше походила на каникулы, но туруханская означала медленную смерть: многие ссыльные погибли здесь от холода. К началу ноября температура опустилась до –33 ˚С, впереди были пятидесятиградусные морозы. Слюна замерзала на губах, пар изо рта превращался в снежинки. Из-за холодов жизнь сделалась дороже. Сталин написал своей подруге Татьяне Словатинской паническое письмо:

> Татьяна Александровна. Как-то совестно писать, но что поделаешь – нужда заставляет. У меня нет ни гроша. И все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги… что будет потом, ей-богу, не знаю… Нельзя ли будет растормошить знакомых… и раздобыть рублей 20–30? А то и больше? Это было бы прямо спасение, и чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре (вчера было 33 градуса холода). <…> Я надеюсь, что, если захотите, достанете. Итак, за дело, дорогая. А то “кавказец с Калашниковой биржи” того и гляди – [пропадет]…

Татьяна не только прислала ему старую одежду, но и купила зимнее белье. Получив все это, Сталин не мог сдержать радости: “Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у Вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем жаль, денег у Вас очень мало. Я не знаю, как оплатить Вам, дорогая, милая-милая”. Но, даже обзаведясь одеждой, Сталин просил у Словатинской денег: “Милая. Нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель… Необходимо молоко, но… деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедля телеграммой. Нет мочи ждать больше…”

Такие письма он, по-видимому, рассылал всем своим друзьям, а особенно Малиновскому, по чьей милости он оказался в Сибири:

> Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли. Начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни мяса,

ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяния с обувью). <…> Нужно молоко, нужны дрова, но… деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму… У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, я обращаюсь к тебе…

Сталин предложил Малиновскому связаться с меньшевиком Карло Чхеидзе, над которым он в свое время издевался в Батуме: “Прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. <…> Околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же… потому что ждать дальше значит голодать, а я и так истощен и болен”. За все время он получил “всего 44 рубля из-за границы”, из Берна, – и ничего больше. Он попробовал добыть деньги другим путем. Зиновьев утверждал, что сталинская статья о национальном вопросе будет опубликована брошюрой:

…затем я надеюсь (вправе надеяться), что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего, кроме рыбы, деньги нужны как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар… целую, черт меня дери… <…> Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года?

Твой Иосиф.

Малиновский ответил прозрачным шифром: “Брат, пока продам лошадь, запросил 100 руб.”.

Но когда сто рублей прибыли, получил их Свердлов. Сталин обиделся: значит, Свердлов нужен, а он нет? Впрочем, дела понемногу налаживались. Зиновьев ответил, что брошюра печатается. Сталин получил двадцать пять рублей от депутата Бадаева, но требовалось больше. Скорее всего, он писал в Грузию – своей матери и Сванидзе: из Тифлиса ему пришла посылка. Обращался он и к Аллилуевым.

Книги и деньги, которых он просил у Зиновьева, Сталин не получил. Он опять впал в отчаяние: “…пишете, что будете присылать мне мой “долг” по маленьким частям. Я бы хотел, чтобы Вы их прислали возможно скоро по каким бы маленьким частям ни было… деньги нужны до безобразия. Все бы ничего… но эта проклятая болезнь, требующая ухода (т. е. денег)… Жду”.

Сталин писал новую статью – “О культурно-национальной автономии”; он послал ее через Сергея Аллилуева Трояновскому в журнал “Просвещение”. Но Зиновьев по-прежнему выводил его из

себя. 11 января 1914 года Сталин написал ему (говоря о себе в третьем лице): “Почему, друг, молчишь? <…> От тебя нет писем уже три месяца. <…> Сталин… думает, что получит… порядочный гонорар и будет таким образом избавлен от необходимости обращаться в те или иные места за деньгами. Полагаю, что он имеет право так думать”. Он не смог забыть, как отнесся к нему Зиновьев – выдающийся оратор и высокомерный еврей-интеллигент (сочетание, которое Сталин ненавидел).

В январе 1914 года, через шесть месяцев волнений и борьбы за выживание, деньги начали приходить. Пристав Кибиров сообщил начальству, что Сталин получил пятьдесят рублей из Петербурга, десять рублей от Сашико Монаселидзе из Тифлиса, двадцать пять от Бадаева и еще пятьдесят пять из Петербурга: этого почти хватало на “сапоги” для побега.

Директор Департамента полиции Белецкий узнал (вероятно, благодаря Малиновскому), что готовится побег. Он телеграфировал в Туруханск, что Сталину и Свердлову прислали еще по пятьдесят рублей “для организации побега”. Местный осведомитель докладывал, что “Джугашвили и Свердлов предполагают с места высылки бежать… на первом же из ожидающихся летом к устью Енисея пароходе”. Белецкий приказал “принять меры по недопущению побега”. Охранка решила “Джугашвили и Свердлова выселить на станок севернее с. Монастырского, где нет других ссыльных, и специально для наблюдения за ними приставить двух надзирателей”.

Дело было скверное. “Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, на 80 верст севернее полярного круга, – писал расстроенный Свердлов своей сестре Сарре. – <…> …от почты оторвали. Последняя раз в месяц через “ходока”… Практически не более 8–9 почт в год…” “Новый станок, где будем жить, – Курейка”.

Сталина отправляли к самому Северному полярному кругу[168]2.

Глава 34
1914. Постельный скандал в Арктике

Если Костино Сталин называл “злосчастным краем”, то Курейка была и вовсе промерзлой дырой. В таком месте человек мог увериться в том, что он совершенно позабыт, и даже потерять рассудок; Сталин всю жизнь будет помнить то отчаянное одиночество и вынужденное самоограничение, которые испытал тогда. В марте 1914 года “личные” жандармы Лалетин и Попов перевезли Сталина и Свердлова в конной упряжи на север.

Вновь прибывшие увидели, что Курейка едва заслуживала названия деревни. Казалось, все ее обитатели приходились друг друг родней. шестьдесят семь жителей – тридцать восемь мужчин и двадцать девять женщин – ютились всего лишь в восьми ветхих избах. По большей части эти люди принадлежали к трем семьям: Тарасеевы, Салтыковы и семеро сирот Перепрыгиных1.

“В понедельник постирать вздумала, воду кипячу, – вспоминала Анфиса Тарасеева. – Гляжу, дверь открылась. Зашел человек с чемоданчиком, с постелью в узелке. Зашел и сразу говорит: “Здравствуйте, хозяюшка, я к вам на квартиру пожалован”… Борода густущая, волосы черные. <…> Прошел, чемоданчик поставил, а сам – как и вырос в нашей избе. С ребятишками играть стал… <…> Мужики приехали… <…> – Я, – говорит, – из Петербурга, Иосиф Виссарионович Джугашвили”[169].

Сталин и Свердлов поселились в избе Алексея и Анфисы Тарасеевых. Поначалу все шло хорошо. Ссыльные подружились с Тарасеевым, который согласился получать за них деньги. Погода еще стояла холодная, но снег уже таял. Жизнь в Курейке зависела от погоды: когда Енисей замерзал, люди ездили по льду на санях, запряженных оленями и собаками. Дальше начиналась распутица – дороги превращались в грязь и становились непроходимыми. Начиная с мая по Енисею несколько месяцев курсировали пароходы. Местные плавали вниз по реке, с берегов их лодки подтягивали собаки. Затем наступал мороз.

В середине зимы привольно жилось лишь оленям, песцам и кочевникам-тунгусам. Всем приходилось носить одежду из оленьих шкур. Тринадцатилетняя Лидия Перепрыгина, одна из сирот, заметила, что у Сталина только легкое пальто. Вскоре у него был уже весь “олений” костюм – от унтов до шапки.

“Устроился я на новом месте значительно хуже, – писал Свердлов 22 марта. – Одно то уже, что живу не один в комнате”.

Поначалу соседи жили дружно: “Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы встречались в ссылке, другой. Парень хороший, но… – уже через десять дней у Свердлова появилось большое “но”, – слишком большой индивидуалист в обыденной жизни”[170].

Кроме того, у Тарасеевых были шумные дети. “Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода, – жаловался Свердлов в письме. – У хозяев – ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают”. Также Свердлова раздражали тихие тунгусы, приходившие к ссыльным. Одетые с головы до ног в оленьи меха тунгусы войдут и в жизнь Сталина. Это были привычные к тяжелым условиям кочевники – рыбаки и пастухи с азиатскими чертами лица. Они жили в гармонии со своими оленями. Их верой была смесь примитивного православия и древнего поклонения духам, чью волю трактовали шаманы (само слово “шаман” тунгусское).

О тунгусах раздраженный Свердлов писал: “Придут, усядутся, помолчат с полчаса и вдруг поднимутся: “Ну, надо идти, до свиданья!” <…> И приходят как раз в лучшее для занятий время – вечером”. Но Сталин подружился с этими людьми, такими же немногословными, как он сам.

Обстановка накалялась не только из-за детей и работы по дому. Обидчивый и злопамятный Сталин не мог забыть о том, что деньги послали Свердлову, а не ему. Прошло уже несколько дней после переезда в Курейку, а он не получил ни ста рублей от Малиновского, ни гонорара и книг от Зиновьева. Может быть, Зиновьев его не уважает? Или Свердлов обманывает?

Вскоре грузин и еврей – ядро партии большевиков в Российской империи, – заточенные в крошечной деревне в нескольких часовых поясах от Петербурга, начали друг друга тяготить. В одном углу темной комнатушки Свердлов строчил об эгоизме своего соседа, а в другом Сталин давал волю мелочной злобе и писал Малиновскому с требованием разобраться, куда делись сто рублей:

> Месяцев пять тому назад я получил от одного товарища из Питера предложение приехать – переселиться в Питер. <…> Он писал, что…
>
> деньги на дорогу будут. Я ему написал ответ еще месяца четыре назад, от него нет никакого ответа… Не можешь ли ты… разъяснить мне это недоразумение.
>
> Месяца три назад я получил от Кости [самого Малиновского] открытку, где он писал: “Брат, пока продам лошадь, запросил 100 рублей”. Из этой открытки

> я ничего не понял и никаких 100 руб. не видел. Да, по другому адресу тов. Андрей [кличка Свердлова] получил их, но я думаю, что они принадлежат… только ему. С тех пор я не получил от Кости ни одного письма.
>
> Не получал также ничего уже четыре месяца от сестры Нади [Крупской].
>
> Сталин пришел к выводу, что “выбор… остановился на другом” – Свердлове. “Верно ли я говорю, брат? Я прошу тебя, друг, дать мне прямой и точный ответ… потому, что я люблю ясность, как и ты, надеюсь, во всем любишь ясность”2.

Никто не любил ясности меньше, чем Сталин и Малиновский – мастера конспирации и притворства. Но пока один томился неведением в ссылке, другой чувствовал, что его мир рушится. Совершенно понятно, почему Малиновский не “продал лошадь” и не отвечал на сталинские письма. “Дорогой друг Роман” превратился в “истерического” двойного агента. Он хлестал водку из чайника и был на грани нервного срыва. В конце концов новый министр внутренних дел и директор полиции уволили Малиновского. Он ушел из Думы 8 мая 1914 года. Случай с Малиновским серьезно ударил по репутации и правительства, и полиции.

Главными защитниками Малиновского в партии были Ленин и Сталин. Позднее Малиновский утверждал, что Ленин должен был знать о его предательстве. Однако же он ошибался. Ленин не мог поверить в это. Но, подытожив всю пользу от пребывания Малиновского в Думе и вспомнив его роль в посрамлении (и устранении путем ареста) примиренцев, в том числе Сталина, Ленин заявил: “Даже если он провокатор, он для нас больше делал, чем для полиции”[171].

У Сталина, подозрительного до крайности, главный предатель в его политической карьере не вызвал никаких подозрений. Случай Малиновского усугубил паранойю Сталина и его товарищей. Малиновский крепко засел в сознании большевиков. Для советской истории он стал чем-то вроде призрака Банко. Большевики-конспираторы поняли, что удивляться не следует ничему. Если Малиновский был предателем, почему не могли быть предателями советские маршалы, весь Генштаб, Зиновьев, Каменев, Бухарин, большинство членов ЦК, в 1930-е расстрелянные по указанию Сталина как шпионы?

Пока же Сталин, загнанный к самому полярному кругу,

изводил себя и своего соседа подозрениями по поводу ста рублей. “Со мной товарищ, – писал Свердлов. – Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах. Хуже всего, что только со стороны “мелочей жизни” и виден. Нет места для проявления крупных черт”.

Начиналась весна. 27 апреля 1914 года охранка опять предупредила, что большевики собираются собираются “устроить побеги” “известным партийным деятелям” Свердлову и Джугашвили. Сталин и Свердлов часто брали лодку у Федора Тарасеева, но теперь жандармы запретили им плавать по реке. В мае, когда пароходы опять стали ходить по Енисею, лютый мороз сменился комариным проклятьем. Вскоре Сталин, как сообщал Свердлов, “не стал со мною разговаривать и дал понять, чтобы я освободил его от своей персоны”. Они разъехались. Сталин на время нашел пристанище в избе Филиппа Салтыкова. Переезд не развеял сталинскую полярную хандру. “Ты же знаешь… в каких гнусных условиях я жил в Курейке, – писал Свердлов своей жене Клавдии, которая отбывала ссылку неподалеку. – Товарищ… оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись”. Из писем Свердлова ясны черты этого бесцельного существования: тягость, дурное настроение, скудость пищи.

> Питаюсь рыбой. Часто даю хозяйке припасы, и она готовит пирог с рыбой. <…> Есть у меня осетрина, нельма, масло, картошка, осетровая икра. И осетра, и нельму засолил, ем иногда и не жаря, не варя, просто соленую. Даже уксусом иногда лень заправить. Перестал вести регулярную жизнь. Ложусь разно. Иногда всю ночь шатаюсь, а то и в 10 часов спать заваливаюсь. Ем когда придется. <…> Не занимаюсь, ничего, кроме периодической литературы, не читаю.

Сталин, видимо, жил так же: в Сибири он приучился ложиться поздно.

Все восемь дворов, все население Курейки наверняка знало о разладе ссыльных. “Мы не сошлись “характером”, – сожалел Свердлов. Но, возможно, была и еще одна серьезная причина, которая не обсуждалась: девушка[4].

Как только Сталин и Свердлов поселились у Тарасеевых, грузин обратил внимание на младшую из сирот Перепрыгиных. Их было пятеро братьев и две сестры, Наталья и Лидия. Мы не знаем подробностей, но в начале 1914 года 34-летний Сталин вступил в любовные отношения с 13-летней Лидией.

Сталин с Лидией ходили вместе с попойки на попойку: об

этом становится известно из ее воспоминаний, где она описала эти веселые вечеринки: “В свободное время И. В. Сталин любил ходить на вечеринки. Всегда был веселый, любил танцевать, играть и петь песни, особенно любил петь песню “Я золото хороню, хороню”[172]. Ходил… на именины”. Воспоминания 13-летней сожительницы Сталина были записаны через двадцать лет: он был на вершине могущества, она осталась сибирской крестьянкой. Чиновник, записывавший ее воспоминания, не посмел бы написать о соблазнении, но текст все равно звучит бестактно. “Ходил в гости, – рассказывает Лидия, имея в виду собственный дом. – Выпивал помаленьку”. Возможно, именно так он совратил ее – или же она его? Девочки в таких Курейках созревали рано, а Лидия не похожа на скромницу.

Свердлов, вероятно, не одобрял того, что Сталин – грузин тридцати с лишним лет, любивший молоденьких девушек, – совратил 13-летнюю. А может быть, Сталин выгнал его, чтобы оставаться наедине с юной любовницей. Но скандал только начинался.

Двое большевиков, теперь не здоровавшихся, оставались под неусыпным наблюдением двоих жандармов – Лалетина и Попова. Вся их работа заключалась в том, чтобы не дать ссыльным бежать. В таких случаях полицейские становились для ссыльных либо друзьями (а то и прислугой), либо смертельными врагами. Рыжебородый вспыльчивый Иван Лалетин скоро сделался врагом Сталина.

Один раз, когда Сталин решил поохотиться с ружьем, жандарм остановил его. Сталину было разрешено пользоваться охотничьим ружьем, и он отказался отдать его полицейскому. Началась ссора, “жандарм Лалетин налетел на Иосифа Виссарионовича… и хотел его обезоружить”. Завязалась драка. Жандарм “обнажил шашку… [и] порезал Иосифу Виссарионовичу руки”. Тот пожаловался на Лалетина приставу Кибирову.

К началу лета уже все явно знали о малолетней любовнице Сталина – хранить такое в секрете в деревне из восьми изб было невозможно. Размахивающий саблей жандарм решил, что ему выпала возможность приструнить наглого грузина.

Федор Тарасеев, единственный, кому достало храбрости записать эту историю, вспоминал: “Как-то раз… товарищ Сталин сидел дома, работал и не выходил на улицу. Жандарму показалось это подозрительным, он и решил проверить. Без спроса ворвался в комнату…” Тарасеев скромно пишет, что Сталин просто “работал”, но почему-то жандарм счел это

“подозрительным”. Сталин якобы был разгневан, потому что ему помешали. Во всех воспоминаниях подчеркивается, что во время обысков Сталин вел себя спокойно. Значит, в этот раз обстоятельства были исключительными? В конце концов, полицейский нарочно застал Сталина врасплох, придя “без спроса”. Очень похоже на то, что он застиг Сталина и Лидию *in flagrante delicto*.

Сталин дал Лалетину отпор. Полицейский выхватил шашку. В драке Сталин был ранен шашкой в шею. Это его так взбесило, что он “выгнал этого мерзавца”. Тарасеев пишет: “Мы наблюдали такую картину: жандарм пятился к Енисею и трусливо махал обнаженной шашкой впереди себя, а товарищ Сталин шел на него возбужденный и строгий, со сжатыми кулаками”.

Теперь о тайне узнали все. Хотя отношения со ссыльними здешняя молва осуждала, провинциальные девушки, разумеется, влюблялись в искушенных и образованных революционеров. По закону связь с Лидией трактовалась как изнасилование, но Сталин не взял ее силой: это было обычное совращение. Глава КГБ Иван Серов, проведший уже после смерти Сталина расследование, сообщал, что “И. В. Сталин… стал [с ней] сожительствовать”. Вероятно, она жила в его комнате, где их и застиг жандарм. В 1956-м Серов направил Никите Хрущеву и Политбюро служебную записку, рассекреченную только в XXI веке. Генерал Серов явно считал, что сожительство – столь же вопиющий факт, как и само соблазнение[173].

Сталин переселился в избу Перепрыгиных. Здесь было две комнаты и коровник, где скотина жила зимой. Семеро братьев и сестер теснились в одной душной, пропахшей навозом комнате. Сталин занимал вторую грязную комнату, куда можно было пройти только через коровник и комнату хозяев. Обстановка – только “стол, заваленный книгами”, “деревянный топчан”, “рыболовные и охотничьи снасти – сети, оселки, крючки… – все это изготовил сам Сталин”. Все было покрыто сажей от черной печки-буржуйки, стоявшей посередине комнаты.

Стекла в окнах были разбиты – Сталин заклеил трещины старыми газетами, а кое-где забил отверстия досками. Единственным источником света в полярных сумерках (ночь здесь могла продолжаться и днем) была лампа, но часто Сталину не хватало керосина. Уборная была на улице. Перепрыгины жили в нищете: “в один день питались щами, в другой – святым духом, но у них была одна корова”.

Как пишет первый биограф Сталина Эссад-бей, вероятно говоривший с товарищами Сталина по ссылке, по ночам Лидия прокрадывалась в его комнату. Она совершенно не стеснялась

вспоминать, какое он любил надевать белье. “Белье носил белое в полоску и майки-тельняшки”, – рассказывала она в 1952 году, когда Сталина почитали почти как полубога.

Братья Лидии были не рады связи сестры со Сталиным. Об этом говорит, например, то, что Сталина кормила его прежняя хозяйка, а не Перепрыгины, хотя, по уверению Ивана Тарасеева, просто “девочки были маленькие и стряпать не умели”. Но для своих братьев девочки-сироты готовили еду с малолетства. Скорее всего, Сосо и его любовницу отлучили от семейного стола.

Возможно, их связь бы и терпели, но дело обернулось еще хуже: Лидия забеременела от Сталина. Братья Перепрыгины были в ярости, хотя на законы о возрасте согласия в дальних северных провинциях особого внимания не обращали: девушки здесь выходили замуж и рожали, едва достигнув подростковой поры. Генерал Серов узнал, что жандарм Лалетин, убежавший от разгневанного Сталина, собирался привлечь его “к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней. И. В. Сталин дал слово жандарму Лалетину жениться на Перелыгиной [Серов путает фамилию Перепрыгиной], когда она станет совершеннолетней”. Итак, Сталин опять был обручен, и семья Лидии с благодарностью или неохотой, но приняла их отношения[174]. Сталин делился с ними уловом, как член семьи. Он смотрел на Лидию почти как на молодую жену. Когда пришла в гости его приятельница – престарелая Елизавета Тарасеева, Сталин сказал: “Лида, Лида, бабушку корми хорошо!”

Вмешательство полицейского оказалось последней каплей. Сталин пожаловался приставу Кибирову, который хорошо относился к нему, поскольку тоже был с Кавказа. Вся деревня была призвана в свидетели того, как злосчастный жандарм уколол ссыльного шашкой, а потом бесславно удирал от него по берегу реки. Но, заметим, Сталину хватило нахальства пожаловаться на полицейского, когда несовершеннолетняя Лидия уже ждала ребенка. Сталин изобразил праведный гнев, и это, как часто бывало, ему помогло.

Приблизительно в июне 1914-го Кибиров согласился отозвать Лалетина. Он написал своему помощнику: “Вот и пошлем Мерзлякова в Курейку, а то… Джугашвили настоятельно требует сменить его охранника, как бы не нажить греха”. Заключенный и надзиратель поменялись ролями: жандарм Лалетин боялся ссыльного, и было из-за чего. На замену ему приехал Михаил Мерзляков. Сталин немедленно принялся строить из себя барина, а новый жандарм на весь оставшийся срок стал для него чем-то вроде лакея, денщика и охранника.

Сталин по-прежнему занимался национальным вопросом,

изучал английский и немецкий. Зиновьеву он теперь писал куда бодрее: “Дорогой друг. Горячий привет вам… <…> Жду от вас книжек… <…> Очень прошу прислать какой-либо… английский журнал (старый, новый, все равно – для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка)”.

Помолвка Сосо с Лидией, да и сам роман, была мимолетна и революционному служению только мешала. Беременность подруги едва ли принесла Сталину радость. Но жители Курейки утверждали, что Лидия любила Сталина. Это была не единственная ее беременность от него[5].

В конце лета Свердлов переехал из Курейки в Селиваниху, а лучший друг Сталина Сурен Спандарян прибыл в соседнее Монастырское.

В конце августа 1914 года Сталин сел в лодку и поплыл в гости к Спандаряну. В Сараеве уже прогремел выстрел, убивший наследника престола Габсбургов – эрцгерцога Франца Фердинанда. Россия и великие державы оказались вовлечены в мировую войну. “Хищническая буржуазия воюющих стран втянула мир в кровавую бойню, – писал Сталин. – Массовое истребление… развалины… голод и одичание – все это для того, чтобы кучка коронованных и некоронованных хищников грабила чужие земли и загребала бешеные миллионы”.

Когда над Европой сгустился мрак, Сталин оказался не у дел, всеми забытый, разочарованный, обрученный против своей воли с беременной несовершеннолетней крестьянкой. Единственным событием, которое произошло с ним, был постельный скандал. 1914-й был не лучшим годом для Сталина. Где-то сражались великие державы – но здесь за буранами было не видно солнца и не слышно новостей. Сталин затерялся среди сибирской зимы[6].

Глава 35
Охотник

Сталин теперь был единственным ссыльным в скованной льдом сумрачной Курейке. Он близко общался с аборигенами – тунгусами и остяками. Делать здесь было нечего, но за выживание приходилось бороться: уже на краю деревни выли тундровые волки. Когда Сталин выходил на улицу по нужде, он стрелял из ружья, чтобы отпугнуть волков. Когда он ездил на санях, вокруг раздавался волчий вой. Сталин не мог забыть курейские волчьи стаи: вокруг его сибирской избы все время кружили враги. На полях документов в часы совещаний он рисовал волчьи головы, особенно часто – в конце жизни, замышляя последнюю кампанию Террора, дело врачей. Он рассказывал своим посетителям, что видел в годы ссылки, как крестьяне убивают бешеных волков.

Но почему-то Сталина это не тяготило: в Курейке ему начинало нравиться. Как ни странно, это был один из самых счастливых периодов его мрачной жизни. Друзьями его были песик по кличке Степан Тимофеевич или просто Тишка, которого подарили ему местные, рыбак-тунгус Мартын Петерин и жандарм Мерзляков. Беременность Лидии становилась все заметнее. В Сибири теперь жилось сносно, потому что Сталин начал регулярно получать деньги: в 1915–1916 годах было десять переводов общей суммой больше чем на сто рублей: он мог покупать еду, одежду и, если нужно, давать взятки[175].

Он стал охотником-одиночкой. Это отлично соответствовало образу, который он для себя придумал: человек, идущий к священной цели, пробивающийся сквозь снега с одним только ружьем, не имеющий ничего, кроме веры, лишенный буржуазной сентиментальности, но всегда по-северному стойкий, даже когда случается беда. Всю жизнь он рассказывал Аллилуевым и товарищам в Политбюро о своих сибирских приключениях. Даже управляя Россией, он оставался охотником-одиночкой.

“Осип”, “Оська Корявый”, как его здесь называли, выходил на охоту один, с ног до головы одетый в оленьи меха. Он стал умелым охотником и близко сошелся с аборигенами. Лалетин не разрешал ему иметь свое ружье, так что крестьяне шли на хитрость: “Унесем ружье в лес, повесим по договоренности на такой-то ствол. Сталин в лес – и ружье есть”. Охотился он подолгу, бил песцов, куропаток и уток.

Курейчане начали уважать Оську Корявого, книгочея с трубкой. “И. В. очень любили местные жители, очень часто ходили к нему, ходил он к ним, часто просиживали у И. В. целые ночи. Он любил… порой веселое времяпрепровождение жителей”, – вспоминает Мерзляков.

Он покупал у тунгусов рыбу и оленину. Ему нравилось их молчаливое спокойствие и забавляло, что они почитают шаманов и верят, несмотря на православное крещение, в хозяев и духов, обитавших в Сибири. Кроме того, он изучал и перенимал их способы рыбалки и охоты.

Рыба и оленина составляли основу их бытия. Олени, питавшиеся лишайником, считались священными. Олени – это транспорт (если запрячь их в сани), одежда (мех), богатство (у самых богатых вождей были стада до 10 000 голов) и еда (вареная оленина). Петерин – вероятно, наполовину остяк – научил своего друга искусству рыбачить на Енисее. Сталин сам плел лески и выдалбливал проруби – об этом пишет Мерзляков, чьи воспоминания, записанные в 1936 году, – лучший источник о жизни Сталина в Курейке. Согласно рассказу самого Сталина в несколько готическом духе, он так хорошо научился ловить рыбу в проруби, что потрясенный остяк прошептал: “ Ты слово знаешь!” Сталину нравилась рыбная диета: “Рыбы было много, но соль ценилась на вес золота, так что мы складывали рыбу у них в нужнике; на двадцатиградусном морозе она задубевала, как штабеля дерева. Мы скалывали с нее наледь и сосали”. Ему стали попадаться крупные осетры. Однажды на реке его застала метель – он уже думал, что ему конец, но все же сумел добраться до берега. В другой раз он возвращался домой с друзьями-остяками. Улов был хороший – осетр и сайда. Сталин отстал от других. Внезапно налетела пурга. Курейка была далеко, но он не мог бросить рыбу, которой собирался питаться несколько недель. Пробираясь сквозь пургу, Сталин шел, пока не увидел человеческие фигуры. Он позвал их, но они исчезли. Это были его друзья – но, увидев его, с головы до ног покрытого белым снегом, они решили, что это водяной, и убежали. Когда он наконец добрался до избы и ввалился в нее, остяки закричали:

– Осип, ты?

– Конечно я. Не лешак же! – ответил он и провалился в сон; он проспал восемнадцать часов.

Ему угрожала вполне реальная опасность. Кочевникам было не привыкать терять людей на реке. Сталин вспоминал такой случай: “Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный… рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища”. Остяки как

бы между делом объяснили, что их товарищ “остался там”. Сталин ничего не понимал, пока кто-то не сказал ему: “Утонул, стало быть”. Такое равнодушие удивило Сталина, но ему растолковали: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем, а вот кобылу… попробуй-ка сделать кобылу”. Сталин привел этот случай в своей речи 1935 года, говоря о том, как ценна человеческая жизнь, – но на самом деле этот опыт должен был научить его обратному.

“Пошел я раз на охоту, – рассказывал он своим приближенным Хрущеву и Берии за обедом уже после Второй мировой войны. – <…>

Енисей имел в ширину 12 верст. Я перешел Енисей на лыжах. Дело было зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки. <…> У меня было 12 патронов, а там сидели 24 куропатки. Я 12 убил, а остальные все сидят. <…> Я решил вернуться за патронами. Ушел назад, взял патроны и возвратился. А они все сидят”. “Как, все, все сидят?” – изумился Хрущев, а Берия попросил продолжать рассказ. “Да, все, – гордо ответил Сталин. – Я застрелил этих куропаток, взял веревку, привязал их к ней, а веревку привязал к поясу и поволок куропаток за собой”. Когда он пересказывал эту историю своему зятю Юрию Жданову, птиц оказалось уже тридцать, температура была –40, а самого охотника снова застигла пурга: из-за этого он потерял и добычу, и ружье, и саму надежду. Но, к счастью, его, теряющего сознание, нашла и спасла женщина (наверное, Лидия), после чего он проспал тридцать шесть часов[176].

В комнате Сталина образовалось что-то вроде медицинского кабинета. В Курейке никогда не было врача лучше: “И. В. сам лично помогал лекарством людям, заливал раны йодом, давал порошки”. Мерзляков рассказывает, что “инородцам” он “советовал бриться”: “Помню, одного он побрил и снабдил мылом”. Он страдал от ревматизма – после бани становилось легче, но эта хворь не покидала его до старости: во время долгих совещаний в Кремле он прислонялся к батарее. Сталин любил играть с детьми тунгусов, пел и возился с ними, иногда рассказывал о своем несчастном детстве. Маленькая Даша Тарасеева каталась у него на спине и просила: “Ты, дядя, кричи по-конячьи”. “Сама вцепится ему в волосы, а они густые и черные, как воронье крыло”. Когда у коровы Федора Тарасеева случились колики, Сталин показал изумленному хозяину то, чему научился еще мальчишкой в Грузии: он “прирезал нетель, а мясо прибрал и посолил, сделал все как хороший хозяин”.

Сталину все еще нравились вечеринки. “А как вошли к Тарасеевым, а у них вечерка. Молодежь в круг собралась. <…> А

в кругу-то Сталин пляшет… <…> А потом песню запел”, – вспоминает приезжавшая в Курейку Дарья Пономарева. “ Уж я золото хороню, хороню” – все та же любимая песня. “Вместе с нами пел песни, плясал, шутил”, – рассказывает Анфиса Тарасеева. А иногда грузин, уроженец плодородного Кавказа, смотрел из окна на тайгу. “В этом проклятом крае природа скудна до безобразия – летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, и я до глупости истосковался по видам природы…” – с тоской писал он Ольге Аллилуевой 25 ноября 1915 года.

Он проводил много времени один. По ночам писал. О своей собаке Тишке Сталин вспоминал: “Был он моим собеседником. Сидишь зимними вечерами – если есть керосин в лампе, – пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза… жмется к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнешься, потреплешь его за уши, спросишь: “Что, Тишка, замерз, набегался? Ну грейся, грейся!” Он шутил, что “с собакой по кличке Степан Тимофеевич любил разговаривать на международные темы” – Тишка, таким образом, был первым докой в политике среди собак. Сталин считал, что домашние животные лучше людей: они беззаветно и страстно любят хозяев, никогда не предают их (и не беременеют от них), а бросать их можно без зазрения совести.

Его глубоко удручало, что он ничего не делает, оторван от политических игр, что ему нечего читать; особенно тяжело было думать о Ленине и Зиновьеве. Не забыли ли они его? Где его последняя статья? Почему он не получил гонорара? В ноябре 1915 года он с сарказмом переспрашивал их: “Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии… серьезных книг? <…> Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось так жить незавидно, как здесь”.

Даже такой фанатичный марксист, как Сталин, убежденный в том, что исторический прогресс приведет к революции и диктатуре пролетариата, иногда сомневался, что когда-нибудь вернется. Сам Ленин порой переставал верить в победу революции и спрашивал у Крупской: “Доживем ли?” Но Сталин этой веры, похоже, не терял никогда. “Русская революция… так же неизбежна, как неизбежен восход солнца! Можете ли остановить восходящее солнце?” – писал он в 1905 году и с тех пор не изменил своего мнения.

Когда удавалось разжиться газетами, будущий верховный главнокомандующий охотно обсуждал с Мерзляковым “язвы войны”. Во время Второй мировой он иногда приводил в пример сражения Первой, за которыми следил в Курейке[177]. Царь терпел

поражение за поражением, и Сталин, видимо, надеялся, что эта война, как и война с японцами, наконец породит революцию. Возможно, не только для усыпления бдительности охранки он писал Малиновскому в Петербург: “Кто-то, оказывается, распространяет слухи, что я не останусь в ссылке до окончания срока. Вздор! Заявляю тебе и клянусь собакой, что я останусь в ссылке до окончания срока (до 1917 г.). Когда-то я думал уйти, но теперь бросил эту идею”. Чувствуется, что он устал: что ж, раз Ленин и Зиновьев не хотят ему помочь, не станет и он помогать им.

Где-то в декабре 1914 года Лидия родила ребенка1.

Глава 36
Сибирский Робинзон Крузо

Ребенок вскоре умер. Сталин никак об этом не высказывался, но известно, что в то время он был в Курейке, и вся деревня наверняка была в курсе событий. Мы не знаем, простили ли братья Лидии своего сластолюбивого жильца, но отношения с Лидией у Сталина продолжились.

Новый жандарм Мерзляков значительно облегчил Сталину жизнь. Он не шпионил за ним, не следовал по пятам и не разыскивал, разрешал встречаться с друзьями, подолгу охотиться и даже на несколько дней отлучаться из Курейки. “Летом ездили на лодке. Лодку тянули собаки, а возвращались на веслах. <…> Зимой ездил на лошадях…” Одетый в меха, дымящий трубкой Сталин отправлял полужандарма-полуслугу Мерзлякова за почтой. Двадцать лет спустя он все еще чувствовал к Мерзлякову благодарность – и, возможно, спас ему жизнь[178].

В феврале 1915 года, в “дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь”, к нему приехали Спандарян и его любовница Вера Швейцер. Они проехали 200 километров по замерзшему Енисею – в собачьей упряжке, под вой волков. Наконец они издалека увидели крохотную деревушку и занесенную снегом избу Сосо. Улыбаясь, он вышел им навстречу; местные жители и жандарм также приветствовали гостей.

“Мы пробыли у Иосифа Виссарионовича двое суток”. Вера заметила, что Сосо, который страдал артритом, “был одет в пиджак внакидку на один рукав. В дальнейшем я убедилась, что это была его любимая привычка одеваться, оставляя правую руку свободной”. Сталин, который был счастлив видеть своих товарищей, отправился на реку и вернулся с огромным трехпудовым осетром: “В моей проруби маленькая рыба не ловится”.

Спандарян и Швейцер обсуждали со Сталиным суд в Петербурге над пятеркой депутатов-большевиков и редактором “Правды” Каменевым. Ленин объявил, что желает, чтобы Германия победила Россию и этим приблизила революцию и “европейскую гражданскую войну”. Меньшевики поддерживали отечественную войну в России, коль скоро она была “освободительной”. В ноябре 1914 года Каменева и депутатов арестовали за государственную измену. На суде Каменев отказался от непатриотичного ленинского лозунга поражения в войне, но все равно был признан виновным и сослан в Сибирь.

Сталин и Спандарян поведение Каменева сочли отвратительным. “Этому человеку нельзя доверять, – заявил Сталин. – Каменев способен предать революцию”. Укрывшись парусиной, одевшись с головы до ног в оленьи меха и взяв проводника-тунгуса, Спандарян и Вера взяли Сталина с собой в Монастырское. Над тундрой разлилось великолепное северное сияние. “Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню, – пишет Швейцер. – Сурен вторит. Радостно слышать знакомые мелодии песен, уносящихся вдаль…” Упряжка два дня ехала по льду в бесконечных сумерках.

Спандарян и Сталин написали Ленину. Большевик-охотник Сталин больше не жаловался на то, что ему задолжали денег и не прислали книг. Он сразу занял бравую воинственную позу, которая определит и стиль большевистской власти:

> Мой привет Вам, дорогой Ильич, горячий-горячий привет! Привет Зиновьеву, привет Надежде Константиновне! Как живете, как здоровье? Я живу как раньше, хлеб жую, доживаю половину срока. Скучновато, да ничего не поделаешь. А как Ваши дела-делишки? У Вас-то, должно быть, веселее… <…> Читал… статейку Плеханова в “Речи” – старая неисправимая болтунья-баба! Эхма… А ликвидаторы с их депутатами-агентами?.. Бить их некому, черт меня дери! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали.

Ленин припомнил своего ссыльного “пламенного колхидца”. Он рассказал своим товарищам, что у Кобы все в порядке. Через несколько месяцев он попросил: “Большая просьба: узнайте… фамилию “Кобы” (Иосиф Дж…? Мы забыли). Очень важно!!”

Вернувшись из отлучки, Сталин всю долгую зиму провел в Курейке. Затем на Енисее стал таять лед. В мае 1915 года пароходы привезли ему из Красноярска занятных соседей.

Вместе с депутатами-большевиками в Монастырское прибыл Каменев. Неподалеку жили Свердлов и Спандарян. В июле 1915-го Сталина позвали на собрание в Монастырское – оно проходило в избе Каменева и Петровского.

У большевиков получился идиллический летний слет. Был даже сделан групповой фотоснимок[179]. Но большевики не могли даже пикник провести без политики: здесь случались разоблачения и товарищеские суды. Сталин и Спандарян поддерживали Ленина и решили подвергнуть Каменева трибуналу в Монастырском. Каменев подарил Сталину “Государя”

Макиавелли – не лучший подарок для человека, который и так воплощал дух макиавеллизма. Во время пьяного застолья Каменев спросил всех присутствовавших, что для них наивысшее удовольствие в жизни. Кто-то говорил: женщины, другие честно отвечали: идти путем диалектического материализма к пролетарскому раю. Сталин ответил: “Выбрать своего врага, подготовить все детали удара, утолить жажду жестокой мести и затем отправиться спать… Нет ничего слаще в мире!”[180].

На “трибунале” Каменева голос Сталина был решающим. Он, как всегда, проявил изворотливость и умение находить союзников: сначал он обвинил Каменева, а затем, до итогового голосования, уехал в Курейку и таким образом спас жертву. Каменев свысока относился к неотесанному грузину, а Сталин считал Каменева человеком близким по убеждениям, но негодящим мужчиной и политиком. “Видал я летом Градова [Каменева] с компанией, – писал он Зиновьеву. – Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну и “орлы”!..”

Сталин вновь вернулся зимовать в Курейку. В начале ноября, когда лег снег, он получил разрешение посетить врача в Монастырском. Приехав в нартах, запряженных четырьмя собаками, разодетый в меха, он влетел в дом Спандаряна и расцеловал друга в щеки – а Веру дважды поцеловал в губы.

– Ах, Коба! – восклицала обрадованная Вера. – Ах, Коба!

Спандарян, предрасположенный к туберкулезу и нервным припадкам, иногда “до такой степени выходил из себя, что, например, от злости от укуса комара летом даже рвал на себе одежду”. “Сурен… был очень нервным, угнетенным”, но Сталин – “очень веселый”, вспоминает ссыльный Борис Иванов, и “приезд тов. Сталина всегда оживлял” Спандаряна.

Сталин получил письмо от Зиновьева и отправил ему саркастический ответ:

> Дорогие друзья!
>
> Наконец-то получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего, – нет, оказывается, помните еще. <…> Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? <…> Вопросов и тем много в голове, а материала – ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. <…> А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли случайно у вас денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что же, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати. <…>

Ваш Джугашвили.

В Монастырском Сталин подлил масла в огонь здешнего конфликта: подобное ему всегда нравилось – как злое развлечение и политическое упражнение. Ссыльные большевики во главе с Шаумяном поняли, что у них кончается сахар и теплая одежда на зиму, и ограбили магазин компании "Ревельон". Полиция начала расследование, и ссыльный Петухов донес на грабителей. Ссыльные, в сибирской глухомани впавшие в паранойю, разделились: одни заняли сторону похитителей, другие – доносчика. Спандарян хотел наказать Петухова и отдать его под партийный трибунал. Свердлов защищал Петухова и предлагал предать суду Спандаряна – за грабеж. Но Свердлов сам в то время слишком сблизился с полицией: он обучал местных полицейских немецкому. Спандарян и его сторонники обвинили Свердлова в том, что он "морально разложившийся" шпион охранки.

Свердлов бойкотировал трибунал, на котором Спандарян, Вера и пятеро других проголосовали за осуждение Петухова. Сталин, которого в свое время так же исключали на партийном суде, воздержался от голосования, объясняя это тем, что "надо было исключать обоих, т. е. Петухова и Свердлова". Страсти накалились до того, что один из сторонников Свердлова был избит.

"Эта ссылка хуже всякой другой, – писал Свердлов. – Ни тени общественности, товарищеской среды… оторванность от всех и от всего адская, отдаленность убийственная". Спандарян "тяжело заболел… шла кровь через горло"1.

Сталин "бывал там [в Монастырском] подолгу, – рассказывает надзиратель-денщик Мерзляков. – Где он в эти дни, у кого жил, ночевал, мне неизвестно. Сам И. В. приходил в управление, говорил мне о том, что надо ехать обратно".

Снова возвратившись в Курейку, Сталин провел зиму в своей закопченной комнате у Перепрыгиных. Его отношения с Лидией продолжались. С большой радостью он получил посылку из Петербурга – от Ольги Аллилуевой – и откликнулся на редкость чувствительным посланием:

> Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербург, лично благодарю Вас, а также Сергея за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

> Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном – не тратиться больше на меня: вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если… будете присылать открытые письма с видами природы…

Анна и Надя Аллилуева (последней уже исполнилось четырнадцать лет), в свою очередь, послали своему опальному герою новый костюм, а в карман положили записочку.

В марте 1916-го, когда стало возможно проехать по Енисею на санях, Сталин отправился в Монастырское повидать Спандаряна и “переправить последнюю почту”. В письме от 25 февраля он жаловался товарищу: “Кстати, напиши мне, пожалуйста, какова судьба статьи К. Сталина “О культурно-национальной автономии”, вышла ли она в печать, а может быть, и затерялась где-нибудь? Больше года добиваюсь и ничего не могу узнать. <…> Чем занимаюсь? Конечно, даром не сижу. Твой Иосиф”. Сталин отправлял статью Ленину через Аллилуева, но она почему-то навсегда потерялась.

Спандаряна Сталин нашел тяжело больным: туберкулез и сердечная недостаточность. Тот просил, чтобы его перевели из Туруханска. Сталин, беспокоясь за Спандаряна, также обратился с прошением. Через несколько дней он вернулся в Курейку. “Это была его последняя встреча с Суреном Спандаряном”, – пишет Вера Швейцер[181].

Летом Лидия во второй раз забеременела от грузинского жильца – после чего тот, как обычно, скрылся. Ссыльные, как писал Иванов, “узнали, что Сталин исчез из Курейки – сбежал” на несколько месяцев. Где он был? Этого не знает и Мерзляков. Он разрешал “И. В.” рыбачить ниже по течению на острове Половинка. Сталин уезжал туда “на целое лето. <…> Я только слухами пользовался, что он не убежал”. Жандарм удивлялся, что Сталин забыл на этом дальнем острове: “Пустое (нежилое) местечко Половинка. Пески. Где он только там рыбачил? Никто другой там не был”. Но выходит, что Сталин все же бывал в “пустом местечке Половинка”.

Мало кто из местных охотников устраивал стоянки на этом далеком острове, богатом дичью. Степанида Дубикова рассказывает, что “Осип” провел там большую часть лета. “Мы помогли ему построить из березовых веток чум на одного человека”. Степанида и ее родные тоже ютились в березовом чуме – кроме них, на Половинке никого не было. “Осип часто приходил к нам в чум, и я жарила ему его любимую стерлядь”. Сталин неделями жил в своем шалаше совершенно один, ловил сам себе рыбу и радовался уединению. Но иногда он пропадал и с острова.

“Сталин… заехал к нам в Енисейск, и мы тут встретились… – пишет депутат Бадаев. – Как мы ни конспирировали, но ссыльные узнали, что у нас был товарищ Сталин”. Вероятно, он заехал и в Костино, потому что на обратном пути побывал в Мироедихе, где его весело встретил ссыльный грузин Нестор Рухадзе, у которого “была гармошка, балалайка”. Сталин, одетый в “длинное пальто, шапку-ушанку и валенки” (“расписные красные боярковые”), проводил время с местной молодежью: “вечерами… играли на музыке, веселились, разговаривали”.

Мерзляков не сообщал приставу Кибирову о летних отлучках Сталина. Об этом ходили слухи, но Кибиров, последний полицейский, которого Сталин совратил с пути истинного, был либо подкуплен, либо очарован своим пленником – он ничего не предпринимал, пока его начальство не узнало, что ссыльный грузин надолго пропадал. После этого Кибиров арестовал Федора Тарасеева. Тарасеев получил полтора года тюрьмы за то, что одолжил Сталину лодку. Самого Сталина не наказали[182].

Что делал Сталин летом 1916-го? Скорее всего, он покинул Курейку из-за новой беременности Лидии. Этим объясняется неопределенность рассказа Мерзлякова, подозрительная, но и деликатная. Возможно, опять случился конфликт с братьями Перепрыгиными: когда Сталин в начале осени вернулся, то переехал от Перепрыгиных к Алексею Тарасееву. Затем он возвратился к Перепрыгиным: пятнадцатилетняя Лидия была уже на большом сроке. Судя по всему, Сталин ушел в загул: он побывал у друзей даже в Енисейске и Красноярске, но местные считали, что он хотел придумать, как избежать женитьбы на малолетней беременной любовнице2. В 1916 году гниение, начавшееся с головы империи, дошло и до других ее частей: сибирская полиция потеряла бдительность. От всех полицейских и конвоиров удавалось ускользнуть, вспоминал Бадаев.

На войне дела обстояли хуже некуда. Император уехал из Петербурга (город, избавляясь от “германского” звучания, переименовали в Петроград) в Ставку верховного главнокомандующего. В Петрограде на хозяйстве осталась неумная, неврастеничная, ничего не смыслившая в государственных делах императрица Александра. По наущению Распутина, бездарных шарлатанов и наживавшихся на войне дельцов она нанимала и увольняла еще более коррумпированных и неспособных министров. Никто еще не знал, что трехсотлетнему правлению Романовых осталось несколько месяцев.

Глава 37
Сталин в оленьей упряжке. Сын в Сибири

В октябре 1916 года Сталин – марксист-фанатик с больной рукой – был призван на военную службу, как и его товарищи по ссылке. Он больше десяти лет уклонялся от призыва. Военной машине Романовых явно не хватало живой силы, раз она мобилизовала ссыльных. И Сталин, и местные власти понимали, что медицинская комиссия забракует солдата с такой травмой руки. Туруханцы рассказывают, что Сталин уговорил Кибирова внести его в список призывников и выдать "фальшивую справку". Возможно, это надувательство он подстроил еще во время летнего вояжа. Может быть, он вызвался добровольцем, чтобы избежать женитьбы и сократить срок пребывания в Курейке?

"Кибиров… составил первую партию из девяти ссыльных для отправки в Красноярск", – пишет Вера Швейцер. Сталин в Курейке не задержался. Он наскоро попрощался, одной крестьянке, заботившейся о нем, подарил "фотокарточку с надписью и два пальто". Его и других призывников провожали "как образцовых патриотов". Вместе с Мерзляковым он отправился в Монастырское.

После его отъезда, где-то в апреле 1917-го, Лидия родила сына Александра. Она долго не сообщала об этом его отцу, а Сталин никогда не пытался с ней связаться. Но каким-то образом он узнал о ребенке: сестрам Аллилуевым он рассказывал, что в последней сибирской ссылке у него родился сын. Но ни отцовских чувств, ни даже сентиментального любопытства он не испытывал.

Итак, Сталин бросил сына. Но Туруханск в каком-то смысле сделал из него русского. Возможно, грузинская экзотика не перенесла сибирского мороза. В Кремль он пришел уверенным в себе, бдительным, бесстрастным одиночкой – сибирским охотником. Генералиссимус Сталин говорил правду, когда в 1947 году писал человеку, с которым рыбачил в Курейке: "Я еще не забыл Вас и друзей из Туруханска и, должно быть, не забуду". Лучше всех сказал Молотов: "В Сталине от Сибири кое-что осталось"[183].

Около 12 декабря 1916 года Кибиров собрал вместе две партии ссыльных – всего двадцать человек, – чтобы отправить их в Красноярск. "Среди других призывников и Сталин", – писал Свердлов. Его самого миновала славная участь погибнуть на каком-нибудь забытом поле сражения на Восточном фронте,

потому что он был евреем (один из немногих плюсов романовского антисемитизма). Товарищи упрашивали Сталина помириться со Свердловым и подать ему руку. Сталин отказался.

Призывники проехали настоящим парадом на оленьих упряжках – по улицам, украшенным флагами. Ссыльные махали мандолинами и балалайками. Всем им выдали "сибирские сакуи (шубы), оленьи сапоги (бокари), такие же рукавицы, шапки оленьи", вспоминает еще один призывник – Борис Иванов. "По одному человеку сидели мы в санях, на которые было положено нечто вроде люльки из полотна". Полицейские сопровождали эту процессию, которая двигалась по замерзшему Енисею мимо двадцати пяти селений: всем селянам предписывалось предоставить солдатам "постель, пуховые подушки (пуху там было много), молоко, рыбу, мясо. <…> В некоторых поселках мы останавливались по несколько дней".

Сталин сразу взял на себя роль лидера и решил, что "торопиться некуда". "Не хотели уезжать, так как устали с дороги, да и что нам было торопиться на военную службу? – вспоминает Иванов. – "Немцам на котлеты еще успеем попасть!" – говорили ссыльные. Так и Сталин рассматривал этот вопрос".

В одном селе ссыльные "устроили две-три вечеринки". Сталин запевал. Полицейские жаловались на разгул и телеграфировали Кибирову. Тот "прислал телеграмму: пришлю казаков. Мы ответили ему телеграммой же: ждем твоих казаков. Конечно, в составлении телеграммы активное участие принимал и Сталин". Он сумел превратить путь на войну в почти что двухмесячный пьяный дебош на оленьих упряжках. По дороге веселые ссыльные отметили Новый год – 1917-й.

Наконец примерно 9 февраля сани прибыли в Красноярск. Полиция под честное слово отпустила ссыльных на несколько дней – искать себе квартиры; затем о них доложили военному начальству. Сталин поселился у большевика Ивана Самойлова. Из Ачинска к нему приехала Вера Швейцер. Она рассказала ему, что Спандарян умер.

Сталин посетил медицинскую комиссию, которая признала его "негодным к военной службе" из-за руки. Это вышло удачно – но для будущего верховного главнокомандующего факт, конечно, неудобный: сам он считал себя настолько же солдатом, насколько и политиком. Когда Анна Аллилуева в воспоминаниях, вышедших сразу после Второй мировой войны, написала, как Сталина "забраковали", он ей этого не простил.

16 февраля он подал прошение енисейскому губернатору о том, чтобы провести последние четыре месяца ссылки в близлежащем Ачинске, большом поселении с 6000 жителями,

двумя церквями и одноэтажной застройкой, западнее по Транссибирской магистрали. Здесь жили Вера Швейцер и Каменев.

21 февраля он переехал на ачинскую квартиру Веры Швейцер. А за несколько тысяч километров отсюда, в Петрограде, бурлили события. Императрица Александра начала терять власть над городом. 23 февраля в столице бастовали толпы горожан – в это самое время в Ачинске Сталин заселялся в новый дом. “Вещей у него никаких не было, – вспоминала квартирная хозяйка. – Одет был в черное пальто, в серой папахе… <…> Из дома он уходил… после обеда и приходил поздно ночью”. Часто его навещала “женщина, чернявенькая, нос греческий, в черном жакете, и они подолгу сидели, а потом он выходил ее провожать и сам закрывал двери”. Эта женщина была Вера Швейцер, с которой Сталин в эти десять дней не разлучался: “Она все была у него”. Можно заключить, что они жили вместе, но мы не знаем, было ли между ними что-то большее, – хоть Швейцер и приветствовала его всегда поцелуями в губы: “Ах, Коба! Ах, Коба!”

В воскресенье 26 февраля в Петрограде на протестующих бросились казаки. Погибло пятьдесят человек. Кровопролитие только раззадорило толпу, царские солдаты начали дезертировать. На следующий день манифестанты взяли штурмом арсенал и раздали 150 000 винтовок. Полицейские участки поджигали, над жандармами чинили самосуд. Одного сбросили из окна четвертого этажа – толпа, орудуя палками и прикладами, превратила его тело в кровавую кашу.

В Ачинске ничего об этом не знали. Каменев и его жена Ольга – сестра Троцкого – завели у себя салон. “Я заходил к Каменевым провести с ними вечер, – вспоминает ссыльный Анатолий Байкалов, сын золотопромышленника. – Джугашвили, или, как мы к нему в разговоре обращались, Осип, был у них частым гостем”. Каменев, “блестящий оратор и искусный собедник”, затмевал “скучного и сухого Сталина, лишенного яркости и остроумия”. Когда Сталин что-то произносил, Каменев “отбривал его короткими, почти презрительными репликами”. Немногословный и угрюмый Сталин только попыхивал трубкой, чей “ядовитый дым сильно мешал красивой, но тщеславной и капризной жене Каменева”, которая “кашляла и просила Сталина перестать курить. Но он не обращал на нее внимания”.

А в Петрограде окончилось правление царя. 1 марта в Таврическом дворце было образовано Временное правительство во главе с князем Георгием Львовым. В том же дворце Совет рабочих и солдатских депутатов избрал исполнительный комитет во главе с грузинским меньшевиком Карло Чхеидзе. Две

параллельных структуры стали реальной властью. Отрезанный от мира, не владеющий обстановкой, подавленный император пытался вернуться в столицу. Но пока задержанный императорский поезд стоял во Пскове, и царь стремительно терял поддержку своих генералов.

2 марта Николай II "вспомнил, что его убеждение твердо, что он рожден для несчастия, что он приносит несчастие России", и отрекся от престола – но не в пользу своего сына, страдавшего гемофилией Алексея, а в пользу брата, великого князя Михаила. Последний стал Михаилом II, но только номинально.

Новый министр юстиции Александр Керенский телеграммой в Ачинск приказал освободить ссыльных думских депутатов: "Все в руках народа. Солдаты, Временное правительство, президиум. Тюрьмы пусты, министры арестованы, государыня охраняется нашими". Тем вечером Ачинск наконец узнал о революции, но "все об этом говорили шепотом".

"В день, когда мы получили телеграмму, был базарный день, – вспоминала большевичка Александра Померанцева, библиотекарша, жившая со Сталиным в одном доме. – Я решила, что крестьяне с базара разъедутся и ничего не узнают, побегу к ним и скажу, что царя нет… На пути я встретила тов. Сталина. Сталин посмотрел на мое возбужденное лицо и спросил: "Куда вы бежите?" Я говорю: "Бегу на базар, надо сказать крестьянам о перевороте". Сталин "одобрил", и Померанцева устремилась на базар.

3 марта Михаил II отрекся: правительство не могло гарантировать его безопасность. 14 марта ачинский градоначальник собрал городской митинг, на котором Каменев предложил послать телеграмму, восхваляющую гражданственность великого князя Михаила. Каменев впоследствии пожалеет об этом небольшевистском порыве. "Я узнал на другой день об этом от самого Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость", – вспоминал Сталин в 1920-е (в тот день он отлучился в Красноярск). Каменев отрицал, что подписывал телеграмму, и обвинил Сталина во лжи.

Сталин телеграфировал Аллилуевым в Петроград, что возвращается. Последний вечер в Ачинске он провел с Верой Швейцер. 7 марта Каменев, Швейцер и Сталин приехали на вокзал и весело отправились в путь. Дорога заняла четыре дня. На каждой станции бывшие ссыльные состязались перед толпой с местными восторженными ораторами. Каменев говорил речи, Сталин наблюдал за ним. Он посмеивался над выступавшими и позднее передразнивал их наивные речи: "Святая революция, долгожданная, родная… пришла наконец-то!"

Утром 12 марта 1917 года, обутый в валенки и одетый в тот же костюм, в котором он был на злополучной вечеринке в июле 1913-го, Сталин приехал в Петроград. Из вещей у него были только плетеный чемоданчик и печатная машинка1.

Часть пятая

Поэту,
певцу
крестьянского
труда, князю
Рафаэлу
Эристави

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.

Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.

Когда, Отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.

С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.

Певца Отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.

Не зря народ тебя

прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.

Сосело (Иосиф Сталин)

Глава 38
Весна 1917-го: ошибки вождя

“Шел мягкий пушистый снежок, – пишет Вера Швейцер. – Стоило нам выйти из вагона на платформу, как на нас пахнуло политической и революционной жизнью столицы”. Сталин, член ЦК, вернулся в Петроград. Сбылась мечта его жизни. Но на Николаевском вокзале их никто не встречал. Сосо и Вера в упоении ходили по городу: “Сливаясь с толпой, мы пошли по Невскому”.

Гуляя по бульварам, Сталин мог больше не опасаться ареста, не искать старых знакомых, чтобы его спрятали. Стрельба, бунт, эйфория Февральской революции преобразили столицу: она стала чуть ли не самым свободным городом Европы. По Петрограду разъезжали лимузины – в том числе реквизированные у великих князей “роллс-ройсы” – и бронированные автомобили. Они неистово сигналили. На них катались рабочие, полуодетые девушки и солдаты, размахивая флагами и потрясая оружием. В свежих газетах отражались все возможные политические взгляды, а порнографические листовки рассказывали о безудержной лесбийской похоти поверженной императрицы и о ее оргиях с Распутиным. Пропала ненавистная полиция – фараоны; были разбиты двуглавые орлы, но классовая борьба еще даже не началась. По улицам расхаживали вооруженные рабочие и угрожали пугливым “буржуям”, но в театрах шли спектакли (в Александринском театре – “Маскарад” Лермонтова), а сметливые рестораторы открывали свои заведения в разгар уличных драк.

“Вот улица, идешь, и начинают пропагандировать. Выступаешь, и собирается группа, – вспоминал Молотов. – Впервые свободу в полном смысле получили”[184]. Даже проститутки и воры проводили митинги и избирали советы. Все было шиворот-навыворот: солдаты носили фуражки козырьком назад, одевались в лучшую форму. Женщины щеголяли в касках и галифе. Петроградцев лихорадила внезапная свобода, они почувствовали карнавальную раскрепощенность. “Люди в состоянии эйфории занимались сексом на улицах: от поцелуев и ласк до настоящих сношений”, – пишет Орландо Файджес1.

Сталин и Вера направились прямо к источнику власти. “Беседуя с нами, тов. Сталин незаметно подошел к Таврическому дворцу”. Там они встретили Елену Стасову и Молотова. Вечером Сталин, Молотов, Вера Швейцер, Стасова и Русское бюро

обсуждали ситуацию. Никто не понимал, что делать раньше.

“Россия *была* империей”, но “что она такое теперь?” Политическая система, родившаяся в Таврическом дворце, была, по словам думского депутата Василия Шульгина, “не монархией, но и не республикой: государственное образование без названия”. Достопочтенный князь Львов был председателем кабинета, состоявшего из консерваторов и либеральных кадетов (конституционных демократов). В Совет, возглавляемый Чхеидзе, входили меньшевики, большевики и эсеры, и он обладал не меньшей властью, чем правительство. Только Керенский присутствовал и в Совете, и в Правительстве. “На революционной трясине, привычный к этому делу, танцевал один Керенский”. Но на самом деле и ему это не очень удавалось.

Когда царь отрекся, акулы социал-демократии находились за границей: Троцкий и Бухарин – в Нью-Йорке, Ленин и Мартов – в Швейцарии. В Петрограде недоумевавших большевиков возглавляли 33-летний рабочий Александр Шляпников и 27-летний Молотов[185]. Большевиков во всей России было меньше 20 000, а активистов-ветеранов – не больше 1000.

За несколько дней до февральских событий Ленин говорил, что революция может и не начаться “при нашей жизни”. Когда они узнали о революции, Крупская предположила: может быть, это очередной розыгрыш? “Потрясающе! – восклицал Ленин. – Вот это сюрприз!” Он начал посылать указания Молотову и Шляпникову: войну необходимо прекратить, Временному правительству – противостоять. Но на заседании Бюро 38-летний Сталин и 34-летний Каменев попытались взять власть в свои руки и отклонить указания Ленина: они считали, что Временное правительство в данный момент нужно поддержать, если оно согласится вести оборонительную войну и установить основные гражданские свободы.

Все окончилось “скандалом”. Бюро решительно отвергло идеи Каменева и потребовало разъяснений о его предательстве, а Сталина кооптировало только “с совещательным голосом” “ввиду некоторых личных черт, присущих ему”2. Его эгоизм, грубость и, возможно, сексуальная распущенность составили ему дурную славу.

Когда Анна Аллилуева пришла домой (Аллилуевы жили теперь в пригороде, куда ходил только пригородный поезд – паровичок), она застала там за разговором нескольких знакомых товарищей (в том числе Енукидзе). “Но мужское черное драповое пальто на вешалке мне незнакомо. И на столике чей-то длинный теплый полосатый шарф”.

– Кто у нас? – спросила она.

– Вернулся Сталин… – ответил один из гостей. – Из ссылки… Только приехал.

Она побежала к нему: “Мы ждали его”. Сталин расхаживал по комнате. Анна поразилась перемене в нем. “Он в таком же темном, обычном для него костюме, в синей косоворотке”, но “он осунулся и похудел… от усталости. <…> …лицо его стало старше… А глаза – те же. Та же насмешливая, не уходящая из них улыбка”.

– Видите, отыскал… Ехал на паровике, ехал, ехал, думал – не доеду. Ну как вы здесь все? Что Ольга, Сергей? Где Павел, Федя? Где сестра?

Сергей был управляющим на электростанции; Ольга работала медсестрой; Павел был на фронте; Федор – на занятиях; Надя – на уроке музыки.

– Вы, наверное, голодны? – спросила Анна и пошла ставить самовар. Тут пришел ее отец. Мужчины “оживленно” обменивались новостями. Пришла и Надя – черноглазая, веселая, восторженная, в пальто и шапочке. “Иосиф приехал”. Родители и дети окружили Сталина: он почувствовал себя героем в кругу дружной семьи из чеховских рассказов, жившей в мещанском уюте, какого Сталин никогда не знал. “Смех, взрывы смеха”: это “Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые… доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам”. Пока Сталин повествовал о своих удивительных приключениях в ссылке, Анна и Надя накрыли на стол. Он согласился остаться у них на ночь, и его уложили в столовой, там же, где спал Сергей.

– А когда вам завтра вставать? Мне надо завтра рано утром быть в редакции “Правды”.

– И мы встанем рано, – сказала Ольга. – Мы разбудим вас.

Ольга с дочерьми удалились в свою спальню, но заснуть не могли. Надя начала повторять рассказы Сосо о вокзальных ораторах. “Это до того смешно, что мы не можем удержаться и фыркаем в подушки, – вспоминает Анна. – Чем больше мы стараемся удержать смех, тем громче наши голоса”.

– Да замолчите вы наконец, егозы этакие! – крикнул их отец.

– Не трогай их, Сергей! – вмешался Сталин. – Молодежь… пусть смеются.

Утром поехали на поезде в город. Аллилуевы сообщили Сосо, что будут смотреть квартиру на 10-й Рождественской улице. Сходя с поезда, Сталин сказал: “Вот и хорошо. Только вы обязательно в новой квартире оставьте комнату для меня”[3].

Сталин сделал заявку на лидерство – не в Таврическом дворце, но в штаб-квартире большевиков, которая теперь располагалась в особняке, погрязшем во грехе, – доме “наложницы царя” Матильды Кшесинской[186].

Этот “расположенный против Зимнего дворца притон роскоши, шпор и бриллиантов” (слова Троцкого) был стратегически важен: находился недалеко и от Петропавловской крепости, и от выборгских заводов.

Итак, в будуарах и бальных залах Сталин вновь заявил о себе. Он ниспроверг выскочку Молотова и Русское бюро. 15 марта Сталин и Каменев получили контроль над “Правдой” и вошли в президиум Бюро. “Когда Сталин и Каменев приехали, меня… вышибли – вспоминает Молотов, – деликатно, без шума, но умелой рукой, потому что они были более авторитетные… И по возрасту на десять лет старше. Я и не боролся”. Сталина, назначенного представителем большевиков в исполнительном комитете Совета, приветствовали земляки – Чхеидзе и Ираклий Церетели, лучший в Совете оратор. Новая политическая жизнь приводила Сталина в восторг, но даже в эти головокружительные дни он смотрел на жизнь как на манихейскую борьбу света и тьмы. “С быстротой молнии двигается вперед колесница русской революции, – писал Сталин, но добавлял: – Оглянитесь кругом и увидите, что темная работа черных сил идет непрерывно”. Он вел себя тихо и настороженно. “Сталин… в Исполнительном комитете производил… впечатление серого пятна”, – писал меньшевик Николай Суханов.

В далекой Швейцарии Ленин втуне ругал Временное правительство и требовал немедленного мира с Германией, но в Петрограде Сталин и Каменев “правели”, двигаясь к примиренческому варианту: они надеялись заманить в партию радикальных меньшевиков-интернационалистов. Это была недурная мысль – в особенности потому, что они настаивали на радикализации внешней политики[187]. Но, как с неудовольствием отмечал Шляпников, это вызвало лишь непонимание и раздражение у других членов партии. Молотов с удовольствием вспоминал, что справедливо выступал против “оборонческой линии”. “Вот где ошибка. <…> Вот эта ошибка Сталина”. Троцкий злорадствовал: Каменев и Сталин заставили большевиков приобщиться “к механике парламентарно-закулисного “давления” на буржуазию”.

Впрочем, критики Сталина преувеличивают его недальновидность. Да, в те десять дней он был осторожен и “сер”, но в то же время проводил взвешенную, реалистичную и тактическую политику. Троцкий признает, что Сталин “давал

выражение скрытым тенденциям целого слоя “старых большевиков” – и большинства меньшевиков. Даже Крупская, слыша радикальные тирады Ленина, бормотала: “Кажется, Ильич сошел с ума”. У большевиков еще не было надежды на свержение Временного правительства: дерзкий Ленин находился далеко. Кроме того, и сам Ленин не упорствовал: он немедленно внес в свою радикальную программу поправки и оговорки и вернулся к первоначальной версии только в конце года.

Прочитав в швейцарской ссылке речь Чхеидзе о примирении с большевиками, Ленин не выдержал.

– Это просто говно! – закричал он.

– Владимир, что за слова! – возмутилась Крупская.

– Еще раз говорю: говно!

Чтобы исправить ошибки Каменева и Сталина, Ленин начал писать “Письма издалека”. Статьи же Сталина выходили почти каждый день.

Но с 18 марта Сталин целую неделю ничего не писал. Возможно, он проводил переоценку своей политики: Ленин возвращался4.

Глава 39
Лето 1917-го: матросы на улицах

27 марта Ленин, Крупская, Зиновьев и грузинский покровитель Сталина Цхакая сели в знаменитый пломбированный вагон. Спустя почти месяц после Февральской революции Ленин понял, как попасть в Россию. Весь этот месяц он изобретал новые способы возвращения: сесть на поезд, притворившись глухонемым шведом, или перелететь через Центральную Европу на утлом биплане. “Надо ехать домой, – говорил он. – Но как?” По счастью, немецкое командование поверило, что инъекция революционной бациллы Ленина заразит Россию пацифизмом и тем самым выведет из войны1.

В пломбированном вагоне Ленин вел себя по-хозяйски, как будет вести себя и в России: он бы наверняка одобрил курительные запреты наших дней. Он пытался установить правила курения и посещения туалетов во всем поезде. Большевик Карл Радек шутил, что это подготовка к руководству революционным правительством. Курить разрешалось только в туалете, а некурящим выдали пропуски “первого класса”, по которым они могли первыми посещать туалет.

3 апреля поезд встал на границе России и Финляндии, на станции Белоостров. Крупская писала: “Было уже все свое, милое – плохонькие вагоны третьего класса…” Подруга Сталина – Людмила Сталь – во главе женской делегации приветствовала Крупскую. Каменев радостно влетел в поезд, чтобы поприветствовать Ленина, и был ошарашен приемом.

– Что у вас пишется в “Правде”? – рявкнул Ленин. – Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали.

Поезд прибыл в Петроград на Финляндский вокзал. Сталин поднялся в вагон встретить Старика (всего-то сорока шести лет). Лысый, небольшого роста, в шляпе-хомбурге, твидовом костюме и с буржуазным зонтиком, Ленин был в России – и старой и новой – чужестранцем. Но это был не тот Ленин, что отправился в ссылку десять лет назад: он стал злее, безжалостнее, нетерпеливее. Если Ленин и не был столь же злопамятен, как Сталин, он все равно походил на Сталина больше, чем на благостный отеческий образ, рожденный позднее советской пропагандой. “Часто слушать музыку не могу, – говорил он, слушая “Апассионату” Бетховена. – Хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей… А сегодня… надобно бить по головкам, бить безжалостно”. Ленин уже предвкушал новую битву. “Одна драка за другой, – говорил

он своей любовнице Инессе Арманд. – Вот моя жизнь”. Сталин сказал бы то же самое. Они происходили из совершенно разных миров – один имел манеры дворянина, другой крестьянина, – но одинаково мыслили и действовали одними методами.

Мы не знаем, что Ленин сказал ему в вагоне[188], но, едва встретившись с ним, Сталин оставил “слабосильного” Каменева и перешел на сторону Старика.

Около полуночи Ленин “вышел из вагона вместе со Сталиным”, вспоминал присутствовавший там Молотов. Знаменитый и в то же время загадочный Ленин попал на Финляндский вокзал в разгар революционного празднества. Военный оркестр грянул “Марсельезу”, прожекторы освещали возбужденную толпу. Ленин увидел почетный караул революционных матросов с Кронштадтской базы, 2000 рабочих с Путиловского завода, множество людей, махавших красными флагами, и несколько броневиков.

Колонна красногвардейцев – вооруженных рабочих-большевиков – сопроводила Ленина в “императорские комнаты”, где его приветствовал председатель Совета Чхеидзе. Но Ленин взобрался на броневик и сообщил собравшимся (в том числе Молотову, Ворошилову и Аллилуеву), что Временное правительство сладкими речами и несбыточными обещаниями обманывает их так же, как оно обманывает весь русский народ. Его речь, как писал один очевидец, “потрясла и ошеломила правоверных… как удар грома”. Ленин возглашал, что большевики должны свергнуть правительство, прекратить “грабительскую империалистическую войну” и немедленно передать всю власть советам.

Многим показалось, что Ленин попросту рехнулся. Меньшевик Скобелев в разговоре с князем Львовым назвал Ленина “совершенно отпетым человеком”. Но даже противники могли только дивиться его яростной уверенности. “Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск…” – писал Суханов.

Ленин проехал на броневике по улицам в сопровождении оркестрантов, солдат и рабочих. Они держали путь в особняк Кшесинской. Там, в белоколонном салоне балерины, Ленин устроил разнос неверующим большевикам. На следующее утро он говорил с ними в комнате № 13 Таврического дворца. “Все были… ошеломлены”, – пишет Троцкий. Поначалу точку зрения Ленина целиком разделяла только Александра Коллонтай. “Партия оказалась застигнута Лениным врасплох не менее, чем Февральским переворотом”.

Ленинский *tour de force* убедил Сталина. Он признавался: “Многое стало значительно яснее”. Люди хотели мира и земли, но благонамеренное Временное правительство настаивало на том, чтобы соблюсти царские обязательства по борьбе с Германией и по неразумию откладывало решение земельного вопроса до выборов в Учредительное собрание, которые должны были состояться лишь через несколько месяцев. Только Ленин понял, что ему выпадает невероятный шанс стать хозяином России. После 6 апреля Ленин и Сталин начали вместе тесно сотрудничать в “Правде”2.

18 апреля на руку Ленину сыграла оплошность министра иностранных дел Милюкова, который направил Британии и Франции дипломатическую ноту, уведомляющую о том, что Россия собирается аннексировать территории Оттоманской империи. Это означало империалистическую войну в отсутствие императора. Совет поддерживал Временное правительство только при условии, что война будет оборонительной. И так уязвимое министерство подверглось жесточайшей критике. Князь Львов вступил в новую коалицию с военным министром Керенским.

Большевики-радикалы призывали к вооруженному восстанию. Ленину пришлось в первый раз (впоследствии таких случаев будет еще много) сдерживать горячие головы, воспламененные идеологической войной: он утверждал, что восстание в настоящий момент преждевременно. Когда 24 апреля в бальном зале Кшесинской началась большевистская конференция, Ленин “вошел на совещание, точно инспектор в классную комнату”. “Все товарищи до приезда Ленина бродили в темноте”, – говорила Людмила Сталь. Когда Каменев начал критиковать Ленина, Сталин высмеял своего прежнего союзника. Он вновь был ленинистом. Однако это не значит, что он во всем соглашался с Лениным[189].

Сталин сделал доклад о национальном вопросе. В дебатах он одержал верх, но, поскольку пока он был известен в основном по бандитским эскападам на Кавказе, ему была нужна поддержка Ленина. “Товарища Кобу мы знаем очень много лет, – заявил Ленин. – Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах”. Молотов вспоминал, как Ленин объяснял, чем его привлекает Сталин: он был авторитетом, и на него “можно [было] положиться в любом деле”.

29 апреля на выборах в ЦК Сталин получил третий результат – девяносто семь голосов; больше набрали только Ленин и Зиновьев. Стала ясна его значимость в партии. Теперь Сталин почти все время проводил в Совете. Он редактировал “Правду”

или работал с Лениным в Центральном комитете. ЦК впервые избрал Ленина, Сталина, Каменева и Зиновьева в бюро, ответственное за принятие решений. Этот орган был предшественником всесильного Политбюроз.

4 мая из Америки наконец прибыл Троцкий. Он сразу же сразил Петроград. Почти каждый вечер он выступал в переполненном цирке “Модерн”. “Нередко Троцкого несли к трибуне через головы на руках”. Троцкий, как пишет Волкогонов, “упивался ростом своей популярности”.

Ленин понимал, чего стоит Троцкий, и приветил его – спустя неделю предложил присоединиться к большевикам. Ленин утверждал, что их разделяет только честолюбие. Сталин наверняка с отвращением узнал о возвращении революционера-“звезды”. В 1917 году он написал более шестидесяти статей, но Троцкий издевательски назвал их “тусклыми комментариями к ярким событиям”. Когда Ленин послал на переговоры с Троцким делегацию, Сталина в нее по понятным причинам не включили.

В отличие от Троцкого Сталин в 1917-м не снискал славы. Лучше всех об этом сказал он сам: “Партия наша жила до революции в подполье… она была партией “тайной”. Теперь обстоятельства изменились”. И обстоятельства его не устраивали: ему было вольготней в тени.

1917-й был единственным для Сталина опытом участия в открытой демократической политике – это далеко не идеальная среда для человека, воспитанного на традициях кавказских кровавых клановых усобиц. Он говорил тихо, с забавным грузинским акцентом. Один слушатель рассказывает: “Я… разобрал немногое. Обратил внимание лишь на одно: каждая фраза Сталина была отточена и закончена, положения отличались ясностью формулировки”. А вот оценка рабочего: “Вроде все говорил правильно, понятно и просто; да как-то не запомнилось его выступление”. Сталин “избегал говорить на массовых собраниях”, но его неораторские, простые и скромные выступления оказались на удивление убедительными для тех, кто не доверял напыщенным интеллигентам.

Когда Ленин пришел к власти и, осажденный со всех сторон, превратил свое правительство в камарилью заговорищков, Сталин вновь очутился в своей стихии.

3 июня молодые поклонницы Сосо Анна и Надя Аллилуева пришли посмотреть на своего героя на Первый съезд Советов, проходивший в здании кадетского корпуса на Васильевском

острове. “На открытии съезда были Сталин и Свердлов. Вместе с Лениным они пришли одними из первых. <…> Втроем они входили в… зал, когда он был еще совсем пуст, – рассказывает Анна Аллилуева, уже работавшая на партию. – Сталина мы не видели тогда много дней. Комната его все пустовала”.

“Надо проведать его, – прошептала школьница Надя. – Может быть, он раздумал к нам переезжать?” На другой день они стали свидетельницами самого яркого момента съезда.

– В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть! – провозгласил меньшевик Церетели.

Тут Ленин вскочил со стула и крикнул:

– Есть такая партия!

Верещак – сокамерник Сталина в Баиловке – заметил, что “выступали Ленин, Зиновьев и Каменев”, а “Свердлов и Сталин молча дирижировали большевистской фракцией. <…> Вот здесь я впервые почувствовал все значение этих людей”.

Сталин произвел впечатление на Троцкого. Из его описания становится ясно, почему Троцкий проиграл в борьбе за власть. “В закулисной работе… Сталин был очень ценен, – пишет он. – Он… умел быть убедительным для среднего командного состава, особенно для провинциалов”. Он “не считался официально вождем партии”, говорит Сагирашвили, еще один грузин-меньшевик, бывший в 1917-м в Петрограде. “Но все слушали, что он говорит, в том числе и Ленин: Сталин представлял массы, выражал их действительные взгляды и настроения”, неизвестные эмигрантам вроде Троцкого. Сосо был “неоспоримым вождем” кавказцев. Ленин, по словам Сагирашвили, “чувствовал, что за ним стоят бессчетные вожди из провинций”[190]. Пока Троцкий вытанцовывал на арене цирка, Сталин находил новых союзников, например молодого человека, которого он до этого бесцеремонно вышвырнул из Бюро, – Молотова4.

Сталин переселился к Молотову, который с тремя товарищами жил на Петроградской стороне – в просторной квартире на Широкой улице. “Вроде коммуны у нас было”, – вспоминал Молотов. Как ни странно, Сталин извинился перед Молотовым за свою “большую ошибку”. “Ты был ближе всех к Ленину в начальной стадии, в апреле”, – сказал он ему. Они стали друзьями. Кроме всего прочего, Молотов, которого в апреле не избрали в ЦК, нуждался в покровителе. Они были совершенно разными: крепкий телом, заикающийся, носивший очки Молотов был человеком нудным, корректным, с буржуазными привычками. Но оба они фанатично исповедовали марксизм, любили выпить, по-робеспьеровски верили в силу террора, вымещали комплекс

неполноценности и были уверены, что Сталину дана власть.

Сталин жил то здесь то там – он работал по ночам и спал у друзей. Часто он ночевал в особняке Кшесинской, там же, где работал. Татьяна Словатинская была секретарем ЦК при Свердлове и Стасовой. Людмила Сталь занималась редактурой в журнале "Работница" и налаживала отношения с кронштадтскими матросами. Они со Сталиным, вероятно, здесь встречались. Говорили, что Сталин возобновил отношения со Сталь. Если это правда, то она была у него не единственной.

У Молотова Сталин нашел не только преданную поддержку и кров. "Он увел у меня девушку Марусю", – смеялся Молотов. Маруся – не последняя женщина, которой Молотов пожертвует в угоду Сталину.

Однажды вечером Анна и Надя Аллилуева пришли к Сталину в "Правду". "В небольших комнатах редакции было накурено и людно". Помощник сообщил им, что Сталин занят, поэтому, рассказывает Анна, "мы попросили передать, что хотели бы его видеть, и он вышел к нам".

– Здравствуйте! – ласково улыбаясь, сказал Сосо. – Прекрасно сделали, что зашли. Как там у вас дома?

– Комната ваша ждет вас, – ответили девушки.

– Вот за это спасибо! Но сейчас не до этого, я занят, очень занят. А комнату мне оставьте.

"Кто-то подошел к нему, и Иосиф торопливо пожал нам руки", после чего сразу вернулся к работе5.

1917-й год можно охарактеризовать словами Ленина: "Шаг вперед, два шага назад". В июне радикальное крыло большевиков – Военная организация, которую, как утверждали большевики, поддерживала 60-тысячная армия, – потребовало вооруженного восстания. Была назначена дата революции – 10 июня. На партийном собрании Ленин поддержал этот план. "Нельзя форсировать, но нельзя прозевать", – считал Сталин. Он помог спланировать демонстрацию и написал прокламацию: "При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется". Зиновьев и Каменев были против.

9 июня на заседании Совета меньшевики прочитали обращение Сталина. Церетели выступил против "большевистского заговора с целью захвата власти". Ленину нужна была поддержка Совета: он надеялся, что легитимность этого органа станет прикрытием для большевистского переворота. Но теперь Совет запретил демонстрацию. После нескольких часов паники Ленин согласился отменить ее: "Один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело". Теперь он стал таким же осторожным,

как Каменев и Сталин в марте. 11 июня Сталин пригрозил в знак протеста против непозволительных колебаний подать в отставку.

Совет пошел на дерзость и провел собственную демонстрацию 18 июня, но большевики ее “присвоили”: Сталин назавтра опубликовал в “Правде” прокламацию. Это был триумф пропаганды. “Ясный, солнечный день, – писал Сталин. – Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. <…> “Марсельезу” и “Интернационал” сменяет “Вы жертвою пали”. От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются… [возгласы] “Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!” <…> …ни один завод, ни одна фабрика, ни один полк не выставили лозунга “Доверие Временному правительству”. Тем временем военный министр Керенский выдвинул план наступления на фронте. Он надеялся этим поддержать правительство. Но последнее российское наступление на этой войне окончилось катастрофическим проваломб.

Ленин был изможден, его мучили головные боли. Он удалился принимать солнечные ванны на приозерную дачу в Финляндию. Правительство медлило в нерешительности: наступление Керенского забуксовало, в то время как Финляндия и Украина двигались к независимости. Министры-кадеты в знак протеста подали в отставку.

В отсутствие Ленина его Военная организация решила взять власть[191]. “Северное сияние так ярко горело на ночном небе, – пишет Сагирашвили, – что на улице можно было читать газету. Люди не спали, какая-то неведомая сила вытащила их из домов на улицы. Они поднимали глаза и видели небесное представление. Грандиозную битву Тьмы и Света”.

3 июля толпы солдат, моряков и рабочих, вооруженных пулеметами, перевитых крест-накрест пулеметными лентами, двинулись на Таврический дворец. В авангарде шел 1-й пулеметный полк. Автомобили останавливали и реквизировали под страхом применения оружия. По улицам двинулись броневики и грузовики с вооруженными людьми. В это время кто-то из повстанцев начал беспорядочно палить по “буржуйским” витринам на Невском проспекте. То тут то там завязывались перестрелки. На Кронштадтской военно-морской базе восстали матросы-большевики. Они убили 120 офицеров, в том числе адмирала, а потом потребовали, чтобы Ленин, Зиновьев и Каменев отдали распоряжения о захвате столицы. Не получив ответа, они позвонили Сталину, который сидел в редакции “Правды” с большевистским поэтом Демьяном Бедным, и

спросили, идти им на демонстрацию с винтовками или без.

– Винтовки? – переспросил Сталин. – Вам, товарищи, виднее!.. Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем с собою… А как там вы со своим оружием, вам виднее!

Таким образом, Сталин почти что предлагал матросам участвовать в перевороте. “Имела ли партия право умыть руки и уйти в сторону?” – спрашивал он. Троцкий, вероятно, был прав, когда заявлял, что Сталин был среди вдохновителей июльского восстания: “Где борьба завязывалась, на площади ли Тифлиса, в бакинской ли тюрьме или на улицах Петрограда, он всегда стремился придать ей как можно более острый характер”.

Вооруженная толпа окружила Таврический дворец. Люди ждали, что Совет возьмет власть в соответствии с ленинским лозунгом “Вся власть Советам!”. Но во дворце члены Совета во главе с Чхеидзе обсуждали создание нового министерства. Власти они не хотели – они ее боялись. Нерешительность Совета разозлила толпу. Тем временем уклончивый ответ Сталина достиг цели: кронштадтские матросы выдвинулись в город.

У Сталина и членов ЦК, сидевших в особняке Кшесинской, вдруг сдали нервы: они срочно вызвали Ленина из отпуска. “Взять власть… мы могли, – говорил потом Сталин. – Но… на нас поднялись бы фронт, провинция, ряд местных советов”. Сталин спешно отправился в Таврический дворец, чтобы переговорить с Чхеидзе и членами Совета. Но джинн был выпущен из бутылки.

Когда Ленин уже возвращался в Петроград, Сталин узнал, что министр юстиции Павел Переверзев собирается обвинить лидера большевиков в измене, обнародовав сведения о том, что его финансировала Германская империя. Отчасти это была правда. Но Сталин вновь вернулся в Таврический дворец и обратился к своему земляку Чхеидзе с просьбой замять это дело. Чхеидзе согласился, но было поздно.

Рано утром 4 июля в особняк Кшесинской ворвался Ленин. “Вас за это пороть надо!” – набросился он на поддержавших восстание большевиков.

Утро было пасмурным. На пустынных улицах хозяйничали 400 000 рабочих и солдат. Вскоре к ним присоединились 20 000 вооруженных до зубов матросов, приплывших в шлюпках. Плана у них не было – заважничавшим матросам, для которых играли духовые оркестры, было интереснее водить по бульварам девушек и терроризировать буржуев: “Повсюду можно было видеть матросов с едва одетыми девицами на высоких каблуках”. Сталин вспоминал, что улицы превратились в сцены ликования. Матросы собрались у особняка Кшесинской и требовали вызвать своего вождя: где Ленин? Тот пытался спрятаться, но в конце концов

робко вышел и произнес короткую речь, ничуть не повлиявшую на ситуацию.

Матросы, получившие 20-тысячное подкрепление из рабочих Путиловского завода, двинулись к Таврическому дворцу. Они собирались разделаться с трусливым Советом, который их разочаровал. Произошло несколько безобразных сцен, но в пять часов вечера разверзлись небеса: ливень разогнал внезапную революцию[192]. Толпы рассеялись. Лояльный Измайловский полк освободил членов Совета, который теперь предстал перед всеми просто говорильней, органом, не готовым и не способным действовать. Ленин и деморализованный ЦК позорно ретировались. “Июльским дням” пришел конец.

Правительство, усиленное растущей популярностью Керенского, решило покончить с большевиками. Несмотря на просьбы Сталина, министр юстиции Переверзев обнародовал свидетельства о том, что Ленин получал финансовую поддержку Германии. Обвинение в измене поколебало дух многих солдат.

5 июля на рассвете правительственные войска ворвались в редакцию “Правды”. Они искали Ленина, но Сталин всего несколькими минутами ранее успел его увести. Всю ночь у особняка Кшесинской дежурили гаубицы и восемь броневиков: здание собирались брать штурмом. Но большевики и не хотели защищать свои бастионы. Сталина отправили в другой оплот большевиков – Петропавловскую крепость; он отчитался, что ему “удалось уговорить гарнизон из матросов не принимать боя”. Он курсировал между позициями солдат и особняком Кшесинской, чтобы предотвратить бойню. Затем в Таврическом дворце он попросил Чхеидзе и Церетели дать гарантии, что, если большевики сдадут особняк и крепость, кровопролития не будет. Церетели согласился. “Сталин посмотрел на меня с недоумением и отошел”. 6 июля 500 большевиков, остававшихся в особняке, сдались. Сталин вернулся в Петропавловскую крепость, чтобы проследить за ее сдачей.

Ленин высоко оценил умение Сталина улаживать конфликты. Но, как писал американский журналист-социалист Джон Рид, “в результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и… толпы, лишенные вождей, отхлынули назад, на Выборгскую сторону… Тогда последовала дикая травля большевиков”.

Тридцатипятилетний Керенский, единственный, кто мог объединить левых и правых, стал председателем правительства. Как ни странно, он был сыном директора симбирской школы, где учился Ленин. Керенский был оратором “огненной силы” – “внезапные приступы и порывы, подергивание губ и

сомнамбулическая неторопливость жестов делали его похожим на одержимого". Новый министр юстиции распорядился арестовать Ленина[193].

Большевикам грозил полный разгром. Ленин обратился в бегство. Сталин взял на себя заботу о его безопасности7.

Глава 40
Осень 1917-го: Сосо и Надя

В течение трех дней Сталин пять раз помогал Ленину менять укрытия. Керенский открыл на Старика охоту. Троцкого и Каменева арестовали, но Ленин, сопровождаемый Сталиным, вернулся в подполье. Полиция обыскала дом сестры Ленина. К Сталину и Молотову на Широкую улицу прибежала Крупская: она хотела узнать, где ее муж.

Ночью 6 июля Сталин спрятал Ленина в пятом укрытии – в новой уютной квартире Аллилуевых на 10-й Рождественской улице. В доме были швейцар в ливрее и горничная.

“Покажите-ка мне все входы и выходы в квартире”, – попросил Ленин. Он заглянул даже на чердак. “Устроили его в комнате Иосифа”, – рассказывала Ольга. Ленин был на удивление весел и провел у Аллилуевых четыре непростых дня. Анна Аллилуева, придя домой, увидела, что в квартире полно незнакомых взволнованных людей. Ленин сидел на диване – “без пиджака, в жилете и светлой рубашке с галстуком” (в комнате было “очень душно”). Он стал расспрашивать Анну, что она видела на улицах.

– В поезде говорили, что вы бежали в Кронштадт, прячетесь на миноносце.

– Ха-ха-ха! – “заразительно весело” засмеялся Ленин. Затем он спросил Сталина и остальных: – Как вы думаете, товарищи?

Все эти дни Ленин писал. Сталин навещал его каждый день. Отправившись в Таврический дворец, чтобы выяснить обстановку, он наткнулся там на Серго Орджоникидзе. Оба они были озабочены: “очень многие видные большевики” “ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться [чтобы предстать перед судом], – писал Серго. – Направляемся к Ленину”. Правительство требовало, чтобы Ленин сдался. У Аллилуевых Ленин, Сталин, Серго, Крупская и сестра Ленина Мария решали, что делать.

Сначала Ленин собирался сдаться. Сталин не соглашался. Раньше он считал, что Ленин и Зиновьев должны подождать и сдаться, когда им будет гарантирована безопасность. Но визит в Таврический дворец убедил его в том, что это невозможно. “Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге”, – сказал он Ленину. Пришла Стасова и объявила, что опубликованы новые доказательства ленинской измены. “Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть

в тюрьму", чтобы обелить свое имя в суде.

– Давай попрощаемся, – сказал Ленин Крупской, – может, не увидимся уж.

Сталина и Серго вновь направили в Таврический дворец – добиваться "гарантий, что Ленин не будет растерзан озверевшими юнкерами". Меньшевики ответили, что не могут предоставить таких гарантий.

Теперь Сталин и Серго точно понимали, что, если Ленин сдастся, его убьют. "Сталин и другие убедили Ильича на суд не являться и тем спасли его жизнь", – писала Крупская. Сталин был прав: генерал П. А. Половцев, бывший депутат Думы, рассказывал, как встретил офицера, посланного арестовать Ленина. Офицер спросил: "Как доставить этого господина – в целом виде или по кускам?"

Спор продолжался. Серго вдруг выхватил воображаемый кинжал и воскликнул, как настоящий грузинский бандит: "Я зарежу любого, кто хочет арестовать Ильича!"

На этом дебаты завершились. Ленина решено было вывезти из Петрограда. Сталин взялся организовать его отъезд. Рабочий Емельянов согласился приютить Ленина в своем сарае в Разливе, к северу от Петрограда[194].

Ольга и Анна Аллилуевы суетились вокруг гостей, следя за тем, чтобы Ленин и Сталин как следует ели.

– Вы как Сталина кормите? – спрашивал Ленин. – Позаботьтесь уж о нем, Ольга Евгеньевна, он как будто осунулся.

А Сталин в то же время заботился о питании Ленина: "А как у вас с продуктами? Как Ильич питается? Ты смотри, Ольга, корми его по-своему". Иногда он сам приносил еду.

Ленин и Сталин тщательно прорабатывали план побега. 11 июля "к часу, назначенному для ухода", пришел Сталин. "Собрались все в комнате Ильича. Стали обдумывать, как переодеть Ленина". Ольга хотела забинтовать Ленину голову, но от этой идеи отказались. Переодеваться в женское платье никто не предлагал.

– Не лучше ли всего побриться? – предложил Ленин. "Через несколько минут Ленин уже сидел с намыленным лицом" перед круглым зеркалом, которое висело в комнате Сталина возле портрета Толстого. "Брадобреем был Иосиф Виссарионович". Он сбрил Ленину бородку и усы.

– Вот теперь прекрасно, – говорил Ленин, любуясь на себя в зеркало. – Я теперь точь-в-точь финский крестьянин, никто меня в таком виде не узнает.

12 июля Сталин и Аллилуев проводили Ленина на Приморский вокзал. Оттуда он уехал в Разлив, а позднее

перебрался в Финляндию, где жил в сарае. “Один из моих сыновей не раз привозил сюда [в Разлив] Сталина в лодке”, – вспоминал Емельянов.

В эти дни Сталин разразился шквалом статей. Он обвинял Керенского в создании “нового дела Дрейфуса”, в “гнусной клевете против вождей рабочей партии”, говорил о “продажных” “разбойниках пера из буржуазных газет”. “Слепые!” – выговаривал он меньшевикам за их глупость и предрекал, что при Керенском они “потонут, как мухи в молоке”.

“Выдать большевиков? – спрашивал Сталин Керенского от лица меньшевиков (редкий случай – к сатире он обращался нечасто). – К вашим услугам, гг. контрразведчики… Разоружить революцию? С нашим удовольствием, гг. помещики и капиталисты”. Сталин действовал как вождь большевиков.

А еще он вновь сменил квартиру – решение, которое по-новому повернет его жизнь1.

“Слежки за домом как будто нет, – заверила Сталина Ольга Аллилуева, когда он однажды заглянул к ним. – Переселяйтесь к нам. Сможете отдохнуть, выспаться, жить более нормально”.

Сталин съехал от Молотова и переместился к Аллилуевым. Комнаты были светлые и уютные, хорошо проветривались. Кухня, ванная, даже душ – все современное, по последнему слову техники. Горничная, жившая в каморке, готовила обед. Сталин занял комнату Федора (в ней раньше жил и Ленин): здесь была настоящая кровать, деревянный туалетный столик с круглым зеркалом, изящный письменный стол и портрет Байрона. За завтраком наутро после переселения Сталин сказал, что ему давно не удавалось так выспаться.

Часто Сосо оставался один с Ольгой. Сергей был занят на электростанции, Надя на летние каникулы уехала в Москву, Анна выполняла партийные поручения. Ольга ухаживала за Сталиным, купила ему новый костюм. Он попросил ее сделать под пиджак теплые вставки, высокий черный бархатный ворот и нашить пуговицы до самой шеи: у него болело горло, и носить обычный воротничок с галстуком было неудобно[195].

Сосо вел все такую же неупорядоченную жизнь. Еду он покупал по пути домой: краюху хлеба, рыбу или колбасу в уличном киоске. Он без устали занимался “Правдой” – склонясь над столом, на котором стояла чернильница с позолоченным медведем, он писал так много, что на пальцах у него появились мозоли. Иногда он приходил ночевать, иногда нет. Однажды он так устал, что уснул в постели с зажженной трубкой, чуть не спалив квартиру.

В конце июля Сталин опять съехал: начался Шестой съезд партии. Он проходил тайно, в монастырском помещении на Большом Сампсониевском проспекте, на случай если бы полиция решила разогнать делегатов[2]. Сталин как действующий лидер произнес отчетный доклад. Он призвал делегатов – 300 человек – сосредоточиться на будущем: “Надо быть готовыми ко всему”. Затем он сделал еще один доклад – “О политическом положении”. Он настаивал, что Россия должна совершить собственную революцию, предлагал откинуть представление “о том, что только Европа может указать нам путь”. (В дальнейшем это убеждение выльется в лозунг “Социализм в одной отдельно взятой стране”.) Второй сталинский доклад, вероятно, написал Ленин – по крайней мере вчерне. Но настоящим соратником Сталина в восстановлении партии стал Свердлов, с которым они наконец помирились.

“Доклад товарища Сталина полно осветил деятельность Центрального комитета, – сказал Свердлов. – Мне остается ограничиться узкой сферой организационной деятельности Центрального комитета”.

Сталин был избран главным редактором всей партийной печати и членом Учредительного собрания. Но, когда избирали ЦК, Сталина по голосам обошли Каменев и Троцкий. Партия все еще переживала упадок, но Сталин заявил: для Временного правительства “мирный период… кончился. <…> Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться”[3].

Он вернулся к Аллилуевым. Летние каникулы прошли, Надя приехала домой и собиралась в школу.

Тем летом Сталин “залег на дно” в квартире Аллилуевых, где жили две сестры. Он стал душой компании. “Иногда Сталин не появлялся несколько дней”. А потом вдруг приходил среди ночи, когда девушки уже спали, и стучал к ним в комнату. Они жили в опасной близости: дверь вела из спальни Сталина в спальню Нади. Лежа на кровати или сидя за столом, он мог видеть ее туалетный столик.

– Неужели спите? – будил он сестер. – Поднимайтесь! Эй вы, сони! Я тарани принес, хлеба…

Девушки вскакивали и пробирались в комнату Сталина, где “сразу становилось шумно и весело. Сталин шутил. Карикатурно, иногда зло, иногда добродушно, он изображал тех, с кем сегодня встречался”.

Семинарист-самоучка и хорошо образованные девушки говорили о литературе. С их друзьями он тоже играл и шутил. Он развлекал их рассказами о своих приключениях в ссылке, о собаке

Тишке. Читал им свои любимые книги – Пушкина, Горького, Чехова; чаще всего – чеховские рассказы: “Хамелеон”, “Унтер Пришибеев”, – и особенно ему нравилась “Душечка”, которую он “почти наизусть знал”. Часто он заговаривал и о женщинах. “Ну эта-то! Настоящая Душечка”, – говорил он о легкомысленных женщинах, существовавших лишь ради своих мужчин, не знавших независимой жизни. Он поддразнивал служанку, деревенскую девушку Паню, и всем давал прозвища. “Если он был в особенно хорошем настроении, – пишет Анна, – то разговор с нами он пересыпал обращением “Епифаны-Митрофаны” (в честь человека, у которого жил в новоудинской ссылке). “Ну как, Епифаны? Что слышно? – приветствовал он девушек. – Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!” Иногда он обращался к ним “Тишка”, как к своей собаке. Политику он тоже обсуждал с Сергеем и девушками: они все были большевистской семьей. Надя так гордилась тем, что она большевичка, что ее дразнили в школе. Ее крестный отец Енукидзе, Калинин, Серго и Свердлов были ей уже как дядья. В их доме нашел убежище Ленин. Анна вспоминает, как в сентябре “Сталин привел к нам домой товарища из кавказской группы”. “Коренастый, с черными гладкими волосами, с бледным матовым лицом”, он “конфузливо пожал всем руки, улыбаясь большими добрыми глазами”.

– Это Камо, – представил гостя Сталин. – Послушайте его. Он вам такое расскажет!

Девушки пришли в восторг: “В самом деле, это был Камо”. Он угощал их рассказами о своей “полуфантастической жизни”. Бесстрашный психопат пять лет просидел в Харьковской тюрьме. Революция подарила ему свободу. Он собирался бежать как граф Монте-Кристо – притворившись мертвецом, – но вовремя узнал, что тюремщики головы умерших в тюрьме разбивали кувалдами – на всякий случай. “Камо много говорил о Сталине – и тихий спокойный голос нашего гостя становился восторженным”. Камо приехал в Петроград, чтобы пуститься на новые подвиги. Его связь с Аллилуевыми приведет к трагедии.

На другой день после возвращения Надя начала убираться в квартире. Она так громыхала стульями, что Сталин, который писал какую-то статью, вылетел из комнаты.

– Что тут творится? – спросил Сосо. – Что за кутерьма? А, это вы! Ну, сразу видно – настоящая хозяйка за дело взялась!

– А что? Разве плохо? – огрызнулась вспыльчивая Надя.

– Да нет! – ответил Сосо – его все это явно забавляло. – Очень хорошо! Наводите порядок, наводите… Покажите им всем…

Школьницей Надя была, как пишет ее сестра Анна, “живой и

непосредственной, открытой, прямой". Но "цыганская" жизнь ее вечно странствующей семьи, где дневали и ночевали гости, а мать была известна вольным нравом, развила в характере Нади новые черты: серьезность, пуританство. Она хотела порядка и безопасности.

"Папа и мама скрипят по-прежнему", – писала Надя подруге. Свою мать она со временем стала презирать за постоянные и скоротечные романы. "Мы стали большие, – писала она некоторое время спустя. – и хотим делать и думать так, как мы хотим… Главное то, что у нас дома для нее [Ольги] уже нет личной жизни, а она еще молодая и здоровая женщина. Теперь все хозяйство пало на меня". Может быть, она считала и свою мать Душечкой из чеховского рассказа.

Тем долгим, богатым на события летом Сталин и Надя сблизились: она давно восхищалась этим героическим большевиком, другом семьи еще по Грузии. "Они провели все лето 1917-го взаперти в одной квартире. Иногда они оставались наедине, – рассказывает племянница Нади Кира Аллилуева. – Надя видела в Иосифе романтического революционера. А моя мать говорила, что он был очень хорош собой. Конечно, Надя в него влюбилась". Он называл ее Татка; она его – Сосо или Иосиф.

Сталину, единственному сыну волевой матери-одиночки, наверняка не хватало семейного веселья, игр, шалостей. Все это было у него в ссылке, а со смерти Като Сванидзе прошло уже десять лет. Ему всегда нравились девушки, которые могли готовить, прибираться, ухаживать за ним, как Като – и как его мать. Сванидзе и вовсе считали, что Сталин влюбился в Надю, потому что она напомнила ему Като.

"Сталин постепенно полюбил ее, – говорит Кира Аллилуева. – Настоящая любовь". Сосо годился ей в отцы (его враги потом утверждали, что он и вправду был ее отцом). Даты не совпадают, но Надя, скорее всего, знала, что у Сосо когда-то мог быть роман с ее любвеобильной матерью. Не возникло ли между матерью и дочерью соперничества из-за грузинского постояльца?

"Ольга… относилась к нему очень тепло… – писала дочь Нади и Сталина Светлана. – Но брак дочери ее не обрадовал: она долго пыталась отговорить маму и попросту ругала ее за это "дурой". <…> Она никогда не могла внутренне согласиться с маминым браком". Почему – потому что знала характер Сосо или потому что сама когда-то была его любовницей? Или и то и другое? Как бы то ни было, "дура" Надя уже влюбилась в Сосо. Спустя несколько месяцев она гордо призналась подруге: "Меня даже заподозрили, не влюблена ли я, что так похудела".

Сталин позже рассказывал, почему предпочел Надю ее

старшей сестре: “Анна была немного педантична и слишком говорлива”, а Надя “размышляла не по годам зрело” и “твердо стояла на земле. Она лучше его понимала”. Насчет Анны он был прав: она раздражала его всю жизнь.

Но в Наде он кое-чего не заметил.

Эта девочка-подросток была – по-своему – такой же нервной, надломленной, мрачной, как и он сам. Может быть, даже еще мрачнее. Сталину понравилась Надина строгость, но в браке это качество схлестнулось с его кочевой простотой и упрямым эгоизмом. Что еще хуже, за ее искренностью и живостью скрывалось наследственное психическое заболевание – биполярное расстройство; она никак не могла быть тихой домохозяйкой. “Но ему нравился ее дурной характер, – замечает Кира Аллилуева. – Она не боялась с ним спорить, даже ставила его на место”. Смелость и преданность этой красивой школьницы с горящими цыганскими глазами тогда увлекли Сталина. Но их союз будет несчастливым и окончится трагически.

Неизвестно, когда именно они стали любовниками. О своих отношениях они объявили публично десять месяцев спустя. Но начался роман, вероятно, в то время4.

Дела большевиков неожиданно пошли в гору. Причиной тому был не Ленин и не Сталин, а несостоявшийся военный диктатор правых взглядов. Керенский назначил новым верховным главнокомандующим генерала Лавра Корнилова – сибирского казака с раскосыми татарскими глазами, бритым теменем и раскидистыми усами, который должен был стать “всадником на белом коне”, тем, кто очистит Петроград от большевиков и наведет порядок. Но он был столь же тщеславен, как Керенский, и далеко не так умен. О нем говорили: “Сердце льва, голова барана”. Однако Корнилов представлялся человеком, оказавшимся в нужном месте в нужное время. Он тут же начал читать книги о Наполеоне, что для таких людей всегда плохой знак.

Керенский попытался наверстать упущенное. Он провел в Москве, подальше от неспокойной столицы, совещание всех партий. “Петроград опасен, – написал Сталин и ввернул церковную метафору: – Бегут от него, как черти от ладана”. Он был прав: в Москве генерал перетянул одеяло на себя. Но Керенский и Корнилов согласились в одном: генерал должен был для наведения порядка бросить на Петроград войска с фронта. Тут Керенский, тоже считавший себя русским Бонапартом, заподозрил генерала в подготовке переворота. Наполеонов становилось многовато. Керенский отправил генерала в отставку,

но тот все равно решил идти на Петроград.

Столица пребывала в тревожном ожидании. Керенский произвел себя в верховные главнокомандующие, но обнаружил, что армия его не поддерживает, и был вынужден обратиться за помощью к Совету, который вновь созвал Красную гвардию. Генерала арестовали, но кабинет министров развалился. Керенский назначил себя диктатором во главе Директории из пяти человек. Он уцелел, но, как Михаил Горбачев после августовского путча 1991 года, стал “хромой уткой”. Силы он подкреплял кокаином и морфием. Сидя в роскошном кабинете Александра III в Зимнем дворце, Керенский царствовал, но не правил.

“Мы имеем наконец “новое” (совсем новое!) правительство из пяти”, – острил Сталин 3 сентября. “…“новая” власть, “избранная” Керенским, утвержденная Керенским, ответственная перед Керенским…” Силы большевиков копились на фабриках, среди солдат и кронштадтский матросов. “ Та армия, которая поднялась против Корнилова, была будущей армией Октябрьского переворота”, – писал Троцкий5.

Короткий период, когда Сталин был вождем большевиков, запомнился его всегдашним властным высокомерием. ЦК поставила Военную организацию под строгий контроль. Сталин грубо присвоил средства организации и отобрал у нее газету “Солдат” – без всяких на то оснований, с нарушением “элементарных принципов партийного демократизма”. Организация обратилась в Центральный комитет. Она пожаловалась на “прямую систему гонений и репрессий чрезвычайно странного характера” (здесь мы имеем раннее описание сталинизма). В ответ Сталин потащил Военную организацию в партийный трибунал[196]. Его союзники – Свердлов и Дзержинский – уладили ситуацию в пользу Сталина6. Но теперь из тюрем и подполья возвращались Троцкий, Зиновьев и Каменев. 4 сентября Троцкий, как и Сталин, вошел в Центральный исполнительный комитет Съезда советов – и в редакцию “Правды”. Сталин опять оказался в тени: все внимание принадлежало Троцкому.

В коридорах Смольного института[197] Сталин часто натыкался на старого знакомого-меньшевика Давида Сагирашвили. Когда Сагирашвили обвинил Сталина в том, что он печатает в “Правде” клевету на меньшевиков, Сталин “улыбнулся, как мне показалось, добродушно”, и объяснил, предвосхищая Оруэлла, что “ложь всегда оказывает большее воздействие, чем правда. Главное – достичь цели”. Позднее Сталин говорил

Молотову: “Правду охраняют батальоны лжи”.

В конце концов и Петроградский, и Московский советы подчинились Ленину, но среди большевиков все еще не было единства по поводу того, что делать дальше. Именно Ленин собственной силой воли привел большевиков к Октябрьской революции – это был тот случай, когда один человек меняет ход истории. Но пока повернуть историю грозился Каменев: умеренный большевик предложил совершенно другой путь. 14 сентября на Демократическом совещании в Александринском театре он заговорил о создании коалиции с меньшевиками и эсерами.

Старика, укрывавшегося в Гельсингфорсе, это потрясло и разозлило. 15 сентября он отправил ЦК письмо, в котором приказывал взять власть только от имени большевиков. “История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь”, – писал Ленин. Но Каменев и Зиновьев боялись потерять все. Повторялась апрельская ситуация: не одни они думали, что Ленину отказал здравый смысл. “Мы все ахнули”, – признавался Бухарин. На заседании ЦК, куда явились Троцкий, Каменев, Свердлов и приехавший с Кавказа Шаумян, Сталин встал на сторону Ленина и предложил под секретом разослать письмо в основные партийные организации. Центральный комитет проголосовал против шестью голосами (за голосовало четверо). Удивительный результат всего за месяц до Октябрьской революции: оказывается, у каменевского варианта было много сторонников. Но двое ультрарадикалов – Сталин и Троцкий – не видели нужды в альянсе с меньшевиками и выступили на стороне Ленина. На заседании 21 сентября эти двое потребовали бойкота Предпарламента, в котором Каменев надеялся продолжить строительство коалиции. Их опять не поддержали. Ленин ругал Зиновьева и Каменева подлецами и изменниками.

25 сентября большевики встали во главе Исполнительного комитета Совета. Через тринадцать лет – спустя годы тюрьмы, ссылки и эмиграции – Троцкий вновь стал его председателем и сразу начал подчинять армию. “Межрайонная организация” Троцкого только недавно вошла в состав партии большевиков. Но зато Троцкий, пока Ленин отсиживался в укрытии, каждый вечер выступал в переполненном цирке “Модерн”.

Ленин забрасывал Каменева и большевиков бесконечными статьями и секретными письмами. Он писал, что время поджимает, Керенский собирается снова ужесточить режим, в Петрограде вот-вот начнется Второй съезд Советов. Поэтому большевики должны захватить власть первыми, иначе придется делиться ею с партнерами по коалиции, а это будет значить, что

“большевики опозорили себя навеки и сошли на нет как партия”.

Ленин тайно возвратился из Финляндии и жил в комфортабельной квартире Маргариты Фофановой в Выборге. Он продолжал исходить желчью, призывая к радикализации. “Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы”, – писал он, опасаясь, что возобладает позиция Каменева, и предлагал мобилизовать “такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать врагу двинуться”. ЦК этих идей не принял, и Ленин подал прошение об отставке. Письма Ленина были написаны с невероятной силой, вспоминал Бухарин, и грозили всеми возможными карами. Ленин в своей великолепной ярости доходил почти до помешательства. Сталин, редактировавший партийную газету “Рабочий путь”, вырезал самые злобные ленинские проклятия и напечатал ранний, более мягкий текст.

Иногда гневный пророк вырывался из заточения. “Уже перед самым Октябрьским переворотом как-то днем в квартиру позвонили, – вспоминает Анна Аллилуева. – На пороге стоял невысокий человек в черном пальто и финской шапке”.

– Сталин дома? – вежливо осведомился гость.

– Боже мой! Да вы, Владимир Ильич, настоящий финн! – воскликнула Анна. “После короткой беседы он вместе со Сталиным ушел из дома”.

Всего через несколько дней эти невысокие, неряшливо одетые люди, которых никто не узнавал на петроградских улицах, стали хозяевами Российской империи. Они сформировали первое в мире марксистское правительство, до конца своих дней оставались на вершине власти, без тени сожаления принесли миллионы жизней на алтарь утопической идеологии – и один за другим правили империей тридцать шесть лет7.

Глава 41
Зима 1917-го: обратный отсчет

В октябре 1917-го казалось, что в Петрограде все спокойно. Но за внешним спокойствием скрывалась настоящая вакханалия: город веселился в последний раз. “Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари, – сообщал Джон Рид, – шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и драгоценных мехах…” “Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться”. Илья Эренбург, впоследствии один из писателей, бывших в фаворе у Сталина, заметил, что Россия жила как на железнодорожном перроне, ожидая свистка кондуктора. Аристократы продавали на улицах бесценные сокровища, начались перебои с питанием, удлинились очереди. Богачи все еще обедали у Донона и Констана (два шикарнейших ресторана), а мещане сражались за билеты на Шаляпина. “Таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали… женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи припрятывают продовольствие… <…> Монархические заговоры, германские шпионы… планы… контрабандистов… – писал Рид. – Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город несся все быстрее и быстрее навстречу… чему?…” На вопрос Рида отвечал Троцкий. На рев толпы в цирке “Модерн” он отвечал: “Время слов прошло. Пробил час смертного боя между революцией и контрреволюцией”. В величественном и пустом Зимнем дворце выжидал Керенский, теряя последние крупицы власти в дурмане морфия и кокаина.

Темным, промозглым вечером 10 октября, в десять часов, Ленин наконец смог уговорить Центральный комитет. Одиннадцать большевистских руководителей по одному вышли из Смольного и направились на Петроградскую сторону, в дом 32 по набережной Карповки. На первом этаже была квартира Галины Флаксерман, большевички, жены меньшевика-мемуариста Суханова. “О, новые шутки веселой музы истории! – усмехался тот. – Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире… Но… без моего ведома”.

Некоторые из одиннадцати явились в маскировке. Чисто выбритый Ленин, похожий, как показалось Коллонтай, на лютеранского пастора, надел плохо сидевший на нем кудрявый

парик, который поминутно съезжал у него с лысины. Окно в жарко натопленной комнате было закрыто одеялом. Ленин обратился с речью к Сталину, Троцкому, Свердлову, Зиновьеву, Каменеву и Дзержинскому. Галина Флаксерман поставила на стол колбасу, сыр, черный хлеб, разожгла в коридоре самовар, но к еде никто не притрагивался.

“Политически дело совершенно созрело для перехода власти”, – объявил Ленин. Даже сейчас большевики ему возражали. Протокола никто не вел, но известно, что Сталин и Троцкий поддержали Ленина с самого начала. Каменев и Зиновьев (последний для маскировки отпустил бороду и остриг волосы) все еще упорствовали. Спор вышел “продолжительным и бурным”, но, как писал Троцкий, никто не мог ничего противопоставить ленинским мысли, воли, уверенности, смелости. Постепенно Ленин смог убедить “колебавшихся и сомневавшихся”, которые теперь ощутили прилив сил и решимости. Под утро раздался громкий стук в дверь. Неужели полиция Керенского? Нет, это был брат Галины Флаксерман, Юрий. Он пришел помочь по хозяйству: подать сосиски, управиться с самоваром. Центральный комитет принял расплывчатую резолюцию о восстании. “Никакого практического плана восстания, даже примерного, в ту ночь не придумали”, – вспоминает Троцкий. Девять человек поддержали Ленина, двое – Зиновьев и Каменев – возражали: они были “глубоко убеждены, что объявить вооруженное восстание сейчас значило играть с судьбой – не только нашей партии, но и русской и мировой революции”.

Голодные, разогретые пуншем, победители набросились на сосиски и принялись дразнить Зиновьева и Каменева1.

Спустя пять дней, 16 октября, на другом секретном собрании на севере города, в Лесновско-Удельнинской районной думе, Ленин при поддержке Сталина и Свердлова (Троцкий не присутствовал) вновь отчитывал сомневавшихся.

– История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь! – воскликнул он и поправил злополучный парик.

– Мы не имеем права рисковать, ставить на карту все! – ответил Зиновьев.

Сталин занял сторону Ленина: “День восстания должен быть выбран целесообразно”. У Центрального комитета “больше веры дожно быть”, произнес бывший семинарист, смотревший на марксизм как на что-то вроде религии. “Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции… вторая – не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией”. “То, что предлагают Каменев и Зиновьев… приводит к возможности для

контрреволюции… сорганизоваться, – предупреждал Сталин. – Мы без конца будем отступать и проиграем революцию”.

Ленин победил: десять голосов против двух. Центральный комитет выбрал Сталина, Свердлова, Дзержинского и еще двоих в Военно-революционный центр, который должен был войти в Военно-революционный комитет Троцкого при Совете. Какой орган займется захватом власти, так и не решили. Ленин в парике снова ушел в подполье: Керенский почувствовал опасность и поднял ставки. Петрограду угрожали подступавшие немцы. Керенский вызвал с фронта лояльные полки. Нельзя было терять времени.

18 октября Каменев опубликовал в журнале Максима Горького “Новая жизнь” статью против “гибельного шага” – восстания. Занятно, что, какой бы волей ни обладал Ленин, Каменев, “всегда пропитанный сентиментальностью” (выражение Троцкого), был в 1917 году единственным по-настоящему последовательным большевиком. “Каменев и Зиновьев предали решение Центрального комитета!.. – бушевал Ленин. – Я требую исключения обоих штрейкбрехеров”. Зиновьев прислал письмо, где указывал, что дебаты нужно продолжить втайне. Сталин – главный редактор “Рабочего пути” – это письмо опубликовал[198].

20 октября на совещании ЦК опять шли жаркие споры. Троцкий нападал на Сталина за публикацию письма. Помрачневший Сталин был готов уйти в отставку. В отставку его не пустили – но первое столкновение титанов большевизма состоялось. Троцкий призывал к исключению “штрейкбрехеров”, Сталин предлагал “обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить в ЦК”. Каменев хотел выйти из ЦК, но его просто сняли с руководящих постов. Сталин тем временем готовил общество к восстанию. Его новая статья начиналась так: “Большевики дали клич – быть готовым!”[199]

Большевики готовились и сами. В кабинете на третьем этаже Смольного Троцкий и Свердлов провели первую организационную встречу Военно-революционного комитета (ВРК): на самом деле в него входили только большевики, но это было тайной, и комитет действовал под эгидой Совета. Именно этот орган, а не сталинский Центр станет штаб-квартирой восстания; Сталина в него не пригласили[200].

21 октября ВРК объявил себя начальством над Петроградским гарнизоном. Сталин, определявший в этот момент политику партии, набросал план выступлений на Втором съезде советов. Сам он должен был говорить о национальном вопросе, Ленин – о войне за землю и о власти, Троцкий – о “текущем положении”2. 22 октября ВРК вступил в командование Петропавловской

крепостью. Все было готово: даже близорукий Молотов в своем кабинете в Смольном учился стрелять из пистолета. “Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян, – писал в тот день Сталин. – Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа”.

На рассвете 24 октября Керенский устроил рейд на типографию “Труд”, где печаталась сталинская газета “Рабочий путь”. Сталин смотрел, как солдаты разбивали станки, изымали технику и выставляли у типографии караул. Теперь он должен был снова запустить большевистский печатный станок, ведь если сегодня повстанцы непременно захватывают телестанцию, в 1917-м нельзя было представить себе революцию без газет. Сталин вызвал подкрепление – красные отряды. Кроме того, он распространял уже отпечатанные газеты. Литовский полк прислал солдат. К полудню Сталин уже снова распоряжался своими станками. Позже в тот день он заявил, что выпуск газет возобновился. Но он пропустил заседание ЦК, где распределялись задания. Троцкий обвинил его в том, что он “выпал из игры” – ведь Сталина не было в этом списке:

> Бубнов – железные дороги
> Дзержинский – почта и телеграф
> Милютин – организация продовольственного дела
> Подвойский [зачеркнуто, сверху – Свердлов] – наблюдение за Временным правительством
> Каменев и Винтер – ведение переговоров с левыми эсерами [радикальным крылом социалистов-революционеров]
> Ломов и Ногин – связь с Москвой

Этот список второстепенных деятелей ничего не доказывает. Ленин, находившийся в укрытии, и Троцкий, также пропустивший заседание, здесь даже не упомянуты, а вот “штрейкбрехер” Каменев присутствует. Историки по привычке следуют версии Троцкого (абсолютно предвзятой, но превосходно изложенной), утверждая, что Сталин “остался вне революции”, но при ближайшем рассмотрении это оказывается не так. Он не был главным героем дня, но военного задания не получил потому, что был занят ситуацией с газетами, а вовсе не потому, что был незначимым политиком. Более того, даже Троцкий признает, что “связь с Лениным поддерживалась главным образом через Сталина” – роль отнюдь не маловажная. (Правда, Троцкий тут же добавляет: “Как лицо, наименее интересовавшее полицию”.)

Сталин “оставался вне революции” всего лишь несколько

часов днем 24-го, а переворот растянулся на два дня. Все утро он занимался газетами. Затем его вызвал Ленин: Маргарита Фофанова рассказывает, что Сталин собирался произнести речь в Политехническом институте, но вдруг ему передали “записку от В. И.”. В квартире Фофановой Ленин был вне себя от ярости. Если бы Сталин поехал к нему, то, скорее всего, застал бы его кричащим: “Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало! Нельзя ждать! Можно потерять все!”

Сталин прибыл в Смольный и вместе с Троцким обратился к делегатам-большевикам, явившимся на съезд советов. Переворот был представлен как реакция на правительственные репрессии по отношению к большевикам, а не как восстание[201]. “С фронта идут на нас, – объяснял Сталин. – Во Временном правительстве колебания. <…> “Аврора” спрашивала, стрелять ли при попытке разведения моста. <…> Все равно мосты будут наши… Среди юнкеров и броневиков раскол. <…> “Рабочий путь” набирается. Телефоны пока не наши. Почтамт наш”. На подходе были красногвардейцы и большевистски настроенные войска.

“Я встретил Сталина накануне революции, в полночь, в Смольном”, – вспоминает Сагирашвили. Сталин был в таком состоянии, что “отбросив обычные свои серьезность и скрытность, рассказал, что железо начали ковать”. Той ночью накануне Великого октября Сталин вернулся домой, к Аллилуевым. “Да, все готово! – сообщил он девушкам. – Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмем…”з

Сталин держал Ленина в курсе событий. Старик почти каждый час посылал в ВРК записки, чтобы поддерживать боевой дух товарищей до открытия Съезда. Съезд был назначен на следующий день, но Ленин настаивал, чтобы его открыли раньше. “Чего они боятся? – говорил он. – Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!”

Неудивительно, что Ленин нервничал. Октябрьская революция станет одним из знаковых событий xx века. Ее превратит в миф советская пропаганда, романтизирует Джон Рид в “Десяти днях, которые потрясли мир”, обессмертит Эйзенштейн в киношедевре “Октябрь”, обесславит тщеславными преувеличениями Сталин. Но в действительности в Октябре было больше фарса, чем величия. Трагедия состоит в том, что настоящая революция, беспощадная и кровавая, началась с того момента, когда закончилась комедия.

В квартире у Фофановой Ленин не мог понять причин промедления. “Теперь все висит на волоске, – писал он. – Решить дело непременно сегодня вечером или ночью”. Он нетерпеливо

мерил шагами комнату. Фофанова уговаривала его не показываться, не напрашиваться на арест. Наконец в 22:50 Ленин потерял терпение.

Глава 42
Великий Октябрь: неумелое восстание

“Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил”, – написал Ленин Фофановой. “Ильич попросил привести к нему Сталина, – вспоминает телохранитель Ленина – Рахья. Но затем Ленин понял, “что это займет уйму времени”. Он приклеил на лысину кудрявый парик, сверху нацепил рабочую кепку, забинтовал лицо и надел огромные очки. Затем они с Рахьей вышли на вечернюю улицу.

Ленин сел в трамвай. Он пребывал в таком нетерпении, что стал расспрашивать удивленную женщину-кондуктора о ее политических взглядах, а затем рассказал ей о революционной стратегии. Поняла ли она, кто был этот перебинтованный безумец в парике и очках, история умалчивает. Вероятно, в ту ночь по городу ходило много сумасшедших. Около штаба большевиков Ленина остановил конный патруль, но он прикинулся безобидным пьянчугой, и его отпустили. Он был трезв – и далеко не безобиден.

Около полуночи Ленин добрался до “огромного здания Смольного”; как писал Джон Рид, оно “сверкало огнями и жужжало, как улей”. Вокруг костров грели руки красногвардейцы – “сбившаяся группка парней в рабочей одежде. Они держали в руках винтовки с примкнутыми штыками и беспокойно переговаривались”. Трещали моторы броневиков, ревели мотоциклы. Ленина никто не узнал. У него не было документов, поэтому красногвардейцы у ворот отказались его пропустить. “Что за чертовщина! – воскликнул Рахья. – Я делегат [Съезда], а меня не пускают!” Толпа поддержала его и втолкнула Ленина и Рахью в ворота. “Наконец Ленин, смеясь, попал внутрь!” Но, когда он снял кепку, за ней отклеился и парик[202].

Смольный превратился в военный лагерь. Совет заседал в роскошном бальном зале, но всюду на полах были разложены газеты, обрывки ткани, простыни. Солдаты храпели в коридорах. Вонь табачного дыма, пота и мочи смешивалась с запахом вареной капусты из столовой. Ленин пробежал по коридорам, придерживая парик – он все еще пытался сохранить инкогнито. Но меньшевик Дан заметил его.

– Узнали, подлецы, – пробормотал Ленин.

Наступила среда, 25 октября. Сталин в кожаной куртке и кепке появился в комнате 36. Здесь был и Ленин. Шло экстренное совещание ЦК. Пригласили даже Зиновьева и Каменева. Ленин

настаивал на том, что ход восстания нужно ускорить. Делегаты съезда собирались все в том же здании.

Ленин начал выдвигать положения главных декретов – о земле и о мире. Он так и не снял грим – “вид довольно странный”, замечал Троцкий. Переворот шел своим ходом. Заседание Центрального комитета продолжалось уже два дня без перерыва. “В маленькой комнатушке у плохо освещенного стола на пол сброшены пальто, – вспоминала помощница большевиков Сара Равич. – В комнату все время стучат – сообщают об очередных успехах восстания. Среди присутствующих – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сталин”. Приходили посланники. В 10-ю комнату, где сидел ВРК, неслись поручения, а оттуда – в 36-ю, к Ленину и ЦК. В этих комнатах “принимая и отправляя запыхавшихся связных, рассылая по всем уголкам города комиссаров, облеченных правом жизни и смерти, лихорадочно работал Военно-революционный комитет. Беспрерывно жужжали полевые телефоны”. Сагирашвили наблюдал за Сталиным: он “носился из одной комнаты в другую. Я никогда не видел его в таком состоянии. Такая спешная, лихорадочная работа – на него это было непохоже”. В городе раздавались залпы, но борьбы не было. Электростанция, почтамт и Николаевский вокзал перешли в руки большевиков, все мосты, кроме Николаевского моста позади Зимнего дворца, тоже. В шесть часов утра был занят Государственный банк, в семь – Центральная телефонная станция, в восемь – Варшавский вокзал[203]. Но балтийские матросы, чья помощь была необходима, задерживались. Весь день правительство продолжало работать – или по меньшей мере существовать. Керенский находился в здании Генерального штаба и получал одну плохую новость за другой. В девять утра он наконец понял, что Петроград могут спасти только войска с фронта и что только он может их призвать. Он не мог найти машину, пока его соратники не реквизировали у американского посольства “рено” и громоздкий прогулочный лимузин “пирс-эрроу”. Керенский покинул экстренное заседание правительства в Зимнем дворце и устремился прочь из города.

В Смольном вот-вот должен был начаться Съезд, но Зимний дворец до сих пор не пал, его даже не окружили. Во дворце по-прежнему заседало правительство – под охраной 400 молоденьких кадетов, Женского ударного батальона и нескольких казачьих эскадронов. Один фотограф уговорил женщин сфотографироваться на баррикаде. “Все это было похоже одновременно на оперу и комедию”, – писала американка Луиза Брайант, одна из многих журналистов, работавших на месте событий. Большевики стягивали силы к дворцу на удивление

медленно. А во дворце, как вспоминал позднее министр юстиции Малянтович, “в огромной мышеловке бродили… обреченные люди… всеми оставленные”.

После формального заседания члены ЦК – среди них Ленин, Троцкий, Сталин, Енукидзе и молодой Молотов – принялись обсуждать будущее правительство. Сначала они решали, как его назвать. Ленин не хотел использовать капиталистическое слово “министр”: “гнусное, истрепанное название”.

– Можно бы комиссарами, – предложил Троцкий, – но только теперь слишком много комиссаров… Нельзя ли “народные”? Совет народных комиссаров, а вместо премьера – председатель[204].

– Это превосходно: ужасно пахнет революцией! – загорелся Ленин.

Даже в этот момент большевики играли в показную скромность, поскольку аскетизм был частью их культуры. Ленин предложил Троцкого на роль председателя Совнаркома. Но еврей не мог быть российским премьером. Троцкий отказался: он утверждал, что эта роль – для Ленина. Скорее всего, Ленин предложил Сталину занять пост наркома по делам национальностей. Сталин тоже отнекивался: у него-де нет опыта, он слишком занят в Центральном комитете и счастлив быть простым партийцем (об этом Давиду Сагирашвили позднее рассказывал Енукидзе). И похоже, именно Сталину Ленин со смехом возразил: “Думаете, у нас есть такой опыт”? Ленин настоял на своем – так Сталин получил первую официальную работу с тех пор, как служил метеорологом в Тифлисской обсерватории. Тогда казалось, что все это не всерьез: некоторые члены ЦК считали, что кабинет создается как бы в шутку.

Когда дверь большевистского штаба открылась, “навстречу нам пахнул спертый, прокуренный воздух, – писал Джон Рид, – и мы разглядели взъерошенных людей, склоненных над картой, залитой ярким светом электрической лампы с абажуром”. Но дворец еще не был взят1.

Ленин рвал и метал. Троцкий и ВРК приказали Петропавловской крепости приготовиться к бомбардировке Зимнего дворца – он находился ровно напротив, через Неву. Но в крепости оказалось только шесть пушек. Пять из них не прочищали много месяцев, исправна была только одна. Офицеры передали большевикам, что пушки испорчены. Комиссары, не понявшие, что пушки нужно всего лишь прочистить, велели матросам передвинуть на нужные позиции небольшие трехдюймовые учебные орудия. Тут выяснилось, что нет нужных

снарядов, а у пушек нет прицелов. Только днем стало ясно, что шестидюймовки надо просто прочистить.

В Смольном Ленин, как всегда, был в бешенстве. “Массивный фасад” Смольного “сверкал огнями. <…> Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. <…> Огромные и пустые, плохо освещенные залы гудели от топота тяжелых сапог, криков и говора…” Тут были “солдаты в грубых шинелях грязного цвета”, “рабочие в черных блузах”. Иногда по лестнице пробегал кто-нибудь из вождей, например Каменев.

В Зимнем дворце все еще властвовал кабинет Керенского, но Ленин не мог больше откладывать свое появление на Съезде. В три часа дня его объявил Троцкий. Ленин заявил о взятии власти. Когда он вернулся в комнату 36, дворец еще не пал.

Ленин метался по маленькой комнате, “как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний… – вспоминает член ВРК Николай Подвойский. – Владимир Ильич ругался… Кричал… Он готов был нас расстрелять”. Когда взяли в плен нескольких офицеров, “некоторые товарищи в Смольном” – почти наверняка Ленин – хотели расстрелять их, чтобы деморализовать остальных. Ленин всегда был не против кровопролития.

Около шести часов вечера кадеты, охранявшие дворец и не евшие целый день, решили покинуть пост и поужинать. Ушли и казаки, которым совсем не нравились сидевшие во дворце “жиды да бабы”. Поредел Женский ударный батальон.

Большевистская комедия ошибок на этом не закончилась. Сигналом к штурму дворца был зажженный красный фонарь – его должны были поднять на мачту Петропавловской крепости. Но “тот самый” момент наступил, а фонаря никто не поднимал: его не могли отыскать. Большевистскому комиссару пришлось отправиться на поиски этого редкого предмета. Он нашел лампу, но она была не того цвета. После этого комиссар в потемках заблудился и провалился в трясину. Когда он оттуда выбрался, то не мог уже поднять никакого фонаря. Сигнал так и не был подан.

Наконец в 18:30 25 октября большевики отдали команду крейсерам “Аврора” и “Амур” плыть вверх по течению. В Зимний послали ультиматум: “Предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Срок ультиматума истекает в 19 час. 10 мин., после чего немедленно будет открыт огонь”. Затем этот срок вышел.

Ничего не произошло. Несмотря на яростные приказы Ленина и Троцкого, штурм был отложен из-за донкихотских попыток

сорвать большевистскую революцию.

Городской голова Петрограда – седобородый Григорий Шрейдер, рассуждавший в Городской думе о том, как не допустить бомбардировки дворца, вдруг вознамерился самолично защитить правительство. Городские депутаты его поддержали. И тогда почтенный городской голова, думцы и министр продовольствия Прокопович, одетые в приличные пальто с бархатными воротниками и сюртуки, с часами в карманах, выдвинулись из думы шеренгами по четыре; это напоминало шествие пингвинов. Они были безоружны, зато у каждого в руках было по зонту, фонарю и палке колбасы на ужин защитникам дворца. Сначала они пришли в Смольный. Там их встретил Каменев и отрядил с ними в Зимний дворец Молотова. Под руководством увесистого Молотова шествие с колбасой и зонтами двинулось по Невскому проспекту, распевая “Марсельезу”. У Казанской площади их остановил отряд красных матросов.

Городской голова потребовал у командующего, чтобы их пропустили – или стреляли по безоружным гражданам. Джон Рид записал их разговор.

– Нет, мы не можем стрелять в безоружных русских людей, – говорил командир.

– Мы идем! Что вы можете сделать? – напирали Прокопович и Шрейдер.

– Не можем мы вас пропустить, – задумался матрос. – Что-нибудь да сделаем…

Тут у другого матроса, бывшего в веселом настроении, появилась мысль.

– Мы вас прикладами! – крикнул он, разрушая ореол благородства, которым окружили себя манифестанты. – Мы отдубасим вас!

Спасательная операция разбилась о грубый хохот. Но Зимний все еще держался, хотя защитники его постепенно напивались пьяными: в бывшем царском дворце были превосходные винные погреба. Тем временем по мостам проезжали машины, на улицах звенели трамваи, в Народном доме в тот вечер Шаляпин пел в “Доне Карлосе”. “Казалось, что на Невский вышел гулять весь мир”. Проститутки (такой же живой индикатор неминуемой угрозы, как крысы на корабле или канарейки в шахте) все так же зазывали на проспекте клиентов. “Улицы заполонила всевозможная шваль”, – вспоминал Сагирашвили.

Наконец в 21:40 “Аврора” дала холостой выстрел – сигнал к штурму. Во дворце Женский ударный батальон был так перепуган залпом, что многих действительно чуть не хватил удар – их пришлось успокаивать в задних комнатах. Снаружи командиры

большевиков – Подвойский и Владимир Антонов-Овсеенко, которых Ленин хотел расстрелять за некомпетентность, – собрали огромную толпу.

Канониры Петропавловской крепости провели обстрел тридцатью шестью шестидюймовыми снарядами. Только два попали во дворец, но защитников они перепугали. Броневики вели пулеметный огонь по стенам. Группы матросов и красногвардейцев обнаруживали, что дворец не просто никто не защищает, но даже двери его не закрыты.

“Вообще вся атака Дворца носила совершенно беспорядочный характер”, – признает Антонов-Овсеенко. Около двух часов ночи силы большевиков ворвались во дворец и начали прочесывать комнаты.

В освещенном свечами зале Смольного висел “неприятный синий табачный дым” и “было жарко от испарений немытых человеческих тел”. Открытие Съезда, состоявшего из “провинциальных” делегатов, которых Суханов называл “серой массой”, больше нельзя было задерживать. Но министры Керенского все еще были хозяевами дворца, Ленин выйти на трибуну не мог. Вместо него трибуну занял Троцкий. Когда Мартов и меньшевики назвали то, что сделал Ленин, “безумным и преступным шагом”, Троцкий (его “худое заостренное лицо” выражало “мефистофельскую злобную иронию”) произнес одну из самых презрительных в мировой истории речей: “Вы – жалкие единицы, вы – банкроты… отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть, – в сорную корзину истории!”

“Тогда мы уходим”, – ответил Мартов. Недальновидные меньшевики покинули зал – и стали историей: к власти их больше не подпустят. Сагирашвили, меньшевик, не поддержавший бойкот, потерянно бродил по коридорам Смольного. Тут “Сталин дружелюбнейше положил мне руку на плечо и заговорил со мной по-грузински” – он пытался перевербовать Сагирашвили в большевики. Тот отказался, хотя в дальнейшем многие бывшие меньшевики, такие как Вышинский, стали вернейшими сталинскими вассалами[205].

Гром пушек наконец разогнал искателей острых ощущений с придворцовых бульваров и мостов. “Даже проститутки пропали с Невского проспекта, где когда-то порхали как птички”, – заметил Сагирашвили.

В комнате, где до 1905 года обедал Николай II с семьей, – в комнате с золотом и малахитом, с красными парчовыми портьерами, за столом, покрытым сукном, – министры Керенского все еще обсуждали, кого назначить диктатором. Затем они внезапно бросили этот фарс и решили сдаться.

И тут распахнулась дверь.

Глава 43
Власть. Сталин выходит из тени

“В комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату… – вспоминал министр юстиции Малянтович. – Человечек был… в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на рыжеватых длинных волосах. В очках. С короткими подстриженными рыжими усиками и небольшой бородкой. <…> И воротник, и рубашка, и манжеты, и руки были у человека очень грязны”.

– Временное правительство здесь, – сказал министр торговли Коновалов. – Что вам угодно?

– Объявляю вам, всем вам… что вы арестованы, – ответил Антонов-Овсеенко. – Я представитель Военно-революционного комитета Антонов.

Это было в ночь с 25 на 26 октября, примерно без десяти два. Новые хозяева Зимнего дворца принялись за грабеж, “вытаскивая ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду”. Один солдат воткнул в свою шапку страусовое перо. Старые дворцовые служители, все еще одетые в голубые и красные с золотом ливреи, пытались остановить мародеров. Штурма Зимнего дворца не было: при съемках сцены штурма в фильме Эйзенштейна пострадало и то больше людей. Сагирашвили писал: “Правительство Керенского смыла Нева”.

Когда министров отправили в Петропавловскую крепость, Антонов-Овсеенко тут же утратил контроль над тем, что происходило во дворце. Нескольких девушек из Женского ударного батальона изнасиловали. “Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца”, – вспоминал Антонов. В погребах Николая II было токайское времен Екатерины Великой и “Шато д’Икем” урожая 1847 года, любимое вино императора.

> Преображенский полк… спился окончательно. Павловский – наша революционная опора – также не устоял. Посылались караулы из смешанных частей – перепивались. Ставились “комитетские” караулы – не выдерживали. Посылались броневики разгонять толпу – команда их после некоторого променада также начинала подозрительно шататься. Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия.

Отчаявшийся Антонов-Овсеенко вызвал петроградских

пожарных. “Пробовали заливать погреба водой – пожарные во время этой работы напивались сами”. Комиссары начали разбивать бутылки на Дворцовой площади, но “пропойцы лакали прямо из канав”. “Пьяный угар заразил весь город”.

Наконец ленинский Совет народных комиссаров назначил в Зимний дворец коменданта, наделенного высшими полномочиями, но, как сухо замечает Антонов-Овсеенко, “этот человек тоже оказался не очень надежным”.

На Съезде советов именно Каменеву поневоле пришлось объявить, что Зимний дворец наконец пал. И тогда Ленин снял парик, смыл грим и появился перед делегатами как вождь новой России1.

Тем временем Анна и Надя Аллилуевы, которые хотели увидеть открытие Съезда, пришли к Смольному и проскользнули в зал. “По возбужденным голосам, по громким восклицаниям мы угадываем, что произошло что-то очень большое. И неожиданно в толпе, движущейся нам навстречу, узнаем Сталина”.

– А, вы!.. Хорошо, что пришли! Слышали? Только что взят Зимний! Наши уже вошли в него!

Большевики падали с ног от усталости. “Во время Октябрьского переворота, – рассказывает Федор Аллилуев, старший брат Анны и Нади и новый помощник Сосо, – т. Сталин не спал пять суток”. Иногда удавалось перекусить или вздремнуть на полу.

“Город был спокоен, быть может, спокойнее, чем когда бы то ни было”, – писал Джон Рид. Когда в Смольный пришла новость о том, что весь Петроград в руках большевиков, Ленин перестал волноваться, начал отпускать шутки (в адрес Каменева), прилег на газеты на полу. “Коридоры были переполнены куда-то спешащими людьми с глубоко запавшими глазами”, но в комитетских комнатах “люди спали на полу. Около каждого лежала его винтовка”.

Большевистские руководители засыпали где сидели. Кто-то постелил себе на полу в кабинетах Смольного. “Сломленный усталостью”, Сталин еще успел поучаствовать в подготовке воззвания к народу, но “наконец заснул, сидя в кресле за столом”, вспоминает Федор Аллилуев. “Восторженный Луначарский [народный комиссар просвещения] на цыпочках подошел к спящему и поцеловал его в лоб. Тов. Сталин проснулся и долго добродушно смеялся над Луначарским”.

Ленин и Троцкий уснули рядом на куче газет. “Знаете, – со вздохом сказал Ленин Троцкому, – сразу после преследований и подполья к власти… *es schwindelt*[206]”2.

В шесть утра 26 октября “слабый и бледный, как неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией. <…> Утро застало город в неистовом возбуждении”. “Буржуазия, от гвардейцев до проституток” – как замечал Шляпников – снова показалась на улицах. Заседание Съезда должно было начаться в час дня, и делегаты постепенно собирались, но и к семи часам вечера Ленин еще не появился. Наконец без двадцати девять он пришел и был встречен оглушительной овацией. “Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот… – писал Рид. – Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовке, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный”.

– Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка! – без обиняков провозгласил Ленин. Он говорил, приподняв по привычке ногу над полом. “Видна была подошва, и я заметил, что она протерта”, – рассказывал Молотов.

В 2:30 Каменев[207] зачитал с трибуны состав нового правительства. Сосо был назван “И. В. Джугашвили-Сталин”. До сих пор он был не слишком известен широкой публике, и большевики, побывавшие в эмиграции, были от него отнюдь не в восторге. Безвестность в 1917-м навсегда осталась для этого обидчивого человека травмой, которую он пытался изжить при помощи лживого культа личности. Но на самом деле Ленин и многие другие большевистские руководители давно уже отдавали должное его умениям и безжалостности. “В те времена, – писал Федор Аллилуев (с такой откровенностью, что его воспоминания так и не были напечатаны), – тов. Сталин был по-настящему известен лишь небольшому кругу людей, соприкасавшихся с ним по работе в подполье или… умевших отличать действительную работу и действительную преданность делу от трескотни, шумихи, пустословия и саморекламы”.

Все советское правительство теперь работало круглосуточно, в одной комнате, за одним столом. “После Октября тов. Сталин переселился в Смольный”, – пишет Федор Аллилуев. “Первые… три дня [я] оттуда не выходил, – говорит Молотов. – Сидели рядом – я, Зиновьев, Троцкий, напротив – Сталин, Каменев”. Новую жизнь, по признанию Молотова, они представляли “отрывочно”. Когда Каменев и Троцкий решили отменить смертную казнь в армии, это (вспоминал позднее Сталин) услышал Ленин. “Вздор! – воскликнул он. – Как же можно

совершить революцию без расстрелов?" Ленин не шутил.

Переворот дался на удивление легко, но смертельная борьба за власть началась сразу же. Ленин не хотел пускать в свое правительство меньшевиков и эсеров, но Каменев настоял на том, чтобы провести с ними переговоры. Когда переговоры провалились, он подал в отставку. Тем временем Керенский бросил казачьи войска на Пулковские высоты близ Петрограда, а железнодорожники, подстрекаемые меньшевиками, объявили забастовку, требуя коалиции. Сталин вместе со Свердловым, Серго и Дзержинским организовывал защиту Петрограда.

В первые месяцы у власти Ленин, Троцкий и Сталин были нераздельной троицей. Ленина осаждали и изнутри партии, и снаружи, пытались склонить к компромиссу; в его партии были и халтурщики, и пустословы. Своих подручных он делил на "людей дела" и "чаепитчиков". "Чаепитчиков" было слишком много. Если бы Советская Республика пришла к миру и стабильности, то "чайная" линия, которую представляли, например, Каменев и Бухарин, могла бы увести страну в совсем другом направлении. Но этому было не суждено сбыться. Ленин почти все время проводил с самыми решительными своими помощниками. В эти первые часы Ленин продиктовал декрет (точная дата отсутствует), в котором закрепил особое положение Сталина и Троцкого:

> Инструкция караулу у личного кабинета председателя Совета народных комиссаров
>
> В кабинет председателя без приглашения пропускать только:
>
> председателя Совета народных комиссаров – Ленина…

Далее перед напечатанными именами личных секретарей Ленина написано от руки – вероятно, самим Лениным:

> …народного комиссара по иностранным делам – Троцкого, народного комиссара по национальностям – Сталина.

"Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня", – писал Станислав Пестковский, польский большевик, ставший тогда главным помощником Сталина в наркомате по делам национальностей. Иногда Ленин просил Сталина поставить вторую подпись на декрете. "Наш кабинет в Смольном находился

“под боком” у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой”. Однажды Пестковский застал обоих за изучением карты.

Два бандита с Кавказа, Камо и Цинцадзе, приехали в Петроград. “Сталин был в кабинете один, – вспоминает Цинцадзе. – Мы очень друг другу обрадовались”. Вдруг в кабинет зашел Ленин.

– Это Котэ Цинцадзе, – представил его Сталин (Камо Ленин уже знал). – Старый кавказский грабитель и террорист.

Но с Пестковским Сталин разговаривал только отрывистым бормотанием. Держался угрюмо и молчаливо, не сплетничал, в отличие от других разговорчивых большевиков-руководителей[208].

29 ноября 1917 года в ЦК образовалось главное бюро лидеров – четверка, в которую входили Ленин, Сталин, Троцкий и Свердлов. Эти самые могущественные в России люди имели “право решать все экстренные дела”. Но у Свердлова, ставшего номинальным главой государства (председателем Всероссийского Центрального исполнительного комитета), время уходило на управление партийным секретариатом. В итоге, как пишет Троцкий, “четверка… свелась к тройке”.

Ленин предлагал радикальные и репрессивные меры: “Мир, земля, хлеб!” Он начал мирные переговоры с кайзеровской Германией. Когда нарком по иностранным делам Троцкий доложил о ходе переговоров, Ленин ответил: “Посоветуюсь со Сталиным и дам отчет”. 27 октября была запрещена оппозиционная печать. На заседании ЦК 2 ноября Ленин успешно положил начало диктатуре большевистских олигархов. 4 ноября Совнарком наделил себя полномочиями управления без участия советов. Роль наемных убийц изначально принадлежала ВРК, но 7 декабря Ленин создал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем – знаменитую ЧК во главе с Дзержинским. ЧК, предшественница ОГПУ, НКВД, КГБ и сегодняшней ФСБ, имела абсолютную власть решать вопросы жизни и смерти, власть выше закона.

– Зачем тогда нам вообще комиссариат юстиции? Давайте назовем его честно – комиссариат социального истребления! – запальчиво выкрикнул нарком юстиции, левый эсер Исаак Штейнберг.

– Хорошо сказано! – ответил Ленин. – Именно так и надо бы его назвать!

Другому коллеге он сказал: “Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорит Писарев? “Ломай, бей все, бей и разрушай! Что

сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо…” В записках Ленина встречаются требования расстрелять, убить, повесить “паразитов”, “пауков”, “пиявок”. Он спрашивал: “Как же можно совершить революцию без расстрельных бригад? Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция?.. Одна болтовня и каша!” Он требовал “найти людей потверже”. Но Сталин и Троцкий были достаточно тверды. “Надо навсегда покончить с поповско-квакерской болтовней о священной ценности человеческой жизни”, – говорил Троцкий[209]. Сталин любил террор не меньше. Когда в самом начале революции эстонские большевики предложили ликвидировать “предателей”, он сразу ответил: “Идея концентрационного лагеря великолепна”.

“Сталин стал чувствовать себя более уверенно, – пишет Троцкий. – Я заметил вскоре, что Ленин “выдвигает” Сталина. <…> Ленин, несомненно, высоко ценил в Сталине… твердость, цепкость, настойчивость… хитрость… как необходимые качества в борьбе”[210]. Молотов, ненавидевший Троцкого, считал, что “Ленин не случайно выделил двух – Сталина и Троцкого – как главных. Два человека, которые выделяются как самые талантливые”. Скоро даже Суханов понял, что Сталин “держал в своих руках судьбы революции и государства”. Он, по словам Троцкого, “привык к власти”.

Но приход Сталина к власти не был предопределен. Сообразительность, уверенность, интеллект, политические таланты, вера в действенность насилия и применение его на практике, обидчивость, мстительность, обаяние, тонкость восприятия, бессердечие, вся невероятная исключительнсть этого человека – все это было к месту, но самого места не было. В 1917-м место появилось.

Он не смог бы подняться к вершинам власти в любую другую историческую эпоху: требовалась синхронность человека и момента. Для того чтобы грузин стал правителем России, нужна была интернациональность марксизма. Его тирания осуществилась благодаря осадному положению Советской России, утопическому фанатизму ее квазирелигиозной идеологии, беспощадному большевистскому мачизму, смертоносному духу Первой мировой войны, живодерскому представлению Ленина о “диктатуре пролетариата”. Сталина бы не было, если бы Ленин в первые дни нового порядка не победил в споре с Каменевым и не создал механизм для такой безграничной, абсолютной власти. Для таких условий Сталин был прекрасно снаряжен. Теперь он мог сделаться Сталиным.

Через несколько месяцев после Октября Ленин и его подручные направили эту власть, сосредоточенную в их руках, на поля Гражданской войны. Именно тогда Сталин и его когорты испытали, что такое ничем не ограниченная власть – власть вести войну, менять общество при помощи беспорядочных убийств. Их, словно мальчишек на первой охоте, переполняли гордость и восторг. Сталин, испорченная, но одаренная натура, идеально подходил для того, чтобы заниматься безжалостным истреблением – у него была непреодолимая тяга к этому. Впоследствии механизмы репрессий, жестокосердная, параноидальная психология вечной конспирации и вкус к решению всех проблем самыми кровавыми способами не просто стали доминировать в повседневной жизни, но были прославлены, институционализированы и с мессианским рвением возведены в статус большевистской аморальной веры. В условиях колоссальной бюрократии, устроенной по принципу кумовства, Сталин проявил себя мастером персональной политики[211]. Он не только поощрял самые жестокие методы, но одновременно был их олицетворением; в 1929-м он совершенно справедливо произнес богохульные слова о партии, родившей и воспитавшей его “по образу своему и подобию”. Но, хотя он рос вместе с партией, присущие ему скрытый экстремизм и угрюмая черная злоба оставляли большой простор для того, чтобы пойти еще дальше.

Он вырос на Кавказе, где царило клановое сознание. Все зрелые годы он провел в конспиративном подполье, где больше всего ценились жестокость, фанатизм и преданность. Постоянная борьба и стресс были для него питательной средой. К власти пришел редкий человек, в котором сочетались привычка к насилию и идейность – профессиональный бандит и убежденный марксист. Но больше, чем во что-либо, он верил в самого себя, в то, что только его беспощадный стиль правления годится для страны в кризисе, для того, чтобы претворить умозрительный идеал в утопию на практике.

Кто же больше него подходил для работы в правительстве, не скованном никакими рамками, устроенном согласно принципам кровавого заговора и кланового протекционизма?

Борьба за власть между Троцким и Сталиным зародилась в самом начале, на первом же заседании нового правительства, в тот исторический момент, когда личные слабости и политические махинации столкнулись с сакральностью диалектического материализма.

Первое заседание Совнаркома проходило в кабинете Ленина

в Смольном. Кабинет оборудовали наспех, и потому единственной связью с империей была каморка телефонистки и машинистки за некрашеной деревянной перегородкой. Троцкий пишет, что двое главных соратников Ленина, “мы со Сталиным”, “явились первыми”. Это, конечно, не совпадение.

Из-за деревянной перегородки доносились чувственные вздохи: телефонный “разговор имел скорее нежный характер”. Слышался “сочный бас Дыбенко” (наркома по морским делам): “двадцатидевятилетний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения… приближавшейся к 46-й годовщине”. Итак, в этот эпохальный момент Сталин и Троцкий случайно стали свидетелями нового скандального романа Коллонтай, о котором “в некоторых кругах партии… несомненно, сплетничали”.

Троцкий и Сталин – высокомерные самозваные марксистские мессии, великолепные администраторы, глубокие мыслители, убийцы, обойденные чинами еврей и грузин – переглянулись. Сталина ситуация позабавила, Троцкого возмутила. “Сталин… подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая: “Это он с Коллонтай, с Коллонтай…”[212]

Троцкий не засмеялся: “Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте”.

– Это их дело, – сухо ответил он. Сталин “почувствовал, что дал промах”.

Случилось неслыханное: Сталин, сын грузинского сапожника, был близок к вершине российской олигархической власти. Троцкий почти моментально стал его соперником.

Сталин “никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы”, пишет Троцкий. “Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились… искры враждебности”з.

Эпилог

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.

Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.

По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.

А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит…
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.

А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.

На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг.

Сосело (Иосиф Сталин)

Старый тиран вспоминает прошлое

На зеленых горах Гагры, у Черного моря, на веранде неприступного особняка, вознесшегося над утесом, сидел старый грузин – тщедушный, невысокий, с брюшком, с редеющими седыми волосами и усами, в сером кителе и мешковатых штанах. Он вспоминал со своими престарелыми гостями о том, как они вместе росли…

На столе лежал шашлык мцвади, пряные овощи, стояли бутылки местного вина – грузинское застолье, супра. Собравшиеся говорили по-грузински о детстве в Гори и Тифлисе, учебе в семинарии, о своем юношеском радикализме. Неважно, что они давно расстались и каждый пошел своей дорогой: хозяин "никогда не забывал своих школьных и семинарских товарищей".

За несколько лет до смерти генералиссимус Сталин, председатель советского правительства, генеральный секретарь Коммунистической партии, покоритель Берлина и верховный жрец мирового марксизма, старый Сосо, уставший за полвека конспирации, тридцать лет управления страной и четыре года разрушительной войны, на несколько месяцев удалился на любимую дачу у Черного моря, к себе на родину, в субтропики. Здесь он садовничал, строил новые заговоры и читал, а еще теплыми вечерами вел беседы, вспоминая былое.

Иногда он разговаривал со своими приближенными – Молотовым или Ворошиловым, иногда – с грузинскими наместниками и протеже помоложе, но часто "Сталин приглашал в гости грузинских друзей молодости", рассказывает Кандид Чарквиани, первый секретарь ЦК Компартии Грузии, – его фамилия напоминала Сталину о давнем покровителе, горийском священнике Котэ Чарквиани. "Когда у него было время, он общался со своими однокашниками. Сталин, рассказывая истории о своем детстве, вспомнил своих друзей и решил, что хочет их увидеть. Поэтому их пригласили к нему в Гагру". Сталин с удовольствием готовил эту встречу: "Пригласим Петра Капанадзе и Васо Эгнаташвили… Интересно, как поживает Церадзе? Он был знаменитым борцом… Хорошо будет пригласить и его…"

После этого Капанадзе, Эгнаташвили и других стариков разыскали и доставили из Тбилиси к Черному морю. Их провезли по горному серпантину, и сквозь стальные ворота и пост охраны они въехали на территорию сталинского секретного особняка "Холодный ключ". Охрана проводила их к Сталину. Здесь он часто подрезал розы, или возился с лимонными деревьями, или читал на веранде, или писал в деревянной беседке на самом краю

утеса, или играл на бильярде. Женщины в передниках незаметно накрыли стол и пропали. Сталин открыл грузинское вино. Все подходили к столу, устроенному для фуршета.

“Гости провели время на славу”, – пишет Чарквиани. Сталин был дружелюбен, охотно вспоминал былое, хотя случались и вспышки диктаторского гнева. “За обедом произошел неприятный эпизод: Сталин заметил пачку грузинских сигарет с картинкой – девушкой в вульгарной позе”. Он вдруг вышел из себя: “Где это видано, чтобы приличная женщина принимала такую позу? Это возмутительно!”

Чарквиани и другие аппаратчики пообещали сменить оформление пачки. Сталин успокоился. В основном Сосо говорил со старыми друзьями “о театре, искусстве, литературе, иногда и о политике”. Он с горечью вспоминал двух своих жен – Като и Надю, говорил о проблемах своих детей. Петр Капанадзе церемонно обошел стол и шепотом выразил Сталину соболезнования в связи с гибелью сына Якова. Сталин грустно кивнул: “Многие семьи потеряли сыновей”. Он вспомнил о том, как пил его отец, о борцовских состязаниях в Гори, о своих приключениях в 1905-м, о выходках Камо, Цинцадзе и других грабителей, о собственных эскападах в ссылке, постепенно приобретавших в его глазах масштабы подвигов Геракла. Но надо всеми приближенными Сталина нависала страшная тень Террора, который унес множество жизней, став позорной платой за революцию и ценой сталинской жажды власти.

“Сталин вспоминал жизнь других старых большевиков, рассказывал о них анекдоты”. Он называл имена, от которых гости поеживались: это были люди, которых он сам беспричинно казнил. Иногда Сталин говорил, что зря их расстреляли – по его приказу… “Меня удивляло, – пишет Чарквиани, – что, упоминая людей, несправедливо казненных, он говорил со спокойной беспристрастностью историка, не выражал ни печали, ни злобы – говорил без злопамятства, с мягким юмором…” Сталин лишь однажды объяснил природу такого отношения – многими годами ранее в письме к матери: “Сказано: “Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные”.

Оглядываясь на свое конспиративное прошлое, старый диктатор рассуждал: “Историки – это такие люди, которые не только из-под земли, но и со дна океана поднимут факты и расскажут миру обо всем”. И задавался вопросом: как сохранить тайну?

Бывало, Сталин мрачно смотрел в окно, вспоминая свою семью, друзей и знакомых, чьи судьбы, переплетаясь, складывались в микрокосм колоссальной трагедии его власти1.

Сталин “был плохим, невнимательным сыном, как и отцом и мужем”, писала его дочь, Светлана Аллилуева. “Все его существо было посвящено политике, борьбе – поэтому чужие люди были для него важнее и значительнее близких”. Что еще хуже, он допускал, чтобы созданный им режим уничтожал его близких, и даже поощрял это.

В 1918 году почти все дети Сергея и Ольги Аллилуевых работали с Сосо. Когда Сталина во время Гражданской войны отправили в Царицын (Сталинград), он взял с собой в бронепоезд в качестве помощников свою подругу Надю Аллилуеву и ее брата Федора. Когда они вернулись, Надя уже была его женой. Она переехала в его кремлевскую квартиру и родила ему двоих детей – сына Василия[213] и дочь Светлану. После Гражданской войны Надя некоторое время работала в секретариате Ленина.

Анна Аллилуева во время Гражданской войны тоже вышла замуж. Когда Сталин и Дзержинский поехали расследовать обстоятельства сдачи Перми, она отправилась с ними и влюбилась в помощника Дзержинского, поляка Станислава Реденса. Реденс вошел в высшее руководство ВЧК, сделался приближенным Сталина. Брат Анны и Нади Павел стал дипломатом и военным комиссаром. Все они процветали в сталинском окружении. Но вскоре Сталин разрушил эту семью.

Первая трагедия произошла с умным, но слишком чувствительным Федором. Во время Гражданской войны он попал в разведвойска, которыми командовал Камо. У этого бывшего грабителя банков и психопата появилась навязчивая идея – проверять солдат на верность под огнем. Он разработал план: его отряд должны были “захватить” свои, переодетые белогвардейцами. “Ночью неожиданно он захватит… товарищей и поведет их якобы на расстрел. Если кто из них струсит, начнет просить пощады или выдавать, то он их расстреляет… тогда, говорил Камо, можно абсолютно быть уверенным, что люди… не подведут”. Один оказался предателем – и был расстрелян на месте. Но это был еще не конец: Камо раскроил мертвому грудь и вырвал сердце. “Вот сердце твоего командира!” – сказал он Федору.

Федор сошел с ума. Его племянница Светлана рассказывала, что несколько лет он тихо сидел в больнице. Понемногу к нему вернулась речь, и он снова стал человеком. Он никогда нигде не работал и пережил Сталина.

Брак с Надей поначалу складывался вполне счастливо. Члены семьи Аллилуевых переселились в квартиру Сталина и его загородный дом в Зубалове (любопытно, что ранее дом

принадлежал бакинскому нефтяному магнату). Надя была довольна ролью домохозяйки и матери, но вскоре ей захотелось сделать карьеру. Тяжелый характер Сталина, политические волнения из-за войны с крестьянством, воспитание двоих детей одновременно с учебой в Промышленной академии, интрижки мужа, вызывавшие ее безумную ревность, – все это сломало Надю. Страдая от депрессии, в ноябре 1932 года она покончила с собой.

Надины родители, Сергей и Ольга, продолжали жить в Кремле и на сталинской даче – даже когда Сталин истреблял их семью. После смерти Нади убитый горем Сталин сблизился с Женей Аллилуевой, женой Павла. Возможно, у них был роман. Если это и так, то к началу Большого террора роман уже закончился.

Станислава Реденса, несмотря на мольбы его жены Анны, арестовали и расстреляли. Павел Аллилуев умер при подозрительных обстоятельствах. После Второй мировой войны свояченицы Сталина Анна и Женя часто злили вождя: они вмешивались в семейные и государственные дела и слишком тесно общались с разными евреями, которые оказывались под следствием. Анна с разрешения Сталина написала воспоминания, но они, что неудивительно, получились бестактными, особенно там, где речь шла о больной руке. Сталин велел арестовать обеих женщин. Когда после его смерти их выпустили, они были убеждены, что их освободил сам Сталин, и отказывались верить, что он и был виновником их несчастий. В тюрьме Анна сошла с ума. Она умерла в 1964 году2.

Судьба других родственников Сталина – Сванидзе – тоже оказалась незавидной. Яков вновь увидел своего отца только в 1921 году, когда его дядя Алеша Сванидзе и сестра Камо привезли подростка в Москву. Он стал жить со Сталиным и Надей, но его грузинская медлительность всегда раздражала отца. Когда Яков попытался покончить жизнь самоубийством – скорее это был крик о помощи, – Сталин смеялся: “Даже застрелиться не мог”.

Алеша Сванидзе, женившийся на красивой оперной певице-еврейке, остался близким другом вождя. Они с Сосо были “как братья”. Он служил за границей, в начале 1930-х вернулся и стал заместителем председателя правления Внешторгбанка СССР. После смерти Нади Сванидзе, в том числе сестры Като, стали еще ближе к Сталину: Марико работала в Москве секретаршей у Авеля Енукидзе, а Сашико Сванидзе-Монаселидзе часто у Сталина гостила.

Жена Алеши Мария и ее сестра Сашико соперничали с

Аллилуевыми – Анной и Женей – за право заботиться о Сталине. В начале 1930-х они фактически жили у него, но это соперничество раздражало диктатора.

В 1935-м муж Сашико – Монаселидзе – попросил Сталина помочь ему деньгами. Сталин ответил:

> Я послал 5000 рублей Саше [Сашико]. На время вам обоим этого хватит. У меня больше нет денег, а то бы я послал. Это гонорары за мои речи и статьи. Но это должно остаться между нами (тобой, мной и Сашей). Больше никто не должен знать об этом, иначе другие мои родственники и знакомые начнут меня преследовать и никогда не оставят в покое. Пусть будет так, как я сказал.
>
> Миша! Живи счастливо тысячу лет! Передай привет нашим друзьям!
>
> Твой
>
> *Coco*
>
> *19 февраля 1935 года*
>
> *P. S.* Если встретишь мою мать, передай ей от меня привет.

Сашико в 1936 году умерла от рака, а ее сестра Марико была арестована по делу ее начальника – Енукидзе. В следующем году Сталин приказал арестовать Алешу Сванидзе и его жену. Он велел НКВД требовать от Алеши признать себя немецким шпионом в обмен на сохранение жизни. Алеша наотрез отказался. “Вот какая гордость дворянская!” – заметил Сталин. Алеша, его жена Мария и сестра Марико были казнены в 1941-м, когда на Москву наступали немцы. В годы Террора Сталин любил оправдываться, когда другие руководители жаловались ему на арест своих близких: “Что я могу сделать? У меня самого близкие в тюрьме!”

Сын Сталина и Като Яков женился в 1930-е. У него родилась дочь Галина – она ныне здравствует[214]. Во время Второй мировой Якова взяли в плен немцы. Отец счел, что сын предал его, и приказал арестовать его жену. Но Яков не предавал отца. Он покончил с собой. Впоследствии Сталин сокрушался о гибели сына и говорил, что тот был “настоящим мужчиной”з.

Судьбы женщин Сталина зачастую покрыты тайной. Но ясно одно: когда их бывший любовник стал вождем Советского Союза,

их положения это не улучшило.

Нарядная – школьница Пелагея Онуфриева – стала учительницей, но в 1917-м ушла из школы и вышла замуж за механика по фамилии Фомин. Ее отец и братья во время войны Сталина с крестьянством в начале 1930-х были объявлены кулаками и сосланы в Сибирь. В 1937 году ее муж был арестован и удерживался в тюрьме как возможный вредитель. В результате ее сын потерял стипендию в Ленинградском университете. Тогда Пелагея написала Сталину. Стипендию сыну вернули. Но в 1947-м ее мужа опять арестовали и приговорили к десяти годам тюрьмы как врага народа.

Когда в 1944-м к ней пришли записать ее воспоминания о вожде, энкавэдэшник потребовал отдать открытки от Сталина и подаренную им книгу. “Жизнь у меня была трудной и кочевой, – ответила она. – Семья большая. Ничего сохранить не удалось. Книгу я берегла. Отдать ее жалко. Ведь для меня это память не только как о Сталине… Память это об Иосифе. Мы были с ним, можно сказать, друзья. Книга дорога мне. Думаю, умру, тогда можно и взять”. Аппаратчик конфисковал книгу.

Людмила Сталь много лет проработала в ЦК, получала награды и занималась редактурой трудов Сталина. Она умерла перед Второй мировой войной. Татьяна Словатинская сделала успешную карьеру в Секретном отделе ЦК, стала членом Центральной контрольной комиссии. Но в 1937-м был расстрелян ее зять, генерал, а ее дочь и сын арестованы и сосланы на восемь лет. Татьяну вместе с внуками выселили из Дома на набережной, где жила советская элита. Один из ее внуков, писатель Юрий Трифонов, описал это в повести “Дом на набережной”.

Насколько известно, Сталин вновь встречался только с одной из своих бывших подруг[215]. В 1925-м, вспоминает его сольвычегодская приятельница Татьяна Сухова, “поселившись в Москве… мне очень захотелось встретиться уже с тов. Сталиным. <…> Я села и написала ему письмо… <…> Каково же было мое удивление, когда я вечером этого же дня услыхала по телефону голос самого Сталина!” На следующий день они встретились в его кабинете на Старой площади и говорили “о работе, об общих знакомых, вспоминали о жизни в Сольвычегодске”.

В 1929-м Сталин отдыхал на водах в Мацесте. Сухова, работавшая тогда преподавательницей, вновь написала ему. За ней приехали “трое молодых людей в белых костюмах” и отвезли на приморскую дачу. Там ее встретили Надя Аллилуева и Сталин. За ужином они предавались воспоминаниям. Надя спросила ее о том, каков был молодой Сталин в ссылке. “Когда я описывала его

внешность и упомянула, что тов. Сталин никогда не расставался с своим белым башлыком", Надя "смеясь заметила, что не думала, что он тогда был таким "франтом". Сталин с гордостью показал Суховой выращенные им в огороде помидоры и отвел ее на стрельбище позади дома. Там он из ружья поразил мишень и дал Татьяне выстрелить из "маленького английского "монте-кристо", но она промазала. "Как же защищаться будешь?" – спросил ее Сталин. Когда она пожаловалась ему, что с ней невежливо обращаются в доме отдыха, Сталин проговорил: "Крыть их надо, крыть".

В следующем году Сухова оказалась замешанной в один из сталинских процессов – дело Рамзина. Она обратилась к Сталину, и он ее принял. "Что, в переделку попала в первый раз? – спросил он. – А я так много раз бывал!" На другой день он позвонил в ее институт и защитил Татьяну. "Надо бороться, и бороться самой", – напутствовал он ее. Больше они не встречались4.

У Сталина было по крайней мере двое незаконнорожденных детей. Ни одному из них отец напрямую не помогал.

Карьера Константина Кузакова, сына сольвычегодской квартирной хозяйки Сталина – Марии, была интереснее, чем у второго сына. Когда в 1917-м Кузакова узнала, что Сталин стал членом правительства, она написала ему с просьбой о помощи. Не получив ответа, она приехала на прием к Ленину – жена Сталина Надя работала в его секретариате. Ничего не говоря Сталину, она добилась повышения Кузаковой выплат. Но впоследствии она все же известила отца ребенка.

Вероятно, Сталин помог своему сыну поступить в Ленинградский университет. В 1932 году НКВД заставил его подписать обязательство о неразглашении своего "происхождения".

Он преподавал философию в Ленинградском военно-механическом институте, затем ближайший сподвижник Сталина Андрей Жданов перевел его на работу в московский аппарат ЦК. Позже Константин говорил, что Жданов знал о его "происхождении". Кузаков никогда не разговаривал со своим отцом, хотя однажды "Сталин остановился и… посмотрел на меня. Я чувствовал – ему хочется что-то сказать мне. Хотелось рвануться к нему, но что-то остановило. <…> Сталин махнул трубкой и медленно пошел". Во Вторую мировую войну Константин стал полковником и получил много наград, но его мать умерла от голода во время блокады Ленинграда.

Летом 1947 года Кузакова вызвал к себе Жданов. В кабинете сидел грозный и вспыльчивый министр госбезопасности Виктор

Абакумов. Они сказали Кузакову, что его заместитель – американский шпион. Кузаков оказался фигурантом шпионского дела. Сталин не санкционировал его арест, но Кузакова судили судом чести и исключили из партии. У него было трое детей, но он не мог устроиться на работу даже дворником.

После смерти Сталина и ареста Берии он был восстановлен в партии, дослужился до высокого поста в Министерстве культуры, долгое время был начальником главного управления Гостелерадио. Он умер в 1996 году.

Сталин оставил Лидию Перепрыгину с сыном Александром, который родился, вероятно, в начале 1917 года. Она вышла замуж за рыбака Якова Давыдова, который усыновил Александра. Лидия стала парикмахером в Игарке, родила еще восьмерых детей. “Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи”, – писал глава КГБ генерал Серов. Сын Александра Юрий сообщает: “Отцу рассказала об этом его мать Лидия через много лет после своего романа со Сталиным. Они оба хранили это в тайне. Только несколько жителей Курейки знали, чьим сыном на самом деле является Александр”.

Александр стал почтальоном и комсомольским инструктором. В 1935-м НКВД вызвал его в Красноярск, чтобы он подписал обязательство – такое же, как Кузаков: никогда не рассказывать о своем происхождении. Затем ему предложили переехать в Москву, но он отказался – “всегда боялся того, что могло бы с ним произойти”. Вторую мировую Александр Давыдов прошел рядовым, трижды был ранен, после войны дослужился до майора. Он заведовал столовой в шахтерском городе Новокузнецке. Здесь он женился, у него родилось трое детей. Он умер в 1987-м. “Отец сказал мне, что я внук Сталина”, – вспоминает Юрий, который сейчас живет со своей семьей в Новокузнецке5.

До тех пор пока Сталин не отвоевал Грузию заново в 1921 году[216], его мать жила в другом государстве. Потом Сосо навестил Кеке во время поездки в Тифлис; поездка прошла плохо: он понял, что его здесь ненавидят как кровавого завоевателя и бывшего бандита.

Сталин постоянно писал Кеке письма, но соблюдал дистанцию. “Веселая, говорливая”, она была единственным человеком в сталинском мире, кто осмеливался спросить: “Я задаю себе вопрос: что мой сын не поделил с Троцким?” Сталин не терпел такой независимости.

Один раз Кеке ненадолго приезжала в Москву. Она познакомилась с Надей. “Эта женщина – моя жена, –

предупреждал Сталин Кеке. – Постарайся не дать ее в обиду". Кеке нравилось жить в двухкомнатной квартире в бывшем тифлисском дворце наместника на Головинском проспекте. Надя посылала ей письма с новостями, фотографии детей. Когда Сталин шел к власти, его письма были коротки:

Мама – моя!
Здравствуй!
Живи десять тысяч лет.
Целую.

Твой Сосо

1 / I-23.

Она ворчала, что он не уделяет ей внимания. "Здравствуй мама – моя! Знаю ты обижена на меня, но что поделаешь, уж очень занят и часто писать тебе не могу. День и ночь занят по горло делами… Твой Сосо. 25 января 1925 г." Иногда она сама не уделяла ему внимания и продолжала жить как жила: "Здравствуй мама – моя! <…> Давно от тебя нет писем, – видимо, обижена на меня, но что делать, ей богу очень занят. Присылаю тебе сто пятьдесят рублей, – больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею пришлю. <…> Твой Сосо".

Отсутствие между ними душевной близости стало еще видней после самоубийства Нади:

Здравствуй мама – моя! <…>

Получил… варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. <…>

Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги, или нет.

На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки – свою и детей.

Будь здорова мама – моя!
Не теряй бодрости духа!
Целую

Твой сын Сосо.

24 / III -34 года

Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным.

Когда он в последний раз навещал ее в 1936 году, она пожалела, что он не стал священником. Это умилило Сталина. Он присылал ей лекарства и одежду. Когда ее здоровье начало угасать, он подбадривал ее: “Передают, что ты здорова и бодра. <…> …я бесконечно рад этому. Наш род, видимо, крепкий род”. Вскоре она умерла – в разгар Большого террора. Сталин не приехал на похороны, но на венке от него была надпись: “Дорогой и любимой матери от сына Иосифа Джугашвили”. Были устроены пышные похороны. Ее тело лежит возле церкви на Святой горе6.

Сталин поддерживал связь со старыми горийскими друзьями. Иногда он посылал им записки или внезапно дарил деньги. Если они к нему обращались, он охотно помогал. В 1933-м он написал Капанадзе:

> Привет, Пета! Как видишь… посылаю тебе 2000 рублей. Больше у меня сейчас нет. Эти деньги – книжный гонорар, большие гонорары мы не принимаем, но твоя нужда для меня – случай особый… Кроме этих денег, ты получишь ссуду в 3000 рублей. Я сказал об этом Берии.
>
> Живи долго, будь счастлив Бесо.

Во время войны бывшим священникам Капанадзе и Глурджидзе и борцу Церадзе повезло еще больше. 9 мая 1944 года Сталин обнаружил, что в его сейфе накопилось много денег (зарплата Генерального секретаря партии, председателя правительства, верховного главнокомандующего, наркома обороны и депутата Верховного совета). Потратить эти деньги он не мог, поэтому написал такую записку:

> 1) Моему другу Пете [Капанадзе] – 40 000
> 2) 30 000 рублей Грише [Глурджидзе]
> 3) 30 000 рублей Дзерадзе.

В личной записке Глурджидзе говорилось: “Гриша! Прими от меня небольшой подарок. Твой Сосо”. Он благоволил к тем, кто не лез в политику, но вряд ли он пощадил бы Иремашвили и Давришеви. Они стали его политическими оппонентами[217].

Когда Сталин в 1921-м завоевал Грузию, Иремашвили пришел на похороны павших в бою и увидел, что рядом с ним стоит Кеке Джугашвили. “Кеке, в этом виноват твой сын, – сказал Иремашвили, хорошо знавший Кеке еще в Гори. – Напиши ему в Москву: он мне больше не друг!” Когда Сталин в том же году приехал в Тифлис, Иремашвили арестовали, но его сестра обратилась к Сталину, “который был с ней доброжелателен и

добр: “Какая жалость! Я очень ему сочувствую. Надеюсь, он вновь найдет ко мне дорогу!” Сталин приказал освободить Иремашвили и пригласил его к себе. Тот отказался. Его вновь арестовали. Его надзирателем был Цинцадзе, сталинский бандит, а теперь высокопоставленный чекист. Сталин выслал Иремашвили в Германию. Там он заигрывал с фашизмом и написал враждебные по отношению к Сталину мемуары.

Колоритный Давришеви, сын горийского полицейского и тоже грабитель банков, бежал в Париж. Под именем Жана Виолана он стал знаменитым пилотом Первой мировой и французским шпионом. Некоторые источники сообщают, что у него был роман со знаменитой куртизанкой Матой Хари, казненной за шпионаж в 1917-м. Подлинная история его сексуально-шпионских похождений не менее увлекательна. Французская разведка заподозрила красивую молодую авантюристку и авиаторшу Марту Ришар в шпионаже на Германию. Летчику-асу Давришеви поручили слежку за ней. Она влюбилась в “Зозо” Давришеви, и у них начался столь бурный роман, что “Зозо” угрожал покончить с собой в случае ареста Марты. Он сумел доказать ее невиновность. Французская секретная служба завербовала Марту и командировала в Мадрид, где та соблазнила шефа немецкой разведки, которому было за семьдесят.

В 1936 году Сталин связался с Давришеви и предложил ему вернуться. Давришеви поступил мудро – остался в Париже. Когда Сталин умер, Давришеви заявил в интервью: “Я единокровный брат Сталина”. Сам он скончался в 1975-м; его биография была названа в некрологе “поразительной: революционер, авиатор, шпион, писатель”. Его замечательные мемуары вышли во Франции в 1979-м и не получили известности7.

Камо остался большевистским героем, несмотря на жестокое обращение с Федором Аллилуевым. Но этот опасный простак был неспособен к мирной деятельности. Он стал чекистом, но его жестокость была запредельной даже для этой организации. В 1922-м он вернулся в Тифлис и работал в Наркомфине. Когда Ленин захотел отдохнуть на Кавказе, Камо вызвался его сопровождать; Ленин не приехал. В Тифлисе ходили слухи, что Камо слишком много пил и болтал о роли Сталина в знаменитой экспроприации, а это была тема щекотливая[218]. В день, когда Камо начал писать воспоминания, он попал под грузовик, возвращаясь домой на велосипеде. Говорили, что его убил Сталин: в конце концов, как шутили тогда, странно, что единственный велосипедист в Тифлисе был сбит единственным грузовиком.

Камо похоронили в Пушкинском сквере, неподалеку от духана “Тилипучури” на Эриванской площади, где он совершил легендарное ограбление. Позже Сталин приказал убрать его памятник. Прах Камо захоронили в другом месте8.

Эгнаташвили, покровитель и, возможно, отец Сталина, отправил своих оставшихся в живых детей Сашу и Васо учиться в московскую частную школу. Его семья держала духаны и вскоре открыла заведения не только в Гори. Эгнаташвили и сыновья построили духаны в Баку; попутно Васо окончил Харьковский университет и стал учителем истории. Эгнаташвили-отец умер в 1929-м; “до последнего дня он оставался близок к Сталину”. Саша Эгнаташвили был владельцем пяти тифлисских духанов примерно до 1929 года. В начале 1930-х обоих братьев арестовали. Саша сумел связаться с Енукидзе, который выпустил его и привез в Москву. Там Сашу принял Сталин. Васо тоже немедленно освободили. Сталин устроил Сашу в НКВД и назначил его управляющим кремлевской дачей в Крыму, затем – заместителем начальника своей личной охраны. Саша, бывший ресторатор-капиталист, стал и начальником сталинской кухни, известной как База. На такой пост диктатор-параноик, который отравлял других и сам боялся яда, мог назначить только человека, пользовавшегося его доверием. Эгнаташвили стал дегустатором вождя, отсюда его прозвище в НКВД – Кролик. Сотрудники НКВД негласно считали его “родственником Сталина” или даже “братом”: так полагал даже генерал Власик, знавший диктатора лучше, чем кто бы то ни было. (Среди подчиненных Саши был повар, сделавший в кухнях НКВД головокружительную карьеру: в молодости он кормил Распутина, а потом – Ленина и Сталина. Этот повар исторического значения был дедом президента Владимира Путина.)

Социалист-федералист Васо – даже не меньшевик! – стал редактором тифлисской газеты, а впоследствии секретарем Верховного совета Грузии – “глазами и ушами” Сталина в республике.

Саша-Кролик жил недалеко от главной резиденции Сталина, дачи в Кунцеве, и часто бывал у него на обедах. Когда Васо приезжал в Москву, он всегда останавливался у Сталина. Братья поддерживали добрые отношения с Кеке. В 1934 году Саша Эгнаташвили отправил Кеке ко дню рождения письмо, из которого видно, что они были близки: “Дорогая матушка, вчера был у Сосо. Мы долго разговаривали. Он поправился. В последние четыре года я еще не видел его таким здоровым. Вы и не видали его таким красавцем. Он много шутил. Напрасно говорят, что Сосо выглядит старше своих лет. Все считают, что больше 47 лет

ему не дашь!”

В 1940 году Сталин вспомнил, что у его отца был подмастерье Дато Гаситашвили, который ласково обращался с маленьким Сосо. “Дато жив еще? – вдруг спросил он у Саши. – Я не видел его много лет”. Эгнаташвили вызвал в Москву Дато – до тех пор он сапожничал в Гори.

Однажды Сталин, начальник его охраны Власик и Берия приехали к Эгнаташвили на грузинский пир, и там Сталин снова встретился с Дато. Когда Сталин стал над ним подтрунивать, старый сапожник бесстрашно ответил: “ Ты думаешь, что ты Сталин? Ты для меня еще тот мальчишка, которого я на руках носил! Вот сейчас я сниму с тебя эти штаны и так надеру твою попу, что она краснее твоего флага будет!” Сталин расхохотался. Но, к несчастью, он обратил внимание на жену Саши. У Кролика был счастливый, но опасный брак: он женился на этнической немке. До него она была замужем за дельцом, армянским евреем, их дочь жила в Америке.

– Что-то твоя жена очень грустная, – заметил Сталин. – Может быть, ей не нравится, что я к тебе в гости пришел?

Саша объяснил, что она, будучи немкой, боится за себя и за свою дочь в Америке. По словам Сашиного внука Гурама Ратишвили, Сталин успокоил ее так: “У нас подписан пакт с Германией, но это ничего не значит. Война неизбежна. Америка и Британия будут нашими союзниками”.

Когда в 1941-м немцы напали на СССР, жену Эгнаташвили арестовали и расстреляли. “Она просто исчезла и не вернулась, – рассказывает внук Саши. – Но Саша никогда не говорил об этом со Сталиным”. Эгнаташвили хорошо знал придворный этикет.

Во время войны Эгнаташвили, произведенный в генералы, сопровождал Сталина в Тегеран и Ялту. “Шашлычник какой-то жарил шашлыки… <…> Войну он закончил генерал-лейтенантом, – негодовал Хрущев в своих воспоминаниях. – Приедешь с фронта, смотришь, а у него еще прибавились один-два ордена… <…> Помню, как Сталин учинил мне разнос в присутствии того духанщика, генерал-лейтенанта, который пьянствовал со всеми нами”. Это не прошло мимо внимания российского полководца Сталина, к тому же он узнал от Берии о коррупции в своем домашнем хозяйстве[219] и в преддверии Ялтинской конференции Большой тройки перевел Эгнаташвили на должность заведующего госдачами в Крыму. Позже он потерял к нему интерес.

Кролик умер от диабета в 1948-м. Васо Эгнаташвили остался близок к Сталину и бывал на посиделках старых горийских друзей. Но, когда Сталин умер, Берия уволил Васо и посадил в

тюрьму. После падения Берии Васо был освобожден и скончался в 1956 году[9].

Судьба большевиков – товарищей Сталина сложилась трагически, не говоря уж о судьбе советского народа. Каменева и Зиновьева расстреляли в 1936-м, Бухарина – в 1938-м; Троцкий был убит ледорубом в 1940-м. Все это по приказу Сталина. В 1937–1938 годах было расстреляно около полутора миллионов человек. Самолично Сталин подписал расстрельные приговоры 39 000 человек, среди которых были его старые друзья. Грузия, отданная в подчинение возвысившемуся Берии, пострадала особенно сильно: 10 % коммунистов подверглись чистке, 425 из 644 делегатов X съезда Компартии Грузии были расстреляны.

Одной из знаменитых жертвой грузинской чистки стал старый друг Сталина Буду Мдивани, Бочка. Ранее ему несколько раз удавалось спастись. Но Мдивани выступал против Сталина в 1921-м. Кроме того, этот бывший актер и краснобай шутил, что Берия должен выставить вокруг дома Кеке вооруженную охрану – но не для того, чтобы ее защитить, а чтобы она не родила нового Сталина. В 1920-е Сталин помирился с Буду. Приезжая в Москву, Буду обычно останавливался у него. Сталин часто навещал семью Мдивани в Грузии и даже стал крестным отцом их сына. Но он не забыл, что Буду был его противником. В 1937-м Мдивани арестовали по обвинению в подготовке покушения на Сталина и расстреляли вместе с большей частью его родных.

Судьбы троих ближайших грузинских друзей Сталина – пример того, насколько непредсказуемо все могло обернуться. Веселый добродушный гедонист и соглашатель Авель Енукидзе, крестный отец Нади, стал секретарем ЦИКа. В его ведении был Кремль, партийные дачи и Большой театр – последний он превратил в собственную службу знакомств: Енукидзе славился тем, что соблазнял несовершеннолетних балерин (и их матерей).

Дядя Авель был близким другом Сталина, но всегда имел свое мнение. Так, он отказался в своей книге о подпольных типографиях Баку восхвалять Сталина за то, чего он не совершал. “Коба хочет, чтобы я говорил ему, что он гений, но я не стану”, – жаловался Енукидзе. Он не одобрял нараставших репрессий и гордился тем, что защищал преследуемых грузинских товарищей. Однако они со Сталиным часто проводили вместе выходные и обменивались дружескими записками. Но в 1936 году Енукидзе стал первым из ближнего круга Сталина, кого диктатор решил ликвидировать, – невзирая даже на то, что тот никогда не принадлежал ни к какой оппозиционной группе. В 1937-м его арестовали и расстреляли.

Кавтарадзе, напротив, входил во все возможные оппозиции начиная с 1920-х. Он не только когда-то запустил в Сталина лампой, но и защищал сначала Мдивани, а потом троцкистов. Но всякий раз Сталин его спасал, выручал и продвигал по службе.

В 1937-м Кавтарадзе был вновь арестован как участник “заговора” Мдивани и приговорен к расстрелу. Всех остальных казнили, но диктатор пощадил Кавтарадзе, поставив в расстрельном списке против его имени минус. В 1940-м Сталин решил, что соскучился по Кавтарадзе, освободил его и в тот же день пригласил на ужин. Они хорошо поладили, хотя Сталин шутил: “Только подумать, что ты хотел меня убить!” Через несколько дней Сталин и Берия пришли в гости к Кавтарадзе. Хозяин дома был назначен директором Госиздата, затем заместителем иностранных дел и послом в Румынии. Он пережил Сталина и умер в 1961 году.

Серго Орджоникидзе к началу 1930-х остался единственным большевиком, чей авторитет мог соперничать со сталинским. По заданию Сталина он в 1920–1921 годах покорил Кавказ, помог разгромить оппозицию в 1920-х и перевел тяжелую промышленность на пятилетний план в 1930-х. Они со Сталиным были неразлучны: жили в одном здании, писали друг другу нежные записки, вместе отдыхали. Но в 1937-м они поссорились. Серго покончил с собой в Кремле.

Но некоторые друзья молодости Сталина уцелели[220]. Калинин с 1919-го до самой смерти в 1946-м был номинальным главой государства – председателем Президиума Верховного совета. Маршал Ворошилов стал наркомом обороны: свирепый пособник Сталина в годы Террора, бездарный командующий в годы Финской и Великой Отечественной. Сталин изводил Ворошилова, намекая на то, что он “английский шпион”. Но он пережил своего господина и до 1960 года был, как и Калинин, номинальным главой СССР.

Меер Валлах стал Максимом Литвиновым. В 1930-е он занимал пост наркома иностранных дел, затем был советским послом в Вашингтоне. Он позволял себе резко критиковать Сталина. Тот планировал устроить Литвинову автокатастрофу, но пощадил его – возможно, за то, что когда-то Литвинов спас его от лондонских докеров, но скорее из-за международного веса посла. Своего венского хозяина Трояновского Сталин сделал первым советским послом в США и тоже подарил ему жизнь, несмотря на то что в частных разговорах они с Литвиновым ругали Сталина.

Когда Вышинский вновь встретился со Сталиным в 1918 году, ему хватило ума не скрывать свое сомнительное политическое

прошлое и не напоминать Сталину о помощи, оказанной в Баиловской тюрьме: он просто – формально и скромно – предложил свои услуги. Этот человек был отталкивающим, кровожадным, пугающим – и в то же время трусливым и запуганным. Он стал советским генеральным прокурором, главным инквизитором показательных процессов 1930-х, а в 1949-м – последним сталинским министром иностранных дел. Он умер в 1954 году.

Молотов с 1930 по 1941 год был премьером, с 1939-го по 1949-й – наркомом и министром иностранных дел. Сталин начинал видеть в нем потенциального преемника и в 1952 году вероломно подверг старого партнера опале. Молотова должны были устранить[221], но его спасла смерть Сталина. Он остался ему предан. Молотов вновь стал министром иностранных дел, но в 1957-м не смог перебороть Хрущева. Его сослали на пост посла в Монголии. Он дожил до 1986 года. Сталин продолжал ему сниться всю жизнь10.

До последних дней жизни Сталин возвеличивал свое прошлое и скрывал ошибки молодости. Его культ удовлетворял его бесстыдное тщеславие и помогал сохранять политическую мощь. Но перед коллегами он любил разыгрывать скромность. Все-таки он был слишком умен, чтобы не понимать, что многие славословия подвигам его молодости звучат смехотворно. Прочитав книгу грузинского писателя Гамсахурдии “Детство вождя”, Сталин написал: “Прошу воспретить издание книги Гамсахурдии на русском языке. И. Сталин”. Еще больше его разозлила книга Федорова “Карталинская повесть”, опубликованная в 1940 году. Красным карандашом Сталин написал: “Т. Поспелов поступил глупо и неприлично, заказав Федорову книгу обо мне без моего согласия (и ведома). Книгу Федорова нужно ликвидировать как халтурную, а Поспелову дать надрание”.

Старый большевик Самойлов, директор Музея Революции, знавший Сталина по Баку, спросил, нельзя ли ему выставить в музее гранки ранних сталинских брошюр и статей с авторской правкой. В ответ он получил записку: “Не думал, что на старости лет займетесь такими пустяками. Ежели книга уже издана, в миллионах экземпляров, – зачем Вам рукописи? Чтобы успокоить Вас, я сжег все рукописи”. Когда была собрана книга воспоминаний о 1905 годе, он написал резолюцию из трех слов: “Не печатать! Сталин”.

За обедом на приморской даче пожилой Сталин рассказывал

своим старым друзьям об этих людях из прошлого: кто-то из них умер в своих постелях, но многие встретили смерть в подвалах с пулей в затылке.

Старикам тоже было о чем рассказать. “Приехали, жалуются: кругом взятки, кругом воровство”, – вспоминает Молотов. Другой старый грузинский товарищ, который “особенно ему [Сталину] запомнился”, говорит Хрущев, “рассказал, что много молодых людей, получив образование, нигде не работают”. Сталин возмутился и впоследствии затеял чистку на своей родине.

Немного погодя старики затянули песни (кое-кто из них когда-то в белых стихарях пел с Сосо в училищном и семинарском хоре). “Поздно ночью с дачи “Холодный ключ” доносились грузинские песни. Иногда к поющим присоединялся хозяин – хороший старый певец с прекрасным голосом…”

Сосо был стар, забывчив, у него развивался склероз. Но до самой смерти (Сталин умер 5 марта 1953 года в возрасте семидесяти четырех лет) состарившийся певчий оставался первоклассным политиком, параноидальным мегаломаном, приносившим людям несчастье в масштабах, сопоставимых только с гитлеровской Германией. Сталин, на чьей совести гибель от 20 до 25 миллионов человек, воображал себя гением политики, военного дела, науки и литературы, народным монархом, красным царем.

Наверное, будет правильно предоставить последнее слово молодому Сталину. В августе 1905 года в не слишком известной, но до странности пророческой статье для газеты “Пролетариатис брдзола” 27-летний Сосо иронически описывал именно такого потерявшего здравый смысл мегаломана: “Представляется твоему взору герой Гоголя, находившийся в состоянии невменяемости и воображавший себя королем Испании. Такова судьба страдающих манией величия!”

Имена, псевдонимы, подписи и прозвища Сталина

Иосиф Виссарионович Джугашвили
Сосо
Сосело
Бесо
Коба
Петров
Иванович
Коба Иванович
Бесошвили
Иван Иванович Виссарионович
Галиашвили
Симон Дзвелая
К. Като
Кайос Бесович Нижерадзе
Оганез Тотомянц
Захар Меликянц
Петр Чижиков
Василий, Васильев, Вася, Васька
Чудак Иосиф
Осип Коба
Иванов
Рябой Оська
Рябой (Чопур)
Кавказец
Молочный
Прямоходящий (Геза)
Виляющий (Кункула)
Давид
Пастырь
Отец Коба
Георгий Бердзеношвили
К. Стефин
Оська Корявый
К. Ст.
К. Сафин
К. Солин
Коба Сталин
И. Джугашвили-Сталин
И. В. Сталин

Благодарности

В моей работе над книгой о Сталине мне помогали многие люди во многих странах и городах, в том числе мои издатели со всего мира, но особенно в тех местах, где бывал мой герой. Все они с невероятной щедростью уделяли мне время и делились со мной знаниями. Разумеется, все ошибки в этой книге на моей совести.

В первую очередь я должен поблагодарить тех, кто поставил меня на путь исследования русской истории, кто читал мои писания, совершенствовал их и (хотелось бы верить) научил меня работать лучше. Исабель де Мадариага была и остается первой моей наставницей в исторической науке, и надеюсь, в моих работах ощущается та польза, которую мне принесла ее строгая, но доброжелательная редакция моей первой книги о Екатерине Великой и князе Потемкине.

Мне невероятно повезло, что два титана советологии – Роберт Конквест и профессор Роберт Сервис – проверили мой текст на наличие ошибок. Я многим обязан профессору отделения российских и евразийских исследований в Маунт-Холиок-колледже Стивену Джонсу, главному эксперту по грузинскому социализму: он делился со мной своими изысканиями, отвечал на мои вопросы и взял на себя труд исправить мой текст. Доктор Дэвид Андерсон, старший преподаватель арктической антропологии в Абердинском университете, великодушно и терпеливо исправлял ошибки в главах о Сибири. Доктор Пирс Витебски, возглавляющий отделение антропологии и исследований Русского Севера в кембриджском Институте полярных исследований имени Роберта Скотта, дал мне ценные подсказки в области антропологии народов Сибири и позволил использовать в этой книге один из своих фотоснимков. Я также должен поблагодарить профессора Дональда Рейфилда, который любезно делился со мной своими обширными познаниями о русской литературе, грузинской культуре и политической истории большевиков. Он также познакомил меня с грузинскими коллегами и позволил целиком процитировать свои превосходные переводы стихов Сталина[222].

Я очень признателен профессору Джорджу Хьюитту за помощь с текстами на кавказских языках и за бесценные знакомства в Абхазии. Огромна моя благодарность доктору Клэр Мурадян, работающей в Париже: хотя мы не встречались лично, она предоставила к моим услугам свои энциклопедические познания об истории Кавказа и свои знакомства с семьями

грузинских и армянских эмигрантов. Она побеседовала с пожилыми свидетялями эпохи и указала мне на множество новых источников.

Бóльшая часть новых материалов, использованных в этой книге, найдена на Кавказе. Что касается Грузии, в первую очередь я должен поблагодарить президента и первую леди – Михаила и Сандру Саакашвили. К несчастью, архивы Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма (ГФ ИМЛ) пришли в ветхое состояние, и только специальный указ президента позволил мне получить доступ к источникам, составившим основу моей книги. Этому способствовала Наталья Канчели, советница президента, горячо поддержавшая мои усилия, – я бесконечно благодарен ей. Мой старый друг Гела Чарквиани, ветеран современной грузинской политики и сын одного из наперсников Сталина, начал помогать мне еще в начале 1990-х, когда я был военным корреспондентом на Кавказе; он же разрешил мне воспользоваться рукописью мемуаров его отца и нашел всех моих грузинских помощников. Его племянница Нестан Чарквиани, авторитетная исследовательница сталинизма, очень помогла мне при работе в архивах, хорошо ей знакомых; с ее помощью я отыскал новые источники, воспоминания и взял интервью у очевидцев эпохи, ранее неизвестных. Она также прочитала мой текст и внесла в него исправления. Я многим обязан Нино Кереселидзе, прекрасному историку, неутомимой исследовательнице и замечательной переводчице с грузинского. Благодарю также заведующего архивом ГФ ИМЛ Важу Эбаноидзе.

В Грузии у меня было немало других помощников. Еще один старый друг, с которым нас свела бурная политическая жизнь последних десятилетий, Петр Мамрадзе, нашел для меня новых свидетелей и многое рассказал о грузинском фольклоре, связанном со Сталиным. Мой друг профессор Закро Мегрилишвили вновь помог мне получить доступ к неопубликованным воспоминаниям своего приемного отца Кавтарадзе и разобраться в деталях тифлисской экспроприации. Я благодарен также профессору Нугзару Сургуладзе. Я глубоко признателен еще одному моему другу – Георгию Тахрану-Моурави, который помогал мне из дружеских чувств и любопытства ради: мне оказались полезны его связи, его прекрасное знание источников и семейные истории. Профессор Вахтанг Гурули поделился со мной результатами своих уникальных архивных изысканий. Гия Сулканишвили содействовал мне и в мелочах, и в серьезных вопросах, и я, как всегда, многим ему обязан. Ника Табатадзе, гендиректор грузинского телеканала “Рустави-2”, тоже оказал мне поддержку:

благодаря репортажу его телеканала я нашел новых свидетелей и новые источники. Я признателен Тамаре Мегрилишвили, которая позволила мне разместить объявление о поиске свидетелей и источников в ее магазине *Prospero's Books* – лучшем книжном от Москвы до Иерусалима; Леке Басилее; Гайозу Махниашвили, директору Музея Сталина в Гори.

В архивах Батуми мне оказал помощь Мемед Джихашвили, блестящий знаток истории Закавказья и сам очевидец истории (он племянник сталинского наместника в Абхазии Нестора Лакобы). Он помог мне найти новые источники и фотографии, крайне важные для написания книги.

Что касается Абхазии, я должен поблагодарить Славу Лакобу, выдающегося историка большевизма, Абхазии и Кавказа, который с поразительной щедростью делился со мной своими исследованиями и, главное, источниками. В моих абхазских изысканиях мне помогли Джордж Хьюитт, Дональд Рейфилд и доктор Рэйчел Клогг.

В Баку мне оказали поддержку Фуад Ахундов, еще один мой старый друг и эксперт по нефтяному буму и бакинским миллионерам, Фикрет Алиев и Зимма Бабаева, директор и заместитель директора Государственного архива Азербайджанской республики (ГИА АР и ГА АР), а также уже упомянутый Мемед Джихашвили.

В Берлине и Баку мне многим помог профессор Йорг Баберовски, главный эксперт по Баку и культуре насилия на Кавказе. Он щедро делился со мной сведениями. Благодарю также Александра Фриза за перевод с немецкого.

В Вене мне оказали помощь его светлость князь Карел Шварценберг, Петер и Лила Морганы, Георг Хаманн. Лиза Трейн побывала в квартире, где жил Сталин, и сделала прекрасные фотоснимки. Я благодарю моего редактора Алекси Силталу за помощь с разысканиями в финском Тампере; также в Финляндии мне помогали Вуокко Тарпила, писатель Аамо Лайтинен, специалист по истории пребывания в Финляндии Ленина и Сталина Антти Куйола. Благодарю за помощь в Швеции Пера Фаустино и моих редакторов в *Norstedts / Prisma*, Мартина Штугарта из "Дагенс Нюхетер", исследовательницу Йенни Лангкйер, Карин Альтенберг, Пера Могрена. В Нидерландах мне помогали двое известных специалистов по Сталину Эрик ван Рее и Марк Янсен – они поделились результатами своей работы. За помощь в Кракове я благодарен лондонскому режиссеру Ванде Кошче и ее подруге Марте Шосткевич.

Переходим к России: ни одна из моих книг о Сталине не была бы написана без великодушной помощи, поддержки, эрудиции

Олега Хлевнюка, патриарха истории сталинизма, главного специалиста Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), и Александра Каменского, профессора кафедры отечественной истории Древнего мира и Средних веков в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Бóльшая часть русскоязычных источников обеих моих книг о Сталине находится в президентском архиве Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ). Я безмерно благодарен директору РГАСПИ – доктору Кириллу Андерсону, его заместителю доктору Олегу Наумову и руководителю отдела, в котором хранятся бумаги и рукописи Сталина, а также эксперту по ним Ларисе Роговой[223]. Но больше всего я благодарен доктору Галине Бабковой, выдающемуся преподавателю истории XVIII века в Московском государственном университете: в работе над этой книгой она оказала мне такую же огромную поддержку, как и в работе над предыдущими.

В России мне помогали издатель и политик Владимир Григорьев, Анатолий Черекмасов и Зоя Белякова (Санкт-Петербург), Дмитрий Якушкин, Эдвард Радзинский, Рой и Жорес Медведевы, Борис Илизаров, Аркадий Ваксберг, Лариса Васильева, Маша Слоним, Дмитрий Ханкин, Анастасия Уэбстер, Том Уилсон, Дэвид Кэмпбелл, Марк и Рэйчел Полонски, Любовь Виноградова. Выражаю благодарность директору музея “Смольный” и Светлане Осиповой, заведующей Музеем-квартирой Аллилуевых в Петербурге. Благодарю директора Ачинского краеведческого музея, директора Вологодского областного архива новейшей политической истории (ВОАНПИ) и директора Государственного архива Вологодской области (ГАВО).

Благодарю за помощь в США профессора Арча Гетти из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, который любезно предоставил мне доступ к досье Ежова; профессора Рона Сьюни; доктора Чарльза Кинга из Джорджтаунского университета; Романа Бракмана, который предоставил в мое пользование свои оригинальные источники. Я также очень благодарен князю Давиду Чавчавадзе и княгине Марусе Чавчавадзе, Реджепу Жордании и Николь Жордании, Музе Трейн-Хлебниковой и ее мужу, покойному, ни с кем не сравнимому Полу Хлебникову, который поддерживал меня, – мы скорбим о нем; князю и княгине Константину и Анне Сидамон-Эристовым.

Благодарю специалистов из Стэнфорда Кэрол Лиденхем и Ирину Зайцеву за помощь в получении доступа к архивам охранки и Бориса Николаевского; Алекса Дорана и Бориса Орлова (Израиль); Георгия Мамулию (Париж).

Пожалуй, самая важная свидетельница, с которой я побеседовал, – 109-летняя Мариам Сванидзе, родственница первой жены Сталина. Она помнит смерть Като в 1907 году. Благодарю за беседы, воспоминания, семейные истории Сандру Рулофс-Саакашвили (в ее книге рассказывается, как семья ее мужа укрывала Сталина), Этери Орджоникидзе (дочь Серго), генерала Артема Сергеева (приемного сына Сталина), Галину Джугашвили (внучку Сталина), племянников и племянницу Сталина – Леонида Реденса, Киру Аллилуеву и Владимира Аллилуева (Реденса), генерала Степана Микояна (сына Анастаса) и его дочь Ашхен Микоян, зятя Сталина Юрия Жданова (сына Андрея), Изольду Мдивани (вдову сына Буду), Сусанну Торошелидзе (дочь Малакии и Минадоры), Марфу Пешкову (невестку Берии, внучку Горького), Вячеслава Никонова (внука и биографа Молотова), покойную Майю Кавтарадзе (дочь Серго Кавтарадзе), покойного Олега Трояновского (сына Александра), Кетеван Геловани (двоюродную сестру Сванидзе), Мемеда Джихашвили (племянника Нестора Лакобы), Реджепа Жорданию (сына Ноя), Таню Литвинову (дочь Максима), Гурама Ратишвили (внука Саши Эгнаташвили), Гию Тархан-Мурави, Тину Эгнаташвили, Вайху Окуджаву, Шалву Гачечиладзе (внука о. Касьяна), Сержа Шавердяна, Тамаза Наксидашвили, Ираклия де Давришеви, Александра де Давришеви и Анник Давришашвили (двоих внуков и жену еще одного внука Иосифа Давришеви), Джулиана Старостека.

В Британии мне оказал большую поддержку доктор Джон Кэллоу, директор Мемориальной библиотеки Маркса (*www.marx-memorial-library.org*) и главный эксперт по истории пребывания Ленина в Лондоне: его советы помогли написать главу о годе и мифической поездке Сталина в Уэльс; также в этом вопросе я обязан Энди Бруксу, генеральному секретарю Новой коммунистической партии; Тони Атьенце; Полу Барратту и Дункану Хиггитту из “Вестерн мейл”.

В Британии и Франции сэр Эвелин де Ротшильд предоставил в мое распоряжение архив Ротшильдов; поиском информации о Сталине в них занималась Мелани Эспри. Я благодарю их.

Благодарю за помощь Эндрю Робертса; Рональда Харвуда; Джона Уизероу, редактора “Санди таймс”; фоторедактора “Санди таймс” Рэя Уэллса; Миклоша Куна; Лена Блаватника; Клэр и виконта Рэймонда Аскитов; Джона и Викторию Химан; Дэвида Кинга; Эндрю Кука, исследовавшего деятельность Особой службы; Раира и Татьяну Симонян; Джеффри Эллиотта; доктора Дэна Хили, исследователя сексуального насилия в царской и сталинской России; Розамонд Ричардсон; доктора Кэтрин

Мерридейл за материалы о Каменеве; Марка Франкетти; Сергея Дегтярева-Фостера; Нату Галогре; Джона Холлидея; Ингеборгу Дапкунайте; Лоренса Келли; леди Александру Гордон-Леннокс; Дэвида Стюарта-Хьюитта; лорда Брюса Дандаса; достопочтенную Ольгу Полицци; Энтони Бивора; первого посла ее величества в Грузии Стивена Нэша, Эндрю Майера; посла ее величества в Грузии Дональда Макларена и его жену Майду; моего тренера Стюарта Тейлора (www.bodyarchitecture.co.uk), который не дает мне сойти с ума. Как обычно, спасибо Чарльзу и Патти Палмер-Томкинсонам – за поддержку и воодушевление.

Особая благодарность – моей преподавательнице русского языка Галине Олексюк.

Я хочу поблагодарить моего английского редактора Айона Тревина из издательства *Weidenfeld & Nicolson*. Он доброжелательно и с умом редактировал все мои книги по истории. Благодарю ассистентов редактора Анну Эрве и Би Хемминг; издателя Алана Самсона; славного короля всех выпускающих редакторов Питера Джеймса; составителя указателя Дугласа Мэттьюза и составителя карт Дэвида Хоксли. Благодарю также редактора версии этой книги в мягком переплете – Сьюзан Лэмб (издательство *Phoenix*). Хочу поблагодарить моего американского редактора в Нью-Йорке, несравненного Сонни Мехту, и его старшего коллегу Джонатана Сигала (издательство *Alfred A. Knopf*).

Мой агент – Джорджина Кэйпел (*Capel & Land*) – помогает мне все с тем же рвением и пользой. Особую благодарность я должен выразить лорду и леди Уайденфельд и Энтони Читэму – за их мудрость, поддержку и многолетнюю дружбу.

Я должен, как всегда, поблагодарить моих родителей, доктора Стивена и Эйприл Себаг Монтефиоре, во-первых, за тонкий медицинский и психологический анализ личности Сталина; во-вторых, за здравую, хоть и безжалостную, редакторскую помощь; в-третьих – за то, что они самые замечательные друзья и любящие родители, о каких только можно мечтать.

Эта книга посвящена моему сыну Саше, но я должен сказать, что в моей жизни есть и еще один источник света – дочь Лили. Стыдно сказать, но оба они научились узнавать на картинках Сталина раньше, чем Паровозика Томаса[224]. Благодаря чудесной няне моих детей Джейн Роу работать дома оказалось сущим удовольствием.

И наконец, главная благодарность. Моя дорогая жена Санта была в восторге от “любовного четырехугольника” с блестящими и чарующими Екатериной Великой и князем Потемкиным, но

кровавое присутствие Сталина в нашем семейном быте терпела с трудом. Теперь в нашей жизни начинается собственная эпоха десталинизации, и я благодарю Санту за солнечную поддержку, тихое обаяние и золотые россыпи фантазии, веселья и любви.

Примечания

Предуведомление

В основу этой книги легли архивные разыскания – главным образом в сталинских архивах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. РГАСПИ (Москва) и ГФ ИМЛ (Тбилиси), а также в Государственном архиве РФ (Москва), архиве музея Сталина в Гори, архивах Батуми, Государственном архиве Азербайджанской республики и, наконец, архивах Бориса Николаевского и парижского отделения охранки (оба – Стэнфордский университет, Калифорния).

Мне повезло отыскать новые источники, зачастую не опубликованные или опубликованные частично и почти не использованные историками. Архивные источники надежней, чем устные рассказы, но, конечно, здесь кроются свои подводные камни: эти источники нужно тщательно анализировать. Антисталинские тексты часто оказываются настолько же ненадежными.

К примеру, многие архивные тексты, использованные в этой книге, были записаны официальными партийными историками в годы сталинского восхождения к власти, культа личности и Террора – с 1920-х по 1950-е. Тексты, записанные в 1930-е, вероятнее всего, были собраны в Грузии аппаратчиками, работавшими под началом наводившего ужас первого секретаря Закавказского крайкома Лаврентия Берии. Исследователь должен понимать, что эти тексты записывались под давлением и должны были представлять Сталина в выгодном свете. Памятуя об этих обстоятельствах, мы должны читать между строк, чтобы понять, о чем действительно хотели поведать свидетели.

Но тексты, записанные до апогея Террора в 1937 году, часто на удивление откровенны, бестактны или даже неуважительны по отношению к Сталину. Если в официальных воспоминаниях Сталин выставлен не в лучшем свете, рассказ почти наверняка правдив. Многие свидетели были так наивны или прямодушны, что их воспоминания в то время было невозможно цитировать – в лучшем случае небольшие отрывки. Такие воспоминания не уничтожались, они просто хранились в архивах. Многие тексты редактировались, копировались и отсылались в московский архив Сталина; между вариантами существуют разночтения. Но оригиналы обычно оставались в местных архивах.

Многих свидетелей опрашивали по нескольку раз, так что иногда у нас имеются три версии воспоминаний одного свидетеля, но с важными различиями. Почти всегда первая версия – самая откровенная. Некоторые очевидцы были тактичны, но не

боялись острой критики: так, воспоминания Сванидзе, насколько мне известно, в основном неопубликованные (за исключением дневников жены Алеши – Марии Сванидзе, которые, впрочем, относятся к 1930-му), представляют на удивление критическое отношение к Сталину, хотя он в то время был уже диктатором, а Сванидзе входили в его ближний круг.

Несколько слов об убийствах предателей и ограблениях банков. Сталин не хотел, чтобы эти подробности всплыли. В 1918-м он судился с Юлием Мартовым, собиравшимся их опубликовать, и, придя к власти, продолжал их утаивать. Но во многих мемуарах, несмотря на официальное отрицание, мы находим детали об участии Сталина, подтверждающие, что в начале его карьеры такая “черная работа” занимала большое место. Если Сталин вычисляет предателя, в воспоминаниях обычно говорится, что предатель был убит (и не уточняется, что кто-то отдал приказ об убийстве). Но ясно, что здесь не обошлось без Сталина. То же самое можно сказать о случаях поджога.

Много важных, бессознательно проговоренных подробностей можно найти в воспоминаниях обычных людей – особенно подруг Сталина, которые не могли открыто говорить о своей интимной связи с вождем, даже если имели от него детей.

Многие рассказы о детстве, ссылках, революционной борьбе, ограблениях, надеюсь, окажутся ценными находками для историков. Особенно важны воспоминания Кеке. Очевидно, что Сталину бы они пришлись совсем не по душе. Насколько мне известно, эти воспоминания не попали в Москву и никогда не публиковались по-русски или по-английски[225]. Вероятно, Сталину так и не сообщили, что такой текст существует. Но и другие материалы, рассказывающие многое о молодом Сталине, имеются в изобилии.

В Грузии я смог найти различные неопубликованные воспоминания в частных семейных архивах. Здесь действуют те же правила: в первую очередь нужно понимать, что людьми, заявляющими о своей близости с великими и знаменитыми, часто руководит тщеславие. Но некоторые мемуары были написаны втайне, ничто не свидетельствует, что их авторов заставляли писать под угрозами. Минадора Орджоникидзе-Торошелидзе и ее муж были арестованы в 1937-м. Его расстреляли, ее выпустили. После этого она вырвала из своих воспоминаний шестнадцать страниц.

В Грузии, а иногда и в России, все еще можно найти редких свидетелей. В тбилисском доме престарелых я беседовал со 109-летней Мариам Сванидзе, родственницей жены Сталина Като. Я говорил и с другими родственниками, например Кетеван

Геловани; их воспоминания весьма ценны. Рассказы внучки Сталина Галины Джугашвили (Гули) и дочерей Орджоникидзе и Литвинова помогли заполнить некоторые пробелы. Самым ценным свидетелем был прекрасный Гурам Ратишвили, внук генерала Саши Эгнаташвили, – благодаря ему наконец исчезли неясности в их семейной истории, которые можно было обнаружить во всех книгах о Сталине, в том числе в моей.

На многие опубликованные воспоминания, особенно записанные в 1920-е, Сталин еще не мог наложить запрет. Поэтому, например, воспоминания Котэ Цинцадзе затрагивают самые неудобные моменты. Автор высказывается сдержанно, но тем не менее упоминает о том, что Сталин отдавал приказы об убийствах и ограблениях; между тем мемуары печатались в то самое время, когда Сталин изо всех сил старался доказать свое право наследовать Ленину, говоря о своем героическом прошлом – политическом и идеологическом. После 1929-го Сталин получил абсолютную власть, и они вместе с Берией сумели пустить под нож много экземпляров воспоминаний Цинцадзе. Другой пример – воспоминания Пестковского, помощника Сталина в 1917 году: первый, не слишком почтительный вариант вышел в 1922-м; в переиздании 1930 года все непочтительное было вычищено. То же касается текстов Енукидзе, Махарадзе, Шотмана и многих других.

Но даже литература официального культа может оказаться полезной. Книга Лакобы “Сталин и Хашим”, сборники рассказов о батумской демонстрации и школьных годах Сталина, “историческая” книга Берии – пропагандистские тексты, полные лжи и преувеличений, но цитаты из воспоминаний в них точны, хотя и тенденциозно подобраны. Мне приходилось сверять книги с оригинальными рукописями.

Не менее аккуратным нужно быть с антисталинскими текстами эмигрантов, например Иремашвили, Николаевского, Вулих, Уратадзе, Верещака, Арсенидзе и многих других. У западных историков сталинизма главными авторитетами были Троцкий и Суханов. Они были антисталинистами, и поэтому считалось, что они правдивы. Теперь, после тщательного анализа, видно, что у них есть ошибки, на которые можно указать, и предубеждения, на которые нужно делать поправки. Несмотря на это, их тексты по-прежнему весьма полезны.

Мне повезло найти менее известные эмигрантские источники – тексты Иосифа Давришеви, Харитона Шавишвили и Давида Сагирашвили. Все они хорошо знали Сталина. Их воспоминания предвзяты, иногда ненадежны, но в целом их значение огромно. Чувствуется, что эти трое мемуаристов, хотя и не сочувствовали

Сталину, старались быть беспристрастными. Документы охранки и жандармов, частично опубликованные большевиками, частично оставленные лежать в архивах, и документы парижского отделения охранки, находящиеся в Стэнфорде, весьма ценны, но, поскольку основаны на сомнительных наблюдениях и разведданных, часто полностью ошибочны.

Некоторые воспоминания и биографии более значимы, чем можно предположить. Джон Рид, автор "Десяти дней, которые потрясли мир", открыто сочувствует большевикам и почти не имеет представления о процессах внутри партии, но его книга – превосходный репортаж. То же можно сказать о дневниках Давида Сагирашвили. Самые первые биографы Сталина часто на удивление хорошо осведомлены: так, Борис Суварин знал многих действующих лиц и свидетелей-эмигрантов. Еще любопытнее книга Эссад-бея "Сталин: карьера фанатика", первая настоящая биография Сталина. Я обращаюсь и к ней – разумеется, с оговорками.

Воспоминания Хрущева, Молотова, Микояна, Юрия Жданова (только что опубликованные) и прочих также полезны, но обращаться к ним нужно опять же с оговорками.

Я беззастенчиво пользовался множеством опубликованных работ, и в целом, и в отношении отдельных деталей, и постарался точно указать все источники. Но есть книги настолько выдающиеся, что я хотел бы назвать их в качестве основных моих источников. "Кто стоял за спиной Сталина?" Александра Островского – лучшая научная работа о связях Сталина с охранкой и финансовыми воротилами; едва ли ее можно превзойти. "Социализм по-грузински" Стивена Джонса – замечательное и обязательное чтение. Нельзя не назвать блестящие статьи профессора Рональда Сьюни "Подмастерье революции" и "За пределами психоистории". Миклош Кун в книге "Сталин: неизвестный портрет" работает с тем же материалом, что и я в обеих моих книгах; его труд – настоящий подвиг исследователя, проникшего в самую суть предмета. Книги Роберта Конквеста "Большой террор" и "Сталин. Покоритель народов" остаются важнейшими работами, его характеристика Сталина не устарела. "Тайная жизнь Сталина" Бориса Илизарова – книга, полная интереснейших архивных находок. В области поэзии Сталина я целиком полагаюсь на авторитетные исследования и переводы Дональда Рейфилда. Там, где говорится о тайной полиции, я опираюсь на прекрасные книги Джонатана Дейли "Самодержавие в осаде. Тайная полиция и оппозиция в России 1866–1905 годов" и "Государственное наблюдение. Тайная полиция и оппозиция в России 1894–1917 годов". Анна Гейфман в

блестящем исследовании “Россия при последнем царе: от сопротивления к низложению, 1894–1917” раскрывает разницу в психологии революционеров, а ее же выдающийся труд “Революционный террор в России. 1894–1917” был моим главным источником сведений по теме. Недавние биографии Ленина и Сталина за авторством Роберта Сервиса страдают безапелляционностью, но вполне хорошо написаны. Что касается Баку, то новаторская и важная работа Йорга Баберовски “Враг повсюду. Сталинизм на Кавказе” – единственная, где объяснена кавказская культура насилия. Русским революциям посвящены прекрасная книга Абрахама Ашера “1905 год”, великолепная “Трагедия народа” Орландо Файджеса, многие первоклассные книги Ричарда Пайпса, в том числе “Русская революция”, “Дело Дегаева” и “Неизвестный Ленин”, и превосходный труд Александра Рабиновича “Большевики приходят к власти”.

Архивы и музеи

РГАСПИ, Российский государственный архив социальной и политической истории (Москва)

ГАРФ, Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГФ ИМЛ, Грузинский филиал Института марксизма-ленинизма (Тбилиси)

АОКМ, Ачинский областной краеведческий музей

МСИР, Музей современной истории России (Москва)

ВОАНПИ, Вологодский областной архив новейшей политической истории ГАВО, Государственный архив Вологодской области (Вологда)

ГИАГ, Гоударственный исторический архив Грузии (Тбилиси)

Архив Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния)

ГДМС, Государственный дом-музей И. В. Сталина (Гори)

Мемориальная музей-квартира Аллилуевых (Санкт-Петербург)

ГЦМСИР, Государственный центральный музей современной истории России (особняк Кшесинской, Санкт-Петербург)

БКМИХА, Батумский краеведческий музей имени Харитона Ахвледиани

ЦГАА, Центральный государственный архив Аджарии (Батуми)

ДМС, Дом-музей Сталина (бывший дом часовщика Симховича, Батуми)

ГК, частный музей Гурама Кахидзе (Батуми)

КТА, частный архив Константина Тер-Акопова (Батуми)

ГИА АР, Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (Баку)

Стокгольмский городской архив (Швеция)

Канцелярия губернатора Стокгольма (Швеция)

Музей Ленина (Тампере)

PRO, Архив публичных актов (Лондон)

Видео

“Баку, город мечтаний”. Продюсер, автор сценария и режиссер – Фуад Ахундов

Введение

1. Нет секретов, которые не стали бы достоянием всех: Мгеладзе А. *Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого.* Тб., 2001 (далее – Мгеладзе). С. 241. РГАСПИ 558.11.787.2 – Сталин Жданову о книге Поспелова, 27 сент. 1940. Все молодые люди одинаковы: Радзинский Э. *Сталин.* М., 2007. С. 18. Все детства одинаковы: Volkogonov D. *Stalin: Triumph and Tragedy*. P. 241 (русское издание: Волкогонов Д. *Сталин. Политический портрет.* М., 1998[226]). Илизаров Б. *Тайная жизнь Сталина.* М., 2002 (далее – Илизаров). С. 99.

Пролог. Ограбление банка

1. Рассказ о тифлисской экспроприации основан на многих источниках, перечисленных ниже. О своей роли и роли других участников: ГФ ИМЛ 8.2.2.64, Александра Дарахвелидзе-Маргвелашвили, зап. 21 фев. 1959. О своей роли, трусости товарищей, распределении ролей: ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Цинцадзе Котэ, *Рогор вибрдзолот пролетариатис диктатуриствис: чеми могонебани.* Тифлис, 1927. (далее – Цинцадзе). С. 40–49. ГФ ИМЛ 8.5.384.3–10, автобиографические заметки Камо; ГФ ИМЛ 8.5.380.5–6, личное дело и анкета, заполненная Камо в день гибели. ГФ ИМЛ 8.2.1.50.239–55, Д. А. Хутулашвили (сестра Камо). Банда; Элисо прячется; Сталин – глава банды: архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфорд (далее – Стэнфорд), архив Бориса Николаевского (далее – Николаевский), ящик 207, дела 207–210, письмо Татьяны Вулих; 207–211. Тифлисский комитет дает добро на ограбление: Ражден Арсенидзе, интервью № 1–3, Николаевский, ящ. 667, разд. 279, д. 4–5, межуниверситетский проект “История меньшевистского движения”.

О расследовании охранки, подозрениях о готовящемся ограблении на Кавказе, 14 и 18 янв. 1908: Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 209, д. XXB.2, сообщения о подозреваемых, 13 фев. 1907. Арест Камо и его полная биография, 31 окт. / 13 ноя. и 27 / 14 ноя. 1908; 14 ноя. / 21 окт. 1907 – Иосиф Давришеви подозревается в ограблении: Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 208, д. XXB.1. Письмо Р. Арсенидзе Борису Николаевскому, 8 янв. 1957, о расследовании Сильвестра Джилбладзе и ссоре с меньшевиками из-за денег экспроприации на Квириле: Николаевский, ящ. 472, д. 2.

Уратадзе Г. *Воспоминания грузинского социал-демократа.* Stanford, 1968 (далее – Уратадзе). С. 163–166: Сталин – главный финансист Большевистского центра, не участвовал лично; с. *71–72*: экспроприированные деньги забирал Шаумян.

О роли Камо: Дубинский-Мухадзе И. *Камо.* С. 71–84. М., 1974. Shub D. *Kamo: Legendary Old Bolshevik of the Caucasus* // Russian Review, 19 July 1960. Камо послушен Сталину (из жандармского донесения): Имнаишвили Р. *Камо.* Тб., 1955. Разд. 1. С. 52–55; об экспроприации: с. 59; Арсен Карсидзе предает Камо: с. 34. Рассказ Камо об экспроприации, который слышала его жена: Медведева-Тер-Петросян С. Ф. *Товарищ Камо* // Пролетарская революция. 1924. № 8 / 9. BAYNAC J. *Kamo: Lhomme de main de Lénine.* P, 1972. P. 90–100. Geifman A. *Thou Shalt Kill.* Princeton, 1993. P. 112–116,

212, 299 (русское издание: Гейфман А. *Революционный террор в России. 1894–1917*. М., 1997), в том числе о том, что Камо убивал по приказу Сталина. О психологии Камо и террористов: *Russia under the Last Tsar* / ed. by A. Geifman. P. 1–14. DALY J. *The Watchful State*. P. 67. РАДЗИНСКИЙ Э. *Сталин*. С. 78. WILLIAMS R. *The Other Bolsheviks: Lenin and his Critics, 1904–1914*. Bloomington, Indiana, 1986 (далее – Williams). P. 113–115.

Красивые девушки, железная дисциплина Сталина: Chavichvili K. *Patrie, prison, exil*. P, 1946. P. 14. Нападки меньшевиков на Ленина: Chavichvili K. *Révolutionnaires russes à Genève en 1908*. Geneva, 1974. P. 80–83. Сталин и Шаумян в Лондоне, разрешение на экспроприацию, утренняя встреча, раздел добычи: Акопян Г. *Степан Шаумян*. М., 1973. С. 44, 64. Эсеровская теория; Камо сопровождала дочь заместителя начальника полиции Шорапани: Вахтанг Гурули в газете "Свободная Грузия", № 152 (225), 24 сент. 1994. С. 4. Осведомители охранки "Н" и "Большая" сообщают, что экспроприацию провели эсеры, деньги украл Камо, 2 и 15 июля 1907: Гурули В. *Иосиф Сталин. Материалы к биографии*. С. 9–11, ГИАГ 95.1.82.15, 21, 23.

Ленин и Красин создают техническую группу; бомбы и деньги: КРАСИН Л. Б. *Большевистская партийная техника // Техника большевистского подполья: сборник статей и воспоминаний*. М., 1925. С. 8–13.

Ленин и Красин подвергаются нападкам большевиков, борьба за деньги: НИКОЛАЕВСКИЙ Б. *Большевистский центр* // Родина, 1992, № 2. С. 33–35; № 5. С. 25–31. Камо в поезде с дочерью полицейского: Бибинейшвили В. *(Барон). За четверть века. М., 1931* (далее – Бибинейшвили). С. 92–94. Воспоминания мальчика, работавшего на Сталина и других: Д. Чачанидзе, ГФ ИМЛ 8.1.2.4. Сотрудничество с анархистами (операции, убийства), неупоминание ареста: Цинцадзе. С. 111. Камо признается Давришеви, что Сталин в ответе за экспроприацию, наместник в ярости, операции Сталина; Сталин начинает эпоху ограблений, связи в Гори, Камо убивает по приказу Сталина: DAVRICHEWY J. *Ah! Ce qu'on rigolait bien avec mon copain Staline*.

P., 1979 (далее – Davrichewy). P. 237–239, 174–177, 188–189. Сталин подготавливает экспроприацию в Тифлисе, в Баку 17 июля, цитата из Троцкого, Сталин на крыше (свидетельство Г. Беседовского), Сталин исключен из кавказского комитета, но поддержан Лениным и ЦК: Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* СПб., 2002 (далее – Островский). С. 259–262. Еще один "инсайдер" в банке и почтовой службе, Г. Касрадзе, знакомится с Камо, Ной Жордания допрашивает Касрадзе, он признает, что

Сталин склонил его к участию в экспроприации: ГФ ИМЛ 8.2.1.22.

Ограбление на Эриванской площади: De Lon R. S. *Stalin and Social Democrac y, 1905–1922: The Political Diaries of David A. Sagirashvili.* Washington, D. C., 1974 (далее – Sagirashvili). P. 183–186. О Камо и Котэ: Чарквиани К. *Воспоминания.* С. 15. Service R. *Stalin.* L., 2004. P. 163. Охранка о том, что Камо весь июль провел на даче у Ленина: Smith E. E. *The Young Stalin* N. Y., 1967 (далее – Smith). P. 200–206. Souvarine B. *Staline.* P., 1935. P. 9 3 –110. Essad Bey. *Stalin: The Career of a Fanatic.* L., 1932 (далее – Essad Bey). P. 8 2. Троцкий Л. *Сталин:* в 2 кн. М., 2011. 1:230–239. Kun M. *Stalin: An Unknown Portrait.* Budapest, 2003 (далее – Kun). P. 73–75.

О Тифлисе: Jones S. F. *Socialism in Georgian Colors.* Cambridge, Massachusetts, 2005 (далее – Jones). P. 160–167. Арсенидзе Р. *Из воспоминаний о Сталине* // Новый журнал. 1963. Июнь, № 72 (далее – Арсенидзе). Bazhanov B. *Bazhanov and the Damnation of Stalin.* Athens, Ohio, 1990. P. 107. Baikaloff A. *I Knew Stalin.* L. 1940. P. 2 0. Арест Джугашвили, который известен как учитель рабочих и держится в стороне: БКМИХА 116, донесение главы Кутаисского губернского жандармского управления, 9 апр. 1902. Armenian Review no. 2 (3), 7 Sept. 1949. P. 114. Дело о клевете Мартова: Kun. P. 81–84. Правда, 1 апр. 1918. Вперед, 31 марта 1918. О роли Сталина: беседы с Вознесенским, 20 сент. 1907, 10 июня 1908, и с товарищем Кобой (Сталиным), 19 марта 1908: РГАСПИ 332.1.53: 15 (2) О2. 23 (10), 1905–1910, комиссия по расследованию тифлисской экспроприации. Сталин об ограблении: ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико): сабля Камо. Еще один “инсайдер”: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.214–215, Котэ Чарквиани (мемуарист, записывавший свои воспоминания в 1936 году, вспоминает, как Сталин и Камо вели работу с Гиго Касрадзе, шурином Котэ Чарквиани – сына священника). Реакция в газетах: Московские ведомости, 14, 15, 16, 17, 21 июня 1907; Исари, 14 июля 1907. Le Temps, 27 июня 1907. Daily Mirror, 27 июня 1907. The Times, 27 и 29 июня 1907.

2. Берлин: Островский. С. 256–59. Сталин И. *Сочинения.* 13:122. Сталин Людвигу: см. также: Smith. P. 198–99. Троцкий. *Сталин.* 1:235–239.

3. Бескорыстные молодые люди: Арсенидзе. С. 223. ГФ ИМЛ 8.5.384.3–10, автобиографические заметки Камо. Сестра Камо Джаваира Хутулашвили о магнетизме Сталина: Kun. P. 75. Лицо Камо: Alliluyev S., Alliluyeva A. *Alliluyev Memoirs.* N. Y., 1968. P. 220–21 (русское издание воспоминаний Анны Аллилуевой цитируется по ресурсу: http://www.modernlib.ru/books/allilueva_a/vospominaniya/read/, воспроизводящему текст издания: Аллилуева А. *Воспоминания.* М., 1948). Об участии девушек и др.:

ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили.

4. ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико).

5. Davrichewy. P. 174–177, 188–189, 237–239. Камо был удивительным человеком: Чарквиани. *Воспоминания.* С. 15.

6. Сванидзе на балконе во время взрывов: ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико).

7. Kun. P. 69 – цитируется беседа автора с сыном Шаумяна Левоном. Грязное дело: Сталин – Юрию Жданову, см. Montefiore S. *Stalin: The Court of the Red Tsar.* N. Y., 2005 (далее – Montefiore; русское издание: Монтефиоре С. *Сталин. Двор Красного монарха.* М., 2005. С. 597).

8. Сталин знал об ограблении: ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Souvarine. *Staline.* P. 100 (цитируется Цинцадзе). Марксист-фанатик: Чарквиани. *Воспоминания.* “Некто в сером” (возможно, отсылка к пьесе Леонида Андреева “Жизнь человека”): Орджоникидзе-Торошелидзе М. *Воспоминания.*

9. Davrichewy. P. 237–239, 174–177, 188–189.

10. Сталин вооружен маузером: РГАСПИ 558.4.647; см.: Kun. P. 117. Ражден Арсенидзе, интервью, Николаевский, ящ. 667, разд. 279, д. 4–5. См. гл. 18, прим. 1.

11. РГАСПИ 332.1.53: 15 (2) О2. 23 (10), 1905–1910, комиссия по расследованию тифлисской экспроприации. ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). ГФ ИМЛ 8.2.1.54.214–215, Котэ Чарквиани. ГФ ИМЛ 8.2.1.22, воспоминания Г. Касрадзе, см. также: Островский. С. 259–267. Ражден Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, разд. 279, д. 4–5. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили.

12. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Троцкий. *Сталин.* 1:234, цитирует Беседовского об особняке Сумбатова. Baikaloff. *I Knew Stalin.* P. 2 0. Павленко: Радзинский. *Сталин.* С. 79. Ражден Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, разд. 279, д. 4–5.

13. Рапорт главы Кутаисской жандармерии генерал-майора Стопчанского: *Батумская демонстрация 1902 года.* М., 1940 (далее – *Батумская*). С. 235.

14. Рукопись Рафаэля Багратуни о воспоминаниях, которые его родственник, офицер охранки Александр Багратуни (Багратов) послал Исааку Дону Левину: частная коллекция Романа Бракмана. Это весьма сомнительный источник, но в нем встречаются подробности, лишь недавно обнаруженные в документах охранки в Тбилиси и Стэнфорде – например,

сведения о том, что охранка ждала подобной экспроприации и об участии в ней тифлисских эсеров. Усадьба из этого текста – возможно, дом Сумбатова из текста Троцкого. Тбилисский фольклор: интервью с доктором Петром Мамрадзе о пьяных заявлениях Камо в начале 1920-х.

15. Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, разд. 279, д. 4–5.

16. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Дубинский-Мухадзе. *Камо.* С. 71–84. ГФ ИМЛ 8.2.1.5. РГАСПИ 558.6.658; Островский. С. 454; Ferguson N. *The World's Banker: History of the House of Rothschild.* L., 1998. P. 1034–1036, Appendix One, *"Prices and Purchasing Power"*. Специалист по истории Российской империи Грег Кинг переводит романовские рубли в современные доллары США, просто умножая на 10; таким образом, 341 000 рублей равняется 3,4 млн долларов (чтобы перевести эту сумму в фунты стерлингов, нужно разделить ее пополам). Все эти суммы, впрочем, не дают представления об истинной стоимости рубля в 1907-м; см. замечание "Деньги". Современники оценивали все личное состояние российского императора, куда включалась земля, произведения искусства, дворцы, драгоценности и полезные ископаемые, в 14 млн рублей – в пересчете на сегодняшние деньги это всего лишь 70 млн фунтов (140 млн долларов). Остается только заключить, что тифлисская добыча была чрезвычайно крупной. King G. *The Court of the Last Tsar.* L., 2006. P. 231–239. ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Взятка капитану Зубову: Островский. С. 545–547.

17. Надежда Крупская *Воспоминания о Ленине.* М., 1989 (далее – Крупская). О Бакунине: Радзинский Э. *Александр II.* М., 2011. С. 255–258. Owen F. *Three Dictators.* L., 1940. P. 114–115.

18. Уратадзе. С. 234. Kun. P. 127. Davrichewy. P. 237–239, 174–177, 188–189. ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Owen. *Three Dictators.* P. 114–115. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26. Дубинский-Мухадзе. *Камо.* С. 71–84. Акопян. *Степан Шаумян.* С. 64. ГФ ИМЛ 8.2.1.5. РГАСПИ 558.6.658. Островский. С. 454.

Глава 1. Сосо, чудом спасенный ребенок Кеке

1. Свадьба Бесо и Кеке. Главный источник в этой главе, если не указано иное, – воспоминания самой Кеке, ГФ ИМЛ 8.2.15.2–15, Е. Г. Джугашвили, зап. 23, 25, 27 авг. 1935, Л. Касрадзе (далее – Кеке). Записи и воспоминания о бракосочетании: ГФ ИМЛ 8.5.213, РГАСПИ 558.4.1.1, Заря Востока, 8 июня 1937, РГАСПИ, 558.4.665, М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили. Кеке – стройная, с каштановыми волосами, большеглазая – ГФ ИМЛ 8.2.1.1.143–146, М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили. Кеке красива, Бесо – коротышка: Davrichewy. P. 26. О характере Бесо: ГФ ИМЛ, 8.2.1.48, Н. Тлашадзе.

Свадьбы в Гори: Д. Сулиашвили *Ученические годы.* Тб., 1942 (далее – Сулиашвили). С. 24. Источники цит. по: Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя. Документы, записки, рассказы* // Молодая гвардия. 1939. № 12 (далее – Каминский – Верещагин). Дом: Вишневский В. *Домик в Гори* // Заря Востока. 27 дек. 1937. С. 27–28.

Строгий ритуал грузинской свадьбы: Rayfield D. *Stalin and the Hangmen.* L., 2004. P. 15 (Рейфилд Д. *Сталин и его подручные.* М., 2008. С. 28–29).

2. Осетия: Kun. P. 19. Генеалогический журнал. 2001. № 1. С. 39–40. Сталин. *Сочинения.* 2:363.

3. Бесо о своем происхождении: Кеке. С. 2–15. Davrichewy. P. 26. Лучше всего об этом написано у Островского (с. 76–82). Заза: *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи.* / Сост. М. Лобанов, Л. Аннинский и др. М., 2002 (далее – Лобанов). С. 13. Смерть Бесо, отметка о национальности “осетин”: ГФ ИМЛ 8.14.160.1–8.

4. Семья Геладзе: Островский. С. 82–84. Кеке. С. 2–15. Каминский – Верещагин. С. 24–26, особенно свидетельства Г. И. Елисабедашвили (с. 25) и Марии Абрамидзе-Цихитатришвили.

5. Davrichewy. P. 2 6. ГФ ИМЛ 8.2.1.48, Н. Тлашадзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185.210, Котэ Хаханашвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Иван Гелдиашвили.

6. Дети: ГФ ИМЛ 8.5.213.41–53. РГАСПИ 71.10.275.24, 558.4.2.1. РГАСПИ 558.4.2.2. Смена даты рождения: Kun. P. 8; Островский. С. 83; *Когда родился И. В. Сталин* // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 132. Сталин все сильнее напоминал Бесо: ГФ ИМЛ 8.2.1.53, Александр Цихитатришвили.

7. ГФ ИМЛ 8.2.1.53, Александр Цихитатришвили. Интервью

автора с Гулей (Галиной) Джугашвили, дочерью Якова Джугашвили.

8. Хрущев Н. *Время. Люди. Власть*: воспоминания: в 4 кн. М., 1999 (далее – Хрущев), 2:118. Речь Сталина перед генералами ВВС РККА и членами правительства 22 марта 1938, цит. в: Островский. С. 55. Дато: ГФ ИМЛ 8.2.1.8, Дато Гаситашвили. Камо: ГФ ИМЛ 8.2.1.50.239–255, Джаваира Хутулашвили, урожд. Тер-Петросян, сестра Камо.

9. Сулиашвили. С. 8. Чарквиани. *Воспоминания.* С. 1–2. Кеке: ГФ ИМЛ 8.2.1.53, Александр Цихитатришвили. Интервью автора с Гулей (Галиной) Джугашвили. Baedeker K. *Baedeker's Russia.* L., 1914. P. 446.

10. Davrichewy. P. 26–28. Кеке.

11. Возможные отцы: интервью автора с внуком Кобы Эгнаташвили и сыном Саши Эгнаташвили Гурамом Ратишвили – дом семьи, борцовские триумфы и духаны Кобы, отношение к Сталину, "заменил отца", привязанность к Кобе, дальнейшая судьба Васо и Саши Эгнаташвили. В большинстве рассказов о семье Эгнаташвили есть большие ошибки. Сосо действительно был очень близок с Сашей Эгнаташвили. Как в НКВД относились к дружбе Сталина с Эгнаташвили: ГАРФ 7523.107.127.1–6, генерал Н. Власик и другие. Свидетельства Гурама Ратишвили кажутся наиболее интересными и разумными. О генетической связи: интервью автора с Тиной Эгнаташвили, внучатой племянницей. Davrichewy. P. 26–28, см. также: Davrichewy. *Je suis le demi-frère de Staline //* Miroir de l'Histoire. Dec. 1967, где приводятся слова горийского городского головы Журули: "Насколько мне известно, Сосо был родным сыном моего друга, пристава Дамиана Петровича Давришеви… Все в Гори знали о его связи с красивой матерью Сосо, Като [Кеке]. Кроме того, доказательство этому – вооруженное нападение на пристава Давришеви". Сталин любил отца Чарквиани, был близок с семьей Эгнаташвили: Чарквиани. *Воспоминания.* Сталин о том, что его отец – священник ("Товарищ Ляпидевский, ваш отец был священником – мой отец тоже был священником"): Tucker R. *Stalin in Power.* N. Y.-L., 1990. P. 627 (русское издание в кн.: Такер Р. *Сталин: история и личность.* М., 2006). Мгеладзе. С. 243. Слухи о том, что Сталин признавал Эгнаташвили своим отцом и что Эгнаташвили выдал Кеке за Бесо, чтобы скрыть свой грех: Суходеев В. *Сталин в жизни и легендах.* М., 2003. С. 19–20. Князь Амилахвари: Davrichewy. P. 69. Сталин и Бесо: ГФ ИМЛ 8.2.1.53, Александр Цихитатришвили.

12. Берия С. *Мой отец Берия: в коридорах сталинской власти.* М., 2002. (далее – Берия). С. 37. Кеке.

13. Сталин – незаконнорожденный сын Якова Эгнаташвили: Мгеладзе. С. 243. Из бесед с Гурамом Ратишвили и Галиной Джугашвили автор узнал еще одну версию: Сталина и детей Эгнаташвили вскармливала одна кормилица – они были молочными братьями. Davrichewy. P. 26–28.

14. Гордость за отца: РГАСПИ 558.4.663, Федор Аллилуев. Хрущев. 2:118. Подрезываются крылья: Сталин. *Анархизм или социализм // Сочинения.* 1:294–372. Три сапожника – Сталин, Каганович и Мгеладзе: Мгеладзе. С. 239. Бесо рассказывает о героях-грабителях: РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили.

15. Мгеладзе. С. 242. Трое сыновей Эгнаташвили, умершие от оспы, родились примерно в одно время со Сталиным; двое сыновей, оставшихся в живых, родились позже. Tucker. *Stalin in Power.* P. 627. Кеке.

16. ГФ ИМЛ 8.2.1.53, Александр Цихитатришвили. Давид Папиташвили: Лобанов. С. 13–14.

Глава 2. Безумный Бесо

1. Хрущев, 2:118. Кеке. Чарквиани. *Воспоминания.*

2. Кеке. Сменили девять домов: Островский. С. 88–89. Насилие: Kun. P. 12. Бедственное положение: Мерзляков, Молодая гвардия, 1939, № 12. С. 37. Нагайка: Сталин. *Сочинения,* 1:22–28. Iremashvili J. *Stalin und die Tragödie Georgiens.* Berlin, 1932 (далее – Iremashvili). S. 5–6, 9–12. Жестокость Бесо:

Н. Кипшидзе. Жестокость Кеке: Радзинский. *Сталин.* С. 36. Светлана об эпизоде с ножом, "она поколачивала его": Service. *Stalin.* P. 2 0. Мать: Жуков Г. *Воспоминания и размышления:* в 3 т. М., 2002 (далее – Жуков). 3:215. Гнался с плеткой, душил Кеке, порезал Сталина, обращался как с собакой, "Помогите! Идите быстрее": Davrichewy. P. 30–35 (здесь цит. по: Ланкур-Лаферриер Д. *Психика Сталина.* М., 1996. С. 69).

3. Кеке. Suny R. G. *Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia //* Slavic Review 50. Spring 1991. Сталин учит детей Чарквиани читать: Чарквиани. *Воспоминания.* Davrichewy. P. 30–31. ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Семен Гогличидзе. Тайные уроки, Бесо тащит Сосо за ухо, сестра Чарквиани: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.202–215, Котэ Чарквиани. Речь Сталина перед ВВС РККА и правительством 22 марта 1938: Островский. С. 55. Сосо слишком много читал; его устраивают в училище: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе.

4. Кеке. Davrichewy. P. 26–31. Davrichewy. *Je suis le demi-frère de Staline,* в т. ч. слова городского головы Журули.

5. Жуков. 3:215. Мужественный человек: РГАСПИ 558.11.1549.45, письмо Сталина матери, 24 марта 1934. Записи Светланы Аллилуевой – Сталин "любил свою мать" и т. д.: Richardson R. *The Long Shadow.* L., 1993. P. 9 3. Аллилуева С. *Двадцать писем к другу.* М., 2000. С. 140. Iremashvili. S. 5–7. Берия. С. 37. РГАСПИ 558.4.664, П. Капанадзе. Кеке зарабатывает, работает у сестер Кулиджановых: 8.2.1.15.266–272, Наталья Дондарова (Азарян). Кеке.

6. Первый день в училище: ГФ ИМЛ 8.2.1.24, В. Кецховели; ГФ ИМЛ 8.2.1.41, И. Размадзе; РГАСПИ 558.4.665. С. П. Гогличидзе. Матерчатая сумка: "Молодая гвардия". 1939. № 12. С. 35–37. Iremashvili. S. 4–7. Кеке.

7. Кеке. Версии несчастного случая: Островский. С. 89. Игра в "труса": Сулиашвили. С. 9. Знахарка: *Alliluyev Memoirs.* P. 189 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Сталин прыгал на одной ноге: РГАСПИ 558.4.665, Петр Капанадзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Семен Гогличидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе.

Синее пальто, красный шарф, веснушки: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Гриша Глурджидзе.

8. ГФ ИМЛ 8.2.1.54, Котэ Чарквиани. Кеке.

Глава 3. Драчуны, борцы и певчие

1. Дом Сталина: Iremashvili. S. 8–10. Прибивала к тахте доски: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Симон Гогличидзе. 8.2.1.15.266–272, Наталья Дондарова (Азарян). Кеке.

2. Красочный и дикий обычай: Imam Raguza. *La Vie de Staline.* P., 1938. (далее – Raguza). P. 23. Островский. С. 90. Davrichewy. P. 78–79.

3. Уличная культура: Raguza P. 23. Сулиашвили. С. 42–46. З. Гулисов в: *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1886. Участие Сталина: Б. Ивантер и А. Хаханов, цит. в.: Каминский – Верещагин. С. 29–32, 48–50. Горький о Гори: Горький М. *Собрание сочинений:* в 30 т. М., 1949. 4:302. Кееноба: ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185–210, Котэ Хаханашвили.

4. Как жили аристократы: Sidamon-Eristoff S. C. *For My Grandchildren.* P. 2 1 –23. Ущерб, нанесенный кавказской аристократии; 6 % в Грузии против 1,4 % в Европейской России: Jones. P. 1–29. Кулачные бои, Сталин и Эгнаташвили: Чарквиани. *Воспоминания.* С. 3.

5. Уличные драки: ГДМС 2.1955–148.1–11, Сандро Елисабедашвили (двоюродный брат Г. Елисабедашвили), “Товарищ Сталин в Горийском духовном училище”.

6. Князь Амилахвари учит Сталина плавать: Davrichewy. P. 70. Шайка Сталина, ученики, выстрел по корове, шалун, убежал: РГАСПИ 558.4.665.14, Г. Елисабедашвили; более полная версия – ГДМС 1955–146.1–11, Г. Елисабедашвили. “Мои воспоминания о товарище Сталине”.

7. Детские шайки, Гориджвари, “Сулико”, спокойный и грубый: Davrichewy. P. 8 2 –84, 72–76, 45–49, 60–61. Сады Амилахвари: Raguza. P. 34–35. Детство в Гори, сады Эристави, плавание: Давид Папиташвили; верховодил шайкой, кидался камнями, султан и министры, грузинские рассказы Саакадзе и др.: А. М. Цихитатришвили, все в: Каминский – Верещагин. С. 30–34. Драка мальчиков у замка: Сулиашвили. С. 12. Камо: сестра Камо Джаваира Хутулашвили, цит. в: Kun. P. 75. Суровая школа плавания: ГДМС 2.1955–148.1– 11, Сандро Елисабедашвили (двоюродный брат Г. Елисабедашвили). Как рыба: ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185–210, Котэ Хаханашвили. Поврежденная рука, драка, в то время как Сосо готовится стать священником: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Семен Гогличидзе. Сталин избил ябеду, преданный друг: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.202–215, Котэ Чарквиани. Взрывы, рогатка: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.226–239, Петр Адамашвили. Борьба с Тито: Монтефиоре. С. 553. Сильная воля, всегда с

книгой, греческий, “занимайся собой”: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.226–239, Петр Адамашвили. А. Гогебашвили, Псалтирь, Жандарм: Островский. С. 91–99. Сталин – лучший ученик: Сулиашвили. С. 13; Лавров в форме, русский язык: с. 16–23. Каминский – Верещагин. С. 35, 42, 51–58. Стихи в Гори: ГДМС 3 (1).1955–146.1–20, Г. Елисабедашвили, “Мои воспоминания о товарище Сталине”. Сталин угрожает Лаврову расправой: ГДМС 2.1955–148.1–11, Сандро Елисабедашвили. Товарищ Сталин в Горийском духовном училище. Контральто, пародия на Шекспира: ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185–210, Котэ Хаханашвили. Ангельские голоса: Радзинский. *Сталин.* С. 39. Премия за чтение псалмов, люди ходят на свадьбы, чтобы послушать Сталина, хорошие манеры, протест: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Семен Гогличидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.54.202–215, Котэ Чарквиани. Книги за поясом: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Иван Гелдиашвили. Надо готовиться: РГАСПИ 558.11.778.45, записка Сталина Орджоникидзе.

Глава 4. Казнь в Гори

1. Кеке. РГАСПИ 558.4.662. Kun. P. 11. Не бойся, мама: Каминский – Верещагин. С. 37. Несчастный случай: ГФ ИМЛ 8.2.1.10. С. П. Гогличидзе.

"Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили": ГФ ИМД 8.2.6.306. Больные ноги – И. Джугашвили ректору семинарии, 15 ноя. 1897: РГАСПИ 558.4.32. Геза: РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили; также ГДМС.

2. Сталин на фабрике Адельханова: Кеке; Правда. 27 окт. 1935. РГАСПИ 558.4.665. С. П. Гогличидзе. См. также: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 43–45: С. Гогличидзе и Машо Абрамидзе вспоминают слова Бесо и то, как Эгнаташвили пытался его образумить. Фабрика Адельханова: Service. *Stalin.* P. 24. Смрад: Каминский – Верещагин. С. 45 (М. Исаев). Важнейший момент, "если бы Бесо победил": Service. *Stalin.* P. 2 5. Письма: ГФ ИМЛ 8.2.1.10.23–47, Семен Гогличидзе. Пропустил год: ГФ ИМЛ 8.6.306.

3. Дом на Соборной улице; бунт Сталина: Iremashvili. S. 7–10. Работа у Беляева: РГАСПИ 71.10.273. Кеке. Исключение из школы, стипендия, хорошие отметки: 71.10.275. См. также: РГАСПИ 558.4.655, Г. Елисабедашвили, и РГАСПИ 558.4.243. С. П. Гогличидзе. Стипендия: Островский. С. 96–97. Пневмония, стипендия удвоена: ГДМС 89, А. Гогебашвили. Чтение, книги, письмо: Сулиашвили. С. 15. Воспоминания Михи Давиташвили, Г. Паркадзе, Гриши Глурджидзе: РГАСПИ 558.4.651, ГФ ИМЛ 8.2.1.9. Влияние З. Давиташвили: письмо Е. Джугашвили З. Давиташвили. 15 сент. 1927, цит. в.: Островский. С. 93. Желание изменить общество, влияние отцовских рассказов о разбойниках, например об Арсене Одзелашвили: РГАСПИ 558.4.655, Г. Елисабедашвили. Читал всю ночь, влияние Ладо Кецховели, книги напрокат, Дарвин, сомнения в существовании Бога: воспоминания Г. Глурджидзе, П. Капанадзе, Г. Елисабедашвили, Демны Шенгелаи, цит. в.: Каминский – Верещагин. С. 50–54; см. также: Глурджидзе Г. *Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина* // Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 19.

4. Влюбился в девочку Чарквиани: ГДМС 3 (1).1955–146.1–20, Г. Елисабедашвили, "Мои воспоминания о товарище Сталине"; РГАСПИ 558.4.665. Сталин о сестре Чарквиани – ей было тринадцать лет, он мог быть намного младше ее: Чарквиани. *Воспоминания.*

5. Казнь: Григорий Рамзадзе, Сулиашвили. С. 20. Глебов Г. *Очерк А. М. Горького о Гори* // Заря Востока. № 223. 28 сент. 1939

– здесь цитируется Петр Капанадзе; статья из “Нового обозрения”, 15 фев. 1892. Размадзе А. *Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина* // Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 20. Каминский – Верещагин. С. 48–50. Горький А. М. *Разбойники на Кавказе* // Нижегородский листок. 26 ноя. 1896.

6. Зачисление Сталина в семинарию: основной источник здесь – Кеке, ГФ ИМЛ 8.2.15.2–15. Результаты экзаменов в духовном училище: РГАСПИ 71.10.275. Старания Кеке, экзамены, предложения, оплата: ГФ ИМЛ 8.2.1.10, РГАСПИ 558.4.665. С. Гогличидзе. РГАСПИ 558.4.61. Плата 140 рублей в год: Островский. С. 108–110. Вступительные экзамены: РГАСПИ 558.4.10. Tucker. *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality*. L., 1974. (далее – Tucker). P. 80–82 (Такер Р. *Сталин: История и личность*. М., 2006. С. 63). Система доносов на товарищей: см.: Smith. P. 37. Помощь Эгнаташвили: интервью автора с его внуком Гурамом Ратишвили, Тбилиси. Помощь от “княгини Баратовой” и Давришеви: Davrichewy. P. 31.

Глава 5. Поэт и духовенство

1. Кеке. Семинарские будни: Домептий Гогохия в: Каминский – Верещагин. С. 65–66. РГАСПИ 558.4.665, Г. Паркадзе. Jones. P. 51–52. Kun. P. 21–31. Махарадзе Ф. *Очерки революционного движения в Закавказье.* Тифлис, 1927. С. 57–58. Tucker. P. 82–83. Service. *Stalin.* P. 3 3 –37. Оценки: РГАСПИ 558.4.17, 558.4.48, 558.4.665, 558.1.4326, 558.3.25. Троцкий. *Сталин.* 1:101. Сталин стал задумчивым: В. Кецховели в: Литературный критик. 1939. № 12. С. 104–105. Стал спокойным: ГФ ИМЛ 8.2.1.12, Сеид Девдориани.

2. Отец: Чарквиани. *Воспоминания.* Хор: РГАСПИ, 71.10.404. Отец пришел к ректору, реакция Сталина: ГДМС 1955–146.1–11, Г. Елисабедашвили, “Мои воспоминания о товарище Сталине”. Кеке в семинарии: ГФ ИМЛ 8.6.306.

3. Унижения, обыски: Сталин. *Сочинения.* 13:113–114. Хорошие оценки: РГАСПИ 558.4.30 и 37. В первый же год стал атеистом, история Симона Натрошвили, пять рублей за пение в хоре: Чарквиани. *Воспоминания.* Поэт, “юноша со взором горящим”: Котюков Л. *Забытый поэт Иосиф Сталин* // Завтра. 1994. № 41 (46).

Глава 6. “Юноша бледный со взором горящим”

1. Анализ стихов Сталина, цитаты: я основываюсь на переводах и статье Дональда Рейфилда (PN Review. 1984. Vol. 44. P. 4 5 –47; рус. пер: Рейфилд Д. *Сталин-поэт* / пер. И. Померанцева // http://www.svobodanews.ru/content/blog/1797067.html). Я должен поблагодарить профессора Рейфилда за помощь в этом разделе. (Русские переводы стихов Сталина (авторство переводов не установлено) цит. по: Сталин. *Сочинения*. 17:1–6). Оставил поэзию: Сталин – Левону Шаумяну, Kun. P. 4. Культурная элита приветствует Сталина: Service. *Stalin.* P. 4 0. Котюков. *Забытый поэт Иосиф Сталин.* Мандельштам, Пастернак: Montefiore. P. 117–118 (Монтефиоре. С. 147). Сталин о грузинских поэтах: Мгеладзе. С. 209–210.

2. Тифлис, каша из людей: Jones. P. 159–63. Лима и Бомбей: Jones. P. 81. Основание “Месаме-даси”, “Квали”: Jones. P. 49–50, 66–70. ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе.

3. Книги: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Г. Глурджидзе. Сталин, Толстой и др., Г. Глурджидзе, Г. Паркадзе, Г. Гленов, цит. в.: Каминский – Верещагин. С. 66–71. Украли книгу из магазина: Чиаурели М. *Встречи с вождем народов // Встречи с тов. Сталиным.* С. 156–157. Герой “Девяносто третьего года”, “Ярмарка тщеславия”: Tucker. P. 85–87, 132. Некрасов и Чернышевский: Радзинский. *Александр II*. С. 174–176, 197–202. Достоевский: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 2 2 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 36–37). Гоголь, Салтыков, Шекспир, Мопассан и др.: Громыко А. *Памятное:* в 2 т. М., 1990. Берия. С. 185. На память: Ворошилов К. *Рассказы о жизни.* М., 1968. С. 247. Чтение в семинарии, поленница, инквизитор Абашидзе, чтение ночью в церкви: Iremashvili. S. 19–21. ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани.

4. Iremashvili. S. 17–19 (цит. по: Такер Р. *Сталин: История и личность.* С. 65).

5. “Капитал”: Service. *Stalin.* P. 41.

6. Сочинения, 13:113–14. РГАСПИ 558.4.30 и 37. Чарквиани. *Воспоминания*. Практический марксизм против академического: ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани. Книги Маркса: ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185–210, Котэ Хаханашвили. Английские книги: ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани.

7. Г. Нинуа. Заря Востока. 17 июля 1939; А. Окуашвили. Заря Востока, 18 сент. 1935. Версия Сталина: Сталин. *Сочинения*. 8:174. Более практический марксизм: ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид

Девдориани. Сталин у Жордании: Н. Вакар, *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании* // Последние новости. 1936. 16 дек. С. 2. Жордания: Уратадзе. С. 11. Комната на Святой горе, журнал: Д. Гогохия, цит. в: Каминский – Верещагин. С. 72. Развитие взглядов: Suny. *Beyond Psychohistory*. P. 5 5. Возвращаются Ладо, Жордания и Джибладзе, “Квали”: Островский. С. 121–123. Сторонился матери: Кеке. Iremashvili. S. 20–23. Отвергнутое письмо в “Квали”: ГДМС 1955–146.17, Г. Елисабедашвили. Клопы: ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани.

8. *Alliluyev Memoirs.* P. 44 (Аллилуев С. *Пройденный путь.* М., 1956. С. 51).

9. Чарквиани. *Воспоминания.* Davrichewy. P. 174. Марксизм: Сталин. *Сочинения*. 1:294–372 (*Анархизм или социализм?*), 1:4. Брдзола. № 1. Троцкий Л. *Моя жизнь.* М., 2001. С. 109. Tucker. P. 88–93. Ста линска я версия марксизма: см. Service. *Stalin.* P. 4 8 – 53. Кредо: Илизаров. С. 227. Неопубликованные воспоминания Серго Кавтарадзе.

Глава 7. Битва в общежитии: Сосо против Черного Пятна

1. Инквизитор Абашидзе: Iremashvili. S. 19–21. Наказания: РГАСПИ 558.4.48, 665 и 53.

2. Смеялись над крестьянами, помочился на икону: ГДМС 1955–146.1–11, Г. Елисабедашвили. “Мои воспоминания о товарище Сталине”; также: РГАСПИ 558.4.665.29. ГФ ИМЛ 8.2.1.49.185–210, Котэ Хаханашвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани.

3. Истории об Абашидзе: Д. Гогохия, Симон Натрошвили, П. Талаквадзе; Черное Пятно: Г. Елисабедашвили, Каминский – Верещагин. С. 66–67, 84–87; также: РГАСПИ 558.4.665. Отметки, письмо Серафиму, выговоры: РГАСПИ 558.4.48, 558.4.665, 558.1.4326, 71.1275. Отказывался стричься: Kun. P. 27–28. Наказания: РГАСПИ 558.4.53, 558.4.665, 558.4.53, 558.4.663, 558.4.60. Приезды матери: Кеке. Последние встречи с Бесо: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.202–215, Котэ Чарквиани. ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе. “Не хочу быть фарисеем”: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Гриша Глурджидзе; также: Глурджидзе Г. *Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина* // Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 17. Учитель в Метехской крепости: РГАСПИ 558.11.76.113, Сталин – Берии, 19 сент. 1931.

4. Дебоши: Кун цитирует А. Авторханова. P. 3 0. Лиза Акопова: РГАСПИ 558.11.721.126. Письмо о Паше Михайловской, якобы дочери Сталина, родившейся в 1899 году: РГАСПИ 558.11.775.10–13 (опубл.: http://www.diletant.ru/blogs/5525/2332). Илизаров. С. 284–286. Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 13–14 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 26–27).

5. Исключение, потребовали 25 рублей: РГАСПИ 558.1.635, допрос Сталина, 26 марта 1910. Не смог заплатить: РГАСПИ 71.10.275, Елена Цхакая. Старые друзья: РГАСПИ 558.1.5378. Kun. P. 7–34. Smith. P. 52–53. Болезнь: Кеке Джугашвили – Х. Никербокеру: New York Post. 1 Dec. 1930. Деньги Капанадзе: РГАСПИ 558.1.5978 и 5080. Выдал сорок семинаристов: Верещак С. *Сталин в тюрьме* // Дни. 22 янв. 1928. Вышиблен за пропаганду марксизма: Ярославский Е. *О товарище Сталине.* [М.], 1939. С. 14; тж. РГАСПИ 558.4.4349. Неимение средств: РГАСПИ 558.4.214. Предлагали место учителя: 558.4.65. Исключение: Каминский – Верещагин. P. 8 8. Енукидзе, цит. по: Троцкий. *Сталин.* 1:109. Davrichewy. P. 6 7. О Боге: Молотов – Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым.* М., 1991 (далее – *Сто сорок*

бесед). С. 297. Попы могут научить понимать людей, “прошлое принадлежит Богу”; Сталин – маршалу Василевскому: Волкогонов. *Сталин.* 2:347, 1:399. “Прощать может только Бог”, “помоги Бог”: см.: Harriman A., Abel E. *Special Envoy to Churchill and Stalin.* N. Y., 1975. P. 154. Встреча с Патриархом Сергием и митрополитами Никоном и Алексием 4 сент. 1943: Поспеловский Д. *Русская православная церковь в xx веке.* М., 1995. С. 187–191. Больше об этом: Алексеев В. *Неофициальный диалог* (о встрече Сталина с руководством православной церкви) // Агитатор. 1989. № 6. См. также: Burleigh M. *Sacred Causes: Religion and Politics from the European Dictators to Al Qaeda.* L., 2006.

P. 236. ГИАГ 440.2.12, 440.2.64, РГАСПИ 558.4.53. Результаты экзаменов в свидетельстве: ГФ ИМЛ 8.1.414. Исполнитель божьей воли: письмо Сталина Косыгину, 22 окт. 1946, выставлено в ЦМСИР. В 1904–1905 годах. Сталин возвращался в семинарию: он собирал средства для партии, запугивая преподавателей.

6. Ушел из семинарии: Кеке. Perkins F. *The Roosevelt I Knew.* N. Y., 1946. P. 142. Джентльмен-христианин: Black C. *FDR: Champion of Freedom.* L., 2003. P. 1080. Сталин и Тулин (Ленин): РГАСПИ 558.4.669, Петр Капанадзе. Если бы не Ленин: Мгеладзе. С. 82. Прятался: Островский. С. 144. “Не воспитывают их революционерами”: РГАСПИ 558.4.665, Д. Каландарашвили. Moore J. *Gurdjieff.* Shaftesbury, Dorset, 1991. P. 368–369.

Глава 8. Метеоролог. Партии и князья

1. Метеоролог: ГФ ИМЛ 8.2.1.5, В. Ф. Бердзеношвили. Оплата: РГАСПИ 558.4.66. Обсерватория: *Исторические места Тбилиси. Путеводитель по местам, связанным с жизнью и деятельностью И. В. Сталина.* Тб., 1944. С. 30–34.

2. Кеке. РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили. ГФ ИМЛ 8.14.160, Вано Кецховели.

3. Jones (гл. 3 и 4). Service. *Stalin.* P. 5 2 –53. Kun. P. 53–54. *Alliluyev Memoirs.* P. 23–25.

4. ГДМС 1955–146.16–31, Г. Елисабедашвили. Иремашвили и Троцкий – цит в: Радзинский. *Сталин.* С. 61–62.

5. Рабочие кружки: Москалев М. *Большевистские организации Закавказья периода Первой русской революции и в годы столыпинской реакции.* М., 1940. С. 17. Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 101: 10 июня 1926.

6. Первые христиане: Троцкий. *Моя жизнь.* С. 116. Комитет: Троцкий. *Сталин.* 1:157. *Alliluyev Memoirs.* P. 23–24.

7. Жандармские донесения, ротмистр В. Б. Лавров – полковнику Е. П. Дебилю: ГИАГ 153.2.302, ГАРФ 124.11.1902.127, ГАРФ 102.7.1902.175. Сталин и Бесо на фабрике Адельханова: ГФ ИМЛ 8.14.160.3, М. Грикуров. *Alliluyev Memoirs.* P. 23–24.

8. Сталин преклоняется перед Ладо Кецховели и Сашей Цулукидзе: Енукидзе А. *Наши подпольные типографии на Кавказе.* М., 1925. С. 24. Цхакая о Цулукидзе: Дубинский-Мухадзе И. *Михаил Цхакая.* С. 111–112. *Друг Ильича – Михо* // Литературная Грузия. 1965. № 1. С. 15–20. *Alliluyev Memoirs.* P. 4 3 –45, 55–64 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Kun. P. 192–198. Richardson. *Long Shadow.* P. 117. Берия. Васильева Л. *Кремлевские жены.* М., 2008. С. 138–139. Аллилуева С. *Далекая музыка.* N. Y., 1988. С. 251–252; Аллилуева С. *Двадцать писем к другу.* С. 70–78.

9. Сванидзе: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.343–351, Михаил Монаселидзе. Камо: нет достойных людей, околдован: Джаваира Хутулашвили в: Kun. P. 75. Радзинский. *Сталин.* С. 78. Sagirashvili. P. 168–177. ГДМС 1955–146.16–31, Г. Елисабедашвили. “Граммофон Сосо”, обучение умственно ограниченного Камо, прозвище: ГФ ИМЛ 8.2.1.7.64–84, Г. Ф. Вардоян. Автобиографические заметки Камо, ГФ ИМЛ 8.5.380.5–6, личное дело и анкета, заполненная Камо в день гибели.

10. Сталин читает Наполеона: рассказ Николая Попхадзе, семинариста и родственника Сванидзе, Петру Мамрадзе. ГДМС 1955–146.16–31, Г. Елисабедашвили. Sagirashvili. P. 168–177.

11. Раскол социал-демократов: Jones (гл. 3 и 4) Service. *Stalin.*

P. 5 2 –53. Kun. P. 5 3 –54. Арсенидзе. С. 220. Юноша с причудами: Аркомед С. Т. (Караджян Г.) *Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе.* М. – Пг., 1923. С. 55–56. Iremashvili. S. 21–22. РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили. Davrichewy. P. 124–125. Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании.*

12. Жандармские донесения, ротмистр В. Б. Лавров – полковнику Е. П. Дебилю: ГИАГ 153.2.302, ГАРФ 124.11.1902.127, ГАРФ 102.7.1902.175. ГФ ИМЛ 8.14.160.3, М. Грикуров. *Alliluyev Memoirs.* P. 24–27, 47–48.

13. Стать учителем: Raguza. *La Vie de Staline.* P. 6 5. Мочалов в: Service. *Stalin.* P. 5 1. Демонстрация 22 апреля 1901 года: *Alliluyev Memoirs.* P. 4 9 –51 (Аллилуев С. *Пройденный путь* (1956). С. 59). *Исторические места Тбилиси.* С. 68–73. Призыв: Davrichewy. P. 3 1. Полицейский допрос, освобожден от призыва в 1901 году по семейному положению: РГАСПИ 558.4.214.

14. Шаумян, убийство Веденеева, Лелашвили: Островский. С. 585–589. Рассказ Николая Попхадзе, семинариста и родственника Сванидзе, Петру Мамрадзе. Шаумян: Микоян С. *Мы – дети войны.* М., 2006. С. 15.

Глава 9. Сталин уходит в подполье. Конспирация

1. Конспирация, мир подполья – основано на следующих источниках: Pipes R. *The Degaev Affair.* New Haven, 2003. P. 2 6, 87, хозяин революции. Daly J. W. *Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905.* DeKalb, Illinois, 2004. P. 6, 9, 21–37, 38–44, 87–96; кто у кого учился? P. 95–131. Радзинский. *Александр II.* С. 176–176, 197–199, 251–278, 346–357. Перлюстрация, создание охранки, кодовые имена, опасность терактов с применением аэропланов: Ruud, C. A., Stepanov, S. A. *Fontanka 16: The Tsar's Secret Police.* Quebec, 1999. P. 5 4 –56, 69–79. Террористы на аэропланах: Lauchlan I. *Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg, 1906–14.* Helsinki, 2002. P. 361. Вешали поляков и евреев: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 3 1. (Рейфилд.

Сталин и его подручные. С. 47). Грузинский культ верности и насилия: Jones. P. 9 9. Енукидзе о мести: Николаевский, ящ. 207, д. 207–215, письмо Николаевского Т. Вулих, 8 авг. 1949. Сталин и шпик: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.202–215, Котэ Чарквиани. Davrichewy. P. 31. РГАСПИ 558.4.214.

2. Смеялся над шпионами, уходил от них: ГДМС 1955–146.16–31, Г. Елисабедашвили. Дураки мешают в работе: РГАСПИ 558.4.665, Каландарашвили.

3. Челидзе А. *Неопубликованные материалы из биографии товарища Сталина* // Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 17.

4. ГДМС 1955–146.16–31, Г. Елисабедашвили. Островский. С. 166–167.

5. Iremashvili. S. 21–22. РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили. Davrichewy. P. 124–125. Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании.* Jones. P. 72–74.

6. Ноябрьские встречи, жандармские донесения: ГИАГ 153.2.302 / 102.00.1898.5– 52 / 153.1.3431 / 2. ГАРФ 102.00.1898.5.52. Список двадцати четырех делегатов конференции: ГДМС 93.3, М. Гурешидзе. Наиболее убедительна версия Островского: Островский. С. 167–170. Клеветника отослали в Батум: Уратадзе. С. 66–67. Iremashvili. S. 21–22. РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили. Davrichewy. P. 124–125. Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании.* Талаквадзе С. *К истории Коммунистической партии Грузии.* Тифлис, 1925. 1:59–63. Jones. P. 106–107.

Глава 10. “Я работаю на Ротшильдов!” Пожар, побоище и арест в Батуме

1. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. РГАСПИ 558.4.537, Д. А. Вадачкория. Порфирий Куридзе: *Батумская.* С. 63–70. Черноморский вестник. 5 янв. 1902.

2. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. В этой главе цитируются воспоминания из “Батумской демонстрации 1902 года”: Котэ Каландаров. С. 36–40; Порфирий Ломджария. С. 41–49; Герасим Каладзе. С. 49–55; Илларион Дарахвелидзе. С. 55–63; Порфирий Куридзе. С. 63–70; Хачик Казарян. С. 75–78; Галпе Чхаидзе. С. 124; о Хашиме Смырбе. С. 150–71. Порфирий Куридзе в: Бакинский рабочий. 12 янв. 1937. Черноморский вестник, 5 янв. 1902.

3. Встреча Нового года: ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. Ломджария – бандит, приезд в Тифлис: ГДМС 1955–146.29–44, Г. Елисабедашвили. Батум: *Annals of the Working Collective Batumi.* P. 315. Jones. P. 28, 87–88. Калифорния, рай золотоискателей: Мандельштам О. Э. *Батум* // Мандельштам О. Э. *Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи.* Тб., 1990. С. 317, 320. Островский. С. 170–171. Tolf R. W. *The Russian Rockefellers: The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry.* Stanford, 1976. P. 8 7 –90.

4. Когда Порфирий Ломджария вышел из тюрьмы, Жён выдал ему 400 рублей на похороны брата Сильвестра и вдобавок довольно крупную сумму – 3000 рублей. Братья Ломджария были телохранителями Сталина, он часто у них останавливался – вполне возможно, что тут без него не обошлось. Впоследствии Сталин добывал деньги с помощью рэкета, угрожая семьям предпринимателей или требуя заплатить ему за то, что он не станет нападать. Может быть, 3000 были уплачены, чтобы заводы больше не горели. РГАСПИ 161.1.11. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки, в том числе о помощи Спандаряна. Спандарян-волокита: Николаевский, Вулих (ящ. 207–209). Спандарян-ловелас, судьба жены большевика: письмо Ольги Спандарян Шаумяну в: *Сурен Спандарян в сибирской ссылке* // Вестник архивов Армении. 1966. № 1. РГАСПИ 558.4.537, Д. Вадачкория; официальная версия – *Батумская.* С. 106–112. Бакинский рабочий. 12 янв. 1937: Порфирий Куридзе. Франсуа Жён: Отар Гоголишвили, беседа с Островским. С. 586–587. Что заплатили Ломджарии, что заплатил он: ГАРФ 102.1900.4871. Чулок И. С. *Очерки истории Батумской коммунистичскоой органиэации.*

Батуми, 1970. С. 90–91.

5. Киртава: ГФ ИМЛ 8.2.1.26.22–6 (1934) и 8.2.1.26.36–9 (1937), воспоминания Натальи Киртавы-Сихарулидзе. БКМИХА 19.51: воспоминания Натальи Киртавы-Сихарулидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.43. ГАРФ 3.1905.272.

6. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. БКМИХА 18.50, Котэ Каландаров. БКМИХА 26.104, воспоминания Порфирия Куридзе. С. 33–42. *Батумская.* С. 36–78, 124. Деспотизм Сталина: Лавров, ГАРФ 102.00.1898.5– 52-В. Спрятался под юбками: беседа с Суреном Левоняном, рассказ его матери Терун Левонян.

7. 9 марта: ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. 26.104, воспоминания Порфирия Куридзе. С. 33–42. *Батумская.* С. 36–78, 124, 203–227. БКМИХА 105, 106, 154, Деспина Шапатава. Управляющий Ротшильдов фон Штейн, покушение: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Теофил Гогиберидзе. Переодевания, капюшон: ГФ ИМЛ 8.2.1.15.174–181, И. Доборджинидзе. Коба в капюшоне: К. Каландаров, *Батумская.* С. 70; конспирация: П. Куридзе. С. 96; сбрил усы и бороду. С. 99; в башлыке, бунт, Сталин ставит пьесы: Вера Ломджария. С. 102; демонстрация: И. Дарахвелидзе. С. 116–117; спокойствие Сталина: К. Канделаки. С. 118–126; Сталин помогает раненым: с. 157. “Не будешь революционером”: Вадачкория в кн.: *Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине.* М., 1939. С. 56. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки.

8. Хашим Смырба: ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки. БКМИХА 21.57, воспоминания Хемды Смырбы. С. 16; 22.58, Хашим Смырба. С. 1–9. Сталин и Хашим, М., 1935. БКМИХА 26.104.33–42, Порфирий Куридзе. *Батумская.* С. 150–171. Сталин в женской одежде: беседа с Суреном Левоняном, рассказ его матери Терун Левонян. Сталин о правдивости истории со Смырбой: Чарквиани. *Воспоминания.* О Несторе Лакобе см.: Montefiore.

Р. 179–180 (Монтефиоре. С. 214–215). Реакция Жордании: Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании.* С. 2. Троцкий. *Сталин.* 1:125–134. Сталин. *Сочинения*. 1:25. Сталин о гурийских телохранителях, о победе несмотря на потерю товарищей: Мгеладзе. С. 77. Сталин редактирует книгу Берии: Берия. С. 34.

9. Похороны, арест: полицейское донесение, 6 апр. 1902, *Батумская.* С. 177, рапорт Джакели. С. 178. БКМИХА 115, ротмистр Джакели сообщает об аресте Сталина и его участии в событиях 9 марта. Письма матери и Иремашвили; рапорт главы Кутаисской жандармерии в Департамент полиции, 8 апр. 1902, арест Джугашвили, который известен как учитель рабочих и

держится в стороне: БКМИХА 116, Илларион. О Сталине и Булгакове: Булгаков М. *Батум* // Булгаков М. А. *Пьесы.* М., 1998. Радзинский. *Сталин.* С. 9–11, цитата из Елены Булгаковой; дневник Елены Булгаковой за 1939 год; рассказ В. И. Немировича-Данченко, директора Художественного театра. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки.

Глава 11. Арестант

1. Уратадзе. С. 68–69, 208–210. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки.

2. Жандармские запросы, заметки Сталина: РГАСПИ 558.4.80–81, 83. *Батумская.* С. 233–235. Рапорты ротмистра Джакели, 9 апр. 1902; генерал-майор Стопчанский, 9 апр. 1902; рапорт Тифлисской жандармерии (Сталин – член Тифлисского комитета), 1 мая 1902; рапорт об аресте, жандарм Чхиквадзе, 6 апр. 1902; Гогория в Гори (допрос Иремашвили, двое приезжали и увозили Кеке в Батум), 16 июня 1902; Джакели, 16 окт. 1905, об удаче 1901 года; ротмистр Лавров о разладе между младшими и старшими социалистами, 9 фев. 1903; БКМИХА 153, 116, 118, Сталин, 1 мая 1902; 119, 120, Ефремов; 121, 125, Чопур и Мохеви. ГФ ИМЛ 8.2.1.20.155–222, Коция Канделаки.

3. ГДМС 1955–146.33–40, Г. Елисабедашвили; РГАСПИ 558.4.665, Г. Елисабедашвили.

4. Кеке: Мгеладзе. С. 155. Полицейские донесения, просьбы Кеке: РГАСПИ 71.10.401, 404. РГАСПИ 558.4.405. Поездка в Батум: Кеке. Еще одна поездка весной 1903 года: см. некролог Кеке, Заря Востока, 1937. Kun. P. 42. Об интервью Кеке 1935 года: *Stalin-Kaganovich Correspondence 1931–1936* / ed. by R. W. Davies, O. V. Khlevnuik, E. A. Rees. New Haven, 2003. P. 295.

5. Тюремная культура: БКМИХА 19 (51), Н. Киртадзе (Киртава-Сихарулидзе). С. 39 (1) – 42 (4); Сталин передает записку: с. 32 (128); Герасим Каладзе. С. 42 (1) – 50 (9); В. Чаидзе. С. 96; В. Каландадзе. С. 136. Сталин и сочувствующий часовой: Чиаурели М. *Встречи с вождем народов // Встречи с тов. Сталиным.* С. 154. Способ общения: Бибинейшвили. С. 59–63. Покладистые тюремщики: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 3 1 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 49). Сталин предпочитает общаться с уголовниками: Хрущев. 1:301. Одинокий Сталин: Трояновский О. *Через годы и расстояния.* М., 1997. С. 162. Обучение, варварство и патриахальность: Троцкий. *Сталин.* 1:131. Вторая школа: Сталин. *Сочинения*. 2:28–32. Орджоникидзе читает, сталинская заметка о тюрьме, 1937: Волкогонов. *Сталин.* 1:43. Новость об аресте Coco, тюремные споры: *Alliluyev Memoirs.* P. 4 3 –45, 55–64; посещения тюрьмы. P. 3 3 –35 (также: Аллилуев. *Пройденный путь* (1956). С. 71). Сталин в тюрьме: Каландадзе, цит. в: Троцкий. *Сталин.* 1:131.

6. Ленин и “Что делать?”: Tucker. P. 23–31. Сталин. *Сочинения*. 1:63–74.

7. БКМИХА 19 (51), Н. Киртадзе (Киртава-Сихарулидзе). С. 39

(1) – 42 (4).

8. Слова Христофора Имнаишвили, сообщено автору Тамазом Наскидашвили в письме, 20 окт. 2005.

9. Снятое обвинение за Батум, предъявленное за Тифлис, тюремная бюрократия: РГАСПИ 558.4.79, 558.4.90; ГАРФ 102.00.1898.5–52-V, 102.00.1902.825–16, 102.00.1898.5–59-А. Островский. С. 185–196. *Батумская.* С. 171–174.

10. Больница: ГФ ИМЛ 8.2.1.20.

11. РГАСПИ 558.4.619, Сталин – князю Голицыну.

12. Экзарх: Островский. С. 195. Перевод в Кутаис: БКМИХА 19 (51), Н. Киртадзе (Киртава-Сихарулидзе). С. 39 (1) – 42 (4).

13. В Кутаисской тюрьме: БКМИХА 19 (51), Н. Киртадзе (Киртава-Сихарулидзе). С. 39 (1) – 42 (4). Групповой снимок, протест 28 июля: *Батумская.* С. 95–99, 137–138: Дзуку Лолуа и Варден Чаидзе. Уратадзе. С. 66–69, 208–210.

14. РГАСПИ 558.4.79, 558.4.90; ГАРФ 102.00.1898.5–52-В, 102.00.1902.825–16, 102.00. 1898.5–59-А. ГФ ИМЛ 8.1.772, 5.268. Островский. С. 185–196. *Батумская.* С. 171–174.

15. Приговор: РГАСПИ 558.4.619, ГАРФ 102.7д.1902.175; РГИА 1405.521.482. Как искали Сталина: ГИАГ 13.27.5451, 5461; 84.2.1960, 1272; ГИАГ 17.2.1272; ГФ ИМЛ 8.5.204. *Батумская.* С. 257–265. Островский. С. 197–200. БКМИХА 19 (51), Н. Киртадзе (Киртава-Сихарулидзе). С. 39 (1) – 42 (4). Деньги: ГФ ИМЛ 8.2.1.13, воспоминания Л. Джанелидзе. 28 миллионов: Applebaum A. *Gulag: A History.* L., 2003. P. 518.

Глава 12. Замерзший грузин: сибирская ссылка

1. Этап – мышьяк и ампутация: Чарквиани. *Воспоминания.* Драка, кандалы: Kun. P. 60–61. Погоня за поездом: Smith. P. 112. Уголовники: *Сто сорок бесед.* С. 145.

2. РГАСПИ 558.11.1494, Абрам Гусинский. Крестьяне: Чарквиани. *Воспоминания.*

3. Встречи с вождем. С. 28 – воспоминания внука Марфы Литвинцевой и Михаила Гулькина. Иванов Б. *В Новой Уде //* Правда. 1939. 25 дек.

4. Ссылка, деньги: *Сто сорок бесед.* С. 142. Чарквиани. *Воспоминания.* Троцкий, "олимпийские боги": Волкогонов Д. *Троцкий: политический портрет.* М., 1998. 1:42. Крупская. С. 27, 36. Ленин в ссылке: Service R. *Lenin: A Biography.* L., 2000. P. 110. Письмо Енукидзе Ворошилову: РГАСПИ 71.2.41. Женщины, дуэль: *Сто сорок бесед.* С. 128. Лежнев: Kun. P. 112. Ворошилов, Енукидзе, женщины: Васильева. *Кремлевские жены.* С. 183–184. Любовь из-под камней: Троцкий. *Сталин.* 1:203. В условиях ссылки человек обнажается: Свердлов Я. Избранные произведения: в 3 т. М., 1957. 1:276–277. Отношение к евреям в ссылке: Davrichewy. P. 129.

5. Хрущев. 2:117–118. Хрущев пишет, что Сталин рассказывал это о Вологодской губернии (его вторая ссылка), но, судя по всему, речь идет именно о первой ссылке, сибирской.

6. Ленин, письмо Сталину, Второй съезд: Сталин. *Сочинения*. 6:51–54. Tucker. P. 122. Service. *Stalin.* P. 50–55. Iremashvili. S. 212–13. Уратадзе. С. 67. Бибинейшвили. С. 80–83.

7. Два побега: РГАСПИ 558.4.659; также. Аллилуев. *Пройденный путь* (1946). С. 109; в изд. 1956 г. – с. 80. РГАСПИ 558.1.14. РГАСПИ 558.11.1494, А. Гусинский. РГАСПИ 558.4.655, письмо М. И. Кунгурова. И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942. С. 22–25, 32–37. Выпивка для возничего: ГФ ИМЛ 8.2.1.7, Д. Вадачкория. Петров И. *Первые шаги революционной деятельности тов. Сталина //* Молодой большевик. 1939. № 21. С. 25. Решето: Троцкий. *Сталин.* 1:134. Сапоги, Сергей Аллилуев: Радзинский. *Сталин.* С. 99. Полицейское удостоверение: Kun. P. 62–64. Полиция: ГАРФ 102.00.1904.6.313, РГАСПИ 558.4.92. ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе. Агент охранки, побеги: мой основной источник здесь – Островский, особенно в части сроков побега. С. 212; также: с. 431–462 и анализ материалов архивов охранки и

Жандармского корпуса 1900–1910 годов; о побегах из ссылки. С. 431–436; цитата из Островского: с. 436–438; слова полицейского начальника Л. А. Ратаева. С. 437; деньги для агентов. С. 438–439; коррумпированный полицейский Двали. С. 515; Зубов и Зайцев. С. 545–547, донесение Фикуса об агентурных сведениях, собранных Сталиным. С. 578; взятка 800 рублей: Свердлов. *Избранные произведения.* Пять побегов Сталина: Чарквиани. *Воспоминания.* РГАСПИ 671.1.287, квитанции о денежных переводах в Туруханск в 1913–1915 годов, собранные начальником НКВД Н. И. Ежовым и найденные в его сейфе. Орджоникидзе и Зайцев: РГАСПИ 558.4.258. П. А. Джапаридзе: *Воспоминания о П. А. Джапаридзе.* Баку, 1979. С. 61–62. Сталин встречается с полицейским на улице, подсказки от жандармов: ГДМС 167, Г. Варшамян. ГАРФ 102.00.5–61-А. Tucker. P. 109–110, цитируются слова Роя Медведева об истории Е. П. Фролова. Service. *Stalin.* P. 7 4. Дискуссия о письме Еремина: Lee E. *Eremin Letter: Documentary Proof That Stalin Was Okhrana Spy? //* Revolutionary Russia 6. June 1993. Текст письма в: Smith. P. 306. Записка генерала Ивана Серова Первому секретарю Н. С. Хрущеву и Политбюро: РГАСПИ 558.11.1288, 4 июня 1956. Сталин и Спандарян против Шаумяна, Екатерина Шаумян: Микоян А. И. *Так было.* М., 1999. С. 347. Проблемы Шаумяна, татары на митингах, сталинский рэкет, убийство осведомителей, разврат Спандаряна, Сталин – заправила, бандитизм: Татьяна Вулих – Борису Николаевскому, Николаевский, ящ. 207, д. 207–208. Арсенидзе. С. 72, 224. Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании* – приводятся слова Шаумяна. Ольга Шатуновская: РГАСПИ 558.4.671. Работа Шаумяна, взятка ротмистру Зайцеву: Акопян. *Степан Шаумян.* С. 64–76. Начальник тюрьмы Вачиев, по 150 рублей.

8. …за освобождение заключенных: Енукидзе А. С. *Из прошлого нашей партии // Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку.* Баку, 1923. С. 146–147. Каптелов Б., Перегудова З. *Был ли Сталин агентом Охранки? //* Родина. 1989. № 5. С. 67–69. Славин Б. *Сталин и охранка //* Альтернативы. 1998. № 1. С. 78–81. Наблюдение охранки в 1908–1913 годах: Красный архив. 1941. № 2 (105). Сталин о предательстве, смерти: ГФ ИМЛ 8.6.312, Д. Чехеидзе (Турдоспирели). Сталин сам редактирует свою биографию в “Кратком курсе”, в том числе исправляет количество арестов: *И. В. Сталин сам о себе: редакционная правка собственной биографии //* Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

9. “Трусы”, читал о Французской революции: ГФ ИМЛ 8.2.1.11.125–127, Дмитрий Гургенидзе. Националистические взгляды Сталина, Батуми, Гори, “Кредо”: РГАСПИ 157.1.54, М.

Цхакая. Service. *Stalin.* P. 5 5. Неопубликованные рукописи Кавтарадзе: за доступ к ним я благодарю его дочь Майю Кавтарадзе и Закро Мегришвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.19. С. Кавтарадзе. Побили, квартира: Островский. С. 214–217. Бибинейшвили. С. 79–83. Грузины – политизированный народ, рассказы Цхакаи: Чарквиани. *Воспоминания.* Маркс – осел: Sagirashvili. P. 181. Торошелидзе: рукописи Минадоры Торошелидзе (за доступ к ним я благодарю Сусанну Торошелидзе и Нестан Чарквиани). История Шевардяна: рукопись воспоминания Сергея Шевардяна; благодарю за этот источник Клэр Мурадян.

10. ГФ ИМЛ 8.2.1.34, Михаил Монаселидзе. Davrichewy. P. 118–119, 124–25. Merridale C. *The Making of a Moderate Bolshevik: An Introduction to L. B. Kamenev's Political Biography // Soviet History, 1917–1953* / ed. by J. Cooper, M. Perrie and E. A. Rees. L., 1995. ГФ ИМЛ 8.5.384.3–10, автобиографические заметки Камо. ГФ ИМЛ 8.5.380.5–6, личное дело и анкета, заполненная Камо в день гибели. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.332–334.

Глава 13. Большевичка-обольстительница

1. Енукидзе. *Наши подпольные типографии на Кавказе.* С. 24. *Alliluyev Memoirs.* P. 2 4 –27 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Kun. P. 192–98. Richardson. *Long Shadow.* P. 117. Не давали покоя: Берия. С. 194. Павел Аллилуев о Сталине и Курнатовском, Надя о матери: Васильева. *Кремлевские жены.* С. 139, 141. Аллилуева С. *Далекая музыка.* С. 251–252; *Двадцать писем к другу.* С. 45. Благодарю за рассказ о Нине Гургенидзе (см. в примечании) Гию Тархан-Мурави.

2. ГФ ИМЛ 8.5.384.3–10, автобиографические заметки Камо. ГФ ИМЛ 8.5.380.5–6, личное дело и анкета, заполненная Камо в день гибели. ГФ ИМЛ 8.2.1.50.239–255, Джаваира Хутулашвили, урожд. Тер-Петросян, сестра Камо. Проделка в театре: рассказ Минадоры Орджоникидзе-Торошелидзе своей дочери Сусанне Торошелидзе. Газета с Махарадзе: Jones. P. 109. Мари Аренсберг: Essad Bey. P. 94.

3. ГФ ИМЛ 8.2.1.26.22–26 (1934), 8.2.1.26.36–39 (1937), воспоминания Натальи Киртавы-Сихарулидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.43, Н. Киртава-Сихарулидзе. Военная форма: ГФ ИМЛ 8.2.1.31, В. Ломджария-Джавакикидзе. Форма железнодорожника: ГФ ИМЛ 8.2.1.34, И. Мшвидабадзе; также: РГАСПИ 558.4.655. Сталина подозревают в том, что он работает на охранку: ГФ ИМЛ 2913.2.4, Ф. Махарадзе.

4. Неопубликованные рукописи С. Кавтарадзе. Киртава не поехала к Сталину: ГФ ИМЛ 8.2.1.26.22–26 (1934), 8.2.1.26.36–39 (1937), Наталья Киртава-Сихарулидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.43, Н. Киртава-Сихарулидзе. Побили: Островский. С. 214–217. Kun. P. 66.

5. ГФ ИМЛ 8.2.1.25, Вано Кецховели. Документы на имя Петрова / Павлова: Davrichewy. P. 35. Островский. С. 216–217.

6. Имеретино-Мингрельский комитет: РГАСПИ 157.1.54, М. Цхакая. ГФ ИМЛ 8.2.1.19. С. Кавтарадзе. Бибинейшвили. С. 80–82. Аресты, побеги, смены квартир: ГФ ИМЛ 8.2.1.5, Г. Ф. Бердзеношвили. Объединенный комитет: РГАСПИ 558.4.658, Ц. Зеликсон. Рыбалка: ГФ ИМЛ 8.2.1.34, И. Мшвидабадзе; мундир железнодорожника – также: РГАСПИ 558.4.655. Махарадзе. *Очерки.* С. 76. Tucker. P. 98. Баку: РГАСПИ 558.4.93. Kun. P. 9 2. Главарь: ГФ ИМЛ 8.5.320. Описание Кутаиса, цитата из Ф. Махарадзе: Jones. P. 88–89; пейзаж Гурии и Кутаиса: “горы, болотистые долины” – цитата из Джонса (p. 133). Десять поездок и т. д.: Островский. С. 576–577. Побеги, истории о Буду и Сталине: беседа автора с Изольдой Мдивани (вдовой сына Буду

Вахтанга) и семьей Мдивани в Тбилиси, 2006 г.

7. Поведение Сталина в Кутаисе: “А цель… та, чтобы показаться народу великим человеком”: *Полиция и соратники об И. В. Сталине* // Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 77–80. Архивистка, которую Берия просил разыскать письмо, – К. Серова, сестра его подчиненного И. А. Серова. Сталин – Давиташвили в Лейпциге, реакция Ленина: Сталин. *Сочинения*. 1:56–58, 59–61. Встреча нового 1905 года, сорванный банкет: ГФ ИМЛ 8.2.1.11, Алексей Захомилдин.

8. Баку в январе 1905 года: РГАСПИ 71.10.189. Революция, Кровавое воскресенье: Figes O. *A People’s Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. L., 1996 (далее – Figes). С. 173–186. Сталин. *Сочинения*. 1:76. Махарадзе и редакторы Сталина: Jones. P. 109.

9. Сталин. *Сочинения*. 1:76.

Глава 14. 1905. Царь горы

1. Баку: РГАСПИ 558.4.583, Мамед Мамедяров, Мухтар Гаджиев. Essad Bey. P. 6 9. Tolf. *The Russian Rockefellers.* P. 151–158. Baberowski J. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus.* München, 2003. S. 77–79.

2. Сталин. *Сочинения*. 1:82–84, 85–89. Тысячи погибших: Армен Оганян, цит. в: Reiss T. *The Orientalist.* N. Y., 2005 (русское издание: Риис Т. *Ориенталист.* М., 2012). P. 14.

3. Талаквадзе. *К истории Коммунистической партии Грузии.* 1:118.

4. Chavichvili. *Patrie, prisons, exil.* P. 7 0. Сталин. *Сочинения*. 1:422–423. Гурия: Jones. P. 149 – Виктор Таратута об отдельной республике. Комитет – имя царя: Бибинейшвили. С. 119. Споры с Исидором Рамишвили, товарищ Коба в Цхрацкаро, побег, сбрил усы и бороду, встреча в доме отца Гоцадзе: ГФ ИМЛ 8.2.1.11.30–33, Давид Гоцадзе. Возможно, что в этот раз его спрятали в поместье чиатурского марганцепромышленника князя Джибо Абашидзе, предка президента Михаила Саакашвили: Roelofs Saakashvili S. *Story of an Idealist.* Tbilisi, 2005. P. 37–38.

5. “Жиды обрезанные”: Арсенидзе. С. 221.

6. Чиатура: Jones. P. 91. Chavichvili. *Patrie, prisons, exil.* P. 7 0, 72–87, 112–117. Также: Cahiers d’Histoire Sociale. No. 26, Automne / hiver, 2005. P. 133–144. Также о Гурии: Jones. P. 149. Бибинейшвили. С. 119.

7. Типография: РГАСПИ 558.4.651, М. Белиашвили. Chavichvili. *Patrie, prisons, exil.* P. 70–87, 112–117.

8. Меньшевистские боевые дружины: Ной Рамишвили в: Jones. P. 180. Сталин. *Сочинения*. 1:131–137, “Вооруженное восстание и наша тактика” (Пролетариатис брдзола. 15 июля 1905). Чиатуры вооружаются: ГФ ИМЛ 8.2.1.25.261–287, Вано Киасашвили. Цинцадзе К. Чеми Могонебани // Революциис матиане. № 2. С. 117–122; № 3. С. 68–79. Паркадзе Г. *Боевые большевистские дружины в Чиатурах в 1905 году // Рассказы о великом Сталине.* Тб., 1941. С. 46–50; РГАСПИ 558.4.665. Кавтарадзе С. *Как тов. Сталин громил меньшевиков // Рассказы о великом Сталине.* С. 56–59.

Бибинейшвили. С. 88–90, 119. Сталин на Западе – оратор, тактик, его стиль: Chavichvili. *Patrie, prisons, exil.* P. 70–87, 112–117.

9. Чиатурские дельцы: РГАСПИ 558.4.665, Б. Кекелидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.93–94, В. Бакрадзе. Saakashvili. *Story of an Idealist.* P. 3 7 –45. Признак хорошего тона: Красин Л. Б. *Дела давно минувших*

дней. М., 1925. С. 84–85. Вымогательство, Сталин защищает промышленников: ГФ ИМЛ 8.2.1.7 Г, ГФ ИМЛ 8.2.1.4.1.

10. *Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями.* 1905–1907 *гг.* М., 1982. Т. 2. Кн. 1. С. 294.

11. Арсенидзе. С. 228–229. Верещак С. *Сталин в тюрьме //* Дни. 24 янв. 1928.

12. Наместник: о его характере и прибытии – цитата из: Jones. P. 172–175; гадалки и проститутки. С. 186.

13. Речь в Хони, Нуцубидзе: Montefiore. P. 286 (Монтефиоре. С. 338). Сталин. *Сочинения*. 1:89–130, "Коротко о партийных разногласиях". Убийства в Грузии: Jones. P. 184–187. Сталин открыл эпоху ограблений: Davrichewy. P. 175; состязательность. P. 181. Бибинейшвили. С. 85. Большевики-бомбоделы: Джеджилава В. *Мои воспоминания //* Революциис матиане (далее РМ). 1923. № 3. С. 135. Сталин приказал кидать бомбы в казаков: Davrichewy. P. 219. Террор: Daly. *Watchful State.* P. 1 6 –20. 3600 раненых: Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 2 1. Двоюродный брат Сванидзе Двали подорвался на собственной бомбе: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.327–337, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико).

14. Неопубликованные воспоминания Касьяна Гачечиладзе: благодарю за доступ к ним его внука Шалву Гачечиладзе.

15. Jones. P. 188–89. Сталин организует нападение на казаков: Davrichewy. P. 200. Сталин. *Сочинения*. 1:131–137, "Вооруженное восстание и наша тактика". Baberowski. *Der Feind.* S. 79.

Глава 15. 1905. Бойцы, беспризорники, портнихи

1. Камо убивает по приказу Сталина: Davrichewy. P. 188–190.

2. Семья Сванидзе: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.327–337, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Девушка восхитительной красоты: Davrichewy. P. 228; пистолет. P. 160. Коба в больнице: ГДМС 3 (1).1955–146.45–46, Г. Елисабедашвили. Сталин укрывается у Сванидзе и начальника полиции Двали: беседа автора с родственницей Като Кетеван Геловани, Тбилиси, 2005. Беседа автора со 109-летней Мариам Сванидзе, Тбилиси, 2005.

3. Iremashvili. S. 32–35. Женщина без юбки: Jones. P. 189. Сталин, *Сочинения*. 1:179–184. Jones. P. 188–189. Сталин нападает на казаков: Davrichewy. P. 200. Baberowski. *Der Feind.* S. 79. Троцкий. *Сталин.* 1:171–175, 196.

4. *Alliluyev Memoirs.* P. 101–102 (Аллилуева А. *Воспоминания)*.

5. Сталин. *Сочинения*. 1:189 (“Ко всем рабочим”, 19 окт. 1905).

6. Талаквадзе. *К истории Коммунистической партии Грузии.* 1:143.

7. Service. *Stalin.* P. 5 9. Неопубликованные воспоминания Серго Кавтарадзе. Запустил лампой: воспоминания Майи Кавтарадзе.

8. Неопубликованные воспоминания Минадоры Орджоникидзе-Торошелидзе. Davrichewy. P. 174–176, 181.

9. Резня в Тифлисе, вооруженные эсдеки: Jones. P. 189–194. Davrichewy. P. 194–195. Троцкий. *Сталин.* 1:171–175.

10. Jones. P. 189–95. Davrichewy. P. 194–96. Кипел котлом: Троцкий. *Сталин.* С. 1:196.

Глава 16. 1905. Горный орел. Сталин знакомится с Лениным

1. Таммерфорс: лучшее описание с финской стороны – Kujala A. et al. *Lenin Ja Suomi.* Helsinki, 1987. Описание Ленина основано на следующих источниках: Figes. P. 141–151, 385–398; Service. *Lenin.* P. 255–273; Service. *Stalin.* P. 129, 179; Tucker. P. 103. Сталин о Ленине: Сталин. *Сочинения*. 6:53–55. Давришеви о Ленине, о том, что Сталин – единственный боец, о стрельбе: p. 160, 212–213. Крупская. С. 114. Троцкий. *Сталин.* 1:180–185. Время поездок Сталина: Островский. С. 242–243. Smith. P. 150. Ярославский Е. *Три встречи //* Правда. 23 дек. 1939.

2. Jones. P. 194–96. *Alliluyev Memoirs.* P. 101–107 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Перекрытие тоннеля, усмирение Гурии, террористы в Тифлисе, расправа с предателями и т. д.: Котэ Цинцадзе в: РМ. 1923. № 2. С. 79–85. Сталин собирает шайку в Тифлисе, завоевание запада: ГДМС 3 (2).1955– 146.68–72, Г. Елисабедашвили. Сталин говорит с крестьянами: Чиаурели М. *Встречи с вождем народов // Встречи с тов. Сталиным.* С. 156. Основание дружины по приказу Сталина: ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили.

3. Грязнов: Цинцадзе. С. 40–41. Davrichewy. P. 216–217. Армянские террористы об ответственности Сталина: Kun. P. 79. Essad Bey. P. 72. Jones. P. 197. Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 9 9 –100. Souvarine B. *Staline.* P. 9 8 –100. Smith. P. 156. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.327–337, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). ГФ ИМЛ 8.2.1.5, Г. Ф. Бердзеношвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.3, Н. Ахметели. РГАСПИ 558.4.658, Б. Лошадзе-Бочоридзе. ГИАГ 153.1.764. Как прятали раненого Сталина: Островский. С. 247. РМ, 1923, № 4, воспоминания А. Магрябянца. Уратадзе. С. 130–132. ГФ ИМЛ: убийцы Грязнова – большевики: Чумбуридзе и Александр Вашакидзе.

Глава 17. “Некто в сером”. Женитьба, резня и поездка в Швецию

1. Бандиты, ограбления, девушки, ломбард, чиатурский поезд с золотом: ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Davrichewy. P. 178–184, 226, 174–176. Банда: Николаевский, ящ. 207, д. 207–10 и 207–11, Татьяна Вулих – Борису Николаевскому. Уратадзе. С. 163–166. Дубинский-Мухадзе. *Камо.* С. 45–58. Кутаис, девушки: Александра Дарахвелидзе-Маргвелашвили. Беспризорники: ГФ ИМЛ 8.1.2.4. ГАРФ 102.1906.206. Сталин о смерти: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. Грязнов, экспроприация, дружина, ломбард, соревнование и сотрудничество с меньшевиками, ограбления (в том числе чиатурского поезда, кутаисской казны, тифлисского банка): Цинцадзе. С. 40–49. Ассистент Сталина (брат Нико Матэ): ГФ ИМЛ 8.2.1.3.291–310, Нико Ахметели. Рэкет в Тифлисе: Essad Bey. P. 90–95. Сталин о Цинцадзе и Камо: Чарквиани. *Воспоминания.* Аскетизм Сталина: Вакар. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании.*

2. Спрятали раненого Сталина, мечтал о захвате Тифлиса с картой: ГФ ИМЛ 8.2.1.3.291–310, Нико Ахметели. ГДМС 278, А. Н. Микаберидзе. ГДМС 118, Рубен Даштоян.

3. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Побег через окно: Service. *Stalin.* P. 6 5 –66. “Некто в сером”: неопубликованные воспоминания Минадоры Орджоникидзе-Торошелидзе. Призыв 1906 года, Нато и газета: ГФ ИМЛ 8.2.1.15.266–272, Наталья Дондарова (Азарян).

4. Арест в Авлабаре: Арсенидзе. С. 218–236. Сталин в шарфе: ГФ ИМЛ 8.2.1.37, Раиса Окиншевич. Островский. С. 248–252. Теория заговора: Levine I. D. *Stalin’s Great Secret.* N. Y., 1956. P. 90.

5. Стокгольм: Ворошилов. *Рассказы о жизни.* 1:247. Кораблекрушение: Kujala et al. *Lenin Ja Suomi.* Bjorkegren H. *Ryska Posten: de ryska revolutionarerna i norden* 1906—17. Stockholm, 1985. P. 4 3 –56. Я признателен Мартину Штугарду из “Дагенс нюхетер” за его расследование и внуку инспектора Могрена – Перу Могрену – за помощь. Williams. P. 7 5; Futrell M. *Northern Underg round.* L., 1963 (далее – Futrell). P. 4 7. Service. *Lenin.* P. 179. Service. *Stalin.* P. 6 2 –64. Tucker. P. 41, 127, 146. Smith. P. 175: кораблекрушение, цит. из С. Г. Струменко. Троцкий. Сталин, 1:185–196. Дзержинский: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 5 6 – 57 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 70–121). ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани. Отчет о стокгольмском

съезде товарища К.: Сталин. *Сочинения*, 1:250–276. Об аграрном вопросе: Сталин. *Сочинения*. 1:230–235, 236–238. Меньшевики сомневаются в Шаумяне: Акопян. *Степан Шаумян*. С. 44. Берлин: РГАСПИ 558.1.5095, Сталин – Монаселидзе.

6. РГАСПИ 558.1.5095.

7. Неопубликованные воспоминания Минадоры Орджоникидзе-Торошелидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Като родом из Рачи: Мгеладзе. С. 199. Письмо об Алеше и Като: РГАСПИ 558.1.5095, цит. в: Kun. P. 341–342. Как ее любил: РГАСПИ 558.4.647, Пелагея Онуфриева. Сосо – полубог: Iremashvili. S. 30, 39–40. Очаровательна, растопила мое сердце: записи Светланы Аллилуевой – благодарю за доступ к ним Розамунд Ричардсон. Восхитительная: Davrichewy. P. 228. Беседа автора с Кетеван Геловани: Сталин прятался в Кутаисе у отца сестер Сванидзе, учителя; Като и Алеша заворожены, очарованы Сталиным. Беседа автора с Мариам Сванидзе, Тбилиси, 2005 год. Сталин смеялся, неряшливо одет: ГДМС 1955–146.51–56, Г. Елисабедашвили. Женился, хорошая девчушка, какая у нее может быть семейная жизнь: ГФ ИМЛ 8.2.1.9, Анна Никитина-Геладзе.

8. Попытка застрелить полицейского: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе.

Глава 18. Пират и отец

1. “Цесаревич Георгий”: *История Абхазии* / под ред. С. Лакобы и др. Гудаута, 1993. С. 219. Лакоба С. *Боевики Абхазии в революции 1905–1907 гг.* Сухуми, 1984. С. 65–68. Лакоба С. *Легендарное начало века* // Советская Абхазия. № 145. 1982. 28 июля. Я благодарю С. З. Лакобу за доступ к своим интервью с Т. Капбой-Аршбой и Камшишем Гварамией. Легенда о Сталине, который вел лошадей, навьюченных добычей: Искандер Ф. *Сандро из Чегема.* М., 2010. Пиратство Давришеви: с. 236. Тифлисский листок. 22 и 24 сент. 1906; Кавказ. 24 сент. 1906; Кавказская жизнь. 29 сент. и 6 окт. 1906; Черноморский вестник. 22 и 23 сент. 1906. Мулы в Чиатурах: воспоминания о. Гачечиладзе; Сталин на лошади: см. о параде Победы 1945 г., Montefiore. Стрельба: воспоминания М. Монаселидзе и И. Давришеви. Ограбление “Николая I”: см. главы о Баку. Проделка Кобы: Арсенидзе. С. 220. Сталин был замешан в ограблении: Ражден Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, серия 279, д. 4–5. Бакинская / Тифлисская конференция: ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани. Уратадзе. С. 66–69.

2. Приключения Камо: Имнаишвили. *Камо.* С. 47–51. Russian Review. Vol. 19. №. 3. July 1960. P. 227–247. Williams. P. 75, 185. Kun. P. 75. Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 8 5 –95, 167. Красин. *Большевистская партийная техника.* С. 813. Николаевский Б. *Большевисткий центр* // Родина. 1992. № 2, 5: № 2. С. 13–36. Красин и Богданов: Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 200, д. ID XVII n4a, XVII m 1. Цинцадзе о захвате поезда в Чиатуре, 21 000 рублей: Souvarine. *Staline.* P. 100. Арсенидзе. С. 232. Бомбы и Красин: Williams.

P. 6 1 –63, 112. Радзинский. *Сталин.* С. 76. Baikaloff. *I Knew Stalin.* P. 20–21. Литвинов покупает оружие: см.: Исторический архив. 1960, № 4. С. 95–110. Phillips H. D. *Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov.* Boulder, Colorado, 1992. P. 9 –11. *From Bolshevik to British Subject – the Early Years of M. Litvinov* // Slavic Review 48. № 3, Fall 1989. P. 388–98. Камо в Париже: Крупская, см. также: Троцкий. *Сталин.* 1:232. Бибинейшвили. С. 116–130. Медведева-Тер-Петросян С. *Товарищ Камо.* РГАСПИ 332.1.53: 15 (2) О2. 23 (10), 1905–1910, комитет ЦК по расследованию тифлисской экспроприации: руководители за границей – Ян Тышка, А. Орнатский (Чичерин), в Тифлисе – Тигранов, Андреевский, Надеждин; допросы Вознесенского (20 сент. 1907, 10 июня 1908), товарища Кобы (Сталина) в Баку, 19 марта 1908. ГДМС 87.1955–368.11–13, Александра Сванидзе-

Монаселидзе (Сашико). Еще один “инсайдер”: ГФ ИМЛ 8.2.1.54.214–215, Котэ Чарквиани. ГФ ИМЛ 8.2.1.22, Г. Касрадзе, цит. в: Островский. С. 259–267. Тифлисский комитет, в т. ч. Сталин и Филипп Махарадзе, дает добро на ограбление: Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, серия 279, д. 4–5. О Гиго Касрадзе: ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили.

3. Арест Като: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955– 368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Уведомление из московской полиции: ГИАГ 153.1.3440. Бакинский рабочий, 25 апр. 1931, 21 апр. 1936. Ограбление в ноябре 1906-го: Котэ Цинцадзе, цит. в: Souvarine. *Staline.* P. 9 9 –100. Baikaloff. *I Knew Stalin.* P. 20–21. Арсенидзе. С. 232. Кутаис: Цинцадзе. С. 41–49. Дубинский-Мухадзе. *Камо.* С. 61–80. Кутаис, Камо, девушки: ГФ ИМЛ 8.2.2.64, Александра Дарахвелидзе-Маргвелашвили. Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 115.

4. Берлин: Smith. P. 1 9 4–196, Крупска я о Берлине. В. И. Ленин. *Полное собрание сочинений* (далее – псс). М., 1958–1965. 15:571. Сталин о Берлине: Djilas M. *Conversations with Stalin.* N. Y., 1962. P. 7 9 (Джилас М. *Беседы со Сталиным.* Франкфурт, 1970, http://krotov.info/lib_sec/05_d/zhil/as_04.htm). Сталин о Берлине: Churchill W. S. *Second World War.* L., 1951. 6:601. Сталин. *Сочинения*. 2:408–409. РГАСПИ 71.0.406, 558.4.583. Kun. P. 85–87. Островский. С. 256–259. Barbusse H. *Stalin: A New World through One Man.* 1935. P. 5 3. Сталин. *Сочинения*. 13:122 (беседа с Э. Людвигом). Ворошилов. *Рассказы о жизни.* 1:336. *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника:* в 12 т. М., 1970–1982. 2:223.

Глава 19. Сталин в Лондоне

1. Напряженная атмосфера на съезде; как животные: РГАСПИ 337.1.44, анонимный делегат. Уход за Цхакаей: РГАСПИ 157.1.18. ГФ ИМЛ 8.2.1.12.176–183, Сеид Девдориани. Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 195.16с, д. 1 – о жалованье агентам (1500 рублей), Житомирском и др. Rothstein A. *Lenin in Britain.* L., 1970. P. 2 1 –29. Муравьева И., Сиволап-Кафтанова И. *Ленин в Лондоне: Памятные места.* М., 1981. С. 165–168. Майский И. *Путешествие в прошлое* (далее – Майский). М., 1960. С. 46, 60–61. Волкогонов. *Троцкий.* 1:93. Williams. P. 82–83. Service. *Stalin.* P. 6 7, 78–79. Service. *Lenin.* P. 170, 181–82. Конгресс, Троцкий – красивая ненужность, о числе делегатов: Сталин. *Сочинения*. 2:46–77 (“Лондонский съезд российской социал-демократической рабочей партии (записки делегата)”). Сочувствие к евреям: Сталин. *Сочинения*. 1:22. И. В. Сталин о Ленине, цит. в: Smith. P. 188. Радзинский. *Сталин.* С. 70–72. Smith. P. 183–84. Троцкий. *Моя жизнь.* С. 202–204. Акопян. *Степан Шаумян.* С. 44. Максим Горький. *Дни с Лениным.* Лондон, [б. д.]. С. 5–7. Сталин и Черчилль 15–16 авг. 1942: Громыко. *Памятное.* 1:81. Fishman W. J. *Streets of East End.* L., 1979. P. 7 6 –114. Palmer A. *The East End: Centuries of London Life.* L., 1982. P. 111. Lansbury G. *My Life.* L., 1928. P. 246. J. Carswell. *The Exile: The Life of Ivy Litvinov.* L., 1980. P. 6 3 –70. Medvedev R. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* L., 1971. P. 309 (Медведев Р. А., Медведев Ж. А. *К с уду истории: О Сталине и сталинизме.* М., 2011. С. 577). Fishman W. J. *East End Jewish Radicals.* L., 1975. P. 264. См. также: *London Landmarks: A Concise Guide with Maps and Places Where Marx, Engels and Lenin Lived and Worked.* L., 1963. *Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы, апрель – май 1907 г.* М., 1963. С. 121, 241, 349, 350. Ворошилов. *Рассказы о жизни.* 1:336. Цхакая болен, Иванович подписывает договор о ссуде: Дубинский-Мухадзе. *Михаил Цхакая.* С. 111–112. *Друг Ильича – Михо //* Литературная Грузия. 1965. № 1. С. 15–20. Тауэр-хаус: Observer. 24 Oct. 2004; Муссолини: Evening Standard. 14 Oct. 2004. Бэкон: Daily Express. 5 Jan. 1950. Съезд: Daily Mail. 10, 11, 13, 20, 21 May 1907; The Times.13, 17 May 1907; Daily Mirror. 22 May 1907 и 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18 May 1907; Daily Express. 10 May 1907. “Кто это?” – спросил Сталин Шаумяна: Delbars Y. *The Real Stalin.* L., 1953. P. 5 3 –55. Выражаю особую благодарность доктору Джону Кэллоу, директору Мемориальной библиотеки Маркса в Лондоне, эксперту по истории V Съезда, который дал мне важные указания и поделился собственными воспоминаниями о бытовании

городских легенд “Сталин в Уэльсе” и “Сталин в Ливерпуле”: они обсуждались в 1980-х в “Морнинг стар” и ливерпульском издательстве Profile Books. 2. Париж: ГФ ИМЛ 8.2.1.56, Г. И. Чохия. Время и даты поездок: Островский. С. 255–259.

Глава 20. Камо сходит с ума. Игра в казаки-разбойники

1. Тифлисская экспроприация: см. примечания к прологу. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.50.239–255, Джаваира Хутулашвили. Убийство Чавчавадзе: Орджоникидзе; см. В. М. Гургенидзе, цит. в: Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 92–96. Столыпин: WILLIAMS. P. 85. Service. *Stalin.* P. 69. Арсенидзе, интервью № 1–3, 103–104, Николаевский, ящ. 667, серия 279, д. 4–5. ЦИНЦАДЗЕ. С. 40–49. ЧАРКВИАНИ. *Воспоминания.* 13 часов от Тифлиса до Баку: Baedeker. P. 471. Крупская. С. 143–144, 174–175. Радзинский. *Александр II.* С. 255–258, о Бакунине. Взятка Зубову: Островский. С. 545–547. Фанни: Futrell. P. 60.

2. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1-26, Бачуа Куприашвили. Камо: БИБИНЕЙШВИЛИ. С. 94–110. Имнаишвили. *Камо.* С. 47–51. Дубинский-Мухадзе. *Камо.* С. 12–86. Russian Review. Vol. 19. № 3. July 1960. P. 227–247. Williams. P. 74, 104, 114-23, 185. Kun. P. 75. Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 38, 85–92, 116-18, 167, 190, 201 (Гейфман А. Революционный террор в России. С. 233). КРАСИН. *Большевистская партийная техника.* С. 813. Николаевский, “Большевистский центр”. Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 200, д. ID XVII n4a, XVII m 1. Цинцадзе о захвате поезда в Чиатурах, 21000 рублей: SOUVARINE. *Staline.* P. 100. Арсенидзе. С. 232. Бомбы и Красин: Williams. P. 61–63, 112. Радзинский. *Сталин.* С. 76. BAIKALOFF. *I Knew Stalin.* P. 20–21. Литвинов покупает оружие: см.: Исторический архив. 1960. № 4. С. 95–110. PHILLIPS. *Between the Revolution and the West.* P. 9–11. *From Bolshevik to British Subject.* P. 388–398. Камо в Париже: Крупская, см. также: Троцкий. *Сталин.* 1:232. Бибинейшвили. С. 116–130. Медведева-Тер-Петросян. *Товарищ Камо.* РГАСПИ 332.1.53: комитет ЦК по расследованию тифлисской экспроприации. Стэнфорд, парижские архивы охранки, 209 XXb, д. *г;* 209 XXb д. 1; д. XVII L д. 2, XX.328, XXb, XXVII C, XXVc д. 1, XXVIIc д. I, XXVIIc – о Валлахе и Камо, сведения главы французской секретной службы (в т. ч. о том, что в ограблении якобы участвовало 63 человека). Агент охранки сообщает, что тифлисскую экспроприацию провели эсеры, а деньги похитил Камо: Гурули В. *Материалы к биографии Сталина.* С. 9–11; агенты Тифлисского охранного отделения “Н” и “Большая”, 15 и 2 июля 1907. ГИАГ 95.1.82.15, 21, 23. CARSWELL. *The Exile.* P. “Лионский кредит”: ОСТРОВСКИЙ. С. 499–500. Ленин против Богданова: Service. *Lenin.* P. 98.

3. Chavichvili. *Révolutionnaires russes à Genève.* P. 74–91. РГАСПИ 332.1.53: комитет ЦК по расследованию тифлисской экспроприации. Исключен: Арсенидзе. С. 232. Ю. Мартов об исключении Сталина: Вперед. 31 марта 1918. МАРТОВ Л. *Спасители или упразднители? Кто и как разрушал РСДРП?* Париж, 1911. С. 23. Дело Мартова: Service. *Stalin.* P. 164. Революционный трибунал: 5 апр. 1918 – РГАСПИ 558.2.42, цит. в: KUN. P. 79–84; то, что нужно Ленину, Ленин не воспринял исключение всерьез: p. 127. Правда, 1 апр. 1918. Троцкий. *Сталин.* 1:226–228. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1-26, Бачуа Куприашвили.

Глава 21. Трагедия Като. Каменное сердце Сталина

1. Дом Сталина: *Alliluyev Memoirs.* P. 5 2 –54, 137 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Надя падает в море: Там же. P. 110; впрочем, Анна пишет, что Надю спас их брат. Дом: ГДМС 1955–146.51–56, Г. Елисабедашвили. РГАСПИ 558.4.663, Сергей Аллилуев. Уютно: Сергей Аллилуев, цит. в: Marcou L. *Staline: Vie privée.* P., 1996. (далее – Marcou). P. 5 3. Kun. P. 38. Тифлис – болото: Сталин. *Сочинения*. 2:188, 8:173–175. Service. *Stalin.* P. 7 0. Suny. *A Journeyman for the Revolution.* P. 373–394. Женщины Спандаряна: Вулих, цит. в: Kun. P. 129–130. Tucker. P. 105. К началу революции: Сталин. *Сочинения*. 2:41–45. Ротшильды: Smith. P. 399. Продажные полицейские: РГАСПИ 124.1.2035, М. Фрумкин. Боевые отряды, арсенал, захваты кораблей, Вышинский: ГДМС 49, И. Боков. РГАСПИ 558.4.583, И. Боков. ГФ ИМЛ 8.2.1.19. С. Кавтарадзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Островский. С. 259–267. Подстрекание к забастовкам: Серго Орджоникидзе и др. в: *Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков* / под ред. А. Рохлина. Баку, 1924–1925. ГФ ИМЛ 8.2.1.35, И. П. Надирадзе. Проблемы Шаумяна, татары на митингах, сталинский рэкет, убийство осведомителей, разврат Спандаряна, Сталин – заправила, бандитизм: Татьяна Вулих – Борису Николаевскому, Николаевский, ящ. 207, д. 207–209. Персия: РГАСПИ 558.4.583, Мир Башир Касумов. Отношения Сталина с бакинскими мусульманами: Эфендиев С. *Из истории революционного движения тюркского пролетариата // Из прошлого. Статьи и воспоминания по истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку.* Баку, 1923. С. 53.

2. Баку – слишком персидский город, история Нобелей, Ротшильды, зарплаты, история магната Манташева и др.: Tolf. *Russian Rockefellers.* P. 8 7 –100, 139–141, 151–158, 182. *Alliluyev Memoirs.* P. 5 2 –55, 84–86 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Отдавать большевикам: Красин в кн.: Williams. P. 59. Тифлис – болото, Баку – центр: Сталин. *Сочинения*. 2:188; второе боевое крещение: Сталин. *Сочинения*. 8:174–175. Suny. *A Journeyman for the Revolution.* P. 373–394. Убийства и т. д.: Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 414. Дымный и мрачный: Троцкий. *Сталин.* 1:145. Essad Bey. P. 123–137. Микоян А. *Так было.* С. 347–348. Шаумян, грязь Баку: Mikoyan. *The Memoirs of Anastas Mikoyan. Vol. 1: The Path of Struggle.* Madison.

3. Connecticut, 1988 P. 7 2 –74. Калейдоскоп: Сталин,

Сочинения. 2:364. Баку не унимается: Сталин. *Сочинения*. 2:137. Нефтяное царство: Сталин. *Сочинения*. 2:136. Баку, убийцы, забастовки: Сталин. *Сочинения*. 2:81–86. Reiss. *The Orientalist.* P. 9 – 15, в т. ч. цитата о Додж-Сити, общение Сталина с матерью и Красиным. Essad Bey: моя мать обеспечивала типографию Сталина своими бриллиантами: P. 2 1; город как Дикий Запад: P. 3 2. Самое опасное место, неустойчивое, физическое насилие, изнасилования, доисторическое общество, Горький, продолжительность жизни, распотрошенные собаки: Baberowski. *Der Feind.* S. 62–67. Маузеристы: Dastakian N. *Il venait de la Ville Noire: souvenirs d'un Arménien du Caucase.* P., 1998. Сталин "нефть знал отлично": Мгеладзе. С. 29. Истории о нефтяных баронах Баку, Нобелях, дворцах: статьи Фуада Ахундова *Legacy of the Oil Barons* ("Наследие нефтяных баронов"), ч. 1–4 // Azerbaijan International Magazine. 1994. Alakbarov F. *Baku's Old City: Memories of How It Used to Be* // Azerbaijan International Magazine. Autumn 2002. См. также классическую книгу Манафа Сулейманова "Дни минувшие" ("Eskitdiklarim, Okhuduglarim, Gorduklarim").

4. Берлин, август 1907-го: РГАСПИ 558.1.5095. Kun. P. 85–87, 341. Churchill. *Second World War.* 6:601. Сталин. *Сочинения*. 2:48; 13:122, 388. Djilas. *Conversations with Stalin.* P. 7 9 (Джилас. *Беседы со Сталиным.* С. 76). Smith. P. 194–96.

5. Спандарян-ловелас, судьба жены большевика: письмо Ольги Спандарян Шаумяну в: *Сурен Спандарян в сибирской ссылке* // Вестник архивов Армении. 1966. № 1. Геморрагический колит: ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Сыпной тиф: беседа автора с двоюродной сестрой Като – 109-летней Мариам Сванидзе, Тбилиси, 2005. ГДМС 1955–146.51–56, Г. Елисабедашвили. Уход за Като: интервью автора с родственницей Като Кетеван Геловани, Тбилиси, 2005. Волкогонов. *Сталин.* 1:35. Туберкулез и воспаление легких, Сталин закрыл Като глаза: Левон Шаумян, цит. в: Kun. P. 342. Священник: Delbars. *The Real Stalin.* P. 52–53.

Глава 22. Хозяин Черного города. Богачи, рэкет и пиратство

1. ГДМС 1955–146.51–56, Г. Елисабедашвили. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). Гори: Davrichewy. P. 3 5. Iremashvili. P. 30–40. Сталин бросился в могилу: беседа автора с Кетеван Геловани. Объявление о смерти: РГАСПИ 558.4.97. Как он любил ее, было тяжело, оружие, многого не ценим: РГАСПИ 558.4.647, Пелагея Онуфриева. Kun. P. 117, 341; фарс на похоронах. С. 342.

2. *Alliluyev Memoirs.* P. 5 2 –54, 137, 110 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Дом: ГДМС 1955–146.51–56, Г. Елисабедашвили. РГАСПИ 558.4.663, Сергей Аллилуев. Marcou. P. 53. Kun. P. 38. Сталин. *Сочинения*. 2:41–45, 188; 8:174–75. Suny. *A Journeyman for the Revolution.* P. 373–394. Вулих в кн.: Kun. P. 129–130. Tucker. P. 105. Smith. P. 214, 399. РГАСПИ 124.1.2035, М. Фрумкин. Вышинский: ГДМС 49, И. Боков. Островский. С. 259–267. РГАСПИ 558.4.583, И. Боков. ГФ ИМЛ 8.2.1.19. С. Кавтарадзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Серго Орджоникидзе в кн.: *Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков* / под ред. А. Рохлина. Баку, 1924–1925. ГФ ИМЛ 8.2.1.35, И. П. Надирадзе. Шаумян: Микоян А. *Так было.* С. 347–348. Шаумян, грязь Баку: Mikoyan. *Memoirs* P. 7 2 –74. Татьяна Вулих – Борису Николаевскому, Николаевский, ящ. 207, д. 207–209. *Сурен Спандарян в сибирской ссылке.* Персия: РГАСПИ 558.4.583, Мир Башир Касумов. Енукидзе А. Из прошлого нашей партии. С. 18; Эфендиев в кн. Из прошлого. С. 14–53. О связях с мусульманами, Нариманом Нариманов и Мамедом Эмином Расулзаде: см. Rasulzade R. *Rasulzade: Founding Father of the First Republic //* Azerbaijan International Magazine. 1999. Расулзаде сделал блестящую карьеру, основал азербайджанскую социал-демократическую организацию (которая укрывала беглого Сталина), а затем – партию “Мусават”; впоследствии он участвовал в создании независимого Азербайджана (существовавшего с 1918 по 1921 год). Сталин вытащил его из тюрьмы и позвал в Москву, а затем позволил уехать в эмиграцию (где Гитлер предлагал ему пост главы поддерживаемого Германией Кавказа).

3. Сталин в Швейцарии: Островский. С. 265. Плеханов и его дочь в Швейцарии: ГФ ИМЛ 8.2.1.3.291–310, Нико Ахметели.

Глава 23. Тюремные развлечения: гонки вшей, убийства, доведение до безумия

1. Облавы в Баку, арест: боевые отряды и арсенал, захват кораблей, Вышинский, электризующее воздействие, слишком большой конспиратор, убийства оппонентов, планы по освобождению Сталина из тюрьмы: ГФ ИМЛ 8.2.1.6.183–203, Иван Боков. И. Боков цит. в: Островский. С. 259–267. Вышинский о захвате "Николая I": Serge V. *Portraite de Staline.* P., 1940. P. 2 9. Вышинский, семья в Одессе и Баку, 1905–1907, Баиловка, 1917–1918: Vaksberg A. *Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky.* N. Y., 1990. P. 1 3 –27 (Ваксберг А. *Царица доказательств. Вышинский и его жертвы.* М., 1992). ГФ ИМЛ 8.2.1.19. С. Кавтарадзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. РГАСПИ 558.4.523, 627. РГАСПИ 4.84. РГАСПИ 4.107. Верещак. *Сталин в тюрьме*. Sagirashvili. P. 182–183. Service. *Stalin.* P. 7 8 –79. Marcou. P. 55–57. Псевдоним Коба Като: Сталин. *Сочинения*. 2:114–127. Девушка в Баку: БКМИХА 24 (80).114, Алваси Талаквадзе. Енукидзе. Из прошлого нашей партии. С. 18. Ворошилов: РГАСПИ 74.2.130, 240. Людмила Сталь, Татьяна Словатинская: Чуев Ф. *Так говорил Каганович.* М., 2002. С. 160–162. Даушвили А. *Повесть о Сосо Джугашвили.* Тб., 2000. С. 239, 252. Сталь и Крупская в Париже, 1911: Крупская. С. 184–185. Майский. С. 51. Marcou. P. 66; биография Людмилы Сталь: *Истоки подвига* // Урал. 1979. № 3. Попойки-"уклонения" Сталина и Спандаряна: ГФ ИМЛ 8.2.1.42, А. Д. Сакварелидзе. Сентименты, заживо кожу сдирал: ГФ ИМЛ

8.2.1.27.202–210, Ивлиане Кукулава. Деньги от Манчо, Ротшильдов, Ландау, нефтяных компаний: РГАСПИ 124.1.325; РГАСПИ 71.15.213; РГАСПИ 558.4.659, Сергей Аллилуев. Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 81–83. Лучшее исследование связей Сталина с крупными промышленниками: Островский. С. 473–475, 587–589, 593–594. Reiss. *The Orientalist.* P. 9 –21, 32. Благодарю князя Карела Шварценберга за историю о докторе Феликсе Сомари; уже в преклонном возрасте Сомари сам рассказал ее. Чеченцы избили Сталина: благодарю за рассказ об этом профессора Йорга Баберовски. Похищение Мусы Нагиева: Alakbarov F. *Baku's Old City: Memories of How It Used to Be.* Мухтаров и Сталин, истории о нефтяных баронах Баку, Нобели, дворцы и т. д.: см.: Akhundov. *Legacy of the Oil Barons.* Parts 1–4. Воспоминания Манафа Сулейманова "Дни минувшие": см. http://www.ksam.org/index.php?mtype=news1&mid=509. О Нагиеве см. также рассказ его внучки Диляр-ханым, десятиминутные беседы

Сталина (echo-az.com/archive/2004_09/911/kultura02.shtml).

2. Баиловская тюрьма: ГФ ИМЛ 8.2.1.35.35–49, Илья Надирадзе – подмена, посещение Кеке, план с ножовкой. Верещак. *Сталин в тюрьме. Essad Bey*. P. 141–42. Smith. P. 214–20. Service. *Stalin*. P. 7 9 –81. Троцкий. *Сталин*. 1:252–253. Приговор: Островский. С. 281; письмо Вышинского. С. 285. Вышинский, семья в Одессе и Баку, 1905–1907, Баиловка, 1917–1918: Vaksberg. *Stalin's Prosecutor*. P. 1 3 –27. Этап, Бутырская тюрьма, больница в Вятке и т. д.: РГАСПИ 558.4.629, 71.10.276. Скачки вшей, безумие, драки, нарды, Серго дерется с эсерами: ГФ ИМЛ 8.2.1.42, А. Д. Сакварелидзе. Планы по освобождению Сталина из тюрьмы: ГФ ИМЛ 8.2.1.6.183–203, Иван Боков. "Но-о, Бочка", побеги, истории о Буду и Сталине: беседа автора с Изольдой Мдивани (вдовой сына Буду Вахтанга) и членами семьи Мдивани, Тбилиси, 2006. Политика – грязное дело: беседа автора с Юрием Ждановым. Грязная работа во имя революции: Берия. С. 35.

Глава 24. Береговой Петушок и дворянка

1. Сольвычегодск: ГАВО 108.1.5058.1–29. РГАСПИ 157.916, Степан Шаумян – М. Цхакае. РГАСПИ 558.4.647 – среди прочего в этом деле воспоминания Татьяны Суховой, Ф. И. Блинова, сотрудника Вологодской пересыльной тюрьмы; Степана Белякова, почтальона-тюремщика; Александры Добронравовой (танцы), А. Дубровиной (расправа с Мустафой); М. Крапиной – о пении, Береговом Петушке, побеге; библиотеке священника. О Суховой и Петровской: ГАВО 108.2.3992, ГАВО 108.1.2372. Сталин – Суховой: РГАСПИ 558.1.4372. О Петровской – канцелярия губернатора Баку, дело И. Джугашвили, в т. ч. бакинский допрос С. Петровской и Сталина:

РГАСПИ 558.1.635.1–95. Сведения из местных вологодских архивов, расписание поездов и т. д.: Островский. С. 290–292. Service. *Stalin.* P. 7 0. Smith. P. 222–232. Побеги: Daly. *Watchful State.* P. 7 2. Сергей Аллилуев в “Правде”, 22 дек. 1939. Троцкий, цит. в: Kun. P. 96–97. Никонов В. *Молотов. Молодость.* М., 2005. С. 75–90. Помощь грузинского незнакомца: Чарквиани. *Воспоминания.* Сталин – Малакии Торошелидзе: Дубинский-Мухадзе. *Шаумян.* С. 156. Кризис у большевиков: Tucker. P. 147–150. Service. *Lenin.* P. 195–198. Ленин о порнографии, цит в.: Lauchlan. Russian *Hide-and-Seek.* P. 245. Сталин и женщины: сто сорок бесед. С. 252. Шелковые платки, цветок, Т. Сухова: РГАСПИ 558.4.647. Из-за поврежденной руки не может танцевать, держать женщину за талию: Монтефиоре. С. 308. Kun. P. 216 – беседа с Кирой Аллилуевой, слова ее матери Жени. Беседы автора с Кирой Аллилуевой, Москва. Нога: Service. P. 571.

2. Аллилуев С. *Встречи с товарищем Сталиным: отрывки из воспоминаний //* Правда. 22 дек. 1939. Стасова Е. Д. *Страницы жизни и борьбы.* М., 1957. С. 49. РГАСПИ 558.2.564, 565, К. Савченко. РГАСПИ 161.1.20. Донесения о Молочном: ГАРФ 102.00.1909.5–3-А. Адрес Молочного: РГАСПИ 558.1.4516, Сталин – Цхакае.

Глава 25. Молочный: был ли Сталин агентом охранки?

1. Занятия Сталина, донесения агента охранки Фикуса: ГАРФ 102.00.1909.5– 5-А. Смерть Бесо: РГАСПИ 71.1.275. Смерть и похороны Бесо: ГФ ИМЛ 8.14.160.1–8. Финансовые обстоятельства: Левидова С. М., Салита Е. Г. Е. Д. *Стасова: биографический очерк.* Л., 1969. С. 173. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили, о захвате почтового судна. Сталин. *Сочинения*. 2:148–158. РГАСПИ 558.1.26. РГАСПИ 558.1.4516. Service. *Lenin.* P. 195–98.

2. Williams. P. 154–55. РГАСПИ 558.1.4516, Coco Сталин – Цхакае. Service. *Lenin.* P. 195–198. Tucker. P. 147–149. Suny. *A Journeyman for the Revolution.* P. 373–394. *Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков.* С. 81–83. Островский. С. 473–475, 587–589, 593–594. Подсказка от жандарма Сталину и Мдивани (Бочке): Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 7. Охота на ведьм: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 7–8. Дело А. Прусакова и Е. Козловской, а также Леонтьева: РГАСПИ 558.4.649, А. Хумарян. Дело Леонтьева: Заря Востока. 28 апр. 1928. С. Якубов. Агент охранки: ГАРФ 102.00.1909.5–3-А. Угроза ареста Сталина, Серго: *Воспоминания о П. А. Джапаридзе.* С. 61. Сталин пишет в редакцию “Бакинского пролетария” о провокациях: РГАСПИ 558.1.26. Визит Черномазова, обвинение Коберидзе: Островский. С. 304–306. Сталин и Кузьма обвиняют друг друга: Каптелов, Перегудова. *Был ли Сталин агентом охранки?* С. 68. Назначение Русского бюро: Пролетарская революция. 1922, № 5. С. 231–232. И. П. Вацек: 71.15.213. Шаумян: Микоян. *Так было.* С. 347–348. Mikoyan. *Memoirs.* P. 7 2 –74. Уратадзе. С. 67. Арсенидзе. С. 72, 224. Вакар. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании*. Ольга Шатуновская: РГАСПИ 558.4.671. Вулих – Николаевскому, Николаевский, ящ. 207, д. 207–209. Как вербовала охранка: *Alliluyev Memoirs.* P. 4 3 –45. Агенты среди большевиков, охранка намеренно сеет подозрения: Daly. *Watchful State.* P. 9 5, 106, 117; Ленин о том, что убивать осведомителей – долг честного человека. С. 37. Стефания Петровская – К. Стефин: Сталин. *Сочинения*. 2:174–196. Сталин обвиняет Черномазова – свидетельство: ГФ ИМЛ 8.2.1.15.266–272, Наталья Дондарова (Азарян). Петровская: ГФ ИМЛ 8.5.212, рапорт полковника Леонтьева, 28 апр. 1914.

3. Царский агент: изложение основано, если не указано иное, на книге Островского. С. 431–462; о побегах из ссылки – с. 431–

439; о коррумпированной полиции – с. 515, 545–547; донесение Фикуса о данных, собранных Сталиным, – с. 578; о 800-рублевой взятке от Свердлова – с. 595. Пять побегов Сталина: Чарквиани. *Воспоминания.* РГАСПИ 671.1.287, квитанции денежных переводов в Туруханск, 1913–1915. Орджоникидзе и Зайцев: РГАСПИ 558.4.258. *Воспоминания* о П. А. Джапаридзе С. 61–62. ГАРФ 110.19.119. Сталин встречается с сотрудником полиции на улице, намеки жандарма: ГДМС 167, Г. Варшамян; ГАРФ 102.00.5–61-А. Medvedev. *Let History Judge.* P. 314–324. Service. *Stalin.* P. 7 4. Письмо Еремина: Lee. *Eremin Letter.* Текст письма – в кн.: Smith. P. 306. Записка генерала Ивана Серова Первому секретарю ЦК КПС. Н. С. Хрущеву и Политбюро: РГАСПИ 558.11.1288, 4 июня 1956. Вулих – Николаевскому, Николаевский, ящ. 207, д. 207–209. Уратадзе. С. 67. Арсенидзе. С. 72, 224. Вакар. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании*. Ольга Шатуновская: РГАСПИ 558.4.671. Работы Шаумяна, откупился от ареста, ротмистр Зайцев: Акопян. *Степан Шаумян.* С. 64–76. Начальник тюрьмы Вачиев, 150 рублей за освобождение заключенного: “Из прошлого нашей партии”. С. 146–147. Каптелов, Перегудова. *Был ли Сталин агентом охранки?* С. 68. Артем Гио. *Жизнь подпольника.* Л., 1925. С. 67–73. Славин Б. *Сталин и охранка.* С. 78–81, в т. ч. сообщение Мартынова о пражском съезде, 1912 г. и встрече Сталина с агентом Портным (Малиновским), плане навестить Ленина, работе в “Правде”. Подробно о наблюдении охранки, 1908–1913: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 4–31. Предательство хуже укуса смерти: ГФ ИМЛ 8.6.312, Д. Чхеидзе (Турдоспирели). Сталин сам редактирует свою биографию в “Кратком курсе”, в т. ч. исправляет количество арестов: *И. В. Сталин сам о себе: редакционная правка собственной биографии* // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

Глава 26. Две брошенных невесты и беременная крестьянка

1. Канцелярия губернатора Баку, дело И. Джугашвили, в т. ч. бакинский допрос С. Петровской и Сталина: РГАСПИ 558.1.628, 635.1–95, РГАСПИ 558.11.1290, 558.4.130 и 208. Арест Сталина и Петровской: ГИА АР 46.3.90.430, 46.1.324.165, 46.3.22.52, 46.3.348.10; Шаумян, Сталин и Петровская: 1.1.479.12, 46.3.348.6, 7, 8, 156.1.51.66; изгнание с Кавказа: 498.1.666.8–10, 46.3.495.103a, 498.1.176.73–74, 498.1.175.38, 498.1.176.75–77, 81.1.27, 498.1.550.156. Больница: ГФ ИМЛ 8.5.208, Е. Есаян. Мартынов: ГАРФ 102.00.1910.5–6-В. Петровская: ГФ ИМЛ 8.5.212, рапорт полковника Леонтьева, 28 апр. 1914. О судьбе Стефании: Илизаров. С. 288; Генрих Ягода. *Нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности.* Казань, 1997. С. 197.

2. РГАСПИ 558.4.628, воспоминания разных лиц. Воспоминания Марии Кузаковой и других, в т. ч. Крюковой: РГАСПИ 558.4.647. Письма, связь с заграницей, 31 дек. 1910, янв. 1911: Сталин. *Сочинения*. 2:209–12. Заря Востока. 23 дек. 1925. Иванян: РГАСПИ 558.4.36. Малышев С. В. *Моя работа в "Правде"* // Большевистская печать. 1937. № 4. С. 22. Уехал в Петербург?: Kun. P. 109. Серафима Хорошенина, воспоминания Кузаковой, местных жителей: ГАВО 108.1.4670 и 5058, 108.2.235; ГАВО 18.2.4988, ПАВО 108.1.4670 3837.5.27, 3837.5.2, 859.10.43. Благодарю за содействие директоров двух вологодских архивов. Островский. С. 321–328; о "браке" Сталина с Хорошениной – основано на разысканиях Островского в партийном архиве Вологодской области (ПАВО 859.10.21.1–2). Сухотин Ю. *Бастарды красного вождя* // Час пик. № 189. 21 окт. 1995. ГАРФ 102.00.1910.5. Книги, полицейские, веселый, пел, смеялся, книги по истории и романы, рассказы о тюрьме: РГАСПИ 558.4.540, Иван Голубев. Встречи с вождем: рассказы крестьян с. Курейки о тов. Сталине. С. 32–26. Никонов. *Молотов. Молодость.* С. 75–90. Сексуальный скандал, от скуки: встреча британского посла сэра Дэвида Келли со Сталиным, 28 июня 1949, зашифрованный протокол, № 648; благодарю Лоренса Келли, PRO 77618. Арам Иванян: Kun. P. 110–19; РГАСПИ 558.4.36; Берия. С. 175. Ленин разозлен: Дубинский-Мухадзе. *Орджоникидзе.* С. 75–76. Сажал сосны: Мгеладзе. С. 54–55. Chazan G. *East-West Alloy Reviving Stalin's Belch* // Wall Street Journal. 9 June 2004; благодарю Га я Шазана за эту историю. Лордкипанидзе: Чарквиани. *Воспоминания.*

Глава 27. Центральный комитет и школьница Нарядная

1. Вологда: РГАСПИ 71.10.276. РГАСПИ 71.10.647. РГАСПИ 558.1.4333. ГАРФ 111.1.1110а. РГАСПИ 558.1.30. РГАСПИ 558.1.5377. РГАСПИ 558.1.647, П. Г. Фомина-Онуфриева. См. также: Известия ЦК. 1989. № 10.

С. 190. РГАСПИ 55.4.647, Софья Крюкова. Жизнь Онуфриевой: Kun. P. 113–118. ГАРФ 102.00.1911.5–83, 102.7д.1911.2093. ГАВО 108.1.5058. Островский. С. 331. Красный архив. 1937. № 8. С. 165–197; 1941, № 2 (105). С. 19–20. Под наблюдением охранки в 1908–1913 годы: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 4–31. Сталин встречается с Серго в Петербурге: РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер. Аллилуев. *Встречи со Сталиным.* РГАСПИ 558.4.148, 166. Спандарян – Крупской о том, что Серго дал Кобе 50 рублей, сент. 1911: Шаумян С. *Избранные произведения.* М., 1957. 1:346–347. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 38–40 – о Тодрии и т. д. Троцкий. *Сталин.* 1:276. Parrish M. *Serov //* Slavic Military Studies. Sept. 1997. P. 127. Записка генерала Ивана Серова Первому секретарю Н. С. Хрущеву и Политбюро: РГАСПИ 558.11.1288, 4 июня 1956.

2. ГАРФ 7д.1911.2093 and 102.00.1912.5–14-В. РГАСПИ 558.4.166. О полиции, жандармах, охранке, движениях: Островский. С. 336–342. РГАСПИ 558.2.75, 76. Пять побегов, взятки – пять рублей, встреча со Спандаряном, строгая конспирация, письмо о Праге, встреча в Ростове, спрыгнул с поезда: РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер. РГАСПИ 558.2.75. РГАСПИ 17.4.647. Чуев Ф. *Молотов. Полудержавный властелин.* М., 1999. С. 297. Известия ЦК. 1989. № 10. С. 185. Коммунист. 1988. № 8–9. Славин. *Сталин и охранка.* С. 78–81. Код: Kun. P. 139. Прага: Орджоникидзе, цит. в: Kun. P. 129. Малиновский: Elwood R. C. *Roman Malinovsky: A Life without a Cause.* Newtonville, 1977. P. 1 5 –26, 31–33, 40–41, в т. ч. о внешнем виде, слова Ленина, истерика, отставка, расстрелян. С. 58–66. Крупская. С. 210–211, 222–223. Радзинский. *Сталин.* С. 103–105, в т. ч. слова Ленина и Малиновского. Красный архив. 1937, № 8. С. 165–197; 1941. № 2 (105). С. 19–20. Под наблюдением охранки в 1908–1913 годы: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 4–31.

Глава 28. “Не забудьте это имя и будьте очень осторожны!”

1. Кавтарадзе С. *Из воспоминаний о тов. Сталине.* Ворошиловград, 1936. С. 3–17. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782; письма Сталина Словатинской: РГАСПИ 558.1.5392. Трифонов Ю. *Отблеск костра* // Трифонов Ю. *Отблеск костра. Исчезновение.* М., 1988. С. 33–40. Знали об отношениях с Людмилой Сталь, Татьяной Словатинской: Чуев. *Так говорил Каганович.* С. 160–162. На санях: *Alliluyev Memoirs.* P. 138–141 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер.

2. Тифлис: РГАСПИ 558.4.534, М. Агаян. ГФ ИМЛ 8.2.1.34.317–354, Михаил Монаселидзе. ГДМС 87.1955–368.1–16, Александра Сванидзе-Монаселидзе (Сашико). РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер. ГАРФ 102.00.1912.5–7-б. ГАРФ 102.265.540. Эмексузян В. С. *Сурен Спандарян.* М., 1982. С. 26–29. Исторические записки. № 30. С. 80. Островский. С. 349. Поездки в Тифлис и Баку: РГАСПИ 558.4.665; ГФ ИМЛ GFI ML 8.2.1.42. Les Bolsheviks par eux-même / ed. par G. Haupt. P., 1969. P. 268–273.

3. Баку: Николаевский, ящ. 207, д. 207–15, письмо Б. Николаевского Т. Вулих, 8 авг. 1949. Ростов: РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер. Красный архив. 1941, № 2 (105). С. 26. Спрыгнул с поезда в Москве: Островский. С. 350–351.

4. “Звезда” и “Правда”: Никонов. *Молотов. Молодость.* С. 50–56; встречи Молотова со Сталиным. С. 113–115. РГАСПИ 161.1.20. Сталин. *Сочинения*. 2:225–226, 237–239, 5:130. *Alliluyev Memoirs.* P. 148–149 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Энциклопедический словарь “Гранат”. Т. 41. Кн. 2. С. 62–63. Арест: РГАСПИ 4.186. Стасова: РГАСПИ 71.10.407. Первое мая: Сталин. *Сочинения*. 2:219. Daly. *Watchful State.* P. 130–132. Троцкий. *Сталин.* 1:262–263; цит. из Сталина и Ленина, 1:263. Service. *Stalin.* P. 8 6 –87. Малиновский: Service. *Lenin*. P. 206. Ударил мальчика по лицу: Medvedev. *Let History Judge.* P. 337. РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер.

Глава 29. Беглец. Прыжок Камо и последнее ограбление

1. Нарым: РГАСПИ 558.4.186. РГАСПИ 558.4.647. ГАРФ 102.00.1912.5–57-б. Красный архив, 1941, № 2 (105). С. 26–27. РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер. Сталин и Свердлов в Колпашеве: Верещак. *Сталин в тюрьме.* Песикина Е. *В Нарыме* // Правда. 26 дек. 1939, в т. ч. слова Я. Алексеева. РГАСПИ 558.4.647, 558.4.190. Кружка Николаевского: Kun. P. 132–37. Чайник: Smith. P. 256. Воспоминания: И. В. Сталин в сибирской ссылке. С. 74–79. Service. *Stalin.* P. 8 8 –89. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 115. Свердлов – волосы, глаза, удивительная мягкость, Сталин и Свердлов вспоминают ссылку: *Alliluyev Memoirs.* P. 141 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Побег, громовой голос: *Сто сорок бесед.* С. 222. *Les Bolsheviks.* P. 7 6 –82. Побег: *Юрий Жданов, второй муж дочери "отца народов": Я знал Сталина с пятнадцати лет* // Комсомольская правда. 12 янв. 2007.

2. Петербург, "Правда", деньги, выборы: Кавтарадзе. *Из воспоминаний о тов. Сталине.* С. 3–17. Октябрь, 1942, № 11. С. 100–103. Сталин забрал кассу у Стасовой: Стасова. *Страницы жизни и борьбы.* С. 101. Бадаев А. *О Сталине* // Правда. 19 дек. 1939. Поездки в Тифлис и Баку: РГАСПИ 558.4.665. ГФ ИМЛ 8.2.1.42. РГАСПИ 558.4.647, Татьяна Сухова. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782. РГАСПИ 558.1.5392. Трифонов. *Отблеск костра.* С. 33–40. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 113–161. Доктор беглых наук: Левон Шаумян, цит. в: Kun. P. 109. РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер.

3. ГФ ИМЛ 8.2.1.624.1–26, Бачуа Куприашвили. Камо и ограбление: Shub. *Kamo: The Legendary Old Bolshevik of the Caucasus.* P. 227–247. Имнаишвили. *Камо.* С. 74–88. Медведева-Тер-Петросян. *Товарищ Камо.* Baynac. *Kamo: L'homme de main de Lénine.* P. 90–100. Психическая болезнь Камо: Geifman. *Thou Shalt Kill.* P. 167–170, 323; *Russia under the Last Tsar.* P. 1 –14. Kun. P. 75. Побег с помощью Котэ Цинцадзе, перестрелка на Коджорском шоссе: Souvarine. *Staline.* P. 101–103. Поездки в Тифлис и Баку: РГАСПИ 558.4.665. ГФ ИМЛ 8.2.1.42.

Глава 30. Разъезды с загадочной Валентиной

1. РГАСПИ 124.1.1782; РГАСПИ 558.1.5392. Трифонов. *Отблеск костра.* С. 33–40. Бадаев А. Е. *Большевики в государственной думе.* М., 1954. С. 35–40. Дело Малиновского // Речь. 17 июня 1917. ГАРФ 102.00.1912.5–58б. РГАСПИ 558.4.157 / 193. Владимир Ильич Ленин. Биографическа я хроника. 3:55. Выборы: Service. *Stalin.* P. 9 0. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 113–116. Статьи Сталина о выборах, в т. ч. о Троцком как чемпионе с фальшивыми мускулами: Сталин. *Сочинения*. 2:256–261, 271–284. РГАСПИ 161.1.20, В. Л. Швейцер.

2. Путь до Кракова, первая поездка: Шотман А. *Как из искры возгорелось пламя.* Л., 1935. С. 166–176. Smith. P. 263–266, 270–276, 300–303. Валентина Лобова: Kun. P. 145–150. Встречи с Калининым, Шотманом и др., разные варианты пути до Кракова: Островский. С. 364–366, 369–370. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782; РГАСПИ 558.1.5392. Трифонов. *Отблеск костра.* С. 35–40. *Сто сорок бесед.* С. 177–178. Бадаев. *Большевики в государственной думе.* С. 35–40. ГАРФ 102.00.1912.5–58б. РГАСПИ 558.4.157 и 193. Аллилуева А. *Воспоминания* // Роман-газета. 1947. № 1 (13). С. 38. Выборы лидера думских социал-демократов: Петровский Г. И. *Воспоминания о “Правде”* // Правда. 5 мая 1922.

3. С Лениным в Кракове, первая поездка: РГАСПИ 558.1.5170. *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.* 3:50–55. ГАРФ 102.265.531. Ленин в Кракове: Крупская. С. 192–230, в т. ч. о переходе Сталина через границу (с. 193). Service. *Lenin*. P. 209–215. Сталин в гостях у Ленина, пиво: Чарквиани. *Воспоминания.* Еда: Юрий Жданов в: Комсомольская правда. 12 янв. 2007.

4. Возвращение в Петербург, Ленин вызывает Сталина обратно, выборы: Петровский, “Правда”, 5 мая 1922. Бадаев. *Большевики в государственной думе.* С. 35–40. Встреча Тодрии с Жорданией: РГАСПИ 558.4.647. Письма из Кракова: ГАРФ 102.265.532 (в т. ч. письмо Крупской К. Ст. от 9 / 22 дек. 1912). РГАСПИ 558.4.560. ГАРФ 102.00.1912.5–58б. Письма Крупской, ноя. – дек. 1912, письма Сталина из Кракова в Петербург, дек.

1912 – янв. 1913: Из переписки ЦК РСДРП с местными партийными организациями // Исторический архив. 1960. № 2. С. 17–25. Ленин. *ПСС.* 48:162–169.

Глава 31. Вена, 1913. “Чудесный грузин”, австрийский художник и старый император

1. Снова в Кракове: Аллилуева А. *Воспоминания* // Роман-газета. 1947. № 1 (13). С. 38. Шотман. *Как из искры возгорелось пламя.* С. 166–176. Smith. P. 263–266, 270–276 and 300–303. Kun. P. 145–150. Встречи с Калининым, Шотманом и др., разные варианты пути до Кракова: Островский. С. 364–366, 369–370. Переход через границу, нет еды, болван Сталин: Станислас Кот, цит. в: Smith. P. 405. РГАСПИ 124.1.233, Ольга Вейланд. Письма Крупской: Из переписки ЦК РСДРП с местными партийными организациями. С. 17–25. РГАСПИ 4.3.42. ГАРФ 102.00.1913.5–46б. Калинин под подозрением: Островский. С. 371. Письмо Каменеву, целую по-эскимосски: Kun, в т. ч. интервью с Ольгой Вейланд. P. 150–55. Service. *Stalin.* P. 9 1 –92. Крупская. С. 212. Сталин в гостях у Ленина, пиво: Чарквиани. *Воспоминания.* Еда: Юрий Жданов в: Комсомольская правда. 12 янв. 2007.

2. Второй визит в Краков, дек. 1912 – янв. 1913: РГАСПИ 71.10.189, 558.1.4899. Доносы Малиновского о встречах: Стэнфорд, парижские архивы охранки, ящ. 195, д. XVIc, 1 марта 1913. Ильич нервничает: Троцкий. *Сталин.* 1:281. Kun. P. 149. РГАСПИ 558.1.47, Сталин Малиновскому, 2 фев. 1913. *Сто сорок бесед.* С. 177–178.

3. Вена: РГАСПИ 558.4.647.418–420, 431–434, Сталин в Вене, в т. ч. воспоминания Ольги Вейланд. РГАСПИ 124.1.233, Ольга Вейланд. РГАСПИ 558.1.47, Сталин – Малиновскому. РГАСПИ 558.1.47. РГАСПИ 30.1.3. Hamann B., Thornton T. *Hitler’s Vienna: A Dictator’s Apprenticeship.* Oxford, 1999. P. 9 2, 183. James J. S. *Hitler in Vienna.* L., 1983. P. 7 –10, 107–110; Троцкий. *Гитлер.* P. 143; Троцкий. P. 165. Кубичек А. *Фюрер, каким его не знал никто.* М., 2009. С. 164. Thompson B. *Schnitzler’s Vienna.* L., 1990. P. 2, 7, 25. Thompson B. *Hitler’s Vienna.* L., 1983. P. 246–261 – о балах, зиме, Тито, Троцком, Гитлере. Schorske C. E. *Fin de Siècle Vienna.* L., 1980. P. 119. Service. *Stalin.* P. 9 2 –93. Беседа автора с Олегом Трояновским в Москве. Трояновский. *Через годы и расстояния.* С. 24–25, 161–162. Kun, в т. ч. биография Трояновского. P. 153. Крыленко, Елена Розмирович: Vaksberg. *Stalin’s Prosecutor.* P. 3 3, 328. Троцкий. *Сталин.* 1:304–306. Smith. P. 276–279. Сталин. *Сочинения*. 2:256–261 и 271–284; 17:25. Сталин из ссылки спрашивает адрес Бухарина: РГАСПИ 558.1.5169. Чудесный грузин: Ленин. *ПСС.* 48:162–169. ГАРФ 102.265.882.

Глава 32. Провокатор приглашает на бал

1. Возвращение из Вены, заезд к Ленину в Краков, фев. 1913, новый псевдоним; Ленину нравится статья: Чарквиани. *Воспоминания.* Сталин. *Сочинения*. 2:290–367 (“Марксизм и национальный вопрос”). Взгляды Сталина и Ленина на национальный вопрос: Service. *Stalin.* P. 8 7, 99–105. Van Ree. *Stalin and the National Question.* ГАРФ 102.265.532 (в т. ч. письмо Крупской К. Ст. от 9 / 22 дек. 1912). Имя Сталина: Сталин. *Сочинения*. 2:196, 255, 289 (12 янв. 1913, впервые подписывается “Сталин”[227]). Дюранти, цит. в: Kun. P. 158–159. Имя: В. Л. Швейцер. *Сто сорок бесед.* С. 151. Людмила Сталь, Татьяна Словатинская: Чуев. *Так говорил Каганович.* С. 160–162. Даушвили. *Повесть о Сосо Джугашвили.* С. 239, 252. Сталь и Крупская в Париже, 1911: Крупская. С. 184–185. Майский. С. 51. Marcou. P. 66. *Биография Людмилы Сталь: истоки подвига* // Урал. 1979. № 3.

2. Арест, допрос в полиции: РГАСПИ 558.4.214. Грим, переодевание, башмаки: Никонов. *Молотов. Молодость.* С. 133. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782; РГАСПИ 558.1.5392; Трифонов. *Отблеск костра.* С. 33–40. Луч. 26 фев. 1913. Шотман. *Как из искры возгорелось пламя.* С. 175, 166, 179. Бадаев. *Большевики в Государственной думе.* С. 155–166. Женская ротонда: Троцкий. *Сталин.* 1:309. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 44–45. Письма Сталина о Дане и Малиновском, нехватке людей, шоколаде для Галочки; Малиновский сеет подозрения – все это недавние открытия Островского; см. также подробности вынесения приговора, в т. ч. донесение министру внутренних дел: Островский. С. 374–380. Грузинский мальчик: ГАРФ 102.265.882. ГАРФ 102.00.1913.307. Виссарионов: ГАРФ 102.00.1913.5–57В. Из архива Л. О. Дан. С. 101. РГАСПИ 558.4.659, Ф. Н. Самойлов. Дело провокатора Малиновского. С. 216 – Малиновский встречается с С. П. Белецким. Elwood. *Roman Malinovsky.* P. 1 5 –26, 31–33, 40–41, 58–66. Крупская. С. 210–211, 222–223. Радзинский. *Сталин.* С. 103–105, в т. ч. слова Ленина и Малиновского. РГАСПИ 558.1.47, Сталин – Малиновскому. РГАСПИ 558.1.48. Беспокойство Ленина: Smith. P. 300–303. Урал: Kun. P. 163.

Глава 33. “Милая, я в отчаянном положении”

1. Енисей: Service. *Stalin.* P. 107–109. Исторический архив. 1956. № 5. С. 116. ГАРФ 5449.1.63: Иванов Б. *Товарищ Сталин и Свердлов в Туруханской ссылке.* Завьялов В. *Тов. Сталин в Туруханске* // Красноярский рабочий. 21 дек. 1939. Троцкий. *Сталин.* 1:323–324. *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.* 3:125–150. Островский. С. 387–388. Библиотека Дубровинского: Трифонов. *Отблеск костра.* С. 35–37. Антонов-Овсеенко А. *Сталин без маски.* С. 383. История Ф. Захарова: Kun. P. 164. 2. РГАСПИ 558.4.220. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 3:125–150. РГАСПИ 558.1.52. РГАСПИ 55.1.49. РГАСПИ 558.1.89. РГАСПИ 558.1.659. ГАРФ 102.00.1914.5–25б. РГАСПИ 558.1.4234. Также: Трифонов. *Отблеск костра.* С. 559–565. РГАСПИ 5581.1.5168. В бане со Свердловым: Kun. P. 163–165. Подозревают в подготовке побега: Завьялов. *Тов. Сталин в Туруханске.* РГАСПИ 558.1.4235. Получено 135 рублей: Островский. С. 395. Переводят севернее: РГАСПИ 558.1.51. РГАСПИ 558.4.234. Свердлова К. *Я. М. Свердлов.* М., 1957. С. 175–177. Свердлов и Сталин, неделя вместе, планы побега: Городецкий Е., Шарапов Ю. *Свердлов.* М., 1971. С. 95–100.

Глава 34. 1914. Постельный скандал в Арктике

1. Курейка: *И. В. Сталин в сибирской ссылке.* С. 140–142. Воспоминания И. М. и А. С. Тарасеевых и других: РГАСПИ 4.662, 581. Просьбы о деньгах: Островский. С. 397. Дело Малиновского: РГАСПИ 558.1.52. Свердлов. *Избранные произведения.* 1:267–280. Городецкий, Шарапов. *Свердлов.* С. 99–101. Приезд к Сталину в Курейку, его комната, песни, Каменев: Швейцер В. *Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика.* М., 1940. С. 30–32, 47–50.

2. Островский. С. 397. Малиновский: РГАСПИ 558.1.52. Свердлов. *Избранные произведения.* С. 266–280, письма Саре Свердловой, Л. И. Бессер, Д. Ф. Петровской, жене Клавдии Новгородцевой (хандра, июнь 1914). С. 321 – письмо Л. Дилевской (нет товарищеской среды). Городецкий, Шарапов. *Свердлов.* С. 99–103. Швейцер. *Сталин в Туруханской ссылке.* С. 30–32, 47–50. Илизаров. С. 291–293.

3. Дело Малиновского: Elwood. *Roman Malinovsky.* P. 3 1 –66. Радзинский. *Сталин.* С. 104 (цитата из Ленина). *Сто сорок бесед.* С. 177–178. Smith. P. 249. Daly. *Watchful State.* P. 150 –53. Крыленко, Елена Розмирович: Vaksberg. *Stalin's Prosecutor.* P. 33, 328.

4. Ссора со Свердловым: Свердлов. *Избранные произведения.* 1:266–280, 321. Городецкий, Шарапов. *Свердлов.* С. 99–103. ГАРФ 5449.1.63 и 75, Б. И. Иванов. Воспоминания А. М., А. С. и Ф. А. Тарасеевых: РГАСПИ 558.4.581, 667, 662. Перебирался из избы в избу: Островский. С. 397–399. Антонов-Овсеенко. Сталин без маски. С. 380–390. Островский считает, что, возможно, Сталин пробовал бежать: Островский. С. 402–403. Kun. P. 169–175.

5. Лидия и Лалетин: РГАСПИ 558.4.662, Л. П. Перепрыгина-Давыдова, Ф. А. Тарасеев. РГАСПИ 558.4.667, М. А. Мерзляков. РГАСПИ 558.1.5169. Колесник А. *Хроника жизни семьи Сталина.* М., 1990. С. 58–62. Сухотин. *Бастарды красного вождя.* Рохлин А. *Где прятали незаконнорожденного сына Сталина? //* Московский комсомолец. 22 июня 1996. Записка Ивана Серова в Политбюро: РГАСПИ 558.11.1288. Известия. 8 дек. 2000. Антонов-Овсеенко. *Сталин без маски.* С. 380–390. Хозяйство Перепрыгиных, первый эпизод с Лалетиным и шашкой: *И. В. Сталин в сибирской ссылке.* С. 140–149. *Встречи с вождем: рассказы крестьян с. Курейки о тов. Сталине.* С. 21–23 – Анфиса Тарасеева: прибытие Сталина, дочь Даша катается на спине, песни, учил плясать, натирался мазью от

ревматизма, собака Тишка; с. 23–25 – Иван Салтыков: дети, чтение, писал, шалаш на острове Половинка, жил там несколько недель, прятали для Сталина ружье, игры на охоте, бедность Перепрыгиных. Елизавета Тарасеева – цит. в: Илизаров. С. 308–309; там же – цит. из Мерзлякова (с. 300–305) и Лидии Перепрыгиной (с. 310–311). Лидия влюбилась: http://memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Panteon_stalina/00.htm. Kun. P. 1 69–75. Аллилуева С. *Только один год*. L., 1970. Женщина и ребенок в ссылке: И. Д. Перфильев в кн.: Волкогонов. *Сталин*. 1:41. Сибирская девушка прокрадывается к Сталину ночью: Essad Bey. P. 191. Franchetti M. *Stalin's Secret Son by Girl 14* // Sunday Times. March 2001.

6. Приезд Спандаряна: Спандарян С. (Тимофей). *Статьи, письма, документы 1882–1916*. Ереван, 1940. С. 340–341. РГАСПИ 161.1.10, В. Л. Швейцер. Швейцер. *Сталин в Туруханской ссылке*. С. 18–31. Kun. P. 129. За консультацию по вопросам возраста сексуального согласия и понятия изнасилования в дореволюционной России я благодарю доктора Дэна Хили. Сталин о Первой мировой войне: Сталин. *Сочинения*. 3:37–38.

Глава 35. Охотник

1. Зима 1914 / 1915. Ордера на денежные переводы в Туруханск, 1913–1915, собраны главой НКВД Ежовым и обнаружены в его сейфе: благодарю за указание профессора Арча Гетти; РГАСПИ 671.1.287. Заказы по почте, письма Аллилуевым и т. д.: РГАСПИ 558.1.55, 558.1.53. Приезд к Сталину в Курейку, его комната, песни, Каменев: Швейцер. *Сталин в Туруханской ссылке.* С. 30–32, 47–50. Воспоминания о Сталине в Курейке – Лидия Перепрыгина, Дарья Пономарева и другие: РГАСПИ 558.4.662. Сталин о Мерзлякове: РГАСПИ 558.11.773. Цит. из Мерзлякова и Лидии Перепрыгиной: Илизаров. С. 300–305, 310–311. Kun. P. 169–175. Встречи с вождем: рассказы крестьян с. Курейки о тов. Сталине. С. 21–23, 23–25. Свердлов получает в ссылке 50 рублей в месяц: Свердлов. *Избранные произведения.* Сосали сколотую с рыбы наледь: Чарквиани. *Воспоминания.* Чуть не погиб в метель, рыболовство, лешак, Тишка, забраковали из-за руки: Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 55, 62–63. Собака, случай на охоте: Юрий Жданов в: Комсомольская правда. 12 янв. 2007. Сталин и Спандарян – Ленину: цит. в: Service. *Lenin*. P. 112. Ленин – Зиновьеву; В. А. Карпинскому – узнайте фамилию “Кобы”, передает привет, большая просьба: Ленин. *ПСС*. 48:101, 131, 161. Радзинский. *Сталин.* С. 108. Застрелил двенадцать куропаток, прошел на лыжах 48 верст, о Первой мировой войне: Хрущев 2:119–120, 1:372–373. Язвы войны: Сталин. *Сочинения*. 3:58.

Глава 36. Сибирский Робинзон Крузо

1. Лето – зима – 1915. Поездки в Монастырское, партийный суд, Спандарян: Самойлов Ф. *Большевистская фракция IV Государственной думы в енисейской ссылке перед Февральской революцией* // Пролетарская революция. 1927. № 2 / 3 (февраль – март). Спандарян Ленину, 20 авг.: “Иосиф шлет вам всем свой горячий привет”; 28 сент.: “Мы сейчас с Иосифом на расстоянии 150 верст друг от друга, но… увидимся”: Спандарян. *Статьи, письма, документы.* С. 284. Последняя встреча: РГАСПИ 558.4.582, 558.4.662, В. Швейцер. Сталин и Спандарян: РГАСПИ 558.4.662, Б. Иванов. Г. Петровский – встреча большевиков: РГАСПИ 558.4.662. Также: ГАРФ 5449.1.75. Деньги, забыли раба божьего, Каменев и компания похожи на мокрых куриц: РГАСПИ 558.4.54. Писал большие статьи; Сталин – Каменеву, просьба отправить Ленину: РГАСПИ 558.1.56. Ничего не могу узнать: РГАСПИ 558.4.662. Ограбление и суд, Свердлов обвинен: ГАРФ 5449.1.75. РГАСПИ 558.4.662. Бадаев. *О Сталине.* Свердлов. *Избранные произведения.* 1:266–280, 321. Городецкий, Шарапов. *Свердлов.* С. 84–86, 99–103. Островский. С. 408. РГАСПИ 558.11.1288. Болезнь Спандаряна: Островский. С. 409. Сталин спрашивает о Спандаряне: Аллилуев С. “Правда”. 22 дек. 1939. Вера Швейцер: РГАСПИ 558.4.662. Каменева заклеймили: Merridale. *The Making of a Moderate Bolshevik.* P. 3 1 –33, в т. ч. цит. из Троцкого. Service. *Stalin.* P. 109–10. Сталин хранит молчание на суде над Каменевым: Slusser R. *Stalin in October: The Man Who Missed the Revolution.* Baltimore, 1987 (далее – Slusser). P. 1 3 –14 (Слассер Р. *Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции.* М., 1989. С. 22–23). Мерзляков и Лидия Перепрыгина: Илизаров. С. 300–305, 310–311. Революция неизбежна: Сталин. *Сочинения*. 1:78–80. Дружба Каменева и Сталина: Микоян А. *Так было.* С. 352. Каменев дарит Сталину Макиавелли: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 2 2 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 39). Сладкая месть: Conquest R. *Stalin: Breaker of Nations.* L., 1993. P. 107.

2. Лазебников А. *Линии судьбы* // Советская культура. 16 июля 1988. Мерзляков / Бадаев и т. д.: РГАСПИ 558.4.662. Вновь переехал, взял лодку: РГАСПИ 86.1.112. РГАСПИ 558.4.54. Писал большие статьи; Сталин – Каменеву, просьба отправить Ленину: РГАСПИ 558.1.56. Ничего не могу узнать: РГАСПИ 558.4.662. Островский полагает, что это была попытка побега: с. 409–413. Самойлов Ф. *По следам минувшего. Воспоминания старого большевика.* М., 1934. С. 523–535. Генерал И. Серов подтверждает слухи о внебрачном ребенке Сталина: РГАСПИ 558.11.1288.

Сталин приезжает к Рухадзе: РГАСПИ 558.4.662, Кузьма Гавриленко – Сталин ехал из Костина в Курейку через Мироедиху. Письмо автору от Евы Перинс, 9 ноя. 2000. Записки в кармане: Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 44–45. Спандарян: *Сурен Спандарян в сибирской ссылке.*

Глава 37. Сталин в оленьей упряжке. Сын в Сибири

1. Призыв, Сталин вызвался: Илизаров. С. 311–312. В сани сначала запрягали собак, потом оленей, потом лошадей; Сталин нарочно медлит: Швейцер В. *Сталин в Туруханской ссылке.* С. 43–51. Олени: *Alliluyev Memoirs.* P. 189–90 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. РГАСПИ 558.4.218. Мерзляков, И. М. Тарасеев, Арсений Иванов – подарок матери: РГАСПИ 558.4.662. Свердлов. *Избранные произведения.* Борис Иванов: РГАСПИ 558.4.662, ГАРФ 5449.1.74. Курейка, воспоминания местных жителей, история места, призыв, отъезд героя: http://memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Panteon_stalina/00.htm. И. Д. Перфильев в кн.: Волкогонов. *Сталин*. 1:41. Аллилуева С. *Только один год.* В. Г. Соломин – Сталину, ответ Сталина, 5 марта 1947: РГАСПИ 559.11.804. Путешествие: Илизаров. С. 313. Газета “Енисейский край”, цит. в: Островский. С. 416. Негоден к военной службе, путь в Петербург, ораторы и т. д.: Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 55–55, 62–63, 165–169. В Сталине от Сибири кое-что осталось: *Сто сорок бесед.* С. 256. Ачинск: Швейцер В. *В Ачинской ссылке //* Известия. 12 марта 1937. Сталин остался в Ачинске: РГАСПИ 558.4.218, 124.2.1549, 558.4.662, 649 и 667 (В. Швейцер, В. П. Филиппова, А. Померанцева), РГАСПИ 4.649 (М. Муранов). Baikaloff. *I Knew Stalin.* P. 2 7 –30. Шепот: “Енисейский край”, цит. в: Островский. С. 420. Поезда, перемещения Сталина: Островский. С. 422–423. Петербург: РГАСПИ 161.1.16. Шляпников А. *Семнадцатый год.* М. – Пг., 1923. 2:443–447. Сталин останавливается у баронессы Марии Штакельберг: Островский. С. 423. Телеграмма великому князю Михаилу: Волкогонов. *Сталин.* 1:53–54.

Глава 38. Весна 1917-го: ошибки вождя

1. В основу нашего рассказа о 1917 годе (с февраля по октябрь) легли следующие источники: Figes O. *A People's Tragedy;* Pipes R. *The Russian Revolution, 1899–1919.* L., 1990. Rabinowitch A. *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd.* Bloomington, Indiana 1968. (Рабинович А. *Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде.* М., 1989); Service. *Stalin; Lenin;* Ulam A. *Lenin and the Bolsheviks.* L., 1966; Lincoln W. B. *Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918.* N. Y., 1986 (далее – Lincoln); Pares B. *The Fall of the Russian Monarchy.* L., 1939; кроме того, Троцкий. *Сталин; Моя жизнь;* Суханов Н. *Записки о революции*: в 3 кн. М., 1991; Reed J. *Te n Days That Shook the World.* L., 1982 (далее – Reed; российское издание: Рид Дж. *Десять дней, которые потрясли мир.* М., 2012). Протоколы ЦК, если не указано иное, цитируются по кн.: *Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918.* М., 1958. О Петрограде в феврале – марте 1917-го: *Сто сорок бесед.* С. 153–160, 213. Service. *Stalin.* P. 122. Lincoln. P. 346–373. Figes. P. 307–352.

2. Сомнения Ленина: *Сто сорок бесед.* С. 204. Service. *Stalin.* P. 122–125. Slusser. P. 16–29 (Слассер. С. 11–20). Суханов. *Записки о революции.* 1:280. Член партии большевиков: Островский. С. 580.

3. Аллилуевы: Service. *Stalin.* P. 124. Васильева. *Кремлевские жены.* С. 184, 139–141 – Енукидзе, письма Нади Алине Радченко. *Alliluyev Memoirs.* P. 212, 184–91 (Аллилуева А. *Воспоминания)*.

4. Hall C. *Imperial Dancer: Mathilde Kschessinskaya and the Romanovs.* L., 2005. P. 102–103, 178–179. Сталин – главный, ошибки: *Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б), март 1917 г.* // Вопросы истории КПСС. 1963. № 3. С. 134, 143–149; № 5. С. 139–140. Война: Сталин. *Сочинения*. 3:4–8. Волкогонов. *Сталин.* 1:65–67. Слассер. С. 54–60. Service. *Stalin.* P. 125–27. Радзинский. *Сталин.* С. 124–125. Service. *Lenin*. P. 263. Троцкий. *Сталин.* 1:360–364. "Говно" и мнение Крупской об "Апрельских тезисах" Ленина: McNeal R. H. *Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin.* L., 1973. P. 167, 171. Tucker. P. 165. Колесница: Сталин. *Сочинения*. 3:1–3. Серго: Дубинский-Мухадзе. *Орджоникидзе.* С. 131. Figes. P. 354–384.

Глава 39. Лето 1917-го: матросы на улицах

1. Service. *Lenin*. P. 255. Slusser. P. 16–30 (Слассер. С. 60–71). Волкогонов. *Сталин.* 1:64–65. Service. *Stalin.* P. 125–27. Lincoln. P. 362–365. Figes. P. 141–154 and 385–398.

2. Крупская. С. 275, 282–284. Service. *Lenin*. P. 255–273. Ворошилов: Васильева. *Кремлевские жены.* С. 179–198. Williams. P. 176. Service. *Stalin.* P. 129. Волкогонов. *Сталин.* 1:65–67. Троцкий. *Сталин.* 1:358. О Ленине: Lincoln. P. 362–365; Figes. P. 385–398.

3. Апрель, май: *Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б), март 1917 г. //* Вопросы истории КПСС. 1963. № 3. С. 134, 143–149; № 5. С. 111–147. На Апрельской конференции – на Сталина можно положиться в любом деле: *Сто сорок бесед.* С. 217. Апрельская конференция: см. *Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы.* М., 1958. Сталин. *Сочинения*. 3:39–42, 48–57. Service. *Stalin.* P. 125–28. Tucker. P. 165. Ленин как школьный инспектор, Людмила Сталь: Троцкий. *Сталин.* 1:362–363. ЦК выбирает Бюро на Апрельской конференции: Slusser. P. 59–70, 89–98 (Слассер. С. 112–118). Figes. P. 423–448.

4. Сталин. *Сочинения*. 3:64–66. Оратор: А. И. Кобзев, цит. в: Волкогонов. *Сталин*. 1:63. Возвращение Троцкого: Slusser. P. 108–114 (Слассер. С. 120–121; цитирует Верещака и Троцкого о Съезде Советов). Троцкий на трибуне: Волкогонов. *Сталин.* 1:63. Тусклые комментарии: Троцкий. *Сталин.* 1:178; 377, цит. Пестковского. Ленин, Шаумян и Енукидзе: Крупская. С. 290–291. Дзержинский: Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 56–57 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 70–122).

5. Переезд к Молотову и Марусе, извинения, вроде коммуны: *Сто сорок бесед.* С. 159, 240. Людмила Сталь, Татьяна Словатинская: Чуев. *Так говорил Каганович.* С. 160–162. Даушвили. *Повесть о Сосо Джугашвили.* С. 239, 252. Сталь и Крупская в Париже, 1911: Крупская. С. 184–185. Майский. С. 51. Marcou. P. 66; биография Людмилы Сталь: *Истоки подвига //* Урал. 1979. № 3. Словатинская в секретариате со Стасовой: Стасова. *Страницы жизни и борьбы.* С. 84. Молотов: Slusser. P. 101 (Слассер. С. 118). Аллилуевы приходят к Сталину: *Alliluyev Memoirs.* P. 195–196 (Аллилуева А. *Воспоминания)*.

6. Июнь: Сталин. *Сочинения*. 3:64–66; о демонстрации: 3:88–90, 104–107. Нельзя форсировать, нельзя прозевать: *Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация.* М., 1959. С. 486. Волкогонов. *Сталин.* 1:70–71. Пестковский С. *Воспоминания //* Пролетарская революция. 1930.

№ 6; 1922. № 10. С. 93–103. Роль в партии: Sagirashvili. P. 197–98. Возвращение Троцкого: Slusser. P. 108–118, 125–139 (Слассер. 125–133). Lincoln. P. 387–90. Суханов. *Записки о революции.* 2:21, 291–307. Троцкий. *Сталин.* 1:375. *Alliluyev Memoirs.* P. 194–195 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Figes. P. 423–38.

7. 2–4 июля: Сталин. *Сочинения*. 3:108–126, 137–143, 156–187. Slusser. P. 139–150 (Слассер. С. 160–172). Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.*

P. 1 –16 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 28–43). Service. *Lenin*. P. 283–285. Ленин. *ПСС*. 21:9–10. Церетели И. Г. *Воспоминания о февральской революции.* Р., 1963. С. 344. Крупская. С. 296. Троцкий. *Сталин.* 1:378–381, цит. Орджоникидзе. Радзинский. *Сталин.* С. 131–136. Service. *Stalin.* P. 140–143. Дрейфус: Сталин. *Сочинения*. 3:247. Рассказ Бедного: Slusser. P. 155–160 (Слассер. С. 176–185). Figes. P. 427–438.

Глава 40. Осень 1917-го: Сосо и Надя

1. Реакция, Ленин прячется у Аллилуевых: Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 181–190. Волкогонов. *Сталин.* 1:71–73. цит. С. Аллилуева и П. А. Половцева – об офицере, посланном убить Ленина. Дубинский-Мухадзе. *Орджоникидзе.* С. 178. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 1 7 –38. (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 58–63). Slusser. P. 162–178, 139–150 (Слассер. С. 172–174). Service. *Lenin.* P. 283–291. Троцкий. *Сталин.* 1:380–381. Lincoln. P. 392–396. Figes. P. 427–438. Вышинский: Vaksberg. *Stalin's Prosecutor.* P. 13–27.

2. Переезд к Аллилуевым, Ольга перешивает пиджак и т. д.: Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 183–191. Service. *Stalin.* P. 141. Музей-квартира Аллилуевых.

3. Шестой съезд, связь с Лениным: *Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы.* М., 1958. Service. *Lenin.* P. 288–292. Радзинский. *Сталин.* С. 137–138. Tucker. P. 172–174. Service. *Stalin.* P. 143. Slusser. P. 200–214 (Слассер. С. 198–230). Троцкий. *Сталин.* 1:385–389. *Сто сорок бесед.* С. 241–242. Smith. P. 337. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 5 1 –70, 83–93 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 106–117). Figes. P. 427–38. Сталин. *Сочинения*. 3:108–126, 137–143, 156–187.

4. Надя Аллилуева, письма Алине Радченко: Васильева. *Кремлевские жены.* С. 139–141; Аллилуева С. *Только один год.* С. 318–319. Беседы автора с Кирой Аллилуевой, Москва, 2001–2002. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 183–191. Надя и Анна: Kun. P. 211–215, цит. Владимира Антонова-Саратовского; беседа с Кирой Аллилуевой. Музей-квартира Аллилуевых.

5. Корнилов: Сталин. *Сочинения*. 3:210–213, 291–293. Sagirashvili. P. 237–238. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 9 4 –128 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 119–135). Lincoln. P. 412–25. Figes. P. 438–53.

6. Обвинение Каменева, Сталин отбирает газету "Солдат": Slusser. P. 210–214 (Слассер. С. 235–241). Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 7 1 –76 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 96–97). Figes. P. 453–474.

7. Сентябрь: Сталин. *Сочинения*. 3:214, 277–282, 291–293. *Alliluyev Memoirs.* P. 223 (Аллилуева А. *Воспоминания)*. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 129–190 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 118–135). Lincoln. P. 426–53. Figes. P. 453–74. Sagirashvili. P. 193–94.

Глава 41. обратный отсчет

1. Октябрь. 10 окт. ЦК: *Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918.* М., 1958 (далее *Протоколы ЦК*). С. 83–92. Slusser. P. 226–236 (Слассер. С. 245–276). Tucker. P. 44–46. Service. *Stalin.* P. 148–50. Волкогонов. *Сталин*. 1:74.

2. 16–20 окт.: *Протоколы ЦК.* С. 32–55. Сталин в ЦК: Сталин. *Сочинения*. 3:381–382. "Окружили мя тельцы мнози тучны": Сталин. *Сочинения*. 3:384–386. Троцкий. *Сталин.* 1:405–411. Slusser. P. 226–236 (Слассер. С. 261–267). Service. *Lenin*. P. 306–307. Сталин поддерживает связь с Лениным: Радзинский. *Сталин.* С. 147. Figes. P. 475–481. Tucker. P. 179–180. Lincoln. P. 426–438. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power*. P. 218–225, 231–242 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 229–235, 261–266). Мефистофельская ирония Троцкого: Reed. P. 27 (Рид. С. 119).

3. 20–24 окт. "Что нам нужно?": Сталин. *Сочинения*. 3:387–390. Слассер. С. 268–270. Service. *Stalin.* P. 151–153. Service. *Lenin.* P. 306–322. *Сто сорок бесед.* С. 161–164. *Протоколы ЦК.* С. 32–55, 99–117. Волкогонов. *Троцкий.* 1:145–161. РГАСПИ 558.4.668 и 663, Федор Аллилуев. Аллилуева А. *Воспоминания.* С. 61. Волкогонов. *Сталин*. 1:75. Троцкий. *Сталин.* 1:413–414. Радзинский. *Сталин.* С. 146–149, в т. ч. о Фофановой, цит. Троцкого о связи с Лениным. Sagirashvili. P. 198–200. Луцкий Ю. в: Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90. Сталин разговаривает с Троцким и делегатами Съезда: *Письмо М. Жакова к Васильченке //* Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 88–93, в т. ч. о работе Сталина в "Рабочем пути". *Протоколы ЦК.* С. 119–120. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power*. P. 242–261 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 274). Lincoln. P. 438–446.

Глава 42. Великий Октябрь: неумелое восстание

1. Ленин и Сталин в Смольном, 24–25 окт.: Троцкий. *Сталин.* С. 1:413–414. Service. *Lenin.* P. 310–322. Узнали, подлецы: Радзинский. *Сталин.* С. 149. Sagirashvili. P. 198–200, в т. ч. попытка Сталина отказаться от поста наркома, со ссылкой на Енукидзе и Карахана. Заседания ЦК: Луцкий Ю. В.: Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90. Рахья и Равич, цит. в: Радзинский. *Сталин.* С. 148–149. Роль Молотова, формирование правительства: *Сто сорок бесед.* С. 163–166. Figes. P. 473–476, 483–485. Slusser. P. 244–247 (Слассер. С. 274–275). Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 265–268, 271–272 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 286–334). Lincoln. P. 445–447. Смольный: Reed. P. 87, 96 (Рид. С. 94–95, 122); ВРК за работой, p. 104 (с. 146).

Глава 43. Власть. Сталин выходит из тени

1. Падение Зимнего дворца: Троцкий. *Моя жизнь.* С. 318–321. Изнасилования, Ленин снимает парик: Радзинский. *Сталин.* С. 149–152. Заседания ЦК: Луцкий Ю. в: Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90. Красный фонарь, отказ пушек, задержки, ошибки: Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 269–270, 276–292 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 302–304, 308–320; "отдубасим": с. 318). Lincoln. P. 446–57, в т. ч. о пьянстве во дворце. Figes. P. 485–495. Театры и т. п.: Reed. P. 95 (Рид. С. 165); Съезд Советов: p. 98–99 (с. 118–119); Троцкий: p. 104 (с. 146); мы вас прикладами: p. 106–107 (с. 149–150); мародерство: p. 108–110 (с. 151–152). Sagirashvili. P. 193–200, 203–204, 238, 248–252.

2. Сон, 25–26 окт.: Троцкий. *Моя жизнь.* С. 331. Заседания ЦК: Луцкий Ю. в: Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90. Lincoln. P. 452–455. Rabinowitch. *The Bolsheviks Come to Power.* P. 303–304 (Рабинович. *Большевики приходят к власти.* С. 324). Reed. P. 112–113 (Рид. С. 158); рассвет: p. 116–117, 125 (с. 164–165); речь Ленина: p. 128–129 (с. 181–185); Каменев: p. 138 (с. 195). Ulam. *Lenin and the Bolsheviks.* P. 482–496.

3. 25 окт. 1917 и далее. 29 ноя. 1917, четверка: Slusser. P. 94–97 (Слассер. С. 99–102). *Протоколы ЦК.* С. 134; совместно подписанный документ от 3 ноя. 1917 – Service. *Stalin.* P. 622. РГАСПИ 558.4.668 и 663, Федор Аллилуев. Пестковский С. *Воспоминания.* Троцкий. Сталин, 2:49. Figes. P. 496–512. Первые дни, революция без расстрелов, цит. из Молотова, инструкции у кабинета Ленина, 22 янв. 1918: Радзинский. *Сталин.* С. 154–161, 177. Tucker. P. 182. Троцкий и Сталин – самые талантливые, чаепитчики: *Сто сорок бесед.* С. 221, 229. Getzler I. *Sukhanov: Chronicler of the Russian Revolution.* L., 2002. P. 8 5. Sagirashvili. P. 193–200, 203–204, 238. Зашел Ленин: Цинцадзе. *Чеми могонебани.* С. 220–225. Роль Сталина в обороне Петрограда от мятежа Краснова, ноя. 1917, с Дзержинским, Свердловым и Орджоникидзе, отдает приказания, 9 ноября, Сталин и Ленин: Волкогонов. *Сталин.* 1:94–95. "Четверка", 29 ноя.: Троцкий. *Сталин.* 2:21. Встреча перед заседанием правительства: Троцкий.

Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Троцкий. *К истории русской революции.* М., 1990. С. 396–397. Первые дни у власти, основание ЧК: Service. *Lenin.* P. 309–311. Концентрационный лагерь: Service. *Stalin.* P. 158. Lincoln. P. 457–68. Ulam. *Lenin and the Bolsheviks.* P. 482–496, в т. ч. о Шляпникове и проститутках. Ленин вписывает Сталина и Троцкого – единственных, кому можно

заходить к нему в кабинет без приглашения (копия документа выставлена в музее Смольного): РГАСПИ 5.1.1802.47. О заметках Ленина см. Pipes. *The Unknown Lenin New Haven.* 1996; цит. из Ленина и Троцкого: Ferguson N. *War of the World.* N. Y., 2006. P. 148–151.

Эпилог. Старый тиран вспоминает прошлое

1. Чарквиани. *Воспоминания. Сто сорок бесед.* С. 298. Rayfield. *Stalin and the Hangmen.* P. 8 –10 (Рейфилд. *Сталин и его подручные.* С. 22). Хрущев, 2:55–56. Кеке, Сосо, Саша Эгнаташвили: РГАСПИ 558.11.1549.1–69. Светлана, цит. в кн.: Медведев Ж., Медведев Р. *Неизвестный Сталин.* С. 338. Историки достанут факты: Мгеладзе. С. 240–241.

2. Аллилуевы: Richardson. *Long Shadow.* P. 7 3 –75. Беседы автора с Владимиром Аллилуевым (Реденсом), Леонидом Реденсом, Кирой Аллилуевой, Москва, 2001–2003. Камо и Федор: Микоян А. И. *Так было.* Подробно об истории семьи см.: Montefiore.

3. Сванидзе: Kun. P. 6. Подробнее об истории семьи см.: Montefiore. РГАСПИ 558.1.5099, Сталин – М. Монаселидзе. ГФ ИМЛ 8.2.1.50.239–255, Джаваира Хутулашвили. Беседы автора с К. Геловани и М. Сванидзе, Тбилиси, 2005.

4. Женщины. Словатинская: РГАСПИ 124.1.1782; Трифонов. *Отблеск костра.* С. 33–40. Kun. P. 41 and 46. Marcou. P. 76. Петровская: Илизаров. С. 288; возможно, против Софьи Петровской было заведено дело; см.: Литвин А. Л. *Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности.* Казань, 1997. С. 197; неясно, та ли это Петровская; в любом случае судьба ее неизвестна. Онуфриева: Kun. P. 116. Сталь и Словатинская: Чуев. *Так говорил Каганович.* С. 219. РГАСПИ 558.4.647, П. Онуфриева-Фомина. РГАСПИ 558.4.647, Татьяна Сухова.

5. РГАСПИ 558.4.662, Л. П. Перепрыгина-Давыдова и Ф. А. Тарасеев. РГАСПИ 558.4.667, М. А. Мерзляков. РГАСПИ 558.1.5169. Колесник. *Хроника жизни семьи Сталина.* С. 58–62. Сухотин. *Бастарды красного вождя.* Рохлин А. *Где прятали незаконнорожденного сына Сталина?* Записка Ивана Серова в Политбюро: РГАСПИ 558.11.1288. Известия. 8 дек. 2000. Антонов-Овсеенко. *Сталин без маски.* С. 380–390. Дом Перепрыгиных, эпизод с Лалетиным и шашкой: *И. В. Сталин в сибирской ссылке.* С. 140–149. *Встречи с вождем.* С. 21–25. Илизаров. С. 288–292, 300–315. Лидия влюбилась: http://memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/4/Panteon_stalina/00.htm. Ku n. P. 169–175. Аллилуева С. *Только один год.* Волкогонов. *Сталин,* 1:41. Essad Bey. P. 191. Franchetti M. *Stalin's Secret Son by Girl 14.*

6. Кеке, Сосо, Саша Эгнаташвили: РГАСПИ 558.11.1549.1–69.

(45.1.1549). Медведев Ж., Медведев Р. *Неизвестный Сталин.* Берия. С. 37–38.

7. Деньги для Капанадзе: РГАСПИ 558.1.5978, 5080. Iremashvili. S. 36, 59–61 and 77. Davrichewy. P. 36, 244 and 160. Письмо автору от Ираклия де Давришеви, 23 авг. 2006. О Мате Хари и Марте Ришар см.: Lacassin F. *Mata Hari ou la romance interrompue* // Magazine Littéraire. No. 43. Aug. 1970. Davrichewy. *Je suis le demi-frère de Staline.* P. 25–30.

8. Камо: Russian Review. Vol. 19. No. 3. July 1960. P. 227–247. Камо и Ленин: Ulam. *Lenin and the Bolsheviks.* P. 723.

9. Беседа автора с внуком Александра Эгнаташвили Гурамом Ратишвили, Тбилиси, 2005. Brackman R. *Israel at Noon.* N. Y., 2006. P. 5. Kun. P. 6–7. Логинов. С. 14. ГАРФ 7523.107.127.1–6, допрос генерала Н. Власика. Дед Путина: см.: Montefiore. P. 293 (американское издание в мягкой обложке; российское издание: Монтефиоре. С. 197).

10. Старые большевики, Орджоникидзе, Молотов и др.: Montefiore. Серго против Молотова: *Сто сорок бесед.* С. 190–191. Террор 1937–1938, Service. *History of Twentieth-Century Russia.* Cambridge, Massachusetts. P. 222. Статистика Террора в Грузии: Knight A. *Beria: Stalin's First Lieutenant.* Princeton, 1993. P. 7 9 –84. Беседа интервью с Изольдой Мдивани (вдовой сына Буду Вахтанга) и семьей Мдивани, Тбилиси, 2006. Вышинский: Vaksberg. *Stalin's Prosecutor.* P. 13–37.

11. Сталин запрещает публикацию: РГАСПИ 45.1.803.1, 558.11.730, 558.11.787, 558.11.1496, 558.11.730, 558.11.787.2.

12. Обеды пожилого Сталина: Чарквиани. *Воспоминания.* Мания величия: *Временное революционное правительство и социал-демократия* // Пролетариатис брдзола. 15 авг. 1905; Сталин. *Сочинения*. 1:138–159. 20–25 млн погибших: Yakovlev A. *A Century of Violence in Soviet Russia.* New Haven, 2000. P. 234.

Избранная библиография [228]

Основная

Аллилуев В. *Аллилуевы – Сталин: хроника одной семьи.* М., 2002.

Аллилуев С. *Встречи с тов. Сталиным* // Пролетарская революция, 1937. № 8.

Аллилуев С. *Пройденный путь.* М., 1946.

Аллилуева А. *Воспоминания.* М., 1948 [Также: *Воспоминания* // Роман-газета, 1947].

Аллилуева С. *Далекая музыка.* N. Y., 1988.

Аллилуева С. *Двадцать писем к другу.* М., 2000.

Аллилуева С. *Только один год.* L., 1970.

Аркомед С. *Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе.* М. – Пг., 1923.

Арсенидзе Р. *Из воспоминаний о Сталине* // Новый журнал. 1963. Июнь., № 72.

Артем: см. *Сергеев Ф.*

Багиров М. *Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана.* М., 1948.

Бадаев А. *Большевики в Государственной думе: воспоминания.* М., 1954.

Байкалов А. *Туруханский бунт политических ссыльных* // Сибирские архивы. 1929. № 2.

Батумская демонстрация 1902 года. М., 1940.

Берия Л. *К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье.* М., 1935.

Берия Л. *Ладо Кецховели.* М., 1938.

Берия С. *Мой отец Берия: в коридорах сталинской власти.* М., 2002.

Бибинейшвили В. (Барон). *За четверть века.* М., 1931.

Большевистское руководство: Переписка, 1912–1927 / сост. А. Квашонкин [и др.] М., 1996.

Булгаков М. *Батум* // Булгаков М. *Пьесы.* М., 1998.

Вазек И. *В годы подполья* // *Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине.* М., 1939.

Вакар Н. *Сталин по воспоминаниям Н. Н. Жордании* // Последние новости. 16 дек. 1936.

Верещак С. *Сталин в тюрьме* // Дни. 22 и 24 янв. 1928.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: в 12 т. М., 1970–1982.

Ворошилов К. *Рассказы о жизни.* М., 1968.

Ворошилов К. *Сталин и Красная армия.* М., 1937.

Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии 1912 года / ed. by R. C. Elwood. L., 1982.

Встречи с тов. Сталиным. М., 1939.

Встречи с вождем. Сборник воспоминаний о встречах с тов. Сталиным. Саранск, 1940.

Гачечиладзе С. *Воспоминания* (рукопись, Тбилиси).

Гио А. *Жизнь подпольника.* Л., 1925.

Горький М. *В. И. Ленин.* М., 1976.

Громыко А. *Памятное:* в 2 т. М., 1990.

Дан Л. *Бухарин о Сталине //* Новый журнал. 1964. Март. № 75.

Дан Л. *Из архива Л. О. Дан.* Amsterdam, 1987.

Дан Ф. *Происхождение большевизма.* N. Y., 1946.

Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков / под ред. А. Рохлина. Баку, 1924–1925.

Джилас М. *Беседы со Сталиным.* Frankfurt, 1970.

Джугашвили Г. *Дед, папа, мама и другие //* Дружба народов. 1993. № 6.

Енукидзе А. *История организации и работы нелегальных типографий РСДРП на Кавказе за время от 1900 по 1906 г. // Техника большевистского подполья: сборник статей и воспоминаний.* М., 1925.

Енукидзе А. *Из прошлого нашей партии // Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку.* Баку, 1923.

Енукидзе А. *Наши подпольные типографии на Кавказе.* М., 1925.

Жордания Н. *Моя жизнь.* Stanford, 1968.

Жуков Г. *Воспоминания и размышления:* в 3 т. М., 2002.

Иванов Б. *Воспоминания рабочего большевика.* М., 1972.

И. В. Сталин в сибирской ссылке / отв. ред. К. У. Черненко, сост. М. А. Москалев. Красноярск, 1942.

Искандер Ф. *Сандро из Чегема.* М., 2010.

И. В. Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, 1923.

Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография. М., 1938–1947.

Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография / сост. Г. Ф. Александров и др. М., 1946.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / сост. Ю. Мурин и В. Денисов. М., 1993.

Исторические места Тбилиси: путеводитель по местам, связанным с жизнью и деятельностью И. В. Сталина. Тб., 1944.

Кавтарадзе С. *Из воспоминаний* // Октябрь. 1942. № 11.

Кавтарадзе С. *Из воспоминаний о тов. Сталине.* Ворошиловград, 1936.

Кавтарадзе С. *Воспоминания* (рукопись на грузинском языке).

Каминский В., Верещагин И. *Детство и юность вождя. Документы, записки, рассказы* // Молодая гвардия. 1939. № 12.

Коллонтай А. *Из моей жизни и работы.* М., 1974.

Красин Л. *Большевистская партийная техника* // *Техника большевистского подполья: сборник статей и воспоминаний.* М., 1925.

Крупская Н. *Воспоминания о Ленине.* М., 1989.

Ладо Кецховели. Сборник документов и материалов. Тб., 1969.

Лакоба Н. *Сталин и Хашим.* Сухум, 1934.

Ленин В. *Полное собрание сочинений.* М., 1958–1965.

Луначарский А. *Революционные силуэты.* М., 1923.

Махарадзе Ф. *Очерки революционного движения в Закавказье.* Тифлис, 1927.

Махарадзе Ф., Хачапуридзе Г. *Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии.* М., 1932.

Медведева-Тер-Петросян С. *Товарищ Камо* // Пролетарская революция. 1924. № 8 / 9.

Мещеряков Н. *Как мы жили в ссылке.* Л., 1929.

Мгеладзе А. *Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого.* Тб., 2001.

Микоян А. *Так было.* М., 1999.

О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988.

Орджоникидзе-Торошелидзе М. *Воспоминания* (рукопись, Тбилиси).

Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1905–1907 гг. М., 1982.

Пестковский С. *Воспоминания о работе в Наркомнаце (1917–1919)* // Пролетарская революция. 1930. № 6.

Пестковский С. *Об октябрьских днях в Питере* // Пролетарская революция. 1922. № 10.

Протоколы Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников 27 марта – 2 апреля 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6.

Пятый (лондонский) съезд РСДРП: *протоколы, апрель – май 1907 года.* Москва, 1963.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958.

Раскольников Ф. *Приезд тов. Ленина в Россию //* Пролетарская революция. 1923. № 1.

Рассказы о великом Сталине. Тб., 1941.

Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937.

Революция 1905 года в Закавказье. Тифлис, 1926.

Рид Дж. *Десять дней, которые потрясли мир.* М., 2012.

Сагирашвили Д. *Сталин (из воспоминаний и размышлений) //* Вестник института по изучению истории и культуры СССР. Март – апрель 1954. № 9.

Самойлов Ф. *Большевистская фракция IV Государственной думы в енисейской ссылке перед Февральской революцией //* Пролетарская революция. 1927. № 2 / 3 (февраль – март).

Самойлов Ф. *По следам минувшего. Воспоминания старого большевика.* М., 1934.

Свердлов Я. *Избранные произведения:* в 3 т. М., 1957.

Свердлова К. *Яков Михайлович Свердлов.* М., 1957.

Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. *Протоколы.* М., 1958.

Сергеев Ф. *Статьи, речи, письма.* М., 1983.

Слово товарищу Сталину / сост. Р. Косолапов. М., 2002.

Спандарян С. (Тимофей). *Статьи, письма, документы 1882–1916.* Ереван, 1940; 1958.

Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи / Сост. М. Лобанов, Л. Аннинский и др. М., 2002.

Сталин И. (К.) *К национальному вопросу: еврейская буржуазная и бундовская культурно-национальная автономия //* Просвещение. 1913. № 6.

Сталин И. *Сочинения.* Т. 1–13. М., 1952–1954.

Сталин И. *Сочинения*. Т. 14–18. М. – Тверь, 1997–2006.

Сталь Л. *Работница в октябре //* Пролетарская революция. 1922. № 10.

Стасова Е. *Партийная работа в ссылке и в Петрограде // В годы подполья: сборник воспоминаний, 1910 г. – февраль 1917.* М., 1964.

Стасова Е. *Страницы жизни и борьбы.* М., 1957.

Сулиашвили Д. *Ученические годы*. Тб., 1942.

Суханов Н. *Записки о революции:* в 3 кн. М., 1991.

Талаквадзе С. *К истории коммунистической партии Грузии.* Тифлис, 1925.

Товстуха И. *Иосиф Виссарионович Сталин: краткая биография.* М. – Л., 1927.

Трифонов Ю. *Отблеск костра. Исчезновение.* М., 1988.

Троцкий Л. *Иосиф Сталин. Опыт характеристики* // Троцкий Л. *К истории русской революции.* М., 1990.

Троцкий Л. *Моя жизнь.* М., 2001.

Троцкий Л. *Сталин:* в 2 кн. М., 2011.

ТРОЯНОВСКИЙ О. *Через годы и расстояния.* М., 1997.

Уратадзе Г. *Воспоминания грузинского социал-демократа.* Stanford, 1968.

ХРУЩЕВ Н. *Время. Люди. Власть: воспоминания:* в 4 кн. М., 1999.

ЦЕРЕТЕЛИ И. *Воспоминания о Февральской революции.* Р., 1963.

ЧАРКВИАНИ К. *Воспоминания* (в рукописи).

Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. М., 1949.

Четвертый (объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959.

ЧУЕВ Ф. *Молотов: полудержавный властелин.* М., 1999.

ЧУЕВ Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым.* М., 1991.

ЧУЕВ Ф. *Так говорил Каганович.* М., 2002.

ШАУМЯН С. *Избранные произведения.* М., 1957; 1978.

ШВЕЙЦЕР В. *Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика.* М., 1940.

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958.

ШЛЯПНИКОВ А. *Семнадцатый год.* М. – Пг., 1923.

ШОТМАН А. *Как из искры возгорелось пламя.* Л., 1935.

ЭФЕНДИЕВ С. *Из истории революционного движения тюркского пролетариата // Из прошлого. Статьи и воспоминания по истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку.* Баку, 1923.

Юрий Жданов, второй муж дочери "отца народов": Я знал Сталина с пятнадцати лет // Комсомольская правда. 10–12 янв. 2007.

Ярославский Е. *Три встречи* // Правда. 23 дек. 1939.

Дэда эна / сост. Я. Гогебашвили. Тифлис, 1912, 1916.

Нуцубидзе К., Нуцубидзе Ш. *Накадули.* Тб., 1993.

Цинцадзе К. *Чеми могонебани* ("Мои воспоминания, 1903–1920") // Революциис матиани. Тифлис, 1923–1924. № 2–3.

ЦИНЦАДЗЕ К. *Рогор вибрдзолот пролетариатис диктатуриствис: чеми могонебани* ("Как бороться за диктатуру пролетариата: мои воспоминания, 1903–1920"). Тифлис, 1927.

ALLILUYEVA S. *Twenty Letters to a Friend.* L., 1967.

BAIKALOFF A. *I Knew Stalin.* L. 1940.

BARBUSSE H. *Stalin: A New World through One Man.* N. Y, 1935.

Bazhanov B. *Bazhanov and the Damnation of Stalin.* Athens, Ohio

1990.

BESSEDOVSKY G. *Revelations of a Soviet Diplomat.* L., 1931.

The Bolsheviks and the October Revolution: The Minutes of the Central Committee of the Russian. Social-Democratic Party (Bolsheviks), August 1917 – February 1918. L., 1974.

Bukharin N. *How It All Began.* N. Y, 1998.

CHAVICHVILI KHARITON. *Patrie, prisons, exil – Staline et nous. P.,* 1946.

CHAVICHVILI KHARITON. *Révolutionnaires russes à Genève en 1908.* Geneva 1974.

DASTAKIAN NIKITA. *Il venait de la Ville Noire: souvenirs d'un Arménien du Caucase.* P., 1998.

DAVRICHEWY JOSEF. *Ah! Ce qu'on rigolait bien avec mon copain Staline.* P, 1979.

Davrichewy Josef. *Je suis le demi-frère de Staline //* Miroir de l'Histoire. December 1967.

Djilas Milovan. *Conversations with Stalin.* N. Y., 1962.

Gorky Maxim. *Days with Lenin.* L., n.d.

Gromyko A. *Memoirs.* L., 1989.

Iremaschwili J. *Stalin und die Tragödie Georgiens.* Berlin, 1932.

Kennan G. *Siberia and the Exile System.* L., 1891.

Khatissian Alexander. *Memoirs of a Mayor //* Armenian Review. 2 (3). September 1949.

Khrushchev N. *Khrushchev Remembers.* L., 1971.

Khrushchev N. *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes.* L., 1990.

Krupskaya N. *Memoirs of Lenin.* L., 1970.

Lansbury George. *My Life.* L., 1928.

Ludwig Emil. *Stalin.* N. Y., 1942.

Mikoyan A. *The Memoirs of Anastas Mikoyan, vol. 1: The Path of Struggle*. Madison, Connecticut, 1988.

Molotov Remembers, ed. F. Chuev. Chicago 1993.

Nikolaevsky Boris. *Power and the Soviet Elite: The Letter of an Old Bolshevik and Other. Essays.* N. Y., 1965.

Orlov Alexander. *Secret History of Stalin's Crimes.* L., 1954.

Perkins Frances. *The Roosevelt I Knew.* N. Y., 1946.

Roelofs Saakashvili Sandra. *Story of an Idealist.* Tbilisi 2005.

Sagirashvili David. *Stalin and Social Democracy: The Political Diaries of David A. Sagirashvili, up. dissertation by Roy Stanley De Lon.* Georgetown University, Washington, D. C., 1974.

Serge Victor. *Portraite de Staline.* P., 1940.

Sidamon-Eristoff, Prince Simon C. *For My Grandchildren: The Memoirs of Colonel Prince.*

Simon C. *Sidamon-Eristoff.* Частное издание.

Souvarine Boris. *Staline.* P., 1935.

Stalin I. *Works:* vol. 1–13. Moscow – L., 1953.

Stalin-Kaganovich Correspondence 1931–1936 / ed. R. W. Davies, Oleg Khevnuik and E. A.

Rees. New Haven, 2003.

Sukhanov N. *The Russian Revolution 1917: A Personal Record.* Oxford 1955.

Yaroslavsky E. *Landmarks in the Life of Stalin.* L., 1942.

Дополнительная

Абрамов А. *Начало революционной деятельности И. В. Сталина.* Л., 1939.

Акопян Г. *Степан Шаумян: жизнь и деятельность.* 1878–1918. М., 1973.

Антонов-Овсеенко А. В. *Сталин без маски.* М., 1990.

Безиргани Г. *Коба и Камо* // Перспективы. 1991. № 6.

Беридзе С., Девдориани Г. *Михаил Григорьевич Цхакая* // Вопросы истории КПСС. № 5. 1965.

Ваксберг А. *Царица доказательств. Вышинский и его жертвы.* М., 1992.

Васильева Л. *Дети Кремля.* М., 2001.

Васильева Л. *Кремлевские жены.* М., 2008.

Волкогонов Д. *Ленин: политический портрет.* М., 1999.

Волкогонов Д. *Сталин: политический портрет.* М., 1998.

Волкогонов Д. *Троцкий: политический портрет.* М., 1998.

Гейфман А. *Революционный террор в России, 1894–1917.* М., 1997.

Городецкий Е., Шарапов Ю. *Свердлов.* М., 1971.

Дадиани С. *Сталин в Чиатурах.* Тб., 1940.

Даушвили А. *Повесть о Сосо Джугашвили.* Тб., 2000.

Дело провокатора Малиновского. М., 1992.

Дубинский-Мухадзе И. *Камо.* М., 1974.

Дубинский-Мухадзе И. *Орджоникидзе.* М., 1963.

Дубинский-Мухадзе И. *Шаумян.* М., 1965.

Емельянов Ю. *Сталин: путь к власти.* М., 2003.

Жуков Ю. *Гори – Тбилиси* // Новый мир. 1939. № 12.

Илизаров Б. *Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива* (К историософии сталинизма). М., 2002.

Имнаишвили Р. *Камо.* Тб., 1955.

История Абхазии / под ред. С. Лакобы и др. Гудаута, 1993.

Каптелов Б., Перегудова З. *Был ли Сталин агентом охранки?* // Родина. 1989. № 5.

Кубичек А. *Фюрер, каким его не знал никто.* М., 2009.

Коленик А. *Хроника жизни семьи Сталина.* Харьков, 1990.

Коэн С. *Бухарин. Политическая биография. 1888–1936.* М., 1988.

Лакоба С. *Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов.* Сухуми, 1984.

Лакоба С. *Легендарное начало века //* Советская Абхазия. 1982. 28 июля. № 145.

Лакоба С. *Очерки политической истории Абхазии.* Сухуми, 1990.

Лакоба С. *Ответ историкам из Тбилиси.* Сухуми, 2001.

Логинов В. *Тени Сталина.* М., 1991.

Майский И. *Путешествие в прошлое.* М., 1960.

Маскулия А. *Михаил Григорьевич Цхакая.* М., 1968.

Медведев Р., Медведев Ж. *К суду истории: о Сталине и сталинизме.* М., 2011.

Медведев Р., Медведев Ж. *Неизвестный Сталин.* М., 2001.

Монтефиоре С. *Сталин. Двор Красного монарха.* М., 2005.

Москалев М. *Большевистские организации Закавказья периода первой русской революции и в годы столыпинской реакции.* М., 1940.

Муравьева Л., Сиволап-Кафтанова И. *Ленин в Лондоне.* М., 1981.

Николаевский Б. *Большевистский центр //* Родина. 1992. № 3 / 5.

Никонов В. *Молотов. Молодость.* М., 2005.

Островский А. *Кто стоял за спиной Сталина?* СПб., 2002.

Очерки истории Коммунистической партии Грузии / ред. В. Г. Эсаишвили. Тб., 1957.

Пайпс Р. *Россия при старом режиме.* М., 2012.

Пайпс Р. *Русская революция:* в 2 т. М., 1990.

Поспеловский Д. *Русская православная церковь в хх веке.* М., 1995.

Рабинович А. *Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде.* М., 1989.

Радзинский Э. *Александр II.* М., 2011.

Радзинский Э. *Сталин.* М., 2007.

Рейфилд Д. *Сталин и его подручные.* М., 2008.

Рохлин А. *Где прятали незаконнорожденного сына Сталина? //* Московский комсомолец. 1996. 22 июня. № 114.

Славин Б. *Сталин и охранка //* Альтернативы. 1990. № 1.

Слассер Р. *Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции.* М., 1989.

Страницы славной истории. Воспоминания о "Правде". 1912–1917 гг. / ред. Л. Иванова. М., 1962.

Сулейманов М. *Дни минувшие.* Баку, 1967.

Сулиашвили Д. *Ученические годы.* Тб., 1942.

Суходеев В. *Сталин в жизни и легендах.* М., 2003.

Сухотин Ю. *Бастарды красного вождя* // Час пик. 21 октября 1995. № 189.

Такер Р. *Сталин. История и личность.* М., 2006.

Фельштинский Ю. *Был ли Сталин агентом охранки? Сборник статей, материалов и документов.* М., 1999.

Хоскинг Дж. *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе.* М., 2012.

Шейнис З. *Максим Максимович Литвинов.* М., 1989.

Эмексузян В. *Сурен Спандарян.* М., 1982.

Ягубов С. *Сталин был вождем рабочего движения в Баку.* М., 1947.

Agursky M. *Stalin's Ecclesiastical Background* // Survey. no. 4. 1984.

Antonov-Ovseenko A. *The Time of Stalin: Portrait of Tyranny.* N. Y., 1980.

Applebaum Anne. *Gulag: A History.* L., 2003.

Ascher Abraham. *The Revolution of 1905 – Russia in Disarray.* Stanford, 1988.

Ascher Abraham. *The Revolution of 1905 – Authority Restored.* Stanford, 1992.

Avtorkhanov A. *Stalin and the Soviet Communist Party.* L. 1959.

Baberowski Jorg. *Der Feind is überall: Stalinismus im Kaukasus.* Munich 2003.

Baedeker Karl. *Baedeker's Russia.* L., 1914.

Baynac J. *Kamo: L'homme de main de Lénine.* P., 1972.

Biagi E. *Svetlana: The Inside Story.* L., 1967.

Black Conrad. *FDR, Champion of Freedom.* L., 2003.

Bjorkegren Hans. *Ryska Posten: de ryska revolutionarerna i norden 1906–17.* Stockholm, 1985.

Brackman Roman. *Israel at Noon.* N. Y., 2006.

Brackman Roman. *The Secret File of Joseph Stalin: A Hidden Life.* London 2001.

Burleigh Michael. *Sacred Causes: Religion and Politics from the European Dictators to Al Qaeda.* L., 2006.

Carswell John. *The Exile: The Life of Ivy Litvinov.* L., 1980.

Charroux Robert. *Révélations sur l'enfance de Staline* // Miroir de l'Histoire. October 1963.

Clements Barbara Evans. *Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai.* Bloomington, Indiana, 1979.

Clements Barbara Evans. *Bolshevik Women.* Cambridge, 1997.

Conquest Robert. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties.* L., 1973.

Conquest Robert. *Stalin: Breaker of Nations.* L., 1993.

Soviet History, 1917–53: Essays in Honour of R. W. Davies / ed. by J. Cooper, M. Perrie, and E. A. Rees. L., 1995.

Daly Jonathan W. *Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905.* DeKalb, Illinois, 1998.

Daly Jonathan W. *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia 1906–1917.* DeKalb, Illinois, 2004.

Delbars Yves. *The Real Stalin.* L., 1953.

De Lon Roy Stanley. *Stalin and Social Democracy: The Political Diaries of David A Sagirishvili.* Georgetown University, Washington, D. C., 1974. (Неопубликованная диссертация.)

Deutscher I. *Stalin: A Political Biography.* L., 1966.

Elliott Geoffrey. *From Siberia with Love*. L., 2004.

Elwood R. *Roman Malinovsky: A Life without a Cause.* Newtonville, 1977.

Essad Bey. *Stalin: The Career of a Fanatic.* L., 1932.

Ettinger Elzbieta. *Rosa Luxemburg: A Life.* L., 1988.

Farnsworth Beatrice. *Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution*. Stanford, 1980.

Ferguson Niall. *The World's Banker: The History of the House of Rothschild.* L., 1998.

Ferguson Niall. *The War of the World.* N. Y., 2006.

Figes Orlando. *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924.* L., 1996.

Fishman W. *East End Jewish Radicals.* L., 1975.

Fishman W. *Streets of the East End.* L., 1979.

Fishman W. *East End, 1888: A Year in a London Borough among the Labouring Poor.* L., 1988.

Fuller William C., Jr. *The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia.* Ithaca, N. Y., 2006.

Futrell Michael. *Northern Underground.* L., 1963.

Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917 / ed. by Anna Geifman. Oxford, 1999.

Geifman Anna. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917.* Princeton, 1993.

Getzler I. *Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat.* L., 1967.

Getzler I. *Nikolai Sukhanov: Chronicler of the Russian Revolution.* L., 2002.

Guruli Vakhtang. *Materials for Stalin's Biography.* Tbilisi, 1998.

Hall Coryne. *Imperial Dancer: Mathilde Kschessinskaya and the Romanovs.* L., 2005.

Hamann Brigitte and Thomas Thorton. *Hitler's Vienna: A Dictator's Apprenticeship.* Oxford, 1999.

Jones J. Sydney. *Hitler in Vienna.* L., 1983.

Jones Stephen F. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democrac y, 1883–1917.* Cambridge, Massachusetts 2005.

Kennan George. *Historiography of the Early Political Career of Stalin* // American Philosophical Society. no. 3. 1971.

Kershaw Ian. *Hitler 1889–1936: Hubris.* L., 1998.

Khlevniuk Oleg. *In Stalin's Shadow: The Career of Sergo Ordzhonikidze.* N. Y., 1993.

King Greg. *The Court of the Last Tsar.* L., 2006.

Klier J., Lambroze S. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History.* Cambridge, 1992.

Knight Amy. *Beria: Stalin's First Lieutenant.* Princeton 1993.

Kujala Antti. *Finnish Radicals and the Russian Revolutionary Movement, 1899–1907* // Revolutionary Russia 5. December 1992.

Kujala Antti, et al. *Lenin Ja Suomi.* Helsinki, 1987.

Kujala Antti. *Russian Revolutionary Movement and the Finnish Opposition, 1905* // Scandinavian Journal of History. no. 5. 1980.

Kun Miklos. *Stalin: An Unknown Portrait.* Budapest, 2003.

Lang D. *Modern History of Georgia.* London 1962.

Lauchlan Iain. *Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg, 1906–14.* Helsinki 2002.

Lee Eric. *Eremin Letter: Documentary Proof That Stalin Was Okhrana Spy?* // Revolutionary Russia 6. June 1993.

Les Bolsheviks par eux-même / ed. par Haupt, Georges. P., 1969.

Levine Isaac Don. *Stalin's Great Secret.* N. Y., 1956.

Lieven D. *Russia's Rulers under the Old Regime.* New Haven, 1989.

Lieven D. *Nicholas II: Emperor of All the Russias.* L., 1993.

Lincoln W. Bruce. *Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918.* N. Y., 1986.

London Landmarks: *A Guide with Maps to Places Where Marx, Engels and Lenin Lived and Worked.* L., 1963.

Ludwig E. *Stalin.* N. Y., 1942.

Marcou Lily. *Staline: Vie privée.* P., 1996.

McNeal R. *Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin.* L., 1973.

McNeal R. *Stalin: Man and Ruler.* L., 1985.

Medvedev Roy. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* L., 1971.

Merridale Catherine. *The Making of a Moderate Bolshevik: An Introduction to L. B. Kamenev's Political Biography // Soviet History, 1917–1953* / ed. by Julian Cooper, Maureen Perrie and E. A. Rees. L., 1995.

Montefiore Simon Sebag. *Stalin: The Court of the Red Tsar.* L., 2003.

Moore James. *Gurdjieff.* Shaftesbury, Dorset, 1991.

Montefiore Simon Sebag. *Stalin: The Court of the Red Tsar.* L.,

2003.

Nikolaysen H. *SD Networks in Transcaucasia and Stalin: The Rise of a Regional Party Functionary, 1887–1902.* Stanford, 1991.

Obolenskaya R. *Kamo: The Life of a Great Revolutionist.* L., n.d.

Owen Frank. *Three Dictators.* L., 1940.

Palmer Alan. *The East End: Centuries of London Life.* L., 1982.

Pares Bernard. *The Fall of the Russian Monarchy.* L., 1939.

Pearson Michael. *Inessa: Lenin's Mistress.* L., 2001.

Phillips Hugh D. *Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov.* Boulder, Colorado, 1992.

Pipes Richard. *Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917-23.* Cambridge, Massachusetts, 1964.

Pipes Richard. *Revolutionary Russia.* Cambridge, Massachusetts 1968.

Pipes Richard. *The Unknown Lenin.* New Haven, 1996.

Pipes Richard. *The Degaev Affair.* New Haven, 2003.

Pope Arthur Upham. *Maxim Litvinov.* L., 1943.

Porter Cathy. *Alexandra Kollontai.* L., 1980.

Pospielovsky Dmitri. *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982.* New York, 1983.

Rabinowitch A. *Prelude to Bolshevism: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising* Bloomington, Indiana, 1968.

Raguza Imam. *La Vie de Staline.* Paris 1938.

Rayfield D. *Stalin the Poet //* PN Review 44. Manchester, 1984.

Reiss Tom. *The Orientalist.* N. Y, 2005.

Richardson R. *The Long Shadow.* L., 1993.

Rieber A. *Stalin: Man of the Borderlands //* American History Review. no. 5. 2001.

Robbins Richard G. *The Tsar's Viceroys.* Ithaca 1987.

Roobol W. *Tsereteli: A Democrat in the Russian Revolution: A Political Biography.* The Hague, 1976.

Rothstein Andrew. *Lenin in Britain.* L., 1970.

Ruud Charles A., and Sergei A. Stepanov. *Fontanka 16: The Tsar's Secret Police.* Quebec, 1999.

Schorske Carl E. *Fin-de-Siècle Vienna.* L., 1980.

Service R. *The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change.* L., 1979.

Service R. *Joseph Stalin: The Making of a Stalinist // Politics, Society and Stalinism in the USSR /* ed. by John Channon. L., 1998.

Service R. *Lenin: A Biography.* London 2000.

Service R. *A History of Modern Russia from Nicholas II to Putin.* London 2003.

Service R. *Stalin: A Biography.* London 2004.

Seton-Watson H. *The Russian Empire, 1801–1917.* Oxford 1967.

Shub David. *Kamo: Legendary Old Bolshevik of the Caucasus* // Russian Review. 19 July 1960.

Smith E. *The Young Stalin.* N. Y, 1967.

Stugart M. [Ответы на вопросы читателей] // Dagens Nyheter. Stockholm. 22 March 2004.

Suleymanov Manaf. *Eşitdiklərim, oxuduqlarım, gördüklrim.* Bakı, 1996.

Suny R. *A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 – May 1908* // Soviet Studies. no. 3. 1972.

Suny R. *Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia* // Slavic Review 50.

Spring 1991.

Suny R. *The Making of the Georgian Nation.* L., 1989.

Thompson Bruce. *Hitler's Vienna.* L., 1983.

Thompson Bruce. *Schnitzler's Vienna.* L., 1990.

Tolf Robert W. *The Russian Rockefellers: The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry*. Stanford, 1976.

Tucker R. *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality*.

L., 1974.

Tucker R. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1929–1941*. N. Y. – L., 1990.

Ulam Adam. *Lenin and the Bolsheviks.* L., 1966.

Vaksberg Arkady. *Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky*. N. Y., 1990.

Van Ree Erik. *Stalin and the National Question* // Revolutionary Russia 7. December 1994.

Van Ree Erik. *Stalin's Bolshevism: The First Decade* // International Review of Social History 39. 1994.

Van Ree Erik. *Stalin's Bolshevism: The Year of Revolution* // Revolutionary Russia 13. June 2000.

Vitebsky Piers. *Reindeer People.* L., 2005.

Volkogonov D. *Stalin: Triumph and Tragedy*. N. Y., 1988.

Volkogonov D. *Lenin: Life and Legacy.* L., 1995.

Williams Robert C. *The Other Bolsheviks: Lenin and his Critics, 1904–1914.* Bloomington, Indiana 1986.

Yergin Daniel. *The Prize.* L., 1991.

Вкладка

398.4

“Годы учения” Сталина – безжалостного диктатора-параноика. На этой фотографии запечатлен главный организатор заговоров, бдительный архиконспиратор, виртуозный политик, зачинщик криминального и политического насилия, марксист-фанатик. На нем шляпа, рубашка с накрахмаленным воротником, шелковый галстук. Полицейский снимок, 1912.

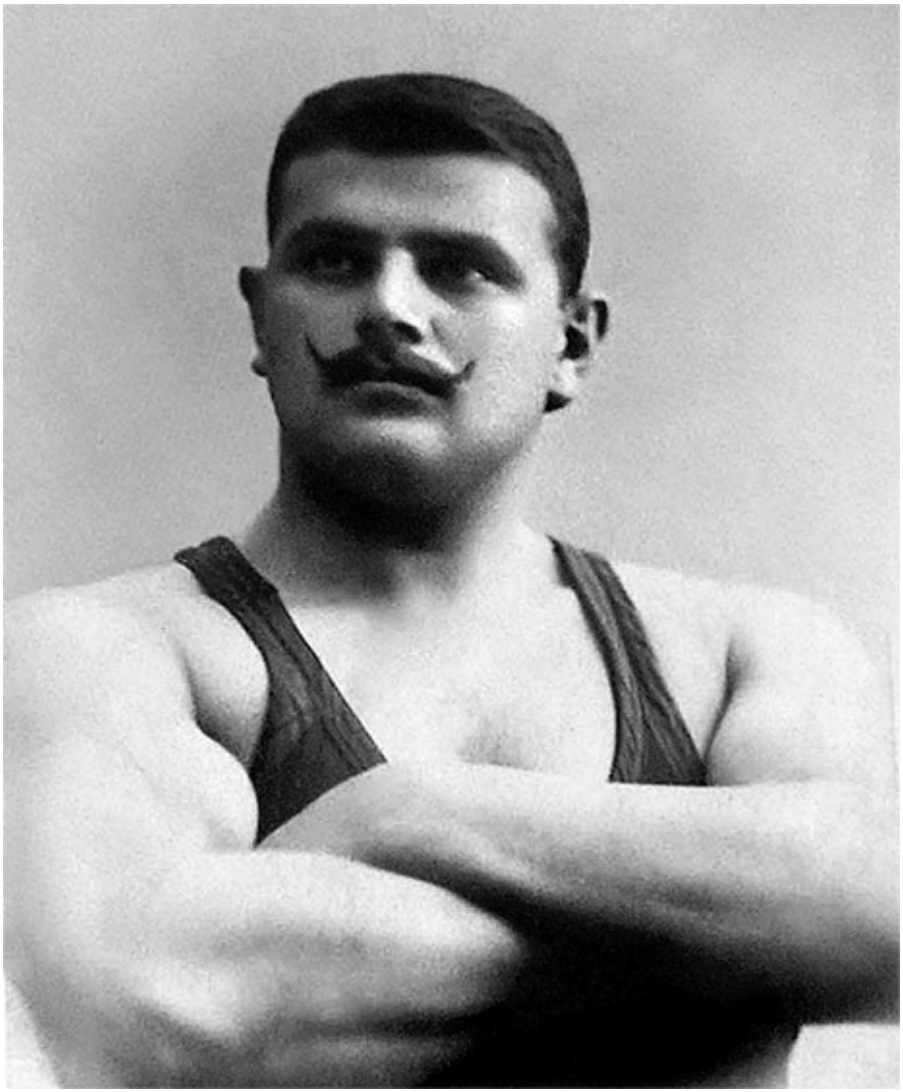
Школьник Сосо Джугашвили – будущий Сталин – в возрасте около десяти лет. Уже здесь он выглядит харизматичным лидером. Ростом он был меньше своих ровесников, с ним то и дело приключались болезни и несчастные случаи, но он сумел стать лучшим учеником и первым голосом в хоре. Именно он предложил сделать групповой снимок, нашел фотографа, рассадил товарищей и сам занял свое излюбленное место командира – в центре, в верхнем ряду.

Улицы Гори, одного из самых неспокойных городов в царской России, сделали из Сосо уличного бойца, главаря шайки и харизматичного манипулятора. Церковные праздники в Гори отмечались организованными потасовками, в которых участвовало все население – от младенцев до стариков. Слева – дом, где родился Сталин.

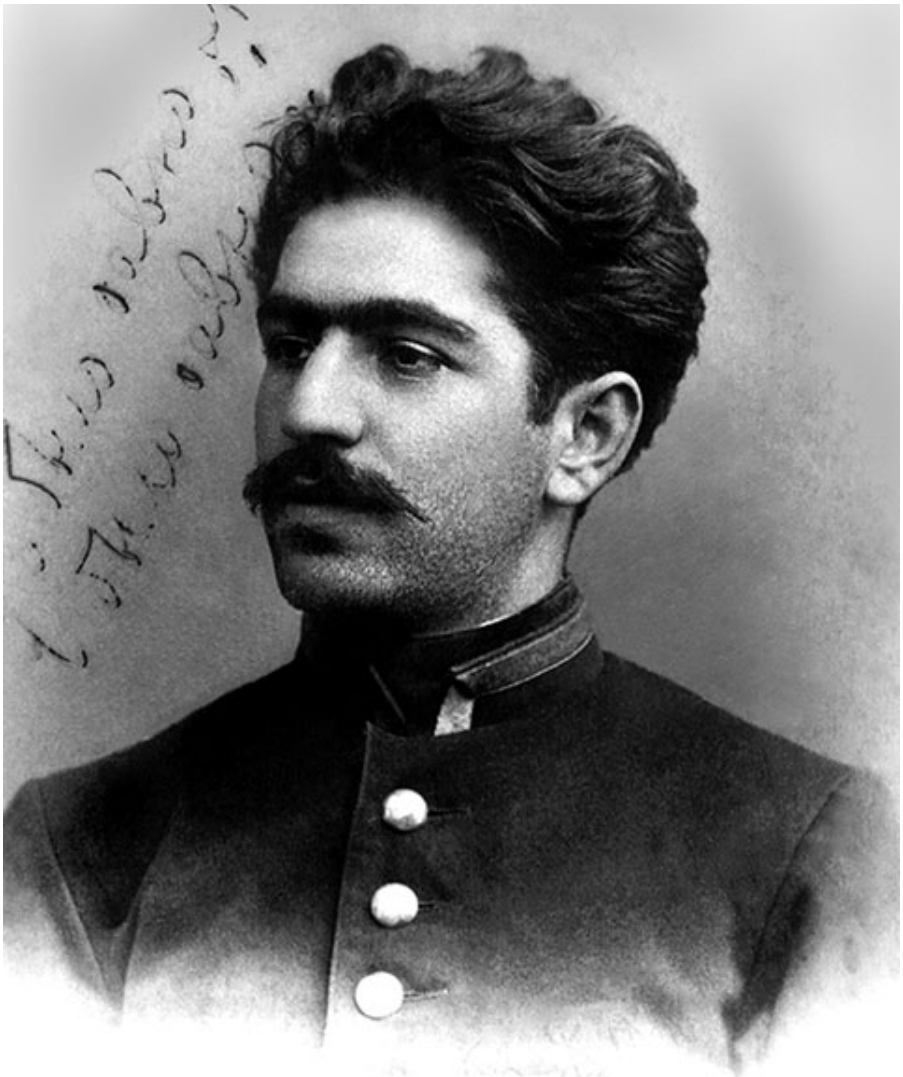
Официальное изображение “безумного” Бесо Джугашвили – сапожника, алкоголика, избивавшего жену и ребенка. Был ли он настоящим отцом Сталина? Сын не хотел его признавать. Ревность сводила Бесо с ума.

Пожилая Кеке Джугашвили, мать Сталина, незаурядная женщина. В молодости она была красива и умна, но властна и не лезла в карман за колким словом – как и ее сын. Мужчины, имевшие влияние в городе, защищали ее от Бесо.

Коба Эгнаташвили – возможно, настоящий отец Сталина. Этот борец и богатый владелец духана любил, обеспечивал и защищал Сосо.

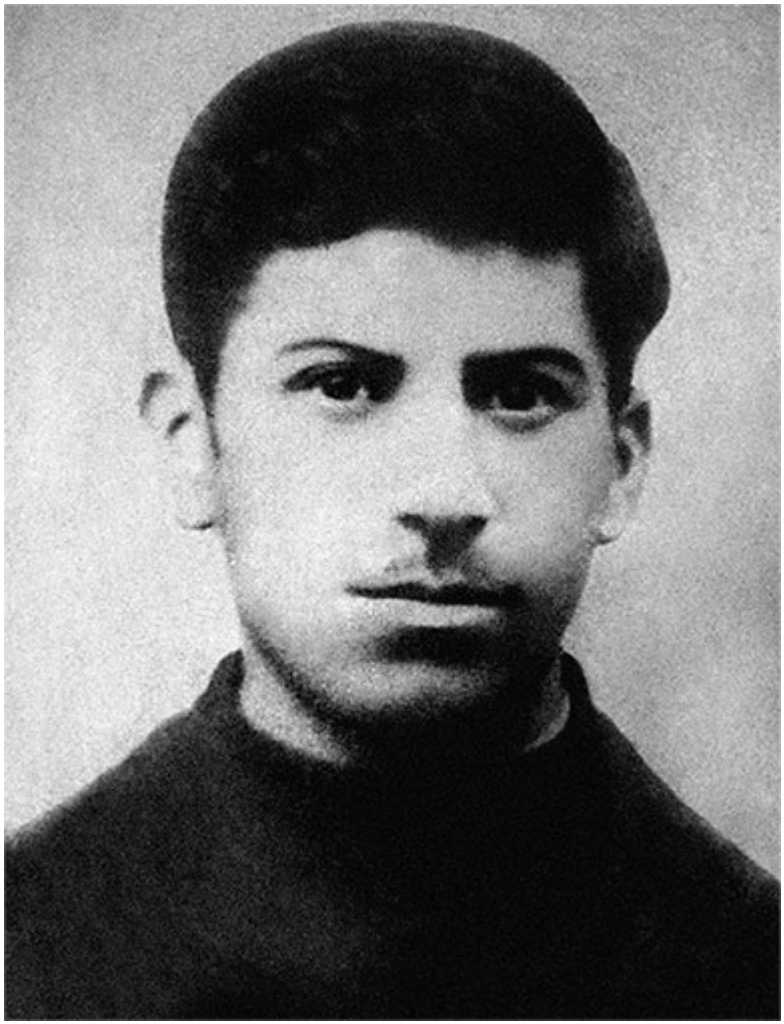


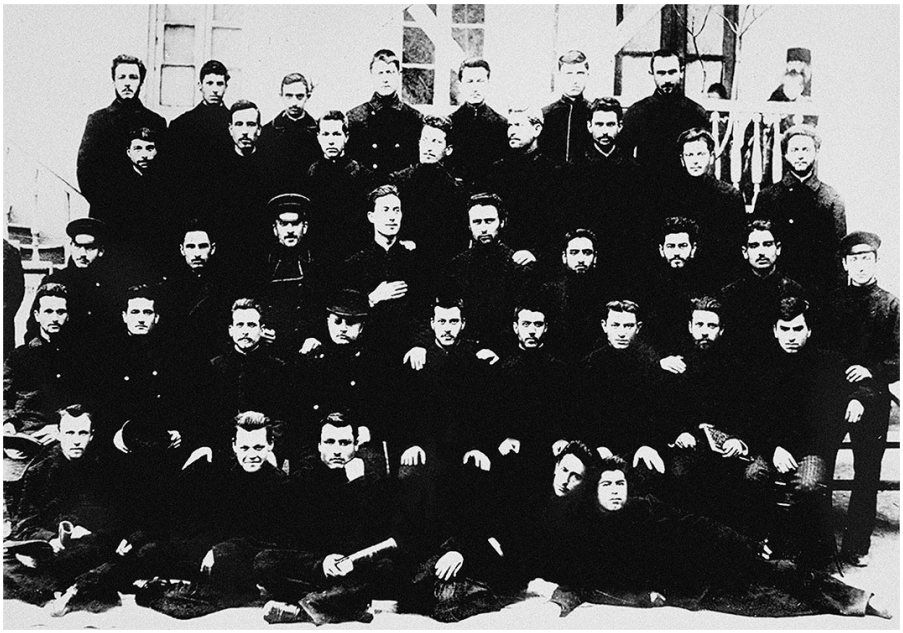
Возможно, сводный брат Сталина. Сосо рос в компании бравых братьев Эгнаташвили – среди них был еще один борец и предприниматель, Саша. Впоследствии Сталин сделал его своим кремлевским приближенным, генералом и дегустатором. У Саши было прозвище Кролик.



Начальник горийской полиции Дамиан Давришеви так явно ухаживал за Кеке, что Бесо порывался его убить. Его сын Иосиф *(справа внизу)* был другом детства Сталина и утверждал, что он его сводный брат. Они со Сталиным стали не только самыми известными, но и самыми успешными грабителями банков на Кавказе.

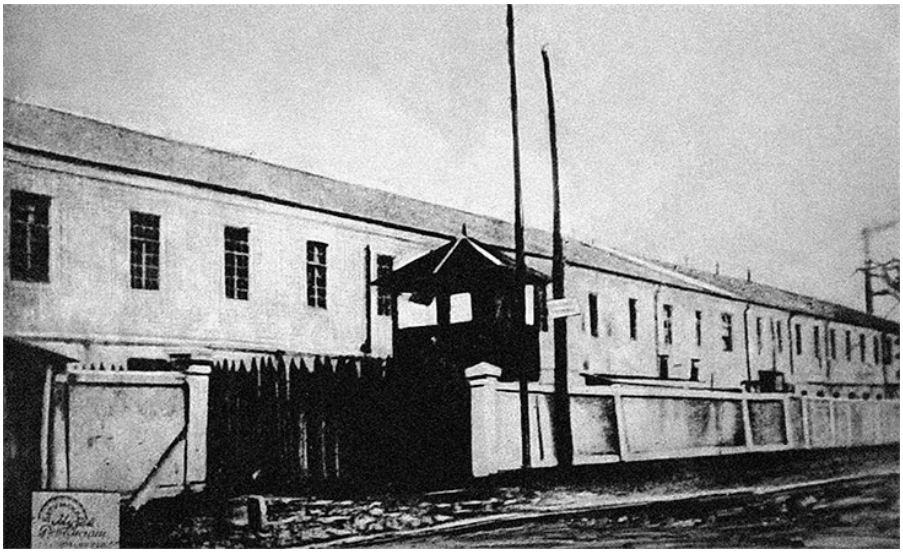
В 1894 году Сосо Джугашвили, стипендиат и солист в хоре, начал учиться в Тифлисской семинарии, которая напоминала английскую викторианскую частную школу под управлением духовенства.





Сталин в 1896 году. На групповом фото он второй слева в верхнем ряду.

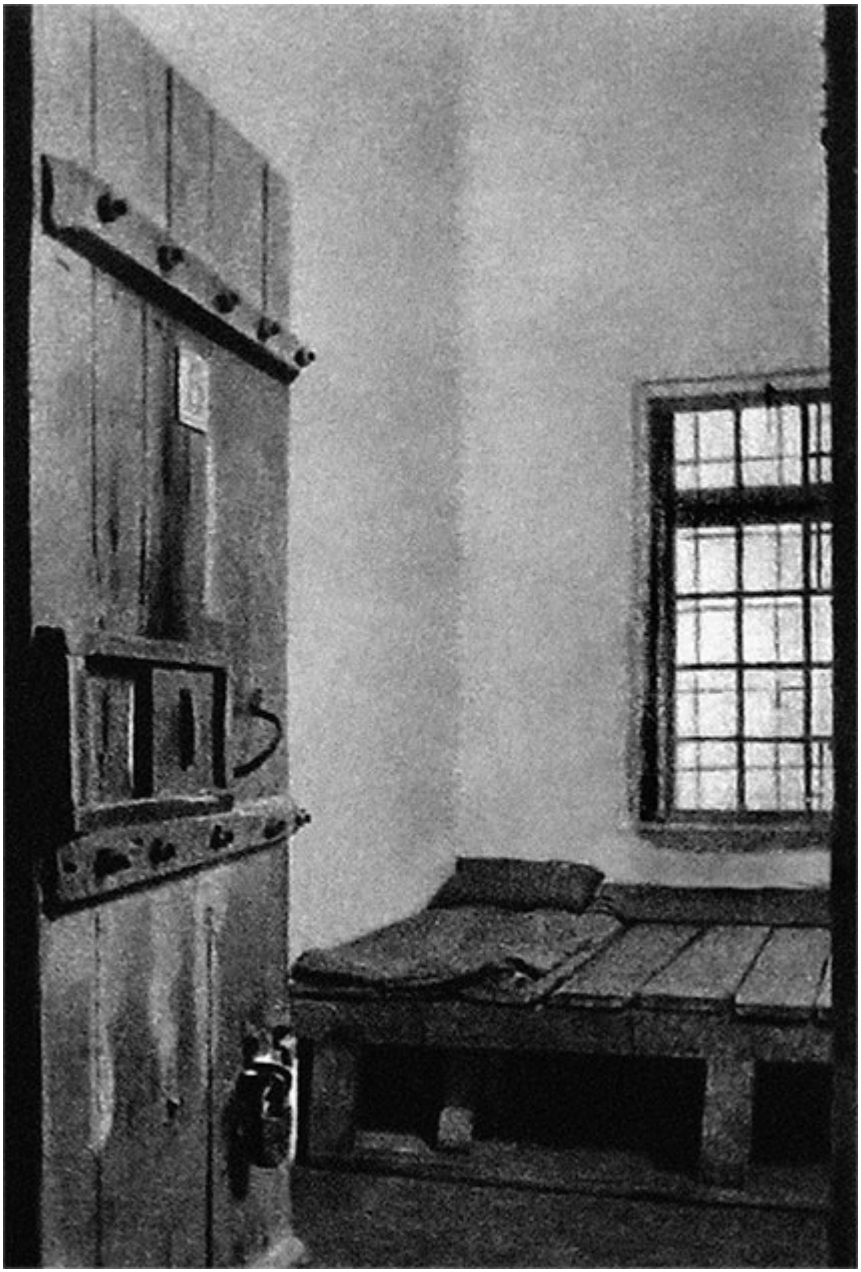
Гордость матери, первый ученик, Сосо вскоре вверг семинарию в хаос. Он увлекся марксизмом и объявил войну священнику, которого окрестил Черным Пятном.



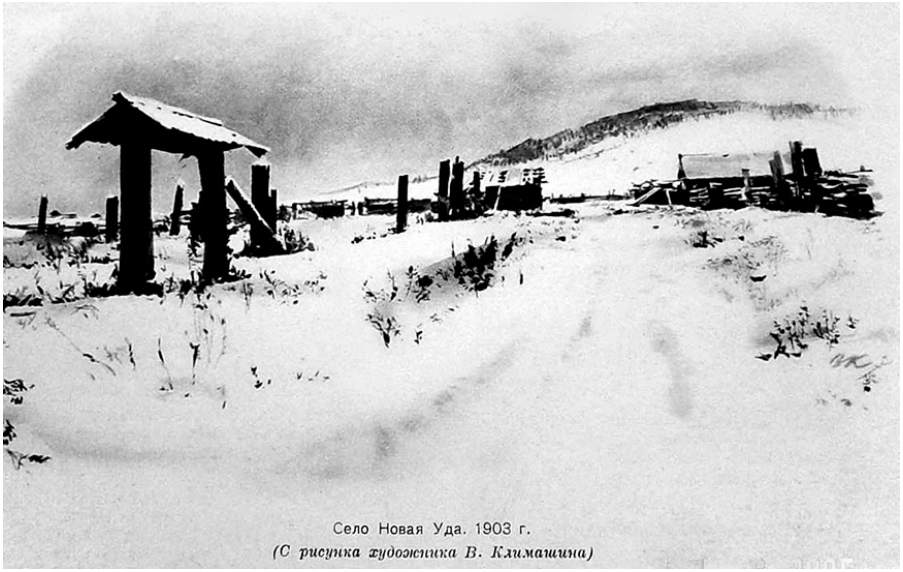
Батум, 1902. “Я работаю на Ротшильдов!” – возликовал Сталин. На другой день нефтепромышленный завод Ротшильдов был объят пламенем.

Такой же пожар на другом нефтяном заводе. Двадцатичетырехлетний Сталин принес в нефтяной порт Батум насилие и разрушение. Здесь он впервые приказал убить предателя, завязал несколько романов, спровоцировал бойню и печатал воззвания с помощью разбойника-мусульманина Хашима Смырбы *(ниже)*.

После первого ареста Сталин стал хозяином в тюрьме. Он расправлялся с врагами и не подчинялся начальству. В Кутаисской тюрьме длинноволосый марксист перед отбытием в сибирскую ссылку устроил групповой снимок. Сам он встал в верхнем ряду в центре (номер четыре).



Камера Сталина в Кутаисской тюрьме.



Село Новая Уда. 1903 г.
(С рисунка художника В. Климашина)

В своей первой ссылке – в Новой Уде – Сталин кутил с друзьями-уголовниками и готовился к побегу.

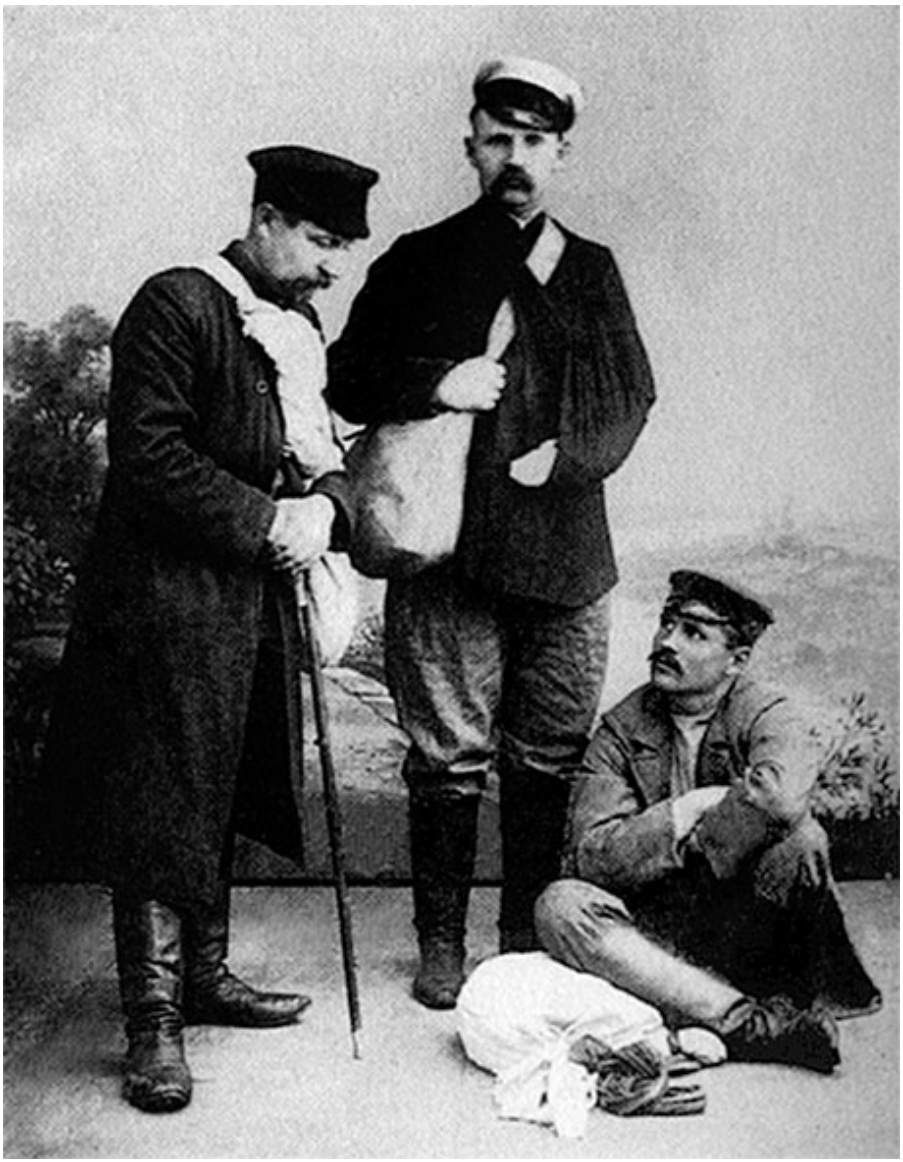
Даже когда Сталин был почти никому не известным

революционером без гроша за душой, у него всегда были любовницы: замужние и незамужние, молодые и зрелые, крестьянки, интеллигентные девушки и знатные дамы. Одной из первых была красивая замужняя женщина Наташа Киртава. Когда она отказалась переехать к Сталину, тот пришел в ярость.

Наполовину цыганка Ольга Аллилуева, жена большевика Сергея, товарища Сталина, славилась своей любвеобильностью. Вероятно, у нее был роман и со Сталиным, к которому она питала нежные чувства. Впоследствии Ольга стала его тещей.

Ольга с детьми Павлом, Федором, Анной – и Надей.

Конспирация. Во время революции 1905 года Сталин на манер Феджина из “Оливера Твиста” руководил шайкой уличных мальчишек *(вверху)*, которые воровали оружие и были его собственной разведкой. При этом за самим Сталиным охотились и следили шпики – агенты охранки. На снимке внизу они запечатлены в уличной “штатской” одежде. Впрочем, Сталин мастерски умел перехитрить охранку и внедрял туда своих агентов.

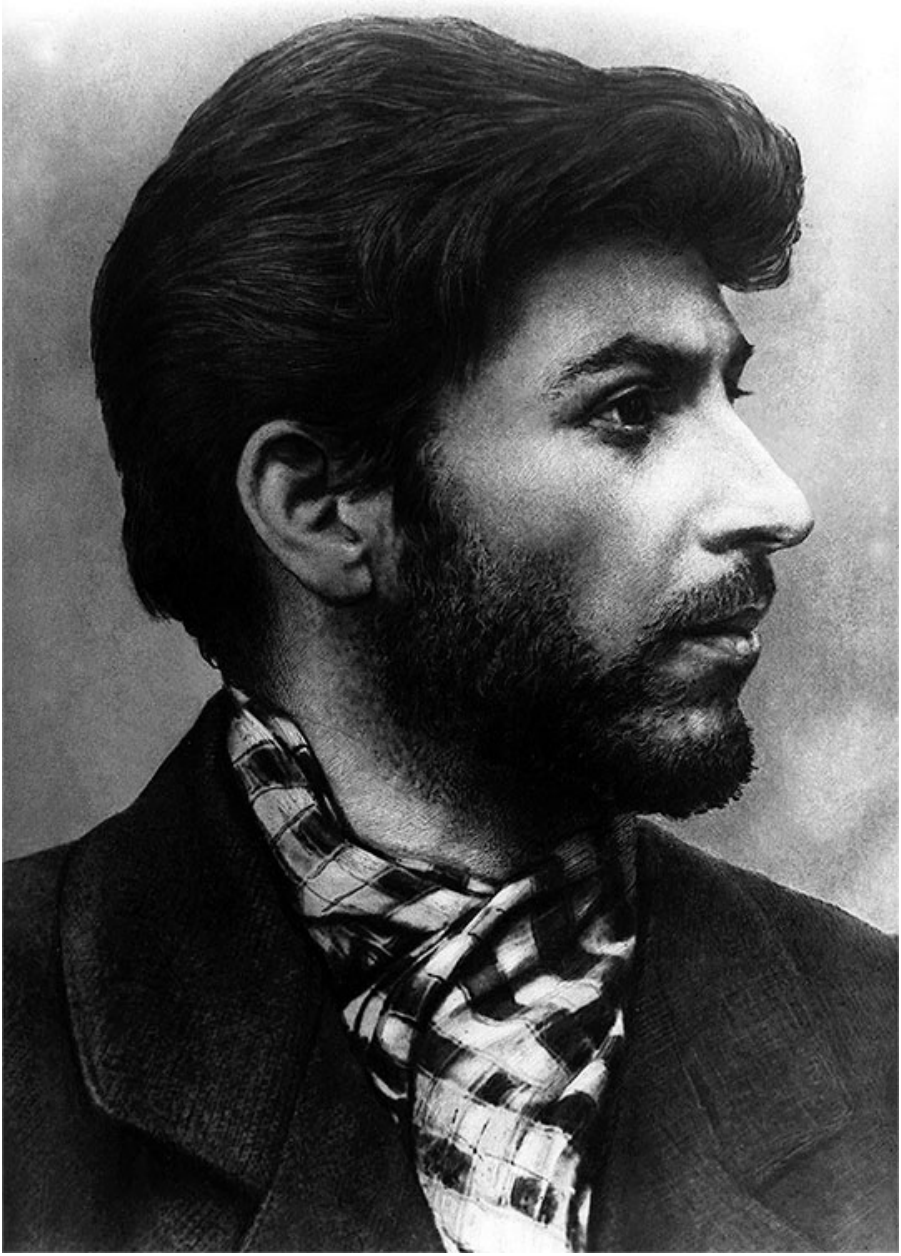


Камо в грузинской чохе. Друг детства Сталина, психопат и

головорез, он был “удивительным человеком”. Часто он предлагал Сталину: “Давай я его зарежу!” Этот простак, герой-любовник, грабитель банков, убийца, мастер побегов и переодеваний (он мог перевоплотиться в кого угодно, от прачки до князя) руководил сталинской тифлисской экспроприацией. Когда его арестовали, он несколько лет симулировал сумасшествие. Он стойко перенес такие пытки, что врачи поверили в его невменяемость.

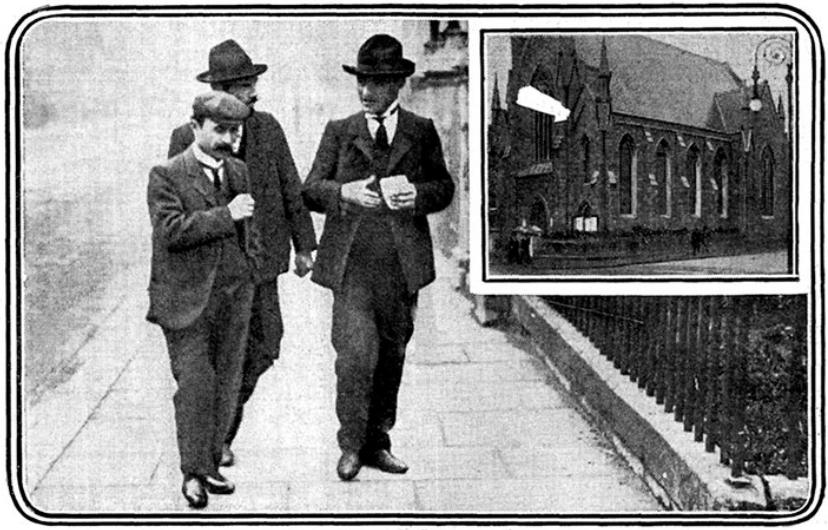
Владимир Ильич Ленин. Снимок относится примерно ко времени его знакомства со Сталиным, который почитал Ленина, но всегда имел собственное мнение. Ограбления банков и прочие бандитские операции Сталина стали для Ленина главным финансовым источником.

Лев Троцкий, блестящий, самовлюбленный еврей-интеллигент, председатель Петербургского совета. Был арестован в 1905 году. Сталин впервые встретился с Троцким в Лондоне и возненавидел его с первого взгляда.



Обреченная. Портниха Екатерина Сванидзе (Като), красивая девушка из благородной семьи, стала первой женой Сталина и родила ему сына Якова.

RUSSIAN REVOLUTIONISTS MEET SECRETLY IN A CHURCH HALL.



Day after day Russian Labour delegates meet in a hall attached to the Brotherhood Church, Southgate-road, N., in order to plot against the Russian Government. The large photograph shows three of them entering the hall, and the inset the Brotherhood Church, where the meetings take place.—(*Daily Mirror* photograph.)

Harmless pedestrians who pass the delegates in the streets [illegible] no idea of their proximity to revolutionists who are plotting [illegible]nst a throne.—(*Daily Mirror* photograph.)

The entrance to the hall, showing three delegates going in to a meeting and a watchman at the door.—(*Daily Mirror* photograph.)

Сталин в Лондоне. Во время этой поездки Ленин приказал Сталину совершить ограбление Тифлисского банка. Сталина чуть не избили английские докеры; он пытался выучить английский, слушая церковные службы. Газеты только и писали, что о террористах-радикалах в Лондоне.

RUSSIAN REVOLUTIONISTS AFRAID OF THE CAMERA.

A band of Russian revolutionists entering the Brotherhood Church Hall, Southgate-road, N., where their meetings are being held.—(Park.)

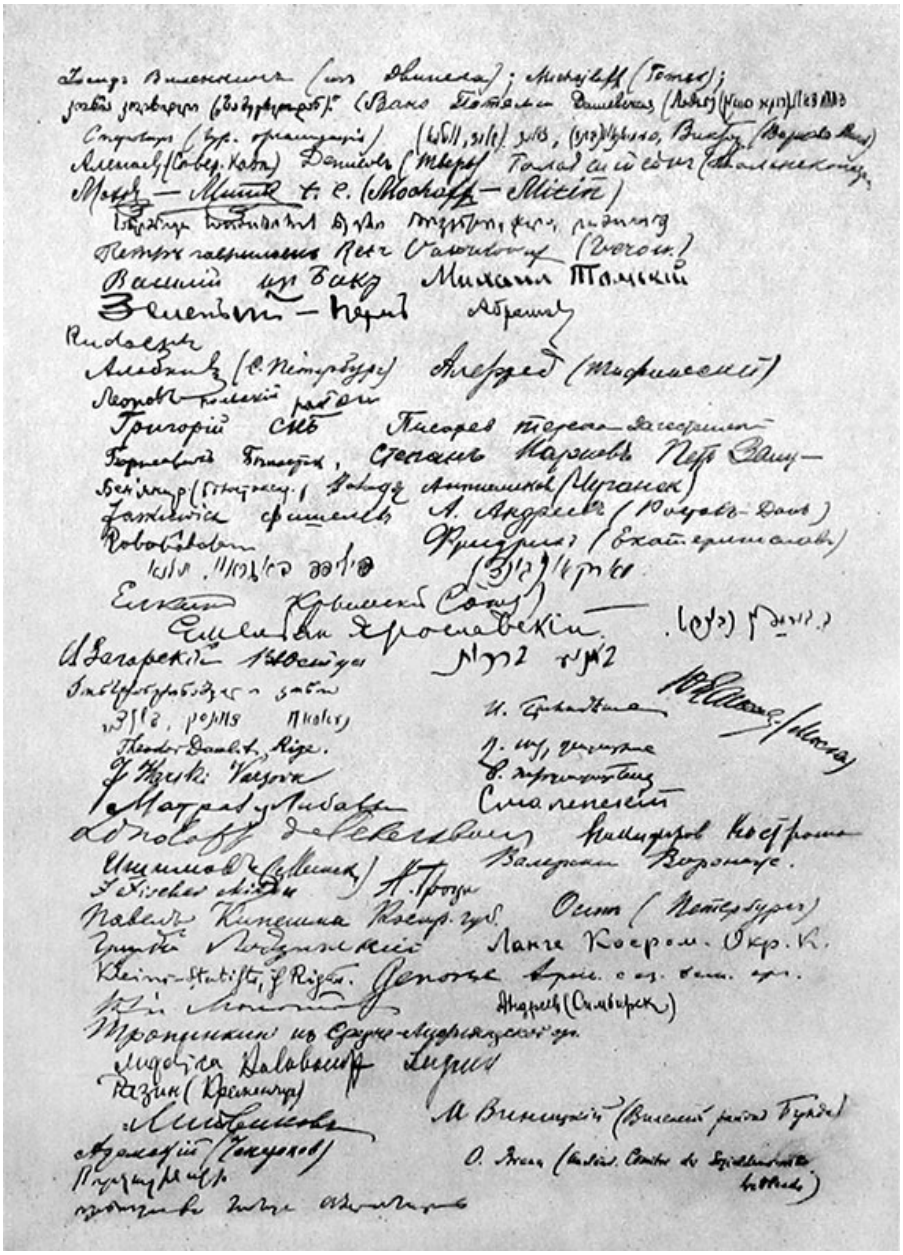
Революционеры прятались от фотографов.

Russian Social Democratic Labour Party

London Congress May 1907

Brotherhood Church
Islington Road N
London 30 May 1907

We the undersigned delegates to the Congress, for and on behalf of the Russian Social Democratic Labour Party, hereby promise to Mr Joseph Fels on or before the first of January 1908 the sum of seventeen hundred pounds sterling being the amount of a loan generously granted without interest



Когда у съезда кончились деньги, Ленину пришлось взять ссуду у американского “мыльного короля” – миллионера Джозефа Фелса, который заставил всех делегатов подписать с ним договор. Все подписались псевдонимами: Василий из Баку (нижний лист, восьмая подпись сверху в левом столбце) – это, вероятно, Сталин.

BOMB KILLS MANY; $170,000 CAPTURED

Missile Thrown by Terrorists at a Treasury Wagon in Tiflis.

OVER 50 PERSONS INJURED

Number of Dead Not Ascertained— Two Revolutionists Killed by Another Bomb in the Same City.

TIFLIS, June 26.—A bomb was thrown to-day in Erivan Square, in the centre of the town, which was thronged with people. The missile exploded with terrific force. Many persons were killed or injured and windows and doors were shattered over a large area.

A Treasury wagon containing $170,000, escorted by Cossacks, had reached Erivan Square when the bomb was thrown. Two employes of the Imperial Bank were killed. The number of other dead has not yet been ascertained. Over fifty persons were injured.

The bags containing the money disappeared and no trace of them has been found.

The first report, to the effect that ten bombs were thrown, appears to have been incorrect. So far as is known only one bomb was exploded.

The police are preventing all approach to the scene of the outrage.

Up to a late hour the police had not succeeded in making any arrests, but they continued their search on a large scale.

Early in the evening a bomb exploded in a house adjoining Erivan Square, killing two brothers and wounding a third. They were trying to hide a quantity of revolutionary articles.

RAIN OF BOMBS.

Revolutionaries Hurl Destruction Among Large Crowds of People.

TIFLIS, Wednesday.—About ten bombs were hurled to-day, one after the other, in the square in the centre of the town, which was thronged with people at the time.

The bombs exploded with terrific force, many people being killed and injured.

Window-panes, doors, and chimneys were shattered over a large area.—Reuter.

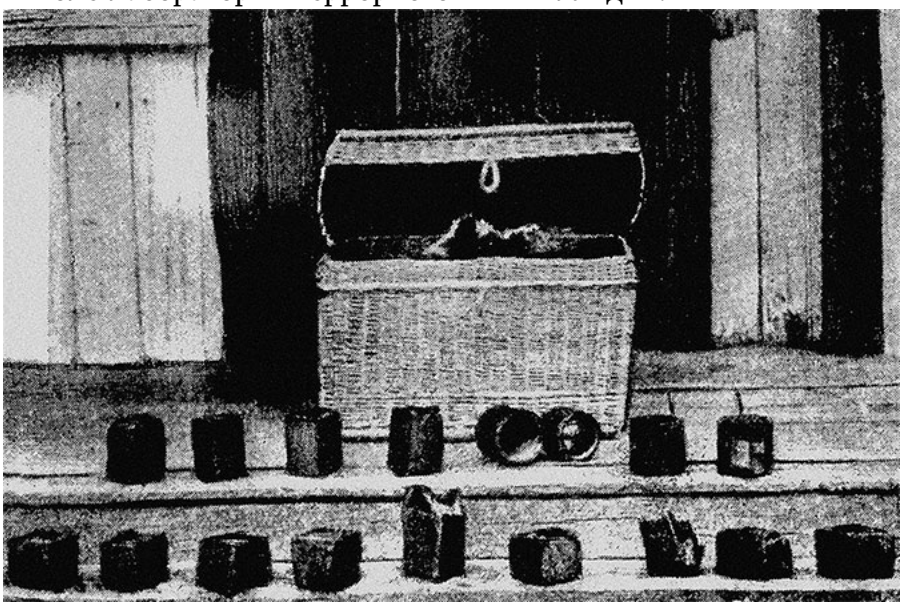
TIFLIS, Later.—It now appears that the bomb outrage was connected with an attack on a Treasury van which was escorted by five Cossacks and two other soldiers.

The van, which was proceeding from the Post Office to the local branch of the Imperial Bank, contained a sum of £25,000. When the van reached the Erivan-square, a bomb was thrown, and an appalling explosion ensued, striking terror among the large number of people in the square, scattering them in all directions.

In order to increase the confusion the robbers threw bomb after bomb, which burst with deafening reports. Two employees of the Imperial Bank were hurled out of the van, which, together with the bags containing the money, disappeared without leaving any trace behind it.

The number of victims has not yet been ascertained, but it is known that two soldiers were killed and that the robbers got away with the sum of £25.000.—Reuter.

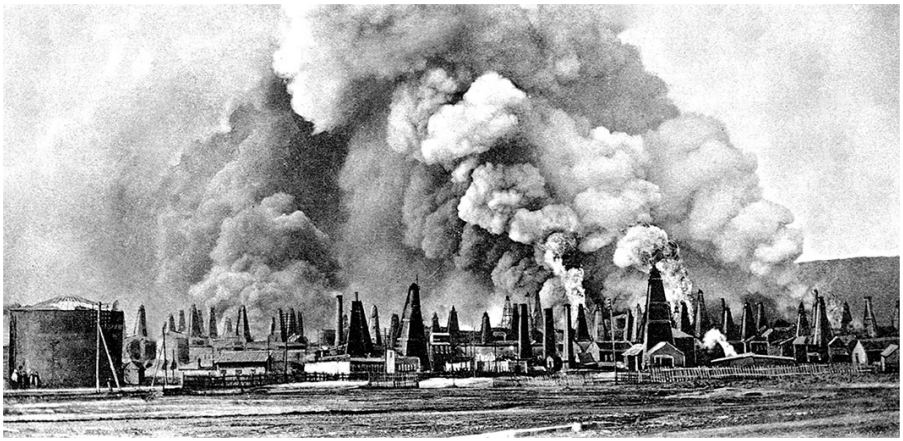
Сталин стоял за ограблением банка в Тифлисе – дерзким кровавым преступлением. Оно принесло богатую добычу и попало в заголовки газет всего мира. Казалось, что это идеальное преступление, но европейская полиция выследила бандитов и нашла украденные деньги. В результате карьера Сталина едва не была разрушена. *Вверху:* Эриванская площадь в центре Тифлиса, где разыгралась драма. *Внизу:* корзина с бомбами, обнаруженная в школе-лаборатории террористов в Финляндии.



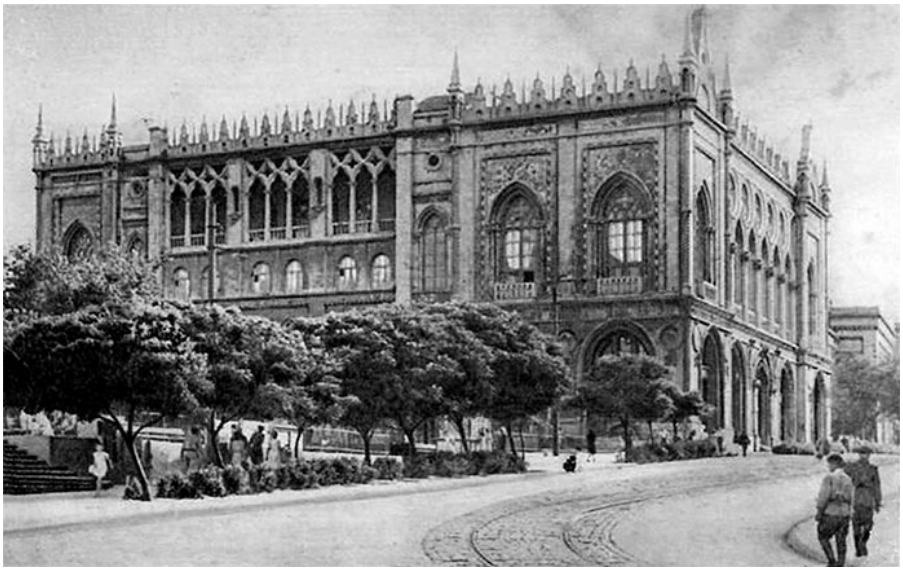
Сорвиголова и главный грабитель Камо был арестован в Берлине.

Бедный дворянин Серго Орджоникидзе был протеже Сталина. Позднее он стал его доверенным кремлевским соратником, а в 1937-м покончил с собой.

Нефтяная вышка в Баку. Баку, город нефтии беззакония, полный миллионеров, кичившихся показным богатством. Здесь Сталин, чтобы пополнять ленинскую казну, занимался бандитизмом, вымогательством и пиратством.



Горящие нефтяные скважины.



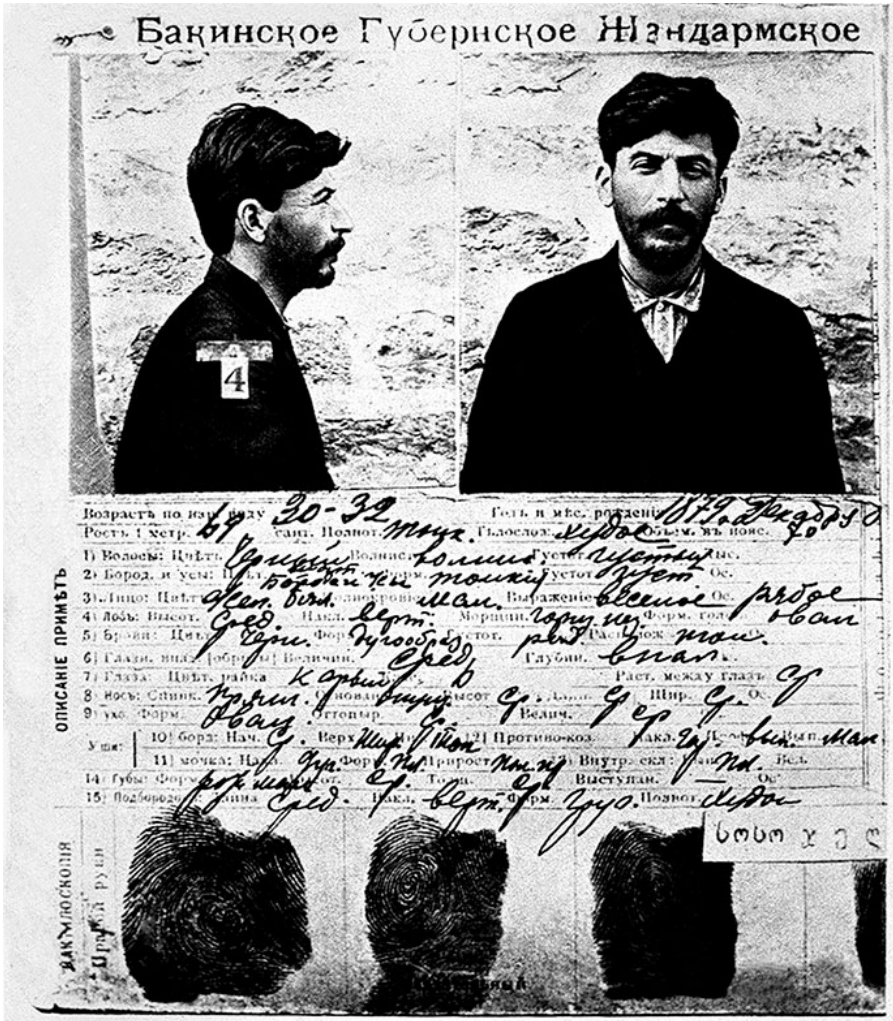
Нефтяной магнат Муса Нагиев и его дворец. Возможно, Нагиев был похищен по велению Сталина.

Бакинский нефтяной барон Муртуза Мухтаров с женой Лизой. Однажды Мухтаров приказал избить или убить Сталина.

Сталин в Баку. 1908.

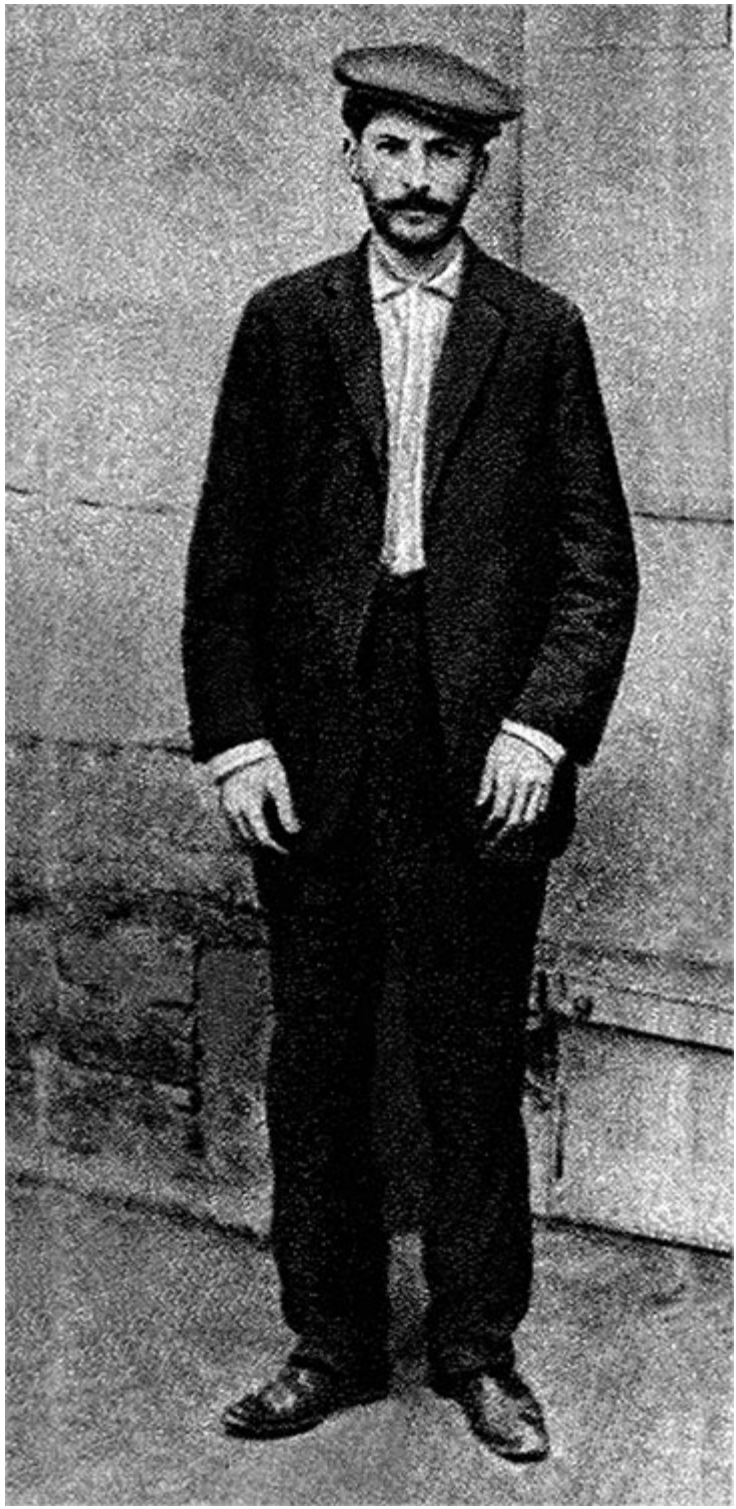
Жена Сталина Като умерла в мучениях. *Вверху:* Сталин (первый справа) был безутешен. Семья Като винила его в ее смерти. Он говорил, что с ней умерли и его “последние теплые чувства к людям”. На ее похоронах он бросился в могилу, а затем ему пришлось прыгать через кладбищенский забор, спасаясь от жандармов.

После Като у Сталина было много романов. Среди его любовниц – Алваси Талаквадзе *(внизу слева)* и Людмила Сталь *(внизу справа)*, известная большевичка, которой Сталин, возможно, обязан своим псевдонимом.



ფოტოსურათი ამხანაგ სტალინის სარეგისტრაციო ბარათისა, 1908 წლის მარტი
(ბაქოს ჟანდარმთა საგუბერნიო სამმართველოს 1910 წლის საქმიდან)
(დოკუმენტი ინახება მარქს-ენგელს-ლენინის ინსტიტუტის თბილისის ფილიალში)

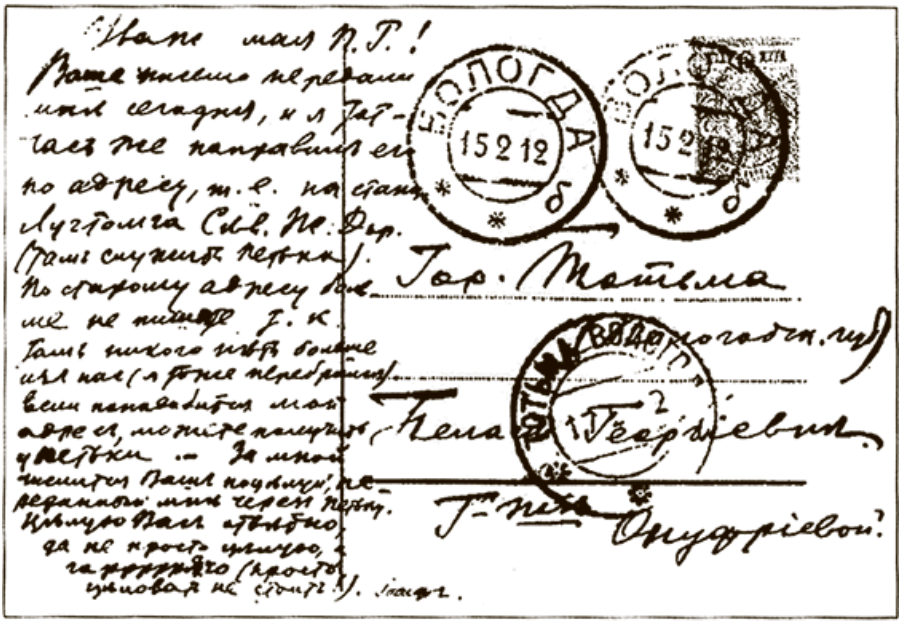
Сталин прекрасно себя чувствовал в большевистском подполье, в бегах, в тюрьме и на свободе. Он вылавливал в своей партии шпионов и несколько раз убегализ сибирской ссылки. Полицейские снимки. 1910.

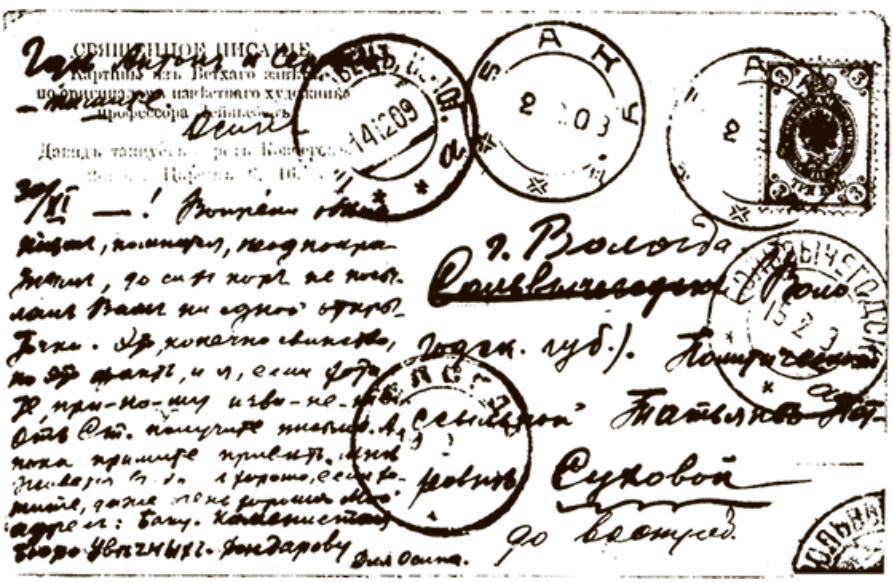


Сталин в 1910 году. Снимок Бакинского губернского жандармского управления. Видно, что левая рука у него короче

правой. Наступали трудные времена: Сталин заметно исхудал.

Двое кавказских прощелыг: Сталин (справа) с лучшим другом – Суреном Спандаряном. Спандарян, хорошо образованный, безжалостный большевик и соратник Сталина в Баку, был большим ловеласом: поговаривали, что половина бакинских детей младше трех лет – отпрыски Спандаряна. На этом снимке – встреча друзей в Сибири в 1915 году.





Открытки, отправленные Сталиным Нарядной и другой любовнице – учительнице Татьяне Суховой.

В ссылке Сталин вел себя на удивление раскованно. Он соблазнял одну женщину за другой и готовил побег за побегом. Самый счастливый роман у него был с не по годам зрелой школьницей Пелагеей (охранка дала ей прозвище Нарядная). Сталин посылал ей страстные открытки с изображением влюбленных.

Владелица дома, где Сталин жил в ссылке, и его любовница Мария Кузакова в старости (1950-е). Рядом с ней – ее сын от Сталина Константин со своим ребенком.

В 1911 году Сталин был вновь арестован. К этому времени он уже стал заметной фигурой в партии большевиков.

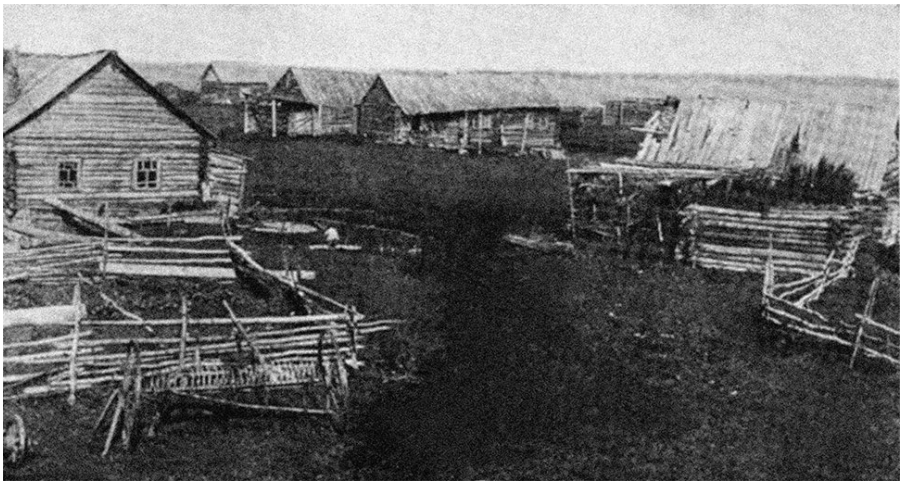
В 1913 году Сталин, Гитлер, Троцкий и Тито оказались в одном городе – Вене. Шикарный многоквартирный дом, в котором жил Сталин, теперь превращен в пансион. На нем висит памятная доска.

Краков, 1912–1913. Здесь Сталин останавливался у Ленина.

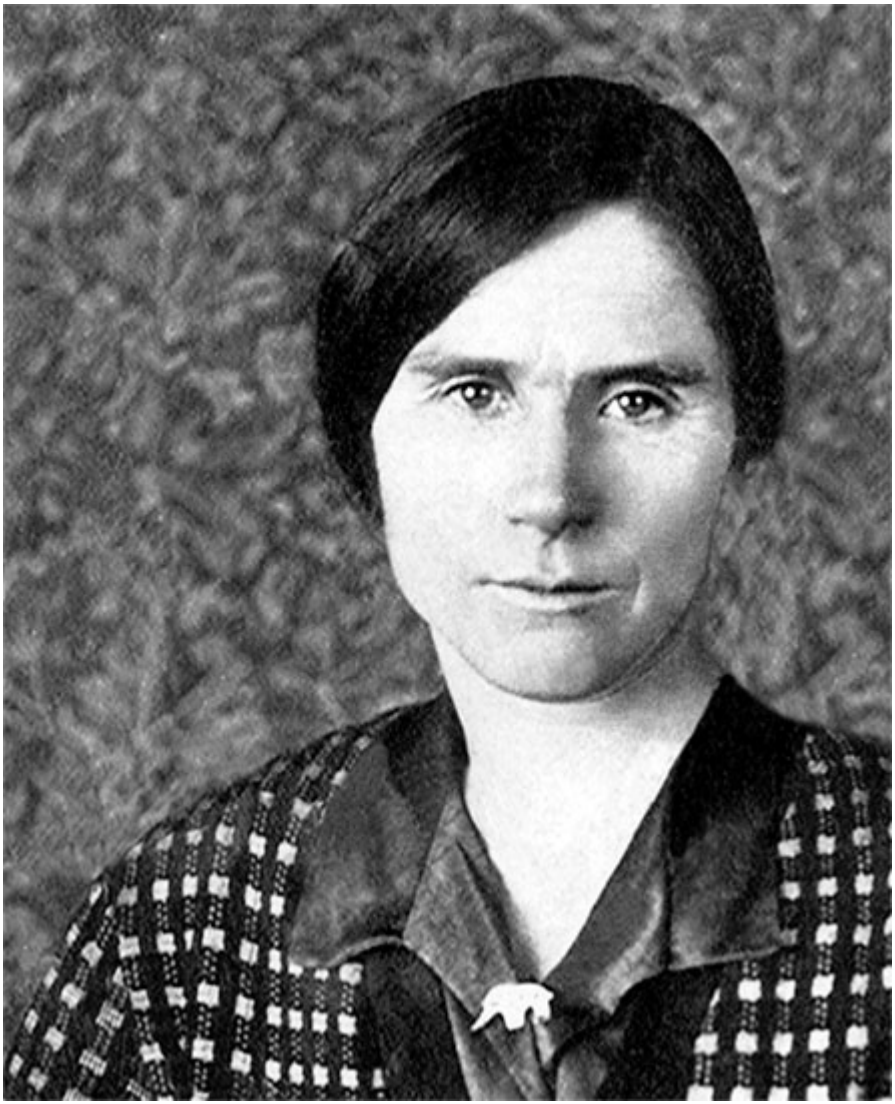
Роман Малиновский, в прошлом грабитель и насильник, ставший одним из главных большевиков, был по совместительству и высокооплачиваемым агентом охранки. Ни Сталин, ни Ленин не могли в это поверить.

Именно Малиновский подстроил арест Сталина, заманив его на бал-маскарад. Сталин, член Центрального комитета, не хотел идти на вечеринку, но Малиновский уговорил его, одолжив ему шелковый галстук. В этом галстуке Сталина и арестовали.

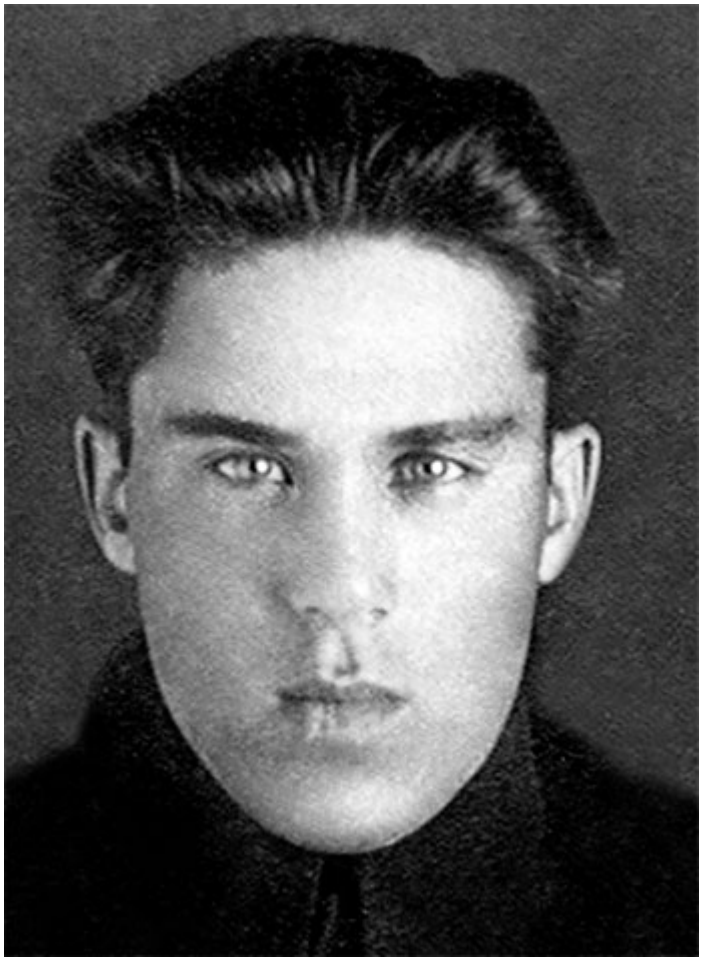
Татьяна Словатинская, любовница Сталина, с которой он пошел на злополучный бал. Сталин пытался бежать, переодевшись в женское платье.



Постельный скандал в Арктике. Бежать из Курейки *(вверху)*, деревни у Полярного круга, было невозможно. Сталин полюбил охоту и соседство здешних аборигенов – остяков и их оленей *(внизу)*.



В 1914 году Сталин соблазнил тринадцатилетнюю Лидию Перепрыгину, с которой его как-то раз застал местный жандарм, любивший помахать саблей. Сталин пришел в такую ярость, что погнался за жандармом через всю деревню. На фото: Лидия после Второй мировой войны.

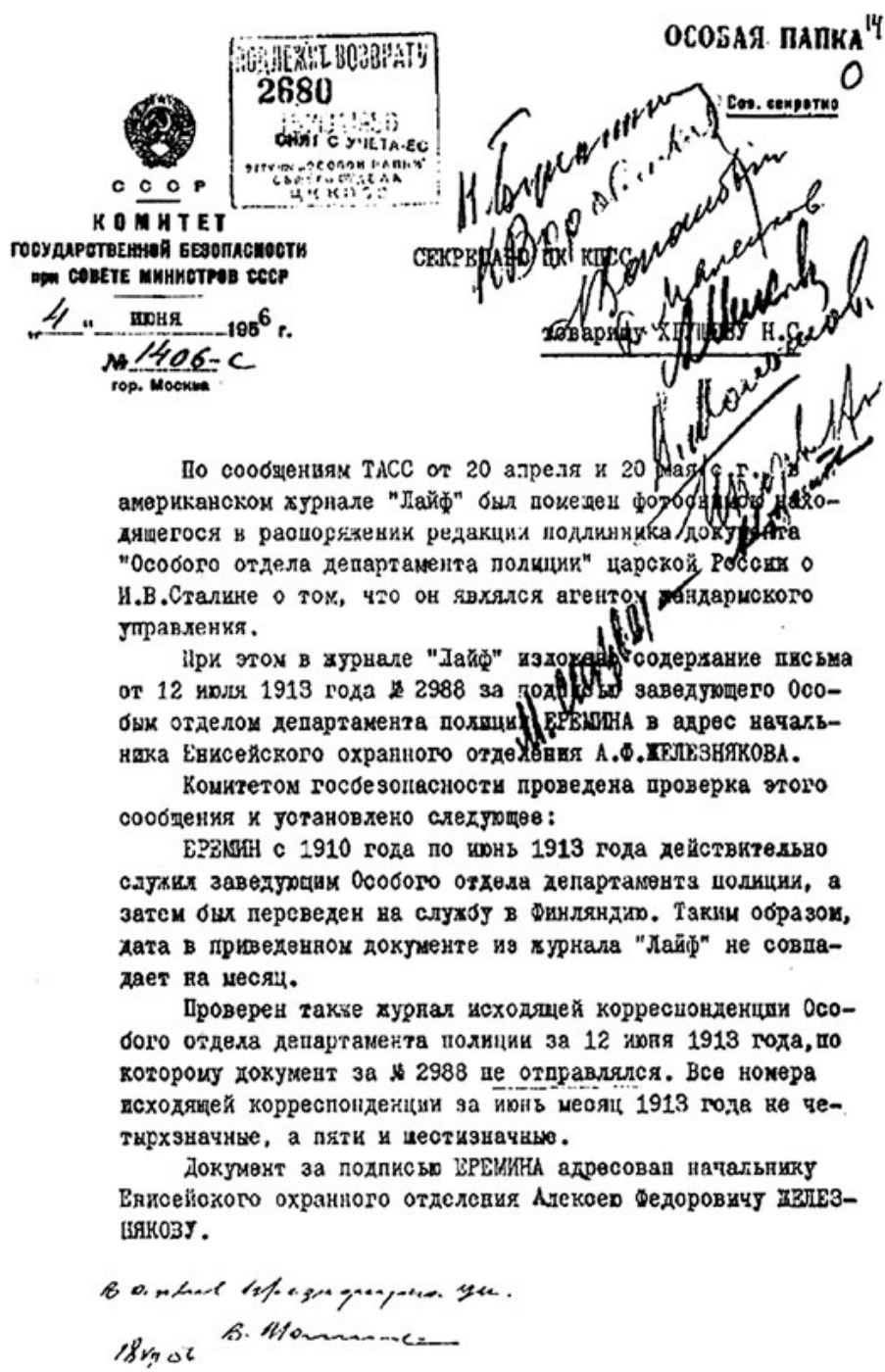


Незаконнорожденный сын Лидии и Сталина Александр.

С большинством будущих советских “вождей” Сталин познакомился еще в молодости. Он никогда не забывал ни ссор, ни чьего-либо неуважения. Во время Большого террора он уничтожил столько своих бывших соратников, что фотографию приходилось то и дело подправлять (см. ниже).

Первым – в 1936 году – был расстрелян Каменев; рядом со Сталиным образовалось пустое место.

В 1937–1938 годах было расстреляно приблизительно 1,5 млн человек. На снимке не хватает еще пятерых.



ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
2680
СНЯТ С УЧЕТА-ЕС

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

4 июня 1956 г.
№ 1406-с
гор. Москва

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

По сообщениям ТАСС от 20 апреля и 20 мая с.г. в американском журнале "Лайф" был помещен фотоснимок находящегося в распоряжении редакции подлинника документа "Особого отдела департамента полиции" царской России о И.В.Сталине о том, что он являлся агентом жандармского управления.

При этом в журнале "Лайф" изложено содержание письма от 12 июля 1913 года № 2988 за подписью заведующего Особым отделом департамента полиции ЕРЕМИНА в адрес начальника Енисейского охранного отделения А.Ф.ЖЕЛЕЗНЯКОВА.

Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЕМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведенном документе из журнала "Лайф" не совпадает на месяц.

Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырехзначные, а пяти и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЕМИНА адресован начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу ЖЕЛЕЗНЯКОВУ.

В Отдел пропаганды и агитации ЦК.

18/VI 56

История о том, как Сталин совратил тринадцатилетнюю Лидию Перепрыгину и она забеременела от него, была настолько возмутительной, что ее считали легендой. В 1956 году Хрущев приказал главе КГБ Серову провести расследование. Здесь вы видите секретную служебную записку Серова, подписанную

Хрущевым, Ворошиловым и другими членами Политбюро. Серову было также поручено расследовать возможные связи Сталина с охранкой (эти слухи основывались на так называемом письме Еремина). Серов пишет об этом на первых страницах, а дальше подтверждает историю с Перепрыгиной.

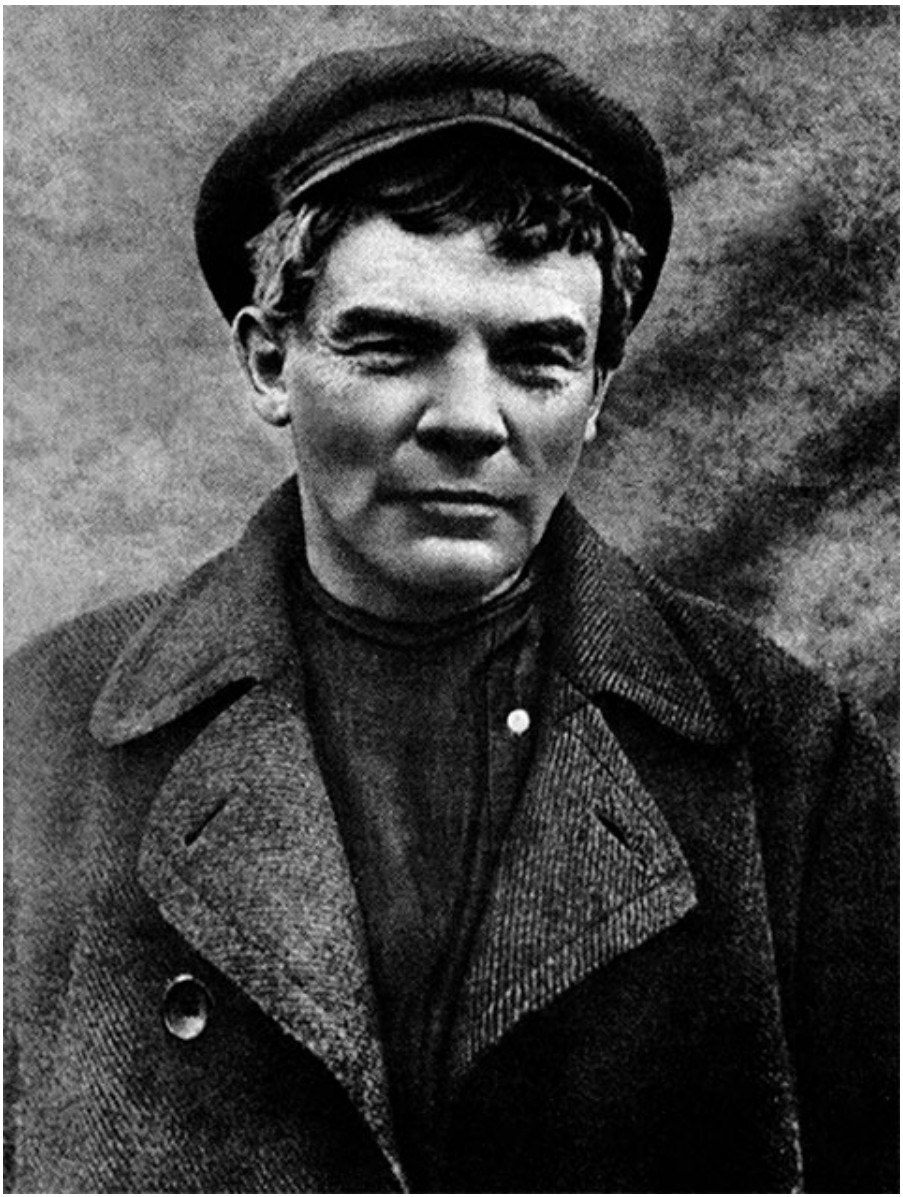
Вера Швейцер была подругой Спандаряна. После его смерти она переехала к Сталину. Когда царь отрекся от престола, они вместе сели на поезд и отправились в Петроград.

Февральская революция 1917 года. Прибыв из Сибири в

Петроград, Сталин в восторге от случившегося дошел пешком до Таврического дворца, где кипела хаотическая политическая жизнь. Здесь помещались Совет, Дума, правительство – и орудовали солдаты-мародеры.

Весну 1917 года Сталин и Ленин провели за работой в штаб-квартире большевиков – в бывшем особняке знаменитой балерины и любовницы Николая II Матильды Кшесинской. С балкона этого особняка в стиле модерн Ленин в апреле обращался к толпе. Ленин, сначала требовавший немедленной революции, пытался остудить горячие головы, но не смог

предотвратить вдохновленное Сталиным Июльское восстание, которое поставило революцию на грань провала.



Над Лениным нависла серьезная угроза, и он поручил свою безопасность Сталину, знатоку подпольной жизни. Тот перевез Ленина к Аллилуевым, побрил его, снабдил париком, а затем помог ему перебраться в Финляндию.

Любовь и революция. Сталин знал Надю Аллилуеву с детства *(вверху)*. Когда они вновь встретились летом 1917-го, она была уже шестнадцатилетней школьницей *(внизу)*. Она восхищалась героическим революционером, а тот как мог развлекал ее – шутил, читал вслух и передразнивал общих знакомых.

Июльское восстание 1917-го.

Все лето Сталин укрывался в квартире Аллилуевых. *Вверху:* кровать Сталина; напротив – зеркало, перед которым он брил Ленина. Со своей кровати Сталин мог видеть спальню Нади – их комнаты сообщались. Тем летом они стали любовниками.

Пока солдаты штурмовали Зимний дворец, изможденный, нетерпеливый Ленин вместе с Троцким и Сталиным формировал новое правительство в Смольном – бывшем институте благородных девиц, который опекала царица Александра. Закончив, Ленин и Троцкий уснули на газетах, расстеленных на полу. Сталин заснул в кресле. Луначарский, только что назначенный народным комиссаром просвещения, поцеловал его в лоб. Сталин проснулся и долго смеялся.

Ленин назвал свое правительство Советом народных комиссаров. Ленин (в центре) – председатель Совнаркома. В верхнем левом углу – Сталин, в третьем ряду справа – Троцкий. Среди прочих – Луначарский (во втором ряду справа), Дыбенко (в нижнем ряду справа), Антонов-Овсеенко, который командовал штурмом Зимнего дворца (нижний ряд, в центре). Двое последних были расстреляны во время Большого террора по приказу Сталина.

Сталин, как и Троцкий, тут же стал незаменимым помощником Ленина. На фотографии с первого заседания нового правительства смазанная фигура Сталина – справа от Ленина.

И Н С Т Р У К Ц І Я

КАРАУЛУ у кабинета ПРЕДСѢДАТЕЛЯ Совѣта Народных Комиссаров

В кабинет Предсѣдателя ~~с в о б о д н о~~ без приглашения пропускать только:

Предсѣдателя Совѣта Народных Комиссаров - ЛЕНИНА,
Управляющаго Дѣлами Правительства - БОНЧ-БРУЕВИЧА,
Секретарей Совѣта - ГОРБУНОВА и СКРЫПНИК,
Личных секретарей Предсѣдателя - ВОРОБЬЕВА и СИДОРЕ

Никого другого, без спеціальнаго на приглашенія со стороны вышеупомянутых лиц НЕ ПРОПУСКАТЬ.

СТРОЖАЙШЕ эту инструкцію.

Предсѣдатель Совѣта Народных Комиссаров

Секретарь Совѣта

Членов Совѣта Народных Комиссаров приходящих в здание Совѣта прошу проходить прямо в Кремль

Инструкция Ленина охранникам его кабинета. Под третьей строкой Ленин вписал от руки, что Сталин и Троцкий могут входить к нему без приглашения.

Наконец у власти. После восемнадцати лет подпольной работы 38-летний Иосиф Джугашвили-Сталин – народный комиссар по делам национальностей.

Большевичка Александра Коллонтай – сексуально раскрепощенная феминистка – и ее молодой любовник, матрос Павел Дыбенко. На первом заседании правительства Сталин в разговоре с Троцким зубоскалил об амурных телефонных беседах Дыбенко с Коллонтай. Троцкий ответил холодно. Больше они никогда не говорили на подобные темы.

Сталин в 1918-м. Когда правительство Ленина боролось за выживание в годы жестокой Гражданской войны и зверского террора, настал звездный час Сталина. Его параноидальная жажда крови определила стиль власти в советской империи.

Источники иллюстраций

1 Архив Дэвида Кинга
2 Дом-музей Сталина в Гори
3 Архив автора
4 Архив семьи Давришеви
5 РИА Новости
6 Батумский краеведческий музей им. Харитона Ахвледиани
7 Грузинский филиал Института марксизма-ленинизма (ГФ ИМЛ)
8 *Mirrorpix*
9 *Getty*
10 *Roger Viollet / Topfoto*
11 *Azerbaijan International Magazine*
12 РГАСПИ
13 Лиза Трейн
14 Доктор Пирс Витебски
15 Санкт-Петербургский историко-мемориальный музей “Смольный”
16 Ачинский краеведческий музей
17 *The Sunday Times* (Лондон)
18 Архив семьи Эгнаташвили

Автор и издательство благодарят правообладателей за любезное разрешение использовать изображения в книге. Мы предприняли все возможные попытки найти правообладателей, но, если какой-либо правообладатель не указан выше, мы будем рады исправить ошибку в последующих изданиях.

notes

Сноски

1

http://sovdoc.rusarchives.ru/#!tematicsection§ionId=233825

2

Оболенский И. *Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили.* М.: АСТ, 2013.

3

Русское издание: Монтефиоре С. *Сталин. Двор Красного монарха.* М.: Олма-Пресс, 2005. – *Прим. перев.*

4

В 1903 году Российская социал-демократическая рабочая партия, основанная в 1898 году, раскололась на две фракции – большевиков во главе с Лениным и меньшевиков во главе с Мартовым; фракции вели между собой политические баталии, но оставались внутри одной партии, пока в 1912 году не разошлись официально (и больше никогда не объединялись). Ленин стал руководителем организованной им тайной коллегии из трех человек, которая называлась Большевистским центром; этот центр добывал средства для партии, занимаясь ограблениями банков и вымогательством. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания принадлежат автору.*

5

Красивый фехтовальщик (*фр.*); прозвище наполеоновского полководца Мюрата. – *Прим. перев.*

6

Расстояния в этом городе-деревне невелики. Семинария, дом Сталина, дворец наместника и банк располагались примерно в двух минутах ходьбы от места ограбления. Большинство упомянутых здесь зданий на Эриванской площади (впоследствии – Берии, Ленина, ныне – Свободы): духан “Тилипучури” (теперь здесь нет ни князей, ни бандитов), семинария (ныне музей), городской совет и дворец наместника (где потом долгое время жила мать Сталина) по-прежнему стоят на своих местах. Караван-сарая, Пушкинского сада, адельхановского обувного склада и базаров больше нет.

7

Сталин не поблагодарил бы Сванидзе за их откровенность. Они оставались крепкой семьей на протяжении тридцати лет. Его свояченица Сашико, написавшая воспоминания в 1934 году, умерла от рака в 1936-м – иначе ее могла бы постигнуть судьба ее сестры Марико, брата Алеши и его жены. Воспоминания Сашико Сванидзе здесь вводятся в обращение впервые. Некоторые воспоминания участников ограбления, например Камо, Бачуа Куприашвили и Александры Дарахвелидзе, также используются впервые.

8

Популярные кафе того времени.

9

В 1920-х, до превращения в диктатора, Сталин шел на невероятные ухищрения, чтобы скрыть свое участие в экспроприациях. В 1923–1924 годах его главный наемник Котэ Цинцадзе, в ту пору сталинский противник, опубликовал свои воспоминания в малотиражном грузинском журнале. Они были перепечатаны в 1927-м, но после этого страницы, на которых описывалось участие Сталина в убийствах и грабежах, были изъяты: этот процесс продолжался и в 1930-е, под контролем Берии. Сегодня их очень сложно найти.

10

Стихотворения Сталина здесь и далее цитируются в русских переводах, авторство которых не указано, по изданию: Сталин И. В. *Сочинения.* Т. 17. Тверь, 2004. С. 1–6. – *Прим. перев.*

11

Воспоминания лежали в архиве грузинской компартии, семьдесят лет о них никто не вспоминал. Они никак не фигурировали в культе Сталина. Похоже, Сталин их не читал и не знал, что они существуют, поскольку, насколько известно автору этой книги, они не были посланы в сталинский московский архив. Он не хотел, чтобы высказывания его матери публиковались. Когда в 1935-м советская пресса проинтервьюировала Кеке в стиле журнала *Hello!*, Сталин в гневе выговаривал Политбюро: “Прошу воспретить мещанской швали, проникшей в нашу центральную и местную печать, помещать в газетах “интервью” с моей матерью и всякую другую рекламную дребедень вплоть до портретов. Прошу избавить меня от назойливой рекламной шумихи этих мерзавцев”. Кеке, волевая женщина, которая не была рада могуществу своего сына, очевидно, записала воспоминания втайне и вопреки желаниям Сталина 23–27 августа 1935 года, незадолго до смерти.

12

Осетины были горцами-полуязычниками, которые жили у северных границ грузинских владений; кто-то ассимилировался с грузинами, но большинство гордо хранили свою обособленность. В 1991–1993 годах Южная Осетия воевала с Грузией и теперь является автономной республикой. Когда отец Сталина перед смертью попал в больницу, его записали как осетина. Враги Сталина – от Троцкого до поэта Мандельштама, написавшего знаменитую эпиграмму, – с удовольствием называли его осетином, потому что грузины считали осетин грубыми варварами, а в начале xix века – язычниками. Фамилия Джугашвили говорит об осетинском происхождении ее носителей: по-грузински она означает “сын Джуги”. Мать Сталина вспоминает, что Бесо рассказывал ей о происхождении имени от грузинского “джоги”, то есть “стадо”: его предки были пастухами, и их выгнали из Гери осетинские разбойники. Истину установить невозможно, поскольку ко времени рождения Сталина все Джугашвили огрузинели. Сам Сталин писал об этом: “Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются… с грузинами?”

13

Позже Сталин исказил многое в своей биографии. Официально днем его рождения считалось 21 декабря 1879 года – произвольная дата на год позже. До 1920-го, когда он дал интервью шведской газете, Сталин называл дату 6 декабря 1878 года. В 1925-м он приказал своему секретарю Товстухе придать официальный статус выдуманной дате. Этому есть несколько объяснений, в том числе желание Сталина пересоздать себя заново. Скорее всего, когда-то он изменил год рождения, чтобы избежать воинской повинности. Лачуга, где он родился, сейчас стоит на проспекте Сталина в Гори. Она заключена в подобие греческого храма, построенного в 1930-х наместником Сталина на Кавказе, а впоследствии главой тайной полиции Лаврентием Берией. Рядом – похожий на собор Музей Сталина. Джугашвили недолго жили в этом доме.

14

Диктатор Сталин оставался страстным садовником: он выращивал лимоны, помидоры и – главным образом – розы и мимозы. Его любимыми грузинскими песнями были “Улетай, черная ласточка” и “Сулико”.

15

В этих грузинских тавернах, предупреждает немецкий путеводитель Карла Бедекера, “нельзя найти ничего, кроме немеблированных и грязных комнат, хлеба (с сыром), чая, вина и в лучшем случае – яиц и курятины. Если вы желаете мяса, вам придется купить целого барана (4–5 рублей) или поросенка (2–3 рубля)”.

16

Известно, что Адольфа Гитлера в детстве бил пьяный отец Алоис. Сталин не бил своих жен и детей, но был плохим мужем и отцом. По крайней мере отчасти он виноват в ранней смерти обеих своих жен. Своих незаконнорожденных детей он бросал, своего сына Якова почти пятнадцать лет игнорировал, а после дразнил. Из детей, рожденных во втором браке, он и переоценивал, и губил сына Василия. Иногда он его шлепал, но, несмотря на это, сын диктатора сам стал испорченным и неуправляемым маленьким тираном. В конце концов Василий превратился в безнадежного алкоголика – возможно, сказалось наследие Бесо. Сталин очень любил свою дочь Светлану, пока она не выросла; однажды, когда она была молодой девушкой, он ударил ее – но это случилось после того, как она завела роман с женатым ловеласом, которому было за сорок. О втором браке Сталина и судьбе его детей см. в кн. “Сталин. Двор Красного монарха”.

17

Пятьдесят лет спустя Дато все еще сапожничал: в 1940-м Сталин приказал одному из сыновей Эгнаташвили пригласить его в гости в Москву. См. эпилог.

18

Училище и сейчас стоит в Гори. В 2006 году оно было отреставрировано. До 1956 года, когда Хрущев развенчал культ личности Сталина, здание украшала мемориальная доска с надписью “Здесь, в бывшем духовном училище, учился с 1 сентября 1888 года до 1 июля 1894 года великий Сталин”.

19

Это воспоминание Петра Капанадзе, близкого друга Сталина, общения с которым тот не прекращал. Восторженные мемуары Капанадзе были опубликованы в 1930-е, но эти детали, как и некоторые другие, из официальной версии исключили – они есть в оригинале, хранящемся в архиве.

20

Причиной повреждения руки в разное время выступали несчастный случай при катании на санках, врожденный дефект, перенесенная в детстве инфекция, травма, полученная при борьбе, драка за женщину в Чиатурах, попадание под фаэтон, избиение отцом. Все эти причины (кроме врожденного дефекта) называл сам Сталин. В истории с фаэтоном много путаницы, потому что на самом деле Сосо *дважды* попадал под фаэтон. Сначала в этот раз, когда он только начал учебу (согласно Кеке), или когда ему было шесть лет (согласно более поздним медицинским справкам) – вероятно, именно тогда Сталин повредил руку; к старости эта травма все больше давала о себе знать. Этот случай был не так серьезен, как вскоре произошедший второй – тогда Сталин получил серьезные увечья, и ему пришлось лечиться в Тифлисе: фаэтон проехал по его ногам. В своих воспоминаниях восьмидесятилетняя Кеке, судя по всему, смешивает эти случаи.

21

Поэтому город и был окружен поместьями великих князей, например Багратионов-Мухранских, и знати, например князей Амилахвари. Грузинская знать составляла огромный слой общества – около шести процентов, – но обнищала и, соответственно, была куда изолированней, чем российская. Наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич, брат Александра II, построил свой готический Ликанский дворец недалеко от Боржоми, и Романовы проводили здесь лето вплоть до революции. Когда Сталин пришел к власти, он не собирался приезжать в Гори, но свой первый после Гражданской войны отпуск провел вместе с беременной женой Надеждой Аллилуевой в Ликанском дворце. Стоит отметить и то, что, когда его здоровье ухудшилось, в свой последний отпуск в Грузии в 1951 году он тоже остановился здесь. Дворец был (и сейчас остается) красивым убежищем, но также он символизировал успех, которого добился выросший в Грузии мальчик. Сейчас здесь летняя резиденция президента Грузии.

22

Даже стариком Сталин с гордостью вспоминал, что был сильным борцом: когда после Второй мировой войны он встретился с маршалом Тито, то по сравнению с красавцем югославом показался старше и слабее. Тогда он внезапно оторвал Тито от земли, сказав: “Во мне еще много сил”.

23

Эти рассказы Георгия Елисабедашвили и его двоюродного брата Сандро о маленьком пройдохе, который пакостил простому рабочему и дрался на улицах, можно обнаружить в архивах, но, конечно, они никогда не цитировались в биографиях Сталина и остаются неопубликованными.

24

Этот идиотский указ не только подтолкнул Сталина к бунту, но и стал причиной того, что он овладел русским языком (несмотря на сильный грузинский акцент, от которого он никогда не избавился) на достаточном уровне, чтобы управлять российским государством.

25

Типичным учителем той формации был школьный инспектор Бутырский, низкорослый и толстый солдафон с рыжими усами. Заслышав грузинскую речь, он кричал: “Не говорить на этом языке!”

26

Политик Сталин был виртуозным актером. Советские вожди, хорошо знавшие его, понимали, что он часто играет: Хрущев называл его многоликим, Каганович замечал, что Сталиных было четыре или пять, Микоян и Молотов в разное время чувствовали, что Сталин просто разыгрывает их. Что касается рисования, от него осталась лишь привычка набрасывать головы волков во время долгих заседаний.

27

Всю жизнь Сталин требовал от своих подчиненных такой же подготовки, к какой привык сам. Его помощник в 1930-х Лазарь Каганович говорил, что готовился ко встречам со Сталиным, как школьник. В архивах есть записка от Сталина к его товарищу Серго Орджоникидзе, написанная в 1930-х, когда они были самыми могущественными советскими вождями: “Завтра в 12 часов совещание по банковской реформе. <…> Готовишься к совещанию? Надо готовиться”. В дни Второй мировой войны он готов был разорвать на куски любого, кто приходил к нему неподготовленным.

28

На самом деле жандармом прозвали не Сталина, а учителя Лаврова, который “сделал Сосо своим заместителем”. – *Прим. перев.*

29

Учитель пения не единственный помогал Сталину в училище. Старший двоюродный брат Давиташвили Захарий увлекательно преподавал русскую литературу. Много лет спустя Кеке писала ему: “Я хорошо помню, что Вы особо выделяли моего сына Сосо, и он не раз говорил, что это Вы помогли ему полюбить учение и именно благодаря Вам он хорошо знает русский язык”.

30

Семидесятилетний диктатор, покоритель Берлина, Сталин продолжал учиться. “Взгляните на меня, – произнес он около 1950 года. – Я стар, а до сих пор учусь”. Книги из его библиотеки испещрены его аккуратными заметками и записями на полях. Это была глубокая и неустанная страсть к самообразованию, которую Сталин скрывал под грубыми манерами неотесанного крестьянина. К своему несчастью, оппоненты Сталина, например Троцкий, не замечали эту особенность.

31

Звучит как злая насмешка: сколько прекрасных и древних церквей Сталин потом разрушил и скольких священников казнил!

32

Сталин никогда не забывал своего учителя пения. В письмах Кеке из ссылки или подполья он часто передавал поклоны Симону Гогличидзе. Кеке показывала Гогличидзе письма, но закрывала большую часть рукой: “Вы же узнали относящееся к вам, зачем вам знать… где теперь находится мой сын?”

33

Роман английского прозаика Томаса Хьюза (1857). – *Прим. перев.*

34

В основном в семинаристы шли дети мелких дворян, обедневшей знати и священников. Это были отпрыски не самых богатых семей – но гораздо благополучнее Сталина. Сын начальника горийской полиции Давришеви и другие мальчики из обеспеченных семей, например будущий соратник Сталина Каменев, посещали Тифлисскую мужскую гимназию. Детей богача Эгнаташвили, Васо и Сашу, отправили учиться в Москву. В годы власти Сталина на семинарии висела мемориальная доска: “Великий Сталин – вождь ВКП(б) и мирового пролетариата – жил и учился здесь, в бывшей духовной семинарии, с 1 сентября 1894 г. по 29 мая 1899 г., руководя нелегальными рабочими кружками гор. Тбилиси”.

35

“Его высокопреподобию, ректору Тифлисской православной духовной семинарии, о. архимандриту Серафиму ученика II класса оной же семинарии Иосифа Джугашвили прошение: Вашему высокопреподобию известно, в каком бедственном положении находится мать моя, на попечении которой нахожусь я (отец мой уже три года не оказывает мне отцовского попечения в наказание того, что я не по его желанию продолжил образование) … <…> Почему я вторично припадаю к стопам Вашего высокопреподобия и прошу покорнейше оказать мне помощь принятием меня на полный казенный счет… Иосиф Джугашвили, 1895 года 25 августа”.

36

Вероятнее всего, на самом деле Чавчавадзе не называл так Сталина: Монтефиоре ссылается на статью Льва Котюкова “Забытый поэт Иосиф Сталин” (Завтра. 1994. № 41 (46), где говорится: “Живой классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе выделил Иосифа Джугашвили из сонма юношей “со взором горящим”. Таким образом, Котюков цитирует знаменитое стихотворение Валерия Брюсова “Юному поэту” (“Юноша бледный со взором горящим…”), написанное в 1896 году, то есть на год позже публикации сталинских стихотворений в “Иверии”. – *Прим. перев.*

37

Сталин был знатоком грузинской поэзии. Он любил Эристави; Чавчавадзе был для него “большим писателем”, который “сыграл большую роль в грузинском освободительном движении”; об Акакии Церетели он говорил: “Лирика Акакия… красива, душевна и музыкальна. Не напрасно наше поколение называло его грузинским соловьем… Мое поколение с удовольствием изучало стихи Акакия Церетели”. Но Сталин оценивал этих поэтов и с политической точки зрения: он говорил, что Церетели писал “прекрасные стихи, но идеологически незрелые и провинциальные”. Сталин был не единственным поэтом, подавшимся в большевики: в то же самое время в одесской школе молодой Лев Бронштейн, будущий Троцкий, тоже писал стихи. Троцкий далеко превзошел Сталина как писатель, но не как поэт. Если бы кто-нибудь из коллег Сталина посвятил стихотворение князю, это использовалось бы против него в годы Террора. В 1949 году, к официальному семидесятилетнему юбилею Сталина, Берия тайно заказал лучшим переводчикам поэзии, в том числе Борису Пастернаку и Арсению Тарковскому, перевести стихотворения Сталина на русский язык. Им не сообщалось, кто автор, но один из поэтов решил, что стихи “тянут на Сталинскую премию 1-й степени”; возможно, переводчики угадали имя молодого стихотворца. В разгар работы они получили строгий приказ прекратить перевод – несомненно, он исходил от самого Сталина.

38

“Беглый осмотр города, особенно если с вами дамы, лучше всего делать в экипаже, – рекомендует Бедекер. – Общественная безопасность здесь обеспечивается не лучшим образом; не стоит путешествовать в одиночку или показывать крупные суммы денег (о разрешении на ношение револьвера см. выше). Рекомендуем внимательно следить за своими вещами, поскольку местные жители не считают зазорным присваивать то, что плохо лежит”. Бедекер прибавляет, что даже рекомендательные письма от наместника или к местным князьям не слишком полезны “в неприятных ситуациях, которые могут возникнуть: успешно разрешить их можно лишь с помощью твердого и рассудительного поведения” – и, возможно, упомянутого револьвера.

39

Гюго так писал о Симурдене: “Никто ни разу не видел, чтобы глаза его увлажнили слезы. Вершина добродетели, недоступная и леденящая. Он был справедлив и страшен в своей справедливости. Для священника в революции нет середины… он или гнусен, или велик. Симурден был велик, но это величие замкнулось в себе”, “Симурден был совестью… ничем не запятнанной, но суровой” (пер. Н. Жарковой).

40

Вероятно, имеется в виду книга Б. Н. Кричевского (1894). – *Прим. перев.*

41

Молодые марксисты вручную переписывали Маркса и распространяли копии. Когда горийский друг Сталина Котэ Хаханашвили пришел домой с томами Маркса, Сталин одолжил их у него, но возвращать отказался: “Зачем они тебе? Они уже прошли через много рук, люди по ним учатся”. Таким же образом он присвоил учебник по немецкому. Но по-английски и по-немецки он так никогда и не заговорил как следует: даже в начале 1930-х он просил свою жену Надежду прислать ему учебник английского, чтобы он мог заниматься по нему в отпуске.

42

Большинство историков сходятся на том, что Сталин почти не общался с Бесо после 1890 года, но несколько архивных источников и воспоминания Кандида Чарквиани доказывают, что и после этого времени он встречался со своим отцом-алкоголиком.

43

В сентябре 1931 года старый учитель истории оказался в застенках Метехской крепости. Оттуда он сумел передать послание своему ученику, ставшему советским диктатором. Сталин написал своему наместнику на Кавказе Берии: “В метехском изоляторе сидит Николай Дмитриевич Махатадзе, преподаватель 73 лет. Знаю его по семинарии и думаю, что не может быть опасным для соввласти. Прошу освободить старика и сообщить результаты”.

44

Спиритуалист Георгий Гурджиев, автор “Встреч с замечательными людьми”, которого одни считали шарлатаном, другие – жрецом и магом, утверждал, что учился в семинарии со Сталиным; по словам Гурджиева, Сталин останавливался в Тифлисе в доме его семьи. Но Гурджиев, наполовину армянин, был фантазером: он родился в 1866 году, был на двенадцать лет старше Сталина; о том, что он учился в семинарии, нет никаких свидетельств. В годы учебы Сталин жил только в семинарии. Гурджиев также писал, что его другом был “князь Нидзерадзе”; в Баку Сталин пользовался псевдонимом Нижерадзе. Но заявлениям Гурджиева нет никаких подтверж дений. В годы правления Сталин преследовал спиритуалистов и особенно гурджиевцев – многих из них расстреляли.

45

Шутка принадлежит не Сталину, а Молотову. См.: Чуев Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым.* М., 1991. С. 297. – *Прим. перев.*

46

4 сентября 1943 года находившийся в ссылке патриарх Сергий и двое митрополитов были вызваны в Кремль, где состоялся невероятный ночной разговор. Сталин объявил, что решил восстановить патриаршество, вновь открыть церкви и семинарии. Сергий сомневался, не рано ли открывать семинарии, Сталин ответил: “Семинарии нужны”. Притворяясь незнающим, Сталин спросил: “А почему у вас нет кадров? Куда они делись?” Вместо того чтобы ответить, что “кадры” систематически изничтожались Сталиным, Сергий дипломатично пошутил: “Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза”. Сталин до трех часов утра вспоминал о своих годах в семинарии.

“Владыко! Это все, что я в настоящее время могу для вас сделать”, – произнес он, прощаясь с иерархами.

47

Обсерватория стоит в Тбилиси и сейчас, хотя находится в таком же запустении, как все учреждения в Грузии. Здесь сохранилась комната Сталина, есть несколько вещей, предположительно принадлежавших ему, и старая мемориальная доска: “Великий Сталин, вождь ВКП(б) и мирового пролетариата, жил и работал здесь, в Тбилисской геофизичекой обсерватории, с 28 декабря 1899 г. по 21 марта 1901 г., руководя нелегальными социал-демократическими рабочими кружками города Тбилиси”.

В России торговый и средний классы, не имевшие доступа к политической власти, часто симпатизировали революционерам, но в Грузии революционеры могли рассчитывать еще и на местный патриотизм, на целую сеть семейных кланов вплоть до высшей знати. Шервашидзе были петербургскими царедворцами, а в своих абхазских поместьях общались с революционерами. Князь Георгий Шервашидзе заведовал канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны – вдовы Александра III и матери Николая II. После революции и вплоть до 1930-х оставшиеся в СССР Шервашидзе находились под протекцией местного большевистского вож дя и сталинского придворного Нестора Лакобы.

Мальчик *(груз.)*.

Главным русским революционером в Грузии тогда был высокий, сутулый, лысеющий Виктор Курнатовский, вместе с Лениным отбывавший сибирскую ссылку и даже встречавшийся с Плехановым в Цюрихе. Многие из самых активных революционеров были не кавказцами, а русскими. В железнодорожном депо Сергею Аллилуеву помогал учтивый рыжебородый Михаил Калинин, еще один рабочий из крестьян, с которым Сосо познакомился в это время; при Сталине он много лет будет формальным главой государства. Другие лидеры были грузинами – Жордания, Джибладзе, Миха Цхакая и Филипп Махарадзе, все четверо – основатели “Третьей группы” в 1892 году.

51

Уход в подполье означал также, что Сталин в 1901 году избежал призыва в армию. При его последнем аресте в 1913-м он сказал полиции, что был освобожден от призыва по семейным обстоятельствам. Горийский начальник полиции Давришеви, согласно воспоминаниям его сына, помог Сталину выправить бумаги, позволявшие избежать службы в армии, – скорее всего, он сослался на бедственное положение семьи Сталина и передвинул дату его рождения на год вперед – на 21 декабря 1879 года. Армия не интересовалась Сталиным до 1916 года.

52

Когда в 1904 году был убит министр внутренних дел Плеве, директор Департамента полиции Лопухин нашел сорок своих личных писем в сейфе покойного: министр перлюстрировал почту собственного шефа полиции.

53

В 1880-е годы подполковник С. П. Судейкин завербовал молодого террориста-народовольца Дегаева; этот успех позволил полицейскому стать “властителем русской революции”. Но дорогой ценой: подполковнику приходилось даже организовывать убийства, чтобы прикрывать своего двойного агента. В 1883 году Дегаев заманил Судейкина на встречу в квартиру и там убил его. Потом Дегаев бесследно исчез. Много лет спустя выяснилось, что профессор математики в неименитом университете на Среднем Западе США – не кто иной, как Дегаев. Эта история прекрасно рассказана в книге Ричарда Пайпса “Дело Дегаева” (*Degaev Affair*). Подобная тактика всегда была сопряжена со смертельным риском. В наше время офицеры американской разведки, побуждавшие афганских моджахедов бороться против Советского Союза, и офицеры израильской разведки, спонсировавшие исламских радикалов на Западном берегу реки Иордан для противодействия Организации освобождения Палестины, также пожали горькие плоды, когда их организации превратились соответственно в “Аль-Каиду” и “Хамас”.

54

Охранка не могла позволить себе не замечать изобретательности убийц-эсеров. Успех авиации навел их на мысли, предвосхищавшие “Аль-Каиду” и 11 сентября. Террористы-эсеры планировали направить начиненный динамитом аэроплан на Зимний дворец, поэтому в 1909 году охранка начала отслеживать все полеты, равно как и людей, учившихся управлять аэропланом, и членов аэроклубов. Стоит отдать должное охранке: в 1909 году у нее хватило воображения, чтобы предусмотреть преступление, прошедшее в xxi веке мимо ФБР и ЦРУ.

55

По сообщению А. В. Островского, Сталина в этот раз собиралась арестовать не полиция, а военный патруль. – *Прим. перев.*

56

Всегда важно смотреть на даты воспоминаний. В воспоминаниях, надиктованных в 1936-м, Вадачкория дает понять, что убийство заказал Сталин. В 1936 году записывать такое было как минимум простодушно; в 1937-м, во время Большого террора, и после – невообразимо. История о том, как Сталин заподозрил шпиона и оказался прав, была опубликована как часть культа личности. Рассказ же о том, что шпик был убит, присутствует только в архивном оригинале и здесь публикуется впервые.

57

В своих воспоминаниях, записанных в 1935 году, до Террора, Канделаки прозрачно намекает, что Ротшильдов поджег Сталин. Сталинистские историки, цитирующие Канделаки, опускают все предположения, что их вождь был поджигателем, убийцей, грабителем банков и обольстителем. Текст Канделаки публикуется здесь впервые. Историки часто путают его с Давидом Канделаки, молодым торговым представителем, которого Сталин в 1930-е использовал как секретного посланника, чтобы начать переговоры с Гитлером – прощупывание почвы за три года до пакта Молотова – Риббентропа. Давид Канделаки был расстрелян в 1938 году. Батумский Канделаки – Константин, Коция – был меньшевиком и министром финансов независимой Грузинской демократической республики, существовавшей в 1918–1921 годах.

58

Сталина это должно было разозлить: такого рода личные подробности более умудренные его собеседники в 1930-х не включали в свои мемуары. Наташа Киртава написала два мемуарных текста – один в 1934-м, второй в 1937-м. Разумеется, неопубликованный эпизод с поцелуем появился только в первом тексте, написанном до Террора.

59

Батумская демонстрация и история со Смырбой стали важной частью сталинской легенды. Когда в 1934 году руководитель Абхазии, один из сталинских любимцев Нестор Лакоба, выпустил книгу “Сталин и Хашим”, она усилила культ личности, начавшийся в 1929-м. Секретарь Сталина Иван Товстуха волновался из-за книги. Он писал тогдашнему заместителю Сталина Лазарю Кагановичу, что получил текст о Хашиме, отмечал, что там еще многое нужно исправить и переписать, и спрашивал, не выбросить ли его. Но его не выбросили. Публикация сделала Лакобу фаворитом, но ненадолго. Через год его переплюнул Берия, выпустивший полную преувеличений книгу “К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье”. По словам сына Берии, Сталин сам редактировал рукопись и “вычеркнул немало имен, заменив их своим”. В 1937 году последовал большой том “Батумская демонстрация 1902 года”. Берия оперативно устранил своего врага Лакобу: он отравил его, а потом убил (а перед тем лично пытал) его жену и детей. См. об этом в нашей книге “Сталин. Двор Красного монарха”. Что касается Хашима Смырбы, в 1916 году он переехал в другое место, а печатный станок закопал у себя в саду. Он умер в 1922-м в возрасте 81 года. Семидесятилетний Сталин со смехом вспоминал Смырбу. Он знал, что книгу Лакобы многие считали пропагандой. В конце концов, в ней говорилось, что Сталин – “великий человек целой эпохи, человек, каких история дает человечеству раз в 100–200 лет”. Но Сталин настаивал: “Все, что сказано в этой книге, – правда. Так все и было”.

60

В начале 1939 года Московский художественный театр заказал Михаилу Булгакову романтическую пьесу о молодом Сталине в Батуме; постановку собирались приурочить к шестидесятилетию диктатора. Заказ наверняка исходил от самого Сталина. Он восхищался Булгаковым (тот, как и Чехов, сменил врачебную карьеру на писательскую); особенно Сталину нравился роман “Белая гвардия”. Булгаковская драма по этому роману – “Дни Турбиных” – была любимой пьесой Сталина: он смотрел ее пятнадцать раз. Но, как и с Пастернаком и Шостаковичем, он играл с Булгаковым в кошки-мышки. Он то звонил писателю, обещая, что скоро ему поручат работу, то вновь перекрывал ему кислород. Как и Пастернак, Булгаков был заворожен своим всемогущим гонителем и думал о создании такой пьесы еще с 1936 года, хотя и понимал, что это опасно. Вчерне Булгаков закончил пьесу в июне 1939-го: он основывался на книге “Батумская демонстрация 1902 года” и, вероятно, беседовал со свидетелями событий. Сначала он назвал новую вещь “Пастырь” (по прозвищу Сталина среди рабочих), затем – “Дело было в Батуми” и, наконец, просто “Батум”. Любовной линии в этой романтической пьесе нет, но дан намек на отношения Сталина с Натальей Киртавой: его подругу в пьесе зовут Наташа (прототипы – Киртава и сестра Ломджарии). Культурные аппаратчики пьесу одобрили. В августе Булгаков заявил, что хочет поговорить со свидетелями и поработать в архивах. Вместе с женой Еленой он сел на поезд до Батума. Но Сталин, который как раз готовился подписать пакт Молотова – Риббентропа, вовсе не хотел, чтобы его государственный авторитет был подорван какими-либо архивными открытиями (многие материалы этих архивов использованы в настоящей книге). Булгаковы получили телеграмму: “Надобность поездки отпала. Возвращайтесь в Москву”. Булгаков после этого слег. Сталин прочитал “Батум”. При посещении МХАТа он сказал режиссеру, что пьеса хорошая, но ее нельзя ставить. Он добавил, кривя душой: “Все молодые люди одинаковы, зачем писать пьесу о молодом Сталине?” Для Булгакова эта работа была поденщиной: незадолго до смерти в 1940 году он втайне закончил свой антисталинский шедевр – роман “Мастер и Маргарита”.

61

“Радость? – не без язвительности переспросила Кеке, когда в 1935 году корреспондент спросил ее, рада ли она быть матерью Сталина. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я – мать?”

62

Сталин быстро обучался подпольному искусству. Сочувствующий ему батумский рабочий трудился в компании, поставлявшей тюрьме дрова. Однажды к нему подошли и сказали, что он должен помочь доставить дрова и в точности выполнять инструкции. Он принес поленья в тюремный двор, и конечно, ровно в три часа надзиратели вывели одного-единственного заключенного – Сталина, который передал ему срочное сообщение для батумских друзей.

63

Ленин изложил мечту Сталина о том, чтобы стать рыцарем военно-религиозного ордена. “Наша партия… не философская школа, – без обиняков писал Сталин. – <…> Разве наша партия не есть *партия борьбы*? <…> До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью… Но [теперь] она… уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных”. Все прочее было бы “осквернением святая святых”.

Став советским лидером, Сталин искоренил эту покладистость и стремился не допускать ее в собственных репрессиях. В 1937-м, в разгар Террора, он писал, что размещение “врагов советской власти” “часто более походит на принудительные дома отдыха, чем тюрьмы (пишут письма, получают посылки и т. д.)”.

Ввиду проблем со свидетелями и секретностью царские власти придерживались правила, согласно которому террористов и революционеров не судили присяжные и судьи; местный жандармский офицер рекомендовал меру наказания местному генерал-губернатору, который переправлял предложение Особой комиссии из пятерых чиновников Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. Те выносили приговор, министр внутренних дел утверждал его, а император подписывал. Сталина приговорили именно таким способом. С 1881 по 1904 год подобным образом было приговорено только 11 879 человек, в то время как за примерно такой же срок своего правления Сталин депортировал 28 млн заключенных; несколько миллионов из них так и не вернулись из ссылки. Что до смертной казни, то при царях гораздо чаще вешали поляков-католиков и евреев из западных провинций, чем православных русских и грузин.

66

Когда Ленин прибыл в ссылку, он первым же делом сделал выговор начальнику станции; он свободно пользовался библиотекой местного купца, вызвал к себе жену Надежду Крупскую и тещу, которые за ним ухаживали, и даже нанял горничную для уборки дома. Ленин и Крупская покровительствовали крестьянам, которые, как пишет Крупская, жили “очень чисто”. Ленин пел дифирамбы пейзажу этой “сибирской Италии” – замечательного места для писательского труда. “В общем, – писала Крупская, – ссылка прошла неплохо”. Система предпочитала дворян, православных русских и грузин евреям и полякам. Ленин и его друг Юлий Мартов были арестованы в одно и то же время по одному и тому же подозрению, но, пока русский аристократ Ленин проводил на природе “каникулы с книгами”, лидер социал-демократов еврей Мартов боролся за выживание в арктическом холоде Туруханска.

Уже на столь раннем этапе партийного движения Ленин и Сталин, самопровозглашенные защитники пролетариата, были против вовлечения в революцию настоящих рабочих. Они были сторонниками олигархии, которая управляла бы страной от имени рабочих, – позже эта концепция превратится в “диктатуру пролетариата”. Сталин твердо считал, что избирать в партийные комитеты рабочих – значит наполнять ряды партии революционерами-дилетантами, а кроме того, агентами полиции. Ленинцы не очень-то сочувствовали амбициям крестьян, мечтавших о земле. Большинство грузинских социал-демократов выступали за массовое участие рабочих и крестьян – и, соответственно, стали меньшевиками. Грузинские меньшевики во главе с такими активистами, как Жордания, были весьма эффективными политиками и набирали все большую популярность. Они были куда свирепей и решительней российских меньшевиков. Джибладзе и Рамишвили вплоть до 1907 года принимали участие в терроре и экспроприациях – с такой же охотой, как Сталин. Но в целом большевики были дисциплинированней, безжалостней и реже останавливались перед террором и убийствами. В довершение всего помимо радикальных меньшевиков существовали умеренные большевики (например, Каменев).

68

В 1934 году дети, которые дали Сталину на дорогу хлеба, написали ему; он ответил им и прислал подарки – радиоприемник и патефон. В 1947-м пенсионер Кунгуров написал: “Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину И. В. Я глубоко извиняюсь, что беспокою Вас. В 1903 году, когда Вы были в ссылке, село Новая Уда Иркутской губернии Балаганского уезда, в то время жили у меня на квартире. В 1904 году я увез Вас лично в село Жарково по направлению [к] станции Тырет[ь] Сибирской железной дороги, а когда меня стали спрашивать пристав и урядник, я им сказал, что увез Вас по направлению в г. Балаганск. За неправильное показание меня посадили в каталажку и дали мне телесное наказание – десять ударов… Я надеюсь, что Вы меня не забудете и поможете получить персональную пенсию”. Маловероятно, чтобы Кунгуров мог попросту сочинить такую историю, но Сталин, прочтя письмо, ответил, что не помнит этих событий, и попросил Кунгурова сообщить больше подробностей. Возможно, Сталин уже позабыл, как он жил в первой ссылке, но, скорее всего, он затаил обиду на Кунгурова за то, что тот отказался добровольно помочь ему бежать.

69

“Кредо” (статья “Как понимает социал-демократия национальный вопрос?”) было одним из важных секретов сталинского прошлого. Оно серьезно компрометировало репутацию Сталина как верного ленинца и говорило о нем скорее как о меньшевике образца 1918 года, из тех, что создали независимую Грузию, или как о большевике-уклонисте образца 1921–1922 годов. В 1925-м Сталин метил на место преемника Ленина и начал искать и уничтожать экземпляры “Кредо”. В 1934-м он дважды обращался к Шевардяну (сначала через его начальника в Наркомате торговли – сталинского магната Анастаса Микояна, затем через своего старого товарища Малакию Торошелидзе, ректора Тифлисского университета). Шевардян сжег свои бумаги в своем родном селе. В разгар Террора 1937 года Микоян и Берия отправились в Ереван с расстрельным списком имен 300 армянских большевиков. Микоян спас одного из 300 – Шевардяна, который, впрочем, все равно был арестован. Его семья уничтожила все бумаги. 24 октября 1942 года, во время наступления немцев, Берия застрелил Шевардяна. Не все обладатели экземпляра “Кредо” были убиты: Цхакая так и остался сталинским фаворитом.

На самом деле, как следует из мемуаров Аллилуева, он вернулся с самим станком, а шрифт собирался взять у Бочоридзе. – *Прим. перев.*

71

История “романа” снова дала о себе знать, когда Сталин женился на младшей дочери Ольги Наде. Существовал слух, что Сталин был Надиным отцом. Судя по всему, этот слух был известен им обоим, но, когда Сталин познакомился с Аллилуевыми, Наде было уже три года. В 1904 году Сосо ухаживал за грузинской девушкой из хорошей семьи Ниной Гургенидзе. Когда она оставила его и вышла за несуразного юриста, Сосо ругался: “Как ты могла выйти за такую дрянь!” Мужа-юриста расстреляли в 1937-м.

72

Минадора, урожденная Орджоникидзе, была меньшевичкой и вышла замуж за большевика Малакию Торошелидзе, также друга Сталина. Минадора была единственной женщиной, подписавшей в 1918 году декларацию независимости Грузии. Когда Сталин и Серго вновь завоевали Грузию в 1921-м, она осталась в Тифлисе с Торошелидзе, ректором Тифлисского университета. У него был экземпляр “Кредо”. В 1937 году обоих арестовали. Характерный для сталинского террора случайный парадокс – ее, меньшевичку, выпустили, а его, большевика, расстреляли. Но, возможно, это не просто случайность: Сталину Минадора нравилась. Ее воспоминания не опубликованы.

73

Киртава осталась в Батуме, стала партийной чиновницей и убежденной сталинисткой. Ее воспоминания написаны суконным и невнятным большевистским языком, но тем не менее в 1930-е она отважилась записать, как отвергла Сталина и как его это разозлило. Ранее эта история не публиковалась.

Ной Хомерики позднее был министром земледелия независимой Грузии в 1918–1921 годах, а в 1924-м руководил меньшевистским восстанием, был взят в плен и расстрелян. Его письмо конфисковали жандармы при обыске, и оно затерялось в архивах. Письмо необычно особо жестким порицанием сталинских методов и амбиций. В конце 1950 года Берия, курировавший атомный проект, вышел из фавора и опасался, что его самого уничтожат. Теперь нам ясно, что из грузинских кругов он узнал о письме Хомерики и, запасаясь оружием, чтобы в случае угрозы пустить его против Сталина, тайно и неофициально попросил архивиста отыскать письмо. Но Берия не нашел его. Оно было обнаружено только в 1989 году.

75

Эссад-бей – один из многих псевдонимов Льва Нусенбаума, сына бакинского еврея – нефтяного магната. Перу Эссад-бея принадлежит книга “Сталин: карьера фанатика”. Также он написал классический любовный роман “Али и Нино” под псевдонимом Курбан Саид. Личность автора оставалась загадкой до выхода новой биографии – “Ориенталиста” Тома Рииса. Риис рассказал о невероятной жизни Нусенбаума и его превращении в мусульманина в фашистской Италии. Писания известного фантазера – далеко не идеальный исторический источник; его анекдоты, не подтвержденные ссылками на источники, долгое время воспринимались как легенды, но часто они оказываются правдивыми. Нусенбаум наверняка знал эмигрантов из Тифлиса и Баку и записал их рассказы, но эти ненадежные материалы подлежат проверке.

Двухтомные мемуары Шавишвили бесценны, но историки обращаются к ним редко: они были изданы маленьким тиражом по-французски. Шавишвили был враждебным Сталину свидетелем и писал в эмиграции, но видно, что сталинский магнетизм его отчасти завораживает, отчасти ужасает.

Современное название города – Чиатура. – *Прим. перев.*

Народные спектакли в США в xix веке, где чернокожих изображали загримированные белые артисты. – *Прим. перев.*

79

Товарищ председателя – официальная должность в дореволюционной России, слово “товарищ” здесь означало “заместитель”. – *Прим. перев.*

Он противостоял им и в печати. “Слишком уж назойливы наши “меньшевики”!” – писал Сталин в статье, где обвинял меньшевиков в фальши. Статья любопытна использованием замысловатых иносказаний: “Однажды и ворона обрела розу, но это еще не значит, что ворона – соловей”. Поведение меньшевиков “напоминает случай с вором, укравшим деньги, а потом поднявшим крик: “Держите вора!”. Статья заканчивается так: “Кроме того, известно: у кого что болит, тот о том и говорит”.

81

В октябре 1940 года знаменитого грузинского писателя Шалву Нуцубидзе неожиданно выпустили из тюрьмы и привезли на встречу со Сталиным, который восхищался его переводом “Витязя в тигровой шкуре” и приложил руку к редактуре. За обедом на сталинской даче в Кунцеве Нуцубидзе вспомнил речь на похоронах Цулукидзе и прочитал ее наизусть. “Большой талант часто шагает нога в ногу с большой памятью!” – воскликнул Сталин, подошел к гостю и поцеловал его в лоб. Подробно об истории Нуцубидзе рассказано в книге “Сталин. Двор Красного монарха”.

82

О. Касьян Гачечиладзе записал свои воспоминания втайне еще при жизни Сталина. Их унаследовал внук священника – потом он увидел по грузинскому телевидению, как автор этой книги рассказывает о своей работе, и связался с ним. Рассказ о том, как Сталин вел лошадей, о его передвижениях и разговорах совпадает с другими источниками.

83

Сталин знал семью Сванидзе не только через Алешу. Семен Сванидзе, отец Алеши и его трех сестер, был учителем в Кутаисе, мать Сефора происходила из благородного рода Двали. Двоюродный брат Сефоры по фамилии Двали был начальником кутаисской полиции. И Сванидзе, и кутаисский Двали укрывали Сталина от тайной полиции; еще один пример того, что для грузин родственные связи были важнее верности государству.

84

Воспоминания Сашико Сванидзе и ее мужа Монаселидзе бесценны. Они были записаны в начале 1930-х, когда Сталин уже стал диктатором, но, несмотря на это, они поразительно правдивы. Воспоминания Сашико не опубликованы, воспоминания Монаселидзе частично были использованы в литературе культа личности, но большинство подробностей для нее не годились. В 1905–1906 годах большевики, приезжавшие из провинции, приходили к Сталину в больницу, но главари – Шаумян, Спандарян, Авель Енукидзе (тоже из Рачи) и Буду Мдивани – были завсегдатаями у Сванидзе, как и сталинские наемные убийцы Камо и Цинцадзе.

85

Реакция Сталина на это оскорбление была необычной; он никогда не забывал его. О судьбе Кавтарадзе см. в эпилоге. В Объединенный комитет входили и большевики, и меньшевики.

86

По словам Троцкого, “Сталин остается как бы вне 1905 года”, он не спеша писал “тусклые комментарии к ярким событиям”. Большинство историков солидарны с этим мнением.

В этом здании и теперь находится Музей Ленина – одно из последних ленинских святилищ на Западе.

88

Происхождение Ленина было вопросом щекотливым: его мать была внучкой Мойше Бланка, еврейского коммерсанта, женившегося на шведке. Большой процент евреев среди большевиков всегда оставался проблемой в Советской России. В 1932 году сестра Ленина Анна написала письмо Сталину о еврейских корнях Ленина. “Ни слова об этом письме!” – наложил резолюцию Сталин. Письмо оставалось неизвестным до 1990-х.

89

Важнейшим делегатом был Леонид Красин, блестящий инженер, дамский угодник и эксперт Ленина по вопросам финансов, терроризма и взрывчатки, – Сталин уже знал его по Баку. Красин по заказу крупных нефтепромышленников наладил там работу электростанции – а также соорудил подпольную типографию для большевиков. В 1905 году он помог Ленину найти финансирование для партии благодаря связям с промышленниками-плутократами, такими как Савва Морозов, и с актрисой Комиссаржевской, которая пожертвовала сборы со своих спектаклей. Но специализировался Красин по терроризму, ограблениям банков и изготовлению бомб. В Таммерфорсе Сталин также познакомился с Емельяном Ярославским, который впоследствии стал главным его пропагандистом; с Яковом Свердловым, который потом вместе с ним окажется в ссылке; и с Соломоном Лозовским, будущим заместителем наркома иностранных дел, – в 1952 году, во время антисемитской кампании, он был отдан под суд и расстрелян. Лозовский был единственной из жертв Сталина, кто осмелился открыто выступить против диктатора в суде. См. об этом в книге “Сталин. Двор Красного монарха”.

90

В воспоминаниях Аллилуевой, которая во время описываемых событий была еще ребенком, не говорится, что она узнала Камо и закричала ему. Камо узнал Сергей Аллилуев: “– Камо! – едва удержал восклицание отец”. – *Прим. перев.*

Такое управление с помощью соревнования было характерно для Сталина: схожим образом в 1945-м он приказал маршалам Жукову и Коневу “наперегонки” брать Берлин.

Бачуа Куприашвили, один из организаторов тифлисского ограбления, записал свои воспоминания в годы правления Сталина. Он подтверждает, что именно Сталин возглавлял боевую организацию, но из осторожности не связывает его имя с грабежами. Эти забытые воспоминания шестьдесят лет пролежали в грузинских архивах.

93

Слово “технический” было большевистским эвфемизмом, обозначавшим терроризм или убийства. И Красин, и меньшевики называли свои лаборатории, где изготавливались бомбы, “техническими отделами”.

Скорее всего, в этом шарфе, напоминавшем еврейский талис, Сталин запечатлен на знаменитом полицейском снимке (см. обложку книги), сделанном после таинственного ареста.

Здесь Сталин познакомился с польским социалистом Феликсом Дзержинским, который станет основателем советской тайной полиции – ЧК – и сталинским союзником в борьбе за власть после смерти Ленина; с Григорием Радомысльским, сыном еврея-молочника, вскоре взявшим псевдоним Зиновьев, – после смерти Ленина он стал одним из триумвиров; Сталин ликвидировал его и Каменева в 1936-м; с Алексеем Рыковым, преемником Ленина на посту председателя Совнаркома, – Сталин какое-то время будет делить с ним власть, затем, в 1938-м, уничтожит его. На съезде Сталин также встретился со старыми друзьями – Сеидом Девдариани, которого знал по семинарии, Калининым, будущим номинальным главой государства, знакомым Аллилуевых, и тифлисским товарищем Степаном Шаумяном.

В книге А. Островского указано, что Цхакая был свидетелем со стороны невесты. – *Прим. перев.*

Как рассказала автору в Тбилиси Кетеван Геловани, внучка тетки Като по матери, Сосо был с женой ласков, но иногда у него случались вспышки ярости: “Вскоре после свадьбы он в гневе прижег ей руку сигаретой, но она его любила, и он обычно был с ней добр и нежен”. В Финляндии есть легенда, что они провели медовый месяц в Карелии. Но нет никаких подтверждений тому, что она ездила с ним в Швецию; кроме того, тогда они были еще не женаты.

Это особенно верно для периода после Лондонского съезда в 1907 году, на котором экспроприации были запрещены под страхом исключения из партии. Но пароход ограбили в 1906-м, до Лондонского съезда.

99

Пиратство не было редкостью у бандитов-революционеров. Сталинское *alter ego* из Гори – Давришеви, глава военного отряда социал-федералистов, – рассказывает, как ограбил корабль примерно в то же время, когда произошел налет на “Цесаревича Георгия”. А у берега Одессы революционеры проникли на прогулочный корабль “София”, где в это время пировали аристократы, и унесли оттуда 5000 фунтов золотом.

100

В то время Красин снабдил самой хитроумной своей адской машиной эсеров-максималистов. Они взорвали ее в доме выдающегося царского премьера – Столыпина. Теракт унес много жизней, но Столыпин уцелел.

101

В 1930-е Валлах под именем Максима Литвинова станет сталинским наркомом иностранных дел.

102

Яков, которого в семье называли Яшей, был крещен лишь через несколько месяцев, а документы получил лишь через несколько лет – отсюда путаница с его датой рождения. Вероятно, Сталин назвал сына в честь своего защитника Якова Эгнаташвили.

103

Съезд изначально планировалось проводить не в Лондоне, а в Копенгагене, поэтому Сталин отправился в Петербург, затем в Финляндию и далее в шведский город Мальме, откуда вместе с остальными делегатами паромом отплыл в Копенгаген. Но датчане экстрадировали социалистов в Швецию, шведы – обратно в Данию; наконец датчане отправили их в порт Эсбьерга, где делегаты сели на пароход, идущий в Англию.

104

В те же дни на первых полосах газет были сообщения о заговоре против царя и фотография трехлетнего царевича Алексея (с подзаголовком “Царевич впервые надел штанишки”). Кроме того, сообщалось о женитьбе дяди царя, великого князя Николая, на принцессе Черногорской и о том, что у испанской королевы, англичанки по происхождению, родился сын (заголовок: “Английский младенец”).

105

Теперь в этом здании мебельный склад, магазины фототехники и мужской одежды.

106

Позже Горький станет другом диктатора, позорным его апологетом, жалким трофеем и, возможно, жертвой. См. “Сталин. Двор Красного монарха”.

107

Сталин хитроумно приписал это замечание Григорию Алексинскому в “Заметках делегата” – отчете о лондонском съезде, напечатанном под псевдонимом Коба Иванович в “Бакинском пролетарии”. Он указал, что “большинство меньшевистской фракции составляют евреи… далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д.”. О еврейской природе социал-демократизма говорилось много, но сталинская статистика показывает, как много в партии было грузин. Арсенидзе пишет: “Быть за или против евреев, ему было совершенно безразлично”; Сталина интересовали лишь соображения политической пользы. В своих статьях он сочувствовал евреям: “Стонут постоянно преследуемые и оскорбляемые евреи, лишенные даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные”. Он также нападал на меньшевиков за то, что они были не рабочими, а “интеллигентами”, и удивлялся тому, что меньшевики в свою очередь ругают за это же большевиков: “Мы объясняли меньшевистские крики тем, что “у кого что болит, тот о том и кричит”…” Как видим, это его любимая поговорка. Многие историки говорят о сомнениях в праве Сталина обладать совещательным голосом, чтобы показать, что позиция Сталина была для партии не важна, – и забывают, что с уважаемыми Цхакаей и Шаумяном обошлись так же. Беспечность Ленина объясняется и еще кое-чем. Он предложил грузинским меньшевикам объединение: если Жордания не будет вмешиваться в дела русских, то возглавит объединенную партию в Грузии. Жордания на это не согласился.

108

Когда 29-летний Сталин под именем Коба Иванович жил в Степни, 33-летний Черчилль занимал холостяцкую квартиру на Маунт-стрит, *W*1. Он был уже замминистра по делам колоний в либеральном правительстве сэра Генри Кэмпбелла-Баннермана и только что опубликовал биографию своего отца, лорда Рэндольфа Черчилля. До этого он успел прославиться публикацией собственной биографии. Во время пребывания Сталина в Англии Черчилль ездил в Шотландию произносить речь – это отражено в его бумагах.

109

“Сталин в Уэльсе” – живучая легенда. Валлийский писатель Джон Саммерс “подтвердил”, что это правда, когда приезжал в 1970-х в советский шахтерский город Донецк (он был основан валлийцем Хьюзом и первоначально назывался Юзовка). На валлийском сайте Сталин до сих пор упоминается в числе “кошмарных людей, которые хорошо провели время в Уэльсе” (среди них – серийный убийца Фред Уэст, черный маг Алистер Кроули, нацист Рудольф Гесс и угандийский тиран Иди Амин): “Сталин побывал с кратким визитом в долинах Южного Уэльса, где заручался поддержкой и собирал средства на русскую революцию”. Федор Ротштейн, помогавший Сталину и большевикам в Лондоне, стал советским послом в Персии и умер до Большого террора. Его сын Андрей сделал любопытную карьеру, утвердившись и в английском истеблишменте, и в советской номенклатуре; он учился в Оксфорде, затем в годы Террора работал в Институте марксизма-ленинизма и сумел уцелеть; позднее он вернулся в Лондон и стал авторитетом среди британских марксистов. От лондонской поездки у Сталина осталось невероятное воспоминание, которым он в годы Второй мировой поделился с британскими парламентариями: на встрече марксистов он видел Бенито Муссолини, который тогда был марксистом. Сталин мог видеть Муссолини на какой-нибудь марксистской конференции в Германии, но Лондон в это время будущий дуче не посещал. Посыльный Сталина Бэкон стал санитаром в Бэкенхемском госпитале. В 1950-м 56-летний Бэкон дал интервью “Дейли экспресс”. “Интересно, помнит ли генералиссимус Сталин, отец всея Руси, высокого парня, который покупал ему ириски”, – говорил Бэкон. Дома на Джубили-стрит уже не существует.

110

Позиции большевиков в Грузии поколебались, когда в августе 1907 года был убит популярнейший поэт – князь Илья Чавчавадзе, который опубликовал стихи Сосо. Большевики выступали против его патриархальных взглядов на грузинскую культуру и, как считали многие, вынесли ему смертный приговор; существуют доказательства того, что убийство спланировал, по крайней мере частично, друг Сталина Серго Орджоникидзе. Впрочем, возможно, эсдеки были непричастны к убийству. Сталин в пожилом возрасте всегда восхищался поэзией Чавчавадзе; нет никаких доказательств, что покушение устроил он. Но он был близким другом Серго и, уж конечно, отделял литературный талант от жестокой необходимости: политика у него стояла на первом месте.

111

Сам Сталин давал понять, что был в Тамамшевском караван-сарае и видел, как грабителей наставляет Цинцадзе. Но Цинцадзе был под арестом. Возможно, престарелый диктатор путал это ограбление с другим, совершенным в 1912 году (см. гл. 29). В 1907 году речь перед грабителями, скорее всего, держал Камо.

Другие боевики, совершившие куда больше ограблений, завидовали славе Камо. “Нашу дружину называли группой Камо, – говорит Бачуа Куприашвили, – но это была неправда. Мы приняли Камо в группу через год после ее основания. Он принял участие в большой акции, после которой все наши деяния приписывались ему… Но Котэ Цинцадзе, Инцкирвели, Элисо Ломинадзе… стояли не ниже, а, пожалуй, даже и выше Камо”.

113

Ленин опубликовал полемическую работу по эпистемологии “Материализм и эмпириокритицизм”, в которой критиковал мистический “эмпириомонизм” Богданова, угрожавший, по мнению Ленина, марксистскому материализму.

114

После смерти Ленина в 1924 году Сталин очень заботился о легитимности своего большевистского прошлого: он хотел доказать, что достоин быть ленинским наследником. Если бы Мартов доказал, что Сталина исключили, он мог бы спасти Россию от сталинизма.

115

Вскоре в Баку приехал и английский промышленник – сэр Маркус Сэмюэл (позже ставший виконтом Берстедом), основатель *Shell*. В 1912-м Эдуард де Ротшильд, сын Альфонса, продал большую часть своих бакинских активов компании *Royal Dutch Shell*, которую тогда возглавлял Генри Детердинг. Ротшильдам заплатили в основном шелловскими акциями. Классическая блестящая ротшильдовская сделка. Ротшильды не занимались нефтяными инвестициями в России почти столетие – и вновь получили огромную прибыль во время российского нефтяного бума в начале xxi века. В бывшем дворце Ротшильдов теперь находится Министерство юстиции Азербайджана.

116

Сталин “нефть знал отлично”, писал его грузинский протеже Мгеладзе. Город Баку имел огромное значение в 1942-м, когда Гитлер, которому была позарез нужна нефть, погнал свои войска к нефтяным промыслам. Результатом была Сталинградская битва – по сути, битва за Баку. Сталин вызвал заместителя наркома нефтяной промышленности Николая Байбакова: “Гитлер рвется на Кавказ, он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Имейте в виду, если вы оставите хоть тонну нефти врагам, мы вас расстреляем”.

117

Троцкий вел себя не лучше. Он оставил жену и двух дочерей в Сибири, виня в этом “судьбу”, – а впоследствии чудовищно обращался со своими детьми. Большевизм и семейная жизнь были несовместимы.

Родственники Като, которые ухаживали за ней и лучше знали о ее болезни, пишут, что ее погубило желудочное заболевание: геморрагический колит и тиф. Почти наверняка у Като был кишечный или брюшной туберкулез (который не всегда связан с легочным туберкулезом): симптомы этой болезни – потеря веса, боли в животе, понос и кишечное кровотечение. Левон Шаумян, выросший в доме Сталина в 1920-х, говорит, что Като умерла от туберкулеза и воспаления легких. Заразиться сыпным тифом можно через воду и пищу, брюшным тифом – от насекомых (при ослабленном иммунитете). Но обе болезни часто поражали малоимущих и недоедающих; для обеих характерны кишечное кровотечение и потемнение сыпи. Лечить их научились только в 1950-е. Кетеван Геловани, близкая родственница Сванидзе, с которой автор беседовал в Тбилиси, называет болезнь Като “раком желудка”; возможно, так она объясняет кишечное кровотечение. Еще одна двоюродная сестра, ныне проживающая в Тбилиси, – 109-летняя Мариам Сванидзе; автор беседовал с ней 31 октября 2005 года. Она хорошо помнит смерть Като. “Мне тогда было девять лет. Като и мой отец одновременно заболели тифом. В книгах пишут, что Като умерла от туберкулеза, но я вас уверяю: это был тиф”, – рассказывала мне в тбилисском доме престарелых эта бодрая, сохранившая ясный ум женщина в халате в цветочек. “У обоих была красная сыпь. Мы знали, что, если сыпь почернеет, они умрут. У моего отца сыпь осталась красной. Он остался жив, но я помню, что у Като сыпь почернела. Тогда вся семья поняла, что она умрет. И она умерла”.

119

Сталин вел себя так же, когда в 1932 году покончила с собой его вторая жена – Надежда Аллилуева. Он тоже думал о самоубийстве, жалел себя и одновременно корил за невнимательность к жене.

120

Объявление гласило: “С сердечной скорбью извещают товарищей, знакомых и родных о смерти Екатерины Семеновны Сванидзе Джугашвили Иосиф – своей жены, Семен и Сефора – дочери, Александра, Александр и Марико – своей сестры”. Михаил Монаселидзе пишет: “В 1936 году я похоронил мою жену Сашико рядом с Като”. Сашико умерла от рака – и, возможно, ей повезло. В начале 1930-х Сванидзе оставались в числе самых близких Сталину людей. Но их тоже ждала страшная судьба: об этом рассказано в эпилоге. Могила в Тбилиси с фотографиями Като и Сашико сохранилась до наших дней. Сохранился и старый забор в конце кладбища; возможно, через него прыгал Сталин, убегая от полиции. Среди могильщиков распространена легенда, что, поскольку Като умерла от тифа, ее сначала похоронили в “чумной могиле”, но родные раскопали тело и похоронили ее сами.

Здесь он снова встретился с тифлисскими друзьями – Серго, Буду Мдивани (Бочкой), Аллилуевым, Кавтарадзе, бандитом Цинцадзе, почти всеми подельниками из дружины, с высоким голубоглазым Шаумяном. Здесь были друг Сталина Ворошилов и старый друг Енукидзе; к ним скоро присоединился особый агент Ленина – женщина с хорошими связями, суровая дворянка Елена Стасова (товарищ Абсолют), Розалия Землячка, Алексинский и девушка по имени Людмила Сталь. Но здесь же оказалось много знакомых меньшевиков, например Девдориани. Это был тесный мир.

122

Чем занимался Сталин в Баку, не до конца ясно, но в воспоминаниях меньшевиков содержатся ценные подсказки. В советское время, особенно в сталинские годы, ссылаться на них было нельзя, по большей части они не опубликованы, но сохранились в архивах.

123

Отец физика, лауреата Нобелевской премии Льва Ландау, год отсидевшего в сталинском лагере. – *Прим. перев.*

124

В первый раз за Нагиева назначили выкуп в 10 000 золотых рублей. Похитители грозили разрезать похищенного на кусочки. “Я могу заплатить только 950 рублей, – ответил Нагиев. – Можете меня разрезать, но тогда вы не получите ничего”. И он уплатил 950 рублей. В декабре 1908-го Нагиева вновь похитила банда, “где главарь был черноволосый грузин с необычными оспинами”. Предполагается, что Нагиев заплатил 100 000 рублей. Во время первого похищения Сталин был на свободе в Баку, но во время второго сидел в бакинской тюрьме. Если бы и тогда он был на свободе, он все равно не стал бы лично участвовать. Но в любом случае он управлял преступниками и террористами и из тюремной камеры и вполне мог организовать оба похищения. С другой стороны, ни в каких большевистских воспоминаниях эта история не отражена, а в газетах в 1909 году утверждалось, что вторая шайка состояла из полицейских и была связана с бывшим заместителем бакинского градоначальника полковником Шубинским. Несмотря на это, Нагиев, вероятно, жертвовал деньги большевикам, как и другие нефтяные магнаты, – и, как и они, лишился своего состояния после революции. Он умер в 1919 году.

Возможно, это унижение повлияло на жестокое решение Сталина о депортации всех чеченцев в годы Второй мировой войны – эта депортация унесла сотни тысяч жизней. Таким же образом он депортировал и преследовал многие другие народы – например, поляков и корейцев, хотя с ними у него таких встреч не было. Что до Мухтарова, в 1920-м, когда Красная армия заняла Баку, он отказался отдать свой дворец большевикам: “Пока я жив, ни один варвар в армейских сапогах не войдет в мой дом!” Завязалась перестрелка, он сопротивлялся большевикам, но, когда увидел, что их слишком много, застрелился. Его красивая жена Лиза, для которой и был построен дворец, жила в подполе, затем бежала в Турцию, где прожила остаток дней и умерла в 1950-х. В доме Мухтарова теперь Дворец бракосочетаний.

126

Когда маршал Ворошилов в последние годы жизни Сталина вышел из фавора, он защищался перед ним: “Коба, ведь мы подружились в Баку в 1907-м!” “Не помню”, – отвечал Сталин. О дальнейшей жизни Ворошилова см. в эпилоге.

127

Придя к власти, он преследовал и арестовывал эсперантистов.

128

В Баиловке Сталин нашел многих своих бандитов-маузеристов – например, с ним в камере сидели братья Сакварелидзе. Его оппоненты-меньшевики, экс-семинарист Девдариани и батумец Исидор Рамишвили, также оказались в этой людной камере. Две фракции принуждены были опять работать вместе, и меньшевикам пришлось закрыть глаза на бандитизм Сталина.

129

В июле 1937 года, в разгар Большого террора, гориец Надирадзе, устроивший эту подмену, написал еще одному сокамернику – Андрею Вышинскому, сталинскому генеральному прокурору. (Вышинский был человеком трусливым, но внушал всем страх.) Надирадзе попросил его подтвердить, что он отбывал срок за политическое убийство и что он помог Сталину поменяться с другим заключенным и бежать. Вышинский подтвердил первое, но от подтверждения подмены воздержался: “Что же касается факта организации товарищу Сталину смены… то, к сожалению, этот факт вследствие запамятования очевидно удостоверить не могу”. Видимо, Надирадзе в дни Террора находился под следствием, иначе он не стал бы обращаться к опасному Вышинскому с такой щекотливой просьбой в такое неспокойное время. И сложно себе представить, чтобы он написал такое письмо, если бы все в нем описанное не было правдой.

130

Начальника тюрьмы звали Серов. Занятно, что он был отцом Ивана Серова – генерала, одного из начальников сталинской секретной службы. Серов переселял чеченцев и другие народы, был первым председателем КГБ.

131

Сосо подружился с почтовым служашим, по совместительству тюремщиком. Он встречался с ним, когда ему присылали деньги. Летом Сосо любил в одиночку охотиться в лесу. Через почтальона-тюремщика он передавал записки для арестантов городской тюрьмы. Местный священник позволял Сталину пользоваться своей библиотекой.

132

См. эпилог.

133

Охранка присваивала объектам наблюдения по-своему остроумные имена: пекарь мог называться Булкой, банкир – Мошной; поэта Сергея Есенина окрестили Набор. Красивую девушку могли называть Нарядной.

134

Точно так же после самоубийства своей второй жены в 1932-м он будет с ненавистью относиться к счастливым бракам своих бонз. См. “Сталин. Двор Красного монарха”.

135

До недавнего времени историки писали, что Бесо погиб примерно в 1890-м, возможно, в пьяной драке, но из новых архивных данных явствует, что это не так. Когда Сталин пришел к власти, его подручные и историки пытались найти фотографии Бесо и показывали их диктатору. В грузинских партийных архивах сохранились горы фотографий местных сапожников и людей, похожих на Бесо. Вероятно, на одной фотографии действительно Бесо, потому что она выставлялась в посвященных Сталину музеях. Но сам Сталин не стал это подтверждать. Грузинские партийные начальники также старались отыскать могилу Бесо, но безуспешно. В 1940-х Елисабедашвили, переживший Террор, подарил Сталину часы, которые якобы принадлежали Бесо. Сталин отказался от подарка, намекнув, что его отцом был другой человек – возможно, Эгнаташвили. Памяти о Бесо он предпочитал провал в биографии.

136

Воспоминания Гио стоят внимания: они были напечатаны в Советском Союзе в 1925 году – вскоре после смерти Ленина, но до того, как Сталин превратился в диктатора, то есть в единственный возможный момент. Книга вышла в Ленинграде, вотчине Зиновьева, – возможно, таким образом он предупреждал Сталина, с которым состязался за ленинский трон. Гио рассказывает, что грузин-переводчик предал интересы государства не потому, что был марксистом, а потому, что был грузинским националистом. Гио также вспоминает, что Сталин сообщил ему пароль и отзыв для встречи с товарищем по фамилии Корнев – этот Корнев был до того подозрителен, что трудно было не заподозрить в нем агента охранки. Гио полагал, что Корнев перехитрил Сталина, но возможно и то, что Сталин проверял Гио или жертвовал им – а может быть, пытался завербовать Корнева.

Иногда полиция заламывала непомерную цену. “Милый! К сожалению, ничем не могу помочь, – писала неизвестная нам большевичка. – За отмену за границей [то есть за высылку за границу вместо сибирской ссылки] чиновник просит 800 рублей за тебя и Якова Михайловича [Свердлова]. Где же взять такую сумму?”

138

Важнейшее доказательство того, что Сталин был агентом охранки, – скорее всего, подделка. Это так называемое письмо Еремина. Оно всплыло в 1920-х, в 1950-х было напечатано в журнале “Лайф” и легло в основу конспирологических книг И. Дон Левина и Э. Смита. Письмо, несомненно, написал кто-то, кто много знал и о Сталине, и об охранке, но многие его подробности ошибочны. Отдавая должное аморальности Сталина, автор также отметил его преданность делу: якобы он оказался плохим двойным агентом, потому что в первую очередь был марксистом-фанатиком. Когда после смерти Сталина “письмо Еремина” появилось в “Лайф”, сталинский преемник Никита Хрущев и политбюро поручили председателю КГБ генералу Серову проверить подлинность документа. Результаты расследования, недавно найденные в архивах, также дают заключение о подделке. Версию о том, что Большой террор был устроен Сталиным с целью уничтожить свидетельства его сотрудничества с охранкой, отстаивает Роман Бракман в своей книге “Тайное досье Иосифа Сталина” (2001).

139

Сталинская ссылка стала для этих мест проклятием. В 1940-м Сталин, вспомнив о местах своей ссылки, распорядился построить в Череповце огромный металлургический комбинат, хотя ему там было совершенно не место: ближайшие рудники и залежи угля находятся более чем в 1600 километрах. Но советники Сталина побоялись сообщить об этом вождю. Строительство было отложено из-за войны, но началось в 1949-м. Неудобно расположенный комбинат до сих пор называют “отрыжкой сталинизма”.

140

В начале 1920-х Иванян имел несчастье буквально столкнуться со Сталиным в Москве и, судя по всему, попросил его о помощи. 7 июня 1926 года Сталин, уже главный из советских вождей, ответил на запрос об Иваняне, который тогда работал в Народном комиссариате внешней торговле. “Довожу до Вашего сведения согласно Вашей просьбе о некоторых необходимых Вам фактах…” – писал Сталин, по привычке нумеруя эти факты. В пункте 6 значилось: “Впоследствии, приехав за границу, в ЦК я получил все документы, говорящие о том, что действительно было послано для меня… 70 рублей”. Иваняна исключили из партии, но восстановили, после того как за него вступились старые большевики. Когда начался сталинский Террор, глава Закавказья и будущий глава НКВД Берия преследовал Иваняна. Иванян в отчаянии писал Орджоникидзе: “Присвоение мною 70 рублей у т. Сталина категорически отрицаю… Очень прошу Вас по прочтении [моего письма] ознакомить с его содержанием т. Сталина…” По иронии судьбы, его сослали в Вологду, затем перевезли в Тбилиси и там казнили.

141

После отъезда Сталина у Кузаковой родился сын Константин. В годы сталинской власти Кузакова написала воспоминания, где, разумеется, не упоминала об их романе. Но, судя по всему, Константин был сыном Сталина. Дата в свидетельстве о рождении не совпадает, но, как мы знаем по путанице с датами рождения Якова Джугашвили и самого Сталина, в таких документах часто ставили более раннее или более позднее число. В любом случае в то время незаконные рождения регистрировались нечасто, особенно в маленьких городках вдали от Петербурга. Сосо никогда не выражал желания встретиться с сыном, но позднее его пригласили в Москву (что довольно необычно); Константин получил престижную работу в аппарате ЦК и избежал репрессий. Мария подтверждала версию отцовства, сам Сталин принял молчаливое участие в дальнейшей карьере Константина, Надежде Аллилуевой было известно о романе мужа с Кузаковой. Вероятнее всего, диктатор знал, что Константин – его сын. См. также эпилог.

142

В 1944-м органы госбезопасности конфисковали у Онуфриевой этот подарок вместе с открытками от Сталина. См. также эпилог.

143

Другим его корреспондентом, совсем не таким нарядным, был флегматичный большевик в очках – 22-летний юноша, отбывший ссылку в Сольвычегодске перед самым приездом Сталина. Его звали Вячеслав Скрябин. Позже он стал известен под именем Молотова и на протяжении многих лет был правой рукой Сталина в политике. Молотов знал, что Сталина называют “кавказским Лениным”. Он был музыкален, зарабатывал по рублю в день, играя на мандолине для богатых купцов, приходивших с женщинами в ресторан и недавно построенный кинотеатр. Сталин считал, что это ниже достоинства большевика. Позже он издевался над Молотовым: “Ты играл перед пьяными купцами, тебе морду горчицей мазали!” Скрябин взял “индустриальный” псевдоним Молотов только в 1914-м, а в то время у него были другие псевдонимы: Рябин, Званов, Михайлов, В. М.

Коллеги Сталина из Тифлиса и Баку – Калинин и Шаумян – были выбраны кандидатами в члены ЦК и должны были заменять полноправных членов в случае ареста. Елена Стасова стала секретарем Русского бюро.

145

Через несколько дней Кавтарадзе вызвали в полицию. Когда ему показали фотографию Сталина, он чуть не засмеялся – Сталин выглядел очень взъерошенным. “Вы знаете этого господина?” – спросил жандарм. – “Нет, это какой-то ненормальный”. – “Вы знаете Иосифа Джугашвили?” – “Да, я знаю Сосо Джугашвили. Даже я его на днях случайно видел.”. – “А вы не знаете, что он государственный преступник?” – “Он просто мой знакомый. Грузины почти все друг друга знают…” Кавтарадзе отпустили.

146

Работница была эстонкой. Позднее она вышла замуж за Калинина и стала “первой леди” СССР. Во время сталинского Террора ее арестовали. Ее муж остался номинальным главой государства. См. в кн. “Сталин. Двор Красного монарха”.

147

Стасова (тогдашний псевдоним – товарищ Зельма) была внучкой придворного архитектора императоров Александра I и Николая I, дочерью адвоката-дворянина – сенатора и герольда на коронации Александра II. У нее было много общего с такими дворянами, как Ленин и Крупская. Сталина она знала по Баку, была специалисткой по секретной работе, часто – хранительницей партийной кассы. Стасова была начисто лишена чувства юмора и чопорна – Сталин над ней смеялся. Позднее она работала секретарем Ленина. Когда Ленин умер и Крупская выступала против Сталина, тот полушутя угрожал назначить ленинской вдовой Стасову. После смерти Ленина она не искала высоких постов, мало участвовала в партийной работе и – одна из немногих старых большевиков – благополучно пережила Террор. В хрущевские годы к ней относились с почтением, как к музейной редкости. Она дожила до брежневских времен и умерла в 1966-м.

148

Девятилетний сын одного московского большевика запомнил, как к его отцу пришел в гости кавказец. Отца дома не было, и гость ласково разговаривал с ребенком. Уходя, кавказец вдруг резко ударил мальчика по щеке и сказал: “Не плачь, мальчик! Запомни, сегодня с тобой разговаривал Сталин!” [возможно, тогда он назвал другое имя]. Когда мальчик рассказал об этом родителям, они были разгневаны и озадачены, но потом узнали, что у грузинских горцев был такой обычай: когда в дом к крестьянину приходил князь, крестьянин бил сына по щеке со словами: “Запомни этот день – у нас в доме был князь”.

149

Эту цитату Сталин использовал несколько раз, приписывая ее Уолту Уитмену. – *Прим. перев.*

150

Сталин клеймил режим “Николая последнего”. Император и императрица уже всецело доверяли сибирскому целителю и жрецу развратных оргий Григорию Распутину. Близость Распутина к августейшей чете стала причиной грандиозного скандала; это внушало отвращение и монархистам, и марксистам. Мало кто знал, что маленький наследник престола – царевич Алексей – страдал от гемофилии. Николай и Александра уверились в том, что лишь Распутин может останавливать кровотечения и облегчать страдания царевича. Постоянно сменявшиеся министры внутренних дел и начальники охранки устраивали слежку за Распутиным и собирали информацию о его оргиях, чтобы очернить его перед императором. Императрица все чаще судила о своих министрах по тому, как они относились к Распутину. Сталин писал о царе и его приближенных: “Разрушители добытых свобод, поклонники виселиц и расстрелов… воры-интенданты… грабители-полицейские, убийцы-охранники, развратники-Распутины”. “И как завершение картины – зверский расстрел сотен тружеников на Ленских приисках!”

151

Эту историю Сталин рассказывал Молотову по пути на Тегеранскую конференцию в 1943-м, а еще своему зятю Юрию Жданову. В Нарыме полицейский надзиратель увидел, что Сталина нет, но подождал еще день, не вернется ли он из Томска. Полиция доложила о побеге губернатору только 3 ноября – Сталин уже несколько недель был в Петербурге.

152

Предком баронессы был камергер Екатерины II Отто Штакельберг.

153

Красин в конце концов оставил политическую борьбу, но после революции Ленин приветствовал его возвращение в ряды большевиков и назначил сперва народным комиссаром торговли, промышленности и путей сообщения, затем послом в Лондон. Заморозка, бальзамирование и выставление на всеобщее обозрение тела Ленина в 1924 году – плод в частности инженерной мысли Красина. Сам Красин умер в 1926-м.

154

Камо вновь избежал петли: его спасла масштабная амнистия, объявленная в 1913 году Николаем II по случаю 300-летия дома Романовых. Камо пять лет просидел в тюрьме, дожил до освобождения, вновь встретился со Сталиным и творил невероятные зверства после революции (см. эпилог). Девушки из дружины – Аннета и Пация – умерли от туберкулеза, как и многие их подельники. К концу 1930-х в живых оставались только Александра Дарахвелидзе и Бачуа Куприашвили. Они оставили воспоминания.

В его статьях обнаруживаются циничные взгляды на дипломатию (он перефразирует Талейрана) и вера в “двоемыслие” (задолго до Оруэлла): “Когда буржуазные дипломаты готовят войну, они начинают усиленно кричать о “мире”… <…> У дипломата слова должны расходиться с делом, иначе какой же он дипломат? <…> Хорошие слова – маска для прикрытия скверных дел. Искренний дипломат – это сухая вода, деревянное железо”.

Муж Валентины, журналист Александр Лобов, в 1918-м был расстрелян как агент охранки. Валентина осталась свободна от подозрений, но в 1924-м скончалась от туберкулеза. Шотман, тесно сотрудничавший с Лениным и в 1920-х, был казнен Сталиным в 1939-м.

В советское время факт этой встречи с архиеретиками скрывался.

158

О двух поездках Сталина в Краков ходило много слухов. Он сам часто и по-разному рассказывал о переходе через границу. (Старый тиран рассказывал об этом, как и об эпизоде с голодным Лениным, своему молодому любимцу Юрию Жданову.) Могло ли это быть ложью? Сталин обычно преувеличивал, но не полностью выдумывал истории о себе, особенно если речь шла о такой известной поездке. Полную ложь он не произносил сам, а вплетал в тексты своих пропагандистов. Таким образом, маршрутом через Або он, видимо, он шел как минимум один раз. Шотман пишет, что организовал первую поездку; другие источники сообщают иное. Автор этой книги полагает, что Шотман имел касательство только к первой поездке, которую было время хорошо спланировать. На обдумывание второй поездки времени не было, так что Сталин и Валентина, скорее всего, рискнули и перешли границу тропой контрабандистов.

159

Эту историю Сталин рассказывал Станиславу Коту, польскому послу, на кремлевском банкете в декабре 1941-го.

160

Тифлисский друг Сталина Калинин не был выбран в ЦК, потому что его в то время подозревали в работе на охранку. Так большевики, которых предавал находившийся возле самого руля партии Малиновский, возводили напраслину на своего товарища.

161

Теперь здесь пансион “Шёнбрунн”. Интересно, что на здании сохранилась установленная в 1949 году памятная доска: “В этом доме в январе 1913 года жил И. В. Сталин. Здесь он написал свою важную работу “Марксизм и национальный вопрос”.

162

Здесь же в это время работал механиком Иосип Броз – будущий маршал Тито.

163

Дальнейшая судьба Елены характерна для кровосмесительных большевистских порядков: она развелась с Трояновским и завела роман с предателем Малиновским (так он, по крайней мере, утверждал). Елена вторично вышла замуж за видного большевика Николая Крыленко – члена первого ленинского правительства, позднее Верховного главнокомандующего Красной армии, затем генерального прокурора и, наконец, свирепого наркома юстиции. В годы Большого террора Крыленко расстреляли. К счастью для Елены, он ушел от нее в конце 1920-х – вероятно, это спасло ей жизнь: она пережила Террор, занималась тихой архивной работой и умерла в 1953-м своей смертью. Дочь Трояновских Галина вышла замуж за другого большевистского руководителя – члена сталинского Политбюро Валериана Куйбышева, бабника и пьяницу, который плохо с ней обращался. Сталин говорил, что, если бы он знал о пьяном распутстве Куйбышева, он бы вмешался. Подозрительная смерть Куйбышева от алкоголизма в 1935-м Сталина вполне устраивала. Нянька Ольга Вейланд стала аппаратчицей в Партии и Коминтерне. Она довольно рано ушла на покой и дожила до старости. Судьба Трояновского, несмотря на то что он ругал большевиков, сложилась совсем иначе (см. эпилог).

164

“Марксизм и национальный вопрос” – самая знаменитая работа Сталина. Он продолжал редактировать ее всю свою долгую жизнь. Это был ответ австрийским социалистам, которые предлагали, по словам Ленина, создать внутри партии “австрийскую федерацию”. Ленин, как всегда, мыслил практически и дальновидно, идеологически. Он боялся, что еврейские бундисты или грузинские меньшевики, выступавшие за культурную автономию или даже национальный сепаратизм, сделают партию и в конце концов Российскую империю неприспособленными для того, чтобы ими управляли большевики. Ему нужна была теория, предлагавшая идеал автономии и право на отделение, но не допускавшая их реального предоставления. И Ленин, и Сталин считали, что ничто не должно мешать созданию централизованного государства. Сталин определил нацию как “исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада”. Сталин спрашивал о евреях: “Что это… за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга… живут в разных частях земного шара… никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время?!” “Евреи ассимилируются”, потому что у них “нет связанного с землей широкого устойчивого слоя”. Сталин критиковал “австромарксизм” и идею национальной автономии, но допускал для Кавказа “областную автономию”. Право на отделение в теории предлагалось, но воспользоваться им на практике было нельзя. Статья была не слишком хорошо написана, но в ней была одна хитрость, воплотившаяся в жизнь, когда Сталин создал сеть республик, составивших СССР. Статья до сих пор не потеряла актуальности: после распада Советского Союза в 1991 году союзные республики, такие как Украина, Эстония и Грузия, получили независимость, а автономные, такие как Чечня, – нет.

165

“Солин” и “Сафин”, ранние варианты фамилии, – возможно, опечатки. “Соляной человек” – ничего общего с металлическим отливом итогового варианта. Когда в апреле 1912-го набирали “Звезду”, то, по воспоминаниям Веры Швейцер, “редакция однажды самовольно изменила подпись. На другой день, когда И. В. Сталин открыл “Звезду” и увидел подпись “Солин”, он улыбнулся: “Не люблю бессмысленных заимствованных подписей”. До января 1913-го он продолжал подписываться “К. Ст.”. “Индустриальную” фамилию взял не один Сталин: Розенфельд стал Каменевым (хотя для такого имени был чересчур мягок), а Скрябин – Молотовым. Была также мода заимствовать фамилии у тюремщиков: Бронштейн взял фамилию Троцкий у одного из своих надзирателей. Многие западные биографы утверждают, что “Сталин” – русификация “Джугашвили”. Это неверно: “джуга” ни по-грузински, ни по-осетински не означает “железо” или “сталь”.

Чертов остров – остров у побережья Французской Гвианы, где с 1852 по 1953 годы находилась тюрьма для опасных преступников. Побег оттуда считался особенно трудным. – *Прим. перев.*

167

Этот торговый центр был известен большим монастырем, в котором крестили местное коренное население. Настоятелем монастыря был Михаил Суслов – прадед и полный тезка советского партийного бонзы, серого кардинала брежневской эпохи, которого после Второй мировой войны привечал Сталин.

168

Свердлов ошибался: Курейки было две. Но их деревня лежала лишь немногим южнее полярного круга.

169

В 1942 году первый секретарь Красноярского обкома Константин Черненко, сделавший карьеру в годы Террора благодаря доносам и даже участию в расстрелах, поручил известному историку М. А. Москалеву побеседовать со знакомыми Сталина по Туруханску и составить льстивую книгу “И. В. Сталин в сибирской ссылке”. Черненко напечатал книгу и послал в Москву на утверждение. В конце концов, член Политбюро и глава тайной полиции Берия был обязан своим положением книге, где превозносил до небес героические свершения Сталина на Кавказе. Но на сей раз вышло иначе. Разыскания Черненко прогневили Сталина, хотя для нас, историков, это бесценный материал. Диктатор упорно шел к победе в войне; он знал, что в Курейке за ним не числилось славных подвигов – скорее наоборот. Стремясь к поклонению, он в то же время презирал такое отношение к себе. Вдобавок Москалев был евреем, а евреям Сталин доверял все меньше. Он позвонил Черненко и устроил ему выволочку. Книгу “зарезали”. Москалев был арестован во время антисемитской кампании, уже после Большого террора, но остался жив и в 1960-х стал одним из главных советских историков. Карьера Черненко застопорилась. Впрочем, угодничеством он нашел себе нового покровителя. Он долгое время был заведующим Общим отделом ЦК КПСС при Брежневе, стал членом Политбюро, а в 1984-м – советским лидером. Короткое правление этого бездарного старика символизировало моральный износ геронтократического Советского Союза. В 1985-м Черненко умер. Его преемником стал энергичный реформатор Михаил Горбачев.

Слово “индивидуалист” у марксистов было ругательным: большевики должны были подчинять индивидуальное коллективному.

171

Как и в случае Азефа, правда о Малиновском, прозвучавшая в Думе, потрясла политическую элиту. Это подорвало доверие не только к охранке, но и к Думе, императору и самому государству. Одной из первых Малиновского обвинила в предательстве Елена Трояновская (Розмирович), хозяйка Сталина в Вене, ставшая секретарем думских депутатов-большевиков. Но предатель убедил всех, что это месть бывшей любовницы. Когда Малиновский во время Первой мировой войны попал в плен к немцам, Ленин посылал ему одежду. Но, когда после революции Ленину предъявили свидетельства, он изменил свое мнение: “Какая свинья, расстрелять его мало”. Малиновского допросили в ноябре 1918-го; занятно, что прокурором был муж Елены Розмирович Николай Крыленко, а председателем трибунала – сама Елена. Малиновского расстреляли.

Монтефиоре приводит здесь слова этой песни, взятые из других воспоминаний:

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро берегу, берегу,
Гадай, гадай, девица,
Отгадай, красавица,
Через поле едучи,
Русу косу плетучи,
Золоты волосы развеваючи.

В воспоминаниях А. М. Тарасеева текст песни немного отличается; так, после строки “Русу косу плетучи” следует: “Упал, упал перстень / В красную смородину. / Кумушки, голубушки, / Вы скажите, не утайте, / Мое золото отдайте”. – *Прим. перев.*

173

Многие годы ходили слухи о том, что в Туруханске Сталин изнасиловал или соблазнил девочку и она родила от него ребенка. Впервые об этом написал Эссад-бей в биографии 1931 года. По словам Светланы Аллилуевой, она знала от своих теток, что у Сталина в ссылке родился сын. Такие рассказы появлялись в биографиях и сенсационных статьях, но казались невероятными, антисталинской пропагандой. Но служебная записка генерала Серова от 18 июля 1958 года Хрущеву и Политбюро подтверждает слухи. Серов, матерый сталинист из тайной полиции, вовремя сообразил отмежеваться от Берии и примкнуть к Хрущеву. После смерти Сталина он способствовал Хрущеву в аресте и казни Берии. Серов стал первым главой КГБ – нового варианта тайной полиции. Его записка была зачитана в секретной обстановке на заседании Политбюро и подписана всеми старыми соратниками Сталина. Затем ее поместили в “особую папку” под гриф “Совершенно секретно”.

Формально возраст сексуального согласия в России и европейских частях империи наступал в четырнадцать лет. Но Сибирь не Европа. Кроме того, в дореволюционных законах не было четкого определения изнасилования: для полиции это было такое же преступление “против женской чести”, как и посягательство на крепостных отца девушки. Согласие соблазнителя жениться и обмен брачными клятвами считались достойным выходом из неловкой ситуации.

175

Эти денежные переводы вызывали у историков определенные подозрения, но суммы были слишком незначительными для жалованья агента охранки. Частично это были выплаты, положенные членам ЦК; как мы знаем, Свердлов получал гораздо больше. Тем не менее в 1938 году, во время Большого террора, этими сведениями попытался воспользоваться начальник сталинской тайной полиции – “кровавый карлик” Николай Ежов, ближайший приспешник Сталина, руководивший убийством более чем миллиона ни в чем не повинных людей, – когда начал понимать, что вскоре избавятся и от него. Ежов, который силился в пьянстве и разврате забыть о казнях и пытках, собрал компрометирующие материалы о своем хозяине и конкурентах – Берии, Георгии Маленкове и Хрущеве; он считал, что эти материалы обеспечат ему безопасность. Он нашел информацию о десяти денежных переводах на имя Сталина и хранил их в своем сейфе. Но никаких серьезных улик здесь нет. Три перевода – из Гори, от матери или от Эгнаташвили. Остальные семь – из Москвы и Петербурга; с ними общая сумма – 100 рублей (в основном переводы по 10 рублей, хотя были два покрупнее – по 25). Ежова все это не спасло: в 1938-м он был отправлен в отставку, в 1940-м – расстрелян. Любопытно, что Сталин не потрудился уничтожить ордеры – они были подшиты к документам Ежова, где их и обнаружил профессор Арч Гетти – он любезно показал их мне. Историю взлета и падения Ежова см. в кн. “Сталин. Двор Красного монарха”.

176

Незадолго до этого рассказа пожилой Сталин совершил такую же ошибку, как вице-президент США Дик Чейни в 2006 году: показывая, как он умеет стрелять, он чуть не подстрелил члена Политбюро Анастаса Микояна и ранил дробью двоих его охранников. Берия и Хрущев в послевоенные годы уже начинали ненавидеть дряхлеющего диктатора и смеялись над ним. Историю об охотничьем подвиге они слышали от Сталина не раз. Они в нее не верили. “Когда уходили и… заходили в туалет, то там буквально плевались: за зимний день он прошел 12 верст, убил 12 куропаток; вернулся – вот еще 12 верст; взял патроны, опять прошел 12 верст, снова застрелил куропаток – и назад. Это будет 48 километров на лыжах. [48 верст – примерно 51 километр]. Берия говорил мне: “Слюшай, как мог кавказский человек, который на лыжах очень мало ходил, столько пройти? Ну, брешет!” Хрущев соглашался: “У нас ни у кого не было сомнения в этом. <…> Потом я узнал, что Сталин, собственно говоря, и стрелять-то толком не умеет”. В 1920-х и 1930-х Сталин, когда уходил в отпуск, с удовольствием охотился, хотя и считал это пустой тратой времени.

177

Когда в 1942 году Красной армии не удалось отвоевать Харьков, Сталин заставил Хрущева понервничать. Он сказал: “Вот в Первую мировую войну, когда одна наша армия попала в окружение в Восточной Пруссии, командующий соседней армией, удравший в тыл, был отдан под суд. Его судили и повесили”.

178

В 1930-м Мерзлякова обвинили в кулачестве. Сталин, объявивший войну крестьянству, намеревался ликвидировать кулаков. Мерзляков обратился к Сталину: “Я считаю, Вы меня не забыли, какой я был”. Сталин направил письмо в сельсовет: “Михаила Мерзлякова знаю по месту ссылки в селе Курейке… где он был в 1914–1916 гг. стражником. У него было тогда одно-единственное задание от пристава – наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно поэтому, что в “дружеских” отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее я должен засвидетельствовать, что, если мои отношения с ним не были “дружескими”, они не были и враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил… сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые “указания”… Все это я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами. Так обстояло дело в 1914–1916 гг., когда М. Мерзляков… выгодно отличался от других полицейских”.

179

Сталин – в лихо заломленной любимой черной шляпе – стоит, как обычно, в центре заднего ряда, по сторонам – Спандарян и Каменев. Свердлов также в заднем ряду, а в переднем, на полу, сидит маленький сын Свердлова Андрей, один из главных следователей и палачей сталинского НКВД.

Сталин повторял это и в начале 1920-х. Каменев называл это “теорией сладкой мести” Сталина (после того как диктатор в середине 1920-х нанес ему поражение). Но ни теорию, ни самого Сталина он не принимал всерьез, пока не стало слишком поздно.

181

Спандаряну позволили переехать в Красноярск в августе, но было уже поздно. Сталин спрашивал о своем друге, но письма затерялись.

182

Вероятно, за самоуправство Сталина был наказан не только Федор. Автор получил письмо от миссис Евы Перинс из Даунхэм-Маркета (графство Норфолк). Она пишет, что ее прабабка, ссыльная Ефиния Нагорнова, сидела в красноярской тюрьме за то, что “укрывала Сталина”. Если это правда, то, видимо, речь именно о летнем побеге.

183

Некоторые туруханские друзья Сталина поддерживали с ним связь. В. Г. Соломин обратился к нему за помощью, припомнив, как поймал для Сталина и Свердлова огромного осетра. “Тов. Соломин, – ответил Сталин 5 марта 1947 года. – Посылаю Вам из моего депутатского жалованья шесть тысяч рублей. Эта сумма не так велика, но все же Вам пригодится. Желаю Вам здоровья. И. Сталин”. Молотов вспоминал, что Сталин и в старости любил есть мороженую сырую рыбу, как в Туруханске. В 1934-м в любовном гнездышке Сталина – избе Перепрыгиных – был основан Музей Сталина. К его официальному семидесятилетнему юбилею музей превратился в павильон с колоннами; изба сохранялась внутри павильона под стеклянным колпаком. Рядом установили огромную статую Сталина. Выше по Енисею велась добыча и плавка никеля. Сталин основал в этих местах большой город (или, скорее, гулаговскую тюрьму). В 1949 году он приказал построить Трансполярную железнодорожную магистраль и порт; за ходом строительства он следил лично. На этой стройке в чудовищных условиях трудилось 200 000 заключенных, многие умирали. “Мертвая дорога” так и не была достроена. В 1961 году, во время десталинизации, музей разрушили, статую сбросили под лед, изба сгорела. Сегодня главная достопримечательность этой некогда пустынной местности – плотина гидроэлектростанции, питающей “Норильский никель” – многомиллиардную компанию, возглавляемую одним из российских олигархов. О судьбе сибирской любовницы и сына Сталина см. в эпилоге.

Митингов проходило так много – днем и ночью, на каждом углу, – что в легко приспособляющемся к реальности русском языке появился глагол “митинговать” (точно так же в дни другой революции, в 1991-м, в русский язык вошло слово “хэппенинг”, описывавшее дикости новой свободы).

185

Еще 26 февраля Шляпников заявил: “Революции нет и не будет”. Но, когда революция случилась, они с Молотовым смогли возобновить выпуск “Правды”. Молотов стал членом исполнительного комитета. Он вспоминал: “Мне пришлось выступать против Керенского. <…> Ленина не было, и нам пришлось руководить самим”.

186

Кшесинская была изящной польской балериной, первой и единственной настоящей любовницей Николая II в то время, когда он был наследником престола. Он питал к ней сильные чувства. Полюбив Алису Гессенскую, которая стала императрицей Александрой, Николай по-прежнему поддерживал Кшесинскую и добился того, что она сделалась примой Мариинского театра. Затем Кшесинская стала участницей августейшего любовного треугольника с двумя Романовыми – великими князьями Сергеем и Андреем. Благодаря романам с императором и великими князьями и блестящей сценической карьере, построенной на благосклонности императора, Кшесинская обладала большой коллекцией бриллиантов и несколькими поместьями; кульминацией стало строительство особняка в модернистском стиле – с паркетными полами, хрустальными канделябрами, огромными зеркалами. В белом зале стояли мраморные столы и софы с ножками, инкрустированными бронзой; стены были покрыты дамастом, висели бархатные портьеры. В небольшой гостиной в стиле Людовика XVI стены были обиты желтым шелком, а беломраморная умывальная комната с вкраплениями голубой и серебристой мозаики и утопленной ванной "напоминала греческий бассейн". По городу ходил скабрезный стишок о том, что Кшесинская "ног не жалея, дотанцевалась до дворца". Сейчас в особняке Государственный музей политической истории России.

187

17 марта в статье “О войне” Сталин призывал всего лишь к “давлению на Временное правительство”, чтобы оно прекратило войну, а Ленин уже требовал его свержения. Сталин не нападал на меньшевиков, он искал союза с теми, кто, как и он, верил в оборонительную войну. Он хотел, чтобы Совет доминировал над Временным правительством, и предлагал срочно созвать Учредительное собрание. С одной стороны, он говорил только о “давлении” на правительство; с другой, когда меньшевики и большевики провели совместные дебаты о Временном правительстве, заклеймил его как орган элиты, попросту сменивший одного царя другим. Он все еще был примиренцем – и говорил об этом на партийной конференции в конце марта, прошедшей в особняке Кшесинской и Таврическом дворце.

Большевичка вольных нравов Александра Коллонтай незадолго до этого передала гневные ленинские “Письма издалека” отступникам Сталину и Каменеву. Даже когда Старик уже ехал в Россию, Сталин сокращал или не принимал к печати его статьи, критикуя их за отсутствие фактов. Ленин призывал к немедленному захвату власти и не трудился объяснить, почему он решил перескочить через первый формальный этап марксистского развития сразу ко второму – “переходу к социализму”.

Отказ Ленина от радикальных мер приблизил его к часто обличаемой политике Сталина. Сталин понимал, что ленинские призывы к “европейской гражданской войне” чрезмерны, разговоры о диктатуре неблагоразумны, а требование национализации земли не учитывает чаяний крестьян. Ленин, приспосабливаясь к реальным запросам российской политики, постепенно смягчил свои требования в публичных выступлениях.

Эти “провинциалы” были матерыми комитетчиками. Они ненавидели Троцкого и впоследствии сделались сталинистами: многие из них были дружны со Сталиным еще на Кавказе. Эти большевики-практики отлично знали о недостатках Сталина, но с ним у них было куда больше общего, чем с Зиновьевым или Троцким. Здесь был восторженный Серго, красивый Шаумян, светловолосый повеса Енукидзе, веселый бывший лакей Калинин и Ворошилов. Но многие кавказцы, особенно меньшевики, терпеть не могли Сталина. У него были на Кавказе и критики-большевики. Махарадзе и Джапаридзе – старые товарищи из Тифлиса и Баку – резко возражали против того, что говорил Сталин о кавказских народах на апрельской конференции. Возражал и поляк Феликс Дзержинский. Впрочем, Сталин подружился с Дзержинским, основателем советской тайной полиции, – может быть потому, что поляки и грузины считали себя гордыми народами, которые подчинила себе Россия. И Сталин, и Дзержинский готовились стать священниками, писали стихи, были одержимы мыслями о верности и предательстве. Оба прекрасно разбирались в работе тайной полиции. Обоих подавляли властные матери и обижали отцы. Оба были кошмарными родителями, оба – фанатичными одиночками. Даже удивительно, что настолько схожие люди стали союзниками.

Большевистская боевая организация проигнорировала предупреждение Ленина: таким образом, большевики еще не представляли собой организованную силу под руководством одного лидера. Напротив, движение было недисциплинированным и разрозненным. Пройдет еще много лет, прежде чем оно станет монолитной, рабски преданной партией Сталина.

192

Кое-кто проник во дворец, где заседал осажденный Совет, не желавший взять власть. Матросы схватили Чернова – тщедушного лидера эсеров – и хотели его линчевать. Его спас Троцкий. Он вскочил на капот автомобиля, произнес перед матросами блистательную речь и вызволил перепуганного политика.

193

Бакинский подручный Сталина – меньшевик Вышинский – был при Керенском комиссаром милиции Якиманского района Москвы и подписывал ордера на арест большевистских руководителей, в том числе Ленина. После Октября Вышинский перешел к большевикам. Из-за постыдного эпизода службы у Керенского он был по-собачьи предан Сталину, которому был обязан жизнью.

194

В 1930-е Емельянова арестовали. За него, видимо, ходатайствовала Крупская. До смерти Сталина Емельянов вместе со всей своей семьей находился в заключении.

Так у Сталина появился первый полувоенный френч – вероятно, подобный облик он позаимствовал у Керенского, который стал считать себя российским Наполеоном. Тщеславный премьер отныне не расставался с военной формой, сапогами и френчем, хотя военным никогда не был. Сталин будет носить френч всю оставшуюся жизнь, а голову будет покрывать “рабочей” кепкой. Ленин больше уже не носил шляпу-хомбург: ему тоже стали нравиться кепки. В годы Гражданской войны так называемый партийный френч, кожаная кепка, пальто, сапоги и маузер составят негласную большевистскую униформу. Она станет символом воинственной природы большевиков.

196

Тем летом разразился еще один занимательный партийный скандал: Каменева обвинили в том, что он был агентом охранки. ЦК попросил Сталина проинформировать исполком Совета. 30 августа с Каменева сняли обвинения.

197

После июльского унижения Совет выехал из Таврического дворца и занял другое неоклассическое здание по соседству – Смольный институт, построенный по приказу Екатерины Великой, которая учредила в нем пансион для благородных девиц. Штаб-квартиры всех партий, в том числе большевиков, расположились теперь здесь. Именно из Смольного Зиновьев, а после его падения в 1926-м – Сергей Киров управляли Ленинградом. Здесь в 1934-м Киров был убит. Это преступление – неизвестно, организованное Сталиным или нет, – дало повод для Большого террора. Во время блокады Ленинграда городом также управляли из Смольного. Сейчас в здании находится рабочее место губернатора Санкт-Петербурга.

198

Еще одно “примиренческое” движение Сталина в сторону Каменева: Сталин инстинктивно “балансировал” между Лениным и Троцким с одной стороны и умеренными партийцами с другой. В ходе борьбы за место преемника Ленина это воздалось ему сторицей.

199

На эту статью, вышедшую 20 октября, редко ссылаются. Ее название – библейская цитата: “Окружили мя тельцы мнози тучны”. В ней Сталин будто предупреждает, как он и партия в новой России будут относиться к интеллигенции и знаменитым художникам. Максим Горький, долгое время поддерживавший и спонсировавший большевиков, теперь возражал им со словами: “Нельзя молчать”. Сталин высмеивал “перепуганных неврастеников”: “…поистине: “окружили мя тельцы мнози тучны”… угрожая и умоляя…” Далее Сталин давал “наш ответ”: “теперь вообще все загоготали в отечественном болоте интеллигентской растерянности. <…> Революция… не склонялась перед “громкими именами”, брала их на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее”.

Троцкий предпочитал комплектовать ВРК, организованный 9 октября, кадрами, которые он незадолго до этого привел в партию: пример – Антонов-Овсеенко. Свердлов и Дзержинский входили в ВРК, почему же не позвали Сталина? Возможно, что Свердлов не пригласил Сталина из-за августовского конфликта с Военной организацией – или попросту из-за всем известной его грубости. Но, вероятнее всего, Сталин был просто слишком занят газетными делами и сообщением с Лениным: и то и другое было жизненно важно. Что касается Центра, в котором состоял Сталин, ни одного его собрания так и не прошло. Несмотря на это, сталинская пропаганда утверждала, что этот орган как раз и был действительным центром революции.

201

Сталин заявил: “В ВРК имеются два течения: 1) немедленное восстание, 2) сосредоточить вначале силы. ЦК… присоединился ко 2-му”.

202

Ранее Джон Рид наблюдал, как в Смольный не пускали Троцкого:

– Вы меня знаете. Моя фамилия Троцкий.

– Прохода нет, никаких я фамилий не знаю.

– Да я председатель Петроградского совета.

– Ну, уж если вы такое важное лицо, так должна же у вас быть хотя бы маленькая бумажка, – отрезал страж. Он позвал столь же озадаченного разводящего.

– Троцкий… Слышал я где-то это имя… Ну ладно, проходите, товарищ.

203

Молодые лидеры, например Молотов и Дзержинский, отправились на задания: Молотов, в сопровождении отряда красногвардейцев, получил приказ арестовать редакторов эсеровской газеты, а после них – контрреволюционную группу меньшевиков, собравшихся в Священном Синоде.

204

Советский Союз стал империей абрревиатур: “народные комиссары” превратились в “наркомов”, Совет народных коммисаров – в Совнарком, его председатель (фактически премьер-министр; эту должность занимали Ленин, Рыков, Молотов и Сталин) получит название “предсовнарком”.

205

Сталин переманивал не одного только Сагирашвили. Большевик, перешедший в меньшевики, офицер-дворянин Александр Трояновский, с которым Сталин жил в Вене, однажды шел по улице, и вдруг кто-то закрыл ему глаза руками. “Ты с нами или против нас?” – спросил Сталин.

Голова идет кругом (*нем.*).

207

Как ни странно, Ленин сделал Каменева первым формальным главой большевистского государства, поставив его во главе Центрального исполнительного комитета. Впрочем, на этой должности Каменев пробыл лишь несколько дней, его сменил Свердлов.

208

При первой публикации в 1922 году в воспоминаниях Пестковского говорилось о сталинском бормотании и угрюмости. Во второй публикации 1930 года всего этого, конечно, не было.

209

Эта цитата, часто приписываемая Троцкому, неточна. В книге “Терроризм и коммунизм” Троцкий пишет: “Что касается нас, то никогда мы не занимались кантиански-поповской, вегетариански-квакерской болтовней о “святости человеческой жизни”. – *Прим. перев.*

210

До сих пор многие считают, что сталинизм был искажением ленинизма. Но этому противоречит то, чт в первые месяцы после Октября Ленин и Сталин были неразлучны. В следующие пять лет Ленин “выдвигал” Сталина куда только можно. Ленин единолично привел большевиков к безумному кровопролитию – его приказы недавно были найдены в архивах и опубликованы в книге Ричарда Пайпса “Неизвестный Ленин”. Он знал, что делал, продвигая Сталина, хоть и понимал, что “этот повар будет готовить только острые блюда”. Сталинизм был не искажением, а развитием ленинизма.

211

Позже Троцкий утверждал, что Сталин добился власти, будучи “посредственностью бюрократии”. Но на самом деле партийной машинерией заведовал Яков Свердлов, а помогала ему Елена Стасова. Сталин вовсе не был прирожденным бюрократом. Он был работником, занятым исключительно политикой. Все связанное со Сталиным имело отношение к политике, но работал он эксцентрично, бессистемно, небюрократично, почти по-богемному. Такой стиль руководства не был бы успешен ни в каком другом правительстве, ни тогдашнем, ни теперешнем. Сталин завоевывал доверие Ленина ограблениями банков и интригами в ранние годы партии, а позднее – на полях сражений Гражданской войны. До 1920 года Сталин почти не сидел в кабинете.

212

Александра Коллонтай всегда относилась к Сталину со старорежимной учтивостью. Она была советским послом в Швеции, умерла своей смертью. Дыбенко был расстрелян в 1938 году.

213

Василий – один из партийных псевдонимов Сталина. Получается, что он назвал сына в свою честь.

Галина Джугашвили умерла в 2007 году. – *Прим. перев.*

215

Воспоминания Суховой остаются неопубликованными. Наташа Киртава и Алваси Талаквадзе стали партийными работницами в Батуми и дожили до старости, окруженные почетом из-за дружбы со Сталиным. Стефания Петровская, бакинская невеста Сталина, осталась в партии. В 1932–1933 годах она была вовлечена в “дело Слепкова”. Слепкова пощадили в 1932-м, а в 1937-м расстреляли; судьба Стефании неизвестна. Серафима Хорошенина, вологодская подруга Сталина, дожила до 1930-х и написала воспоминания. Дальнейшая ее судьба также неизвестна.

216

Из-за Грузии Сталин поссорился с Лениным. Меньшевистская Грузия получила независимость в 1918 году. Старик был согласен оставить Грузию в покое, но в 1921-м Сталин и Серго Орджоникидзе организовали успешное вторжение. Бравый и безжалостный Серго с триумфом въехал в Тифлис на белом коне, но скоро, жестоко подчинив страну большевикам, заслужил прозвище Сталинский Ишак. Когда пришло время определить статус Грузии, Сталин настаивал на том, что она должна войти в Закавказскую федерацию, но местные большевики во главе с колоритным Мдивани и мечтателем Махарадзе, не одно десятилетие знакомыми со Сталиным, потребовали, чтобы Грузия стала отдельной республикой. Между сталинистами и так называемыми уклонистами разгорелась ссора, и Серго ударил одного из оппонентов. Это возмутило Ленина, и он поддержал грузинских большевиков, а не Сталина и Серго. После этого Сталин оскорбил жену Ленина Крупскую. Ленин написал свое “Завещание”, в котором рекомендовал снять Сталина с поста генсека. Но было поздно: Ленина настигло новое кровоизлияние. Сталин уцелел.

217

Судьбы меньшевиков сложились странно и по-разному. Карло Чхеидзе, как мы уже увидели, после Февральской революции стал самым могущественным человеком в России – главой Петроградского совета, а другой грузинский меньшевик, Ираклий Церетели, летом 1917-го стал влиятельным российским министром. Но, когда большевики пришли к власти, Чхеидзе, Жордания, Церетели и Ной Рамишвили сделались вождями независимой Грузии. После вторжения большевиков они сумели бежать за границу. Чхеидзе покончил с собой в 1926-м, Рамишвили был убит в Париже в 1930-м. Жордания, Уратадзе, Арсенидзе, Сагирашвили и Николаевский остались живы и написали в эмиграции воспоминания. Суханов, назвавший Сталина “серым пятном”, был расстрелян в 1940 году.

218

Цинцадзе в 1921-м устроился в грузинскую ЧК. Он написал свои воспоминания в то же время, что и Камо, но они гораздо осторожнее. Цинцадзе входил в “уклонистскую” оппозицию, и его уволили. Он был арестован как троцкист и умер в тюрьме от туберкулеза в 1930 году.

219

Эгнаташвили знали Берию с 1918 года, когда он в Баку был двойным агентом большевиков в азербайджанской партии “Мусават” (или наоборот). Когда Берия заболел, семья Эгнаташвили ухаживала за земляком. Став наместником Сталина на Кавказе, а затем главой НКВД, Берия пытался удержать монополию на влияние на регион и распространение там информации. Но Эгнаташвили не зависели от Берии. Саша Эгнаташвили впоследствии служил в охране Сталина под началом генерала Власика, который тоже был для Берии недосягаем – эту ситуацию Берия постоянно хотел исправить. После Второй мировой войны Берия обвинил Власика в коррупции: якобы он продавал в огромных количествах продукты, приготовленные на Базе для Сталина. Власик в свою очередь обвинил в коррупции Берию и сумел остаться невредим. Но, вероятно, обвинения затронули Эгнаташвили, который заведовал Базой. Поединок между Берией и Власиком за командование охраной длился до смерти Сталина. Эта история вполне типична. После самоубийства Нади Сталин не доверял женам своих приближенных. Красивые молодые жены сталинского секретаря Александра Поскребышева и сталинского выдвиженца маршала Кулика были расстреляны. Жен номинального главы государства Калинина и министра иностранных дел Молотова арестовали. Но все мужья продолжали беспрекословно и преданно служить Сталину. См. в кн. “Сталин. Двор Красного монарха”

220

Миха Цхакая, старец, помогавший Сталину и защищавший его, затем стал в оппозицию к Ленину и уехал в Женеву; вернулся в Россию, остался в живых, был окружен почетом как старый большевик и умер в 1950-м в своей постели. Каким-то непостижимым образом жизнь была сохранена Махарадзе. Степан Шаумян, деливший со Сталиным комнату в Лондоне, работавший с ним во время тифлисского ограбления и потом в Баку, стал жестоким предводителем Бакинской коммуны: он руководил убийством около 15 000 азербайджанцев. Затем он был свергнут и расстрелян белыми и англичанами в числе знаменитых 26 комиссаров. Сталин усыновил сына Шаумяна Левона – мальчик вырос в его семье. Сибирский сосед Сталина и номинальный глава Советского государства Яков Свердлов умер в 1919 году от гриппа.

221

Его жена-еврейка Полина тоже была верной сталинисткой. Она стала заместителем комиссара, но ее феминистские взгляды раздражали Сталина, а ее дружбы с Надей он не одобрял. Он едва не погубил ее в 1939-м – собирался подстроить автокатастрофу. В 1949-м он заставил Молотова проголосовать за ее арест. См. подробнее в кн. “Сталин. Двор Красного монарха”.

222

Речь идет об английском издании. В настоящем издании стихи Сталина цитируются в русских переводах, авторство которых не указано, по изданию: Сталин И. В. *Сочинения.* Т. 17. Тверь, 2004. С. 1–6. – *Прим. перев.*

223

В настоящее время руководство РГАСПИ сменилось. Переводчик этой книги также считает своим приятным долгом принести благодарность дирекции и сотрудникам РГАСПИ Андрею Сорокину, Галине Горской, Ирине Селезневой, Михаилу Страхову. – *Прим. перев.*

Главный герой популярных детских книг и мультфильмов Уилберта и Кристофера Одри. – *Прим. перев.*

Воспоминания Кеке уже опубликованы по-русски. (*Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили*. М., 2013. – *Прим. ред.*)

В тех случаях, когда цитируемые англоязычные источники существуют в русском оригинале, мы стараемся ссылаться на русские оригиналы. В тех случаях, когда цитируемые англоязычные источники существуют в русском переводе, мы ссылаемся на русский перевод в скобках. – *Прим. перев.*

227

Подпись “Сталин” есть и под статьей от 15 апреля 1912 года. – *Прим. перев*.

Исключены переводные издания, не имеющие существенных расхождений с русскими оригиналами, и часть оригиналов изданий, переведенных на русский язык. – *Прим. перев.*